

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Эпоха
социалистической реконструкции:
идеи, мифы и программы
социальных преобразований

Сборник научных трудов

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

УДК 94(470)“19”
ББК ТЗ(2)61
Э723

Издание поддержано грантом РФФ (проект № 16-18-10106
«Раннесоветское общество как социальный проект:
идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»)

Редакционная коллегия:

О. В. Горбачев, доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор);
Л. Н. Мазур, доктор исторических наук, профессор (главный редактор);
О. С. Поршнева, доктор исторических наук, профессор;
К. Д. Бугров, кандидат исторических наук, доцент;
А. П. Килин, кандидат исторических наук, доцент;
О. М. Семерикова, кандидат исторических наук;
Т. В. Соловьева, старший преподаватель

Рецензенты:

А. А. Сальникова, доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории Казанского федерального университета;

Сектор аграрной истории Института истории СО РАН
(заведующий сектором, доктор исторических наук *В. А. Ильиных*)

**Эпоха социалистической реконструкции : идеи, мифы
Э723 и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. /**
гл. редактор Л. Н. Мазур ; М-во образования и науки Рос. Фе-
дерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та,
2017. – 754 с.

ISBN 978-5-7996-2273-2

В сборнике представлены статьи, посвященные различным аспектам советского проекта и его реализации. Большое внимание уделено идеям и мифам социалистической реконструкции, программам социальных преобразований в политической, экономической, культурной сферах, технологиям и механизмам реализации задач социалистического строительства.

УДК 94(47).084
ББК 63.3(2)61

На обложке:

Александр Хвостенко-Хвостов. Эскиз декораций к «Мистерии-буфф». 1921.
Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революция 1917 г. в России, столетие которой отмечается в этом году, положила начало новому государству и обществу. Преобразования проводились под лозунгами справедливости, равенства и братства, но в конечном счете привели к появлению жесткой тоталитарной системы с новыми формами неравенства и эксплуатации.

Почему так произошло? Что в наибольшей степени предопределило конечный результат: цивилизационные особенности России, несостоятельность революционных идей и программ, реальная политика большевистского руководства либо текущая социально-политическая обстановка? В качестве одного из объяснений перерождения советского проекта часто приводят тезис о его изначальной утопичности как о чем-то совершенно очевидном. Между тем корни подобных оценок восходят скорее к политике, нежели к исторической науке. Сейчас, когда после распада СССР прошло уже достаточно времени, есть смысл по-новому оценить значение фактора общественного сознания в Русской революции. Как большевистская идея соотносилась с мироощущением российского общества? Насколько далеко ушли преобразователи от своих первоначальных представлений? В какой степени большевики и управляемые ими массы несут ответственность за наступление сталинского тоталитаризма?

Ответы на эти и многие другие вопросы была призвана дать конференция, проведенная в Уральском федеральном университете 8–10 сентября 2017 г. в рамках реализации проекта «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования» (проект № 16-18-10106, поддержанный грантом Российского научного фонда, руководитель – Л. Н. Мазур)¹. Организаторы конференции предложили обсудить когнитивный потенциал теории социального проектирования для интерпретации событий советской истории, прежде всего процессов становления и развития раннесоветского общества. Исторический проект строительства социализма в России охватил в общей сложности более двадцати лет и прошел несколько стадий, различав-

¹ Материалы международного научного семинара по той же проблематике, организованного в 2016 г., см. в книге: 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. трудов / под ред. О. С. Поршневой. Екатеринбург, 2016.

шихся целями, механизмами реализации идей и результатами: от радикальной модели (военный коммунизм) к переходной/нэповской (многоукладное общество) и тоталитарной модели (советское общество).

Изучение революционных и постреволюционных процессов в контексте теории социального проектирования фокусирует внимание исследователей на субъективном факторе и позволяет охарактеризовать его роль, влияние на направленность и динамику, а в некоторых случаях на природу исторических процессов. Субъектами социального проектирования были прежде всего власть и партийные идеологи, но значимой фигурой был простой человек – носитель массового сознания, мифов и представлений об обществе социальной справедливости и методах его построения. Процесс трансформации идей в мифы и конвертации их в конкретные управленческие решения и программы выступил в качестве основной темы научной дискуссии на конференции.

Предлагаемый вниманию читателей сборник научных трудов участников конференции включает в себя девять разделов.

В **первом** разделе – «Конструирование советской реальности: оценки, мнения, суждения» – собраны разнообразные точки зрения на большевистский переворот и его последствия, от эмоциональных суждений современников до взглядов современных историков. Авторы этого раздела стремились показать, что революционное мировоззрение большевиков в большой степени зависело от распространенных в обществе социальных теорий и утопий – политических, литературных, народных. Первые отклики на результаты большевистского эксперимента в России и за рубежом помогают понять его значение в контексте страхов и ожиданий людей, еще не успевших забыть ужасы мировой войны.

Второй раздел – «Голоса истории: от источника к интерпретации» – посвящен документам первых лет советского строительства, забытым, либо недооцененным исследователями. Речь идет о материалах Всероссийской партийной переписи 1922 г., некрологах, советских и зарубежных печатных изданиях 1920-х гг.

В следующих разделах сборника анализируются различные аспекты советского проекта с точки зрения заявленных целей и полученных результатов.

Советские политические реалии рассматриваются в **третьем** разделе – «Вся власть Советам? Утопии народовластиа и реалии государственного строительства».

Четвертый раздел – «Экономика в эпоху социалистической реконструкции: между коммунной и рынком» – демонстрирует, как ранние уто-

пические представления в сфере экономики вытеснялись более прагматическими. Показана эволюция понятий «коммуна» и «кооперация», анализируется судьба раннесоветских проектов, в том числе плана ГОЭЛРО.

Самостоятельным объектом исследования авторов сборника стал концепт «социалистического города» в связи с интенсивной урбанизацией 1920-х – начала 1930-х годов (**пятый** раздел – «Город как объект и пространство социального конструирования»).

Важнейшее место в планах большевиков с точки зрения задачи формирования человека будущего занимала идея «культурной революции». Ряд статей **шестого** раздела сборника («Культурная революция как социальный проект») посвящен реалиям развития науки и культуры двух первых советских десятилетий.

Для оценки качества советского социального конструирования было необходимо оценить состояние общества и динамику изменений в разных социальных группах. Этим проблемам посвящен очень важный **седьмой** раздел – «Советское общество в социальном измерении: реструктуризация, трансформация и мобильность».

Пространственные аспекты большевистского реформирования, идеология территориального освоения рассмотрены в **восьмом** разделе – «От Москвы до самых до окраин»: символы и способы освоения советского пространства».

Наконец, **девятый** раздел содержит статьи, представляющие человеческое измерение социального инжиниринга и в большой степени позволяющие оценить результаты большевистского эксперимента – «Новый человек»: проект и процесс конструирования».

Очень надеемся, что представленный сборник, ряд текстов которого носят дискуссионный характер, в конечном счете будет способствовать углублению знаний об истоках, характере и результатах советского проекта, о возможностях и ограничениях планов изменения социальной реальности, внесет вклад в понимание пути развития российского общества в XX веке.

*Олег Горбачев,
Людмила Мазур*

Раздел 1
КОНСТРУИРОВАНИЕ
СОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ОЦЕНКИ, МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ

УДК 94(47).084.3/.084.6:316.4

О. С. Поршнева

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК КОМПОНЕНТ
РЕВОЛЮЦИОННОГО СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА:
КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В статье рассматриваются основные направления изучения в современной историографии проблемы формирования «нового человека» в раннесоветском обществе. Характеризуются исследования, рассматривающие доктринальные, дискурсивные, а также прагматические аспекты проблемы. Подчеркивается распространение подхода к анализу феномена как компонента революционного советского проекта с учетом природы и особенностей социального проектирования и социального инжиниринга в раннесоветский период. Показана тенденция к осмыслению советского проекта по созданию «нового человека» в общеевропейском контексте как одного из вариантов социального конструирования эпохи «модернити». Рассмотрены работы, характеризующие реальные процессы трансформации сознания и поведения советских людей, акцентированы историко-научные проблемы и значимые выводы данных исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историография, раннесоветское общество, новый человек, социальное проектирование, социальный инжиниринг, сознание, поведение.

Задача переделки сознания, поведения, образа жизни и всего облика человека была важной составляющей большевистского проекта по созданию нового мира. Она являлась в определенном смысле центральной,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

рассматривалась как конечная цель преобразований, поскольку всестороннее, свободное развитие человека, согласно марксизму, являлось высшей целью коммунистического общества [Маркс, Энгельс, с. 447]. Главным условием преобразования человека считалась коренная трансформация социально-экономического базиса, создающая предпосылки для изменения всей общественной системы, формирования «нового человеческого материала» [Энгельс, с. 334–335; Ленин, Проект программы..., с. 204].

Проблематика предпосылок, путей и результатов реализации советского революционного проекта создания нового человека стала предметом осмысления в современной историографии. Методологическим основанием исследований данной темы во все возрастающей степени становится историческая компаративистика, «вписывание» большевистской Революции и ее преобразований в общеевропейский контекст, порожденный формированием на рубеже XIX–XX вв. индустриальных обществ и процессами общеевропейского военно-революционного кризиса 1914–1921 гг. [Holquist; Sanborn; Большакова]. Применительно к рассматриваемой проблеме этот подход позволил выявить общие предпосылки проектов создания «нового человека» в эпоху «модернити», проводить их сравнительные исследования [Fritzsche, Hellbeck; Hoffmann, 1994; Hoffmann, 2003; Холквист, 2001].

Историки справедливо указывают на то, что проект формирования более совершенного человека зародился в рамках идеологии Просвещения, получил новое дыхание в индустриальном XIX в. и важнейший импульс в годы Первой мировой войны [Fritzsche, Hellbeck, p. 304; Hoffmann, 2003, p. 4; Холквист, 2001, с. 47–93]. Исследователи особо подчеркивают роль XIX в. в его эволюции, когда в Европе зародились антикапиталистические идеи социализма, стремление создать справедливое общество, где будут доминировать духовные ценности, а не материальные интересы и формальное право [Fritzsche, Hellbeck, p. 304; Hoffmann, 2003, p. 4].

Важная роль Первой мировой войны в рассматриваемом процессе связывается с ускорением распространения под влиянием ее опыта новых представлений о роли и возможностях государства в деле «переделки» сознания и поведения человека. Так, П. Холквист обосновал важный тезис о том, что тотальная война была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами, переходом от управления территориями к управлению населением [Холквист, 1999, с. 84]. Он обращает внимание на то, что во всех странах, включая Россию, в результате войны изменились функции надзора за населением. Он стал предназначаться не просто для выявления мнений и настроений,

как не сводиться и к контролю над населением. Вся его цель заключалась в том, чтобы воздействовать на людей, изменить их. Во всех странах появились идеи создания более совершенного общества при одновременном превращении образующего это общество человеческого материала в более эмансипированных, сознательных и вообще лучших индивидуумов, то есть в создании «нового человека» [Холквист, 2001, с. 47].

Компаративный подход и вписывание в общеевропейскую перспективу дали возможность сделать важный в концептуальном отношении вывод о том, что большевистский проект был одним из вариантов конструирования альтернативной, антилиберальной современности (modernity), в рамках которого новый человек должен был быть создан с помощью научных и рациональных методов, на основе базовых положений теории прогресса [Fritzsche, Hellbeck, p. 301].

Марксистская интерпретация теории прогресса имела ряд особенностей, повлиявших на общее видение перспектив и представления большевиков о методах осуществления проекта «новый человек». Трудности и проблемы, порожденные состоянием «объекта» социального конструирования, – человека и общества советской России конца 1910-х – начала 1920-х гг., вышедшей из горнила мировой войны и не имевшей достаточных культурных предпосылок для социализма, осознавались Лениным и другими теоретиками большевистского государства. Маркс и Энгельс не детализировали методы создания «нового человека», ограничиваясь утверждениями о том, что «общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие этого производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их» [Энгельс, с. 334–335]. В то же время Ленин, руководя на практике преобразованиями в первые годы после Революции, сформулировал ряд положений, ставших базовыми для большевистской политики. В качестве главной из них, применительно к рассматриваемой проблеме, выступает идея «воспитания» масс. Подготовка всесторонне развитых людей, по Ленину, – это цель, к которой коммунизм придет через долгий ряд лет, «пытаться сегодня, – писал он в 1920 г., практически предвосхитить этот грядущий результат вполне... созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике» [Ленин, Детская болезнь, с. 33]. Таким образом, на повестку дня лидер большевиков ставил более конкретные и прагматичные задачи «воспитания» трудящихся в интересах строительства социализма. «Мы на марксистской программе воспитали партию пролетариата, – писал он, – и так же надо воспитать те десятки миллионов трудящихся, которые у нас есть» [Ленин, Заключительное слово, 1919, с. 180].

Ленин обосновал, применительно к российским условиям, задачу конструирования нового типа человека – советского человека, разделяющего социалистические/коммунистические ценности (противопоставляющиеся буржуазным и мелкобуржуазным), активно и сознательно участвующего в государственных делах. «Государство сильно сознательностью масс, – писал он. – Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [Ленин, Заключительное слово, 1917, с. 21].

В работах историков присутствуют интерпретации связи между установкой власти на «воспитание»/переделку масс и огромной ролью системы образования и пропаганды, а также различных форм и методов управления сознанием и поведением людей. В современной историографии они осмысливаются в более широком проблемном контексте, связанном с анализом механизмов взаимодействия власти и общества в ранне-советский период. Для их характеристики используется термин «социальная мобилизация», который определяется как «целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемыми общественным большинством» [Социальная мобилизация в сталинском обществе, с. 5]. С использованием данного концепта авторы изучают, в частности, механизмы процесса формирования нового человека, рассматривая социальную мобилизацию как главный инструмент, используемый властью для его реализации. Так, О. В. Великанова подчеркнула, что большевистская политика мобилизации была инструментом амбициозного проекта социальной трансформации, осуществляемого посредством «повышения сознательности масс». Целью его, как отмечает автор, было вовлечение населения в эпохальные дела советского государства, максимальное использование всех ресурсов страны в интересах социалистической реконструкции. Средством реализации цели стало превращение мужчин и женщин в «новую породу людей». Помимо образования и пропаганды, способом реализации данной задачи стало обязательное участие населения в ритуалах и политических акциях: митингах, демонстрациях, парадах, празднованиях, спектаклях, поминовениях, играх, сборах пожертвований и т. д. Великанова пришла к заключению, что мобилизационная модель была характерна и для массовых представлений людей в СССР [Velikanova, p. 4]. П. Холквист отмечает, что социальная мобилизация была

не просто инструментом, одним из ресурсов, а краеугольным камнем развития советского общества, строилась на уверенности большевистской власти в реальности коренной переделки общества и людей [Холквист, 2001, с. 69–72].

В историографии активно изучаются практики социального инжиниринга в постреволюционной России, исследуется роль в этом процессе пропаганды, его влияние на конструирование идентичности, обеспечение социальной поддержки режима, его легитимизацию [Kenez; Holquist; Sanborn; Hoffmann; Fitzpatric, Ludtke; Кур-Королев, 2011 и др.]. К. Кур-Королев, изучив процесс формирования советской молодежи и практики социальной инженерии, обосновывает инструментальное значение концепта «новый человек»: «Топос нового человека являлся важной частью коммунистической идеологии, оказывал стабилизирующее влияние на систему и предлагал новые возможности для самоидентификации. В то же время он был вписан в советский воспитательный дискурс, а также в дискурс социального дисциплинирования... Партийное руководство СССР использовало мечту о новом человеке для того, чтобы создать продуктивного, стандартного советского человека» [Кур-Королев, 2011, с. 376]. Она пришла к выводу, что идеи нового человека нашли отклик прежде всего среди молодого поколения, их отзвуки «нашли отклик среди молодых людей благодаря литературе, газетам, плакатам, поэзии, песням. Семена этих идей упали на плодородную почву, ибо были созвучны духу времени и жизненным ощущениям нового поколения» [Кур-Королев, 2011, с. 374–375].

Ш. Фитцпатрик и А. Людтке подчеркивают мобилизующую роль и силу данного мифа: «в Советском Союзе идеалистические надежды на обновление общества и превращение индивидуального гражданина в “нового мужчину” или “новую женщину” впечатляли современников внутри страны и за ее пределами, а энтузиазм в наибольшей степени проявлялся среди молодежи» [Fitzpatric, Ludtke, p. 270–271]. Они отмечают, что стремление лишенцев и других исключенных из числа советских граждан людей заслужить доверие режима, проявив двойные усилия и энтузиазм в социалистическом строительстве, доказывают действенность советского «remaking myth», т. е. концепции преобразования мира и человека [Там же, p. 281]. П. Фритцше и Й. Хелльбек также обосновывают функциональность и силу идеи нового человека, делая заключение: «Как идеологический конструкт новый человек был существенным компонентом революционного советского проекта и изобретением, использованным революционным режимом в целях самолегитимизации» [Fritzsche, Hellbeck, p. 322].

Благодаря современным исследованиям стало очевидным, что формирование «нового человека» базировалось на моделировании сознания и поведения людей через различные формы и способы его «большевизации». Значимая заслуга в изучении «обращения в большевизм» принадлежит С. В. Ярову, исследовавшему властные и низовые практики, порождавшие «нового человека», его сценарии, язык и ритуалы, процесс «конформизации» масс [Яров, 2006; Яров, 2014]. Яров изучил роль системы идеологического воздействия, различных структур аргументации, политического контроля, политизации повседневного языка и досуга, «конформистские лаборатории» выработки новых автоматизмов мышления и поведения, в работу которых были вовлечены как организаторы, так и сами объекты партийно-государственного воздействия.

Особое направление исследований нацелено на выявление роли политики символов в процессе формирования «нового человека». Оно связано с изучением конструирования «революционного» символического пространства, новой праздничной культуры, политических ритуалов, монументальной пропаганды, преобразования социопро странственной структуры и их влияния на процесс внутренней советизации людей [Мальшева; Рольф, 2009; Рольф, 2011; Колоницкий, 2012; Барышева; Алексеев; и др.]. Один из авторитетных представителей данного направления, М. Рольф, пришел к выводу, что «политика символов обеспечивала основу для «позитивного», эмоционального отождествления людьми самих себя с системой власти», внутренней советизации [Рольф, 2011, с. 410, 414].

Признавая смену моделей и методов преобразований в раннесоветский период, историки выделяют и анализируют особенности этапов реализации проекта «новый человек». Так, П. Фриттше и Й. Хельбек на основе определения господствующего дискурса и методов социального инжиниринга разделяют период 1917–1930-х гг. на два этапа: первое десятилетие советской власти, «богатое на осмысление и экспериментирование в связи с новым человеком», и собственно сталинский период (конец 1920-х – 1930-е гг.). Первая, экспериментальная, фаза, как пишут авторы, была связана с поисками идеализированного пролетарского субъекта, использованием возможностей индустриальных технологий и научной организации коллективного труда для его формирования. Второй этап, начавшийся после великого перелома, привел к появлению и утверждению «более гуманистической концепции нового человека». Суть изменений в практике социального инжиниринга состояла в том, что антропологический идеал сталинского государства был сфокусирован на индивиду-

альном (воля, героизм и т. п.) больше, чем на коллективном, реабилитировал индивидуальную душу как источник сознательной воли [Fritzsche, Hellbeck, p. 315–317]. Апелляция к индивидуальному сознанию и силе воли, – пишут авторы, – была инновацией сталинизма и означала резкий разрыв с механистическими идеалами человека 1920-х гг. [Там же, p. 318]. Д. Хоффманн также разделяет период 1917–1920-х гг., для которого, как он отмечает, были характерны радикальные культурные установки и социальное экспериментирование, и конец 1920-х – 1930-е гг., когда уже к середине 1930-х гг. произошел отказ большевиков от этой политики и возвращение к традиционным ценностям, нормам и прочному социальному порядку. Однако автор не считает этот поворот возвращением к традиционализму, полагая, что методы и направленность преобразования сознания и поведения, использовавшиеся в Советской России, имели в большой степени общеевропейский характер, хотя и отражали российскую специфику. Хоффманн утверждает, что сталинская пропаганда использовала некоторые традиционные институты и установки, но делала это для совершенно иных, модернизированных мобилизационных целей [Hoffmann, 2003, p. 4–8].

С. В. Яров дает более дробную периодизацию рассматриваемого им периода, выделяя во властных и низовых практиках большевизации людей два этапа: «героическую эпоху» революции и гражданской войны (1917–1920 гг.), для которой, по его оценке, был характерен лавинообразный рост проявлений политического фундаментализма, и период НЭПа, когда произошла коренная перестройка и разветвление систем идеологического воздействия на массы, связанная с боязнью капиталистической реставрации [Яров, 2006, с. 10–11, 19].

Помимо доктринального, дискурсивного в историографии рассматривается прагматический аспект формирования нового человека в советской России как исторического процесса изменения сознания и поведения людей. Он воплощается в исследовании практики, методов, проблем и трудностей преобразований, реального состояния общественного сознания, поведения и образа жизни людей. Изучается восприятие населением политики большевиков, отношение разных его слоев к власти и формы взаимодействия с ней, позволяющие оценить результаты и эффективность реализации социального проекта «новый человек». С этой целью исследователи привлекают разнообразные источники, среди которых первостепенное значение имеют эго-документы, источники личного происхождения, а также информационно-аналитические материалы органов, осуществлявших контроль над настроениями населения.

Особое направление в историографии составили исследования, основанные на вовлечении в научный оборот огромного массива «писем во власть». Методика работы с письмами во власть получила серьезное обоснование в отечественной и зарубежной историографии, однако многие ее аспекты остаются дискуссионными [Fitzpatrick, 1996, p. 78–105; Siegelbaum, Sokolov, p. 9–10; Лившин, с. 41–47; Письма во власть..., с. 5–6]. В большинстве современных работ, посвященных анализу массового сознания населения с привлечением писем во власть, сводок ОГПУ и партийных органов, отмечается, что проблема измерения частоты встречаемости тех или иных представлений остается сложно решаемой и наиболее адекватными являются качественные, а не количественные методы [Siegelbaum, Sokolov, p. 9–10; Лившин, с. 45–47; Письма во власть..., с. 6; Velikanova, p. 18]. Другая трудность связана с возможностями адекватной оценки полноты и репрезентативности информации источников. О. В. Великанова отмечает, что сводки ВЧК-ГПУ-НКВД и партийных органов о настроениях населения не представляют полной картины, так как в первом случае составители фокусировали внимание на негативных настроениях, угрожавших режиму, несли отпечаток личности составителя, а во втором, наоборот, приукрашивали ее, так как присутствие члена партии часто заставляло людей корректировать свои высказывания, а секретарь парторганизации нес ответственность за состояние партколлектива. Наиболее достоверными, по мнению исследователя, являются сводки высказываний в перлюстрированных частных письмах. Иногда они сопровождалась подсчетами, произведенными самими цензорами, однако такие подсчеты крайне редки [Великанова, с. 177–178; Velikanova, p. 18].

А. Лившин, также отмечая ограниченность разного рода сводок как источников изучения массовых настроений, настаивает на исследовании самих писем во власть, отложившихся в архивах, и предлагает в качестве основной методики их изучения «интегрированный метод обобщения на основе фрагментированных свидетельств, выделение критериев репрезентативности источников и типичности высказанных в письмах мнений» [Лившин, с. 47]. Автор обратился к анализу впечатляющего массива писем, нацеленного на выявление наиболее типичных мнений, суждений, ситуаций и стратегий апеллирования во власть. Это осуществлялось на основе их интерпретации в широком источниковом контексте с использованием метода «максимизации возможностей вспомогательных доказательств» [Там же, с. 48], в частности, привлечения данных сводок органов политического контроля и других документов. О. В. Великанова справедливо обращает внимание на необходимость использования многочисленных

альтернативных источников, «перекрестных свидетельств». Тот факт, что они сообщают о том же самом спектре мнений, говорит в пользу их аутентичности и возможности «осторожных обобщений», в том числе о распространенности того или иного тренда в массовом умонастроении [Velikanova, p. 18–19].

Особенно важным в источниковедческом отношении нам представляется замечание Великановой о том, что методология постмодернизма ориентирует исследователей на чтение источников как «текстов», открытых для интерпретации и нуждающихся в деконструкции, во имя выявления их скрытых смыслов. Этот подход, по мнению автора, определяется тем, что советский человек представлял собой многомерную сущность, для него были характерны неоднозначность, дуализм мышления, сосуществовавшие в одном индивиде. Последнее, в свою очередь, было обусловлено свойствами самой реальности, противоречием между обещаниями власти, широко декларируемыми целями социализма и реальным, повседневным опытом людей. Если первое находило поддержку, то второе рождало критицизм [Velikanova, p. 7–8].

А. Лившин, изучивший общественные настроения и политические эмоции в Советской России в 1917–1932 гг., отмечал, что этот период является примером чередования ряда моделей взаимоотношений власти и общества. Он выделил три таких модели, которым, по его мнению, соответствовало и особое состояние массового сознания. Это были годы революции и Гражданской войны (1917–1920), НЭП (1921–1928) и период «великого перелома» (1929–1932). Автор отмечает, что «новояз», специфический «советский язык», применительно к сфере взаимоотношений власти и общества («зажимание критики», нарушение советской демократии» и т. п.) в рядовых письмах с мест в 1920-е гг. практически не использовался, в то время как в 1930-е гг. он густо пропитывает речевой поток граждан, в том числе колхозников [Лившин, с. 111]. Это важное замечание говорит об определенной результативности политики большевизации сознания людей к началу 1930-х гг., а также укоренении практик конформизма. Однако общий вывод исследования автора важен с точки зрения понимания пределов социального проектирования. Он пишет: «...можно сделать вывод, что государство далеко не полностью контролировало общественные настроения, а тотальная манипулируемость масс в послереволюционную эпоху является мифом» [Там же, с. 308].

Проблемы, противоречия и пределы социального инжиниринга анализируются и в других исследованиях. Д. Хоффман показывает трудности в воспитании «новых рабочих» и «новых горожан», с которыми столк-

нулась власть в 1930-е гг.: несмотря на огромные ресурсы и концентрацию власти, элита скоро почувствовала ограничения в реализации социальных трансформаций: новые горожане находили способы сопротивляться официальным попыткам определять их идентичность и поведение. Мигранты принесли в города традиции и крестьянскую культуру пассивного сопротивления, способную снизить эффективность действий властей по осуществлению социального контроля [Hoffmann, 1994, p. 11]. Исследования Осокиной, изучавшей повседневное экономическое поведение советских граждан [Осокина, 1999; Осокина, 2011], которое она рассматривает как форму социального иммунитета, подтверждают возможности их «уклонения» от вездесущего государственного воздействия и контроля. Она заключает: «Документы, которые наконец-то увидели свет, свидетельствовали о том, что тотальный государственный контроль и бездействующее, равно как и единодушное в своей поддержке режима общество оказались мифами. Общество при Сталине жило активной, разнообразной и относительно независимой жизнью» [Осокина, 2011, с. 391].

Историки, изучающие феномен «внутренней эмиграции» в 1917–1930-е гг., также пришли к выводу о пределах социального контроля и манипулирования сознанием людей в этот период. О. В. Будницкий и Г. С. Зеленина отмечают, что, несмотря на массовые репрессии и жесткий идеологический контроль, советской власти не удалось выявить всех своих противников. В СССР существовал слой людей, не принимавших советского режима, его идеологии, обычаев, мечтавших о его крахе [Будницкий, Зеленина, с. 8].

Популярность гендерных исследований определила появление целого пласта литературы о формировании «новой женщины», преобразованиях в сфере семейных отношений, сексуальности, быта в постреволюционной России [Stites; Clements; Wood; Пушкарева и др.]. Не ставя задачи их специального анализа, отметим ряд принципиальных моментов, характеризующих историографический консенсус в этом вопросе. Авторы выделяют два периода в реализации проекта «новая женщина», совпадающие в целом с периодизацией более общего проекта «новый человек». Это 1917–1920-е гг., когда осуществлялось широкое экспериментирование в сфере гендерных и семейных отношений, и 1929–1930-е гг., когда произошел определенный возврат к традиционным ценностям и в то же время началась масштабная экономическая мобилизация женщин. Исследователи признают изначальную противоречивость политики формирования «новой женщины», для которой были характерны соединение рационалистических установок и практик эпохи модерна, широких,

закрепленных в законодательстве, свобод, с идеологическим, политическим программированием гендерных ролей, классовыми ограничениями, консерватизмом элит и масс. Третий, важнейший аспект – признание колоссальных трудностей и проблем, связанных с практической реализацией политики формирования «новой женщины», обусловленных стойкостью консервативно-патриархальных традиций во всех слоях общества, сохранением экономических основ неравенства, неразвитостью социальной сферы.

Таким образом, в современной историографии исследуются как деятельность субъектов (партийных, государственных структур, общественных организаций, теоретиков и идеологов) властного большевистского конструирования «нового человека», так и сам объект – население советской России, его слои и группы – «человеческий материал», предназначенный для переделки, реальное состояние его сознания и поведения. Последние, как показано в исследованиях, не только подвергались целенаправленному воздействию власти и доминирующего дискурса в процессе социального проектирования, но и участвовали в той или иной форме, вынужденно или добровольно, в реализации проекта. При этом труды по теме позволяют сделать вывод о разной динамике процессов властного проектирования, с одной стороны, и реального преобразования сознания и поведения людей – с другой, а также об очевидных пределах возможностей социального инжиниринга в раннесоветском обществе.

Алексеев Е. «Звучание тишины»: контрасты и парадоксы сталинской эпохи в газетной графике // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 83–108.

Барышева Е. В. Праздничное убранство советских городов 1920–1930-х гг. // *Урал. ист. вестн.* 2016. № 3 (52). С. 23–32.

Большакова О. Долгое возвращение в Европу: Изучение Первой мировой войны и американская русистика // *Рос. история*. 2014. № 5. С. 26–35.

Будницкий О. В., Зеленина Г. С. Идеинный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!». Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны. 2-е изд. М., 2014. С. 4–62.

Великанова О. В. Образ Ленина в массовом сознании // *Отеч. история*. 1994. № 2. С. 177–178.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. 336 с.

Кур-Королев К. Новый человек, или социальная инженерия при сталинизме: некролог по мечтам о новом человеке // *История сталинизма: итоги и проблемы изучения* : материалы междунаро. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 372–377.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме (1920) // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 41. С. 1–104.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о мире 26 октября (8 ноября) [Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25–26 октября 1917 г.] // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 35. С. 19–22.

Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта [VIII съезд РКП(б) 18–23 марта 1919 г.] // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 38. С. 174–184.

Ленин В. И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 6. С. 203–210.

Лившин А. Настроения и политические эмоции в Советской России 1917–1932 гг. М., 2010.

Мальшева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань, 2005.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 39 т. Второе издание. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999.

Осокина Е. А. О социальном иммунитете, или критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 387–406.

Письма во власть в эпоху революции и Гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.) : сб. документов / сост. В. И. Шишкин. Изд. 2, расшир. и доп. Новосибирск, 2015.

Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок // Повседневная жизнь при социализме. Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акоюн. М., 2015. С. 204–225.

Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009.

Рольф М. Изучение сталинского государства пропаганды: культурные представления, обычаи и заимствования при сталинизме // История сталинизма: итоги и проблемы изучения : материалы междунаро. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 407–421.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х–1930-е гг.) : коллек. монография / Н. Б. Арнаут, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов, Д. Д. Миненков, Л. И. Пыстина, Л. И. Сосковец, А. Г. Тепляков, Н. Д. Троценко, С. Н. Ушакова, О. В. Шер. Новосибирск, 2013.

Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период : антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 45–93.

Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 83–101.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Второе издание. М., 1955. Т. 4. С. 322–339.

Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х гг. СПб., 2006.

Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917–1920-е гг. М., 2014.

Clements B. E. Bolshevik women. Cambridge, 1997.

Fitzpatrick Sh., Ludtke Alf. Energizing the Everyday: On the Breaking and Making of Social Bonds in Nazism and Stalinism // Michael Geyer, Sh. Fitzpatrick. Beyond Totalitarianism / Stalinism and Nazism Compared. Cambridge, 2009. P. 266–301.

Fitzpatrick Sh. Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s. Slavic Review. Vol. 55, No. 1 (Spring, 1996). P. 78–105.

Fritzsche P., Hellbeck J. The New Man in Stalinist Russia and Nazi Germany // Michael Geyer, Sh. Fitzpatrick. Beyond Totalitarianism / Stalinism and Nazism Compared. Cambridge, 2009. P. 301–341.

Hoffmann D. L. Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca and London, 1994.

Hoffmann D. L. Stalinist Values. The Cultural Norms of the Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca and London, 2003.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., London, 2002.

Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of the Mass Mobilization, 1917–1929. Cambridge, 1985.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. Dekalb, 2003.

Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life. Yale University Press. New Haven and London, 2000.

Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism. 1860–1930. Princeton, New Jersey, 1978.

Velikanova O. V. Popular perceptions of Soviet politics in the 1920s: disenchantment of the dreamers. New York : Palgrave Macmillan, 2013.

Wood E. The baba and the comrade: gender and politics in revolutionary Russia. Bloomington, Ind. : Indiana U. P., 1997.

УДК 94(47).084

О. В. Горбачев

«СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ» В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается место «советского проекта» как совокупности большевистских планов и программ, определивших облик советского строя и его образ действия, в западном историографическом дискурсе. Раскрываются причины, по которым эта тема пользовалась недостаточным вниманием со стороны большинства представителей основных научных школ, изучавших историю Русской революции и раннесоветского общества. Характеризуются взгляды на «советский проект» Р. Стайтса и П. Бейлхарда. Обосновывается необходимость анализа идеологии «советского проекта» в рамках «проектного подхода» к исследованию раннесоветского общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «советский проект», Русская революция, раннесоветское общество, западная историография.

Год столетия революции достаточно удобен для подведения промежуточных итогов ее изучения в том числе потому, что историки взяли паузу, и в этой отрасли наблюдается определенный застой. Его причина – отсутствие внятного идеологического дискурса по поводу большевистской революции как в России, так и за ее пределами; а само это событие, которое прежде оценивалось как главное в истории XX века, оказалось вытеснено на периферию общественного интереса новыми вызовами эпохи. Непременные публикации, которые сопровождают всякую годовщину, не претендуют на особую новизну и скорее призваны зафиксировать сложившееся положение дел [Fitzpatrick, What's Left?].

В настоящее время отношение к большевистской революции перестало быть фактором, формирующим политическое сознание. Очевидно, что авторы большинства исследований в огромном потоке литературы по истории русской революции, изданной за пределами СССР–России во второй половине XX столетия, вдохновлялись текущими политическими событиями – реалиями холодной войны, перестройкой, либо обстоятельствами распада СССР. В сегодняшних работах полемическая острота и эмоциональный напор, привычные для исторических сочинений на тему революции, уступают место холодному академическому анализу.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Среди многочисленных вопросов, которые ставила перед исследователями история революции, сохраняет актуальность проблема сути «советского проекта»: в какой степени в нем сочетаются объективная предопределенность и свободная воля исполнителей? Был ли он следствием воли к власти большевистских вождей, либо был выражением концентрированной «воли народа»? Если эта была «модернизация с вывихом» [Левин, с. 485], то где заканчивается норма и каковы масштабы этого «вывиха»? Наконец, как соотносятся между собой «советский проект» и сталинизм: был ли последний естественным продолжением «проекта», либо отрицал его?

Понятие «советский проект» нередко используется в расширительном смысле вплоть до того, что им обозначают всю советскую историю. Если подходить более строго, то под это определение подпадают большевистские планы и программы, которые определили облик советского строя и его *modus operandi* и которые хронологически укладываются в период от подготовки вооруженного восстания до начала 1930-х годов. Именно в этом значении предполагается говорить о «советском проекте» в рамках настоящей статьи.

Кому интересен «советский проект»?

Историографическая динамика изучения истории русской революции в западной историографии второй половины XX – начала XXI вв. определяется, во-первых, логикой политической, а во-вторых, собственно исследовательской. Первая из них реализуется преимущественно в рамках взаимоотношений либеральной и ревизионистской парадигм изучения советской истории и утрачивает полемическую остроту с распадом СССР; вторая зависит от методологического фона, а также объема и качества доступных источников. Условия работы с источниками на каждом конкретном этапе предопределили сначала доминирование теоретических работ с сильным публицистическим уклоном в годы холодной войны, а затем появление большого количества исследований с привлечением архивных документов после открытия советских архивов в начале 1990-х годов. Пришествие «новой культурной истории» в 1990-е годы в свою очередь сделало возможной ситуацию, когда некоторые историки «предпочитали читать Мишеля Фуко, нежели архивы» [Шевырин, с. 73].

Смена главенствующих историографических парадигм сопровождалась изменением тематических приоритетов. Если «либералы» делали акцент на изучении советского политического строя и вопросов внешней политики, то «ревизионисты», среди которых преобладали марксисты, отдавали предпочтение социальной истории, преимущественно истории рабочего класса. В рамках «новой культурной истории» рабочие «были

вытеснены со сцены женщинами и представителями национальных окраин» [Fitzpatrick, What's Left?]; исследователей стали интересовать изменения ментальности, идентичности, материальной культуры. Обратной стороной разнообразия тем стала угроза мозаичной фрагментарности [Шевырин, с. 56, 72].

В рамках «классического» либерального подхода, сформировавшегося в западной философии в 1950-е гг. (Ханна Арендт, Карл Фридрих и др.), сильные и слабые стороны советского строя интерпретировались исключительно в контексте коммунистической идеи. С этой точки зрения позиция «либералов» Ричарда Пайпса и Збигнева Бжезинского выглядит отчасти ревизионистской, поскольку они утверждали, что в революции, помимо собственно коммунистической, проявилась логика предшествующего исторического пути России. Впрочем, в негативном отношении к «советскому проекту» «либералы» едины: они были убеждены, что действиями большевиков руководила воля к власти, Сталин стал естественным продолжением Ленина, а большевистские вожди успешно манипулировали коммунистическими лозунгами в своих интересах (вариант: опирались на психологические установки и социальные стереотипы российского коллективного сознания). По мнению Пайпса, «коммунистическая Россия с момента своего появления была диковинным отображением сознания и воли одного человека: его биография и история слились и растворились друг в друге» [Пайпс, 1994, с. 7–8]. «Чужеземное растение [марксизма] было пересажено в далекую евразийскую империю с традициями полувосточного деспотизма, – утверждает его единомышленник Збигнев Бжезинский... Это Ленин создал систему, которая создала Сталина, и это Сталин потом создал систему, сделавшую возможным сталинские преступления» [Brzezinski, p. 21]. Это означало, что за пределами властной (внутри- и внешнеполитической) парадигмы идеологическое содержание советского проекта для представителей либеральной школы не представляло особого интереса.

Характерно, что антикоммунистический пафос в духе либеральной историографии был воспринят советскими историками-диссидентами, поскольку именно советский режим был главным объектом их критики. Теоретические основания «советского проекта» воспринимались иронически, что нашло отражение, например, в названии известной книги М. Геллера и А. Некрича «Утопия у власти» [Геллер, Некрич]. По мысли авторов, утопические взгляды самого Ленина, изложенные им в работах «Государство и революция» и «Очередные задачи Советской власти», поочередно разрушались в результате соприкосновения с действительностью.

Переключение Ричарда Пайпса с коммунистического популизма на досоветское прошлое для обоснования стабильности советской власти сделало его позицию более убедительной в сравнении с предшественниками – либеральными теоретиками 1950-х годов. «Их (т. е. большевиков. – *О. Г.*) представление о том, каким должно быть правительство, было зеркальным отражением царского режима» [Пайпс, 1993, с. 414]. Более того, историографическое «преодоление» 1917 г. стало связующим звеном между либеральным и ревизионистским направлениями (к примеру, о необходимости разрушения барьера 1917 г. писал Ричард Стайтс) [Stites, 1989, p. 9]. Современная ситуация в России только укрепляет исследователей в стремлении искать корни революционных изменений в досоветском прошлом. Так, в предисловии к юбилейному переизданию своего фундаментального труда «Народная трагедия» Орландо Файджес пишет о невозможности преодоления Россией своего авторитарного прошлого, что стало причиной ее низвержения в насилие и диктатуру в 1917 г., равно как и итогового отказа от демократических реформ после распада СССР в 1991 году [Figes, p. XII].

Отношение к досоветскому прошлому и возможности его преодоления в западной историографии менялось в том числе под влиянием текущей политической ситуации. Распад СССР и ожидания «конца истории» сделали востребованной теорию модернизации, которая в ревизионистском дискурсе практически вытеснила марксистскую парадигму в духе Леопольда Хеймсона и Александра Рабиновича. Соответственно, дальнейшее развитие России безальтернативно воспринималось в контексте западного пути. Революция 1917 г. интерпретировалась как шаг в направлении модерна, а последующий сталинский режим – как отступление от него. Довольно выразительно эта мысль выражена у Терри Мартина: «Модернизация – это теория советских намерений, неотрадиционализм – это теория их незапланированных следствий» [Martin, p. 176]. По этой логике, «советский проект» был модернистским, а просчеты и ошибки большевиков, в том числе пришествие сталинизма – антимодернистскими. «Родимые пятна» досоветского российского прошлого, а также вековую отсталость России предполагалось преодолеть с помощью модернизационных изменений.

Ахиллесовой пятой подобного подхода была затруднительность определения сталинского этапа: идея «отступления от модерна» в 1930-е гг. плохо увязывалась с форсированным промышленным развитием. Например, Стивен Смит, хотя и ограничивает хронологические рамки Русской революции 1928 годом, признает, что сталинский «большой скачок» 1928–1931 гг. «вполне заслужил название “революция”, поскольку он

изменил экономику, социальные отношения и культурные образцы поведения в большей степени, чем это сделала Октябрьская революция» [Fitzpatrick, What's Left?].

В попытке разрешить это противоречие широкое распространение получила идея «национального пути» модернизации при том, что прежний западный вектор движения развивающихся обществ не оспаривался. Под влиянием политических изменений в России и ряде других стран эта точка зрения изменилась, и западный путь развития более не видится безальтернативным. Так, Майкл Дэвид-Фокс, позиционируя советский порядок «между исключительностью и общей модерностью» (т. е. между цивилизационным и модернизационным подходами), предполагает, что «модерность вполне может быть нелиберальной и незападной» [Борисова; David-Fox, p. 37]. Причина нежелания расстаться с модернизационным подходом при характеристике советского прошлого, несмотря на переживаемый этим направлением очевидный кризис, кроется в нежелании автора поддерживать позицию «традиционалистов», т. е. сторонников «особого» российского пути.

Приверженцев идеи модернизации «советский проект», понимаемый как совокупность исходящих от власти идей и намерений, интересовал преимущественно с точки зрения его рецепции различными социальными группами. При этом исследователи чаще всего исходили из представлений о существовании некоего устойчивого во времени «коллективистского сознания», лишённого индивидуального измерения, что убедительно показала Анна Крылова на примере Стивена Коткина [Крылова]. Отсутствие ощущения подвижности советского коллективного сознания, нежелание видеть в нем эволюционные изменения предопределило как живучесть идеи «тоталитарного общества», так и культивирование персонифицированных «хрущевских» и «горбачевских» схем при объяснении истоков советских реформ. Отсюда же и отсутствие должного внимания к ранне-советскому периоду, по-прежнему пребывающему в тени сталинизма.

Следует признать, что тема «советского проекта» в разных его аспектах занимает представителей «новой культурной истории», среди которых Уэнди Голдман, Стивен Коткин, Терри Мартин, Орландо Файджес [Goldman; Kotkin; Мартин; Figes] и другие авторы. Чаще всего обращение к этой проблематике находится в тени основного предмета исследования. Оценки исследователей предсказуемо варьируются. Например, Юрий Слезкин склонен считать советскую идею утопическим миллениаристским проектом, с чем не согласна Шейла Фитцпатрик [Fitzpatrick, Good Communist Homes].

Таким образом, представители магистральных направлений западной историографии по разным причинам не считали для себя важным

подробно анализировать «советский проект». Либеральная школа, исходящая из презумпции вины большевизма перед мировой историей, видела в большевистских программах скорее тактику, нежели стратегию; в рамках ревизионистского направления изучалась логика социальных изменений, а также то, как советское общество соотносилось с западным. В «новой культурной истории» эта проблематика имеет шанс реализоваться в рамках интереса к изучению власти и политической истории. По мнению Стивена Смита, оно относится к числу перспективных, но еще нереализованных [Smith, p. 261–282].

Более других «советским проектом» интересовались близкие к марксизму ревизионисты (их интерес базировался на представлениях о важности советского опыта, правда, преимущественно в практическом, а не теоретическом ключе), а также исследователи раннесоветских утопий и массового сознания эпохи [Beilharz; Möbius; Steinberg; Stites, 1984; Stites, 1989].

«Революционные мечты» Ричарда Стайтса

С точки зрения общественной интерпретации «советского проекта», представляют интерес работы Ричарда Стайтса, посвященные российскому утопическому сознанию революционной эпохи [Stites, 1984; Stites, 1989]. Подобно многим другим авторам, Стайтс оперирует понятием «утопия», но, в отличие от них, относится к этому явлению с изрядной долей симпатии. Стайтс констатирует, что носителям утопического сознания не повезло в историографии: «Поколение революционных мечтателей оказалось на полях истории» [Stites, 1989, p. 251]. Между тем утописты были озабочены не только ростом экономической и военной мощи, они хотели сделать жизнь лучше во всех ее проявлениях [Там же]. Ценность утопии для сегодняшнего дня состоит в том, что она «дает человеку надежду сохранить разум в безумном мире» [Stites, 1989, p. 10].

Анализируя корни возникновения утопий, Стайтс полагает, что «утопия опирается на литературу, политическую мысль, религиозные представления и практику, революционный идеализм, мистические видения, легенды и народную мудрость (иногда эти вещи выступают одновременно)» [Stites, 1984, p. 141].

Стайтсу было важно показать, что утопизм был не только марксистским (который якобы искажен Лениным, Сталиным или обоими). В утопиях, по мнению автора, проявляется вся история России: интеллектуальная, культурная и социальная. Апеллируя к прошлому России, Стайтс утверждает, что носителями утопической традиции в русской истории были народ, власть и радикальная интеллигенция [Stites, 1989, p. 5].

Стайтс отказывается считать утопизм чисто русским явлением, полагая, что он присутствовал во всех революциях новейшего времени. Особенностью же русского утопизма было то, что он сформировался на фоне технологической революции, а потому выразился в виде безудержной футуристической фантазии [Там же].

Множественность утопий в революционный период автор объясняет тем, что «дремлющая вражда между государством, народом и интеллигенцией, между классами, регионами и народностями, а также между городом и деревней, породила экстравагантные мечты и способы разрешения страхов, порожденных войной, революцией, голодом и разрухой» [Stites, 1989, p. 6]. Относительно взаимоотношений утопизма с марксизмом Стайтс полагает, что иногда эти утопии соответствовали марксизму, а иногда ему противостояли. Сами же большевики относились к утопизму в первое советское десятилетие довольно осторожно. По мнению автора, следует различать ментальную модель утопии и попытки ее реализации, утопические эксперименты [Stites, 1989, p. 7].

В своей более ранней работе Стайтс разделил все революционные утопии по степени отношения к реальности по признаку времени, пространства и жизни. При этом утопии времени считались нереализуемыми в ближайшем будущем, утопии пространства представляли собой планы неизбежного преобразования окружающей среды, а утопии жизни были практическими экспериментами, реализуемыми в контексте революции [Stites, 1984, p. 141]. Ленин, утверждает Стайтс, работал на всех утопических уровнях: времени («Государство и революция»), пространства (план электрификации) и жизни («военный коммунизм» в его многочисленных практических проявлениях) [Там же, p. 142]. По мнению исследователя, попытки реализации утопий осуществлялись в двух формах: независимые эксперименты и санкционированное государством конструирование образцов идеального будущего в настоящем.

Что касается Сталина, то он, по мнению Стайтса, присвоил утопические конструкции для идеологического обеспечения бюрократического государства [Stites, 1989, p. 9]. Сталин неосознанно воспринял язык и принципы русской административной утопии, представляющие собой комбинацию милитаризованного стиля управления и мелочной регламентации с нуждами обороны, экономической активностью и представлениями о мнимом благополучии. За этим фасадом скрывалось множество неблагоприятных вещей [Там же, p. 242].

Сталинизм, считает Стайтс, тоже был утопией, но он отличался от революционного утопизма. Сталин не понимал и не уважал попыток создания новых утопических теорий, именно отсюда его фраза, что «социа-

лизм превратился из мечты о светлом будущем в науку» (1938). В конце концов ритуал вытеснил мысль [Там же, р. 11].

Таким образом, полагает исследователь, идеология русской революции (или «советский проект») был смесью марксизма и российских революционных ценностей и представлений, которые выражались в мифах, мечтах, моделях поведения, символах и жестах [Там же, р. 242]. Автору удалось показать полифоничность революционных идей и их практическую значимость. Ценность исследований Ричарда Стайтса – во взгляде на социализм не только как на проект власти, но и как на «живое творчество масс», т. е. теорию, соотносящуюся с представлениями различных социальных групп.

«Трудовые утопии» Питера Бейлхарца

В отличие от Стайтса, Питер Бейлхарц, автор другого труда, где рассматривается большевистский проект, в первую очередь заинтересован в анализе именно утопий власти, а также того, по каким причинам они сменяли друг друга [Beilharz]. Анализируя сильные и слабые стороны различных социалистических идей (большевизма, фабианства и социал-демократизма), Бейлхарц стремится показать, что потенциал социализма, особенно его социал-демократической разновидности, еще не исчерпан. Считая социализм утопией, Бейлхарц пытается разобраться, являются ли революционный и реформистский пути ее разными проявлениями, либо они предлагают различные модели будущего [Beilharz, р. 10–11]. Полемизируя со сторонниками модернизационного подхода, Бейлхарц утверждает, что большевизм представляет собой попытку преодолеть модернизм, и особенно капитализм, в то время как социал-демократия базируется на индустриальном фундаменте модерности и пытается использовать ее возможности [Там же, р. 11]. В этом контексте модернистский проект Сталина выглядит не вполне большевистским.

Бейлхарц считает, что каждое из рассматриваемых социалистических течений опирается на сильные национальные традиции, предопределившие их судьбу, соответственно на русские, британские и немецкие. В отличие от Карла Поппера, полагавшего, что после 1917 г. большевики были вынуждены постепенно отказываться от марксистской утопии и заменять ее «поэлементным планированием», Бейлхарц утверждает, что большевизм интеллектуально господствовал в социалистическом движении вплоть до распада СССР [Там же]. Что касается самого Маркса, то он характеризуется как не единственный теоретик социализма, хотя и наиболее серьезный.

Впрочем, здесь есть опасность подмены понятий. Если тот же Стайтс идет от утопии к реальности, т. е. к революционной практике, то Бейлхарц считает, что революционные взгляды переходят в разряд утопических

в результате провала большевистских экспериментов: «когда большевизм оказался не в состоянии удовлетворить желудки и сердца, он утвердился в головах» [Там же, р. 17].

В Советском Союзе, пишет Бейлхарц, конкурировали разные утопии – от Родченко и Татлина и идей равенства полов до наследия Февральской революции. Время заставило замолчать большинство из них. Основная большевистская идея в случае Ленина мигрировала от синдикализма в «Государстве и революции» к популизму в практике нэпа, и в итоге – к дистопии в виде сталинского тоталитаризма с его индустриализацией и коллективизацией. Взгляды Ленина и Троцкого следует считать главенствующими в определении большевистской утопии [Там же, р. 18]. Утопичность Ленина Бейлхарц видит в объединении всех неэксплуататорских классов в работе «Что делать» и в наличии только пролетариев, но не граждан в «Государстве и революции». Ленинская «утопия партии» – это допущение существования небольшой группы героев, возглавляющих борьбу с царизмом. Последняя утопия Ленина – мультиклассовая, выраженная в идее «смычки» в работе «О кооперации» [Там же, р. 21]. Троцкий был выразителем утопии сверхиндустриализации и дистопии милитаризованного труда [Там же, р. 28]. Культурологические построения Богданова и Луначарского, других носителей утопического сознания, были отвергнуты практическими политиками [Там же, р. 18]. Взгляды раннего Бухарина (утопия «военного коммунизма»), а также идея Преображенского о выкачивании средств из деревни для развития города стали своеобразным мостиком для «сталинской» дистопии, несмотря на позднейшую компромиссную бухаринскую утопию нэпа [Там же, р. 45].

У Бейлхарца есть неожиданное сближение с либеральной школой. Он утверждает, что главный вопрос, который ставит большевизм – как завоевать власть (фабианцы спрашивают «как более эффективно организовать общество?», а социал-демократы – «что я есть?» и «что мне следует делать?») [Там же, р. 121]. Обосновывая свой финальный выбор, Бейлхарц утверждает, что социал-демократизм – наиболее этически целостное мировоззрение, в то время как большевизм отрицает этику [Там же, р. 123].

Заключение. Зачем изучать «советский проект»?

Поскольку выясняется, что, несмотря на наличие нескольких серьезных работ, идейное содержание «советского проекта»¹ находится

¹ Уже после сдачи этой статьи в печать вышла книга Энди Уиллимotta, раскрывающая взаимодействие «официальной» и «народной» составляющих «советского проекта» [Willimott].

на периферии исследовательского интереса, возникает вопрос о принципиальной целесообразности его изучения. Полагаю, что «советский проект», как и всякая другая программа социальных преобразований, заставляет задуматься о том, *как и почему хорошие идеи нередко превращаются в свою противоположность*. Эта проблема не является новой, и в историософии XX века более других ей уделял внимание Карл Поппер (о Поппере и других теоретиках конструирования социальной реальности см.: [Горбачев]).

При всей убедительности попперовского противопоставления «негодного» историцистского и утопического «советского проекта» успешному поэлементному инжинирингу остаются вопросы, связанные с происхождением и содержанием большевистских идей. Согласно Попперу, провал попытки построить коммунизм «по Марксу» в первые послереволюционные годы заставил большевиков перейти к «поэлементному планированию», т. е. к реальному, а не утопическому социальному проектированию [Поппер, с. 99]. Однако многие носители преобразовательных идей в 1920-е гг. были по-прежнему далеки от узкопрагматических соображений. Почему некоторые из этих идей были приняты, а другие отброшены? Кто, помимо представителей власти, был в состоянии повлиять на программу преобразовательной деятельности?

В условиях дефицита «скрепляющих» теорий для интерпретации истории Русской революции [Добренко; Шевырин; Fitzpatrick, *What's Left?*] «проектный подход», нацеленный на понимание соотношения мыслей и устремлений людей с результатами их практической деятельности, может сыграть роль значимого элемента для построения здания интегрирующей теории.

Борисова Т. Рец. на: Michael David-Fox. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union* // *Laboratorium*. 2016. № 8. С. 150–153 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/635/1673> (дата обращения: 01.09.2017).

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 2000.

Горбачев О. В. Теории конструирования социальной реальности в XX в. и советский проект // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург, 2016. С. 29–49.

Добренко Е. Англо-американская историография сталинизма: ошупывая слона (Рец. на кн.: *David-Fox M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh, 2015) // Нов. лит. обозрение. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8417> (дата обращения: 02.09.2017).

Крылова А. «Советская современность»: Стивен Коткин и парадоксы американской историографии // Неприкосновенный запас. 2016. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/7612> (дата обращения: 01.09.2017).

Левин М. Советский век. М., 2008.

Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Пайнс Р. Русская революция : в 2 т. Т. 2. М., 1994.

Понпер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 2. М., 1992.

Шевырин В. М. Революция 1917 г.: переосмысление в зарубежной историографии // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 53–77.

Beilharz P. Labour's Utopias. Bolshevism, Fabianism, Social Democracy. London ; New York, 1992.

Brzezinski Z. The Grand Failure: the Birth and Death of Communism in the Twentieth Century. N. Y., 1989.

David-Fox M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, PA, 2015.

Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London, 2017.

Fitzpatrick S. Good Communist Homes. The House of Government: A Saga of the Russian Revolution by Yuri Slezkine // London Review of Books. 2017. Vol. 39, No. 15. P. 3–7 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lrb.co.uk/v39/n15/sheila-fitzpatrick/good-communist-homes> (дата обращения: 01.09.2017).

Fitzpatrick S. What's Left? // London Review of Books. 2017. Vol. 39, No. 7. P. 13–15 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lrb.co.uk/v39/n07/sheila-fitzpatrick/whats-left> (дата обращения: 01.09.2017).

Goldman W. Z. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. N. Y., 1993.

Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization. Berkley. Los Angeles ; London, 1995.

Martin T. Modernization of Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism / eds. Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices David L. Hoffmann and Yanni Kotsonis. New York, P. 161–182.

Möbius T. Russische Sozialutopien von Peter I bis Stalin. Münster, 2015.

Smith S. Writing the history of the Russian revolution after the fall of communism // The Russian revolution: The Essential readings. London; Toronto, 2001. P. 259–282.

Steinberg M. D. Proletarian Imagination: Self, Modernity, and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, N. Y., 2002.

Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York – Oxford, 1989.

Stites R. Utopias of Time, Space, and Life in the Russian Revolution // Rev. Étud. slaves. Paris, 1984. LVI/1. P. 141–154.

Willimott A. Living the Revolution: Urban Communes and Soviet Socialism, 1917–1932. New York–Oxford, 2017.

УДК 94(47).084.3:323

В. Б. Шепелева

ИНВЕРСИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОКТЯБРЯ И НЭПА И ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Рассматривается место и роль революционно-демократической альтернативы в революционном процессе 1917 г. в установках В. И. Ленина и советской политике.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революционно-демократическая альтернатива, революционно-демократическая диктатура, революционная демократия, большевики, революционный процесс 1917 г., госкапитализм, вызов Времени, ставка на субъект, социализм, нэп.

Ученые начнут переоценку национальной и всемирно-исторической роли Ленина... Народ испытает чувство гордости, и это будет иметь политические последствия, потому что... русским ...сейчас очень не хватает этого чувства, а ведь Ленин дает вполне реальный повод.

Им. Валлерстайн

Повторить Ленина – значит повторить не то, что Ленин делал, а то, что он не сумел сделать, его упущенные возможности.

Сл. Жижек

Кажется удивительным, но вместе с тем очень знаково, что подобного рода суждения появляются, несмотря на факт Советской катастрофы и вроде бы исторического торжества Западного проекта. Любопытно, но даже если принять валлерстайновское, что «СССР всегда оставался частью ...капиталистической мирэкономике», которая теперь, однако, столкнулась с беспрецедентным кризисом, то оказывается «чрезвычайно важно, чтобы произошло широкое, разумное обсуждение возможностей *исторического выбора* и уж *обязательно в такой стране, как Россия*». И это при том, что «советский проект» был «одной из наиболее успешных попыток России приблизиться по уровню развития к центру миросистемы, а отказ от него привел к резкому скатыванию к периферии»¹ [Валлерстайн,

¹ Получается, большевики – настоящие модернизаторы, тогда как российские либералы проваливают либеральный проект. Вопрос: быть может, уловили большевики еще в 1917-м сущностную порочность либерализма и потому сегодня их опыт таит в себе нечто спасительное для всех?

2003, с. 10–12; Валлерстайн, 2011; Валлерстайн, Дерлугьян]. И потому: «...какие альтернативы открыты перед нами?... как должны сочетаться разум... и нравственность...», – именно «дебаты в России помогут всем нам сформулировать разумные и полезные ответы», убежден ныне знаменитый ученик Ф. Броделя [Валлерстайн, 2003].

Не вдаваясь в анализ исследовательского подхода Им. Валлерстайна, отметим весьма распространенную практику и в отечественной, и в зарубежной литературе рассматривать первые этапы истории Советской России в отрыве (или в слабой увязке) с предшествующей линией поисков и действий большевиков, принимая при этом фактически каменевскую/«старобольшевистскую» трактовку апрельских 1917 г. позиций Ленина (или интерпретацию их Л. Д. Троцким). Между тем, повторюсь, у Ленина весной 1917 г. речь шла об установке на революционно-демократическую (а не пролетарскую) диктатуру – многопартийную власть Советов как завершение политического этапа «буржуазно-демократической революции нового типа», как цели второго этапа «революции масс» 1917 г. То есть речь у Ленина о реализации революционно-демократической альтернативы (РДА) в качестве послефевральской цели революционной демократии как мирного способа разрешения ситуации двоевластия и реализации в итоге задач этой революции [Шепелева, 2009].

Подчеркнем, РДА в рамках революционного процесса 1917–1920-го гг. сопрягается с интересами классов и слоев нецензурной России, представленными партиями «левее» кадетов, с адекватным отражением потребностей развития страны в синтезе с жестким двойным вызовом Времени. В концепции В. И. Ленина РДА соотносима с «буржуазно-демократической революцией нового типа», опирающейся на крестьянскую революцию за «американский аграрный капитализм», широкое антивоенное движение, революционное движение национальностей и лидерское в этом многоаспектном процессе пролетарское революционное движение. При этом «революционно-демократическая диктатура» и политика госкапитализма раскрывались Лениным как объективно «шаги к социализму» (помимо их спасительности в качестве первоочередных мер). То есть здесь речь о возможности эволюционного движения к социализму [Ленин, Доклад на собрании; Ленин, О задачах; Ленин, Письма; Ленин, О двоевластии; Ленин, Задачи пролетариата; Ленин, Бесстыдная ложь; Ленин, Петроградская...; Ленин, Уроки кризиса; Ленин, Седьмая...; Ленин, О компромиссах; Ленин, Грозящая катастрофа; Ленин, Проект...; Ленин, Русская революция; Ленин, Удержат ли...].

Кстати, и Петроградский Совет, и вначале первая правительственная коалиция, и независимые экономисты – оппоненты большевиков – *объективно* солидаризировались тем не менее с большевиками в признании госкапитализма как единственно реальной политики во спасение Отечества. И случайно ли Н. Н. Суханов подчеркивал, что «ученые, стоя/вшие/ на правом социалистическом фланге (а иногда... и за его пределами)... неуклонно тянули/своими наработками/ влево советскую политику...» [Суханов, с. 206, 221, 338].

И хотя ленинский анализ не исключал возможности разрешения «двоевластной неустойчивости» в пользу буржуазии, можно сказать, что в «поле возможностей» 1917 г. в качестве очень сильного вектора открылась именно РДА. Однако увидеть устремления массовой революционной демократии в преломлении их через общенациональные интересы России, сопряженные с вызовом эпохи модернизации, совместившимся с вызовом зачинавшейся эпохи осознанной необходимости, сумели только большевики, В. И. Ленин, хотя и с просчетами по крестьянству.

Уточним: сообразно с постнеклассикой изучение ситуации исторического выбора должно исходить: 1) из требований метасистемы к ее элементам; 2) из внутренних тенденций развития, кода самого элемента [Шепелева, 2012; Шепелева, 2013]. В нашем случае в требованиях метасистемы к России выделяются *два блока*. *Первый* (как это видел Ленин) – требования радикальной «чистки» от феодализма для развертывания системной модернизации, при том что, добавим, в условиях господства в мире монополистического капитала это вопрос статуса России как великой державы. *Второй* блок сопряжен с новейшим вызовом времени: развертыванием эпохи осознанной необходимости (качественное возрастание роли субъективного фактора в истории) плюс с обозначением вектора к постэкономической общественной формации. Видимо, какие силы оказались адекватны эпохе осознанной необходимости, те в состоянии были стать адекватными как минимум вызову «модернити». В России никто, кроме большевиков, не оказался готовым взяться за решение *даже первого блока* требований. В 1917 г. это вопросы войны и мира, аграрный вопрос и политика госкапитализма.

Неадекватность действий в 1917 г. исключила буржуазию, либералов и умеренных социалистов из числа субъектов исторических судеб России. Вместе с тем большевики, помимо адекватности требованиям *первого блока*, воспринимали и «формационные» перспективы *блока второго* и, действуя на уровне реального исторического субъекта, фактически оказались адекватны эпохе осознанной необходимости. Однако больше-

викам удалось реализовать в «цивилизационно» отсталой России ответ на *новейший* двойной вызов Времени благодаря и культурному коду России, комплиментарному, как оказалось, требованиям второго блока в целом (что как раз не особенно улавливали «земношарные» большевики с их утрированной классовостью подхода, тем более позднейшие партаппаратчики). Отсюда, кстати, и оценки Лениным как «чуда» и политической, и военной побед большевиков, «чуда», если не видеть за ним мощной ментальной основы [Ленин, Доклад о замене разверстки; Ленин, План...; Ленин, Новая...].

Между тем большевистская экономическая программа весны – сентября 1917 г. шла в русле политики ГМК ведущих стран участниц Первой мировой [Ленин, О двоевластии; Ленин, Доклад на собрании; Ленин, Седьмая...; Ленин, О компромиссах; Ленин, Грозная...; Ленин, Русская...; Ленин, Удержат ли...]. Но возникает вопрос: чрезвычайность обстановки, чрезвычайные меры, – и ситуация исчерпана? Или выявившийся госкапитализм представлял большее, чем действия тактического свойства? Вся последующая вплоть до сегодняшних дней история свидетельствует, что невиданная «мировая бойня», выявила нечто сущностное², но первоначально дававшее знать о себе как о чрезвычайном.

В первую очередь, да, здесь адекватный ответ на чрезвычайную военную ситуацию. Но одновременно Первая мировая знаменовала собой вступление мира в новую эпоху – эпоху возобладания по необходимости *сознательного* над стихийным, эпоху социализации разных сфер общественной жизни (см. оценки в этой связи белоэмигранта социолога Н. С. Тимашева, русских философов, В. И. Вернадского, В. И. Ковалевского, «евразийцев»)³ [Шепелева, 2013, с. 222]. Кстати, и в определении политики европейских держав как «военно-социалистической», возможно, есть смысл усматривать *объективное* проявление этой глубинной тенденции. Однако на уровне теории, стратегии и программы действий политических сил только большевиками улавливалась эта сущностная сторона госкапиталистических подвижек. Только в Советской России

² См. дополнительно позиции Б. Рассела, Г. Уэллса, героев последней монографии Ф. Фюре: *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1991; *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 128–152.

³ Видимо, следует в этой связи учитывать и зарисовки Ф. Фюре об «огромной волне стремления к общности, захлестнувшей Европу» и «своего рода вулгаризированном нищезанстве, разлитом в атмосфере эпохи» и «зачаровывавшем загадкой политической воли» [Фюре, с. 340, 342].

1917 г. была предпринята и осуществлялась в нэпе госкапиталистическая политика сочетания плана и рынка на базе многоукладной экономики. Но послевоенная, *послеоктябрьская* реальность вынуждала и Запад так или иначе следовать обозначенной общецивилизационной тенденции. Мировой экономический кризис 1929–1933 гг., «новый курс» Рузвельта, «кейнсианская революция»⁴, наконец, потрясение мира Второй мировой войной и затем – прогнозирование, планирование, регулируемый рынок, социальное государство, движение к признанию, на уровне экономического расчета, самоценности личности, – все это реалии развитых капиталистических стран, во всяком случае до крушения советской системы (см. идеи Д. Белла, Р. Арона, Э. Тоффлера).

Следовательно, глубинная тенденция общественного развития была верно уловлена в ленинской экономической дооктябрьской программе 1917 г. Вместе с тем, если все политические силы, кроме большевиков, принимали вмешательство государства в экономику как чрезвычайные, тактические шаги, то большевики, видимо, склонны были все действия по спасению страны возводить в ранг *стратегии* на переходный период. По крайней мере вплоть до начала 1918 г. каких-либо попыток дифференциации этих действий на фундаментальные и вынужденные ни В. И. Ленин, ни кто иной из большевиков не предпринимал⁵. Между тем, как показали дальнейшие события, скажем, всеобщая трудовая повинность, поголовное принудительное объединение населения в распределительных организациях, принудительное синдицирование – меры только временные. Имея в виду отмеченное, а особенно работу «Государство и революция»: «Злободневный вопрос сегодняшней политики: экспроприация

⁴ См. в этой связи Г. Уэллса, фактически зафиксировавшего проявления требований «эпохи осознанной необходимости» в Соединенных Штатах – его соображения о «социалистической» политике Рузвельта, по: Беседа тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом / Большевик. 1934. № 17 // Ситуация в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1202.htm (дата обращения: 29.07.2011).

⁵ Видимо, мартовско-апрельские 1918 г. «выяснения отношений» Ленина и его сторонников с «левыми» в собственной партии относительно «красногвардейской атаки на капитал» и прочих проявлений методов этапа политической революции (этапа «штурма и натиска») в ненадлежащих сферах можно рассматривать в качестве первых попыток разведения стратегических (условно – пронэповских) и тактических (условно – провоенно-коммунистических) мер. См. подробнее: *Шенелева В. Б.* Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПа // Вестн. Омск. ун-та. 1997. Вып. 2 (4). С. 47–50.

капиталистов, превращение всех граждан в работников и служащих одного «синдиката»... полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству», «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда... и платы» [Ленин, Государство, с. 89, 97, 101], – все это позволяет ленинские изыскания предоктябрьского периода характеризовать как целое, соединившее в себе разное: 1) пронэповские (революционно-демократические установки), 2) «провоенно-коммунистические» (чрезвычайные) и 3) «непосредственно-социалистические» (из арсенала будущего «метода непосредственного социалистического строительства», как стало ясно позднее – иллюзорные). Эта разнородность, как правило, не учитывается в историографии, акцентированной или на первом, или на втором (втором-третьем) аспектах дооктябрьских ориентиров. При этом в первом варианте речь, помимо приверженцев линейной советской апологетики, об историках нэпа – «альтернативистах», тогда как во втором – об интерпретаторах большевиков (прямо или же по факту) как доктринеров, утопистов или – авантюристов. К такому же результату приводит *отбрасывание* всех дооктябрьских наработок при характеристике первых шагов советской власти.

Между тем «сдача» умеренными социалистами «революции масс» не оставляла никакого иного варианта, кроме спасения ее большевиками и левыми эсерами – Октябрь 1917 г. Советская власть в итоге возникла в урезанном революционно-демократическом варианте, что существенно осложняло положение большевиков. И хотя огромный плюс, спасительный шанс – сама ленинская *инверсионная* концепция Октября: адекватное уловление «вызова Времени», намеченная госкапиталистическая политика с ее первоочередными, среднесрочными и перспективными задачами по спасению страны от надвигающейся катастрофы, восстановлению и, наконец, всесторонней модернизации – т. е. достижению необходимого для социализма уровня «цивилизованности», тем не менее оптимальный выход, видимо, заключался в организации максимального востребования интеллектуальных, созидательных сил общества, создание условий для самореализации, количественного и качественного нарастания этих сил (ибо «инверсионная концепция» – ставка на субъект – означает: знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы управлять; означает в пределе, что каждый член общества – субъект). То есть проблема «советская власть и наука, культура» связана с самой сутью «советского проекта» и партийный раскол революционной демократии – серьезный удар по возможностям его реализации.

Ленин уже в 1917-м, затем в 1918, 1919, 1920, в 1921 гг. говорил о неоднозначности Октября. На VII съезде РКП(б) заявлял: «Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход... революции и выяснить, почему... мы имеем такие переломы..., а именно Октябрьскую революцию». То есть речь о едином революционном процессе 1917 г., стержень которого – «общенародная» революция. Но для спасения этой (для большевиков – буржуазно-демократической) революции понадобился Октябрьский перелом. Вторая русская революция есть многосоставное единое, Октябрь – изнутри нее. Год спустя, на VIII съезде партии, Ленин уточняет: «...пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции – наша революция...до лета и даже осени 1918 г., была в значительной мере революцией буржуазной. Мы этого сказать не боимся. Мы так легко проделали Октябрьскую революцию, потому что крестьянство в целом шло с нами». Выступая в 1920 г. на I Всероссийском съезде трудовых казаков и обращаясь к правящим в 1917 г. меньшевикам и эсерам, Ленин спрашивал: «Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу?» Но о каких «социальных реформах» могла идти речь со стороны мелкобуржуазных (по Ленину) социалистов? То есть и в 1920 г. предсовнаркома признает: основные задачи революционного процесса 1917 г. – задачи *революционно-демократические*. Чуть позже Ленин повторяет, что «русская революция после переворота 25.X. 1917 г. проходила через стадию “общедемократической”... борьбы всего крестьянства в целом». В августе 1921 г., вычлняя «1-й... этап» Октябрьской революции, Ленин уточняет: «Была ли тогда революция буржуазной? – и отвечает. – Конечно...», хотя «в то же время» большевики «сделали гигантски многое сверх буржуазной революции». Позднее, подводя итоги 4-летней годовщины Октября, Ленин подтверждал: «Непосредственной... задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая», которую большевики реализовали «до конца, как никто» еще в мире. И далее разъяснял: «Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная... что только борьба решит, насколько нам удастся... продвинуться». И уточнял затем, говоря о соотношении буржуазно-демократической и социалистической революции: «Первая перерастает во вторую... Вторая закрепляет дело первой... и только борьба решает, насколько удастся второй перерости первую». И еще в марте он записывал: «Теоретический экскурс *а*) буржуазная или социалистическая революция?» и отвечал: «Решит борьба», помечая для себя в мае 1921 г.: «“Термидор”? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим», разъясняя Ж. Садулю нэп как самотермидоризацию

большевиков. И почти тогда же отмечал: «Союз этот [рабочих с крестьянством] против Деникина и К° не то, что союз в экономическом строительстве. Первый = буржуазная революция. Второй = социалистическая революция». А осенью 1921 г. соглашался: «Можно спорить... что выйдет “в конце концов” из земельных преобразований великой Октябрьской революции» [Ленин, Политический отчет; Ленин, Отчет; Ленин, Доклад о новой; Ленин, Тезисы; Ленин, Планы брошюры; Ленин, Планы доклада; Ленин, Новые времена...; Ленин, К четырехлетней; Ленин, Новая...; Ленин, Доклад о новой; Ленин, Заметки...]. Как уже фиксировалось, Ленин исходил из того, что «характер революции в конечном итоге определяется ее экономическими и социально-политическими результатами...» [Ярцев].

Повторим: большевики отстаивали РДА в 1917 г., а реальные партнеры упорно отвергали этот вариант. Фундаментальность же, глубина его подтверждается ходом событий: нэп представляет собой не что иное, как продолжение революционно-демократического пласта ленинских и иных изысканий весны-осени 1917 г. в новых условиях. Сам метод анализа, исходя из *многоукладной* экономики и *качественно новой роли субъекта* в жизни общества с выходом на *госкапитализм* как стержневое начало экономической политики, мобилизующей на спасение страны все созидательные социально-экономические силы, ставка на *план и рынок*, на развитие социалистического уклада в реальной экономической конкуренции, – принципиально здесь, на наш взгляд, гораздо больше общего с пронэповским пластом весны-осени 1917 г., нежели отличного [Шепелева, 2009, с. 596–601, 606–612].

И, видимо, можно провести некоторые параллели между ситуацией упущенной полномасштабной РДА 1917 г. и ситуацией срыва нэповской альтернативы конца 20-х гг. Первая с большой долей вероятности чревата была гражданской войной, вторая привела к своего рода «гражданской войне». Наиболее существенное в способе избежать братоубийственной трагедии в первом случае – революционно-демократическая диктатура, *партийно* представляющая интересы громадного большинства населения страны. Наиболее существенное в способе ликвидации нэпа – административно-командная в пределах однопартийности система власти и управления. В первом случае субъективный фактор оказался не полностью адекватным требованиям момента, во втором – сорвался в субъективизм на уровне своего решающего звена (правлящей партии).

Добавим, если после Октября намечался «левый» способ реализации РДА, то вскоре обстоятельства свели эту ситуацию к «диктатуре пролетариата». Однако российская действительность оптимально соответ-

ствовала РДА, что хаос Гражданской войны выявлял четко. Плюс к тому – страшный подрыв за эти годы немногочисленного пролетариата. И потому: не есть ли элемент «искусственности» в системе «диктатуры пролетариата»? В любом случае здесь есть опасность подмены – и не условия ли для возможности вызревания чего-то вроде административно-командной системы, угрозу чего Ленин фиксировал многократным обращением к проблеме бюрократии – «если что нас погубит, то это», тогда как должное в политико-управленческой составляющей «советского проекта»: Советы – власть для народа *через народ* [Ленин, Очередные задачи...; Ленин, Г. Я. Сокольникову; Коржихина].

Любопытно, что Им. Валлерстайн, растворивший «советский проект» в капиталистической мир-экономике, сам приходит как к спасению для мира к установке, лежащей в основе «советского проекта» – к ставке на субъект, на синтез разума и социальной справедливости.

Беседа тов. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом // Большевик. 1934. № 17 // Ситуация в России : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1202.htm (дата обращения: 20.07.2017).

Валлерстайн Им., Дерлугьян Г. История одного падения // Эксперт. 2012. №1 (784) [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2012/1/istoriya-odnogo-padeniya/> (дата обращения: 20.07.2017).

Валлерстайн Им. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2003.

Валлерстайн Им. Ленин и ленинизм завтра и послезавтра // Эксперт. 2011. № 1 (735) [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2011/01/lenin-i-leninizm-segodnya-i-poslezavtra/> (дата обращения: 20.07.2017).

Коржихина Т. П. В. И. Ленин о сущности бюрократизма и методах борьбы с ним в условиях построения социалистического общества // Вопр. истории. 1987. № 8. С. 3–19.

Ленин В. И. Доклад на собрании большевиков – участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 31. С. 103–112.

Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 113–118.

Ленин В. И. Письма о тактике // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 131–144.

Ленин В. И. О двоевластии // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 145–148.

Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 149–186.

Ленин В. И. Бесстыдная ложь капиталистов // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 207–208.

Ленин В. И. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) 14–22 апр. (ст. ст.) 1917 г. : Доклад; Заключительное слово // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 239–249.

Ленин В. И. Уроки кризиса // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 324–327.

Ленин В. И. Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24–29 апр. (ст. ст.) 1917 г. : Доклад // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 31. С. 342–360.

Ленин В. И. Государство и революция // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 33. 1–120

Ленин В. И. О компромиссах // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 34. С. 133–139.

Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 34. С. 151–199.

Ленин В. И. Проект резолюции о современном политическом моменте // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 34. С. 144–150.

Ленин В. И. Русская революция и гражданская война // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 34. С. 214–228.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 34. С. 287–339.

Ленин В. И. Доклад о задачах власти Советов. Резолюция. 25 окт. (ст. ст.) 1917 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 2–5.

Ленин В. И. Доклад о земле 26 окт. (ст. ст.) 1917 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 35. С. 23–27.

Ленин В. И. Политический отчет ЦК / Седьмой экстренный съезд РКП(б) // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 36. С. 3–26.

Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 36. С. 165–208.

Ленин В. И. Отчет ЦК 18 марта 1919 г. / VIII съезд РКП(б) // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1969. Т. 38. С. 131–150.

Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1974. Т. 40. С. 166–187.

Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1970. Т. 43. С. 57–73.

Ленин В. И. План речи о замене разверстки налогом // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. С. 371.

Ленин В. И. Планы брошюры «О продовольственном налоге» // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. С. 379–387.

Ленин В. И. Планы доклада о продовольственном налоге // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. С. 403.

Ленин В. И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. С. 101–109.

Ленин В. И. Доклад о новой экономической политике. 29 окт. 1921 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. С. 193–213.

Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. С. 144–152.

Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. С. 155–175.

Ленин В. И. Заметки публициста // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 44. С. 415–423.

Ленин В. И. Г. Я. Сокольникову. 22 и 28 февр. 1922 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1975. Т. 54. С. 180.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.

Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. Т. 1. М., 1991.

Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.

Шепелева В. Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии) : монография. Омск, 2009.

Шепелева В. Б. 1917-й год в контексте постнеклассических поисков. Вопросы теории и методологии. Saarbrücken, 2012.

Шепелева В. Б. Проблема революционно-демократической альтернативы в России 1917–1920 гг. (вопросы теории, методологии, историографии) : дис. ... докт. ист. наук. Омск, 2013.

Ярцев Б. Становление социализма и платформа меньшевиков в 20-е годы // Общ. мысль: исследования и публикации. М., 1990. Вып. 2. С. 105–124.

УДК 930.94(47).084.3/.084.6

А. С. Козлов

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПОЛИТИКЕ СССР 20–30-х гг. КАК «ПРОЯВЛЕНИИ ВИЗАНТИЗМА»

Исследуются явно непродуктивные попытки тех современных западных историков, которые пытаются оценивать внутреннюю и внешнюю политику СССР (преимущественно периода социалистической реконструкции) как реализацию «византизма», восходящего к континуитету политики России от политики Византийской империи и обоснованного мыслителями типа К. Леонтьева и В. Соловьева. Показаны качественная неоднородность использования этими историками как по существу, так и по форме концепта «византизм» при характеристике указанного тематического ряда.

К л ю ч е в ы е с л о в а: англоязычная современная историография, СССР периода социалистической реконструкции, западная советология, византизм.

Актуальность темы видна хотя бы в том, что не только среди части историософствующих историков, но и склонных к ретроспективному взгляду политологов с 50-х гг. XX в. временами возникает мнение, что если не евразийство, то новый византизм станет в центр фундаментальной идеологии России. Причем те в западной исторической мысли, кто считает себя последователями А. Тойнби, все же склонны рассматривать византизм на рубеже XX–XXI вв. не только как традицию православия, но и как чувство государственной общности с Византией (см. высказывания на этот счет Т. фон Лауе, Т. Шанина, К. Кумара). При том надо сказать, что сам Тойнби настолько далеко не заходил. Он делал акцент на том аспекте византизма, который подчеркивал специфику *западной* политики России и одновременно – специфику ее модернизации в 20–30-е гг. XX в.: русские в их активном взаимодействии с Западом постоянно демонстрировали противоречивость своих реакций; ими двигало упорное желание сохранять собственную идентичность и независимость от Европы, и вместе с тем им хотелось ни в чем не отставать от нее.

Ряд современных западных специалистов (особенно англоязычных), верно уловив суть византизма (в том виде, как его преподнесли К. Леонтьев и В. Соловьев) как *православного этатизма*, четко определяет и его признаки, сложившиеся при становлении *классической* советской цивилизации (т. е. в 1920–1930-е гг.): 1) приоритет духовного делания над личным преуспеванием; 2) приоритет государства над обществом; при этом второе прямо вытекает из первого, а цели разных групп и личностей подчиняются целям государства, которое создает условия для их духовного преуспевания. Государство тянет людей к Богу, отодвигая на второй план их материальные устремления. Подобная модель, как отмечает весьма повлиявший на определенный сектор англоязычной историографии немецкий исследователь Э. К. Суттнер, отличается от западноевропейской, которая предполагает приоритет личных и групповых интересов. В советский период, замечают такого рода изыскатели, византизм дошел до пределов своего исчерпания, однако был спасен Сталиным, который не дал «троцкистам» и «бухаринцам» реализовать свои авантюристические и в конечном итоге западнические проекты [Suttner, s. 505; ср.: Hösch, s. 392].

Нетрудно заметить, что таких зарубежных исследователей прежде всего волнует тот аспект византизма, который касается его отношений с европейской (читай – западной) системой ценностей. И здесь исторический феномен того, что ныне именуется «социалистической реконструкцией», привлекает их внимание далеко не в последнюю очередь. Правда, специальных работ на этот счет, насколько мне известно, не существует.

Зато есть несколько групп (если угодно – типов) наблюдений над тем, насколько те или иные моменты византизма пронизывали, дескать, советскую политику в 1920–1930-е гг.

Например, некоторые западные исследователи «советского менталитета» довоенного времени замечают (правда, как правило, мимоходом), что для византизма начала этого периода определяющей является мысль о том, что Россия в одиночестве была бессильна и только при определенном консенсусе с другими государствами оказалась в состоянии выполнять свою модернизацию. Некоторые авторы (правда, отнюдь не историки-эмпирики) даже посчитали, что сила Советской России в 1920–1930-е гг. (и даже в 1940-е гг.) оказалась в соборном единении (!) с другими народами (например, в 1920-е гг. – с Германией). Тем самым, оказывается, именно в России были все предпосылки для реализации идеи Соловьева о том, что «христианская семья народов не есть семья христианских народов» [см., например: Рое, р. 58]. Но политика византизма (в том числе и с сентября 1939 г.) может, согласно подобным оценкам, рассматриваться и как продолжение собирания народов бывшей Российской империи в единое целое, где национальное религиозное и все другие виды своеобразия не только сохранялись, но и формально гарантировались в законодательном порядке. Во внутренней политике византизм проявлялся в создании максимально жестких правил развития духовной и экономической жизни каждого народа, включаемого в состав СССР, независимо от его численности и конфессиональной принадлежности [Service, р. 48–50].

Учитывая подобную специфику серьезных английских и американских исследований, касающихся проблемы проявлений имперских (= византийских) феноменов в СССР (преимущественно в 1930-х гг. и в ходе Великой Отечественной войны) (при том, что данное, аутентичное нашему российскому самоосознанию, название войны в англоязычной литературе не употребляется) и в имперском использовании ее последствий, приоритетную проблематику таких работ (выделяющихся в потоке околонучных изданий) можно разделить на несколько групп: 1) работы, продолжающие традиционную «тоталитарную» советскую тематику как один из ведущих факторов державности СССР (в том числе как проявлении византийского наследия); 2) работы, характеризующие место советских вооруженных сил в реализации этой державности (особенно во второй половине 1930-х гг.); 3) работы, посвященные анализу динамики «Восточного фронта» во Второй мировой войне, и особенно в 1941–1942 гг.

В исследованиях, появившихся с 1990-х гг., например, отчетливо видна тенденция, во многом противоположная изысканиям времен холодной

войны, не рассматривать Россию как общество и государство, генетически предрасположенные к авторитаризму византийского типа, мессианству и агрессивности (империализму), при том, что Россия не является европейской и азиатской цивилизацией в любом историко-культурном смысле. Наиболее показательны в данном ключе изыскания, выполненные М. По (Принстонский университет). В частности, в монографии 2003 г. «Российский момент в истории» он пишет, что уже XVIII в. показал: «Русская элита создала первое жизнеспособное общество, способное к сопротивлению вызовам Европы» [Рое, р. 58]. Даже при Сталине, по его мнению, elite of ruling class в своих интересах сотрудничала с авторитарной властью, оказавшейся способной завершить к началу мировой войны оптимальную модернизацию, при том, что русские сохраняли «веру» в уместность подобной власти, особенно перед лицом европейских угроз. Конечно, подобные модели поведения разрушились при Горбачеве, но в 1941–1945 гг. они продемонстрировали высокую эффективность. К подобным суждениям склонен и Уолтер Мосс (Мичиганский университет), подчеркивающий, что коммунистическое правление (и это показала война 1941–1945 гг.) в большей степени было успехом российской цивилизации нежели шагом назад (при том, что тогда имели место и жестокость власти, и репрессии). Даже во время войны авторитарно-имперские структуры обеспечивали минимумом необходимого миллионы советских граждан, а после войны — миллионы своих последователей в третьем мире [Moss, р. 283–284].

Один из популярнейших сюжетов в англоязычной русистике последних лет — место национального вопроса в истории России, в том числе в 1930–1940-е гг. Актуальность темы, естественно, была обострена феноменом распада СССР. Применительно к проблематике истории социалистической реконструкции и Великой Отечественной войны изыскания в данной области исходили из давно утвердившегося в англо-американской историографии взгляда на поощряемость «российского» национализма государством, *начиная со Сталина* (что само по себе является крайне спорным), причем в свете последних историко-антропологических изысканий такая оценка обретает яркий традиционалистский заряд. Ссылки на «византизм» политики СССР в рамках национального вопроса в таких работах почти иссякают. Значительная часть серьезных исследователей национализма в СССР пишут об огромной инерции царского и советского прошлого в данном вопросе, и это, по их мнению, сделало построение российской нации крайне трудным делом в послеперестроечной Российской Федерации. Обращая внимание на такого рода инерцию в период 1930-х, и особенно 1939–1945 гг., один из наиболее авторитетных совре-

менных специалистов по данной проблеме, Роберт Сервис (Гарвардский университет), в книге «Россия: эксперимент над народом» (2003 г.) основное внимание уделяет характеру глубокой взаимосвязи авторитарного имперского государства (без ссылок на византийскую традицию) и national consciousness. Один из его выводов: если до войны успехи большевиков в конструировании нового национального сознания на базе пролетарского интернационализма (изменение флагов, гимнов, названий городов, тоталитарная пропаганда и образование) были весьма скромны, то Сталин в кратчайшие сроки, особенно в 1941–1945 гг. эту задачу практически решил [Service; ср.: Martin, p. 402–410].

Что касается раскрытия традиционной для советологической историографии проблемы характера российского тоталитаризма, то в рассматриваемых нами тематическом и хронологическом срезах она как никакая другая демонстрирует использование исследователями междисциплинарных подходов, мобилизуя синтез методик истории, социологии и политологии. «Византизм» в таких работах как черта советской политической и идейной жизни сужается до уровня метафоры. В современных англоязычных изысканиях такого рода констатация развития СССР в рамках тоталитарной модели сопровождается многочисленными оговорками, почти немислимыми в исследованиях 1960 – начала 1980-х гг. Например, в значительной части фундаментальных работ отмечается системная прочность СССР (исход войны тому ярчайший показатель). Фатальной обреченности у такого общества не было, по крайней мере на основе его внутренних закономерностей развития. Известный сторонник междисциплинарности при изучении последних В. Шляпентох (Мичиганский университет) в своей знаменитой книге «Обыкновенное тоталитарное общество» (2001) категорически не соглашается с большинством советологов последней четверти XX в., утверждавших, что в условиях большевистской державности (и даже во время войны) «высокая политика» пусть слабо, но отражала противоречия между региональными партийными группами. По его мнению, партийные секретари на местах (война это показала наглядно) почти всегда защищали интересы центра, а областные и республиканские нужды подчеркивали только в случаях крупных перебоев с продуктами первой необходимости, так как это могло породить социальные брожения. Шляпентох видит только один фактор проявления «регионального фактора» во время войны и в послевоенные годы: когда бывшие местные секретари партийных комитетов переводились в Москву, то они стремились укомплектовать там свои офисы своими же земляками.

Примечательно, что при попытках охарактеризовать взаимосвязь партийно-государственного руководства СССР и рядового населения, значительная часть англоязычных специалистов по проблемам предвоенного периода в той или иной форме пишет о двойных стандартах поведения советской элиты по отношению к гражданам. Тот же В. Шляпентох, а также Э. Шираев, У. Лакмэн и ряд других отмечают публичное, базирующееся на идеологии, восхваление «народных масс» со стороны *soviet leaders*, – панегирики, которые противоречили «зашифрованному» в ментальном подсознании этих лидеров иному имиджу рядовых граждан как «склонных к лени, пьянству, воровству и предательству». Этот имидж, совершенно не присущий «византийской традиции», рождал у лидеров страх перед массами, в котором таилась одна из причин развития *the political police* с ее гигантской сетью информаторов. Отсюда же весьма своеобразное место вооруженных сил в советской системе. Так, по мнению Шляпентоха, «In the military, the masses were readily compelled to accept authority» [Shlapentokh, p. 32–33]. Что же касается системной взаимозависимости пенитенциарной сферы или затрат человеческих ресурсов советской державой в 1939–1945 гг. с уровнем тогдашней жизни, то, по мнению Шляпентоха, доминировал следующий вектор: «Большевики рассматривали людей как расходный материал и никогда всерьез не интересовались числом жизней, которыми жертвовали ради достижения своих целей <...> Большевизм в разных формах демонстрировал пренебрежение рядовыми гражданами – при голоде миллионов во время коллективизации, гибель неопределенного числа военнотружущих во время гражданской войны и Второй мировой, жестокого пренебрежения 5,7 млн заключенных в немецких концлагерях...» [Op. cit., p. 34].

В последние полтора десятилетия специалисты Англии, США и Канады, обращающиеся к истории Вооруженных сил России и СССР, с одной стороны, имеют тенденцию рассматривать их развитие в широких временных рамках, во-вторых, стараются использовать структурно-модельную методiku в анализе их функционирования в экстремальных ситуациях. Для значительной части серьезных историков, занимающихся подобными сюжетами сталинского времени характерно: а) подчеркивание преемственности построения и применения Красной Армии в связи с опытом вооруженных сил дооктябрьской России; б) стремление увидеть связь державной сущности Красной Армии с державным менталитетом гражданского населения СССР (отсюда – подчеркивание известной справедливости советского понятия «народная армия»); в) внимание к тому обстоятельству, что теснейшая взаимосвязь Красной Армии с граж-

данскими структурами накануне и во время мировой войны исключала высокий уровень корпоративности офицерского состава армии и возможности военного переворота. Последний сюжет особенно рельефен в монографии кембриджского профессора Б. Тейлора (об истории взаимосвязи армии и гражданских структур России 1689–2000 гг.). Византийскую традицию в построении Красной Армии ученый отрицает полностью, исходя из моделей «возможностей» и «стимулов», достаточно традиционных для России [Taylor, p. 37]. Тейлор приводит массу аргументов для вывода о невозможности в СССР кануна и времен Великой войны чего-либо подобного заговору военных 1944 г. в Германии. Сильное имперское государство Сталина предполагало «внутреннюю и организационно оптимальную взаимопомощь структур, обуславливающих единый облик чиновников, военных и гражданских, одинаковые стереотипы их поведения, включая стимулы к консолидации в 1939–1945 гг.» [Op. cit., p. 29]. Во многом по этим же причинам в послесталинское время, считает Тейлор, военные в СССР–России не были угрозой демократизации. В России, в отличие от Византии и восточных держав, военные крайне редко тягивались в политику (в период Гражданской войны и при распаде СССР, намного в меньшей степени – во время Второй мировой), но, во-первых, в политику их тягивало гражданское руководство страны, во-вторых, специфическая идеологизированность армии предполагала дистанцированность ее офицерского корпуса от власти (доходящая до брезгливости). Данную мысль Тейлора разделяет Дейл Харспринг (Канзасский университет), полагающий, что даже конфликт Г. К. Жукова с Н. С. Хрущевым был прежде всего личным, а поведение верхушки военных в октябре 1993 г. обуславливалось, во-первых, традиционной дисциплиной, во-вторых, осознанием того, что перевод стрелок часов назад грозил гражданской войной [Herspring, 1996, p. 68–69; ср.: Herspring, 1998, p. 25].

Несколько иная ситуация (применительно к улавливанию традиций «византизма») может наблюдаться в некоторых работах, посвященных внешней политике СССР 1920–1930-х гг. Ряд исследователей (Л. Пеано, Э. Мюллер, А. Брюкнер) замечают, что слабостью оценок расширения зоны советского влияния во второй половине 1930-х гг., но особенно в 1944–1945 гг. в свете «традиций византизма» в сталинской политике является тот факт, что установление тесных контактов со странами бывшей византийской Ойкумены вело внешнюю политику к сдвигам к *периферийным* направлениям. Однако формы контактов СССР с Грецией, Сербией, Эфиопией, Кипром, Болгарией и другими субъектами «Византийского содружества» (термин Д. Оболенского (Великобритания)) зависели от конкретной международной обстановки (во многом исходя из отноше-

ний с союзниками, а не из генетических традиций «восточного вопроса») и определялись конкретно в каждом отдельном случае [Weeks, p. 79].

Отдельно отмечается, что к особой группе стран бывшего «византийского содружества» относились на заключительном этапе войны Кипр, Эфиопия и Македония. Единственное, что отличало их от стран типа Болгарии, – это неготовность (в том числе и на сегодняшний день) к той степени сближения и даже интеграции с Россией, что отличало Белоруссию, Армению и Сербию. В силу ее особого места, полагают подобные наблюдатели, должна быть отдельно рассмотрена Греция. Интегрированная довольно основательно в западные структуры еще до октября 1940 г., Греция в период войны оставалась зоной влияния не «византийско-имперских вызовов России», а Британской империи, но сейчас оказывается «ахиллесовой пятой» в системе НАТО и более того, в случае определенного развития событий может стать «пятой колонной» в НАТО, каковой и является по своей потенциальной настроенности уже сегодня [Moss, p. 121]. Спорное, но актуальное наблюдение.

В духе «импрессионистского налета», долго доминировавшего в американской историографии, по замечанию Р. К. Рэека, давались (и иногда даются до сих пор (см. работы сторонников «генерализационного направления» в исторических исследованиях 1960-х гг.) странные оценки соотношению византизма и патриотизма в 1930-е гг. и в войне 1941–1945 гг. [Raack, p. 215]. Такого рода «открытия» могут коррелироваться с некоторыми наблюдениями над развитием идеологии. Отличие византизма от всех европейских идеологий предвоенного и военного времени, по мнению В. Шлапентоха, например, состоит в том, что византизм находился (и находится) по ту сторону нигилизма. В отличие и от коммунизма Маркса, и от «демократии» ценностные установки сталинского византизма имели абсолютный характер, поскольку принцип *тотального* низвержения одних ценностей для утверждения других ценностей был ему совершенно чужд. Отсюда и феномен сталинского патриотизма 1930 – начала 1950-х гг. Для этого византизма определяющим являлась позитивная установка по отношению ко всем «формациям» [Shlapentokh, p. 32–33].

Историософия предоставляет безграничное поле для таких суждений. Так, византизм Сталина, по мнению У. Мосса, будучи идеологией православного религиозного мировосприятия и продуктом последнего, вместе с тем не был «воцерковлен» в смысле отождествления себя в полной мере с идеологией псевдорелигиозного типа (каковой являлся сталинский коммунизм), а являлся идеологией государственного строительства, призванного обеспечить единство абсолютного и относительного – государствен-

ного созидания и стремления к Абсолюту (в том числе и в достижении Победы до полной и безоговорочной капитуляции врага), иначе говоря, к полному решению поставленных государством задач [Moss, p. 283–284].

Стройной системы в использовании леонтьевского или соловьевского подхода к византизму в современных англоязычных исследованиях нет, как нет и специальных работ по проверке актуализации применения этого феномена к истории советского периода в целом и истории СССР периода социалистической реконструкции в частности. Глубокие и серьезные исследователи, имеющие дело с эмпирикой источников, предпочитают не делать обобщений, связанных с проецированием православного этатизма на СССР сталинского времени. Апелляции к византизму советского общества и векторов внешней политики СССР в период 1920–1930-х гг. и Великой Отечественной войны в крупных и значимых работах западных авторов носят исключительно выборочный характер, граничащий с публицистичностью. Труды, где подобные приемы являются правилом, хотя и входят в фонд историографии, посвященной драме 1930–1940-х гг., но не являются основополагающими для углубления знаний об этом периоде, а скорее служат данью инерции некоторых направлений советологии 1950–1960 гг., имеющих слабое отношение к вдумчивой исторической науке.

Herspring D. Russian Civil-Military Relations; Past and Present. Princeton, 1996.

Herspring D. The Soviet High Command 1964–1989: Politics and Personalities. Princeton, 1998.

Hösch E. Geschichte Russlands: vom Kiever Reich bis zum Zerfall des Sowjetimperiums. Stuttgart, Berlin, Köln, 1996.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N. Y., 2001.

Moss W. A History of Russia: Since 1855 (Anthem Series on Russian, East European and Eurasian Studies) // Anthem. 2005. Vol. 2.

Poe M. T. The Russian Moment in World History. Princeton, 2003. P. 136.

Raack R. C. Stalin's Drive to the West, 1938–1945: The Origins of the Cold War. Stanford (Cal.), 1995.

Service R. Russia: Experiment with a People. Cambridge, 2003.

Shlapentokh V. A. Normal Totalitarian Society: How the Soviet Union Functioned and How It Collapsed. Armonk, N. Y., 2001.

Suttner E. C. Kirche und Nationen. Beiträge zur Frage nach dem Verhältnis der Kirche zu den Völkern und der Völker zur Religion (Das östliche Christentum, 46). Hbd. 2. Würzburg, 1997.

Taylor B. D. Politics and the Russian Army: Civil-Military Relations, 168–2000. N. Y., 2003.

Weeks A. L. Stalin's Other War: Soviet Grand Strategy, 1939–1941. Lanham, 2002.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И ИСТОРИОСОФИЯ Б. В. ЯКОВЕНКО (1917–1922)*

В статье рассмотрены политические, историософские взгляды Б. В. Яковенко и его отношение к русской революции 1917 г., большевизму и первым годам советской власти. Эмигрант Борис Яковенко жил в Италии, был революционным демократом, приветствовал свержение царской власти в России и поддержал Временное правительство. В итальянских газетах он развивал идею революции, которая должна привести Россию к торжеству свободы и демократии. Яковенко предлагал свои проекты социальных преобразований и решения общеевропейских проблем. Позднее он осмыслил победу большевиков и события 1917–1922 гг. в книге «История великой русской революции» и работе «Философия большевизма». Против политики большевиков Яковенко обосновал программу «революционного идеализма», которая включала преодоление политического эгоизма и произвола, веру в ценность свободы и творческую силу революции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция, большевизм, политика, историософия, демократия, свобода, Первая мировая война, Советская Россия, Италия.

Борис Валентинович Яковенко (1884–1949) родился в семье революционеров-народников, был воспитан в революционном духе, неоднократно арестовывался, жил под надзором полиции. Даже учеба в немецких университетах (Гейдельберга и Фрейбурга) не изменила его революционных настроений. С 1908 г. Яковенко жил в Италии, периодически выезжая в Германию и Россию, которую последний раз посетил в 1914 г. Всплеск политической активности для Яковенко был связан с революцией 1917 г. и редактированием двух газет на итальянском языке «La Russia» («Россия», 1917–1918) и «La Russia nuova» («Новая Россия», 1918–1919). Именно политические статьи Яковенко в этих газетах могут дать основу для понимания его последующих работ – книги «История великой русской революции» (закончена в 1922 г., впервые опубликована в 2013 г.) и брошюры «Философия большевизма» (1922). Необходимо сопоставить публицистику Яковенко 1917–1919 гг. с его историософскими размыш-

* Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00126 «Русское присутствие в Италии в первой половине XX века».

лениями в последующих работах. Политическая публицистика и историософия Бориса Яковенко заслуживают внимания по нескольким причинам: во-первых, Яковенко был носителем революционно-демократического сознания, характерного для многих представителей российской интеллигенции начала XX в.; во-вторых, в его работах идея революции трансформировалась и обросла своеобразной мифологией, с точки зрения которой мыслитель предлагал свои проекты социальных преобразований. Проживая в Италии, Яковенко был вдали от реальной политической и классовой борьбы, что позволяло ему находиться «над схваткой», более трезво оценивать события, но одновременно идеализировать действительность и предлагать для России во многом утопические проекты социальной и политической организации. Позиция Яковенко очень характерна для определенного отношения к политике и революции, связана как с событиями отдельной исторической эпохи, так и с вечно актуальными социальными проблемами, независимыми от перемен.

В декабре 1917 г. при поддержке посольства России в Риме начинает выходить газета «Россия», в которой Яковенко является одним из редакторов и авторов. В первом номере от 2 декабря 1917 г. напечатана от редакции вступительная статья Яковенко, в которой, среди прочего, утверждалось, что мировая война есть гигантское потрясение, которое принесет изменения в национальную жизнь, социальные отношения и духовную культуру, потому что война должна закончиться победой демократических сил. Яковенко понимал войну не как борьбу между военно-политическими союзами (Антантой и Центральными державами), а как столкновение двух систем – демократии и автократии. Демократические страны, в том числе новая Россия, ведут «крестовый поход за свободу наций и мир на всей земле» [Яковенко, 1984, р. 1]. Такая идеализация политических сил очень характерна для Яковенко и его политической философии, что объясняет многие последующие рассуждения и выводы автора. Следует заметить, что отмеченная идеализация совсем не проистекала из какой-то личной наивности, а была связана с поиском Яковенко политического идеала, причем не только в отвлеченной теории, но и применительно к реальным историческим силам.

По мнению Яковенко, Россия, свергнув монархию, полностью обновилась, полноценно вошла в сообщество демократических стран. Однако она по-прежнему вызывает настороженное отношение со стороны союзников. Причиной такого положения Яковенко называл непонимание, царящее между странами. Россию из-за ее обширного географического пространства, культурных отличий, особенностей национального характера

европейские страны воспринимают как угрозу. Как полагал Яковенко, только знание России может исправить существующее недоразумение. Газета «Россия», по мысли Яковенко, призвана рассказать о России и преодолеть моральное отчуждение европейских стран по отношению к новому демократическому российскому государству.

Яковенко призывал итальянских читателей прежде всего «познать душу и характер русского народа» [Jakovenko, 1984, р. 6]. Характер же русского народа, по мнению Яковенко, сформировался из двух обстоятельств: беспредельности географической территории и разнообразия этнических элементов. Нужны были особые условия для того, чтобы соединить большое пространство и множество народов в единое государство. Таковыми стали в основном внешние угрозы и возможная потеря независимости (от монголо-татарского ига до вторжения Наполеона в 1812 г.). Объединение России произошло прежде всего в народном сознании, которое сформировалось в тяжелых испытаниях. Именно исторические испытания и победы позволяют Яковенко надеяться на лучшее: на то, что произойдет прояснение народного сознания, и Россия соберет свои силы и найдет выход из трудного положения. Успех большевиков Яковенко воспринимал как временное отклонение от правильного пути революции к свободе и демократии. По его представлениям, Россия, обретя политическую свободу, стала частью демократической Европы, поэтому может и должна преодолеть все трудности, а затем вернуться в военный лагерь союзников, чтобы победить врага и добиться общеевропейского мира. Яковенко верил как в демократический идеал, так и в исторический прогресс, который неизбежно предполагает потрясения и испытания, чтобы затем выйти на новый виток развития. Россия родилась для новой жизни, и ее порыв к свободе уже ничего не остановит. Такая историософская картина сложилась у Яковенко в конце 1917 г., и затем в связи с новыми событиями в России ее пришлось корректировать и осмысливать.

Последующие политические статьи Яковенко 1918–1919 гг. в основном имеют одну задачу: комментировать для итальянского читателя происходящее в России, исходя из политического идеала, который настойчиво и последовательно защищает автор. Причем Яковенко понимал, что разрыв между его идеалом и реальностью становится все больше и больше. Яркий пример – выпущенная в 1919 г. брошюра Яковенко «“Содружество народов” или “вражда народов”?» (переиздана в 1969 г.). Брошюра была издана на английском языке и приурочена к началу Мирной конференции в Париже, т. е. по сути прямо адресована европейским политикам, которые решали судьбу послевоенной Европы. В данном случае

идеалом для Яковенко стало «содружество народов», благодаря которому может быть утверждён долговечный мир. Яковенко провозгласил новые методы для решения международных проблем. К ним он относил полный отказ от «политики силы», опору на принципы справедливости и взаимопонимания. В то же время Яковенко признавал, что европейская политика становится все более реакционной по отношению к Германии и России. От Германии требуют аннексий и контрибуций, а в России поддерживают диктатуру адмирала А. В. Колчака и другие, по мнению Яковенко, реакционные силы.

Чтобы преодолеть явный разрыв между Европой, которая борется за свободу и справедливость, и Европой, опирающуюся на «политику силы», Яковенко предлагал «радикально изменить тактику и политику по всем направлениям» [Jakovenko, 1969, p. 6]. В отношении Германии это значило прекращение оккупации немецкой территории, сокращение до минимума контрибуции, приглашение представителей немецкого народа к полноправному диалогу и участию в Мирной конференции, в отношении России – отказ от «экономической блокады» и вмешательства во внутренние российские дела, решение всех вопросов о будущем устройстве Европы с участием представителей русского народа.

Далее, во второй части брошюры, Яковенко изложил свои взгляды на будущее государственное устройство России, которое еще предстоит создать. Он признавал принцип национального самоопределения, но тут же отмечал опасность его безоговорочного применения, способного привести к «зоологическому национализму». Принципиально важным Яковенко считал исторически сложившийся союз России и Украины, потому что Украина – это не просто провинция России, а ее полноправная часть. По мнению Яковенко, Россия сложилась как единое государство после объединения Великороссии и Малороссии (Украины), после чего возникла единая государственная, культурная и народная жизнь. Создание независимого украинского государства в 1918 г. было выгодно не самим украинцам, а немецким политическим и военным силам, которые стремились любым способом ослабить Россию. Чтобы решить проблему украинского национализма, Яковенко считал необходимым провозгласить в России новое государственное устройство, которое назвал «Федерация национальностей, а не государств».

По сути, Яковенко предлагал исключить существование других государственных образований в едином государстве, но ограничиться широкой автономией, сравнивая Украину с Южной Италией (Неаполем) в составе итальянского государства. Как известно, решения, принятые

на Мирной конференции в Париже (Версальский мирный договор), и дальнейшая история Советской России были далеки от политического идеала Яковенко.

Однако, несмотря на неблагоприятное развитие европейской политики и негативное отношение западных стран к Советской России, Яковенко не отказался от своих основных политических убеждений и взглядов на положительное значение революции. «Историю великой русской революции», законченную Яковенко в 1922 г., можно рассматривать как развитие одной темы, уже заявленной в его политической публицистике 1917–1919 гг. В последних статьях 1919 г. в газете «Новая Россия» Яковенко ясно обозначил свою политическую программу: с одной стороны, он призвал защищать завоевания революции, с другой – бороться за Учредительное собрание. Кроме того, Яковенко одновременно выступил против Колчака и против Ленина, но при этом подчеркивал, что диктатура Колчака – это реакция, против которой не может быть никаких компромиссов, а большевизм есть только неправильное развитие революции в сторону антидемократической политики, поэтому против Ленина и его правительства он предлагал тактику «лечения». Такая точка зрения уже в 1919 г. выглядела несколько необычной, а в 1920 г., когда большевики окончательно победили на большей территории России, стала просто анахронизмом. В книге о революции Яковенко попытался найти ответы на волновавшие его вопросы об антидемократических результатах революционного развития в России.

В предисловии к «Истории великой русской революции» Яковенко декларировал свои взгляды на историю, заявив о противоречивом положении историка между искусством и наукой. Считая историю наполовину художественным творчеством, которому присущи индивидуализм и субъективизм, Яковенко счел необходимым раскрыть свое личное отношение к теме исследования. Он заявил: «Дух революционности вошел в меня с первых же дней моей сознательной жизни и сделался одним из основных элементов моей души» [Яковенко, 2013, с. 25]. С другой стороны, Яковенко признавал наличие у себя определенной «объективности», которая проистекает из того, что он не принадлежал к какой-либо партии, и, следовательно, ему не нужно оправдывать чью-либо партийную программу. Свои исторические методы и взгляды на революцию Яковенко раскрыл достаточно ясно. Он отрицал концепцию «классовой борьбы», в которой видел проявление «экономического эгоизма»: «...классовая борьба пролетариата за свои экономические и социальные интересы

и права есть все-таки, в конце концов, борьба по-прежнему эгоистическая и потому не настоящая, не безусловная борьба за свободу человека» [Яковенко, 2013, с. 26]. «Настоящая революция» для Яковенко – это внутренняя, духовная и нравственная революция «в сознании и душе человека и человечества». Революция должна стать преодолением эгоистического насилия и произвола, «преображением» человечества ради «утверждения всецелой свободы и подлинного добра» [Яковенко, 2013, с. 27].

Яковенко признавал свою точку зрения «революционным идеализмом», из чего проистекала и его противоречивая оценка революции. По мнению Яковенко, революция по своему первоначальному замыслу (идее) была устремлена к утверждению свободы, но затем искажена посредством множества эгоистических интересов: «Дух человеческий, дух добра и свободы, рванувшись ввысь и потянув туда все и вся за собою, снова оказался стиснут и сперт в прокрустовом ложе эгоистического материализма» [Яковенко, 2013, с. 27]. Таким образом, Яковенко видел в революции прогрессивный и идеалистический фактор истории, но признавал, что его революционный идеал в полном и чистом виде практически неосуществим. Придя к пониманию такого исторического дуализма, затем Яковенко попытался его объяснить на примере конкретных фактов. С точки зрения Яковенко, несколько поколений русских людей жили подготовкой и ожиданием революции, но, когда произошел революционный взрыв, историческая ситуация оказалась крайне неблагоприятной для утверждения свободы. С одной стороны, тяжелые последствия войны и наследие старого режима, а с другой – слабость демократической традиции в России и психологические особенности русского революционера, который был больше способен разрушать, а не созидать. Совокупность факторов в результате дала самый негативный результат: кратковременный рывок к свободе и демократии закончился в России диктатурой одной партии. Исповедуя крайне идеалистические взгляды на революцию, Яковенко мог бы последовательно их развить и признать, что всякая революция обречена на провал и отказ от первоначальных идеалов (пример тому революции в Англии и Франции, которые обе закончились монархической реставрацией). Однако Яковенко не готов на такое признание и строит новую апологетическую схему в работе «Философия большевизма», в которой его анализ программы и практики большевизма в целом укладывается в схему «идеал – действительность».

На основе партийных документов и других источников Яковенко убедительно показал, что до революции и во время революции большевики

декларировали одно, а после захвата власти на практике стали осуществлять совершенно другое. По определению Яковенко, политико-социальная программа большевизма претерпела большие изменения, когда стала утверждаться на практике как «программа коммунистического управления страной и постепенного внедрения социалистических принципов и организации во все сферы народной жизни» [Яковенко, 2000, с. 898]. Программа минимум, ранее провозглашенная и закреплённая Конституцией РСФСР, постепенно шаг за шагом была поглощена программой «максимум». Иначе говоря, в теории продолжала существовать Конституция и защита всех гражданских прав, а на практике Советская Россия превратилась в «царство чрезвычайно резко выявленного деспотизма» [Яковенко, 2000, с. 901]. Однако Яковенко не был бы самим собой, если бы не нашёл в истории революции и первых лет Советской России какую-то надежду на будущее. Он заявил, что можно воспринимать большевизм как одну из стадий русской революции (пусть «зловещую» и «отталкивающую»), когда в корне изменилась российская действительность, произошло уничтожение капитализма. Яковенко надеялся, что Октябрьская революция «и зачала, и родила, и растит... пусть в муках и проклятии, но растит невиданное детище» [Яковенко, 2000, с. 922]. Даже хорошо понимая несовпадение идеала и исторической действительности, Яковенко все же продолжал верить в прогрессивное значение революции, считая, что ее положительные результаты могут проявиться через много лет.

Jakovenko B. Articoli su avvenimenti politici in Russia 1917–1921. Melbourne, 1984.

Jakovenko B. The “Society of Peoples” or the “Hostility of Peoples”? Melbourne, 1969.

Яковенко Б. В. История великой русской революции. М., 2013.

Яковенко Б. В. Мощь философии. СПб., 2000.

ВСТРЕЧА В. И. ЛЕНИНА И Г. Д. УЭЛЛСА: КАК ФАБИАНСКИЙ УТОПИСТ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ РЕАЛИСТ ОЦЕНИВАЛИ СВЯЗЬ РЕВОЛЮЦИИ И КУЛЬТУРЫ

Г. Уэллс, автор знаменитой книги «Россия во мгле» и пародийного изображения В. И. Ленина как «кремлевского мечтателя», мечтал о том, что авиация станет в будущей войне самым мощным средством уничтожения людей. Разговор при встрече изначально пошел о том, что большие города при коммунизме станут историческими памятниками, при этом Г. Уэллс обнаружил расхождение между спешащим коммунизмом и «эволюционным коллективизмом». Первая в мире массовая инсценировка «К мировой Коммуне» продемонстрировала единую пирамиду власти в глобальном капиталистическом обществе. А совокупность работ Г. Уэллса на деле была посвящена стратегической военной доктрине, призванной реализовать первую в мире империалистическую утопию будущего общества, что пронизательно увидел В. И. Ленин и отразил в воспоминаниях Л. Д. Троцкий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прогнозы великого фантаста, эволюционный коллективизм, беседа В. И. Ленина с Г. Уэллсом, реалистический революционер, фабианский утопист, массовая инсценировка, «К мировой Коммуне», «французская горка», открытое правительство, «открытый заговор», стратегическая военная доктрина, первая в мире империалистическая утопия.

В 1917 г. Г. Д. Уэллс выступил с памфлетом, в котором призвал к «войне, которая покончит со всеми войнами». Уэллс ждал Первую мировую войну с благоговением многие годы, ибо надеялся, как и представляемые им олигархи, на новое начало Британской империи после глобального конфликта, который очистит мировую арену для нового старта. В 1905 г. в «Современной утопии» Уэллс зафиксировал общественное внимание на новом видении войны, а в 1907 г. в книге «Война в воздухе» он описал трансконтинентальный военный конфликт с применением аэропланов. Эти прогнозы великого фантаста обычно описываются как забавные прозрения, и их помещали в советское время в журнале «Наука и жизнь» и в подобных ему популярных изданиях рядом с картинками смешного будущего вроде «газета по проводам», «воздушные лодки в городе», «поездка на велосипедах по проводам».

Однако Уэллс, автор «России во мгле» и пародийного изображения Ленина как «кремлевского мечтателя», мечтает о том, что авиация станет

самым мощным средством уничтожения людей, от которого нет спасения и защиты. Аэропланы способны уничтожить флот и города противника – в этой картине легко угадывается возникшая через 30 лет доктрина блицкрига во Второй мировой войне. А в книге 1914 г. «Мир становится свободным» Уэллс полагает, что аэропланы будут более эффективными, если они станут сбрасывать «атомные бомбы», эффект воздействия которых в мельчайших деталях напоминает настоящий ядерный взрыв. Напомним, что применение атомного оружия было предсказано задолго до Хиросимы и Нагасаки. Напомним также, какова была оценка В. И. Лениным Г. Уэллса зимой 1920–1921 гг. Л. Д. Троцкий свидетельствовал о кратком разговоре с Лениным перед заседанием политбюро: «“Ну и мещанин! Ну и филистер!” – повторял он, приподымая над столом обе руки, смеясь и вздыхая тем смехом и тем вздохом, какие у него характеризовали некоторый внутренний стыд за другого человека. “Ах, какой филистер”, – повторял он, заново переживая свою беседу» [Троцкий, с. 165]. Троцкий полагал, что, входя в Кремль, Уэллс «принес в своем сознании весь мусор международной буржуазной информации и своим проницательным глазом... открыл в кабинете Ленина то, что выудил заранее из “Times” или из другого резервуара благочестивых и прилизанных сплетен» [Там же, с. 169].

Троцкий, вообще не знакомый с творчеством фантаста, оценивает Уэллса как английского салонного социалиста, фабианца, беллетриста на фантастические и утопические темы, приехавшего взглянуть на коммунистические эксперименты. Уэллс полагал себя Гулливером, попавшим на прием к маленькому человечку. Разговор шел о том, что большие города при коммунизме станут историческими памятниками, и этим своим открытием Уэллс поделился с Лениным. Данное открытие представляло собой новость для Ленина из разряда сообщений о том, что «Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес», поскольку идея о городах представляла излюбленную тему немецкой социал-демократии. Фантаст поучал Ленина тому, что русские по природе своей индивидуалисты и торговцы, а для успеха социализма надо перестраивать психологию всего народа. И в этом отношении он обнаружил расхождение между спешащим коммунизмом и «эволюционным коллективизмом».

Троцкий пишет, что под последним «надо понимать фабианское вареву из либерализма, филантропии, экономного социального законодательства и воскресных размышлений о лучшем будущем» [Там же, с. 169]. Уэллс верил, что путем планомерной системы воспитания общества существующий капиталистический строй может цивилизоваться и пре-

вернуться в коллективистический. Неясно, кто кого будет и как воспитывать: лорды с удлинненными черепами пролетариев и пролетарок или «пролетариат пройдет по черепах лордов», – завершает размышления Троцкий. Однако Ленин был полон веры в свое дело и настаивал на том, что «современный капитализм неизлечимо жаден и расточителен и что научить его ничему нельзя».

Сам же Ленин жил в разных европейских странах, знал несколько иностранных языков, изучал, вникал, сравнивал, а в последние годы жизни на заседаниях политбюро он потихоньку штудировал чешскую грамматику, когда же его иногда ловили на этом, он не без смущения смеялся и оправдывался. Но ему нужен был непосредственный доступ к рабочему движению Чехословакии. Совсем иначе Ленин говорил с английскими рабочими – с ними у него было живое общение и живой смех («он и учился и учил»). Беседа с Уэллсом, по существу, имела полувынужденный дипломатический характер, и партия между эволюционным коллективизмом и марксизмом закончилась вничью.

Высокий Уэллс вообразил Ленина маленьким человечком исходя из сказочного архетипа приема просвещенного Гулливера маленьким «кремлевским мечтателем». Однако цивилизаторский комплекс сыграл с ним злую шутку. Такого рода «ограниченные рутинеры эмпирики в шорах буржуазного общественного мнения, эти господа развозят по всему миру себя и свои предрассудки и умудряются вокруг себя ничего не замечать, кроме самих себя» [Там же, с. 171].

Уэллс неверно оценил рост большого Ленина, цвет его кожи (смуглый?), его настроение. Через 10 лет Уэллс признал свои ошибки и понял, что история предоставила ему редкий шанс общения с великим человеком – реалистическим революционером. Заметим, что история XX в. вывела на первый план величайшего революционера всех времен – Ленина. М. Н. Покровский ставит его на первое место, а вслед за ним Кромвеля и затем Робеспьера [Покровский, с. 280].

Как большевики представляли себе революцию и ее роль в перестройке человечества и его культуры? Вспоминается знаменитая в свое время первая в мире массовая инсценировка «К мировой Коммуне», разыгранная на ступенях Фондовой биржи на стрелке Васильевского острова, с которой начался в Петрограде 1-й конгресс Коминтерна. Что было продемонстрировано в этой инсценировке, в ходе которой четверть миллиона зрителей и актеров стали единой массой? Из-за колонн под пение горнов появились короли и сели на троны, за ними встали придворные в мундирах, банковский и промышленный капитал во фраках

без каких-либо карикатур (все было натурально), далее блестящие дамы и господа расположились у ног своих владык.

Площадь заполнили ряды солдат и полицейских, они окружили избранное общество непреступным кордоном. Внизу площади забренчали цепи и из полумрака к белым ступеням приблизились вереницы рабочих, мужчин в темном с молотами на плечах и женщин с мотыгами, все они выстроились рядами на нижних ступенях. Но над черной массой взлетает белое полотнище с надписью «Коммунистический манифест», короли и буржуазия сразу бегут (год появления «Манифеста» и год революций в Европе совпадают), рабочие оказываются на вершине и сбрасывают троны. Затем наступает эпоха Парижской Коммуны, но коммуна терпит поражение. Однако красное знамя укрыто для будущих сражений.

Создан II Интернационал, появляется знамя Коммуны, кучка рабочих несет его вверх, но лидеры II Интернационала колеблются, затем берут национальные флажки и отправляются пропагандировать среди своего пролетариата, жандармы разгоняют рабочих. Начинается Первая мировая война, затем проносятся грузовики с матросами под красными флагами, и пролетариат сбрасывает царский трон. Начинается строительство нового мира, а между тем на берегах Невы пылают пожары, гремят взрывы, столбом стоит дым – то рушится старый мир. Затем вспыхивает надпись «Да здравствует III Интернационал!», над Невой взлетает фейерверк и торжественно звучит «Интернационал» [Матюнин, с. 100]. Джон Рид собирался написать об этом книгу, но не успел. О чем говорит нам это описание? Оно свидетельствует о том, что в истории действует своя логика, и она повторяется, желает того кто-либо или нет!

В России описанная выше борьба мондиалистов и антимондиалистов принимала в 90-е гг. XX века специфические формы борьбы западников и патриотов: в послеельцинский период эта конфронтация выглядит как полемика по вопросам существования новой формы державности страны. Речь идет о целесообразности сохранения или открытия национального пространства в условиях глобализации. В качестве новых форм атрибутов державности либералы-западники предлагали передачу двух Курильских островов Японии и открытие трансконтинентального евразийского моста с аэроградами как опорными пунктами освоения пространства Сибири. При этом предлагалось отказаться от прежних признаков державности – «ржавых ракет» и государственных границ, которые скоро будет некому охранять. История внесла и здесь свои поправки. В мире усиливается подземный гул – то роет «крот истории». Он хорошо роет, но куда? Известно, что история, в отличие от убеждения

М. С. Горбачева (история-де «дама непредсказуемая»), дама «левая». «Кляча истории» слепа на один глаз, а потому как вопрошал Маяковский: «Кто там шагает правой?» Ленин был прав в своих оценках Уэллса, которые в самой беседе он не мог высказать.

Не следует думать, что книги фантаста были простым продуктом воображения. Нельзя ставить на одну доску Ж. Верна, гуманиста и мечтателя, певца научно-технического прогресса, и Г. Уэллса. Работы последнего были посвящены стратегической военной доктрине, призванной реализовать первую в мире империалистическую утопию. В начале XX в. западный капитализм перешел в свою высшую и последнюю стадию – империализм. Один из соавторов Уэллса, Ф. Ланчестер, в 1916 г. написал работу «Авиация в войне», которая стала основополагающим документом Королевских Военно-Воздушных сил. Королевские ВВС стали в 1918 г. первым в мире автономным видом вооруженных сил – «воздушной силой» – под влиянием описанных текстов Уэллса и Ланчестера. ВВС были использованы вскоре в Ираке – в 1921 г. Лондон принял решение разгромить иракское восстание без введения сухопутных войск, но лишь посредством массированных бомбардировок. Это был первый случай высокотехнологического терроризма, осуществленного за значительно более низкую цену, нежели та, которая была бы заплачена при применении сухопутных войск и их переброске морем. В наши дни роль авиации также весьма высоко оценивается как высокоточного оружия, при помощи которого и с «меньшими жертвами» (?) могут быть решены военные проблемы. При этом приводятся следующие данные. В XX в. погибли 100 млн человек, из них большинство полегло не на полях сражений. 62 млн человек погибли от геноцида в период с 1900 по 1970 г., 24 млн – от применения обычного стрелкового оружия, 17 млн – от применения артиллерии и военно-морского огня и лишь 2 млн жертв – от применения авиации. Вот такая людоедская логика у современных милитаристов!

Ланчестер известен также как основатель теории и практики математических игр и их использования для моделирования военных действий. Он создал целый ряд уравнений и обнаружил закономерности, из которых наиболее известными является «Закон N-площади борьбы Ланчестера». Даже сегодня в наиболее развитых вариантах игр Генерального штаба США непрерывно говорят об «ЭЛАН» («Расширение Ланчестера»). Утописты напирали на важность моделирующих игр по целому ряду причин.

Эти причины носят сугубо идеологический характер – мечта Уэллса о глобальной мировой империи, в рамках которой человеческое сообщество находится под полным контролем аналогично предположению

о предсказуемом и математически исчисляемом ходе военных действий. И этому есть много практических подтверждений, поскольку военачальники всех времен и народов упражняли свое воображение игрой в шахматы, так как го и иные подобные игры родились как военные тренировочные игры. Утописты при этом полностью отвлекались от моральной стороны боевых действий и говорили о сторонах и условиях победы одной из них. Они говорили лишь о решающих формах боевых действий, и в воюющих странах эта сила была под прямым контролем главнокомандующих – Люфтваффе в Германии, ВВС в США и СССР.

В ходе Второй мировой войны утописты максимально усилили свои позиции – в результате американское командование полностью положились на массированные так называемые ковровые бомбардировки и бомбовой террор гражданского населения. Достаточно упомянуть уничтожение Дрездена американскими стратегическими бомбардировщиками Б-52. В Дрездене погибло людей больше, чем при атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. При уничтожении Дрездена был проведен натуральный эксперимент по созданию «огневого шторма», для создания которого тысячи зажигательных бомб были сброшены на центр города. До этого момента город был не тронут боевыми действиями, а картинная галерея, как и иные культурные ценности по логике движения фронта должны были попасть в русские руки. В результате американского эксперимента город выгорел вследствие огненного урагана, под действием которого асфальт таял и плыл по улицам, как раскаленная лава. В ходе бомбардировки погибло более 100 000 человек, остатки погибших невозможно было захоронить по технико-организационным причинам, и немецкие власти устроили гигантские погребальные костры. В результате нацистский режим получил подтверждение своей пропаганде и граждане с удвоенной решимостью воевали в «фольксштурме».

Утопическая часть американской разведки в годы войны настояла на создании Стратегической бомбардировочной службы в целях организации практического использования доктрины воздушной власти. На практике выяснилось, что массированные бомбардировки имели смысл лишь в тактических боевых действиях на фронте, однако разрушение инфраструктуры противника и истребление его гражданского населения доказали абсурдность утопической концепции обеспечения власти через воздушное господство. Этот глобальный абсурд аэрократии в эпоху космических полетов выразился в абсурде космократии – власть и ведение боевых действий через космос и из космоса. Где тут калокагатия и древ-

негреческий живой космос, столь поэтически-возвышенно описанный А. Ф. Лосевым в его «Двенадцати тезисах об античной культуре»? Новые космические маньяки могут быть обузданы только через космос – через Стратегическую оборонную инициативу великих держав. Увы, концепция СОИ попала в руки администрации президента Р. Рейгана, использовавших саму идею глобальной безопасности в интересах слома конкурирующей сверхдержавы.

Матюнин Э. Н. Переболевшие «левизной». В. И. Ленин и англо-американские «левые» на II конгрессе Коминтерна. Л., 1990.

Покровский М. Н. Ленин как тип революционного вождя // Ленин. Человек. Мыслитель. Революционер. Воспоминания и суждения современников. М., 1990.

Троцкий Л. Д. Филистер о революционере // Ленин. Человек. Мыслитель. Революционер. Воспоминания и суждения современников. М., 1990.

УДК 94(47).084.5

В. К. Романовский

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ 1920-х годов В ОЦЕНКАХ Н. В. УСТРЯЛОВА

В докладе раскрывается точка зрения Н. В. Устрялова на экономические, социальные и политические изменения в советской России в годы нэпа, на основании которых политический мыслитель приходит к выводу о том, что большевики отказались от своих утопических планов насаждения коммунизма и приступили к осуществлению актуальных задач национального развития страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Н. В. Устрялов, Россия 1920-х гг., новый курс к экономике, новые социальные группы, политические и правовые изменения, эволюция большевизма.

Когда В. И. Ленин в марте 1921 г. провозгласил новую экономическую политику, публицист и политический мыслитель Н. В. Устрялов был одним из немногих в русской эмиграции, кто весьма положительно откликнулся на новый курс большевистского руководства [Устрялов, Над бездной, 1921; Устрялов, Перерождение, 1921]. Его жизнь и деятельность тесно связаны с бурными событиями первых десятилетий российской политической истории XX столетия [Романовский, 2009; Романовский, 2010].

В 1917–1918 гг. он преподавал право в Московском университете, состоял в кадетской партии, являлся ведущим публицистом газеты «Утро России» и находился в гуще событий, происходивших в стране. После октября 1917 г. публицист подвергал критике действия большевиков. Осенью 1918 г., опасаясь ареста, он уехал в Пермь, где работал в местном университете в должности профессора кафедры государственного права. В 1919 г. участвовал в Белом движении в Сибири (Омск), отстаивая в условиях колчаковского режима идею диктатуры «во имя демократии» и сохранения русской государственности.

После разгрома Колчака Устрялов эмигрировал в Китай, преподавал на юридическом факультете в Харбине. На чужбине недавний противник большевистской власти подвергает переосмыслению события революции и Гражданской войны и получает широкую известность как основатель идеологии национал-большевизма, изложенной в авторском сборнике статей «В борьбе за Россию». Он считает возможным использовать большевизм в национальных интересах, признает Октябрьскую революцию, объявляет большевистскую власть единственной «национальной силой», способной восстановить русскую государственность, призывает к сотрудничеству с большевиками во имя возрождения России [Устрялов, 1920]. Выход с участием Н. В. Устрялова сборника статей «Смена вех» в Праге (1921) способствует оформлению общественно-политического течения сменовеховства.

Главную свою миссию Устрялов видел в том, чтобы помочь большевикам перевести страну на «новые хозяйственные рельсы». Темы нэпа, термидора, «национализации» революции, занимали центральное место в устряловских политических статьях 1920-х гг., собранных в авторском сборнике статей «Под знаком революции» [Устрялов, 1927].

Устрялову важно доказать, что переход к нэпу – закономерный процесс перехода от революции к эволюции. В крестьянских восстаниях, кронштадтских событиях, выступлениях рабочих он усматривает явную тенденцию к «преодолению революции». Кронштадт, по его словам, явился грозным предупреждением для правящей партии: если принудительный коммунизм не будет ликвидирован сверху, «он окажется сокрушенным снизу» [Там же, с. 22–25, 39]. За кронштадтскими событиями последовали изменения экономического курса: отказ от продразверстки, введение продналога, ликвидация заградотрядов, восстановление свободы торговли, подписание торговых договоров с Англией и Италией и т. п. Россия, по словам публициста, «возвращается в «цивилизованный мир» [Там же, с. 30–32].

Нэп, по мнению Устрялова, есть не что иное, как «компромисс идеальных достижений революции с реальными». Благодаря этому создаются условия для «хозяйственного оздоровления страны». Он приведет к «национализации революции», возвращению страны на путь здравого смысла [Там же, с. 115]. В новшествах времени мыслитель видит знаковый симптом – перерождение большевизма, его эволюцию. «Весь вопрос, разумеется, в том, – пишет он, – какой смысл вкладывается в понятие “эволюция большевистской власти”». Большевики не отказываются от своей программы, они остаются принципиальными коммунистами. И советская власть «неспособна превратиться в режим формального народоправства». Но значит ли это, что большевизм чужд всякой «эволюции»? Факты, по его мнению, говорят об обратном. В правительственных верхах идет борьба двух тенденций – «доктринерской» и «умеренной». Последняя, инициированная вождем революции, отражает эволюцию большевизма. Ленин, оставаясь самим собой, идет на уступки, «эволюционирует», то есть по тактическим соображением совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму. Ему ясно, что *«немедленный коммунизм не удался»* (здесь и далее выделено Н. В. Устряловым. – В. Р.) и власть инициирует мероприятия, несвойственные «военному коммунизму». *«Чтобы спасти советы, Москва жертвует коммунизмом»*, – пишет Устрялов, жертвует «лишь на время, лишь “тактически”, но факт остается фактом», что *«хозяйственное возрождение государства может и должно начаться только через изживание, преодоление коммунизма»* [Там же, с. 28–29, 37–38].

Став на путь уступок, отмечает Устрялов, «советская власть окажется настолько увлеченной их логикой, что возвращение на старые позиции ...будет для нее уже невозможным». «Эволюция большевизма», уточняет он, есть эволюция его политики, а не его философии, то есть изменятся его практика, а не мировоззрение. Эволюция большевизма отражает разрыв власти с прежними методами хозяйствования. Но большевизм, изменивший свою экономическую политику, переставший ориентироваться на «немедленный коммунизм», не является уже прежним большевизмом. «Тактику» нельзя противопоставлять «эволюции», но *«эволюция тактики в основном хозяйственно-государственном вопросе есть эволюция большевизма»*, констатирует публицист. Власть идет на уступки, принимает меры по хозяйственному возрождению страны, не считаясь с тем, что эти меры «буржуазной» природы. «Вот что такое “перерождение большевизма”», – заключает Устрялов [Там же, с. 32, 92, 74–76, 136–137].

Нэповскую Россию он сравнивает с редиской. Она «извне – красная, внутри – белая». Внешне в России все соответствует стратегическому курсу большевиков (партийные собрания, красные знамена на Зимнем дворце, звуки «Интернационала» в Кремле и пр.), но внутренняя жизнь страны постепенно возвращается в нормальное русло. «Старое» воскресает или перерождается в «новое». Зарождается «новая буржуазия», формируется «новая бюрократия», делает первые шаги «новая дипломатия». Создана новая армия, заявляет о себе новая аристократия. В таком парадоксальном сочетании «нового» и «старого» Устрялов видит большое преимущество: «редисочный» облик государственности предохраняет страну от анархии, поддерживает ее престиж в мире, обеспечивает неизбежность перехода к нормальным формам хозяйствования и властвования. России, считает он, «одинаково нужны и красный фасад, и белое нутро». Но ее никак нельзя отождествлять с дореволюционным российским государством или Белым движением. Октябрь «учинил пересмотр» всех социальных сил страны и на государственную авансцену выдвинулись «рабочие и крестьяне». «*“Старая мощь России” может быть восстановлена лишь новыми силами, вышедшими из революции*» [Там же, с. 36–37, 118–119].

Формированию новых социальных отношений в России публицист уделяет большое внимание. Поворот 1921 г., по его мнению, является судьбоносным, в обществе формируются новые «хозяйствующие элементы»: крестьянство, «о мелкобуржуазившиеся рабочие», нэповская буржуазия. Нэп ведет к созданию в стране *новых социальных связей* и государственная власть России, «будет находиться в непосредственной и определенной зависимости от этих новых связей». Социальный базис в стране изменяется «в сторону, диаметрально противоположную коммунизму» [Там же, с. 76, 118].

Центральной фигурой этого базиса, отмечает Устрялов, является крестьянин, без которого «немыслимо никакое оздоровление нашего сельского хозяйства, т. е. основы экономического благополучия России». Он выходит из революции «возмужавшим, закаленным», убедившимся в том, что от него зависит город, с его культурой, техникой и политикой. «*Мужик становится единственным и действительным хозяином русской земли*». И «*только та власть в России может быть и будет прочна, которая обеспечит себе действительную поддержку крестьянства*» [Там же, с. 117, 122, 147–148]. Политический публицист подсказывает Москве, что крестьянину нужна реальная экономическая помощь. И власть, замечает Устрялов, уже «вступает на этот путь»: организует кредит,

поощряет все формы землепользования, допускает аренду земли, практикует привлечение наемного труда на селе [Там же, с. 117, 149]. Наряду с крестьянином-собственником в стране формируется «новая буржуазия», пока представленная «спекулянтами-хищниками». Но в результате дальнейшего реформирования страны, отмечает публицист, «за ними должна прийти и *созидательная буржуазия...*» Городская буржуазия «не может, в тех или иных рамках, не возродиться», ибо «тут вопрос не нашего желания или нежелания, а неотвратимого хода вещей» [Там же, с. 120, 122, 165, 167].

В то же время попытки Москвы создать правящий слой из партийных функционеров, не опирающийся «ни на какой экономический фундамент», неразумны. «Будущее, – подчеркивает Устрялов, – за экономически-прогрессивными, хозяйственно-творческими элементами», а не оранжерейными продуктами политической романтики». Делать ставку необходимо на «новое поколение хозяйственников, рабочих, кооператоров, людей с жизненным опытом, вышедших из революции». Именно от них «в значительной степени... зависит будущее нашего городского быта» [Там же, с. 163, 165–167].

Изменения в экономической и социальной областях, полагает Устрялов, уже отражаются на сферах политической и правовой. Ликвидируется ВЧК, разрабатывается новый Гражданский кодекс, принимается новый Кодекс законов о земле. Эволюция большевизма, убежден публицист, и дальше будет «развиваться и углубляться». Последуют, вероятно, «рефлексы» и в области «большой политики», ибо предприниматели могут принести пользу стране лишь при обеспечении «прибылей» и реальной охраны плодов труда и риска [Там же, с. 76–77, 97, 105, 149]. Устрялов надеется, что этот слой будет допущен к участию в политической деятельности.

Нэповская Россия со своим социальным составом, констатирует Устрялов, «обещает вылиться в крепкое, но по существу своему далеко не социалистическое государство». Сдвиг к «буржуазному обществу» продолжает углубляться. «Революционная Россия, – подчеркивает он, – превращается по своему социальному существу в “буржуазную”, собственническую страну» [Там же, с. 120, 121, 165, 167].

Идея буржуазного реставраторства традиционно, начиная с Ленина, связывается с именем Устрялова и сформулированные им выводы нередко трактуют как его личную позицию [Ленин, с. 93; Федюкин, с. 112–116]. Но профессор права на самом деле не являлся сторонником идеи буржуазного реставраторства. «Что касается нас, “примиренческой” интелли-

генции, – отмечает он, – то мы ни с какой стороны не заинтересованы в реставрации “обычных буржуазных форм”, как таковых. Больше того: мы не думаем, что эти формы в аспекте всеобщей истории вечны или даже особенно долговечны. Мы не принадлежим к тем, кто... в буржуазно-капиталистическом строе “видит пуп земли”... Буржуазный строй не есть для нас фетиш, идол, цель в себе» и формальная демократия (западного типа), охваченная кризисом, вряд ли приемлема для России [Устрялов, 1927, с. 126, 132, 263–282]. Он склонялся скорее к модели государственного капитализма. «Мы говорили о перерождении большевизма, о спуске на тормозах, – уточняет он в 1930 году, вспоминая свой «поворот 1920 года», – ... не к капитализму, а к особой, смешанной, гибридной форме “культурного государства” с ярко выраженными авторитарно-этатистскими, или, если угодно, государственно-социалистическими моментами...» [Устрялов, 1934, с. 28].

Антибуржуазная позиция Устрялова подтверждается и другими источниками. В предисловии к переписке с И. Г. Лежневым Устрялов пишет: «Воспевая нэп и проповедуя его углубление, я субъективно не был сторонником буржуазной реставрации старого типа и опирался на концепцию гибридной “государственно-частной” системы» [Литературный архив, Л. 111]. «Я представлял себе дело таким образом, – говорил он позднее, – что на основе нэпа создается государство крепкого мужика с элементами государственного капитализма и политической формой советской власти» [Быстрянцева, с. 246]. Эти высказывания подтверждают, что Устрялов о «буржуазном государстве» не мечтал и критически относился к капиталистической модели хозяйствования.

Большевистский нэп является для Устрялова ярким подтверждением наступления в стране эпохи термидора. Концепция термидора («спуска на тормозах» революции) «вписывается» им в национал-большевистскую идеологию и базируется на установке о сходстве французской и русской революций [Устрялов, 1927, с. 111] и потому нэп воспринимается им как давно ожидаемое явление. На примере Французской революции Устрялов раскрывает причины и сущность термидора: он подготовлен и вызван «настроениями революционной Франции», означал «снижение революционных темпов революции» и проявлялся в «эволюции якобинизма». Данный процесс сопровождался кровавыми событиями и падением Робеспьера. Термидор, замечает Устрялов, – «поворотный пункт» французской революции. Якобинцы не пали – «они переродились в своей массе». Революция, достигнув максимальной высоты, опускается и те люди, которые ее «углубляли», теперь ликвидируют «дело рук

своих». Термидор означает, что *«революция эволюционирует»*, «перерождается, оставаясь самою собою». «Начинается отлив революции» [Устрялов, 1927, с. 41–42, 43–44].

При осмыслении «русского термидора» Устрялов отмечает, что «основная линия развития» русской революции, «по-видимому, остается в общем тою же». Страна, осуществляя переход к нэпу, вступает в «новую фазу» своей революционной истории: начинается «спуск на тормозах» – от великой утопии к здравому смыслу. Русская революция спасается от собственных излишеств, эволюционирует и во главе этой эволюции находятся большевистские лидеры. Они вступили на путь термидора под давлением кронштадтских событий. Русский термидор, следовательно, проявляется не в белых фронтах, контрреволюционных движениях и восстаниях, а «в перерождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов», в приспособлении их к новому периоду революции [Там же, с. 44–46]. Но термидор в России, уточняет Устрялов, имеет свои особенности. Здесь не было причин для устранения своего «Робеспьера», а главное, в отличие от Франции, русский термидор «будет, по-видимому, длиться годами и проходить под знаком... советской власти» [Там же, с. 44, 77].

В условиях термидора, по словам Устрялова, русская революция становится иной, чем была «в момент своего максимального углубления». Это заметно при сравнении нэповской России с Россией военно-коммунистической: «немедленный коммунизм» сменился частной собственностью и «государственным капитализмом», лозунг мировой революции – ориентацией на сотрудничество с мировым капитализмом, воинствующий атеизм – «компромиссом с церковью», политика интернационализма сменилась «учетом патриотических настроений», вместо «правовой антиимпериализма» прославляется Красная армия [Там же].

В термидорианской концепции Устрялова нэп логично укладывается в новую фазу самой революции, когда массы стремятся вместе с лидерами решать не столько программные, сколько «будничные», повседневные задачи. Термидор не новая революция, не контрреволюция, он «имманентен» революции [Устрялов, 1927, с. 45]. Эти разъяснения Устрялова явно предназначались руководству страны для доказательства того, что нэп не есть контрреволюция, а явление, рожденное самой революцией. Но эта концепция служила подтверждением тезиса Устрялова о способности революции и новой власти к эволюции.

Устрялов формулирует ключевые положения «термидорианской программы»: ликвидация коммунизма, закрепление земельных завоеваний крестьян, установление сильной диктаториальной власти, создание

условий для привлечения иностранного капитала, неприятие реставрации монархии и др. В ней видны, замечает он, «некоторые мотивы белого движения 19 года», что позволяет объединить «умеренных» большевиков и русских патриотов [Там же, с. 59–60].

В условиях термидоризации, отмечает Устрялов, в стране идут необратимые процессы декоммунизации и «национализации» революции, возрождаются культурно-национальные, органические начала русской жизни. Первоначальные импульсы революции «переходят в собственную противоположность». Чем больше дух коммунистической революции овладевает Россией, тем более коммунизм приобретает буржуазный характер. Отрицая милитаризм, коммунистическая власть обзавелась сильнейшей армией. Отвергая патриотизм, она его практически воспитывала в борьбе с интервенцией и чужеземными вожделениями. Отрицание собственнических инстинктов ведет к их небывалому пробуждению в крестьянской России. Антигосударственная идеология помогает Советам сделаться властью величайшего и могущественнейшего государства. В этом внутреннем разложении коммунистических идей заключается трагическое противоречие русской революции. *«Неудержимо развивающийся процесс обмирщения коммунистического экстремизма, – приходит к выводу Устрялов в статье “Обмирщение”, – есть истинно-действенная и глубоко плодотворная самокритика русской революции.* Она неизбежно ведет и приводит к подлинному *русскому Ренессансу*» [Там же, с. 59–60]. Эта статья, содержавшая неутешительный для большевиков устряловский анализ нэповской России, была перепечатана в сменовеховском журнале И. Лежнева «Россия» [Устрялов, 1923, с. 14–17] и вызвала отклики в советской прессе [СССР; Три лозунга]. Большевики, таким образом, познакомились с «итогами» своей деятельности.

Ведущий процесс нэповской России Устрялов определяет термином «национализация». Революция входит в плоть и кровь народа и государства. Нация советизируется, а Советы национализируются. Революция наступает на быт, а быт на революцию. Дела «национальные» для большевистского руководства становятся «факторами первостепенного порядка», а интернациональные задачи уходят на дальний план. «Национализация Октября», отмечает Устрялов, двусторонний, «диалектический» процесс. Революция своими целями, лозунгами, масштабностью захватывает нацию, будоражит души людей, изменяет их сознание. Но и она оказывается «в плену» нации, испытывает на себе ее воздействие, народ оказывает влияние на революцию «бытом», «повседневностью», «интересами», массы меняют ее облик, она наполняется национальным содержанием.

Процесс «национализации», отмечает он, заметен и в сфере советской внешней политики, она замыкается в национальных границах. Методы Чичерина все меньше отличаются от обычных приемов мировой дипломатии. «Наркоминдел вытесняет собою Коминтерн» [Устрялов, 1927, с. 212–217].

Таким образом, согласно Устрялову, нэп преобразует облик России, в ней происходит преодоление революции, ее «обмирщение» и «национализация». Вместе с революцией, полагает он, эволюционирует и большевизм, но не в идеологии, а в практике. Нэповская экономика способствует появлению новых социальных групп (крестьянин-собственник, новая буржуазия, «спецы» и др.) и формированию новых социальных связей в стране. Революционная Россия превращается в «буржуазную», собственническую страну и это, считает политический мыслитель, есть не что иное как термидор, который определяется им как «второй день» революции, когда начинается период ее преодоления, революция «обрастает» бытом, «национализируется» и этот процесс, по его прогнозам, будет длиться годами и проходить «под знаком советской власти».

Быстрянцева Л. А. Устремленный к истине: протокол допроса Н. В. Устрялова // Клио. 1999. № 1 (7). С. 246–256.

Ленин В. И. XI съезд РКП(б). 27 марта – 2 апреля 1922 г. // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 45. С. 65–138.

Литературный архив Музея чешской литературы. Ф. 142 (Моя переписка с И. Г. Лежневым). Оп. 1–3–36.

Романовский В. К. Жизнь и деятельность Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). 2-е изд. М., 2009.

Романовский В. К. Николай Устрялов: от либерализма к консерватизму. Нижний Новгород, 2010.

СССР – земной шар по-советски // Известия. 1923. 11 июля.

Три лозунга // Правда. 1923. 15 июля.

Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сб. статей. Харбин, 1920.

Устрялов Н. В. Над бездной // Новости жизни. 1921. 17 марта.

Устрялов Н. В. Перерождение большевизма // Новости жизни. 1921. 6 апр.

Устрялов Н. В. Обмирщение // Россия. 1923. № 9. с. 14–17.

Устрялов Н. В. Под знаком революции : сб. статей. 2-е изд., перераб. и доп. Харбин, 1927.

Устрялов Н. В. На новом этапе : сб. статей. Шанхай, 1934.

Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В «КРАСНОЙ ЗВЕЗДЕ» АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА

Социальная утопия «Красная звезда» (1908), написанная Богдановым А. А. в обстановке поражения революции 1905–1907 гг. с расчетом на скорое наступление нового революционного подъема, дает «идеальную» модель коммунистического общества будущего. Важная особенность этого источника – вынесение на поверхность полифонического внутреннего диалога Богданова самого с собой, отразившегося в высказываниях персонажей романа, вскрывающего противоречия в его картине мира, чего не представляется возможным увидеть ни в его публицистических, ни в теоретико-методологических работах. Кроме того, в этом романе Богдановым дается целый ряд предвидений, предупреждений и предостережений.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Богданов А. А., социалистическое общество, «Красная звезда», социальная утопия, социалистическая революция, марксизм, позитивизм, роль личности в истории, интеллектуальная история, историческая антропология.

Богданов рисует «идеальную» модель *социалистической революции на Марсе*, подразумевающую наилучший вариант развития событий: мирный характер, вся власть в руках у рабочей партии, свергнутые классы *не сопротивляются* и не являются полностью «обделенными» и обиженными – им выплачивается пенсия и они работают в качестве «менеджеров» [Богданов, 2014, с. 71–72].

Остановимся на реконструкции *особенностей организации производства и труда в промышленности*. Заводы здесь являются крупными производственными гигантами. Условия труда оптимальные для здоровья человека и природы: «ни дыма, ни копоти, ни запаха, ни мелкой пыли». Машины почти автоматически выполняют всю работу, рабочие являются «любознательными учеными наблюдателями». Каждый работник производства владеет достаточно уровнем научно-технической образованности. В то же время необходимо задействовать и физический труд, а также напряженное внимание при наблюдении за машинами [Там же, с. 82–83, 133, 88–89, 136–137]. Организация труда осуществляется посредством свободной ориентировки работников на таблицы статистики труда. Всегда находятся добровольцы, которые восстанавливают статистическое равно-

весие. В то же время влияние статистики «непрерывно сказывается на *массовых* перемещениях труда, но каждая личность свободна» [Там же, с. 84–85, 117–118, 88–89]. Таким образом, мы оказываемся в «царстве разума», где выбор работы коррелируется с чувством долга и социальной ответственности. Технический прогресс позволил преодолеть товарно-денежные отношения. Труд теперь не является чем-то обязательным и принудительным, он полностью свободен, он есть «естественная потребность каждого развитого социального человека». Иерархия по опыту работы и организационным функциям имеет место в «марсианском» социализме. Таким образом, «марсианский» социализм находится на развитой индустриальной стадии (а не постиндустриальной), внедряющей в производство достижения научной революции [Там же, с. 134], но вместе с тем с сохранением физического рутинного труда, а также на основе потребления невозполнимых природных ресурсов [Там же, с. 86–87].

Отдых марсиан либо исключительно интеллектуальный (музеи, библиотеки), либо состоящий в смене трудовой деятельности [Там же, с. 136–137]

Какие «*властные*», – а точнее, *организующие*, – структуры функционируют на «Красной звезде»? Во-первых, это *Институт подсчетов*, занимающийся подробнейшим сбором и публикацией статистики производительности труда (в часах труда) и численности работников по всем предприятиям, анализирующий, насколько выполнен план производства. Во-вторых, *руководящая фабричная коллегия* – ее функции, кроме приема письменного извещения о поступлении и уходе с работы, не обозначены. В-третьих, *общественные собрания*, которые посвящаются вопросам науки и искусства, организации работ. Доклады и речи страшно «сжаты и кратки», аргументация точная (здесь Богданов иллюстрирует принцип «экономии мышления»/«наименьшей траты сил», заимствованный у Авенариуса и Маха) [Богданов, 2003, с. 125]. Примерно в то же время В. Б. Шкловский видит опасность «экономического» принципа в отношении языка: «Вещь проходит мимо нас как бы запакованной, мы знаем, что она есть... но видим только ее поверхность <...> Так пропадает, в ничто вмняясь, жизнь. Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны» [Шкловский, с. 14, 15]. Решения собраний, чаще всего единогласные, выполняются в наикратчайшие сроки. В романе-утопии не фигурируют ни государство и правительство, ни диктатура пролетариата, ни руководящая роль коммунистической партии. *Рабочая партия* лишь однократно обозначена в небольшом рассказе о социалистической революции [Богданов, 2014, с. 117, 150–151, 71–72].

Потребление продуктов труда ничем не ограничено: человек вполне может, например, переменить десять костюмов за десять дней и т. д. [Там же, с. 86]. Заметим: Богданов здесь не преодолевает буржуазную тенденцию к безудержному количественному потреблению, не предполагая возможность в недалеком капиталистическом будущем появления «общества потребления» в «развитых» странах Запада, подвергнутого «пулеметной» критике со стороны представителей «западного марксизма»: «Обесценивание мира людей возрастает, – утверждает Даниэль Бенсаид, – прямо пропорционально росту ценности мира вещей (курсив мой. – Д. Т.)» [Бенсаид, с. 41]. Безудержное потребление может найти себе место лишь в «царстве вещей»: «удовлетворение, которого избыточный товар уже больше не может дать в потреблении, – показывает Ги Дебор, – стремятся получить в признании его ценности как товара: такое *товарное* потребление удовлетворяет только самого себя, потребителю же здесь отводится лишь соучастие в религиозных излияниях по отношению к суверенной свободе товара» [Дебор, с. 44–45]. На каждый возраст имеется несколько сотен образцов костюмов различных по форме и размеру. Возможно изготовление специально на конкретное лицо [Богданов, 2014, с. 135–136, 90]. «Марсианское» общество достигло продовольственно-потребительского изобилия коммунистического характера: «от каждого по способностям, каждому по потребностям», но восприятие продуктов труда осталось буржуазно-потребительским.

Каковы *особенности медицинской практики* на красной звезде? Среди болезней преобладают хирургические (жертвы несчастных случаев с машинами на производстве) и психические заболевания. В лечебнице есть специальная комната для умирающих, в которой самоубийцам предоставляется возможность *осознанно* покончить с жизнью: «Врач, конечно, сначала предлагает больному посоветоваться с ним. Некоторые соглашаются на это, другие – нет», – замечает врач Нэтти. В этом проявляется холодное подчинение неспособности убедить человека не делать неоправданное. В то же время, посредством процедуры «*обновления жизни*» – обмена кровью между людьми, марсиане относительно долго сохраняют свою молодость: происходит «товарищеский обмен жизни не только в идейном, но и в физиологическом существовании» [Там же, с. 110–116, 140]. Будущий Институт переливания крови Богданов задумал еще тогда.

Каковы *особенности коммуникации и языка* при «марсианском» социализме? Марсиане избегают всех «формальностей» при общении друг с другом: никогда не здороваются, не прощаются (однако упоминания рукопожатий есть), не благодарят, не затягивают разговор из вежливости.

Богданов полагает: все, что подчинила себе формальность (внешнее принуждение), должно быть отброшено. Заметим: из того, что капитализм, являясь централизующей формальностью, подчинил себе все общественные отношения, следует не отказ от общественных отношений, а их освобождение – от товарно-денежного фетишизма. У всех марсиан единый литературный и разговорный язык. Его правила не имеют исключений, в нем нет разграничений на мужской, женский и средний род – в чем проявляется переко́с «монизма». Все названия предметов и свойств изменяются по временам посредством прибавления одной буквы в самом слове – принцип историзма, хотя и не без противоречий [Там же, с. 57–58].

Как организованы *мемориальные практики* в марсианском обществе? Для марсиан каждый работник является *творцом*, которым «творит человечество и природа». Балласт имен прошлого, мертвый символ личности («человек – личность, но дело его безлично», – отчеканивает Нэтти), который необходимо возвеличивать, марсиане считают бесполезным бременем для памяти человечества – перехлест антиавторитарного настроения Богданова. Однако в домашнем кабинете мог висеть портрет выдающегося предка. Памятники марсиане ставят только великим событиям: первой попытке достигнуть Земли, закончившейся гибелью исследователей, открытию разложения и синтеза всех химических элементов и т. д. [Там же, с. 51–53, 78, 80, 103].

Что такое *искусство* в понимании марсиан? Большая часть произведений искусства предназначена для общественных зданий. В меньшей степени украшаются фабрики и заводы: «эстетика могучих машин и их стройного движения приятна нам в ее чистом виде». Еще меньше украшаются личные дома, в которых марсиане проводят ничтожно малое количество времени. Здесь переко́с в сторону «поглощения» личности «машинальностью». Искусство, по Богданову-Леониду, развивается в сторону приближения к действительности, отклонение от которой считается «антихудожественным». Здесь прослеживается ассимилирующая экстраполяция задач естественных наук на искусство, что ведет также к опасности устранения возможности свободного самовыражения личности. Развитие марсианского искусства Леонидом разделяется на три периода, соответствующих общественным формациям: 1) *древняя эпоха*; 2) *средние, переходные эпохи*; 3) *социалистическая эпоха*: «гармоничное движение, спокойно-уверенное проявление силы... стремление, свободное от волнения, живая активность, проникнутая сознанием своего стройного единства и своей непобедимой разумности (если так, то где возможность критики этой «разумности»? – Д. Т.)», «сложные человеческие

существа» изображаются сосредоточенными на каком-нибудь *одном* стремлении (неясно, для чего такое «насильственное» обуживание. — Д. Т.); любимые темы: отображение экстаза творческой мысли, любви, наслаждения природой, спокойствия добровольной смерти. «Марсианское» понимание *архитектуры* выглядит расширенным для начала XX в., но не без буржуазно-позитивистского изыяна: «не только эстетика зданий и больших инженерных сооружений, но также эстетика мебели, орудий, машин, вообще эстетика всего *материально-полезного* (курсив мой. — Д. Т.). Выступая против футуристических экспериментов, «марсиане» присваивают феодальное происхождение строгих художественных форм (ритма и рифмы). Мысль о скорой «смерти» философии Богданов обозначает уже здесь: «философия есть... попытка дать единую картину бытия, заполняя предположениями пробелы научного опыта; поэтому философия будет устранена на Земле, как устранена уже у нас монизмом науки» [Там же, с. 99–102, 104–105, 82–83, 168] — что есть выпуклое проявление позитивистской гносеологии.

Что есть *любовь* в представлении Леонида и марсиан? На Земле у Леонида была жена, они были несколько разными по мировоззрению людьми: она ориентировалась на этические императивы, он — убежденный аморалист, полагающий, что нравственные установления — пустые временные фетиши; она считала, что любовь обязывает к жертвам, уступкам и верности, он — отрицал обязательство, считая многобрачие принципиально высшим, чем единобрачие. Тем временем марсианская возлюбленная врач Нэтти в чем-то схожа с бывшей женой: «Если бы мне не удалось вполне вылечить вас, я бы, может быть, умерла». На Марсе Леонид постепенно отходит от своих «земных» принципов, когда узнает, что Нэтти в прошлом была женой двух своих товарищей одновременно. Она в своем письме к Лэнни, призывая его к самообладанию, давала со своей стороны обещание: «У меня *не будет* других личных связей... перед страстным желанием помочь тебе в твоей великой жизненной задаче все остальное становится так мелко и ничтожно. Я люблю тебя не только как жена, я люблю тебя как мать, которая ведет своего ребенка в новую и чуждую ему жизнь, полную усилий и опасностей. Эта любовь сильнее и глубже всякой другой» [Там же, с. 22–23, 25, 125–126, 128–129, 131–132, 139–141, 144–148].

Какие *проблемы и препятствия* испытывает «марсианский» социализм в своем развитии? Вследствие увеличения эксплуатации Марса стучится в дверь опасность истощения природных ресурсов [Там же, с. 106]. Вполне уместна здесь мысль Н. Ф. Фёдорова о мнимом господстве НТП

над природой: «Взять ведро воды и обратить его в пар... – это не значит победить природу, это не значит одержать победу и над ведром воды. Нужно видеть, как эта побежденная сила рвет пальцы, руки, ноги у прислужников машины, чтобы поумерить свои восторги... Конечно, и истребление топлива (без восстановления его), необходимое при упомянутом торжестве над природою, тоже можно причислить к победам, но к победам, конечно, Пирра» [Фёдоров, с. 293]. С точки зрения холодного математического ума Стэрни, для колонизации лучше всего подходит Земля. Главным препятствием, по его словам, является человечество Земли, считающее ее своею собственностью. Устами Стэрни Богданов высказывает много сбывшихся в последующем прогнозов и предостережений: «Предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах в различное время... неодинакового характера... с сомнительным и неустойчивым исходом». Страны, в которых социализм восторжествует, будут островами среди враждебного им капиталистического мира, высшие классы капиталистических государств будут организовывать на них военные нападения, что негативно повлияет на характер социализма в этих странах. Он будет надолго искажен многими годами осадного положения, «необходимого» террора и «военщины» с «варварским патриотизмом» – это будет уже «не наш социализм». В процессе рассуждения Стэрни приходит к выводу: немедленное социалистическое перевоспитание землян не получится, поэтому колонизация Земли требует полного истребления земного человечества. Увеличением количества представителей «высшей» жизни, по мнению Стэрни, нельзя пожертвовать ради «низшей» [Богданов, 2014, с. 107, 153–154, 158–160, 163–164]. Видим: до конца последовательный *холодный рационализм* таит в себе опасность апологетики нацизма, о чем в последующем говорили и представители «западного марксизма»: «фашизм, избавляющий подвластные ему народы от бремени моральных чувств посредством дисциплины... в тем более глубоком созвучии с чистым разумом обращается с людьми как с вещами, как со средоточием поведенческих реакций <...> тоталитарный порядок полностью восстанавливает в своих правах калькулирующее мышление и основывается на науке как таковой» [Хоркхаймер, Адорно, с. 110]. Стэрни отвечает врач Нэтти, она выходит из линейно-вульгарного эволюционистского дискурса, становится на точку зрения равноправного межкультурного диалога. Культурная и этноментальная многоликость землян, по словам Нэтти, привели к «возникновению множества различных точек зрения и оттенков понимания жизни вселенной» [Богданов, 2014, с. 164–165, 166–167], что является отправной

диалектической точкой для дальнейшего развития, – задача состоит в том, чтобы *высвободить* эту множественность проявлений из *homo hominī lupus est*. Вместо Земли Нэтти предлагает осваивать Венеру: «Мы должны ... если это необходимо, пожертвовать частицей той нашей жизни, которой еще нет, для той, пока еще чужой жизни, которая есть и развивается» [Там же, с. 168–169]. Эта мысль уже ставит осязаемый предел аморалистским тенденциям, заявленным от лица Леонида в начале романа, а после провозглашенным Стэрни, убийство которого можно считать символическим.

Чрезвычайно много места в романе Богдановым отводится *проблеме восприятия другого мира, другой культуры*. Леонид целеустремленно пытается понять марсианский мир, дабы войти в него полноценным членом общества и хорошим работником. Его ставили в тупик марсианские научные методы, а художественные образы «внутренне чужды» для него. В итоге от переутомления он впадает в состояние острого психического кризиса. Работа на фабрике утомляла его гораздо больше, чем самих марсиан. Они без всякой на то просьбы помогли Леониду, что вызывало в нем чувство собственной неполноценности. Позднее Леонид понял: совершенно с такой же заботливостью марсиане на фабрике помогают и друг другу, как представители коллективистского общества, которому чуждо представление об оплате «услуг». По возвращении на Землю Леонид, – как, впрочем, и сам Богданов, – ощущает себя подвешенным между двумя мирами: «Новая жизнь мне недоступна, а старой я уже не хочу» [Там же, с. 100, 117, 21–22, 26–27, 118, 120–128, 133, 137–138, 191–195, 187–188].

Роман-утопия «Красная звезда» является высокоинформативным источником по мировоззрению Богданова, в особенности по представлениям о грядущем социалистическом обществе. Отраднo, что Богданов выделяет проблему психологически-культурной адаптации человека к социалистическому обществу и вопрос межкультурного диалога. По Богданову, даже коммунизм не предстает в форме однозначно светлого идеала, конечной остановки. Перед новым общественным устройством, преодолевшим социальное неравенство, на первый план встают проблемы и противоречия иного (индивидуального) плана. Вместе с тем Богдановым были спрогнозированы такие «искажения» социализма, как «казарменный социализм» и явления сталинизма. В романе-утопии содержатся предвидения об истощении природных ресурсов при сверхэксплуатации планеты, об опасности односторонне рационалистического типа мышления, утраты ценности человеческой жизни. Драматическая история

Леонида – одно из преломлений конфликта внутри духовного мира самого Богданова, где уживались две идеи – пессимистическая и оптимистическая: глубокое переживание раздоров среди людей и напряженная попытка показать, что взаимопонимание все же возможно. В связи с этим «Красная звезда» по своим жанровым характеристикам является больше чем утопией, вбирая в себя мощный антиутопический стержень.

Бенсаид Д. Спектакль как высшая стадия товарного фетишизма. М., 2012.
Богданов А. А. Красная звезда // А. Богданов. Праздник бессмертия : избр. произв. СПб., 2014.

Богданов А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии / отв. ред. В. Н. Садовский ; послеслов. В. Н. Садовского; А. Л. Андреева и М. А. Маслина. М., 2003.

Дебор Ги. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертас и М. Якубович ; ред. Б. Скуратов ; послеслов. А. Кефал. М., 2000.

Фёдоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) Часть IV. В чем наша задача? // Н. Ф. Фёдоров. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1995.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. М. Кузнецова. СПб., 1997.

Шкловский В. Б. Искусство как прием // В. Шкловский. О теории прозы. М., 1983.

УДК 94(47).084.2 + 930(73).091

О. В. Терешина

ОКтябрьская РЕВОЛЮЦИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ПРЕССЕ 1918–1922 гг.

В статье на основании анализа американской научной прессы за 1918–1922 гг. выявлены определенные зарубежными историками причины революции в России и их практические рекомендации правительству США. Декларировалась и иллюстрировалась историческая/социальная/политическая обусловленность Октябрьского переворота, необходимость соблюдения экономических интересов Америки, оправдывались интервенция и обязательность насаждения демократии по американскому образцу. Учитывая право на выбор пути развития каждой страной, авторы 1920–1922 гг. давали информацию о неординарном варианте РСФСР, подталкивая читателей к собственным выводам.

К л ю ч е в ы е с л о в а : научная пресса США 1918–1922 годов, американские исследователи, Октябрьская революция, причины революции, интервенция, критика правительства США.

Источниковедческий анализ американской научной прессы за 1918–1922 гг., т. е. первые пять лет после Октябрьской революции 1917 г., позволяет более объективно смотреть на кардинальные перемены в Европе и выявлять самые насущные для другого континента вопросы. Для исследования были отобраны журналы «Advocate of Peace»¹, «Foreign Affairs»², ««Political Science Quarterly»³, «American political science review»⁴, «North American review»⁵, «The annals of the American Academy of political and social Science»⁶.

Сравнивая Октябрьский переворот с Великой французской революцией [The way of the Russian terror; Hibben], американские исследователи искали, кто виноват в прошлом, объясняли случившееся российской историей. Коммерческий атташе при посольстве США в России, свидетель событий в Петрограде У. Хантингтон видел причины Революции в установлении династии Романовых в 1613 г., развитии крепостного права (аналогичного «рабству наших цветных людей») и его отмене, сословной структуре общества («квазисредневековые условия»), «феномене интеллигенции» конца XIX – начала XX в. («осознающей свою социальную

¹ «Advocate of Peace» (в настоящее время «World Affairs»), учрежденный в 1834 г., содержит статьи по глобальным вопросам и внешней политике США. Учредитель – неспециализированная организация «Институт мировых дел».

² «Foreign Affairs» – авторитетный американский журнал по тематике международных отношений и внешней политики США, выходящий с 1922 г. Издатель – Совет по международным отношениям.

³ «Political Science Quarterly» – академический журнал, выпускаемый с 1886 г. Академией политических наук Колумбийского университета.

⁴ «American political science review» – исследовательский журнал «Американской ассоциации политических наук» с 1906 г. публикует рецензируемые статьи и обзорные эссе из всей подразделов политологии.

⁵ «North American review» – литературный журнал США, с 1815 г. публикующий тему о Советской России в разделе «Социализм, политическая революция, крестьянство, сельская жизнь». Новая страна презентовалась как открытие.

⁶ «The Annals of the American Academy of political and social Science» («Анналы Американской академии политических и социальных наук») выходят с 1890 г. для отслеживания связи между научной мыслью и практическими усилиями по решению важных социальных проблем.

обязанность» и «лишенной возможности участия... в политической борьбе») и последствиях войны [Huntington, p. 92–95].

Авторы находили причины переворота в ущербности социальной структуры России: имперские «автократы и бюрократы, священники и учителя <...> решили вырыть яму эгоизма», а «российские массы в своем невежестве не понимали значения конфликта» [Story, p. 82]. М. Олгин констатировал раскол сословного социума, в котором «простые люди никогда не понимали человека с образованием и культурой, а образованному человеку не удавалось понять “темное море” масс» [Olgin, p. 114]. Приводились последовательные исторические примеры активности интеллигенции: восстание декабристов 1825 г., «хождение в народ» 1870-х гг., террор рубежа 1870–1880-х гг. и революция 1905–1907 гг. Статья Олгина – это набор претензий как к абсолютной монархии и ее органам (Госдума – «небрежный европейский лак на поверхности тупой непоколебимой тирании»), так и к интеллигенту («не смог взять на себя руководство великим переворотом») [Там же, p. 115–116]. Путем мониторинга социальных изменений причины Октябрьской революции обнаруживали в провале Столыпинской реформы, забастовках, росте образования, количестве периодики, в том, что «политические и социальные идеи неуклонно вливались в сознание людей», при этом пропасть между сословиями ширилась, а война ее не преодолела [Там же, p. 117]. Во всем были виноваты образованные: отсутствие аграрных преобразований, сложностях с выборами в Учредительное собрание, в усталости от войны, в неспособности сформировать общественное мнение.

В 1922 г. Д. Джером давал картину социального развития России, сравнивая ее с Соединенными Штатами, построенную на книгах Толстого, Достоевского, князя Кропоткина, докладах III Государственной Думы. Руководствуясь сравнительными цифрами доли соотношения аристократии и крестьянства в России (7 % и 93 %), он замечал, что «средний класс, такой как <...> в нашей собственной стране, отсутствовал». В числе факторов, сформировавших особенности российской действительности, назывались география, религия, образование, традиции, народные обычаи, досуг, условия быта и др. [Jerom, p. 228–229].

Автор делал умозаключения о группе «революционеров-марксистов» и разбирал жизнь двух видных большевиков – В. И. Ленина и Л. Б. Красина, – уделив каждому одинаковые по объему абзацы [Там же, p. 240]. Был сделан интересный вывод: «в Америке с их инициативой и способностями, они... занимали бы почетные должности... в России <...> они

приняли марксистские взгляды и стали революционными лидерами» [Там же]. При этом автор не переставал критиковать неудовлетворительное, с его точки зрения, государственное устройство Российской империи.

Еще один автор, А. Сэк, стоявший на марксистских позициях, всю ответственность за революцию возлагал на партию РСДРП (б) (его статья появилась в 1919 г.). «Социалисты России, социал-демократы, социал-революционеры понимали прозаический закон эволюции», в чем и «заключается отличие их лидеров от большевистских». Последние как «безответственные... демагоги обращались к массам с обещаниями немедленного демократического мира и... реализации социализма в России» [Sack, p. 103].

Большевики обвинялись в незнании (искажении) теории, обмане народа, в заключении сепаратного мира, в отсутствии перспективы развития и в итоге – в голоде, разрухе, убийствах. По мнению американского исследователя, большевикам с их идеей классового размежевания и установкой на конфронтацию, с отрицанием «права каждого члена общества <...> участвовать в управлении» [Там же, p. 104] нет места в демократическом мире. Кроме того, А. Сэк обвинял большевиков в отсутствии свободы слова, суда, права публичных собраний, в попытках, взятии заложников, принудительной мобилизации, инфляции.

Р. Робинс в 1919 г. на основе собственных впечатлений считал, что к революции привели три года холода, голода, войны, желание солдат вернуться в деревню для дележа земли [Robins, p. 119–127]. Причины Октября он также усматривал в политической активности оппозиции, имеющей корни в ущербности социальной структуры страны. Согласно Р. Робинсу, партия большевиков присвоила себе роль лидера Советов, представила свойство русского менталитета как якобы собственное достижение [Там же, p. 136]. «Идеал классовой борьбы, материалистическая концепция общества» не находили понимания у «бородатых крестьян и жесточких рабочих», которые пытались сделать то, на «что, они считали <...> имеют право» [Там же, p. 135–137].

Прямо претендовал на характеристику большевиков как политического субъекта (определяя их место среди других партий, их теории среди других социалистических идей и способов их реализации) социал-демократ У. Хантингтон. Во многом совпадают с современными оценками его указания причин провала Временного правительства: «никто... не был обучен демократии... огромный экономический и военный кризис,...

постоянная работа немецких шпионов, ... и большевистской группы» [Huntington, p. 92–95]. Большевизм «означает “максимализм”, ... а не большинство», «грубый марксистский социализм насилия», с которым «демократия никогда не может пойти на компромисс» [Там же, p. 95–96]. Хантингтон считал, что Америка, как демократическая страна, несет ответственность на происходящее в России, тем самым формулируя ближайшие цели для внешней политики США: «реконструкция России – это, прежде всего, работа Америки» [Там же, p. 97].

Конкретные практические предложения отталкивались от этого постулата и оправдывали необходимость интервенции. Ставя себя во главе «цивилизованного мира», США отправляли свои войска «не с целью вмешательства в политический суверенитет..., но с единственной целью – помочь русским людям вернуть контроль над собственной территорией» [The way of the Russian terror, p. 263]. Американские авторы базировались на объявлении президентом Вильсоном «большевистских лидеров *международными преступниками* (выделено нами. – *О. В.*)» [International notes, p. 278–287]. Представление интервенции как помощи русскому народу повторялось у разных авторов статей 1918–1919 гг. С. Харпер предлагал «поддержать сторонников Учредительного собрания», обвинял союзников в задержке интервенции: страны Антанты, «за исключением Америки... действительно ничего не сделали» [Там же, p. 280]. А. Сэк в 1919 г. призывал граждан не уходить от ответственности за торжество демократии во всех странах, препятствовать «установлению в России новой тирании» [Sack, p. 106]. Сторонники социализма также звали в 1919 г. США расчистить страну от большевиков, которые «подчинили русскую революцию» [Sayler, p. 196].

Были и противники интервенции. О. Сейлер порицал американские власти, которые «пытались применить устаревшую политическую формулу» к «полноценной социальной революции» вместо того, чтобы меняться самим. Неверными объявлялись попытки «заставить Россию соответствовать нашим представлениям о государственной и промышленной политике», позволение эмигрантам из России вести пропаганду в Америке, одобрение «Закона о шпионаже», когда любого подозреваемого могли выслать из США [Там же, p. 197]. Упреки адресовались американскому послу Дэвиду Френсису, сводившему все к интересам Антанты, и президенту Вильсону, указывавшему, что «правительство Соединенных Штатов... не в состоянии оказать <...> помощь России в обеспечении... ее суверенитета». Американское правительство призывали ждать, «не втор-

гаясь в деятельность Советов, ...уважать это учреждение» и осуществлять благотворительность («отдавать свою пищу и ресурсы» и «не ожидать немедленной оплаты» [Там же, р. 194, 198].

Предложениями по поводу того, что надо делать, были и проекты реформ с целью достижения американского политического идеала «уважения к общественному мнению, ... свободе, ... признания принципов... демократии» [Story, p. 83]. Р. Стори на основе собственных выводов о фундаменте России (ресурсы, радикализм, общинность, жажда знаний и минимум демократического опыта) давал рекомендации: «восстановление Российского государства на какой-либо федеративной основе», «государственная собственность и контроль в области транспорта, образования, ... финансовых функций и социального обеспечения», «свобода для частной инициативы и корпоративной деятельности», «приверженность международному миру» [Story, p. 88–89].

По Т. Тэчеру, разрешением ситуации был отказ от эмбарго, заполнение «российского экономического вакуума» американскими кредитами, товарами и менеджментом. «Большевизм должен столкнуться с экономическими трудностями <...> и потерпит неудачу» [Thacher, p. 126]. Приоритетными были американские финансовые интересы, ведь, несмотря на российские «угнетенные национальности», «рабочие проблемы», «аграрную ситуацию» и «конфискацию имущества», большевики должны были вернуть долг во много миллионов долларов [The way of the Russian terror, p. 263].

Р. Робинс признавал право каждого идти своим путем, оставляя за Европой возможность оставаться демократией в собственном понимании. Не отрицая наличия «определенных экономических ошибок» США (условия труда на угольных шахтах, «гнилые суды», 12-часовой рабочий день на сталелитейных заводах), он утверждал, что большевизму «не место в американском обществе», а попытки свергнуть правительство силой «следует подавлять непреклонно, твердо придерживаясь закона и порядка» [Robins, p. 144–145]. Опора на закон – составная часть менталитета американцев. Автор рекомендовал своему правительству «снять эмбарго», вести «переговоры о перемирии, общей политической амнистии, сохранении «союзных войск в России с целью обеспечения гарантий», оказать гуманитарную помощь и направить комиссию для выяснения нынешней ситуации в Советской России». В очередной раз пожелания обосновывались соображениями экономической выгоды для США, так как у РСФСР «самый большой неиспользованный рынок вторичного

производства, – крупнейший потребительский рынок... и самые большие запасы сырья» [Robins, p. 142–143].

П. Хиббен в 1922 г. также призывал к здравому смыслу, указывал на «злостную пропаганду против всего, что связано с советским правительством» вместо «конструктивного плана» и получения прибыли для США. Пример такого плана – практика лизинга «Объединенного профсоюза работников одежды Сидни Хиллмана и Джозефа Шлоссберга» [Hibben, p. 196]. Истеричная пропаганда отсутствия права частной собственности в Советской России отвергалась П. Хиббеном на основе права каждого на собственный путь. Субсидирование РСФСР объявлялось долгом США как первой страны мира: «новая эра... процветания во всей Европе, включая Россию, <...> зависит от нас, <...> поскольку мы имеем возможность предоставлять кредиты» [Там же, p. 199–200].

Были и те, кто предупреждал об «уроке большевистской революции», выдвигая предложения, что делать. Если общество столь расколото, как в Российской империи, есть «возможность социального взрыва. В Соединенных Штатах мы уже видим предпосылки этой ситуации» [Jerome, p. 228]. Д. Джером предрекал политику нэпа («большевики не смогут долго оставаться у власти, если построят стену между собой и народом») и сталинский режим («большевики могут <...> поддерживать сильное давление», а «масса населения... так долго вынуждена была подчиниться сильному давлению царского самодержавия,... [что] послушна» [Там же, p. 249].

Указывая, что делать, американские историки вновь и вновь называли ориентир, на который следует равняться советской республике – собственную родину. «Консервативные русские обращают внимание на... Соединенные Штаты в качестве модели для своей собственной республики... Другие... слышали об Америке как убежище для политических ссыльных... третьи... открывают для нас... сердце, потому что они не слышали о нас ничего плохого» [Sayler, p. 188].

Позитивный образ будущего строили и мечтатели, американские социалисты. Так, Г. Уоткинс считал, что «промышленный профсоюз... станет основой нового коммунистического общества» с «административными органами... для координации непромышленной деятельности», а «распределение продукта должно быть ...от каждого ...по способностям, каждому ...по потребностям» [Watkins, p. 30]. Автор цитировал «Новости коммунистической рабочей партии», «Манифест Коммунистической партии», «Программу Коммунистической партии», не анализируя их и только утверждая, что коммунистическая перспектива неизбежна

и «совпадает с программой русского большевизма» [Там же, р. 31]. Г. Уоткинс отстаивал традиционные американские методы политической борьбы (пропаганда/выборы на государственные должности, реформы в интересах трудящихся).

Читательское мнение формировалось с помощью фактов и указаний на позицию США (официальное устранение от международного вмешательства, неизменная доброжелательность и помощь). Информация о Генуэзской конференции давалась без комментариев. «Conference at Genoa» [Conference at Genoa, р. 182–189] давала исходный материал – цитаты, отрывки из газет («Таймс»), информацию об инициативах, требованиях, предложениях, о реакции участников Генуэзской встречи, о слухах, сообщала цифры, предлагая читателям делать выводы самостоятельно.

«Foreign Affairs» не мог пропустить грандиозного международного события: в сентябре 1922 г. анонимный автор метафорически оценивал его как «словесные бои между русскими и нерусскими участниками» [Russia after Genoa, р. 133]. С помощью стилистических приемов автор давал свою оценку Генуэзской конференции, избегая прямого выражения собственного мнения и метафорически обозначая ее результаты. «Очищение атмосферы», т. е. получение информации о нетрадиционной форме государственного устройства и признание заслуг «бурного существования» РСФСР (интервенция, Гражданская война, признание независимости республик Средней Азии, мир с Польшей и Прибалтикой) [Там же, р. 133–134]. Американский автор не забывал подчеркивать «болезненные истины»: «ни одна другая страна пока не последовала <...> примеру России» (мировой революции нет), а достижения были не за счет «роста популярности коммунистического режима», а за счет безжалостного подавления несогласных. Еще одним результатом короткой советской истории стали «разочарование и усталость» вследствие «ужасающего характера экономической ситуации», породившей новую экономическую политику [Там же, р. 134–135, 138].

Отдельное внимание было уделено ситуации с советскими долгами. Желание Советской России компенсировать свои довоенные обязательства встречными претензиями было признано разумным и обоснованным международным правом. Как рассуждал журнал, Англия и Франция сдадутся и пойдут на уступки, американское руководство, «высокомерно отказываясь признать советское правительство», потеряет «особые возможности для получения огромного количества долларов» [Там же, р. 141].

Таким образом, американские исследователи, отмечавшие историческую/социальную/политическую определенность Октябрьского переворота, в первую очередь отталкивались от интересов собственной страны. Они оправдывали интервенцию экономической выгодой и необходимостью экспорта демократии американского типа. В то же время американские авторы апеллировали к праву выбора варианта развития каждой страной, тем самым оправдывая существование РСФСР; пытались давать непредвзятую информацию, подталкивая читателей к самостоятельным выводам.

Conference at Genoa // *Advocate of Peace through Justice*. Vol. 84, № 5 (May, 1922). P. 182–189.

Hibben P. Russian Rehabilitation a Prerequisite to World Prosperity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 102. America and the Rehabilitation of Europe (Jul., 1922)

Huntington W. The Russian tragedy // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 84 (Jul., 1919). P. 92–95.

International notes // *The Advocate of Peace (1894–1920)*. Vol. 80, No. 9 (October, 1918).

Jerome D. Sociological Interpretation of the Russian Revolution // *Political Science Quarterly*. Vol. 37. No. 2 (Jun., 1922).

Olgin M. The Intelligentsia and the People in the Russian Revolution // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 84. International Reconstruction (Jul., 1919).

Robins R. *Social Control* in Russia Today // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 84. International Reconstruction (Jul., 1919).

Russia after Genoa and Hague // *Foreign Affairs*. Vol. 1, No. 1 (Sep. 15, 1922).

Sack A. Democracy and Bolshevism // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 84 (Jul., 1919).

Sayler O. Russia Looks to America // *The North American Review*. Vol. 209. No. 759 (Feb., 1919).

Story R. Russian present and Future // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 84 (Jul., 1919).

Thacher T. Economic Force and the Russian Problem // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 84 (Jul., 1919).

The way of the Russian terror // *The Advocate of Peace (1894–1920)*. Vol. 80, No. 9 (October, 1918).

Watkins G. Revolutionary Communism in the United States // *The American Political Science Review*. Vol. 14, No. 1 (Feb., 1920).

УДК 94(47).084:323.22

Н. М. Байбатырова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛИЗМА И СОБЫТИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

В статье представлен обзор точек зрения публицистов русского зарубежья на историю СССР как общемировой процесс. Многие авторы с мировым именем, эмигрировавшие из Советской России, а также менее известные публицисты и общественные деятели пытались исследовать социализм как учение и политический строй, изучали подлинную родословную большевизма. Анализу подвергнуты статьи, письма, обращения и произведения крупных публицистических форм авторов «третьей волны» русской эмиграции, в которых интерпретировались исторические события в России советской эпохи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социализм, идеология, история СССР, публицистика русского зарубежья, авторы эмиграции.

Социализм как учение и общественно-политическая форма существования государства, а также его советский вариант развития неоднократно подвергались детальному изучению отечественными и зарубежными мыслителями и общественными деятелями. XX век принес социализму неслыханную популярность, особенно в его марксистской форме. На протяжении семи десятков лет Россией был приобретен грандиозный опыт. Этот глубочайший опыт для страны осмысливали как советские, российские историки, писатели, публицисты, так и авторы «третьей волны» русской эмиграции.

Историк и публицист Ю. Г. Фельштинский эмигрировал в Соединенные Штаты в 1978 году. Ему принадлежит авторство десятков книг о большевизме, социализме и истории СССР, в том числе труды «Большевики и эсеры», «К истории нашей закрытости», «Крушение мировой революции», «Вожди в законе», «Красный террор в годы гражданской войны». В статье «В чем существо нашего спора», опубликованной в эмигрантском журнале «Голос зарубежья» в 1984 году, Ю. Г. Фельштинский писал: «В истории советской России и большевистской партии многое окутано тайной» [Фельштинский, с. 21]. Он попытался разоблачить тайны революционной эпохи, назвав политику большевиков террористической. Автор высказывает мнение о том, что до и после октябрьского переворота

большевики получали немецкие деньги по скрытым каналам: «...вопрос о германских деньгах крайне сложен и запутан. Неясны многие детали, неизвестна точная сумма, в которую обошлась Германии революция в России, не раскрыты все каналы, по которым шла в Россию революционерам германская финансовая помощь, не названы все действующие лица этой трагической игры» [Фельштинский, с. 21]. Ю. Г. Фельштинский старался размотать сюжет сложного запутанного клубка революции 1917 года в России и первых десятилетий Советского государства, которое, по словам автора, воевало не за интересы народа, а против него.

Отдельные исследователи полагали, что необходимый для человечества смысл социализма заключался в приобретении определенного опыта. Они рассматривали революцию, большевизм и социалистический строй в России как закономерную веху и общеисторический процесс. Представитель «первой эмиграции» – писатель и публицист В. С. Варшавский сравнивал большевистскую революцию с яacobинской. Он эмигрировал в Константинополь, затем проживал в Праге, Париже, Нью-Йорке, Мюнхене, а закончил свой жизненный путь в Женеве. Один из фундаментальных трудов В. С. Варшавского – историко-философское исследование «Родословная большевизма», которое он не успел закончить. Автор видел истоки переворота 1917 года в Европе: «Октябрьская революция потому-то и была встречена западными левыми с таким ликованием: они видели в ней продолжение 1793 года и Парижской коммуны, всех вообще европейских революций» [Варшавский, с. 79]. Кроме того, он провел аналогии, сравнив советскую власть с нацистским гитлеровским режимом. Признаки сходства очевидны для данного автора: монолитное, строго дисциплинированное общество, управляемое партией, которой все подвластно: государственные и административные органы, вооруженные силы, милиция, весь народ. По мнению В. С. Варшавского, диктатура коммунистической партии с самого начала вела к тоталитаризму.

На страницах эмигрантских журналов и газет развернулась настоящая идейно-литературная борьба. И. Р. Шафаревич – автор многих ярких и содержательных публицистических работ, вокруг которых сыпались искры полемики. Этот ученый и публицист никогда не был равнодушен к общественным проблемам. И. Р. Шафаревич не уезжал из Советского Союза, однако много печатался вне страны. В его запрещенной общественной деятельности соратниками в разные периоды были А. И. Солженицын, А. Д. Сахаров и другие «инакомыслящие», а также деятели «внутреннего сопротивления».

Работа И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории» [Шафаревич, 1991] впервые увидела свет в издательстве YMCA-PRESS в Париже в 1977 году, позже она неоднократно переиздавалась за рубежом. В СССР этот труд был опубликован в 1991 году в издательстве «Советский писатель». При работе над этим произведением без официального разрешения в условиях советской цензуры у И. Р. Шафаревича возникали большие трудности с получением нужной литературы. «Моим оправданием является жгучая актуальность темы и особый исторический опыт нашей страны», – писал он [Шафаревич, 1991, с. 11]. Уже в предисловии автор обозначил основной тезис всей книги, посвященной анализу идей социалистического переустройства общества. И. Р. Шафаревич был убежден, что главная сила, под влиянием которой развивался современный ему кризис человечества – это социализм. В публицистической работе исследуются происхождение, движущие силы социализма, цель, к которой он ведет. Особо ценным является то, что автор рассмотрел социализм в контексте индивидуальных особенностей конкретных эпох и стран, например, хилиастический социализм в античной Греции или в современной автору Китайской Народной Республике. Опыт, который переживала советская Россия в XX веке, имеет, с точки зрения И. Р. Шафаревича, не так много precedентов во всей мировой истории, он уникален в своем роде.

В данной работе социализм рассматривается как реально, в пространстве и времени существующий общественный строй. И. Р. Шафаревич выделил основные принципы, главенствующие в идеологии социалистических учений и в политике социалистических государств. Среди них – уничтожение частной собственности, семьи и религии, общность и равенство, уничтожение иерархии в обществе. Автор осуществил обзор точек зрения на социализм, в том числе изучил взгляды марксистов, религиозных философов, некоторых утопистов. Он рассматривал социализм как учение и как государственное устройство.

В статье «Есть ли у России будущее?», написанной для эмигрантского сборника А. И. Солженицына «Из-под глыб» (выпущен в 1974 году издательством YMCA-PRESS, Париж. – Н. Б.), И. Р. Шафаревич обратился к ранней советской истории. Он писал: «Октябрьскую революцию делали люди, фанатически убежденные в том, что история управляема, ход ее может изменить и маленькая группа людей, если только они знают, как взяться за дело. В этом смысле Октябрь определил характер нашего века» [Шафаревич, 1991, с. 506]. Автор пытался понять общие законы истории, последовательно анализируя раннесоветскую эпоху, период

сталинизма, военное и послевоенное время. Оценивая чудовищные преступления против народа: насильственную коллективизацию, расказачивание, организованный голод 1930-х годов, уничтожение памятников русской культуры, ГУЛАГ, – И. Р. Шафаревич тем не менее приходит к выводу, что западный образец для развития России также абсолютно не подходит. И. Р. Шафаревич был убежден, что прошедшие десятилетия обогатили советских людей опытом, которого нет ни у одной страны мира.

Большинство авторов русского зарубежья отмечали один из основополагающих принципов социализма – подавление индивидуальности. А. И. Солженицын, А. А. Амальрик, А. Д. Синявский, Г. Н. Владимов утверждали, что социалистическая идеология враждебна личности. «Мы видим, что все элементы социалистического идеала: уничтожение частной собственности, семьи, иерархии, враждебность религии – могут рассматриваться как проявление одного основного принципа – подавления индивидуальности», – писал И. Р. Шафаревич. Этот автор сравнил такое общество с ульем и муравейником.

Аналогичные ассоциации находим в названии публицистической книги ученого-социолога, философа, писателя и публициста А. А. Зиновьева. Произведение «Глобальный человек» было написано им уже в период новой российской государственности, в 1997 году. Сам автор определил жанр книги, дав ей наименование «футурологическая повесть». В ней писатель и публицист русского зарубежья характеризует Советский Союз как первое сверхобщество. А. А. Зиновьев описывает тупик, в которой могут зайти социумы многих стран, состоящие из обезличенных, инертных субъектов-единиц. Западное общество превращается в полностью роботизированное, обездушенное пространство.

Писатель и публицист А. А. Амальрик эмигрировал из СССР в 1976 году. На Западе он активно занимался общественно-политической деятельностью. Этого автора называли одним из самых антипатриотичных русских эмигрантов. В свое оправдание А. А. Амальрик писал в обращении «Я хочу, чтобы меня правильно поняли», вошедшем в сборник «Статьи и письма 1967–1970»: «Может быть, непатриотично критиковать свою страну и предупреждать ее о грозящих опасностях, издавая для этого книгу за границей. <...> Я люблю мою страну, в которой я родился и вырос и о необычайной судьбе которой я не могу думать без слез. Разлука с ней была для меня большим горем, но я с горечью сознаю, что я не восхищаюсь своей страной» [Амальрик, 1971, с. 43–44].

Книга А. А. Амальрика «Просуществует ли СССР до 1984 года?» получила большую популярность на Западе. Ходили слухи, что она напи-

сана в сотрудничестве с КГБ. Сам автор неоднократно опровергал этот факт в зарубежной прессе, например немецком журнале «Шпигель». В публицистическом произведении А. А. Амальрик последовательно проанализировал все изъяны советского режима, выделяя «кастовое, немобильное общество; окоченелость государственной системы, вступившей в явный конфликт с потребностями экономического развития; бюрократизацию системы и создание привилегированного бюрократического класса; национальные противоречия в многонациональном государстве и привилегированное положение отдельных наций» [Амальрик, 1970, с. 41]. Автор упоминает важные вехи и события во внутренней политической жизни страны, особенно второй половины XX века. Среди положительных тенденций он отмечает закат сталинизма после смерти «кровавого вождя», массовую реабилитацию политзаключенных, создание культурной советской оппозиции. Однако кажущаяся демократизация, по мнению А. А. Амальрика, – это всего лишь видимость. Советский режим «только хочет, чтобы все было по-старому: признавались авторитеты, помалкивала интеллигенция, не расшатывалась система опасными и непривычными реформами» [Амальрик, 1970, с. 19]. В публицистическом тексте отражены надежды автора стать «свидетелем конца» СССР. Он был убежден, что девиз «Пусть все будет как было» неизбежно приведет к загниванию и разложению системы.

В период «перестройки» в Союзе власть и общественность, а вслед за ними и интеллигенция, литераторы, публицисты заговорили о свободе слова и плюрализме мнений, бывшие «инакомыслящие» стали открыто выступать в печати и даже заседали в Верховном Совете СССР. В этот период И. Р. Шафаревич написал для журнала «Новый мир» статью под названием «Две дороги – к одному обрыву» [Шафаревич, 1989], где он выступил с критикой как советского социализма, так и западной псевдодемократии. Автор аргументированно доказывал, что будущее России невозможно под гнетом командной системы, но и слепая американизация не менее вредна для страны.

Интересна точка зрения и других авторов эмиграции, которые осуждали антисоветизм и антикоммунизм А. И. Солженицына. В. Е. Максимова, А. Д. Снявского и тем более А. А. Амальрика. Так, историк, писатель и публицист В. О. Богомолов яростно опроверг тезисы автора-эмигранта Г. Н. Владимова о Второй мировой войне. В статье «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия», впервые опубликованной в 1995 году в газете «Книжное обозрение», он писал: «Очернение с целью «изничтожения проклятого тоталитарного прошлого» Отечественной войны и десятков

миллионов ее живых и мертвых участников как явление обозначилось еще в 1992 году. Люди, пришедшие перед тем к власти, убежденные в необходимости вместе с семью десятилетиями истории Советского Союза опрокинуть в выгребную яму и величайшую в многовековой жизни России трагедию – Отечественную войну, стали открыто инициировать, спонсировать и финансировать фальсификацию событий и очернение не только сталинского режима, системы ее руководящих функционеров, но и рядовых участников войны – солдат, сержантов и офицеров» [Богомолов, с. 2].

За развалом СССР последовала переоценка человеческих и исторических ценностей. В СМИ под видом «новой истории России» потоком хлынули измышления по пересмотру событий прошлого. «Несомненно, в современной школе следует доводить до сознания каждого подростка, что целью Гитлера и Германии в той далекой войне было не мифическое «освобождение России от большевизма», как по сей день утверждают многие власовцы, этеэсовцы и некоторые выборы, а установление «немецкого мирового господства на века» (А. Гитлер) и прежде всего присоединение огромной территории на Востоке с обязательным уничтожением 30–40 миллионов человек...», – писал В. О. Богомолов [Богомолов, с. 25]. После крушения Советского Союза запрещенная эмигрантская литература и публицистика стала свободно издаваться в нашей стране, но интерес к перипетиям советской истории в 1990–2000-е гг. по-прежнему оставался высоким и остается значительным до сих пор.

Амальрик А. Существует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1970.

Амальрик А. Статьи и письма 1967–1970. Амстердам, 1971.

Богомолов В. Срам имут и живые, и мертвые, и Россия // Книжное обозрение. 1995. № 19. 9 мая.

Варшавский В. С. Родословная большевизма. Paris, 1982.

Фельштинский Ю. В чем существо нашего спора // Голос зарубежья. Мюнхен, 1984. № 34. С. 21–24.

Шафаревич И. Р. Две дороги – к одному обрыву // Новый мир. 1989. № 7. С. 147–165.

Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? М. : Публицистика, 1991.

УДК 930(430+470)

И. В. Грибан

ЭПОХА РЕВОЛЮЦИЙ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКОГО УЧЕБНИКА ИСТОРИИ: ИСТОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ*

В 2015 г. был опубликован российско-германский учебник истории «Россия – Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. XX век». Вышедший в условиях «украинского кризиса» и обострения отношений со странами Запада, учебник стал не столько историографическим, сколько политическим событием. Одним из ключевых «мест памяти» в истории России и Германии в XX веке стала «эпоха революций». В статье проанализирован подход российских и германских ученых к освещению революции 1917 г. в России и Ноябрьской революции в Германии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: российско-германская комиссия историков, Октябрьская революция, Ноябрьская революция, российско-германский учебник истории, «места памяти», коллективная память.

Создание так называемых «бинациональных» (совместных) пособий по истории в последнее время является одним из важных направлений сотрудничества историков из разных стран: в первые десятилетия XXI в. предпринимались попытки примирить национальные версии прошлого путем написания российско-польского, российско-украинского, российско-белорусского, франко-германского, польско-германского совместных учебников. Тот факт, что в настоящее время успешно завершен лишь один из этих проектов (выпущен уникальный трехтомный франко-германский учебник для старших классов гимназий «Европа и мир»), свидетельствует о том, что поиск консенсуса в осмыслении и интерпретации прошлого – задача непростая, а в ряде случаев – пока недостижимая [Грибан, 2014, с. 72–78].

Значимым историографическим событием стало то, что весной 2015 г. в Берлине и Москве состоялась презентация совместного российско-германского учебного пособия по истории с символическим названием «Россия – Германия: вехи совместной истории в коллективной памяти. XX век»¹. Идея создания такого учебника была озвучена еще в 2010 г.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00339.

¹ Немецкоязычная версия называется «Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte – Orte der Erinnerung» (Германия – Россия. Вехи совместной истории – места памяти).

на форуме «Петербургский диалог», проходившем в Екатеринбурге и посвященном теме «Российское и германское общества в следующем десятилетии». Планировалось, что учебник будет опубликован к 2012 г., однако процесс работы затянулся [Грибан, 2016, с. 130].

Подготовка российско-германского учебника велась в рамках работы российско-германской совместной комиссии историков, созданной еще в 1997 г. по инициативе канцлера ФРГ Г. Коля и президента РФ Б. Н. Ельцина. Как отмечает сопредседатель комиссии с российской стороны, директор Института всеобщей истории РАН в 1988–2015 гг. академик А. О. Чубарьян, это была «самая успешная интернациональная комиссия в российской практике, работавшая без перерыва 18 лет... У исследователей не было запретных тем, и они не обходили спорных вопросов, однако историки не делали из этого особой драмы» [Розэ].

В результате многолетней работы комиссии к 2015 г. был подготовлен первый из трех запланированных томов пособия (опубликованный на русском и немецком языках), посвященный отношениям России и Германии в насыщенных событиями и противоречивом XX столетии, «связанном как с конфликтными ситуациями, так и с примирением» [Die Sprache]. Презентация пособия состоялась, несмотря на продолжающийся украинский кризис, на фоне отказа лидеров многих стран принять участие в традиционном Параде Победы на Красной площади в Москве, вопреки международной ситуации и ухудшению отношений России с Европой в целом и ФРГ в частности.

Учебное пособие открывает глава, посвященная периоду с 1917 по 1933 г. – одному из самых драматичных и богатых событиями в истории Германии и России в XX в. В качестве первой «вехи памяти» выделены революционные события 1917–1918 гг. в России и Германии. Изложение начинается именно с 1917 г., поскольку авторы обозначают его как ключевую веху для мировой истории.

В «Предисловии», подготовленном Хорстом Мёллером² с немецкой стороны и Александром Шубиным³ – с российской, эпоха революций рассматривается как пролог всего XX века.

² Хорст Мёллер – один из ведущих германских историков, до 2011 г. – директор Института современной истории (Мюнхен – Берлин), профессор новой и новейшей истории Мюнхенского университета.

³ Александр Шубин – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН.

Статья о революции в России, написанная совместно М. Хильдермайером⁴ и А. Шубиным, называется «Красный Октябрь. Приход к власти большевиков» [Hildermeier, Schubin, s. 23–32]. События 1917 г. описываются достаточно сухо, без оценок. По сути, дается развернутая хронология событий. Текст сопровождается краткими биографическими справками и фотографиями В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, а также фотографиями «Отрекшийся царь» и «Смольный институт в дни революции». Помимо этого, приведены источники – текст обращения Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России!» от 25 октября (7 ноября) 1917 г. и первая страница «Декрета о мире».

Событиям в Германии посвящен параграф «Ноябрьская революция в Германии», написанный в соавторстве Х. Мёллером и А. Шубиным [Möller, Schubin, s. 23–32]. Источники представлены текстами заявления Ф. Шейдемана о свержении монархии и провозглашении республики и заявления К. Либкнехта о провозглашении свободной социалистической республики. Представлена биографическая справка Ф. Эберта, фотографии «Первый общий съезд рабочих и солдатских советов» и «Восстание спартаковцев».

Анализируя революционные события в обеих странах, авторы отмечают их общие черты. Прежде всего одинаковыми были причины: «Обе русские революции 1917 г. и немецкая революция 1918/1919 гг. необъяснимы без Первой мировой войны. Для обеих стран тяжелое военное положение в 1917 г. и поражение в войне в 1918 г. было решающим моментом, хотя и не являлось единственной причиной начала революций» [Там же, s. 13]. Отмечая различия во внутреннем положении Российской и Германской империй, авторы вместе с тем подчеркивают, что социальная структура, в которой лишь небольшая группа людей обладала привилегированным положением, а большая часть населения была обездоленной, сыграла решающую роль в возникновении социального недовольства [Там же, s. 14].

Сравнивая ход и результаты революций в России и Германии, А. Шубин подчеркивает, что «большевики, пришедшие к власти, пытались авторитарными методами и путем насилия построить социалистическое общество, которого никогда ранее не существовало. Социал-демократическая альтернатива потерпела в России поражение, хотя еще в середине

⁴ Манфред Хильдермайер – профессор Восточноевропейской истории Гёттингенского университета имени Георга-Августа, специалист по истории России XVII–XX вв.

1917 г. она была не менее влиятельной, чем в Германии. В Германии, напротив, коммунисты потерпели поражение в борьбе с социал-демократическими силами» [Schubin, s. 18].

По мнению авторов, разница в результатах революций была обусловлена как социальным состоянием и культурными традициями обеих стран, так и субъективными факторами. К началу XX в. в промышленном отношении Германия была намного более развитой страной, чем Российская империя. Социал-демократы Германии мечтали о победе нового, социалистического общества, да и сам кайзеровский рейх во время войны начал пытаться ограничивать государственное регулирование. Но ведущие силы социал-демократической партии Германии – и среди них Фридрих Эберт и Филипп Шейдеман – перед лицом экономической разрухи послевоенного времени не вступили в борьбу с капитализмом. Знамя борьбы за социализм было поднято радикальными левыми силами во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, основавшими коммунистическую партию Германии. Однако коммунистам не удалось получить достаточную поддержку общества. Радикальные массы, вышедшие на улицы немецких городов, были дезорганизованы, в то время как их политические противники действовали решительно и не побоялись физического уничтожения коммунистических лидеров. Шубин делает вывод: «Насилие стало акушеркой слабой Веймарской демократии» [Там же, s. 19].

Россия на пути к модернизации существенно отстала от Германии, большая часть населения жила в деревне, и сами теоретики марксизма считали, что коммунистический проект имеет мало шансов на реализацию в этой стране. Но глубокий социально-экономический кризис, тяготы войны и политический хаос создали предпосылки для усиления большинства радикальных движений, и прежде всего большевизма. Шубин подчеркивает, что большую роль в победе большевиков сыграли личные характеристики Владимира Ленина. В результате марксистский проект был осуществлен в стране, которая была к этому готова намного меньше, чем Германия, родина Карла Маркса [Там же, s. 19].

Рассматривая последствия революционных событий, Мёллер отмечает: «Несмотря на кардинальные различия установившихся после революций в России и Германии режимов, государства подписали договор в Рапалло, который способствовал нормализации политических и экономических отношений» (в учебнике приведена карикатура на Рапалльский договор из сатирического журнала «Симплициссимум»). Еще одним значимым последствием революций и местом «пересечения» коллек-

тивной памяти авторы считают волну эмиграции русских в Германию. Этому аспекту посвящен отдельный параграф «Русская Германия в 1920-е гг.».

Подводя итоги революций, Х. Мёллер делает вывод: «Революции и заключение мирных договоров оставили нерешенными такое количество проблем, и создали новые, что обстановка в Европе в межвоенный период с самого начала была нестабильной» [Möller, s. 15].

Анализ российско-германского труда «Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. XX век» приводит к следующим выводам. Во-первых, издание и презентация совместного пособия в условиях непростых отношений России и ФРГ свидетельствует о том, что диалог национальных историографий в современных условиях не только возможен, но и необходим: в российско-германской истории столько пересечений и коллективных «мест памяти», что игнорировать, забывать, разрывать эти связи нельзя. Во-вторых, по многим ключевым вопросам истории России и Германии в XX в. позиции историков двух стран очень близки.

В-третьих, коллективный труд российских и германских историков вряд ли сыграет существенную роль в процессе преподавания истории в обеих странах. Несмотря на то, что пособие поддержано Министерством образования и науки РФ, оно издано небольшим тиражом (1000 экземпляров). На данный момент обещанной интернет-версии учебника в свободном доступе нет. Вероятнее всего, большинство российских и германских учителей истории даже не узнают о существовании этой работы. Кроме того, в отличие от франко-германского совместного учебника истории, российско-германский труд – это скорее монография, содержащая тексты документов и иллюстрации, но не оснащенная методическим аппаратом для работы с ними. Таким образом, публикация этого труда имеет скорее общественное и политическое значение, чем образовательное.

В июле 2017 г. в Москве в 20-й раз прошло заседание российско-германской комиссии историков. В рамках этой встречи одной из ключевых тем стала «Российская революция 1917 г.». Научный руководитель Института всеобщей истории РАН, сопредседатель комиссии с российской стороны А. О. Чубарьян отметил, что работа комиссии – это пример сотрудничества, которому не смогли помешать никакие политические ветры [Новоселова]. По словам Чубарьяна, в ФРГ будет выпущен дополнительный тираж пособия, а в планах комиссии в ближайшем будущем – подготовка 1 и 2 томов совместного учебного пособия. Тот факт, что работа в этом направлении продолжается, – безусловное достижение коллектива

авторов, признание права на существование альтернативного мнения и демонстрация готовности к диалогу по спорным и болезненным вопросам прошлого.

Грибан И. В. Канун Второй мировой войны на страницах российско-германского учебника истории: попытка «примирения прошлого» // Ист.-пед. чтения : в 3 т. 2016. Т. 1. С. 130–137.

Грибан И. В. Франко-германский учебник по истории как попытка применения национальных историографий // Ист.-пед. чтения. 2014. № 18/1. С. 72–78.

Новоселова Е. Кухня прошлого. Российско-германская комиссия историков прошла в 20-й раз // Рос. газета. 2017. 6 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://igh.ru/news/rossiiskaya-gazeta-6-iulya-2017-g-kuhnya-proshlogo-rossiisko-germanskaya-komissiya-istorikov-proshla-v-20-i-raz?locale=ru> (дата обращения: 30.08.2017).

Розэ А. Издан российско-немецкий исторический сборник // Рос. газета. 2015. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/printable/2015/03/11/sbornik-site.html> (дата обращения: 30.08.2017).

Die Sprache der Diplomatie: Deutschland und die Sowjetunion im 20. Jahrhundert // Н-Soz-Kult [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hsozkult.de/review/id/rez-buecher-23037?title=test-url-titel> (дата обращения: 13.06.2017).

Hildermeier M., Schubin A. „Roter Oktober“. Die Machtübernahme durch die Bolschewiki // Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. München, Oldenbourg Verlag. 2014. S. 23–32.

Möller H. Zur Einführung. Zwei Revolutionen und ihre Folgen // Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. München, Oldenbourg Verlag. 2014. S. 13–18.

Möller H., Schubin A. Die Novemberrevolution in Deutschland // Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. München, Oldenbourg Verlag. 2014. S. 43–52.

Schubin A. Zur Einführung: die revolutionäre Epoche // Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte, Orte der Erinnerung. B. 3. Das 20. Jahrhundert. München, Oldenbourg Verlag. 2014. S. 13–18.

УДК 94(470.54).084.3:329

А. А. Ефимов

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ БАЗЫ ДАННЫХ
«ВСЕРОССИЙСКАЯ ПЕРЕПИСЬ ЧЛЕНОВ РКП (б).
1922 г. ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГУБЕРНИЯ»

Статья описывает опыт решения задачи по созданию таких структуры и интерфейса базы данных, которые были бы одновременно эффективно читаемы и машиной и человеком.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Dublin Core, DSpace, таблица, метаданные.

Дублинское ядро (англ. Dublin Core) – реестр основных понятий английского языка, предназначенный для унификации метаданных для описания широчайшего диапазона ресурсов. Термин «Дублинское ядро» был введен в 1995 году в Дублине (штат Огайо, США). Так как реестр предполагает наличие онтологических и таксономических связей, его по праву называют сематической сетью [см.: dublincore.org].

Реестр разделен на два уровня:

- простой (неквалифицированный, simple), состоящий из 15 элементов;
- компетентный (квалифицированный, qualified), состоящий из 18 элементов и группы так называемых тонкостей (или квалификаторов), которые уточняют семантику элементов для повышения полезности поиска ресурсов.

Семантика Дублинского ядра была создана международной междисциплинарной группой профессионалов библиотечного дела, компьютерных наук, кодирования текстов, музейного дела и других смежных групп.

Набор элементов первого уровня очевиден и при этом достаточен:

1. Title – заглавие.
2. Creator – создатель (персона или институция).
3. Subject – ключевое слово, тематика.

4. Description – описание.
5. Publisher – издатель.
6. Contributor – субъект, внесший вклад (персона или институция).
7. Date – дата (публикации, сохранения, истечения эмбарго, перевода и пр.).
8. Type – тип (тип публикации, материального носителя и пр.).
9. Format – формат (обычно, формат файла).
10. Identifier – идентификатор (ISSN, ISBN, DOI, HANDLE и пр.).
11. Source – источник.
12. Language – язык.
13. Relation – связанные ресурсы.
14. Coverage – область (предметная, временная, географическая).
15. Rights – информация о правах.

Стандартную публикацию, будь то статья в журнале, монография, препринт, патент или рецензия, таким набором элементов и соответствующих квалификаторов описать не составляет труда. Для специальных же объектов можно как расширить стандартный набор элементов и квалификаторов, так и ввести свой дополнительный реестр элементов.

В России с 1 июля 2011 года действует ГОСТ Р 7.0.10-2010 (ИСО 15836:2003) [см.: opendoar.org] «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Набор элементов метаданных “Дублинское ядро”». Стандарт, описанный в этом документе, можно рассматривать как реестр основных понятий русского языка, предназначенный для унификации метаданных для описания широчайшего диапазона ресурсов. Он формально копирует Dublin Core на русском языке, но основная проблема заключается в том, что Dublin Core поддерживается всеми – мировыми отраслевыми агрегаторами, автоматизированными библиотечными системами, распределенными электронными каталогами, издательствами и издательскими системами, а его российский аналог не может похвастать таким широким распространением.

Работа по анализу исходных данных и метаданных

Исходные метаданные были получены в виде файла базы данных MS ACCESS, содержащего семь таблиц с различным количеством столбцов. Количество строк в итоге будет равным количеству анкет – около 12 тысяч. Итого более полутора миллионов полей. База должна быть доступна онлайн и должна поддерживать быстрые сортировку, выборку, поиск. Помимо метаданных, были получены данные, отсканированные

копии анкет – большое количество JPEG файлов, от двух до десяти на каждую из 12 тысяч анкет. Объем – десятки гигабайт. Данные, как и метаданные должны быть доступны онлайн и оперативно.

Подобные задачи требовали серьезного анализа и нормализации метаданных, а также конвертации данных в некий, более удобный, чем набор картинок, формат. Задача упрощалась тем, что не требовалось ограничивать доступ к метаданным и данным полностью или частично.

Работа по конвертации исходных данных и метаданных

В результате анализа метаданных составлены частотные фильтры для столбцов таблиц, имеющих фиксированный набор значений, и на их базе построены авторитетные файлы, которые унифицировали, например, разные варианты написания географических названий, рода занятий и пр. Это позволило значительно упростить просмотр и поиск с применением отсекающих фильтров – фасетов. Данные же были разделены на части в соответствии с отношением к анкетам и собраны в PDF файлы. То есть теперь совокупность данных представляет собой один PDF файл, а не группу картинок. От распознавания полного текста пришлось отказаться, так как анкеты, заполненные от руки, не поддаются распознаванию, а хорошо распознающийся бланк только «шумит» при поиске.

Работа по маппированию исходных данных на базовый и дополнительные словари метаданных

Было принято решение максимально использовать стандартный словарь элементов Dublin Core, чтобы обеспечить возможность интеграции отраслевыми агрегаторами, а все не стандартные данные вынести в самостоятельные словари по количеству исходных таблиц. Так, поля dc.title, dc.title.alternative, dc.date.issued, dc.coverage.spatial, dc.identifier.citation, dc.creator, dc.type, dc.language.iso, dc.format.mimetype и dc.relation.ispartof соответственно позволили сразу записать заглавие, альтернативное заглавие, дату формальной публикации, географическую область, библиографическое описание, автора документа, тип документа, язык документа, тип файла и ссылку на источник – дело. Для библиотечной системы этого уже более чем достаточно, особенно если уточнить метаданные номерами страниц, формальным издателем и некоторыми другими специальными метаданными.

С дополнительными словарями не возникло особых сложностей, так как данные анкеты хорошо формализованы на этапе составления таблиц. Количество дополнительных словарей совпало с количеством таблиц,

а элементы и квалификаторы словарей отражали «шапки» таблиц. Для большего удобства работы потенциальных пользователей все дополнительные словари реализованы на русском языке, кириллицей.

DSpace как вместилище контента

Даже самые лучшие данные и метаданные – это просто набор из миллионов полей и сотен тысяч файлов. Без системы, которая представит все это онлайн быстро и удобно, пользоваться данными и метаданными очень не просто. Для реализации поставленной задачи было использовано ПО DSpace. DSpace – один из лидирующих программных продуктов для реализации открытых институциональных репозитариев, электронных библиотек и пр. По статистике OpenDOAR, Dspace используется более чем в 40 % репозитариев по всему миру (размер базы – 3 400 инсталляций) [см.: docs.cntd.ru]. На базе DSpace реализованы как институциональные репозитории больших университетов (MIT/USA, FLORE/Italy, BSU/Belarus, URFU/Russia), так и репозитории публичных библиотек музеев и пр. Так же DSpace достаточно гибок для реализации даже наукометрической системы т. к. использует стандартные механизмы хранения, распространения и обмена данными и метаданными. Поскольку опыт поддержки инсталляций с десятками тысяч документов имелся, было решено остановиться именно на DSpace, максимально использовать стандартный функционал данного ПО, а в случае нехватки каких-то функций, реализовать их либо самостоятельно, либо в связке с разработчиками.

Реестры метаданных были интегрированы в DSpace без особых проблем. Интеграция происходит частями – метаданные добавляются таблицами. То есть фонд растет и количественно – загружаются новые анкеты, и качественно – уже загруженные анкеты прирастают новыми метаданными, а поисковая и просмотровая системы – новыми фильтрами.

Работа по настройке DSpace – поисковая и просмотровая системы

Когда речь идет об ограничивающих поисковых или просмотровый запрос фильтрах, хочется реализовать в виде фильтров все имеющиеся поля метаданных, но когда полей больше сотни, подобное решение может излишне усложнить интерфейс. Пользователь просто запутается в обилии фильтров и в итоге может получить совершенно не тот результат, на который рассчитывал. Во многом поэтому было решено добавлять метаданные не сразу, а таблицами, выбирая необходимые фильтры для каждой таблицы отдельно.

Набор фильтров в данный момент не окончателен и будет изменяться и дополняться по мере пополнения системы метаданными, будет изменяться и интерфейс просмотра для того, чтобы отразить таблицы в исходных данных. Но уже сейчас можно, несколько раз кликнув мышкой, получить список двадцатилетних коммунистов из Екатеринбурга или коммунисток из Нижнего Тагила. Полные же данные позволят сравнить в несколько кликов количество грамотных боевиков и неграмотных руководителей ячеек, и сравнение будет в пользу боевиков. Для пользователей, разыскивающих конкретного человека, доступен простой поиск по имени, либо вовсе пролистывание виртуального дела от корки до корки.

dublincore.org : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://dublincore.org/> (дата обращения: 01.09.2017).

opendoar.org : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/BqisY> (дата обращения: 01.09.2017).

docs.cntd.ru : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084835> (дата обращения: 01.09.2017).

УДК 94(47).084.3/.084.6:37.035.4

С. Ю. Малышева

«ХОРОШАЯ СМЕРТЬ» В НЕКРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

В статье рассматривается конструирование образа героической жертвенной смерти в раннесоветском некрологическом дискурсе, показана его связь с культом молодости и культом павших «красных героев и вождей», которые были важной составляющей советской культурно-символической системы. Рассматривается также эволюция на протяжении первых советских десятилетий отношения к этой «образцовой» форме смерти, а также отношения к иным сценариям завершения жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история, смерть, историко-танатологические исследования, Советская Россия.

Потрясения времен революции и первого постреволюционного десятилетия поколебали не только основы повседневной жизни жителей России, они сказались на ментальности традиционного общества. В част-

ности, на отношении к смерти и представлениях о «хорошей» смерти. Большевистские идеологи «героической эпохи» революции и Гражданской войны, классовой борьбы и борьбы с религией усиленно продвигали в сознание людей соответствующие образы «правильной» смерти, которые в корне противоречили традиционному христианскому представлению о таковой: мирной, благочестивой (по выполнению христианских обрядов), в своей постели, в кругу семьи и общины.

Образ формируемой «правильной», «хорошей» советской смерти был тесно связан с такими приметам советской культуры первого десятилетия, как довольно ярко выраженная в 1920-е гг. и быстро редуцированная к началу 1930-х геронтофобия [Гудкова, с. 175, 229–230, 239; Вайскопф, с. 327–330, 335] и намного более стабильный в этой культуре культ молодости. Ханс Гюнтер справедливо подчеркнул связь культа молодости в тоталитарных культурах с героическим мифом, который использовался этими культурами для консервации политического инфантилизма масс [Гюнтер, с. 749–750]. Сопряжение смерти с культом молодости сказалось на конструировании образа «правильной советской смерти», матриц ее описания в советской биографистике и некрологических текстах. На вершине иерархии «правильных смертей» оказывалась героическая жертвенная смерть молодого человека – смерть в бою, в борьбе, от рук «врагов», воплощавшая кульминацию танатологического пафоса, своеобразного раннесоветского некрофильского дискурса «содружества ворона с бойцом», воспетого Эдуардом Багрицким в его знаменитой «Смерти пионерки» уже на излете «героического периода», в 1932 г.

Раннесоветские некрологические тексты – даже посвященные смерти немолодых людей, даже умерших от болезней (как В. И. Ленин) – старательно воспроизводили именно этот вариант «героической», жертвенной смерти либо его отдельные элементы. Идеальная смерть «вождей» всегда в целом соответствовала матрице «героической жертвенной смерти», невзирая на обстоятельства смерти, возраст, состояние здоровья умершего. Как же иначе было умереть вождю, как не посреди боя или от рук коварного врага: «Убит на посту... Иначе и не мог умереть герой и великий труженик революции – тов. Урицкий» [Биография тов. Урицкого, с. 550]. Иные, негероические варианты смерти «вождей» воспринимались как нелепость: так, отзываясь на смерть Я. М. Свердлова от испанки, Ю. Стеллов назвал ее бессмысленной: «Что наиболее угнетает в таких смертях, как смерть Свердлова, это ее бессмысленность. “Глупо”, – вот первое восклицание, неудержимо вырывающееся при известии о неожиданной

его смерти». Он подчеркнул, что смириться можно с тем, «когда видный товарищ погибает в бою, когда его убивают враги» [Стеклов, с. 1], – такая смерть представлялась правильной, полной смысла.

Очень показательны некрологические тексты журнала «Коммунистическая революция», помещенные в специальном разделе «Герои и мученики пролетарской революции», нередко сопровождавшие постмортальные фотографии «вождей» и «героев» революции, часто публиковавшиеся в первое советское десятилетие и усиливавшие образ героической жертвенной, мученической смерти. Так, например, тексты 1919 г. домысливали, а нередко конструировали обстоятельства смерти «наших мертвецов», открыто подгоняя их под нужный «стандарт». Так, Н. И. Бухарин в статье, посвященной гибели Наркома по военным делам Венгерской Советской Республики Тибора Самуэли, признавался, что не знает, как погиб Самуэли. Согласно официальной версии, покончил с собой выстрелом в голову, когда его задержали жандармы. Факт самоубийства тут же героизируется: «Возможно, что так именно и было. Тов. Самуэли – гордая, стальная натура, для которой гибель советской власти и сдача в плен живым могла казаться недопустимой капитуляцией. Быть может, он действительно не хотел отдавать врагам своей революционной шпаги и предпочел смерть плену. Но могло быть и другое», – добавляет автор, побуждая читателя рисовать картины злодейского убийства революционера жандармами [Бухарин, 1919, с. 711]. Еще более красноречив при конструировании героической гибели расстрелянного в тюрьме революционера Леона Тышки (Иохигеса) был Г. Е. Зиновьев: «Мы ничего не знаем о том, как умер Тышко. Но кто знал Тышку, тот ни на секунду не усомнится, что Тышко встретил смерть, не моргнув бровью (Sic! – С. М.). А когда Шейдемановские убийцы готовились спустить курок, Тышко, наверное, бросил им какое-нибудь такое полное презрения словечко и так посмотрел на них, что при воспоминании об этой минуте даже этих матерых убийц до последней минуты их подлой жизни будет по коже мороз подирать...» [Зиновьев, с. 714]. Смерть на фронтах Гражданской войны также романтизируется: «На фронте смертью героя 28 мая этого года (в бою под деревней Красные Горы) погиб тов. Николай Толмачев. Только расстреляв все патроны, он отдал последнюю пулю себе, чтобы не сдаваться врагам. <...> Он умер, как честный солдат революции. <...> Его жизнь была непрерывной борьбой. Его смерть – пламенный призыв к ней» [Сафаров, с. 927–928]. Героическая смерть подчас, несмотря на то, что это была насильственная смерть, практически нормализовывалась, позиционировалась не просто как почетная, но и как вполне естественная: «Они пали

в открытом бою завидной смертью героев революции, пали без боли и страданий, как падают осенью листья с деревьев» [К. В. И., с. 925–926].

Конструируемый образ жертвенной, мученической, героической смерти стал сердцевиной советского символического универсума, играл важную роль в выстраивании квази-безрелигиозной картины мира. Павшие герои и вожди обретали почти божественные черты (в этом плане большевизм не без основания именовали «секулярной религией»). Мифы о павших героях, их культ давали современникам ответы о смысле смерти, а символические фигуры павших героев воплощали представления культурно-символической системы (к которым относятся культ павших) об образах смерти и о бессмертии [Behrenbeck, 1996, s. 18–19, 21].

Однако героическая жертвенная смерть во имя великого Дела и Идеи, признаваемая идеологией высшей формой и самой «правильной» советской смертью, все же была исключением. Об этом свидетельствуют и многочисленные примеры стилизации в некрологах обычных смертей рядовых коммунистов и не только коммунистов под стандарт этой «образцовой» смерти. Этот феномен У. Швендиманн справедливо обозначил как «языковую ритуализацию» – когда определенное содержание некролога могло быть выражено только определенным образом, а соблюдение определенных языковых конвенций составителями некрологов сигнализировало об их лояльности по отношению к власти [Schwendimann, 2000, s. 2].

Говоря о конструировании образов «одобряемых» и «не одобряемых» вариантов окончания жизни, нельзя не сказать об изменении на протяжении советских десятилетий статуса такого ее варианта, как самоубийство. Если в революционном дискурсе и традиции политического мученичества начала XX в. самоубийство (официально криминализируемое законом и осуждаемое церковью) приобрело символическое значение, возвысилось до значения важного общественно и политического акта [Могильнер, с. 177–196], то в раннесоветское время статус суицида изменяется. Он в значительной степени медикализируется и на протяжении 1920-х гг. дебатруется в основном с научной точки зрения, постепенно утрачивая символический героический статус. Однако категорическое отрицание и развенчивание суицида по идеологическим причинам как антисоветского и антисоциального акта, акта социального эскапизма оформляется в советской культуре скорее с конца 1920-х гг. [Morrissey, 2006, p. 14–16, 346, 349–350; Pinnow, 2010, p. 1–2].

Утрата героического статуса суицида и превращение его чуть ли не в повседневное явление были, вероятно, связаны с целой волной самоубийств, которая, как считается, прокатилась по стране в годы НЭПа.

Важным обстоятельством стало то, что немалое число самоубийств пришлось не на мещан и обывателей (эти обвинения – в мещанстве и обывательстве – нередко выдвигали пропагандисты-обличители самоубийц), а на советских и партийных работников, милиционеров и пр. Как полагает В. С. Тяжельникова, «из всех покончивших с собой в 1925 г. доля коммунистов была 7 % как минимум. Для армии <...> эта цифра составляет 15 %», и это при том, что доля коммунистов среди всего населения страны в возрасте 18–60 лет составляла в те годы менее одного процента [Тяжельникова, с. 162–163].

Вероятно, у этого явления были не только медицинские и социально-политические причины (среди последних называют разочарование в результатах революции, тяжелейшие условия повседневной жизни), но и психологические. В. С. Тяжельникова справедливо полагает «всплеск самоубийств» середины 1920-х гг. своеобразной «отложенной» реакцией общества на беспрецедентный по продолжительности и масштабу психологического и физического воздействия стрессовый период – череду военных и революционных потрясений с 1914 г. [Тяжельникова, с. 159–160]. Массовизация и нормализация насилия, деформация морально-психологических представлений о норме и девиации, насаждение равнодушного безэмоционального и неуважительного отношения к смерти вообще не могло не сказаться и на представлении о ценности собственной жизни.

Самоубийства «своих» – коммунистов, крупных партийных, советских работников – вскоре обеспокоило власти. Еще в первой половине 1920-х гг. в официальных сообщениях о самоубийствах видных большевиков (а в 1920-е гг. о подобной причине смерти еще сообщали довольно открыто) нередко такое окончание жизни объяснялось и оправдывалось переутомлением и расстроеными нервами. Так официально объяснялось, например, самоубийство 7 мая 1924 г. руководителя профсоюза связи, члена Президиумов ВЦИК и ЦИК СССР, члена Президиума ВЦСПС Ю. Х. Лутовинова [ГАРФ. Ф. Р3316, оп. 17. Д. 252. Л. 2–3, 7–8]. Ссылки на переутомление и нервное расстройство не были желанием просто оправдать высокопоставленных суицидентов. Как показывали обследования представителей партийного аппарата партийно-врачебными комиссиями в ряде регионов, процент нервных заболеваний среди них был высочайшим: например, на Алтае неврастений и другими нервными заболеваниями страдали 76,4 % обследованных. Причем в партаппарате более высокого уровня (губернском) этот процент был выше, чем на низовом, уездном уровне [Тяжельникова, с. 164].

Но уже осенью 1924 г. заметны беспокойство и нервозность власти в отношении суицидентов в своих рядах. 5 октября 1924 г. в докладе «О партэтике» на II пленуме Центральной Контрольной комиссии РКП(б) Е. М. Ярославский заявил: «совершенно неверно, когда некоторые товарищи изображают дело так, будто бы у нас массовые самоубийства» и доказывал, что при переходе к нэпу их «было гораздо больше», а причинами самоубийств коммунистов называл «отрыв от партии». «Кончают самоубийством люди усталые, ослабленные. Но нет общей причины для всех», – настаивал он. Ярославский призвал не оправдывать самоубийств коммунистов и даже «дать самое суровое осуждение фактам самоубийства» [Партийная этика, с. 194–195]. Он же, выступая спустя два месяца на XXII Ленинградской губернской конференции РКП(б), упомянул о сотне известных ему случаев самоубийств коммунистов и комсомольцев за полтора года и «снизил статус» характеристики самоубийства со слабости и усталости – до девиации: «Либо люди стреляются по пьяному делу, либо те, кто совершили какое-либо преступление, либо на романтической почве и т. д.» [Партийная этика, с. 246]. А участник дискуссии о партийной этике А. А. Солыц, выступая в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, заявил о самоубийцах-коммунистах: «то, что он кончает жизнь самоубийством, говорит, что какая-то червоточина у него имеется, что он член партии плохой...» [Партийная этика, с. 280]. Во второй половине 1920-х гг. суицид быстро стигматизируется, суицид коммунистов приобретает черты позорного явления. А в обстановке политических репрессий 1930-х гг. суицид коммунистов уже рассматривается как дезертирство, предательство, практически как доказательство вины перед партией [Лебина, с. 370–371, 375–376]. Но к этому времени сообщения о самоубийствах уже становятся скорее исключениями, самоубийства становятся фигурами умолчания как в публичном, так и в приватном дискурсе.

Канон «правильной смерти» претерпевает корректировки уже в 1930-е гг. – по мере благоразумного редуцирования властью революционаристских настроений в обществе и снижения накала революционной аскезы вкупе с пестованием образа «советского обывателя», честно преданного власти труженика, имеющего право на толику наслаждения радостями жизни. Нет, образчик «героической гибели», разумеется, остается на вершине иерархии «правильных смертей», но почетное право на нее «делегируется» совсем немногим «представителям» – «героям» (подобно тому, как право на передвижения и путешествия «делегируется» отдельным «представителям», а остальным гражданам отсутствие

этого права компенсируется подробными тиражируемыми описаниями этих путешествий [Паперный, с. 148]). С 1930-х гг. на протяжении последующих советских десятилетий изменяется и язык некрологических текстов «вождей». Они сохраняют некоторые общие черты (например, неизменная семантика борьбы, использование высоких степеней, интенсивности характеристик – «выдающийся деятель», «с глубоким прискорбием»), но в них появляются и новые черты. Так, как указывает В. Юровский, для некрологов сталинского периода характерно употребление суперлативов, интенсификаторов с оценочными коннотациями, часто метафорического характера, риторические фигуры, интимизация по отношению к лидеру, использование образов врага и высказывание чувства ненависти к ним, для постсталинского периода эти черты не характерны, в некрологах подчеркивался принцип коллективности руководства, происходит деэмоционализация языка и исчезновение метафор. Изменение языка некрологических текстов Юровский связывает с тем, что его пропагандистская, агитационная функция все больше вытесняется ритуальными и бюрократическими функциями [Юровский, с. 127–190].

Изменение языка некрологических текстов прослеживается не только на примере некрологов «вождей», но и в политических некрологах простых коммунистов, в некрологах обычных советских граждан. Соответственно, клише «героической смерти» становится необязательным. С ней достойно конкурирует, например, такой вариант «правильной советской смерти», как вполне мирное окончание долгой трудовой жизни, «отданной стране и народу». И эти черты некрологической риторики усугублялись. Тенденции стандартизации, бюрократизации и формализации, характерные для всей повседневности последних советских десятилетий, в полной мере отразились и на некрологическом дискурсе этих лет, отлились в четкие формализованные клише газетного некролога. Само появление такого стандартизированного некролога на страницах печати – центральной или местной – не просто служило целям оповещения о факте смерти человека, но как бы утверждало нормализованность его статуса в обществе, его полезность и «правильность» пройденного трудового жизненного пути, закончившегося поэтому «правильной», «хорошей» смертью (поскольку возможные неровности биографии и шероховатости обстоятельств смерти благополучно снимались жестким клише некролога). Появление некролога (с неременной подписью «группа товарищей» и заверениями о «сохранении долгой памяти о покойном в их сердцах») фиксировало необходимую для бюрократи-

зированной советского сознания констатацию завершенности жизни, точки в ее конце.

Биография тов. Урицкого (К годовщине со дня смерти) // Коммунистический Интернационал. М.-Пг., 1919. № 4. 1 августа. С. 547–550.

Бухарин Н. Тибор Самуэли // Коммунистический Интернационал. М.-Пг., 1919. № 5. Сентябрь. С. 711–712.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.

ГАРФ. Ф. Р-3316 (Центральный исполнительный комитет СССР).

Гудкова В. В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М., 2008. 456 с.

Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб., 2000. С. 743–784.

Зиновьев Г. Леон Тышко (Иогихес) // Коммунистический Интернационал. М.-Пг., 1919. № 5. Сентябрь. С. 713–714.

К. В. И. Памяти Евгения Левинэ // Коммунистический Интернационал. М.-Пг., 1919. № 6. Октябрь. С. 925–926.

Либина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015.

Могильнер М. Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.

Паперный В. Культура Два. М., 2006.

Партийная этика: Документы и материалы дискуссии 20-х годов / под ред. А. А. Гусейнова и др. М., 1989.

Сафаров Г. Николай Толмачев // Коммунистический Интернационал. М.-Пг., 1919. № 6. октябрь. С. 927–928.

Стеклов Ю. У свежей могилы // Изв. ВЦИК Советов. 1919. 18 марта. № 59 (611). С. 1.

Тяжельникова В. С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы // Отеч. история. 1998. № 6. С. 158–173.

Юровский В. Структура и стиль советского политического некролога 30-х – 80-х годов // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Hg. Daniel Weiss. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M.; New York; Oxford; Wien, 2000. S. 127–190.

Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945. Vierow bei Greifswald: SH-Verlag, 1996.

Morrissey S. K. Suicide and the Body Politic in Imperial Russia. Cambridge, 2006.

Pinnow K. M. Lost to the Collective: Suicide and the Promise of Soviet Socialism, 1921–1929. Ithaca and London, 2010.

Schwendemann U. Der Tod als Ode an das System. Textsortenmutationen als Bestandteil verbaler Propaganda – am Beispiel von Texten über den Tod // Der Tod in der Propaganda: (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Hg. Daniel Weiss. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt/M.; New York; Oxford; Wien: Peter Lang, 2000. S. 1–12.

УДК 94(47+57).084.3:32.019.51

В. М. Рынков

ГАЗЕТА «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ» –
БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОРГАН РЕКОНСТРУКЦИИ
СОЗНАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИТАТЕЛЯ
(март 1917 – июнь 1918 г.)*

В статье рассмотрена пропагандистская функция газеты «Забайкальский рабочий» в период революции 1917 г. и установления советской власти в Забайкалье. Редакционный коллектив состоял из опытных пропагандистов, преимущественно большевиков, и кардинально перестраивал всю систему политических и идеологических координат своих читателей, помещая их в особый контекст новостей и интерпретаций. Агитационно-пропагандистская деятельность редакции идейно готовила сторонников советской власти к Гражданской войне как неизбежной схватке с классовым противником.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция, предпосылки Гражданской войны, периодическая печать, идеология, агитация, пропаганда.

Актуальность изучения приемов и методов воздействия на массовое сознание через прессу, а тем более, когда это относится к периодическим изданиям партии, возродившейся почти из небытия и победившей в жесткой политической борьбе, никогда не вызывала сомнения у исследователей. Но они проявляли интерес только к «чистым» примерам. В советское время активно изучались газеты, возникшие как большевистские и оставшиеся рупорами большевизма на всем протяжении революционной борьбы за власть. В провинции таких газет было немного. В Сибири история большевистской прессы прочно увязывалась с газетами «Сибирский рабочий» (Томск), «Красноярский рабочий» (Красноярск) и «Сибирская правда» (Красноярск) [Дондоков].

Путь превращения газеты «Забайкальский рабочий» в официальный печатный орган правящей партии тернист, но типичен. В силу указанных обстоятельств данное издание находилось в забвении. Сразу оговоримся, что реконструкция истории газеты лежит за рамками исследования, цель которого фокусируется на выявлении особенностей воздействия газеты на читательскую аудиторию, приемах и методах формирования у читателя политических установок. Изучение содержания газеты «Забайкальский

* Исследование подготовлено в рамках реализации научно-исследовательского проекта № 17-81-01023а(ц).

рабочий» открывает возможность дифференцировать пропагандистские приемы социал-демократии в целом и ее большевистского крыла, проследить их эволюцию.

Следует напомнить, что Забайкалье – традиционное место политической ссылки. Здесь с начала XX в. сложилась довольно мощное социал-демократическое сообщество, имевшее сильные позиции в кооперации и других общественных организациях. В 1905–1906 гг. группа ссыльных организовала издание первого в области социал-демократического органа печати «Забайкальский рабочий», выпустив восемь номеров газеты [Коптелов, с. 24–27].

12 марта 1917 г. газету «Забайкальский рабочий» возобновили как официальный орган РСДРП. Редактором газеты стал меньшевик Зельман Романович Рубенштейн. В мае его избрали в состав Забайкальского областного комитета общественной безопасности, и он потерял возможность заниматься делами газеты. В августе его сменил Иван Владимирович Резников. Уроженец Воронежа, большевик с 1905 г., он вел партийную работу на Северном Кавказе и в Закавказье. С 1911 г. И. В. Резников стал невольным сибиряком, находился в ссылке в Енисейской губернии, а с 1916 г. – в Забайкальской области.

До сентября 1917 г. в Забайкалье действовала единая социал-демократическая организация. На Второй забайкальской конференции РСДРП, собравшейся 24–25 сентября 1917 г. в Чите, произошло отделение меньшевиков от социал-демократов, поддержавших курс на социалистическую революцию. Последним был образован областной комитет РСДРП интернационалистов, в котором большевики и меньшевики-интернационалисты составили единую организацию. В исторической литературе такой шаг признавался ошибочным, что и давало основание воспринимать печатный орган интернационалистов как чужой для большевистской партии. Однако, забыв мелкие тактические разногласия, издатели полностью поддержали установление советской власти. Вопрос о газете «Забайкальский рабочий» обсуждался на заседании Читинского комитета РСДРП 10 сентября 1917 г., т. е. еще до конференции. Тогда основные рубрики поручили вести большевикам: передовые статьи – В. Н. Соколову, обзор печати – И. В. Резникову, продовольственный вопрос – Н. К. Сентрусову, что фактически отдавало газету под контроль большевистского крыла партийной организации [Забайкальский рабочий, 1917, 14 сентября]. В январе 1918 г. вместо фамилии редактора на последней странице газеты появилось указание на редакторский коллектив, подчеркивавшее коллегиальное обсуждение состава издания и коллективную

ответственность партийной организации за свой печатный орган. Произошедшее в апреле 1918 г. слияние забайкальских интернационалистов с РСДРП(б) нашло отражение в титуле газеты с № 66 (11 апр. (29 марта)), но не потребовало корректировки редакционной политики.

Нельзя не отметить, что на роль коллективного агитатора и пропагандиста газета больше всего подходила в первые два месяца после своего возрождения, когда сложился авторский коллектив. Тогда издание почти не публиковало новостных материалов. Несколько человек, преимущественно из числа политических ссыльных, занимали своими статьями основное газетное пространство. До мая 1917 г. одним из активных авторов стал находившийся в Чите Евгений Алексеевич Преображенский, блестящий агитаторский талант которого отмечен биографами. К тому времени он уже имел богатый опыт публицистической работы [Преображенский, с. 17]. В числе ведущих сотрудников газеты оказался известный большевистский журналист Василий Николаевич Соколов. Летом 1917 г. он часто писал редакционные статьи для газеты, и, вероятно, в июне-июле негласно исполнял обязанности редактора. В конце 1914–1915 гг. В. Н. Соколов и Е. А. Преображенский занимались выпуском газеты «Восточная Сибирь» через подставных издателей. Оба вместе с И. В. Резниковым сотрудничали в кооперативных журналах, что позволило до Февральской революции подобрать сильный редакционный коллектив из социал-демократов [Коптелов, с. 48–49; Аверьякина, с. 56–57]. В этом смысле издание «Забайкальского рабочего» являлось хорошо организационно подготовленной инициативой.

Редакция не стремилась представить событийный ряд революции, но всегда, взяв отдельный ключевой факт либо фразу известного политического деятеля, разъясняла значение событий. Предельно простой и доступный язык авторов, однако, сочетался с большой нагрузкой на интеллект читателя. На страницах газеты находилось место для богатых экскурсов в историю европейских революций, российского освободительного движения, историю и теорию социализма, профсоюзного движения, местного самоуправления, избирательного права. Аналитические статьи изобиловали цитатами из произведений классиков русской литературы и трудов европейских социалистов. Газета знакомила читателей со множеством понятий, в доступной форме разъясняя их значение, давала ответы на многие вопросы о характере революции, интересах в ней рабочих, освещала изменения в расстановке политических сил.

Определяя характер революции как буржуазно-демократический, редакция, казалось бы, придерживалась меньшевистского взгляда на этот

ключевой вопрос. Но в оценках всегда важны детали. Буржуазию газета показывала как класс, не борющийся за власть, а получивший ее из рук победивших самодержавие рабочих и солдат, класс, не способный решать задачи укрепления собственной власти [Забайкальский рабочий, 1917, 8, 14, 18, 25 апреля]. Таким образом, исполнение «программы» буржуазной революции пришлось взять на себя социалистическому по своей природе классу – пролетариату.

До июня 1917 г. в газете неоднократно писали об опасности взятия пролетариатом власти прежде, чем будут созданы материальные предпосылки для социализма [Там же, 15 марта, 20 апреля, 6 мая]. В июне В. Н. Соколов впервые сформулировал возможность завоевания рабочими власти с целью строительства социалистического государства. Допускалось либо постепенное вытеснение буржуазии из правительства, либо вооруженное выступление [Там же, 20 июня].

Разъясняя весной 1917 г. читателю сущность двоевластия, газета предлагала рабочим считать «своим» органом Петроградский совет и подчиняться его директивам. Почти ежедневно в газете публиковали статьи, формулировавшие «задачи дня» путем интерпретации действий Петроградского совета. Динамика событий и смена политических предпочтений издателей привела к тому, что в августе место Петроградского совета занял ЦК партии большевиков, а в ноябре – Совет народных комиссаров. Временное правительство показывалось как орган помещиков и капиталистов, чьи распоряжения не подлежали исполнению «демократической» общественностью. Здесь важна авторитарная установка на безоговорочное признание и поддержку руководящего органа.

Почти в каждом номере газета уделяла внимание роли политических партий в революционном процессе. Одна из них стояла вне критики. В первые месяцы после начала издания газеты речь шла о социал-демократической партии, с августа – преимущественно о партии большевиков. Довольно яркий образчик подобных рассуждений можно обнаружить уже во втором номере газеты, где партийный публицист М. Мартыныч напомнил, что все думские политики прекрасно знали о существовавших в России «общественных язвах», но ограничивались «нытьем» с думской трибуны, тогда как малочисленная фракция социал-демократов четко понимала невозможность решить назревшие проблемы иначе, как с помощью революции. Правда их позиции теперь всем совершенно очевидна, и это дает социал-демократам право на исключительную роль в революционном процессе [Там же, 1917, 14 марта]. Другие партии подвергались

жесткому осуждению или сатирическому осмеянию. На каждый критический выпад оппонентов необходимо было отвечать на страницах газеты.

Разногласия внутри партии старались не выносить на страницы издания. З. Р. Рубенштейн в своих редакционных статьях признавал, что он далеко не сторонник В. И. Ленина. При этом любую публичную критику В. И. Ленина считал недопустимой, как поход против «демократии» [Там же, 1917, 3 марта]. Однако разделившись с меньшевиками, редакция направила шквал критики против уже бывших однопартийцев. Осенью газета писала об отклонении эсеров и меньшевиков от идей революции, а в начале 1918 г. – даже о крахе социалистов-соглашателей и переходе осколков этих партий в стан контрреволюции. Рубежом, обозначившим такой переход, был объявлен Третий съезд Советов [Там же, 1918, 1 марта (16 февр.)]. После победы советской власти в центре страны газета в качестве «своих» партий обозначала две – большевиков и левых эсеров, стоявших на платформе советской власти. Эти две партии по-прежнему выводились из под критики.

Газета прочно ассоциировала социал-демократическую (позже – большевистскую) партию и рабочий класс с демократическими силами. Необходимо пояснить терминологический контекст употребления слова «демократия» редакцией «Забайкальского рабочего». Антонимом этому термину выступала «буржуазия», а не диктатура. Следовательно, демократию понимали как феномен социальный, а не политический¹. «Демократический» лагерь составляли все трудящиеся и все ими созданные общественные организации. Они противостояли буржуазии и собственникам. Любая критика социалистов всех партийных оттенков воспринималась как выпады буржуазной печати. Газета «Забайкальский рабочий» должна была разоблачать их все как лживые и как поход против «демократии».

Но революционный процесс быстротечен, и понятия, которыми оперировали публиковавшиеся в газете авторы, претерпевали глубокую эволюцию. В сентябре 1917 г. газета поместила статью известного меньшевика Н. Рожкова «Точка опоры». Автор пришел к выводу, что «диктатура революционной демократии неизбежна и необходима для революции и России» [Там же, 1917, 7 сентября]. Несколько днями позже В. Н. Соколов в редакционной статье допустил установление революционной диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Прекрасно владея методом ведения «платоновских» диалогов с читателем, автор пошел на тонкий маневр, заявив, что не является сторонником больше-

¹ Употребляемый в таком контексте термин в статье берется в кавычки.

виков. Далее он разобрал аргументы их противников и пришел к выводу, что все они являются антидемократическими и совершенно несостоятельными. Российский капитализм слаб и еще только нуждается в довершении своего строительства, что вроде бы говорит о невозможности завоевания политической власти пролетариатом. Но мировая война и экономическая разруха грозят уничтожить те ростки капитализма, которые были созданы, а с ними и зарождающийся российский пролетариат. Сама буржуазия явно неспособна остановить разруху. Следовательно, эту задачу должен решить пролетариат [Там же, 1917, 18 сентября]. Оговоримся, что подобные методы бесед с читателями широко применялись на страницах газеты, что позволяло ненавязчиво и даже увлекательно, а главное убедительно аргументировать свои позиции, ловко снимая противоречия в них.

В ноябре в ответ на критику большевиков, срывающих якобы соглашение о создании однородного социалистического правительства, газета в редакционной статье поясняла, что большевики, жестко требуя гарантий для сохранения своего положения правящей партии, правы, так как это единственный способ укрепить «демократию» [Там же, 1917, 21 ноября]. С этого времени и на протяжении всех последующих месяцев редакционные статьи навязывали читателю серьезную подмену понятий. Советская власть – власть трудящихся, следовательно, она тождественна революционной народной власти. Кто ее не поддерживает – выступает против народа [Там же, 1918, 19 (6) марта].

В той же политической оптике, претерпевавшей заметную эволюцию, воспринимался и электоральный процесс. Дореволюционные выборы никакого отношения к «демократии» не имели. Они давали власть только буржуазии и выразителям ее мнения. Введение прямых всеобщих выборов в земства и городские думы позволило «демократии» встать лицом к лицу с буржуазией и соревноваться в борьбе за власть. При этом перевес социалистических партий на выборах воспринимался как победа «демократии» над буржуазией. Всеобщие выборы позволили «в одностороннем порядке» заменить представительство буржуазии на представительство демократии, вырвать власть в городе у кучки богачей и купцов и передать в руки народа». Так оценивались итоги городских выборов в Чите в одной из майских редакционных статей [Там же, 1917, 30 мая].

Но «демократия» и буржуазия находили воплощение в российском политическом процессе и без всяких выборов. Буржуазия олицетворялась с Временным правительством и его ставленниками на местах – губернскими и областными комиссарами. «Демократия» находила выражение в советах, профсоюзах и социалистических партиях. Любые попытки

ограничения их инициатив со стороны правительственных органов объявлялись недопустимыми как антидемократические и антиреволюционные.

Подводя итоги Первого съезда Советов, газета в своей редакционной статье уподобила его «парламенту всей российской демократии» [Там же, 1917, 29 июня]. Именно поэтому, защищая и приветствуя весной 1917 г. Учредительное собрание как выразителя всеобщего мнения народа, осенью газета уже провозглашала невозможность национального соглашения в Учредительном собрании. Строить новое государство можно было только без представителей помещиков и буржуазии. Партии эсеров и меньшевиков – сторонники соглашения с буржуазными организациями (соглашатели) – покинули лагерь «демократии» и взяли курс на объединение с контрреволюционными силами. Не призывая к отмене выборов, газета заранее предрекла Учредительному собранию участь стать не выразителем воли нации, а ареной политических столкновений взаимосоключающих сил [Там же, 1917, 2 декабря].

В январе – марте 1918 г. представления о «демократии» членов редакции газеты претерпели дальнейшую трансформацию. Земства и городские думы уже не считались «демократическими» органами. Попытки мирного взаимодействия в них трудящегося населения с цензовыми элементами исчерпали себя. Теперь, с точки зрения редакции, в земствах и городских управах засели кулаки и спекулянты. В интересах народа следовало пойти на ликвидацию органов местного самоуправления, заменив их советами [Там же, 1918, 9 марта (23 февраля), 30 (17) марта].

Авторами статей «Забайкальского рабочего» широко использовался литературный прием «олицетворения» классов. Классы описаны типажками. Буржуазия представлялась в образе купцов, толстосумов, жадных «отцов города». Класс, словно человек, наделялся намерениями, аппетитами, волей. Ту же метаморфозу претерпевал и рабочий класс, только здесь появлялись иные оттенки. Рабочий класс действовал как единый, выражал свою волю через посредство общественных организаций и партии, высказывал позицию через рабочую печать. При первом приближении, данный прием – вульгарное социологизирование авторов, не стремящихся к четкости формулировок. В действительности он оказывал мощное психологическое воздействие на читателей, причем с нарастающим, кумулятивным эффектом. Метафоры, повторяемые из номера в номер, становились словно бы очевидными и само собой разумеющимися. Уже летом 1917 г. газета не убеждала читателя в истинности такого подхода к расстановке классовых сил, а вела с ним диалог, исходя из истинности ранее провозглашенных сравнений. Как в пьесе эпохи классицизма, в классовой

картине мира, выстроенного газетой, характеры героев, цельные и односложные, не претерпевали психологической эволюции, а играли свою роль до конца действия с заранее установленным набором качеств.

Но сам политический миф о буржуазии как классовом противнике рабочего класса на страницах газеты эволюционировал. Градус конфронтации в редакционной риторике рос от месяца к месяцу. В июле 1917 г. редакционная статья приписала премьер-министру Временного правительства В. Г. Львову призыв к беспощадным расстрелам рабочих [Там же, 1917, 11 июля]. Корниловское выступление привнесло в лексикон газеты новый термин – антагонистом революционного лагеря стала контрреволюция. У контрреволюции тоже классовое лицо, но присутствовал в ней и идеологический компонент. «Невыгодны новые порядки, прежде всего, имущим классам, крупным собственникам – банкирам, капиталистам, фабрикантам, заводчикам, помещикам и землевладельцам, а равным образом и большей части мелкой буржуазии, мелким собственникам и старому чиновничеству, затем бывшим рьяным охранителям и холопам царского правительства, охранникам, жандармам и полицейским и, наконец, всяким подлым предателям и изменникам, всяким черносотинцам и хулиганам» [Там же, 8 сентября]. В этом же номере, уточняя облик контрреволюции в деревне, газета приписала к ней всех «попов» [Там же]. Разоблачая «корниловщину», газета уточняла и кристаллизовала образ врагов революции, бесосновательно приписывая Л. Г. Корнилову стремление вернуть монархический строй, поведением и манерами походить на монарха [Там же, 6 сентября].

В начале 1918 г. на страницах «Забайкальского рабочего» на полном серьезе утверждали, что российская буржуазия и ее ставленники в лице последнего состава Временного правительства целенаправленно прятали продукты, чтобы вызвать голод среди рабочих и его «костлявой рукой» подавить революцию, вернуть себе власть [Там же, 23 января, 19 февраля]. При освещении событий появились определения «враги рабочего класса», «враги демократии» «враги народа» [Там же, 1918, 9 (16) марта].

Образ контрреволюционера («врага народа»), сформулированный сначала в теории, потом конкретизировался во множестве новостных сообщений. Всякое выступление против советской власти и правящей коалиции большевиков и левых эсеров приписывалось злонамеренным козням контрреволюционеров. Народ в антисоветские выступления мог вовлекаться только под влиянием клеветы и обмана.

Вместе с тем, создавая политические мифы о классовой борьбе, редакция провозглашала своей задачей разоблачение буржуазных идей.

Среди них важнейшей была идея о необходимости довести войну до победного конца, сохраняя верность союзным обязательствам. Ни в одном номере газеты не было высказано колебаний в отрицательной оценке войны и намерений Временного правительства продолжать ее. «Мы приветствуем только то, что ведет к миру» [Там же, 1917, 21 июня]. Война, с точки зрения редакции, развязана мировой буржуазией для ограбления собственного народа и народов других стран. Тема миролюбия революции оставалась ключевой идеей на всех этапах деятельности газеты. Именно такой подход позволил редакции приветствовать Брестский мир и осудить тех, кто выступал за защиту революции любой ценой [Там же, 7 марта (29 февраля)].

Но кто хочет мира, должен готовиться к войне. В 1918 г. практически в каждом номере освещалась виновность буржуазии в разжигании внутренней войны. Она не желала мирного советского строительства, поэтому яростно вредила пролетариату. Во всех неудачах советской власти газета винила контрреволюционеров. Сама диктатура пролетариата была навязана сопротивлением буржуазии революционным преобразованиям, саботажем имущих классов. Тем не менее редакция оценивала войну между классами в России как совершенно неизбежную и вытекающую из жестких законов истории [Там же, 10 марта (25 февраля)].

Местный новостной контент также соответствовал агитационно-пропагандистским задачам газеты. В феврале – апреле местным событиям в ней уделялось очень мало внимания. Публиковались только новости о жизни рабочих и профессиональных союзов, что кардинально отличало ее от остальной забайкальской прессы. С мая 1917 г. на страницах «Забайкальского рабочего» стали помещать множество документальных материалов: протоколов, стенограмм съездов, совещаний заседаний органов, относимых к революционному лагерю. Такие документы являлись продолжением агитации. В них значительный объем занимало изложение речей самих социал-демократов, а с осени 1917 г. – большевиков. Документы земств, городских, казачьих органов и других политических партий, кроме РСДРП, на страницы газеты не попадали. Их освещали выборочно, исключительно в авторских комментариях членов редакции. Работа редакции заметна по тщательной подборке новостей, часто под тему редакционной статьи. Сообщения с мест нередко подписывались псевдонимами «Случайный», «Посторонний» и т. п. Но авторы всегда оказывались невольными проводниками партийной линии, что наталкивает на мысль о редакционной корректировке таких заметок. В те дни, когда большинство сибирских газет «пестрело» информацией о протестах против захва-

та власти большевиками, «Забайкальский рабочий» приводил сведения о приветствии рабочими советской власти. Если законодательная деятельность Временного правительства присутствовала на страницах газеты фрагментарно, исключительно в критических комментариях, то декреты Совета народных комиссаров публиковались и детально разъяснялись.

В советский период истории огромное внимание уделяли деятельности В. И. Ленина по пропаганде большевистских идей и теоретическому руководству партийной прессой. Но и тогда они отмечали, что вождь большевистской партии не действовал в одиночку, а имел множество соратников, разделявших его идеи и чутко прислушивавшихся к указаниям лидера. Их круг сложился до революции [Доброхотов, с. 13]. Анализ содержания газеты «Забайкальский рабочий» показывает, что многие приемы, составлявшие так называемый ленинский стиль пропагандистской работы, являлись общими не только для большевиков, но и для социал-демократии в целом. В провинции эти подходы и приемы применялись в идейно-политической борьбе в прессе задолго до начала влияния на партийную жизнь вернувшегося из Швейцарии в Россию В. И. Ленина.

С первых недель после Февральской революции газета «Забайкальский рабочий» помещала материалы, убеждавшие читателей в несостоятельности так называемых буржуазных партий и буржуазных лидеров, их неспособности ни руководить страной, ни осуществлять власть в регионах. Вопреки утверждениям советских авторов, что «большевики были единственной в стране партией, которая вела бескомпромиссную борьбу против организаторов “революционно-оборонической” кампании» [Любовин, с. 13], в газете «Забайкальский рабочий» большевики и меньшевики в составе единой редакции единодушно осуждали идеи войны до победного конца, пропагандировали жесткое противостояние рабочего класса и буржуазии. Не будучи формально большевистским органом печати, «Забайкальский рабочий», фактически осуществлял пропагандистскую деятельность, превосходящую многие большевистские установки в данной сфере, способствовал росту симпатий населения к большевистской партии.

Газета «Забайкальский рабочий» заметно выделялась на фоне местной прессы. Минимальный, тщательно подобранный набор новостей редакции «отрывала» от общего медийного контекста и путем интерпретации помещала в особую, крайне идеологизированную информационную среду, позволявшую подготовить читателя-соратника, читателя-единомышленника. Установки на классовую конфронтацию, пропагандируемые газетой, дают основание говорить о ее существенной роли в идеологической

и психологической подготовке вооруженного конфликта, и в целом о воздействии печатной пропаганды на процесс «сползания» общества в гражданскую войну.

Аверьякина Т. С. Периодическая печать Забайкальской области (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) : монография. Чита, 1915.

Доброхотов В. Я. Принципы, формы, методы большевистской пропаганды и агитации в первые годы советской власти (октябрь 1917–1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967.

Дондоков Б. Ц. В зарницах октябрьской грозы. Большевистская печать Сибири в борьбе за власть Советов. Улан-Удэ, 1981.

Забайкальский рабочий. Чита, 1917–1918.

Коптелов Л. Е. Газета и время. Иркутск, 1978.

Любовин А. А. Разоблачение большевистской печатью буржуазной пропагандистской кампании о внешней опасности революционным завоеваниям (март – июнь 1917 г.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1983.

Преображенский Е. А. Архивные документы и материалы: 1886–1920 гг. / сост. М. М. Горинов. М., 2006.

УДК 94(47).084.3:323

В. П. Сапон

«ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ ПОСЛЕ СМЕРТИ ЛЕНИНА?»
ПРОГНОЗЫ И МИФЫ АМЕРИКАНСКИХ СМИ
О ПЕРЕМЕНАХ В СОВЕТСКОМ РУКОВОДСТВЕ
в 1922–1924 гг.

Статья содержит анализ представлений американской прессы об особенностях функционирования советской политической элиты в 1922–1924 гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: американская пресса, советская политическая элита, 1922–1924 гг.

В середине июня 1922 г. на Запад приходят известия о тяжелом заболевании основателя Советского государства¹, и это стало мощным стимулом для построения политико-футурологических и аналитических конструкций в североамериканской прессе.

¹ В конце мая 1922 г. В. И. Ленин пережил первый инсульт, находясь на отдыхе в Горках.

Одной из первых в США 13 июня 1922 г. информацию на злободневную тему поместила столичная газета «The Washington Times». Данное издание сообщило, что Ленин страдает то ли от кровоизлияния в мозг, то ли от вызванной отравлением инфекции, при этом «наиболее вероятным преемником» советского лидера в случае его смерти был назван Иосиф Сталин. Газета высказала опасение, что в случае назначения наркома по военным и морским делам Льва Троцкого на пост председателя Совнаркома, тот восстановит политику «военного коммунизма» и даже установит личную диктатуру, однако, как отмечалось в цитируемой заметке, в «ответственных российских кругах» существует предположение, что в случае смерти Ленина его место займет не Троцкий, а кто-то другой, и это приведет к политической либерализации в России. Кстати, в данной публикации упоминается и другая, помимо Сталина, альтернатива Троцкому как потенциальному лидеру «Советов». В частности, автор заметки предположил, что нарком по иностранным делам Георгий Чичерин «весьма вероятно, станет преемником Ленина в случае его смерти и выберет “средний курс” в политике» [The Washington Times, 1922, June 13, p. 1].

С этого дня на страницах североамериканской периодики начинается целая кампания по обсуждению политических перемен в Советской России после предполагаемой смерти ее вождя. Так, 14 июня 1922 г. в нью-йоркской газете «The Evening World» вышла заметка с интригующим заголовком: «Новый триумvirат контролирует Россию». В ней отмечалось, что на время шестимесячного отсутствия «премьера» Ленина по состоянию здоровья управление Советской Россией взяла на себя три человека: И. Сталин, Л. Каменев и А. Рыков. Сталин, грузинский большевик «турецкой национальности» (?) (a Georgian Bolshevik of Turkish nationality) характеризовался источником как сильный человек, Каменев (председатель Московского совета) – как либерал, а Рыков, «один из первых защитников новой экономической политики», якобы придерживался либеральных взглядов, но не считался сильным человеком [The Evening World, 1922, June 14, p. 5].

Газета «The New York Herald» не ограничилась общим изложением новости, а попыталась проанализировать расклад сил в советской элите, вызванный уходом Ленина из активной политики. Перечислив фамилии членов тройки, которую коммунистическая партия назначила «принять обязанности большого вождя» (Сталин, Каменев, Рыков), автор публикации гораздо больше внимания уделил другим политическим фигурам. В частности, подтвердил сообщение о том, что нарком иностранных дел Георгий Чичерин, особо приближенный Ленина (Lenine's particular

adjutant), отодвинут на второй план: «он сейчас сидит в Берлине, соблюдая приличия, но при этом признается своим друзьям, что снова стал частным лицом». Его пост в Москве временно занял «молодой грузин (?)» Карахан. «Это первая серьезная перемена с тех пор, как Ленин начал терять контроль [над делами]», – подметил нью-йоркский корреспондент [The New York Herald, 1922, June 15, p. 1].

Положение наркома внешней торговли Л. Красина также неустойчиво, поскольку и он близок к Ленину (is under the protection of Lenine). Коммунисты полагают, что у Красина хорошие шансы сохранить свой пост, поскольку он единственный, кто может компетентно вести дела с заграницей.

Большие проблемы могут возникнуть с заместителем Ленина на посту председателя Совнаркома, поскольку только этот политик пользуется широкой популярностью среди российских коммунистов и в случае его ухода советское правительство «потеряло бы свой высочайший престиж» [Ibid]. Троцкий, благодаря энергичной и милитаристской манере управления, имеет многочисленных врагов в РКП(б), вследствие чего партия вряд ли выберет его преемником Ленина в качестве главы правительства.

Председатель ВЦИК РСФСР Калинин (по версии газеты – Kalenin), сообщается далее, также не обладает необходимой компетентностью для руководящей работы в правительстве, поскольку он не имеет правильного представления о мировых делах. Преображенский (Probrashensky), Семашко (Kempaschko), Осинский (Ossinski) – вот имена, которые, по сведениям «The New York Herald», чаще всего упоминаются в коммунистических кругах как возможные наследники Ленина [Ibid]. Любопытно, что в указанном списке отсутствует Сталин.

В этот период американские политические обозреватели пытаются разгадать тайну советского коллективного руководства, а точнее – количество наиболее крупных коммунистических функционеров, причастных к принятию ключевых решений. Так, 17 июня 1922 г. газета «The Washington Times» «уточнила» опубликованную ранее информацию, сообщив, что Россией управляет *не триумvirат, а четверка из «совета пяти»: Троцкий, Каменев, Сталин и Дзержинский* (пятый – вышедший из строя Ленин). Сталин, по версии этой газеты, человек знатного происхождения (of noble descent), его настоящее имя – граф Чегодышев (count Tshegodysheff); «его очень уважают коммунистические руководители, и многие верят, что он унаследует Ленину» [The Washington Times, 1922, June 17, p. 1]. В июле 1922 г. «The New York Herald» заявила, что «в настоящее время государственные дела ведет *совет семи*, состоящий из Сталина, Каменева, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Дзержинского и Рыкова, ... пе-

речисляемых по степени своего влияния (курсив мой. – В. С.)» [The New York Herald, 1922, July 22, p. 4].

Весной и летом 1923 г. американская печать в очередной раз озаботилась вопросом: «Что произойдет после смерти Ленина?»; особенно много места этой теме уделила вашингтонская «Вечерняя звезда». Так, 9 апреля вышла заметка, в которой некий Mr. Mackenzie, только что прибывший в Варшаву из Москвы, поделился своими актуальными соображениями. По его убеждению, и те, кто не ждет перемен, и те, кто предсказывает возвращение старых порядков, будут в равной степени разочарованы: «старый режим имеет не больше шансов вернуться к власти в России, нежели короли Ганноверской династии – править в Вашингтоне» [The Evening Star, 1923, April 9, p. 1]. Согласно пронизательному замечанию Ф. А. Маккензи, «трудности у большевиков начнутся скорее из-за различий в рядах коммунистической партии, чем вследствие реакции». Решение о преемнике вождя будет принято Центральным комитетом партии, и оно станет обязательным для всей России. Однако лидеры компартии еще не имеют единой позиции, за лидерство борются две группировки – сторонники, соответственно, Троцкого и Рыкова. Последний характеризуется автором статьи как старый революционер (и в то же время почему-то как «новый член партии»), действующий заместитель Ленина в правительстве – «никто не вызывает столь сильного восхищения и столь острого отторжения в России, чем он» [Ibid].

Ф. А. Маккензи продолжил изложение персональных характеристик советских вождей в одном из июньских номеров «The Evening Star». В статье, дающей расклад сил на советском политическом Олимпе, этот автор довольно детально разобрал политические качества Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Г. В. Чичерина, Ф. Э. Дзержинского, чуть меньше внимания уделено И. В. Сталину, Г. Е. Зиновьеву, К. Б. Радеку и др.

По оценке Маккензи, Троцкий, ведущий коллега большевистского вождя, является «великим организатором и блестящим гением»; его отличает также незаурядное личное мужество. По собственному признанию Троцкого, он предпочитает энергичные действия, поэтому Ленину время от времени приходится умерять его пыл: так, первый призывал к бескомпромиссной войне с Германией, а второй настоял на заключении мира. «Однако эти двое являются партнерами и товарищами. Крупнейшей задачей Троцкого в последние годы стала реорганизация Красной Армии. Если опасения насчет его здоровья окажутся безосновательными, завтра он станет верховной фигурой в России, несмотря на недостаток его еврейского происхождения» [The Evening Star, 1923, June 19, p. 30].

«Каменев – следующий во власти (next in power)» – так называется параграф, посвященный «третьему по своему властному могуществу человеку в России». Именно Каменев стал несущей опорой правительства во время болезни Ленина, отмечается в публикации. Год назад Каменев был одним из самых доступных людей в России, однако сейчас его кабинет окружен такой плотной охраной, что к нему так же трудно пробиться, как и к Ленину два года назад. «Искренний, непосредственный, дружелюбный в личных отношениях, семьянин, обожающий своих детей, он создает впечатление [человека] скромных возможностей», – пишет американский журналист и заканчивает характеристику Каменева любопытным резюме: «Многие вещи и похуже могут произойти в России, чем смерть Ленина и переход власти к Каменеву» (Many worse things might happen for Russia than that when Lenin passed away [and] Kamenev should take his place).

Следующим по значимости Маккензи ставит «секретаря коммунистической партии» Сталина, краткую характеристику которого он помещает в одном параграфе с политическим портретом Каменева. Сталин согласен оставаться за кулисами власти, полагает Маккензи. «Много шепчутся о нем, о его высоких методах, беспощадности и небывалой эффективности. Насколько это соответствует действительности, я не могу сказать» [Ibid], – честно признался автор статьи.

Далее в списке Маккензи по рангу идут Карл Радек и Григорий Зиновьев. Зиновьев, упоминается в статье, был правой рукой Ленина в ссылке, он возглавлял Петроградское правительство и какое-то время был по влиянию в коммунистических рядах на голову выше других. «Однако в последние годы он серьезно сдал свои позиции, хотя до сих пор имеет немало приверженцев среди правоверных коммунистов» [Ibid].

Радека автор статьи характеризует как журналиста, который, будучи вовлеченным в международную политику, получил возможность обращаться не только к читателям прессы, но и к правительствам. «Он является доверенным советником коммунистов в [вопросах] международных отношений» [Ibid].

Другой коммунист-международник, несмотря на свой пост наркома по иностранным делам, идет в предложенной «табели о рангах» следом за «неутомимым писателем» и журналистом Радеком. Это Георгий Чичерин, аристократ по рождению, приобщившийся к дипломатической службе еще при царизме. Я уверен, отметил Маккензи, что этот политик «хотел бы увидеть возрожденной всю славу и достоинство российского дипломатического ведомства, с огромными канцеляриями, с великолепным

гостеприимством и большим благородством». Причем нарком любит эти вещи не сами по себе, его подлинной страстью является работа. Аристократизм наркома (при всей его партийности) может иметь далеко идущие последствия, отмечается в цитируемой статье. Чичерин ненавидит лорда Керзона, который не упускал шанса унижить и задеть советского политика. «Однажды вражда между Керзоном и Чичериным может принести трагедию Европе» [Ibid], – сделал неутешительный прогноз Ф. А. Маккензи.

Алексея Рыкова, идущего в перечне вслед за Чичериным, американский журналист называет «человеком за сценой». Многие хотели бы видеть его на посту Ленина в качестве представителя «умеренных и деловых (business-like) элементов», однако ему еще предстоит доказать, что он владеет необходимыми для этой должности властными качествами.

Противоположностью Рыкова является «создатель ЧК» Дзержинский – «тип личности, из которых получаются мученики»: «мягкий в личных отношениях, безжалостно суровый в своей официальной жизни». Я вполне уверен, пишет Маккензи, что «лично он не мог бы причинить не вызванной необходимостью боли смиреннейшим Божьим созданиям. Он любит детей, его может рассердить любой рассказ о детских невзгодах». Тем не менее этот человек является «повелителем и направляющим духом самой ужасной политической полиции в мире». Он равен Троцкому как организатор, и одной из последних задач для него стала реорганизация российских железных дорог. «Многие считают голубоглазого, высокого, художавого Дзержинского величайшей силой в России (the greatest power in Russia)» [Ibid].

Наряду с Дзержинским, Маккензи называет идеалистом народного комиссара просвещения Луначарского: «Он мужественно, преодолевая огромные препятствия, борется за то, чтобы дать образование российской молодежи. Они пишет пьесы» [Ibid].

Маккензи завершает свою аналитическую статью характеристикой Леонида Красина, наркома внешней торговли, который также имеет репутацию «человека умеренных и деловых принципов». Этот политик приложил немало усилий, чтобы его партийные товарищи допустили в страну иностранный капитал. Видимо, по этой причине у него немало врагов в партийных рядах. В прошлом году Ленин выступил в защиту наркома, однако ему, вероятно, еще предстоит ожесточенная борьба за политическое выживание. Переходя от казуса Красина к широкому политологическому обобщению, Маккензи утверждает, что, несмотря на партийную дисциплину и внешнее согласие, в РКП(б) кипят такие же или даже еще

более горячие страсти, как в политических партиях других стран. «И по мере укрепления коммунизма эти различия и противоречия будут неизбежно расти», – таким предсказанием заканчивается цитируемая статья [Ibid].

22 января 1924 г. в американских СМИ появляются сообщения о смерти В. И. Ленина, при этом с особой остротой встает вопрос о преемниках «основателя большевизма». В частности, «Вечерняя звезда» указала на то, что существовало продолжительное беспокойство по поводу состояния Ленина с тех пор, как в июне 1922 г. он перенес удар, однако в последнее время общественное мнение было больше озабочено «различиями между лидерами Коммунистической партии, в частности, статусом Льва Троцкого, который, как было недавно объявлено, имеет слабое здоровье и удалился на отдых» [Evening Star, 1924, January 22, p. 1]. Корреспондент указанной газеты пришел к выводу, что смерть Ленина не вызовет общих беспорядков в России, хотя и будет иметь важный политический эффект. «Пока он был жив, даже не участвуя активно в управлении, он был, по крайней мере, номинальным главой, а его смерть открыла возможности для других лидеров» [Ibid, p. 1]. Так, уже в начале января 1924 г. произошел ряд скандальных событий. Троцкий был осужден большинством своих товарищей по партии за «политическую ошибку» – за то, что высказал прессе личное мнение вопреки единодушному решению ЦК по осуществлению партийной политики. Скоро после этого объявили, что он направился на юг России, на отдых [Ibid, p. 3]. Действующий «премьер» Каменев, оппонировав политике наркомвоенмора (war minister), заявил, что партия никогда не согласится на требование оппозиции отказаться от кредитного баланса страны и ввезти иностранные товары для удовлетворения крестьянства, так как это привело бы к экономическому краху. «Влияние Ленина в партийных комитетах и в правительстве <...> использовалось для расширения торговых отношений с зарубежными правительствами, выдача концессий иностранному капиталу на протяжении последних двух лет также осуществлялась благодаря его влиянию» [Ibid, p. 3], – посетовал американский корреспондент, видимо, не предполагая продолжения подобной политики силами новых советских вождей.

В начале февраля американские читатели узнали о новом составе советского партийно-политического Олимпа. В частности, 10 февраля 1924 г. Генри В. Банн (Henry W. Bunn) опубликовал обзор международных новостей, включающих и сведения из России. Начинается российский раздел новостью о том, что на посту председателя Совнаркома

Ленина заменил Рыков. «Он довольно известный экономист, но не имеет властного характера. Без сомнения, последний факт и объясняет его избрание» [Evening Star, 1924, February 10, p. 3]. Рыков станет слабым лидером, выразил свое мнение журналист, и за веревочки будет тянуть камарилья сильных или хитрых людей из некоего органа, который американец называет «исполнительным советом двадцати одного» (executive council of twenty-one).

Более важное значение, продолжил свое политическое эссе Банн, имеет назначение Дзержинского на пост главы Высшего совета народного хозяйства. «Этот поляк является наиболее выдающейся личностью среди последователей Ленина». «Он супер-Робеспьер: более жестокий и беспощадный; прямолинейный и гораздо более бескорыстный», чем французский революционный политик. При этом он прибегает к жестокости не из любви к ней, а в интересах дела. Будучи главой ЧК, он преследовал противников советского режима. Будучи наркомом путей сообщения, он искоренил взяточничество и восстановил структуру железных дорог и эффективность персонала; при этом только отсутствие средств для ремонта изношенного или приобретение нового подвижного состава ограничивают его достижения. По оценке американского обозревателя, Дзержинский «не экономист, а организатор». На посту главы ВСНХ он будет исполнять программу государственного планирования, основанного «на узкой конструкции новой экономической политики». Старые коммунисты («the old Tories», как их иронично именует автор статьи) надеются, что Дзержинский, «применив к промышленности в целом и к торговле методы, использованные им при восстановлении железнодорожной системы из руин, отстоит коммунистическую экономическую теорию» [Ibid].

Заканчивается статья упоминанием имен двух видных представителей советского внешнеполитического ведомства. В частности, отмечается, что советским временным поверенным в делах в Лондоне, до назначения посла, стал Х. Г. Раковский. И одновременно указывается, что глава НКВД Г. В. Чичерин не в восторге от факта признания своей страны Британией, так как английская сторона в соответствующей дипломатической ноте дала понять, что английские кредиты для России не будут значительными до тех пор, пока Москва не сделает существенных эквивалентных уступок [Ibid].

Консолидированное мнение ведущих американских СМИ о ситуации в СССР было сформулировано в одном из обзоров прессы в начале февраля 1924 года. С уходом из жизни Ленина советская власть вынуждена будет пройти через серьезнейшее испытание на прочность, отмечалось

в обзоре. Однако большинство редакторов пришло к мнению, что смерть «красного премьера» «не приведет к катастрофическим результатам». Тем не менее они признали возможность тяжелых последствий (grave possibilities) для страны. «В любом случае, скоро выяснится, насколько прочной является построенная им машина» [The Evening Star, 1924, February 2, p. 6].

Политическая аналитика и футурология американских политологов/журналистов в указанный период отличалась рядом особенностей. С одной стороны, они используют не всегда проверенную информацию (например, путают национальности и коверкают фамилии советских политиков или «приукрашивают» их генеалогические данные). Характерно также то, что ведущие «перья» североамериканской периодики с увлечением применяют элитистский подход к советской системе управления, обсуждая различные версии смоделированной ими коммунистической олигархии (тройку, пятерку, семерку). В то же время в процитированных публикациях прослеживается достаточно хорошее знание политических реалий, свойственных «Советам», таких как системообразующая роль харизматичного вождя (пока он был жив), отсутствие монолитности в рядах правящей партии, наличие жесткой конкуренции в борьбе за верховную власть и т. п. Вполне логично, что все эти аспекты рассматривались американскими аналитиками сквозь призму глобальных интересов Запада. Отсюда и выражение симпатий тем высокопоставленным советским коммунистам, которые более склонны к «умеренному» курсу и «деловым» отношениям с иностранным капиталом, отсюда же настроенное отношение к твердокаменным лидерам, нацеленным на бескомпромиссное продолжение коммунистического эксперимента.

The Evening Star. Washington D. C., 1922–1924.

The Evening World. New York, 1922.

The New York Herald. New York, 1922.

The Washington Times. Washington D. C., 1922.

УДК 94(47).084.3/.084.6:32.019.51

М. А. Клинова, А. В. Трофимов

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «КРОКОДИЛ» в 1920–1930-е гг.

В работе выявлены механизмы и специфика презентации образа Октябрьской революции в текстах и иллюстрациях, помещенных на страницах журнала «Крокодил» 1920–1930-х гг. Октябрьская тематика была востребована на протяжении всего периода. Презентация образа «Октября 1917 г.» на страницах издания происходит в трех смысловых плоскостях: торжественной, компаративной, прагматической. Данный образ фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, а также для конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1920–1930-х гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция, Октябрь, образ, символ, пропаганда, 1920–1930 гг., журнал «Крокодил», СССР.

В советском идеологическом и информационном пространстве использовался целый арсенал средств для формирования в общественном сознании образа Октябрьской революции. В статье предпринята попытка реконструкции механизмов и выявление специфики презентации образа Октябрьской революции в СССР в 1920–1930-е гг., на основе анализа текстов и иллюстративных материалов журнала «Крокодил».

В 1920–1930-е гг. обращение к событиям октября 1917 г. на страницах издания происходит в трех смысловых плоскостях.

Первое презентационное направление условно можно обозначить как *торжественное*. В русле данной смысловой линии Октябрьская революция презентуется через коннотации праздничного, эпохального события, важнейшего в истории нашей страны.

В изданиях 1920-х гг. Октябрь 1917 г. рассматривается как точка отсчета начала строительства нового мира. С каждой годовщиной подтверждается правильность выбора народа под руководством партии большевиков, свергших помещиков и капиталистов и победивших в Гражданской войне.

В 1930-е гг. данная презентационная линия сохраняется. Вместе с тем происходит усиление политической смысловой нагрузки слова «октябрь». В «Крокодилской советской энциклопедии» в 1934 г. название этого осеннего месяца раскрывается через политические категории революционности и антибуржуазности: «*Октябрь – единственный месяц, который может наступить в любое время года и в каждой стране. По-славян-*

ски – листопад. Название это достаточно устарело, так как в октябре падают не только листья, но и многое другое. Листья – что? Сегодня упадут, а через полгода вырастут. Из всего остального, что падает в О., ничего после не вырастет. Очень серьезный месяц. Некоторые астрологи утверждают, что О. помогает не то Сатурн, не то Венера. Опять устарелое утверждение. “Аврора” ему помогает, когда это надо. В римском календаре О. был восьмым месяцем. В буржуазных календарях он будет последним...» [Крокодил, 1934, № 30, с. 4]. Революционность как атрибутивная характеристика «октября» подчеркивается в «Крокодилской энциклопедии» 1936 г.: «Октябрь – замечательный месяц. Ему принадлежит монопольное право обозначать социалистическую революцию. Это, конечно, не значит, что рабочие других стран должны расправиться со своей буржуазией обязательно в октябре. <...> Одни прикончат ее в июне, другие – в январе. Но все равно их июнь и январь будут по существу октябрем» [Крокодил, 1936, № 30, с. 10].

События Октября 1917 г. презентовались как веха, обозначающая начало нового исторического периода, как страна, «открытая в октябре 1917 г.» [Крокодил, 1936, № 34, с. 5]. В октябрьском номере журнала за 1937 г. приводятся юбилейные поздравления редакции: «Крокодил поздравляет своих читателей с замечательным праздником двадцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции. Золотыми буквами будут вписаны в историю освобожденного человечества легендарные подвиги и победы этих лет. <...> Упорным трудом на многочисленных фронтах нашей социалистической стройки <...> оправдаем высокую честь и огромное счастье быть гражданами и строителями первой в мире страны победоносного социализма» [Крокодил, 1937, № 30, с. 2]. Поздравления в праздничном номере 1938 г.: «Здесь – единственная страна, единственная во всем мире, где празднуют свой праздник, не тревожась о будущем, с уверенностью в завтрашнем дне» [Крокодил, 1939, № 28, с. 2]. В этих текстах подчеркивается масштабность, важность революции, а СССР представлен как «первая» и «единственная» в мире социалистическая страна.

В рамках данной презентационной линии описание события сопровождается соответствующим иллюстративным рядом – изображением иллюминированных площадей, массовых демонстраций, идущих радостных людей с флагами и транспарантами, с лозунгами, прославляющими Революцию, Партию, Ленинизм [Крокодил, 1932, № 30, с. 17; 1937, № 30, с. 1, 7]. В одном из фельетонов журнала за 1932 г. приводится описание праздника: «Оркестры играли: кто марш, кто лезгинку. Хоровые круж-

ки распевали с ожесточением “Эх не даром”, “Дуню”. Барабанили пионеры...» [Крокодил, 1932, № 30, с. 2]. Атмосфера праздника передана в стихотворении В. В. Маяковского, вынесенного на обложку одного из праздничных номеров «Крокодила»: *«Здесь, раздвигая дома, шест-звует юность сама. Пой, молодая столица, – наша страна веселится!»* [Крокодил, 1938, № 29, с. 1].

Вторую линию презентации октябрьской тематики, фиксируемую на страницах «Крокодила» 1920–1930-х гг., можно обозначить как **компаративную**. В русле данного направления посредством обращения к сюжетам Октября выстраивается система координат «мы – они». Данная система реализовывалась как в идеологической плоскости (большевики – буржуазия, социализм – капитализм), так и на международном уровне (СССР – другие страны).

Линия идеологического сравнения не теряла своей актуальности на протяжении всего периода 1920–1930-х гг. В текстах и иллюстрациях, посвященных Октябрьской революции, рельефно подчеркивалась антикапиталистическая, антибуржуазная направленность данного события. Для усиления выстраиваемой антитезы использовались гротесково-карикатурные изображения, тексты сатирической направленности.

Сравнение *старого* и *нового мира* происходит в контексте сравнения *бывших* политических деятелей с литературными персонажами. В 1922 г. журнал отмечает, что *«для людей, доживающих свое прошлое за границей, ничто за это время не изменилось: жили они все так же и все тем же, как и чем жила раньше, пять лет назад... жили они по Чехову. Живут и до сих пор»*. Е. Д. Кускова сравнивается с Верой Иосифовной из чеховского *“Ионыча”*, она *“читает иногда чинные доклады с интеллигентскими рассуждениями”*. *Говорится в докладах о том, чего никогда не будет, но все-таки их, от нечего делать, слушают... Старый мещанин Мартов (Жигалов из “Свадьбы”) упорно не признает пролетарский революции и ворчит в “Социалистическом Вестнике”: – А по моему рассуждению, Советский строй – одно жульничество! Выдумали Советы, насадили туда коммунистов, да и думают глаза отвести! Нет, ты мне такую конституцию подавай, чтобы было за что буржую ухватиться!.. В. М. Чернов, молодящийся человек приятной наружности (оценщик Апломбов из “Свадьбы”), хоть и танцует под французскую шарманку, но амбиций не теряет. – Я не Спиноза какой-нибудь, – говорит Виктор Михайлович, – чтобы бесплатно на Советскую Власть клеветать!.. Генерал Деникин (Егор из рассказа “На святках”) пишет свои мемуары. В мемуарах читаем: “В настоящее*

время, как судьба наша определила через себя на Военное Поприще, и поэтому мы можем судить, который враг есть внутренний. Первейший наш Внутренний враг есть: Большевик”... С. В. Петлюра (конторщик Епиходов из “Вишневого Сада”) жалуется на двадцать два несчастья: – Каждый раз со мной что-нибудь случается. Просыпаюсь в позапрошлом году, смотрю, а на Украине – громаднейший Совнарком! Вообще, не могу одобрить тамошнего климата: тамошний климат не способствует в самый раз. А Керенский, (мальчик Пава из “Ионыча”). Собственно говоря, он уже не мальчик. Но так как “маленькая собачка – до старости щенок”, то ему до сих пор еще время от времени приказывают: – А ну-ка, Саша, изобрази! Саша Керенский становится в позу, поднимает вверх указательный палец и произносит трагическим голосом: – О, сердце, превратись в камень!.. Железом и кровью!.. Умри, вер-р-роломная!.. – Занятно, – говорит, проходя мимо, какой-нибудь Пуанкаре. Подает Саше несколько медных монет» [Крокодил, 1922, № 11, с. 2].

В 1923 г. публикуется сказочная быль «Октябрьская репка»: «В Октябре однажды крепко разрослась в России репка: Корень в землю уходил, набираясь красных сил. Увидал ту репку разом злой буржуй корыстным глазом. Жирной лапой репку – хватъ! Та не хочет вылезать... Буржуа шлет за банкиром. Тот пришел, оплывши жиром... Оба репку – ну тащить: Та не хочет выходить! Им на помощь в рясе новой Поп спешит восьмипудовый. Тянут репку так и сяк. Но не вытащить никак! Вновь послали за подмогой: Прет Керенский с миной строгой, с ним эсер и меньшевик, семь помещиков да “шпик”... Под командой генерала понатужились сначала, закричали разом: – Ух! И с натуги в лужу – бух. Чуть не допнув от досады, кличут в помощь все громады. Вмиг пришла со всех концов стая знатных подлецов: Скоропадский, Пуль, Петлюра, Маннергейм, Юденич, Шкуро, Гоц, Чернов, Пилсудский, Дан – черносотенцы всех стран. Взавшись друг за друга, напряглись все туго, крякнули к тому же. И... уселись в луже! Все с натуги разом повалились наземь... Вышло не до смеха: поп упал на чеха, в попово пузо – носом два француза, да банкир – не муха! Бряк в Махново брюхо. Дутов брякнул в слякоть, Дан – Родзянко в “мякоть”. А смиренный Лупп носом – Гоцу в пуп! Все попали в жижу и схватили грыжу... А родная репка разрослась крепко!» [Крокодил, 1923, № 1, с. 2].

Сюжеты, направленные на высмеивание политических оппонентов большевиков и «бывших» из привилегированных сословий, сохраняются на страницах «Крокодила» и в 1930-е гг. В издании 1935 г. приводится карикатура на эмигранта, который, держа в руках газету «Вечерний Па-

риж», высоко задрав нос, замечает: «– *Новые маршалы? Ворошилов... Буденный... Знаю, знаю... Встречались!.. В ноябре двадцатого года*» [Крокодил, 1935, № 32, с. 4]. В одном из номеров 1937 г. помещен сюжет «С точки зрения юного пионера», где приводятся карикатурные изображения «старорежимных» понятий. Обращение «его сиятельство» проиллюстрировано изображением мужчины с блестящей лысиной, а понятие «столбовая дворянка» сопровождается рисунком дворянки, привязанной к столбу [Крокодил, 1937, № 30, с. 23]. В фельетоне «Битые карты» приведены карикатурные изображения лидеров Белого движения и политиков периода 1917 г., оппозиционных большевикам. Рисунки выполнены в виде изображений на игральных картах. Карикатуры сопровождаются не менее саркастическими текстами: «*Все эти люди в свое время ходили в козырях, но в настоящий момент “иных уж нет, а те – далеко”*» [Крокодил, 1932, № 30, с. 10]. В сюжете, помещенном в журнале «Крокодил» 1932 г., приводится разговор пионера с отцом: «– *Папа! Говорят, на этом месте был какой-то старый дом? – Да, очень старый. Ему было триста лет и назывался он Дом Романовых*» [Крокодил, 1932, № 30, с. 4].

С целью максимально контрастного сравнения «отжившего свое» дореволюционного мира и светлой послереволюционной советской реальности в сюжетах используется сочетание гротесковых и реалистичных изображений. В таких сюжетах реализуется хронологический принцип выстраивания материала, позволяющий рассмотреть определенный элемент советской событийности в исторической ретроспективе. Иллюстрация «Первый ряд партера» представляет собой четыре фрагмента, где изображены посетители театра (концертного зала) в 1913, 1917, 1919-м гг., четвертый фрагмент имеет название «наши дни». На первом фрагменте изображены надменно-напыщенные представители привилегированных сословий дореволюционной России. Фрагмент 1917 г. представлен митингующими рабочими и солдатами. На рисунке 1919 г. изображены фигуры людей, смотрящих концерт в верхней одежде. Фрагмент «наши дни» представлен изображением людей со светлыми, открытыми лицами, увлеченно наблюдающих за происходящим на сцене действием [Крокодил, 1937, № 30, с. 9]. Аналогичный прием ретроспективы использован в сюжете журнала «Два родословных дерева», который сопровождает подпись «*наглядное изображение развития нескольких поколений одной пролетарской и одной помещичье-капиталистической семей*». На рисунке помещены два дерева (одно крепкое, другое высохающее), на которых помещены портреты членов данных семей. По портретам на пролетарском дереве достаточно четко читается занятость членов семьи (участие

в революциях и Гражданской войне). Ожидаемым итогом является вырождение помещицкой семьи и расцвет рабочей [Крокодил, 1937, № 30, с. 28].

Компаративная линия презентации октябрьских сюжетов, направленная на выстраивание системы «мы – они», реализуется не только через образы «бывших», побежденных большевиками в Гражданской войне, но и в контексте внешнеполитических реалий 1920–1930-х гг. Данные сюжеты отражают векторность советского внешнеполитического курса.

На страницах «Крокодила» 1920-х гг. образ Октября 1917 г. используется для закрепления в общественном сознании идеи скорой мировой революции. В 1923 г. «Крокодил» только в одном выпуске использовал три разных стилистических приема в освещении этой теме. Призыв: «Сыны земли своей простой. Геройский подали пример вам. И наш Октябрь для нас – шестой. Пусть будет для соседа – первым!»; Газетный репортаж: «1917 г. Газетный лист... Заполнены столбцы: Орел восстал... Восстала Украина... Волна рабочих мчит во все концы... Войска сливаются с восстаньем воедино... 1923 г. Газетный лист... Заполнены столбцы: В Берлине бунты... В Гамбурге волнения Волна рабочих мчит во все концы... Бунт в Дрездене... Полиция в смятении. Тверь... Тула... Нижний... Красные войска Бьют юнкеров... Восстанье, как стихия... Товарищ Ленин... Троцкий... Съезд... Це-Ка... Да здравствует Советская Россия!.. Кельн... Мюнхен... Вена... Красные войска. Фашистов бьют... Стихийное восстанье... Товарищ Геккерт... Бетхер... Съезд... Це-Ка... Да здравствует Советская Германия!»; Частушка: «Солнце, солнце крепче жарь между сел и фабрик, – вынул немец календарь, – а на нем Октябрь. Я винтовку смазал салом. Обрядил ее не зря, чтобы лучше отражала все победы Октября. Всю шестую годовщину просидел у Мани я, рассказал ей всю картину. Как живет Германия» [Крокодил, 1923, № 1, с. 2, 11, 13].

В 1930-е гг. сравнительная линия «мы – они» реализуется по средствам формирования образов «врагов» СССР, определяемых в том числе через противопоставление революции. Одним из них является образ фашиста. На страницах журнала в 1936 г. помещена выдержка из речи Сталина, посвященная суждениям зарубежных политиков об СССР: «что это за страна, волят они, на каком основании она существует, и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе?» [Крокодил, 1936, № 34, с. 5]. Текст сопровождается карикатурным изображением Гитлера, который пытается закрыть карту СССР когтистой рукой.

Образ врага дополняется после вхождения советских войск в Польшу в сентябре 1939 г. На первой странице сентябрьского номера за 1939 г.

изображен бегущий польский пан. Изображение сопровождается текстом: «Оказывается, кроме Октября, есть еще один ужасный месяц – сентябрь» [Крокодил, 1939, № 28, с. 1].

В 1930-е гг. большую детализацию получает образ враждебного СССР капиталистического мира. В номере «Крокодила» за 1938 г. редактор журнала, поздравляя граждан с праздником Октября напишет: «...там, в этом горящем сумасшедшем доме, именуемом капиталистическим обществом, ... там точат зубы, там лелеют мечту о нападении, оттуда иллют ползучую шпионскую ... нечисть, там возятся, там готовятся, там злобствуют и шипят. Мы привыкли и к этому. Мы привыкли отдыхать и праздновать, бодрствуя и не спуская глаз с врага» [Крокодил, 1938, № 29, с. 2].

Помимо **торжественной** и **компаративной** линий презентации образа Октября 1917 г. на страницах «Крокодила», можно выделить еще одно направление – **прагматическое**. В русле данного направления посредством обращения к октябрьской тематике давалась оценка внутривнутриполитических, экономических и социальных советских реалий 1920–1930-х гг.

На страницах издания 1920-х гг. сатирические приемы утверждали ценностно положительный образ революции 1917 г., а иллюстративные образы стали инструментом во внутривнутрипартийной борьбе. Карикатура «Оппозиционная палата» изображала на больничных койках Каменева, Зиновьева и Троцкого с диагнозом «оппозиционная лихорадка» и подписью для первых двух – «обострение припадка 1917 г.», для Троцкого – 1923 г. [Крокодил, 1926, № 43, с. 5]; в карикатуре «Заехали» изображен Троцкий в качестве возницы на коляске, заехавшей в болото, спрашивающий у рабочего: «– Где тут Октябрьская дорога», и получающий ответ: «– Заехали, нечего сказать. Октябрьская дорога в другой стороне» [Крокодил, 1927, № 41, с. 12].

В 1920-е гг. образ революции играет роль «камертон», позволяющего выявить и осмеять «отсталые» поведенческие модели населения. Диалог: «Илья Павлович! я к вам... Помните, вы обещали мне устроить эту махинацию с валютой. – Очень рад вас видеть, но сегодня я отдыхаю. Праздник, не могу. – Помилуйте, какой праздник? – Октябрьская годовщина! – Да нам-то что? Устройте, пожалуйста. – Ну, хорошо! Только тогда двойная цена» [Крокодил, 1923, № 1, с. 2]; «юбилейные мысли»: «Паровоз легче рисовать, чем строить; Некоторые товарищи кричат “ура” круглый год, а в Октябрьскую годовщину отдыхают от этой тяжелой работы. Лучшие поступать наоборот. Круглый год работать, а в годовщину революции кричать “ура”; Многие заведующие не любят

демонстраций. Это не служба – нельзя опаздывать; Наши достижения похожи на именной подарок. Их норвеят преподнести к годовщине Октября» [Крокодил, 1928, № 41, с. 2].

В 1930-е гг. на страницах журнала с помощью революционной символики конструируются образы советских экономических реалий. В 1930 г. в одном из номеров изображена демонстрация, шествующая с флагами на фоне табло с горящей надписью: «Пятилетку – в четыре года». На переднем плане прятается человек в шляпе и очках, наблюдающий за происходящим. Подпись под иллюстрацией сообщает читателям суждения этого человека: «– Когда взяли Зимний дворец, не так было страшно, как теперь, когда они взяли такие темпы» [Крокодил, 1930, № 30, с. 1]. На обложке журнала за 1931 г. помещена иллюстрация: рука держит завод № 519. Подпись под иллюстрацией гласит: «К октябрю мы подготовили не плохое украшение не только своему городу, но и всему СССР» [Крокодил, 1931, № 27, с. 1]. В номере за 1937 г. мальчишки, один из которых в буденовке, разговаривают о колхозах-миллионерах [Крокодил, 1937, № 27, с. 1].

Революционная проблематика актуализирована и в сюжетах, посвященных Конституции СССР 1936 г. В сюжете «Голос из лужи» воссоздается историческая ретроспектива побед и достижений советского государства, а иллюстративный ряд дополняет фигура постепенно тонущего «скептика». Отправной точкой является 1917 г.: «Когда большевики брали власть в 1917 г., скептики говорили: ...они провалятся. На деле, <...> оказалось, что провалились не большевики, а скептики». 1919 г.: «Во время гражданской войны и иностранной интервенции <...> скептики <...> просчитались». 1928 г.: «Когда Советская власть опубликовала первый пятилетний план, <...> скептикам опять не повезло: пятилетний план был осуществлен в четыре года». 1936 г.: «То же самое надо сказать о проекте новой Конституции и ее критике со стороны скептиков <...> нет никаких оснований сомневаться в том, что скептики провалятся и в данном случае, провалятся нынче так же, как они не раз проваливались в прошлом» [Крокодил, 1936, № 34, с. 6]. Подпись под текстом – И. В. Сталин, а цитаты взяты из доклада Сталина «О проекте Конституции Союза ССР» на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г.

Предпринятый анализ иллюстративных материалов и текстов журнала «Крокодил» 1920–1930-х гг. показывает, что образ Октября 1917 г. был востребован в информационном пространстве периода, использовался для легитимации политического режима, в процессе конструиро-

вания отношения советского населения к событиям проживаемой реальности.

Проекция октябрьской тематики на реалии 1920–1930-х гг. позволяет выявить механизм, направленный на конструирование в сознании населения «правильных» оценок проживаемой реальности. В советском идеологическом и информационном пространстве образ Октября 1917 г. являлся эталонным, обладал сакральным, эпохальным смыслом. При контекстуальном взаимодействии с революционной тематикой любого явления действительности 1920–1930-х гг. оно также наделялось положительным смыслом, становясь оправданным, верным, истинным. В то же время событие, противопоставляемое революционной символике или интерпретируемое через сочетания с антиреволюционными «буржуазными» символами, получает ярко выраженную негативную трактовку.

Фиксируется определенная динамика образа революции в контексте выделенных презентационных линий. *Торжественное* направление в 1930-е гг. характеризуется усилением востребованности, в образе Октября 1917 г. актуализируются коннотации эпического, эпохального, вместе с тем данное событие являлось основой для единения советского социума. Антибуржуазная сюжетная линия *компаративного* направления сохраняется неизменной на протяжении всего периода, в то время как революционные образы, конструируемые в русле международного сравнения, меняются в зависимости от внешнеполитического курса советского государства в 1920–1930-е гг. *Прагматическая* линия презентации октябрьской тематики на протяжении периода становится более востребованной. В 1930-е гг. расширяется количество тематических областей, информационное поле которых конструируется с использованием октябрьской тематики (политика, социальная сфера, экономика и т. п.).

Таким образом, в журнале «Крокодил» на протяжении периода 1920–1930-х гг. образ революции Октября 1917 г. не только не теряет актуальности, но и становится более востребованным в русле различных смысловых полей. Презентация образа революции эволюционировала от прагматическо-сатирической к идеологически-догматической стилистике. В отечественном дискурсе 1920–1930-х гг. образ Октябрьской революции фигурировал не только как самостоятельный, но и использовался для построения новых символов, конструирования в массовом сознании «правильных» интерпретаций событий 1920–1930-х гг.

ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ?
УТОПИИ НАРОДОВЛАСТИЯ И РЕАЛИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

УДК 94(47).084.3+329(47+57)

И. А. Анфертьев

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС ПРАВЯЩЕЙ РКП(б)
НА РУБЕЖЕ 1919–1920-х гг.
И МЕРЫ ПО ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЮ

В статье анализируются обстоятельства преодоления кризисной ситуации в Советской России на рубеже 1919–1920-х гг. в связи с тем, что В. И. Ленин и правящая группа в ЦК РКП(б), ориентированные на мировую революцию, пытались установить в России в ходе Гражданской войны силовыми методами коммунистическую диктатуру. Новая экономическая политика (НЭП), широко рекламируемая в органах большевистской печати, рассматривается автором как изначально временная и сопутствующая доминирующей внеэкономической мобилизационной политике РКП(б), основанной на принудительном труде, отсутствии у граждан собственности, запрете института частной собственности и свободной торговли, а также повсеместного отчуждения государственной собственности от народа и от управленцев правящей партии. Такой подход способствовал появлению «профессиональных» партийных работников, которые беспрепятственно занимали руководящие посты, не имея ни соответствующего образования, ни административно-хозяйственного опыта. Получение этой социальной категорией не афишируемых привилегий формировало в стране негативный образ РКП(б)–ВКП(б), внутрипартийное положение партии в 1920–1930-е гг. не отличалось стабильностью.

Ключевые слова: РКП(б), ВКП(б), Политбюро ЦК, советские органы, правящая политическая партия, протестные движения, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, архивные документы.

Политические и социально-экономические кризисы, сотрясавшие Россию в 1920–1930-е гг., были обусловлены различными факторами, вызванными постреволюционным переустройством общества и государства.

Поиск руководством правящей РКП(б)–ВКП(б) модели справедливого социального государства (равных прав граждан и уравнивания без исключения всех в социально-экономическом положении), в сравнении с западными европейскими странами и США, в теоретическом отношении носил в основном опережающий характер. Иллюзии о светлом будущем, в котором рабочие будут проживать в особняках, труд крестьян ограничат восьмичасовым рабочим днем, высококлассный специалист, инженер-организатор производства, ученый с мировым именем согласятся работать за мизерную зарплату по ставке пролетария низшей квалификации, оказались далеки от реальности. Вместе с тем опыт других стран по социальной защищенности граждан руководством РКП(б) достаточно активно изучался и применялся на практике, однако в исполнении большевиков во многом отличался спонтанностью и непредсказуемостью, так как в своей деятельности партийные руководители преследовали собственные не афишируемые цели: сохранение и упрочение власти; достижение намеченных задач внеэкономическими методами без учета острых назревших запросов основной массы граждан, пыгавшихся выжить в экстремальных условиях. Объяснялось это тем, что в предшествующей до 1917 г. партийной работе отсутствовали элементы созидательной государственной деятельности, внедряемые в жизнь идеи переустройства общества и государства носили абстрактный характер, выражались на практике в броских лозунгах («земля крестьянам!», «фабрики рабочим!», «мир во всем мире!», «да здравствует коммунизм!»), не подкрепленных конкретными конструктивными программами, направленными на улучшение жизни в первую очередь трудового населения. Серьезное влияние на внутриполитическую обстановку в стране оказывало внешнеполитическое давление на руководство РКП(б). Снятие западными странами экономической блокады в начале 1920 г. сопровождалось рядом политических условий (свободные выборы, возврат собственности российским и иностранным гражданам и организациям), что было неприемлемым для руководства правящей РКП(б)–ВКП(б) в связи с провозглашенными и активно внедряемыми в массы доктринальными идеологическими установками.

Советская историография, тщательно рецензируемая партийными цензорами, как правило, обходила молчанием существовавшие в тот период достаточно острые в политическом и экономическом отношении кризисы [Бройдо; Генкина; Кладт, Кондратьев; Лепешинская; Гаврилов, Кутузов; Гимпельсон; Арзамасцев; Милонов]. Написать о том, что В. И. Ленин, лидер правящей РКП(б) и председатель советского прави-

тельства, был инициатором и устройтеlem социально-политических кризисов, наиболее активным разрушителем вековых устоев российской жизни, нельзя было и помышлять [Левин; Адоратский; Шарапов]. Вместе с тем советскими историками предпринимались отдельные робкие попытки косвенным образом описать так называемые трудности переходного периода от капитализма к построению социализма в СССР [Гиндин; Алексеева; Аникеев; Архипов, Морозов]. Напротив, зарубежные исследователи, в большинстве своем представители российской эмиграции, акцент в своих трудах сделали именно на кризисном социально-экономическом и политическом положении Советской России [Масловъ; Далинь; Бурцевъ; Амальрик; Геллер; Авторханов, 1981], некоторые из этих трудов стали доступны историкам только на рубеже 1980–1990-х гг. [Садуль; Восленский; Валентинов Н. (Вольский Н.); Авторханов, 1991; Беседовский]. В постсоветский период социально-политическим и экономическим экспериментам правящей РКП(б)–ВКП(б) уделялось значительное внимание [Голанд; Бакунин, 1996; Будницкий; Барсенков, Вдовин; Борисова; Клиницкий; Иголкин; Зими́на; Коняев; Багдасарян, Сулакшин; Анфертьев].

В условиях Гражданской войны руководители РКП(б) были в первую очередь озабочены, среди прочего, формированием управленческих структур на новой и более справедливой, как им представлялось, основе выборности советской власти сверху донизу, но под собственным жестким партийным контролем. Однако такого аппарата в первые послереволюционные годы не существовало, как не существовало во многих губерниях и самих партийных организациях. В некоторых губерниях, несмотря на официальный раскол РСДРП на две партии – большевиков и меньшевиков, и после 1917 г. существовали объединенные партийные комитеты [Девятый съезд РКП(б)]. Многие регионы, особенно национальные окраины, партийных организаций не имели. К марту 1920 г. на территории центральной России в 24 губерниях из 39 отсутствовали уездные партийные организации [Девятый съезд РКП(б)]. Мурманская организация РКП(б) была создана 29 февраля 1920 г., секретарем избран прибывший с частями Красной армии Ф. С. Чумбаров-Лучинский, успевший до этого поработать председателем уездной ЧК в Кологриве Костромской губернии. В конце марта того же года был избран партийный комитет [Руководители организаций РКП(б)–ВКП(б)–КПСС, с. 29]. Как правило, в таком случае на места отправлялись партийные работники из центра для организации губернских и уездных партийных комитетов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 155]. В мае 1919 г. с мандатами уполномоченных ВЦИК

в регионы были направлены: Н. И. Бухарин¹ (Курская губерния); К. С. Еремеев² (Воронежская губерния), С. И. Канатчиков³ (Тульская губерния), Н. В. Крыленко⁴ (Владимирская губерния), К. И. Ландер⁵ (Смоленская и Минская губернии), В. Н. Максимовский⁶ (Московская область), Овсянников⁷ (Рязанская губерния), В. В. Осинский⁸ (Пензенская губерния), Е. А. Преображенский⁹ (Орловская губерния), А. И. Рыков¹⁰ (Саратовская губерния), Д. Б. Рязанов¹¹ (Иваново-Вознесенская губерния), Ю. М. Стеклов¹² (Вятская губерния), Л. С. Сосновский¹³ (Тверская губерния). Совнарком назначает А. И. Рыкова диктатором по военному снабжению, а Политбюро и Оргбюро ЦК принимают 10 июля 1919 г. специальное решение

¹ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – в 1919 г. кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), ответственный редактор газеты «Правда».

² Еремеев Константин Степанович (1874–1931) – видный партийный деятель, занимался вопросами мобилизации в Красную армию, летом 1919 г. назначен командиром Воронежского укрепрайона.

³ Канатчиков Семен Иванович (1879–1937) – член коллегии Наркомата внутренних дел, член Малого Совнаркома, один из организаторов Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова.

⁴ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938) – в 1919 г. член коллегии Наркомата юстиции, председатель Революционного (Верховного) трибунала.

⁵ Ландер Карл Иванович (1883–1937) – в 1919 г. нарком Государственного контроля РСФСР.

⁶ Максимовский Владимир Николаевич (1887–1941) – в 1919 г. член коллегии-заведующий Инструкторским отделом НКВД РСФСР. Впоследствии, 6 мая 1920 г., по постановлению Политбюро ЦК Н. Н. Крестинскому поручалось обеспечить передачу дел Максимовским его заместителям, так как пленум ЦК принял решение запретить Максимовскому работать при ЦК. В то же время Политбюро не возражало против использования Максимовского в мобилизационной комиссии // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 75. Л. 2, 3.

⁷ Сведения не удалось установить.

⁸ Осинский (Оболенский) Валериан Валерианович (1887–1938) – видный партийный деятель, сотрудник ВСНХ.

⁹ Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) – видный партийный деятель, член редакционной коллегии газеты «Правда».

¹⁰ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – председатель ВСНХ РСФСР.

¹¹ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938) – член ВЦИК, член коллегии Наркомата просвещения, руководитель Главного управления архивным делом при Наркомпросе.

¹² Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941) – в 1919 г. редактор газеты «Известия ВЦИК».

¹³ Сосновский Лев Семенович (1886–1937) – член Президиума ВЦИК.

опубликовать об этом назначении в газетах, несмотря на попытки «диктатора» избежать публичной огласки [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 14. Л. 1].

В тыловых губерниях в условиях Советской власти партийные организации находились на нелегальном положении. «Я знаю, например, один уезд, – отмечал Преображенский, вернувшийся в середине 1919 г. из Орловской губернии, – где коммунисты находятся в подполье, где их после регистрации осталось всего 150 человек» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 155]. В Смоленской и Минской губерниях, отмечал летом 1919 г. Ландер, «партийная работа абсолютно отсутствовала. Бельский уезд, например, насчитывал 4 500 коммунистов, после перерегистрации и мобилизации их осталось 115 человек...» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 154].

Критическое положение на фронтах Гражданской войны в 1919 г. нашло свое отражение в тыловых губерниях, проявлялось это в массовом неприятии населением, в основном крестьянством, как политики правящей партии, так и в целом советской власти. В этих условиях 28 апреля 1919 г., с целью найти поддержку в заводской среде, по предложению Л. Д. Троцкого¹⁴ рассмотрен вопрос о наделении военным пайком служащих заводов [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 5. Л. 1]; о проведении экстренного совместного заседания Политбюро и Оргбюро о необходимости увеличения военной силы [Там же. Л. 2]. 29 апреля 1919 г. Политбюро и Оргбюро ЦК принимают решение о проведении трех видов мобилизации: общей, добровольческой рабочей и добровольческой крестьянской, циркуляр о порядке их проведения, подготовленный Л. Д. Троцким, был отправлен местным партийным организациям [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 6. Л. 2–3]. В тыловых губерниях, за исключением прифронтовых, было принято решение о создании отрядов особого назначения [Там же. Л. 3], на фронте – формирование еврейских батальонов в смешанных полках и дивизиях [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 5. Л. 2]. К лету 1919 г. стало очевидно, что проводимые мобилизации на фронт не дали намеченного результата, а масштабы дезертирства огромны. Уполномоченный ВЦИК Стеклов утверждал, что волостная мобилизация в Вятской губернии провалилась [Декрет СНК РСФСР от 8 апреля 1918 г.] как еще раньше добровольческая мобилизация. В отношении добровольной записи в красноармейцы ему возражал Крыленко, но, как оказалось, неубедительно: «Я видел седых стариков, которые записались добровольцами, и когда я спросил их, почему, то объяснилось все очень просто: это были члены

¹⁴ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – в 1919 г. член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Реввоенсовета, нарком по военным делам РСФСР.

комбедов, которых с кольями гнали из деревни» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 145]. «При мобилизации они преследуют лишь одну цель, – заявил Максимовский, имея в виду крестьянскую молодежь, – обмундироваться, попитаться, а там и вернуться» [Там же. Л. 162]. В Смоленской и Минской губерниях, отмечал Ландер, «работа, которая там производилась, грозит осложнениями, вплоть до восстаний» [Там же. Л. 154]. Там было несколько случаев, когда наших товарищей, приходивших в казармы, не пускали и встречали криками: «прежде дайте хлеб» [Там же]. Оказывалось, что красноармейцам не выдавали по два дня хлеба. Но есть факты и похуже. Солдат отправили на фронт совершенно разутыми, в том числе и бывших колчаковцев¹⁵. «Политика военного комиссариата с его бесконечным количеством мобилизаций, – отмечает Рязанов, – приводит к тому, что в Иваново-Вознесенске числится дезертирующим полк, который взял Уфу» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 150]. Политика объявления мобилизации из центра вела к тому, что, например, у железнодорожников нельзя выступать, когда они выносят резолюцию с требованием прекратить немедленно военные действия и в трехдневный срок заключить мир с Колчаком [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 146]. «В Рязанской губернии в ноябре 1918 г. было восстание, которое охватило часть Тульской, Тамбовской и Рязанской губерний, – отмечал Овсянников. В южной части Рязанской губернии осталось два оазиса – Данковский и Скопинский уезды. В остальных были восстания с разбором рельс, с походом на города. В Данкове наши товарищи ввели самый сногшибательный террор, в Данковском уезде население настолько терроризировано, что крестьянство не могло решиться пойти на восстание» [Там же. Л. 157]. Стеклов утверждал, что «сплошь и рядом совершающие беззакония», представители власти заявляют, что они думали, что это можно, «террор господствует, мы держимся только террором», «под нами образуется какая то ужасная пустота» [Там же. Л. 142]. Одна экспедиция расстреливала крестьян и бросала на улицы их трупы. Крестьяне до сих пор не забыли этого. В армии Колчака «энергично действуют против нас как раз крестьяне Вятской губернии» [Там же].

Директивный стиль управления страной был не только малоэффективен, но породил бесконтрольность представителей правящей партии. Например, 19 июля 1919 г. на совместном заседании Политбюро и Оргбюро ЦК было принято решение президиуму Моссовета совместно

¹⁵ Имеются в виду бывшие рядовые военнослужащие из армии А. В. Колчака, мобилизованные в Красную армию.

с президиумом ВЧК «в быстрейший срок разгрузить концентрационные лагеря, в первую очередь от петербуржцев» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 14. Л. 3]. Понятно, что в условиях, когда войска А. И. Деникина приближались к Москве, было не до формальностей, но террор становился повседневной и страшной реальностью. Во Владимирской губернии имел место случай, когда «уездный комитет партии арестовывает председателя исполкома» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 146]. «Часто на местах смешение партийной и советской власти, – сообщил уполномоченным ВЦИК летом 1919 г. Рыков. – Так, например, в одном месте председатель комитета партии вынес приговор высечь двух учительниц; когда я заявил, что партийный комитет не имеет права выносить судебные приговоры и выразил протест по поводу этого приговора, мне, в свою очередь, был вынесен протест всей губернской партийной организации» [Там же. Л. 151]. Практика «снисходительного» отношения к совершившим уголовные преступления коммунистам, а также прямого вмешательства партийных органов в судебные дела, не была единичным эпизодом. В начале 1920-х гг. Чернецкий, помощник командира отряда Капустянского, направленного Полтавской губчека в город Константиноград, вместе с подчиненными задушил председателя уездного Исполкома [Беседовский, с. 15–21]. Дело получило огласку, Чернецкого с подельниками судили в Харькове, приговорили к расстрелу, информацию об этом опубликовали в газетах, а на деле их выпустили на свободу и с чужими документами, под другими фамилиями, отправили выполнять партийные поручения на Дон [Там же, с. 23].

Никогда, отмечал Стеклов, даже «в злейшие времена царского режима, не было такого бесправия на Руси, которое господствует в Коммунистической Советской России, такого забитого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, что можно, чего нельзя» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 65. Д. 7. Л. 142]. Крестьянство, по мнению Стеклова, совершенно определенно делит советскую власть на центральную, которая хороша, и местную, которую ненавидит всеми силами души. А партию она ненавидит из-за того, что «наша партия стала правительственной» [Там же. Л. 1416–142]. К сожалению, отмечает Стеклов, члены партии слишком бестактны, выступают, как представители государственной власти, а «разница между Коммунистической партией и Советской властью исчезла, и все, что делается, ставится на счет коммунистической партии» [Там же. Л. 142]. К зиме 1919–1920 гг. в стране назревал голод.

В результате осенью 1919 г. руководство РКП(б) приступило к мирным переговорам с правительствами Эстляндии, Латвии, Финляндии, Литвы и Белоруссии, что носило вынужденный и во многом спонтанный

характер, объяснялось это критическим положением на фронтах Гражданской войны. 6 сентября 1919 г. Политбюро ЦК приняло решение созвать совещание с представителями ЦК коммунистических партий Эстонии, Латвии, Финляндии, Литвы и Белоруссии для обсуждения вопроса об одновременном предложении мира правительствам пяти стран. Наркоминделу было поручено послать «деловое радио» международному пролетариату, объясняющее сделанное предложение о мире новым государственным образованиям [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 26. Л. 1], территории которых входили до 1917 г. в состав Российской империи. В политическом отношении это событие по степени важности можно характеризовать как «второй Брест», на который руководители правящей РКП(б) пошли вынужденно, как и в марте 1917 г. при подписании Брестского мира, в основном ради удержания собственной власти. Положение было настолько серьезным и продолжало ухудшаться, что спустя всего месяц, 15 октября 1919 г., было принято решение приступить в спешном порядке к организации военных и снабженческих баз на Урале и в Туркестане для продолжения борьбы [Там же. Д. 31. Л. 1–2]. Не исключалось, по всей видимости, сделать Екатеринбург новой столицей Советской России.

Таким образом, к числу наиболее острых кризисных ситуаций на рубеже 1919-го – 1920-х гг. можно отнести: проблемы мобилизации на фронте и сопутствующее им массовое дезертирство; отсутствие единства внутри партии, в центре и на местах, о путях преодоления трудностей; неприятие, явное и молчаливое, крестьянством советской власти и политики РКП(б), следствием чего являлись восстания и с обеих сторон применяемые методы террора. Отказ руководства РКП(б) в 1920-е гг. от «политики военного коммунизма» свидетельствовал не столько о серьезном внутривнутрипартийном кризисе, что имело место из-за оппозиционной разногласицы, сколько о намерении взамен силовых методов управлять страной при помощи законодательной деятельности, финансового регулирования, государственных, профсоюзных, кооперативных органов, с оглядкой на разрешенные общественные и научные организации. Бюрократический стиль решения важнейших государственных задач в итоге не позволял оперативно учитывать политические особенности текущего момента. Налицо имелись очевидные слабости такого подхода, который не исключал использования руководителями партийных органов злоупотреблений в своих узковедомственных целях, активизировал борьбу за власть.

Лидеры большевиков В. И. Ленин, а затем И. В. Сталин, преследуя цель – сохранение и удержание захваченной в 1917 г. власти, – оказались последователями утопистов, пытались ценой значительных народных

жертв отменить экономические законы, осуществить на практике иллюзию о всеобщем равенстве. Инструментом в решении намеченных ими задач являлась РКП(б)–ВКП(б). Выход из создавшегося положения партийное руководство видело в необходимости и возможности взять под жесткий контроль деятельность каждого коммуниста, особое внимание уделяя инакомыслящим и оппозиционерам. На практике этот подход решался различными способами: внедрением в партийный устав системы дисциплинарных наказаний; подключением административного ресурса ВЧК–ГПУ–ОГПУ; созданием центральных контрольных органов партии (ЦКК); усилением роли Наркомата РКИ; повсеместным созданием Бюро жалоб; развитием рабкоровского и селкоровского движения; периодически проводившихся кампаний критики и самокритики; особенно эффективным средством считалась чистка партийных рядов. Л. Н. Мазур справедливо отмечает, что «процесс “социалистического строительства” как опыт проектирования “идеального” общества», опираясь «в значительной степени на утопические представления о коммунизме» [Мазур, с. 25].

Однопартийная диктатура РКП(б), более известная в советской историографии как проводимая большевиками политика «военного коммунизма», доказала собственную неэффективность к началу 1921 г. В повестке дня со всей очевидностью во многих регионах страны стоял лозунг дня «Советы без коммунистов». В Тамбовской губернии и в Кронштадте это массовое неприятие в целом политики партии и, в частности, применяемых ею методов силового принуждения и устрашения, выразилось в вооруженных столкновениях, для проведения репрессивных мер пришлось привлекать, помимо отрядов ВЧК, Красную армию [Лубянка; Литвин; Колодникова; Зима]. Страна, по сути, находилась на грани нового витка Гражданской войны. Проблема для руководителей партии, и для В. И. Ленина, и для И. В. Сталина, заключалась еще и в том, что и немалая часть членов партии, в первую очередь в регионах, разделяла или поддерживала протестные настроения массы населения [Козлов; Рабочее оппозиционное движение; Воробьев; Кудрявцев; Куренков; Труфанов; Санников; Шабалин]. А основной производительный слой российского населения составляли крестьяне, которые не доверяли партийной и советской власти [Харина; Бубличенко], представители которой к очередному весеннему севу 1921 г., только чтобы он состоялся, обещали им различного рода послабления и льготы в распоряжении будущим урожаем [Машкин], не исключали, что осенью в деревню вновь будут направлены продотряды, которые начнут обирать их до последней нитки, выгребать все зерно, включая и семена [Архипов, Морозов].

К 1921 г. не произошла и мировая революция, на которую возлагались большие надежды. Провозглашенный лозунг о грядущей мировой революции еще долго витал в умах руководителей правящей партии. Объяснить это можно тем, что большевики неплохо овладели методами создания революционной ситуации, разжигания социальной вражды в целях завоевания и удержания политической власти. И тот приобретенный ими успешный опыт революционной деятельности они пытались продолжить и применить в других странах. Реализовать свои масштабные замыслы им представлялось тем легче, что в собственной стране они овладели, после проведенной национализации, значительными финансовыми и прочими ресурсами, накопленными в Российской империи. Не в последнюю очередь в связи с тем, что в России уже к 1921 г. оказались исчерпаны финансовые возможности, золотой запас бывшей Российской империи заканчивался, в результате чего и был взят курс на новую экономическую политику на X съезде РКП(б). В советской историографии март 1921 г. признается как начало НЭПа [Миловидова], однако это не совсем так, если более детально проанализировать соответствующие архивные документы. С одной стороны, можно говорить о НЭПе как пропагандистском мифе, над созданием которого основательно потрудились Е. М. Ярославский [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 164. Л. 5].

Ему было поручено организовать мощную пропагандистскую кампанию в прессе, среди населения, в основном крестьянства. Обещание отменить продразверстку прозвучало именно весной 1921 г., в разгар голода, чтобы обеспечить посевную кампанию, подвигнуть крестьян засеять весной поля [Павлюченков]. В действительности руководство партии осуществляли два подхода, или две системы, в проводимой в 1920–1930-е гг. экономической политике. Первая и основная система – продолжение курса на мобилизационную экономику, что предполагало в деревне изъятие сельхозпродукции, в городах – существование карточной системы, то есть выдача пайков ограниченному кругу граждан [Харина]; внедрение системы принудительного труда, выделение целых социальных групп граждан в «лишенцы» и ущемление значительной части прав, например, возможности устройства на работу по профессии, то есть всего того, что получило в исторической литературе название «военный коммунизм». Вторая система – это попытки, или обещания, ввести более или менее нормальные экономические отношения, что подразумевало частичное разрешение торговли; постепенный переход к возврату денежного обращения; легализацию кооперативного движения [Давыдов]; введение взамен продразверстки продовольственного налога и, что особенно важно,

разрешение крестьянам продавать излишки выращенного урожая [Голланд]. Так, двойственная и противоречивая политика правящей партии продолжалась до августа 1921 г. О том, что существовали параллельно обе системы – экономическая и внеэкономическая, мобилизационная – можно утверждать с известной долей уверенности. Но в рамках второй системы, частичного введения экономических методов, произошло несколько важных событий, которые давали надежду гражданам на возврат к нормальному, цивилизованному образу жизни. В частности, 14 сентября 1921 г. был создан, или точнее воссоздан, Государственный банк РСФСР [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 202. Л. 1, 6], произошли частичные изменения в отношении торговли [Дмитренко]. Еще раньше, в августе 1921 г., было дано указание ВЦИК проработать и представить в Политбюро ЦК РКП(б) комплекс законодательных актов о введении экономических методов управления народным хозяйством. В короткий срок была проведена административная реформа, в результате чего значительно сокращены государственный аппарат и численность Красной армии. Именно в 1921 г. была проведена первая из трех генеральная чистка партийных рядов, и, что характерно, значительную роль в ее осуществлении сыграли органы ВЧК–ГПУ. Как справедливо отмечает Л. Н. Лютов: «В Советской России в период с октября 1917 г. по 1920 г. идет форсированное становление крайней формы этократической системы – коммуно-советской тоталитарной системы (КСТС). Ее основы закладывались партией (политика “красногвардейской атаки на капитал”, “военного коммунизма”) в коммунистической доктрине, которая выражала тоталитарную альтернативу в российском социуме» [Лютов].

Авторханов А. Г. Происхождение партократии. Мюнхен, 1981.

Авторханов А. Г. Технология власти. М., 1991.

Адоратский В. К вопросу о научной биографии Ленина. М., 1933.

Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука в России. 1917–1923. М., 1968.

Амальрик А. А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.

Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б)–РКП(б) в 1917–1918 годах (хроника событий). М., 1974.

Анфертьев И. А. Политическая биография правящей РКП(б)–ВКП(б): критический анализ. М., 2017.

Арзамасцев А. М. Казарменный «коммунизм». М., 1974.

Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле (20-е – начало 30-х годов). М., 1978.

- Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С.* Превосходство, присвоение, неравенство. М., 2013.
- Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма : в 2 кн. Екатеринбург, 1996.
- Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1917–2004. М., 2005.
- Беседовский Г. З.* На путях к термидору. М., 1997.
- Борисова Л. В.* Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М., 2006.
- Бройдо Г. И.* Национальный и колониальный вопрос. М., 1924.
- Бубличенко Н. И.* «Спецснабжение» партноменклатуры Башкирской АССР в период НЭПа // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 106. С. 28–36.
- Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.
- Бурцев В. Л.* Преступления и наказание большевиковъ (По поводу 20-лѣтнего юбилея предателей и убійць). Парижъ, 1937.
- Валентинов Н. (Вольский Н.).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.
- Воробьев С. В.* Соблазны НЭПа: Должностные преступления ответственных работников и хозяйственных руководителей Урала в 1920-е годы // Вестн. Перм. ун-та. Серия. История. 2014. Вып. 2 (25). С. 60–71.
- Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гаврилов Л. М., Кутузов В. В.* Великий Октябрь. Летопись важнейших событий. М., 1967.
- Геллер М. Я.* Концентрационный мир и советская литература. Лондон, 1974.
- Генкина Э. Б.* Переход советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М., 1954.
- Гимпельсон Е. Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.
- Гиндин А. М.* Как большевики национализировали частные банки (Факты и документы послеоктябрьских дней в Петрограде). М., 1962.
- Голанд Ю. М.* Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991.
- Давыдов А. Ю.* Кооператоры советского города в годы нэпа. Между «военным коммунизмом» и социалистической реконструкцией. СПб., 2011.
- Далинь Д.* После войны и революций. Берлин, 1922.
- Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. М., 1934.
- Декрет СНК РСФСР от 08.04.1918 г. о волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам (Утв. ВЦИК 22.04.1918 г.) // Законы России [Электронный ресурс]. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a336x642.htm (дата обращения: 13.08.2017).
- Дмитренко В. П.* Торговая политика Советского государства после перехода к Нэпу (1921–1924 гг.). М., 1971.
- Зима В. Ф.* Человек и власть в СССР в 1920–1930-е годы: политика репрессий. М., 2010.

Зимина В. Д. Новые взгляды на старые проблемы (Вместо предисловия) // Гражданская война в России 1917–1922 гг. Очерки экономической и политической истории / сост. С. В. Карпенко. М., 2013. С. 4–19.

Иголкин А. А. Военный коммунизм: политика против экономики // Гражданская война в России 1917–1922 гг. Очерки экономической и политической истории / сост. С. В. Карпенко. М., 2013. С. 186–248.

Кладт А. П., Кондратьев В. А. Быль о «золотом эшелоне». М., 1962.

Клиницкий А. И. Социальные революции в российской истории. Кемерово, 2011.

Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти (1953–1985). М., 2006.

Колодникова Л. П. Советское общество 20-х годов XX века. По документам ВЧК–ОГПУ. М., 2009.

Коняев Н. М. Гибель красных моисеев. Начало террора. 1918 год. М., 2014.

Кудрявцев Н. В. Кадровые документы как исторический источник о деятельности ячеек РКП(б) при органах советской милиции Тюменской губернии (1919–1922 гг.) // Альманах современной науки и образования. 2014. № 8. С. 100–102.

Куренков А. В. Томская губернская организация РКП(б) в конце 1919 – июле 1920 г. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 375. С. 85–87.

Левин Г. И. На путях революции. Л., 1930.

Ленинские принципы партийной пропаганды : межвуз. сб. / сост. В. Я. Доброхотов. Горький, 1978.

Лепешинская О. Б. Путь в революцию. Воспоминания старой большевички. Пермь, 1963.

Литвин А. Л. Красный и белый террор в России 1918–1922 гг. М., 2004.

Лубянка. Обеспечение экономической безопасности государства : сб. ст. М., 2002.

Лютюв Л. Н. Российские реформы в историческом контексте // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв. : материалы Международ. науч. конф. 26–27 мая 2016 г. / под ред. Е. Б. Дудниковой, Е. И. Демидовой и др. Саратов: ИЦ «Амирит», 2016. С. 113–121.

Мазур Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 7–28.

Масловъ С. С. Россия послѣ четырех лѣтъ революціи. Париж, 1922.

Машкин Н. А. Проблемы и опыт правового регулирования хозяйственных товариществ в период НЭП (1921–1929 гг.). // Человеческий капитал. 2015. № 5 (77). С. 74–78.

Миловидова Н. В. Нэповская модель российской модернизации 1920-х годов: историографический аспект // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 6. С. 104–107.

Милонов Ю. К. Каждый выбирает дорогу сам. Рассказ ветерана революции. М., 1981.

Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.

Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. М., 2006. 648 с.

РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС–ЦК КПСС, 1898, 1903–1991).

Руководители организаций РКП(б)–ВКП(б)–КПСС и органов государственной власти Мурманской области (1920–1991) : справочник / сост. С. Г. Руденко. Мурманск, 2008.

Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М., 1990.

Санников В. А. Партийные контрольные органы как инструмент борьбы с оппозицией в Москве в 1920-е годы // Ист. и соц.-образ. мысль. 2016. Т. 8, № 3–1. С. 64–67.

Труфанов Е. В. К вопросу о единстве правящей партии – X съезд РКП(б) // Основные проблемы общественных наук : сб. науч. тр. по итогам науч.-практ. конф. (7 октября 2014 г.). Волгоград, 2014. С. 9–10.

Харина Ф. Н. Негативные явления в партийно-номенклатурной среде 1920-х годов: региональный аспект // Вектор науки ТГУ. 2014. № 4 (30). С. 210–213.

Шабалин В. В. «И вот тогда я стал троцкистом». К вопросу о формировании идентичности оппозиционера в 1920-е гг. // История в подробностях. 2016. № 1–2. С. 84–89.

Шаранов Г. В. Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции (1917–1920 гг.). М., 1961.

УДК 94(47).084.5/.084.6:351/354

Т. Г. Архипова

РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА 20–30-х гг. XX в. В СССР В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В статье рассмотрены история экономических, административных и социальных реформ и их влияние на организацию и деятельность советского государственного аппарата в центре и на местах в межвоенный период XX в., дана оценка процессу его реформирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное проектирование, межвоенный период, реформы и реорганизации, государственный аппарат, народные комиссариаты, Советы.

Как известно, сущностью социального проектирования является конструирование желаемых состояний будущего. Его объектом могут быть индивид и общество в целом, общественные и государственные инсти-

туты в целом и в отдельности и многое другое [Мазур, с. 7–28]. В данном случае речь пойдет о государственном устройстве и государственном аппарате постреволюционной России в межвоенный период, анализе мер по реализации плана построения социализма.

Руководство партии, пришедшей к власти в России в октябре 1917 г., ставило целью построение социализма, а затем и коммунизма на как можно большей территории земной цивилизации. Утрата с подписанием Брестского мира глобалистских иллюзий не остановила большевиков на пути реализации проекта построения социализма в одной отдельно взятой стране – России.

Дореволюционные «теоретические» построения лидеров партии в отношении организации и деятельности государственного аппарата новой России очень скоро были либо забыты, либо изменены до неузнаваемости.

Прежний государственный аппарат, как самодержавной России, так и Временного правительства, ко времени принятия первой советской Конституции в значительной степени был заменен новым. Действительно, в качестве представительных органов были закреплены оказавшиеся под рукой Советы, однако с органами исполнительной власти дела обстояли иначе. Правительство в основном дублировало структуру своего предшественника, советам на местах было рекомендовано использовать «все чиновничьи канцелярии и управления», превратив их в свой исполнительный орган «в общих делах» [Известия ВЦИК].

В системе властных институтов отсутствовал институт главы государства, что, по мнению теоретиков партии, должно было демонстрировать всему миру воплощение в жизнь принципа коллективной ответственности за все действия институтов власти. Преданный анафеме принцип разделения властей привел к концентрации всех властных полномочий – законодательство, управление, правосудие – в руках весьма узкого круга лиц из окружения главы правящей партии, которая просуществовала в единственном числе почти все годы советской власти.

Ленин был весьма посредственным стратегом, кажется, он и не предполагал сопротивления тех, кого новая власть лишила не столько власти, сколько собственности. Об этом свидетельствует поначалу отсутствие у Наркомата внутренних дел функций по борьбе с проявлением неповиновения новой власти. Какое-то время эти функции выполнял Петроградский военно-революционный комитет, но, во-первых, он был органом местного значения, во-вторых, задумывался в качестве беспартийного. Была

создана Всероссийская чрезвычайная комиссия. Это уже был совершенно другой орган, но название не предполагало долгого его существования. ВЧК была упразднена, как известно, в ходе судебной реформы.

Ко времени принятия все той же Конституции в правительстве появились органы, которые самая, казалось бы, социально ориентированная власть в эйфории от неожиданного обретения власти забыла создать – Наркомат социального обеспечения (поначалу он именовался Наркоматом призрения) и Наркомат здравоохранения. О создании последнего еще шли споры между сторонниками и противниками этого шага, а он уже был включен в перечень правительственных учреждений. Существовал к этому времени и Высший Совет народного хозяйства с довольно нечетко прописанными функциями – объединяющими, контролирующими, регулирующими и т. п. Лишь в 20-е гг. он стал позиционироваться как орган управления промышленностью.

В годы Гражданской войны правящей партии было не до реализации планов построения социализма, главными задачами стали сохранение целостности государства, удержание власти, недопущение полного краха экономики. Сохранения целостности государства удалось достичь за счет обещания создать на территории страны (в противовес прежнему унитарному государству) федерацию. Ее должен был отличать набор демократических либеральнейших принципов с добавлением права сепарации каждого из входящих в нее субъектов [История советской Конституции, с. 102–106]. Как известно, ни один из этих принципов впоследствии не был соблюден [Архипова, с. 9–23]. Для удержания власти в условиях начавшейся Гражданской войны правящей партии нужна была победа в ней. Война продолжалась не один год, но победа была достигнута.

В целях предотвращения краха экономики на вооружение были взяты методы, получившие название военного коммунизма. По причине отсутствия управленческого опыта у правящей верхушки и необходимости во что бы то ни стало сохранить доставшуюся власть, многое делалось путем проб и ошибок. Большинство реорганизаций носило спонтанный, непоследовательный характер. Сохраненная поначалу внутренняя структура правительственных учреждений в эти годы не была постоянной. В экономическом блоке с ростом числа объектов управления, связанным с началом политики национализации и усилением централизации, появились подразделения по управлению ими – аналитики стали называть этот процесс главкизмом. В социальном блоке в условиях Гражданской войны государство было вынуждено взять на себя заботу о больных

и раненых военнослужащих, начиналась эра партийно-государственного руководства всеми областями культуры, что вело к разрастанию аппарата управления. Очень скоро число служащих в Наркомпросе выросло в 15 раз [Луначарский, с. 184]. Значительные изменения произошли в так называемом административно-политическом блоке, в первую очередь в ВЧК и военном ведомстве, что характерно для чрезвычайных ситуаций. Но уже на этом этапе был взят курс на отстранение представительных органов от реальной власти, а деятельность органов исполнительной власти была подчинена партийному руководству.

Думается, большевики с удовольствием сохранили бы режим военного коммунизма и после окончания Гражданской войны, тем более, что им казалось, он позволит ускорить построение социализма. Сохранить все как было не позволили обстоятельства, выручили тактические способности В. И. Ленина. Он предложил НЭП. Советская Россия вошла в полосу реформ, которые впоследствии стали характерной особенностью деятельности партийно-государственного аппарата за все годы существования советской власти. Действительно, реформы следовали одна за другой, хотя за этим словом зачастую скрывались обычные реорганизации. В период между двумя войнами было несколько «волн» реформ, связанных с введением новой экономической политики, свертыванием ее, усилением централизации в управлении. Экономические и политические реформы влекли за собой реформы административные, выражавшиеся в изменениях в системе государственных органов.

Причины экономических, политических и административных реформ были и объективные, и субъективные. Объективные причины предопределили послевоенные реорганизации – надо было осуществить конверсию, восстановить лежащую в руинах экономику, наладить мирную жизнь, позднее, с распространением в Европе фашизма – обеспечить обороноспособность страны. К субъективным причинам частых реорганизаций следует отнести причины политического характера. Руководство страны в условиях существования административно-командной системы управления (ее контуры уже вполне просматривались в 1920-х гг.) вынуждено было искать баланс между политической и государственной властями. Препятствие этим поискам оно видело в усилении органов государственной власти. Отсюда частая смена иерархического уровня того или иного органа управления, сталкивание интересов ведомств. Известны случаи упразднения органов управления для выведения их руководителей из состава правительства. К числу субъективных причин можно отнести и любовь самого чиновничества ко всякого рода реорганизациям – они

в известной степени позволяют уходить от ответственности. Ведь с упразднением наркомата или иного ведомства и созданием нового, с другим названием и с некоторым изменением функций, ответственность за действия или бездействие предшественника как бы переставала существовать. То же самое происходило и при перераспределении функций между государственными органами. Следствием последнего стал параллелизм функций, нечеткость в профилизации конкретного государственного органа.

Децентрализация экономической составляющей государственной политики повлекла за собой ряд хозяйственных реформ, за которыми последовали реформы в системе органов управления. Ушел в прошлое главкизм. Был воссоздан, если не упраздненный, то почти парализованный в годы войны Наркомат финансов, создана система банков, активизировал свою деятельность Наркомат внешней торговли. Оживление экономической жизни потребовало наведения порядка в системе судов, создания прокуратуры, адвокатуры и нотариата. Процесс приспособления к новым реалиям был непоследовательным. Некоторые послабления в плане административного вмешательства в экономику сопровождались созданием органа директивного планирования – Госплана. Так впервые под угрозой оказался тезис о постепенном отмирании государства. Тогда это объяснялось трудностями восстановительного периода, позднее – постоянной внешней угрозой, впоследствии об этом тезисе предпочитали вообще не вспоминать, хотя он и был головной болью некоторых руководителей государства, например Н. С. Хрущева. Маятниковые движения власти на пути реализации проекта свидетельствовали не только об ее недостаточной подготовленности к проведению такого рода мероприятий, но и об утопичности самого проекта.

Окончание Гражданской войны потребовало осуществить конверсию, которая повлекла за собой военную реформу, внесшую существенные изменения в организацию и деятельность органов военного управления. Она же способствовала отстранению от руководства обороной страны ненавистного Сталину Троцкого.

Каждая из проводимых реформ имела либо автора, либо группу авторов, их разработка и реализация осуществлялись в обстановке споров и взаимных обвинений. Большинство имен участников этих событий надолго были вычеркнуты из истории, поскольку их носители впоследствии были репрессированы.

В целях идеологического подкрепления проводимых реформ к партийному агитационно-пропагандистскому аппарату был подключен Наркомпрос – в его структуре был создан Главполитпросвет. Чтобы как-то

успокоить А. В. Луначарского, встретившего это мероприятие весьма прохладно, во главе комитета была поставлена первая леди страны.

Причинами кратковременности новой экономической политики были не только недостаточные темпы (с точки зрения правящей партии) роста экономики страны, но и несовместимость ее с социальным проектом. Ее свертывание шло рука об руку с начавшимися репрессиями, усилением централизации управления. В государственном аппарате это выразилось в росте числа союзных органов, что было характерно не только для блока хозяйственных ведомств. Процесс этот затронул и Наркомат просвещения, когда он был освобожден от функций, не имеющих отношения к общеобразовательной школе.

Все последующие мероприятия как в экономике, социальной и правоохранительной сферах, так и в системе государственных институтов были направлены на усиление унитарных составляющих в государственном устройстве, укреплении, а не отмирании государственных институтов, усилении роли правящей партии во всех областях жизни общества.

Что же осталось от собственно проекта? Большинство исследователей считают, что Советы. Даже государство до сих пор именуется советским, что представляется не соответствующим сложившимся реалиям.

На первый взгляд, все отступления от социального проекта, казалось, не затрагивали Советы. Поначалу большевики использовали их для противопоставления органам местного самоуправления, в борьбе с лозунгами о созыве Учредительного собрания. В принятой на III Всероссийском съезде Советов «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» объявлялось, что власть в центре и на местах принадлежит Советам. Однако констатация этого факта вошла в противоречие с большевистской концепцией демократического централизма, поэтому чуть ли не сразу началось ограничение самостоятельности низовых звеньев системы – устанавливалась иерархическая подчиненность Советов, вводилось двойное подчинение структурных подразделений их исполнительных комитетов. Затем начался процесс постепенного усиления партийного руководства деятельностью этих органов. Не прошло и полугодия после заявления III Всероссийского Съезда Советов, как в циркулярном письме от 29 мая Центральный комитет большевистской партии объявил о том, что она стоит во главе советской власти и все декреты и «мероприятия Советской власти исходят от нашей партии» [Известия ЦК КПСС, с. 151]. Усилению влияния правящей партии способствовало закрепление в новом ее Уставе обязанности создания фракций в тех организациях и уч-

реждениях, где ее членом было не менее трех. Это положение было распространено и на Советы, тем более, что партия в начале 1920-х гг. подбор и расстановку кадров, в том числе и на избираемые должности, взяла в свои руки. Дело дошло до того, что сессии Совета любого уровня предшествовало решение соответствующего регионального партийного органа. Реалии новой экономической политики требовали расширения полномочий местных Советов, что правящая партия допустить не захотела, так как это грозило ей утратой влияния на них. На такое поведение властей граждане ответили уклонением от участия в выборах в массовом порядке. Этого партия допустить не могла, поэтому последовали манипуляции с категориями лишенцев. Вообще в 20-х гг. минувшего века для политики большевиков в отношении местных органов государственной власти были характерны противоречивость и непоследовательность. Чуть ли не ежегодно принимались акты об «оживлении» Советов, как бы подстегивающие их к активизации деятельности на пути построения социализма. С помощью этих актов власть по существу ретушировала агрессивное наступление на полномочия органов власти на местах [Мальшева, с. 408–414]. В конце концов это привело к утрате ими какой-либо самостоятельности, что впоследствии, при падении авторитета и гегемонии партии, полностью дезорганизовало их деятельность.

Высшим звеном советской системы в лице Съездов Советов, ВЦИК, а затем и ЦИК СССР партии овладеть было много легче. Левые эсеры, вышедшие из состава правительства, исключенные из ВЦИК, были заменены большевиками и им сочувствующими, постепенно избавились от них и всех инакомыслящих и в составе делегатов Съездов Советов. К тому же последние действовали на непостоянной основе, собирались редко, принимали далеко не самые важные акты.

До принятия Конституции СССР 1936 г. сохранялась такая система выборов, при которой более двух третей населения были существенным образом ущемлены в избирательных правах. Отмена категорий лишенцев не позволила сразу же провести выборы в Советы всех уровней, поскольку власть хотела избежать негативных для нее последствий этого шага. Репрессии 1937 г. – тому подтверждение. Так была похоронена идея самоуправления трудящихся, провозглашаемая большевиками незадолго до революции и первое время после нее.

Очередная советская Конституция закрепила уже сложившуюся политическую систему. Изменения коснулись замены Съезда Советов СССР Верховным Советом, закрепления за последним законодательных функ-

ций, некоторой демократизации избирательной системы – сохранение прежней становилось просто неприличным. Конституция закрепила замаскированный громкими словами номинальный характер Советов в системе органов власти. Она, нареченная сталинской, по существу оказалась антисталинской, поскольку повседневная практика политической жизни входила в противоречие с ней.

Таким образом, все мероприятия новой власти, направленные на реализацию проекта построения социализма, а затем коммунизма на территории бывшей Российской империи, разбились о его утопичность и нежелание правящей партии вовремя принять эту реальность. Наверное, следует согласиться с теми, кто считает, что он был в общих чертах завершен ко времени принятия Конституции СССР 1936 г., но советская форма государства была мистифицирована (последующие изменения сложившейся политической системы носили косметический характер). Советы были ширмой, за которой скрывалась руководящая и направляющая сила единственной и непрерывно правящей партии. Такое государство скорее следовало именовать не советским, а партийным.

Архипова Т. Г. Государственность современной России. М., 2003.

Известия ВЦИК. 1917. 15 ноября.

Известия ЦК КПСС. 1989. № 4.

История советской Конституции (в документах) 1917–1956. М., 1957.

Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968.

Мазур Л. Н. Раннесоветское общество как социальный проект: методологические подходы к изучению истории России в 1917–1936 гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2016. С. 7–28.

Мальшева Е. П. Формирование и функционирование партийно-советской политической системы // Представительная власть в России: История и современность / под общ. ред. Л. К. Слиски. М., 2004.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ВЛАСТИ В РАННЕСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИДЕИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ*

Доклад посвящен роли партии большевиков в рамках социального эксперимента по строительству нового общества в 1917–1936 гг. Не обладая официальным статусом органа управления, она постепенно трансформировалась из боевой организации периода военного коммунизма в направляющую усилия создания социализма структуру во время НЭПа, а затем фактически в правящую партию периода индустриализации и коллективизации. В ходе экспериментов и дискуссий было выработано несколько подходов к взаимодействию партийных органов с всевозможными предприятиями, организациями и учреждениями. Первый подход – прямое администрирование и мобилизационные кампании, востребованные как чрезвычайные меры в период борьбы за удержание контроля над обществом. Второй – контроль деятельности и подбор кадров. Он начал преобладать в более поздние периоды после окончания Гражданской войны, тем не менее не вытесняя полностью первый подход и продолжая сосуществовать с ним.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное конструирование, партия большевиков, боевая организация, правящая партия, руководство, мобилизация, контроль.

Партия большевиков играла значительную роль в эксперименте конструирования раннесоветского общества, поскольку она стремилась не только направлять усилия, но и управлять как отдельными предприятиями и организациями, так и обществом в целом. Руководящая роль партийных органов, хоть и декларировалась ими в собственных официальных документах¹, не была юридически закреплена в конституции РСФСР и позднее – СССР [Конституция, 1918; Конституция, 1924]. Партийные лидеры не предполагали для партии официального статуса в качестве основного атрибута [О партийном строительстве, 1924, с. 148]. Ее трансформации в течение рассматриваемого периода привели к тому,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

¹ Формулировка «правящей партии в Советском государстве». См.: Устав..., 1934, с. 134.

что партийные органы превращались в инструмент контроля за проведением масштабного социального эксперимента.

Хотя партийным организациям и отводилась главенствующая роль в советском обществе [см., напр.: Роль и задачи профсоюзов, с. 487], готовых управленческих рекомендаций ко времени прихода большевиков к власти не было выработано. В текущей деятельности им приходилось руководствоваться общими представлениями как о пролетарском государстве в целом, так и о партии в частности, как по отраженному в документах представлению самой партии. Методы взаимодействия партии как с органами власти и управления, так и с общественными организациями вырабатывались и корректировались в ходе непосредственной деятельности и внутрипартийных дискуссий. Они варьировались от общего контроля предпринимаемых мер и подбора кадров до прямого вмешательства в работу и даже подмены партийными органами советских учреждений и хозяйственных организаций.

В период военного коммунизма 1917–1921 гг. окружающей обстановкой было обусловлено преобладание мобилизаций и системы боевых приказов среди методов работы партийных органов. «Военно-командная форма пролетарской диктатуры» осознавалась как вынужденная необходимость [РКП (б). Съезд 8-й, с. 189–190] и распространялась не только на собственно партийные органы, но и на взаимодействующие с ними учреждения и организации. Во многом такая мера была вынужденной, поскольку в обстановке революции и Гражданской войны выстраивание административного аппарата зачастую уходило на второй план по сравнению с задачей удержания власти. Логично на данном этапе была концентрация полномочий в руках чрезвычайных органов и должностных лиц, которые как минимум разделяли коммунистические идеи.

Решения принимались в форме прямых распоряжений, подкрепленных авторитетом партийных деятелей, таким образом, партийные руководители фактически брали на себя часть функций советского органа или подменяли его собой. О сложившемся порядке управления свидетельствуют выступления на VIII съезде РКП(б) об «отсутствии общих директив» [РКП(б). Съезд 8-й, с. 28], необходимости партработников на местах брать «инициативу на свой страх и риск» [Там же, с. 26], решении вопросов от случая к случаю [Там же, с. 28].

Ярким примером подобного стихийного конструирования могут служить ревкомы и институт назначаемых в наиболее нестабильные, по мнению руководителей Советской России, регионы чрезвычайных комиссаров. Ревком в своей деятельности мог замещать собой партийные

и советские органы, однако все еще продолжал оставаться хоть и чрезвычайным, но коллегиальным органом. Чрезвычайные комиссары осуществляли свои полномочия в одиночку. К концу Гражданской войны эти чрезвычайные органы и уполномоченные лица постепенно были заменены советской системой, однако ситуация, когда партийные органы и отдельные должностные лица вмешивались в деятельность органов власти и управления, продолжала существовать и после завершения основных боевых действий.

Мобилизации принимали форму различных кампаний с активным участием коммунистов в них. В 1920 г. принято решение об обязательности для коммунистов подобных трудовых мобилизаций, с исключением из партии и занесением в черные списки уклоняющихся [По организационному вопросу, 1920, с. 262]. Этот подход к деятельности как к организации массовых мобилизаций сохранялся и в дальнейшем.

В период НЭПа выполнение партийными органами любого уровня функций государственного управления уже не рассматривалось как норма, им настоятельно рекомендовалось «не подменять собой соответствующих органов Советов» [О партийном строительстве, 1925, с. 359]. Прямое выполнение парторганизациями в сельской местности административной и хозяйственной работы (в особенности, финансово-налоговой) советских органов отмечалось как недопустимое явление и следствие слабости советского аппарата на местах [О работе РКП в деревне, с. 117]. Поскольку партия «ни в коей мере не может быть рассматриваема как учреждение или ведомство» [О партийном строительстве, 1924, с. 148], основное внимание уделялось проведению в жизнь требуемых решений законным путем через Советы. Партийные организации должны были направлять их, но не управлять ими напрямую. Однако полного отказа от мер прямого воздействия не предусматривалось, в частности официально признавалась необходимость организации партийных комитетов для быстрого перехода к ним [О военном коммунизме, с. 327].

Влияние коммунистов расширялось все более благодаря работе коммунистических фракций в Советах и профсоюзах за счет тщательного воспитания сплоченности ее членов и обязанности поддерживать «линию партии» в деятельности органов организаций. Работе фракций во внепартийных учреждениях посвящены специальные резолюции всероссийских и всесоюзных съездов партии большевиков, а также специальный раздел практически в каждой из четырех редакций устава партии в период 1917–1936 гг. [Устав, 1919; Устав, 1922; Устав, 1925; Устав, 1934].

Фракции (после 1934 г. – партийные группы [Устав, 1934, с. 144]) должны были проводить партийные решения через органы, в которых работали их члены. Связанные с работой партийной фракции вопросы, в случае необходимости, решались через соответствующий партком за подписью его секретаря и члена бюро фракции. По решенным партией вопросам члены фракции в процессе работы советского или хозяйственного органа должны были голосовать единогласно.

Фракции образовывались во всех учреждениях и организациях, где работало три и более коммуниста, и Советы не были исключением. Первостепенное внимание уделялось данному виду работы в Советах всех уровней, прежде всего губернского, но фракции создавались и в Советах более низкого уровня для лучшего влияния на их деятельность. О взаимодействии с Советами говорилось еще в рамках резолюции VIII съезда, что «свои решения партия должна проводить через советские органы в рамках советской конституции. Партия стремится руководить деятельностью Советов, но не заменять их» [По организационному вопросу, 1919, с. 108]. Основной механизм воздействия партийных органов на подведомственные им предприятия, учреждения и организации – проверка деятельности на соответствие важнейшим партийным решениям, подбор кадров на руководящие должности, в первую очередь с помощью фракционной работы.

Деятельностью Советов губернского (краевого, областного) уровня, а также уровня национальной республики руководит губком (крайком, обком, ЦК республики), а деятельностью низовых советов – уездных и волостных (окружных) – уком (окружком) [Устав, 1919, с. 205–206; Устав, 1922, с. 576–577; Устав, 1925, с. 477–479; Устав, 1934, с. 140–142]. Тем не менее рекомендации включать в руководящие структуры советских органов представителей (секретарь и бюро) парткомов, а в состав бюро парткома – руководителя исполкома [О партийном строительстве, 1925, с. 359] могли создавать возможности для смешения деятельности партийных и советских учреждений, кроме того, использовалось совмещение должностей из-за недостатка работников.

Фракции большевиков стали образовывать и в других организациях, прежде всего в профсоюзных объединениях. Согласно решению IX съезда, в каждом профсоюзе должна существовать дисциплинированная организованная фракция коммунистов [О профсоюзах и Коммунистической партии, с. 255], но при этом профсоюзы должны были оставаться формально непартийными [Роль и задачи профсоюзов, с. 486]. Парторганизация соответствующего уровня должна направлять деятельность хозяй-

ственных органов и подбирать и обновлять руководящий состав для них (в том числе из беспартийных кандидатов) [Об укреплении и новых задачах партии, с. 508].

Несмотря на обилие общих указаний [см., напр.: Об укреплении и новых задачах партии, с. 509], остаются возможности для различного их истолкования. Тем не менее «мелочное вмешательство в повседневную работу» советских и хозяйственных органов (не в последнюю очередь, профсоюзов) было официально объявлено одним из «уклонов, которые особо недопустимы» [О работе профсоюзов, с. 459]. Этот факт косвенно свидетельствует о сохранении практики непосредственного вмешательства партийных работников в работу данных органов.

В 1930-е гг. партийный и государственный аппараты были практически сформированы, причем с тяготением к централизации в рамках концепции «демократического централизма». Четко не сформированная изначально, она была конкретизирована после внутрипартийных дискуссий 1920-х гг. и окончательно закреплена как принцип партийного строительства в Уставе партии сравнительно поздно – в 1934 г. [Устав, 1934, с. 137]. В это время окончательно происходит переориентация на руководящую модель партийной организации. Официально у партийных комитетов не было юридического статуса, который позволял бы принимать значимые решения на уровне ответственности советских органов соответствующего уровня, однако налицо стремление оказывать влияние на их решения с помощью партийной дисциплины и ответственности входящих в их состав коммунистов. Со временем все больше стали привлекать беспартийных активистов к деятельности партийных органов, даже появились специальные группы сочувствующих под руководством первичных организаций. Устав 1934 г. предписывал, что группа сочувствующих «безоговорочно подчиняется всем решениям партийных органов» [Устав, 1934, с. 136], хотя в нее входили только беспартийные. К отбору членов группы сочувствующих предъявлялись примерно такие же требования, как к приему в партию в первые годы существования Советской власти [Ср.: Устав, 1919, с. 201; Устав, 1934, с. 137].

Во время изменения партийного курса на упорчение контроля над обществом повышенное внимание уделялось низовым парторганизациям (ячейкам) и их взаимодействию с предприятиями и учреждениями, в частности в официальных партийных документах регламентированы цели и способы деятельности ячеек, введены собрания организаторов ячеек и участков для лучшей координации работы. В 1930-е гг. для усиления партийного контроля, организационной работой через институт

парторгов были охвачены не только малочисленные ячейки и кандидатско-комсомольские группы как на производстве, так и в сельской местности, но и группы сочувствующих, которые не были формально связаны с выполнением партийных задач, но должны были формироваться местными парторганами и подчиняться им же.

Партия большевиков в раннесоветском обществе, несмотря на отсутствие закрепленного в нормативных актах юридического статуса, играла важную роль контролирующей силы для эксперимента по конструированию социальной реальности. Поскольку ко времени прихода большевиков к власти не было предложено готовых рекомендаций, механизмы руководства и контроля вырабатывались в соответствии с текущими задачами каждого конкретного этапа строительства раннесоветского общества. В период военного коммунизма, согласно задаче удержания власти и победы в Гражданской войне, преобладала система боевых приказов и проведение мобилизационных кампаний различной направленности с прямым вмешательством чрезвычайных должностных лиц и органов в деятельность предприятий, учреждений и организаций. В периоды НЭПа и индустриализации данные методы фактически сохранялись, но были признаны нежелательными, в некоторых случаях – недопустимыми.

В 1920-е гг. партия из боевой организации преобразовывалась в направляющую с постепенной выработкой модели взаимодействия, при которой возможно руководить деятельностью подведомственных предприятий и организаций без прямого администрирования и подмены ее собственными действиями. В идеале взаимодействие с советскими и хозяйственными органами должно было заключаться во фракционной работе, направлении деятельности в коммунистическое русло и продвижении согласованных с вышестоящими партийными органами кандидатов. В период индустриализации и коллективизации партия большевиков все больше становилась правящей с повышенным вниманием к направлению в нужное русло деятельности управленческих и хозяйственных органов, а также общественных организаций, без непосредственного администрирования. Тем не менее мобилизационные кампании продолжали использоваться как инструмент воздействия на социальную реальность в сочетании с уже выработанной моделью общего контроля деятельности и подбора кадров.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации [Электрон-

ный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 25.06.2017).

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена II Съездом Советов Союза ССР от 31 января 1924 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1924/red_1924/5508665/ (дата обращения: 25.06.2017).

О военном коммунизме. Резолюция X съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 324–327.

О партийном строительстве. Резолюция XIII конференции РКП(б) [1924] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 145–152.

О партийном строительстве. Резолюция XIV конференции РКП(б) [1925] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 353–368.

О профсоюзах и Коммунистической партии. Резолюция IX съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 255–256.

О работе профсоюзов. Резолюция XIV съезда ВКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 444–461.

О работе РКП в деревне. Резолюция XII съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 116–125.

Об укреплении и новых задачах партии. Резолюция XI съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 500–509.

По организационному вопросу. Резолюция VIII съезда РКП(б) [1919] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 103–108.

По организационному вопросу. Резолюция IX съезда РКП(б) [1920] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 261–267.

РКП(б). Съезд, 8-й. Москва, 1919. Протоколы. М., 1959.

Роль и задачи профсоюзов в условиях новой экономической политики. Резолюция XI съезда РКП(б) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 486–487.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1919] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 201–209.

Устав Российской коммунистической партии (большевиков) [1922] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 2, 1917–1922. М., 1983. С. 573–583.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1925] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 3, 1923–1925. М., 1983. С. 474–489.

Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) [1934] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 6, 1933–1936. М., 1983. С. 133–145.

УДК 94(470.54-25).084.3

Д. Д. Ирвин

РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И ИСТОКИ СОВЕТСКОГО КОММУНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ, 1917–1922 гг. (на примере Екатеринбурга)

В этом докладе рассматриваются истоки и ранние годы советского коллективного управления с особым упором на муниципализацию, частную собственность и местную администрацию. Не стремясь преуменьшить революционный характер этих событий, я подчеркиваю преемственность в управлении государственным и частным имуществом с предыдущими правительствами. Наконец, утверждается, что «революционные» преобразования, последовавшие за новой экономической политикой в 1921 году, мало что радикально изменили с точки зрения городской и коммунальной администрации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция, Гражданская война, местное самоуправление, Белое движение, реквизиция, муниципализация, коммунальное управление, Советская власть, РСФСР, НЭП.

В июле 1919 года, когда жестокая и разрушительная Гражданская война в России длилась уже более года, в Екатеринбурге была установлена советская власть. Как и во всех городах бывшей Российской империи, Екатеринбург подвергся резким социальным, политическим и экономи-

ческим преобразованиям, поскольку большевики создавали первое в мире «социалистическое государство». Одним из первых важных шагов, предпринятых в этом процессе, было становление управления «коммунальной» системой, материальную базу которой государство присвоило, захватив частные дома, промышленность, землю и природные ресурсы. В Екатеринбурге, как и во всех крупных городах страны, этот процесс осуществлялся Отделом коммунального хозяйства (Комхоз). В статье рассматриваются истоки и ранние годы советского коллективного управления с особым упором на муниципализацию, частную собственность и местную администрацию. Не стремясь преуменьшить революционный характер этих событий, подчеркивается преемственность в управлении государственным и частным имуществом с предыдущими правительствами. Наконец, утверждается, что «революционные» преобразования, последовавшие за новой экономической политикой в 1921 году, мало что радикально изменили с точки зрения городской и коммунальной администрации.

В общем, наиболее распространенные функции «коммунального управления» были связаны с очисткой улиц, канализацией, водой и теплом. Однако после Гражданской войны Комхозу передали не только управленческие функции, которые выполнялись муниципальной администрацией, включая общественные работы (благоустройство), строительство, управление улицами и мостами, ремонт, надзор за общественными местами и парками и многое другое. Конечно, это были огромные обязанности для любого отдельного управленческого учреждения. Все это отражает большевистскую склонность к административной централизации. Тем не менее Комхоз не представлял собой явный разрыв с предыдущими административными структурами, и, для того чтобы понять деятельность Екатеринбургского Комхоза, необходимо начать с изучения структуры дореволюционной городской администрации, в частности городской думы.

Накануне Первой мировой войны Екатеринбургская городская дума и ее исполнительный орган, управа, более или менее отвечали за все муниципальное управление и общественные дела в городе (военная администрация гарнизона также сыграла значительную роль, но о ней пойдет речь далее). Как дума, так и управа имели в своем составе сеть подкомитетов с определенными обязанностями, большинство из которых были созданы в начале XX в., в том числе комиссия по благоустройству города (1909), строительная комиссия, хозяйственно-техническая комиссия и другие [ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Пред., с. 6]. Первая мировая война привнесла невероятные нагрузки на городскую администрацию в условиях отсут-

ствия средств из центра, увеличения финансовых обязанностей (не в последнюю очередь для поддержки гарнизона) и падения налоговых поступлений. В течение этого периода дума начисляла значительные суммы долга как государственным, так и частным финансистам; к маю 1917 года городская администрация имела задолженность более чем на 2,2 млн рублей, при этом ежегодные процентные платежи превышали 170 000 рублей [ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 620. Л. 357]. Большевики, а затем антибольшевистские учреждения унаследовали эти долги в городах, которые значительно затрудняли их способность осуществлять важные общественные текущие проекты.

Историки, особенно на Западе, часто указывали на большевистскую «национализацию» частной собственности как символ радикального идеологического плана большевизма в рамках социально-экономических преобразований. Однако акцент на антикапиталистической и революционной идеологии скрывает историческую преемственность, которая проявилась в практике большевиков до и после Гражданской войны. Во-первых, в Екатеринбурге и его окрестностях были «национализированы» только крупные заводы, в то время как большинство других учреждений и жилых зданий были «муниципализированы» местными властями. Несмотря на значительное увеличение конфискаций большевиками муниципальной частной собственности – дома и магазины – данный процесс не всегда осуществлялся с идеологической целью. Так, например, на заседании бюджетно-финансовой комиссии городской думы в январе 1918 года городской голова С. Е. Чуцкаев рассказал о тяжелом финансовом положении в городе и растущих расходах на содержание милиции и других важных общественных услуг. Он заключил: «По мнению Гор. Головы могли бы помочь городу в данном случае муниципализация домов, в связи с тем, что он может получить в свою пользу квартирную плату» [ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 624. Л. 34].

Муниципализация, изъятие и управление частной собственностью со стороны государства продолжались во время Гражданской войны, в период «белого» правления города, которое продолжалось с июля 1918 года по июль 1919 года. Депутаты городской думы, входившие в ее состав с последних выборов в ноябре 1917 года, впервые встретились на заседании 29 июля 1918 года и начали процесс «десоветизации». На практике это действительно означало воссоздание комитетов думы и управ и отмену системы комиссариата. В случае с Хозяйственно-технической комиссией она заключалась в замене слова «комиссариат» на «комиссию», поскольку

большинство основных функций и персонал существенно не изменились [ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 1. Л. 30].

Хотя большая часть трудов в западной историографии в описании Белого движения подчеркивает приверженность его сторонников к частной собственности, денационализации основных отраслей промышленности и возвращение захваченных земель, условия войны и «государственное строительство» привели к тому, что «белые» использовали аналогичные методы для контроля над недвижимостью в Екатеринбурге и всем муниципальным делом. В условиях антибольшевистских режимов, имущество и частные предприятия были конфискованы и реквизированы прежде всего военными в рамках процесса, начавшегося во время Первой мировой войны. Как и в случае с большевиками, осуществление государственного контроля над объектами не носило идеологического характера, а было обусловлено прежде всего ответом на военные нужды, которые оказали огромное давление на местные власти, которые по-прежнему недофинансировались и почти не поддерживались центральным правительством.

Екатеринбург являлся гарнизонным городом и тыловым районом для воинских частей, направлявшихся на фронт из Сибири и Дальнего Востока, поэтому с 1914 года в городе располагались десятки тысяч солдат. В 1916 году количество солдат, расквартированных в городе, колебалось от 20 до 30 тысяч [ГАСО. Ф. 387. Оп. 1. Д. 10. Л. 163], а в 1917 году это число достигло 45 000 человек, в то время как гражданское население города составляло около 71 000 человек [ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 4. Л. 115]. Помимо того, что эта ситуация способствовала распространению инфекционных заболеваний, таких как тиф, а также повышению уровня преступности и пьянства, расквартирование солдат оказалось почти невозможной задачей как для гражданских, так и для военных властей. В то время как офицеры обычно расквартировывались в комнатах частных домов и квартир (у домовладельцев не было выбора в этом вопросе), солдаты размещались везде, где можно было найти место. Обычно это были самые большие здания в городе, в частности школы. Образовательные учреждения оказались особенно востребованы военными властями из-за их размера, и они были реквизированы как для размещения солдат, так и для многочисленных военных бюрократических учреждений. Это фактически привело к тому, что образовательная жизнь в городе почти остановилась, поскольку гражданские власти отчаянно пытались найти альтернативные помещения для школ, а также финансирование для оплаты учителей, но не добились успеха.

Подобная динамика и напряженность между гражданской и военной властями продолжались весь период революции и Гражданской войны. Согласно отчету городской управы, с августа 1918 года, сразу после того как город был захвачен «белыми», военные оккупировали более 300 помещений в Екатеринбурге [ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 4. Л. 116]. Насущное стремление военных занять здания и помещения в городе не ограничивалось школами и другими учебными заведениями, и на протяжении всей Гражданской войны они усиливали контроль над частными и общественными зданиями и учреждениями. В одном отчете комитета, якобы посвященного борьбе с распространением инфекционных заболеваний, квартирмейстер гарнизона предложил закрыть все рестораны в городе и «приспособить их помещения под воинский постой». Вместо закрытых ресторанов также предлагалось открыть «питательные пункты» [РГВА. Ф. 39797. Оп. 1. Д. 5. Л. 229]. Такой подход сильно напоминал «советскую» систему управления и распределения продуктов питания.

В дополнение к захвату государственных и частных учреждений военными властями городское самоуправление было вынуждено платить за содержание, уборку и ремонт этих зданий практически самостоятельно, без помощи военных. Например, стоимость базовой уборки и поддержания санитарных норм этих военных зданий за семь месяцев в 1918 году составила более 330 000 рублей [ГАСО. Ф. Р-1196. Оп. 1. Д. 4. Л. 116]. Теоретически военные должны были выделять четверть средств на оплату «аренды» комнат солдатами, но фактически ничего не платили, создавая бюджетный дефицит, при котором невозможно было управлять городом. При этом городские власти, в частности городская управа, работали в тандеме с военными и были соучастниками захвата и присвоения общественных зданий для военных нужд. Так, например, военные власти стремились контролировать и реквизировать имущество недавно открытого Уральского горного института, жемчужины образовательной системы города, но столкнулись с жесткой оппозицией со стороны городской думы, которая хотела оставить его открытым для студентов. Тем не менее управа тайно организовала сделку с военными, чтобы передать институт под их эгиду, что привело к увольнению директора института, а также к потере 100 000 рублей итальянской компании, которая занималась постройкой здания. Этот инцидент вызвал крупный скандал на местной политической арене, но дума в конечном счете не смогла уличить военные власти и их «союзника» – управу [ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1995. Л. 106].

После того, как 13 июля 1919 года «красные» захватили Екатеринбург, начался короткий период административного хаоса, так как победители

стремились установить порядок в городе и воссоздать учреждения советской власти. Военно-революционный комитет был основным политическим и административным учреждением в Екатеринбурге до сентября 1919 года, то есть до организации уездного и городского исполкомов. Однако планы организации учреждений муниципального управления появились гораздо раньше. 9 августа 1919 года структура организации была определена специальным комитетом. Опять же с незначительными отличиями (включая передачу строительства новых зданий в Отдел государственных сооружений), устройство нового Отдела коммунального хозяйства отражало административную структуру своих предшественников, Хозяйственно-технического комиссариата и городской управы. Его функции заключались в контроле над всеми техническими и строительными материалами, пожарным департаментом, «ассенизационным обозом», уборкой улиц, городскими банями, обслуживанием мостов и улиц, муниципальными мастерскими, скотобойнями, прачечными и другими учреждениями. В то же время концентрация стольких разнообразных аспектов деятельности в руках муниципальной администрации (на первом заседании ответственных работников было отмечено, что отдел «охватывает многие отрасли хозяйственно-экономической жизни города и уезда»), не означало радикального отхода от прошлого, поскольку почти все данные функции были ранее в той или иной форме под государственным управлением [ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 294. Л. 2–4].

В первые дни Комхоз в основном создал организационные комиссии, провел разграничение обязанностей и передал часть собственности под юрисдикцию других вновь созданных отделов местной советской администрации. Эта задача была значительно сложнее из-за неорганизованного и конкурентного характера административной системы, в которой участвовали соперничавшие различные учреждения, с определенными ресурсами и персоналом. Командование частей Красной армии поддерживало в городе гарнизон и продолжало давнюю традицию реквизиции зданий в военных целях. Это ставило обе организации в ситуацию постоянного конфликта с точки зрения управления ресурсами города, особенно распоряжения квартирами и жилыми помещениями. Так, в 1920 году один из членов Екатеринбургского городского совета объявил: «Военные власти, вмешивающиеся в решение жилищных вопросов, не имеют на это ни морального, ни юридического права» [ГАСО. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 66. Л. 8]. Более того, в 1921 году глава Комхоза отметил: «Но самым большим и уязвимым местом во всем жилищно-квартирном вопросе является расквартирование воинских частей» [ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 43. Л. 98].

Другие конфликты между учреждениями были потенциально более опасными. Например, отдел получил запрос от пожарных служащих в отношении ареста районного брандмейстера губчека, что создало большие сложности в организации пожарной службы [ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 294. Л. 10]. Острые столкновения между гражданскими и военными властями и службами безопасности, которые возникли во время Первой мировой войны и продолжались на протяжении всей революции и Гражданской войны, не прекратились или серьезно не изменили своей динамики в первые «трансформационные» годы советской власти.

Это не означает, однако, что за это время не наблюдалось «социалистических» преобразований или по крайней мере попыток их проведения. Некоторые из более радикальных шагов, которые были осуществлены, включали массовое использование принудительного труда для санитарного дела и строительства (хотя предыдущие режимы использовали аналогичные подходы только для военнослужащих); массовая конфискация мебели, которая была депонирована на складах под наблюдением Комхоза (в основном для распространения среди советских учреждений); сосредоточение внимания на предоставлении ресурсов и электроэнергии рабочим, а также более суровые наказания за несоблюдение правительственных распоряжений. Отдел даже обсуждал планы радикального переселения городского населения, то есть перемещения «нерабочих» элементов на окраины и привлечения рабочих в центр города; однако нет никаких доказательств того, что такое масштабное переселение когда-либо осуществилось [ГАСО. Ф. Р-2601. Оп. 1. Д. 294. Л. 6].

Однако основная задача отдела заключалась в решении «жилищного вопроса» и обеспечении адекватным жильем населения города, что было вызвано кризисом, длившимся с начала войны. Отдел во главе с А. Н. Жилинским, который стал руководителем в 1920 году, подвергся сильной внутренней и публичной критике за проводимую им жилищную политику. Очевидно, что практическое управление жилыми помещениями (дома с более чем четырьмя квартирами) осуществлялось домовыми комитетами, которые были сформированы в октябре 1919 года и отвечали за содержание, ремонт, санитарные условия и взаимодействие с местным самоуправлением [ГАСО. Ф. Р53. Оп. 1. Д. 64. Л. 20], а Комхоз контролировал распределение жилых помещений. Однако эти домовые комитеты практически не функционировали и постоянно реформировались и реорганизовывались. В результате проведенного в 1920 году расследования городского совета было отмечено, что такие комитеты практически не осуществляли государственной политики и их деятельность была «совершенно

не справедливой» [ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 43. Л. 97–98]. Таким образом, обвинение пало на Комхоз за отсутствие эффективной жилищной политики, и Жилинский вынужден был защищать себя и даже свою квартиру не только от критики членов партии и тех, кто находился в советской администрации, но также от атак газет и публичных жалоб [ЦДООСО. Ф. 225. Оп. 1. Д. 278. Л. 84]. Даже общественные кампании по очистке жилых помещений, так называемые «недели оздоровления жилищ», не смогли улучшить ситуацию и репутацию Комхоза.

Жилье не было единственным сектором, в котором «новое» советское городское коммунальное управление не достигло своих целей. Благоустройство, санитарные условия, ремонт и содержание зданий резко ухудшились в первые годы советской власти, несмотря на то, что эти сектора уже были опустошены Гражданской войной. В докладе городского совета от февраля 1920 года отмечалось, что «Екатеринбург в смысле благоустройства занимает одно из последних мест, по отношению к другим городам» [ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 43. Л. 53]. Несмотря на необходимость радикальных улучшений в инфраструктуре города, особенно в системах канализации и водоснабжения (город страдал от эпидемий тифа с момента революции до начала 1920-х годов в основном из-за плохих санитарных условий), местные власти не смогли найти время для проведения значимых «преобразований» городской среды. Комхоз получил очень негативные отзывы со стороны городского совета из-за того, что в феврале 1920 года в городе действовала только одна баня, и она была ненадолго закрыта для ремонта [ГАСО. Ф. Р-62. Оп. 1. Д. 43. Л. 53]. Строительство городской канализационной системы в городе не начиналось вплоть до 1927 года (когда Екатеринбург уже назывался Свердловском) и не было завершено до начала 1930-х годов [Орлов, с. 65].

В 1922 году Жилинский призывал к полной реорганизации отдела и массовому увеличению необходимого финансирования, однако мало что изменилось коренным образом. На пленарном заседании городского Совета в феврале 1922 года Жилинский отметил, что в городе было 1 600 домов, принадлежавших людям, бежавшим с «белыми», и поэтому такие покинутые здания находились в состоянии бесхозяйственности и запустения. Инфраструктура и система общественных работ Екатеринбурга были разрушены Гражданской войной, но был достигнут небольшой прогресс в приведении состояния города к довоенному уровню. Помимо дополнительного финансирования и реорганизации, план, предложенный Жилинским, был ничем иным, как отказом от многих основополагающих

принципов советского проекта коммунального управления городскими ресурсами и имуществом. Разумеется, эти новые установки были получены из центра и отразили общий сдвиг страны в сторону новой экономической политики, а также сыграла свою роль местная специфика. Новый план заключался в переносе ответственности по уходу и содержанию имущества и недвижимости от Комхоза к учреждениям или комитетам по жилищному строительству, отвечающим за здания, за арендную плату, за новые инициативы и наложения суровых «репрессий» на арендаторов, которые не следили за жилыми помещениями. Отдел по-прежнему контролировал все элементы благоустройства и общественных работ, но эта работа в значительной степени была неэффективной из-за структуры местного и регионального управления, поскольку Отдел был подчинен уездным и губернским учреждениям [ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 269. Л. 64].

Итак, чтобы понять социальные, политические и экономические «преобразования», предпринятые большевиками, необходимо изучить эволюцию государственной политики во время Первой мировой войны. В то время как большевики предлагали революционную программу по преобразованию бывшей Российской империи на основе социалистической утопии, на практике они просто продолжали или усиливали существующую политику, разработанную предыдущими правительствами. Сосредоточив внимание на местном уровне, и в частности, на муниципальном управлении в таком городе, как Екатеринбург, где наблюдалась быстрая и хаотичная смена режимов, эти практики и преобразования становятся более заметными и значительными для понимания того, как была построена и функционировала государственная власть. Более того, даже некоторые из более радикальных политических установок большевиков никогда не были реализованы из-за административного хаоса и бесхозяйственности, нехватки ресурсов, финансов и разрухи, вызванных годами войны и революции. С этой точки зрения, ранние годы советской власти кажутся в гораздо меньшей степени «революционными» и «преобразующими», чем хаотичными и неэффективными, так как новое правительство отчаянно искало новые более действенные модели политического, экономического и социального развития.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 8 (Екатеринбургская Городская Дума); Ф. 62 (Екатеринбургская Городская Управа, 1870–1918 гг.); Ф. 387 (Екатеринбургский Распорядительный Комитет, 1915–1917 гг.); Ф. Р-53 (Екатеринбургский Губернский и Уездно-Городской Отдел Коммунального Хозяй-

ства, 1919–1923 гг.); Ф. Р-62 (Екатеринбургский Уездный Исполком, 1919–1923); Ф. Р-511 (Отдел Управления Губернией Исполкома Екатеринбургского Губернского Совета, 1919–1923 гг.); Ф. Р-1196 (Екатеринбургская Городская Управа, 1918–1919 гг.); Ф. Р-2601 (Коллекция документов по истории рабочего и революционного движения и установления Советской власти на Урале, 1881–1927 гг.).

Орлов И. Б. Коммунальная страна: становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917–1941). М., 2015.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39797 (Начальник штаба гарнизона г. Екатеринбург («Российское правительство»), 1918–1919 гг.).

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 225 (Екатеринбургский Уездный Комитет РКП(б), 1919–1923 гг.).

УДК 94(47).084:351.83

М. Г. Меерович

«КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЖИВЕТ...» – СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ПРИНУЖДЕНИЯ К ТРУДУ (ТРУДОВЫЕ КНИЖКИ, ПАСПОРТА, ПРОПИСКА)

Рассматриваются причины введения в послереволюционной России трудовых и рабочих книжек, удостоверений личности, паспортов и иных документов, как средств учета трудовых ресурсов и принуждения их к отбытию обязательной трудовой повинности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: паспорт, прописка, трудовая книжка, рабочая книжка, мобилизационная экономика, контроль над населением, принуждение к труду.

Советская власть в течение всего срока своего существования отработывала, доводя до организационно и процедурно завершеного вида приемы и способы контроля над населением, и в частности удержания вольных трудовых ресурсов подле мест приложения труда. Одной из таких форм являлись паспорта, трудовые книжки, введенные декретами СНК от 5 октября 1818 г., а также декретом от 25 июня 1919 г. и т. д. [СУ РСФСР. 1919. № 28, ст. 315] и прочие документы, удостоверявшие личность и привязывавшие людей к месту работы и неразрывно связанному с ним месту проживания.

История появления трудовых книжек и паспортов такова: в 1918 г., большевики, провозглашают всеобщую и обязательную трудовую повинность, необходимость введения которой обосновал В. И. Ленин в напи-

санной в конце сентября – 1 (14) октября 1917 г. статье «Удержат ли большевики государственную власть?» [Ленин, с. 20]. Всеобщая трудовая повинность вводится Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой III Всероссийским съездом Советов 12 января 1918 г. [О правах..., 1918, с. 30]. Инструкция «О проведении трудовой повинности», подробно разъясняющая порядок и характер ее осуществления, была принята 11 декабря 1918 г. [СУ РСФСР. 1918. № 90, ст. 919].

Стремясь проконтролировать тех, кто не желает трудиться, власть вводит так называемое «временное трудовое свидетельство для буржуазии», официально именуемое весьма парадоксально – «трудовая книжка для нетрудящихся» [СУ РСФСР. 1918. № 73, ст. 792]. В. И. Ленин в своей работе «Удержат ли большевики государственную власть?», теоретически обосновывающей необходимость введения всеобщей трудовой повинности для богатых, называл «трудовую книжку для нетрудящихся» несколько иначе – «рабочей книжкой»: «Рабочая книжка есть у каждого рабочего <...> Советы введут рабочую книжку для богатых, а затем с постепенностью и для всего населения... Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определенный срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще» [Ленин, с. 20].

Отбыванию трудовой повинности, согласно Инструкции Народного Комиссариата Труда, появившейся в конце 1918 г., в обязательном порядке подлежали: «а) лица, живущие на нетрудовой доход, б) не имеющие определенных занятий, в) не зарегистрированные на Бирже Труда» [СУ РСФСР. 1918. № 90, ст. 919, с. 1137]. «Трудовая книжка для нетрудящихся» является полной заменой паспорта или любого иного удостоверения личности. Она и выдается взамен их, лицам, «живущим на нетрудовой доход», к которым причисляется довольно широкий круг лиц: частные торговцы; биржевые маклеры; торговые и коммерческие посредники; лица свободных профессий; использующие наемный труд; члены советов и правлений; директора акционерных обществ и товариществ; офицеры; воспитанники юнкерских училищ и кадетских корпусов; бывшие присяжные поверенные и их помощники и проч. [Там же. № 73, ст. 792]. В трудовые книжки не реже одного раза в месяц вносится отметка о выполнении их владельцами возложенных на них общественных работ и трудовых повинностей. Только в случае наличия такой пометки

трудовая книжка считается действительной. И только при наличии действительной трудовой книжки нетрудящиеся элементы имеют возможность «получать продовольственные карточки» и «передвигаться (переезжать), как по территории Советской Республики, так и в пределах каждого отдельного поселения» [Там же, ст. 792].

В трудовых книжках лиц, отбывающих трудовую повинность, делаются подробные отметки об исполняемой работе – вид работы, продолжительность, условия оплаты, заметки особой комиссии о качестве исполнения работ и т. д.

Структура и содержание трудовой книжки образца 1918 г. (за исключением нескольких первых пунктов) близки к структуре и содержанию будущего удостоверения личности образца 1927 г.: а) род занятий до революции; б) звание до революции; в) имущественное положение; г) возраст или время рождения; д) место рождения; е) место постоянного жительства; ж) семейное положение; з) лица, внесенные в трудовое свидетельство; и) прописка; к) отношение к отбыванию красноармейской повинности; к) на основании каких документов выдано трудовое свидетельство; л) кем выдано; и далее отметки о выполнении трудовых повинностей.

Введением трудовых книжек власть целенаправленно и жестко принуждает население к труду. Сбой в регулярном исполнении трудовых повинностей (и, как следствие, отсутствие ежемесячной отметки в трудовой книжке) приводит «нетрудящееся лицо» в полностью бесправное и безысходное положение – утрате возможности даже выйти из дома, не говоря уж о возможности получать продовольственные карточки.

В 1919 г. наличие трудовых книжек в Москве и Петрограде становится обязательным для всех лиц, достигших 16-летнего возраста [СУ РСФСР. 1919. № 28, ст. 315]. Постановление вновь подтверждает, что трудовые книжки являются документом, отражающим характер «участия их владельца в производственной деятельности» и служат «удостоверением личности в пределах РСФСР», а также документом на право получения продовольственных карточек, права на социальное обеспечение в случаях утраты трудоспособности и при безработице. Еще раз фиксируется, что трудовые книжки заменяют паспорта и иные удостоверения личности – они выдаются взамен паспорта, который при выдаче книжки отбирается. Военнослужащие обязываются иметь трудовые книжки наряду со всеми. И важный момент – в трудовых книжках делается отметка о месте жительства.

В тезисах ЦК РКП «О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд», разработанных Л. Д. Троцким в конце

декабря 1919 г., в связи с разработкой и последующей реализацией им идеи формирования трудовых армий [Меерович. «Награжденные трудом», с. 118–119; Меерович. На работу по приказу, с. 114–118], подобные «трудовые книжки» названы основным средством учета характера трудовой занятости в рамках милитаризированной экономики. Любопытно, что трудовая повинность становится обязательной для всех, даже для иностранцев. В Постановлении Главкомтруда и Наркомтруда, принятом в середине 1921 г. разъясняется: «Иностранцы, проживающие в пределах РСФСР, подчиняются действию всех законов и правил о привлечении населения к трудовой повинности (в частности и к повинности мужевой), наравне с российскими гражданами». Постановление не распространяется лишь на граждан, включенных в списки дипломатов или являющихся консулами (кстати, кроме тех консулов, которые состоят в русском гражданстве) [О порядке..., 1921, с. 13].

В 1921 г. власть несколько ослабляет жесткие меры по закреплению трудовых ресурсов за предприятиями, законодательно зафиксированные постановлением «О восприятии самовольного перехода советских служащих из одного ведомства в другое» [СУ РСФСР. 1919. № 18, ст. 204], приняв новый декрет «Об установлении облегченного перехода рабочих и служащих из одного предприятия в другое» [СУ РСФСР. 1921. № 36, ст. 188]. Но, принимая это решение, она действует в полном соответствии со своей главной стратегической задачей формирования стабильных трудо-бытовых коллективов [Антощенко, Меерович, с. 101–112] – разрешение о переходе рабочих с предприятия на предприятие остается исключительно за администрацией. То есть не трудящийся самостоятельно изменяет место своей работы, а руководство фабрики или завода, исходя из соображений «производственной целесообразности» переводит работника на другое место работы или запрещает ему это. Причем декрет оговаривает, что разрешение на переход не является следствием волеизъявления работника, для этого должны быть весомые бытовые, семейные и производственные обстоятельства. И даже при этом начальник может дать согласие на увольнение лишь в случае, если при этом обеспечивается «нормальный ход производства в интересах народного хозяйства» [СУ РСФСР. 1921. № 36, ст. 188].

При этом власть резко усиливает давление на тех, кто самовольно решается покинуть место работы. Их именуют «трудовыми дезертирами». К их числу относят: а) самовольно оставивших работу (или службу); б) продолжающих трудиться, но самовольно перешедших на работу на другое предприятие; в) уклоняющихся от явки на работу по назначе-

нию или трудовой мобилизации; г) уклоняющихся от учета и регистрации органов, проводящих трудовые мобилизации; д) не явившихся в объявленном порядке за распределением на новую работу, после увольнения со старой; е) уклоняющихся от трудовой повинности путем подлога документов, фиктивных командировок, симуляции болезни и проч. [Там же. № 46, ст. 227]. Трудиться должны все, причем не перепрыгивать при этом с места на место. IX съезд РКП (б) в своей резолюции от 3 апреля 1920 г. перечисляет некоторые из мер воздействия, которые должны применяться к трудовым дезертирам: «...публикование штрафных дезертирских списков, создание их дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключение их в концентрационный лагерь» [Об очередных задачах..., с. 171].

Формируя стабильные трудо-бытовые коллективы, власть пытается вводить формы коллективной ответственности за результаты труда, а также меры коллективного воздействия по отношению к плохо трудящимся. Так, в июле 1921 г. в Москве и Петрограде осуществляется эксперимент по переводу служащих центральных советских учреждений на «коллективную» (денежную и натуральную) оплату труда [Об экономической политике, 1967, с. 235]¹. Осуществляется подобное с целью принудить руководство и самих сотрудников (трудоу коллектив) к добровольному сокращению штатов, повышению качества работы и улучшению производительности труда. В роли рычага воздействия используется новая форма оплаты, заключающаяся в том, что учреждению, переведенному на коллективное снабжение, выделяется фиксированный фонд денежной и натуральной зарплаты и предлагается самостоятельно сократить личный состав сотрудников (до 50 %) при условии сохранения неизменным объема фонда заработной платы [СУ РСФСР. 1921. № 55, ст. 336]. Таким образом, власть подталкивает учреждения к «самосокращению», а в качестве стимула разрешает осуществить повышение заработной платы оставшимся сотрудникам фактически в два раза. При этом власть, зная особенности менталитета русского человека, готового нести нужду, но не брать на душу грех выгнать с работы ближнего (лишив его тем самым средств к существованию), оговаривает и этот случай: «Если учреждение, переведенное на коллективное снабжение, в 2-месячный срок не сократит числа своих сотрудников (в размере до 50 %. – М. М.), не сократит прогулов и не поднимет производительность труда, то Всероссийский

¹ Законодательно закреплено декретом СНК от 12 июля 1921 г. [СУ РСФСР. 1921. № 55, ст. 336. См. также: СУ РСФСР. 1921. № 61, ст. 428 ; СУ РСФСР. 1921. № 65, ст. 493 ; СУ РСФСР. 1921. № 76, ст. 617].

Центральный Совет Профессиональных Союзов по соглашению с Народным Комиссариатом Юстиции и Народным Комиссариатом Рабоче-Крестьянской Инспекции, принимает в отношении учреждения ниже следующие репрессивные меры: 1) немедленное увольнение установленных ими категорий служащих; 2) лишение учреждения части снабжения вплоть до полного сокращения снабжения и 3) предание суду лиц, ответственных за проведение настоящего постановления и связанных с ним мероприятий» [СУ РСФСР. 1921. № 55, ст. 336].

Трудовая книжка к началу 1930-х гг. превращается для городского жителя в основной документ, обеспечивающий его социализацию – без нее нельзя работать, нельзя учиться, нельзя перейти с одного места работы на другое, нельзя прописаться. Если в 1917–1918 гг. запись в книгах о проживающих в доме (прописка) осуществлялась на основе различного рода удостоверений, мандатов, билетов делегатов и членских билетов [ЦГАС-Пб. Ф. Р-7965. Оп. 1. Д. 389. Л. 444], то в 1920–1921 г. единственным документом, предъявляемым при прописке, становится трудовая книжка [ЦГАС-Пб. Ф. Р-7965. Оп. 1. Д. 392. Л. 363], а требование ее представления – строго обязательным. Так, например, прибывшие 22 июля 1920 г. в Петроград из Иркутска родственники Льва Троцкого, Александра Львовна и Зинаида Львовна Бронштейн, предъявили при прописке в I Дом Советов (ул. Герцена, № 39) свои трудовые книжки² и тогда же 22/VII-20 г. были прописаны. А вот у младшей дочери Троцкого, Нины Львовны Бронштейн, трудовой книжки не оказалось и в прописке ей было отказано. Пришлось срочно (в течение дня) обзаводиться трудовой книжкой³, и лишь после этого (на следующий день – 23/VII-20 г.) Нина Львовна была прописана.

В 1922 г. «трудовые книжки», выполняющие роль удостоверения личности, дополняются «расчетными книжками», играющими роль трудовых книжек. Постановление СНК предписывает: «всем рабочим и служащим, работающим по найму в предприятиях, учреждениях и хозяйствах,

² Бронштейн Александра Львовна, 1873 г. р. уроженка Херсонской обл. г. Николаев, лектор агитотдела Губкома. Трудовая книжка за № 22/12950; Бронштейн Зинаида Львовна, 1901 г. р., уроженка Иркутской губ. Керенского уезда (ныне г. Киренск), «аргонизатор Союза молодежи РКСМ» (так записано в книге. – М. М.). Трудовая книжка от 13/VII-20 №2261 [ЦГАС-Пб. Ф. Р-7965. Оп. 1. Д. 392. Л. 316–317].

³ Бронштейн Нина Львовна, 1902 г. р. уроженка Иркутской губ., учащаяся пединститута. Трудовая книжка от 23/VII-20 г. № 2350 [ЦГАС-Пб. Ф. Р-7965. Оп. 1. Д. 392. Л. 316–317].

кроме лиц, принадлежащих к администрации, должны выдаваться расчетные книжки...» [СУ РСФСР. 1922. № 56, ст. 704]. Расчетная книжка служит «договором между нанявшимся и нанимателем» – в нее вклеены (вшиты) правила внутреннего распорядка данного предприятия, она подписывается обеими сторонами, исполнение условий найма является обязательным для обеих сторон. В том же 1922 г. выходит постановление СНК об обязательной для всех ведомств выдаче своим ответственным сотрудникам постоянных личных удостоверений, формализующих привязку человека к месту работы. Эти удостоверения содержат: «...на одной стороне надлежащим образом заверенные указания на занимаемую должность, имя, отчество и фамилию сотрудника и на обороте – ссылки или выписки из статей закона или положения о данном учреждении или предприятии» [О выдаче удостоверений..., 1929, с. 861].

Следующая реформа осуществляется 20 июня 1923 г. – все предыдущие распоряжения отменяются декретом ВЦИК и СНК «Об удостоверении личности», который предписывает: «Органам управления воспрещается требовать от граждан РСФСР обязательного предъявления паспортов и иных видов на жительство, стесняющих их право передвигаться и селиться на территории РСФСР» [СУ РСФСР. 1923. № 61, ст. 575]. Паспорта и другие виды на жительство для российских граждан внутри РСФСР, а также трудовые книжки, введенные декретом ВЦИК и СНК от 25 июня 1919 г., аннулируются с 1-го января 1924 г. Во всех случаях, когда гражданину РСФСР надлежит удостоверить перед органами управления свою личность, достаточным считается представление письменного удостоверения личности [СУ РСФСР. 1923. № 72, ст. 700, с. 1284]. Военнослужащие представляют книжки красноармейцев и соответствующие документы командного состава, моряки морского флота – мореходные книжки.

Если в период 1919–1923 гг. прописка, осуществляемая по месту прибытия граждан, являлась лишь «...административным способом регистрации, учета населения, охранительной мерой, долженствующей выявлять элементы, которые по тем или иным соображениям избегают соприкосновения с следственными и розыскными органами» [Дает ли прописка..., 1926, с. 123], то начиная с начала 1923 г., ее роль возрастает вследствие принятия 28 февраля Президиумом МС РК и КД для г. Москвы постановлением «О прописке и отметке населения г. Москвы и о порядке ведения домовых книг» [О прописке..., 1923, с. 123–126]. Теперь «каждый гражданин, прибывающий на жительство или выбывающий из настоящего места жительства, обязан незамедлительно заявлять об этом

администрации того дома, куда он прибыл ... и откуда выбывает». Предписание стремительно распространяется на другие населенные пункты страны в соответствии с принципом переноса апробированных в столице и оправдавших себя административных решений на провинциальные города. Постановление обязательно для всех форм управления жилищем: а) закрепленных домов, б) жилищных товариществ, в) частного жилища (в том числе арендуемого), г) гостиниц, д) меблированных комнат, е) постоялых дворов, ж) ночлежных домов и проч. Оно вводит единую форму карточки учета населения, которая включает предельно широкий круг сведений. Обязанность их заполнения возлагается на собственников и арендаторов, администраторов или хозяев, управляющих, командантов и заведующих домами, доверенных лиц и проч.:

1. Фамилия, имя и отчество; 2. Подданство; 3. Возраст; 4. Дата рождения (число, месяц, год, стиль); 5. Место рождения; 6. Происхождение; 7. Национальность; 8. Образовательный ценз и грамотность; 9. Профессия; 10. Специальность; 11. Занятие; 12. Место службы и должность: а) основная, б) по совместительству; 13. Разряд и размер получаемого вознаграждения; 14. Профсоюз; 15. Занятие до марта 1914 г.; 16. Занятие от марта 1914 г. до ноября 1917 г.; 17. Партийность; 18. Владеет ли землей или недвижимостью и где; 19. Квартиронаниматель или комнатный жилец; 20. Откуда прибыл; 21. Когда вселился; 22. Основания вселения; 23. Занимаемое помещение; 24. Сожители; 25. Площадь занимаемого помещения в кв. аршинах/в кв. саженях; 26. Площадь оплачиваемых излишков в кв. аршинах/в кв. саженях; 27. Размер месячной квартирной платы: норм. площадь/за излишки/итого; 28. Семейный состав; 29. Кто находится на иждивении; 30. На чем иждивении находится; 31. Личные документы: а) прописан по ...; 32. Отношение к воинской повинности; 33. Состоит ли членом жилищного товарищества; 34. Отношение к домоуправлению; 35. Чем может быть полезен для жилищного товарищества; 36. Имеется ли в занимаемом помещении мебель, какая именно и в чем пользовании. Карточка составлена. Подпись дающего сведения. Подпись собравшего сведения [О прописке..., 1923, с. 122].

С 1925 г. обязательность прописки усиливается принятием декрета «О прописке в городских поселениях» [СУ РСФСР. 1925. № 28, ст. 197], в соответствии с которым «каждое лицо, пребывающее на жительство в дом, находящийся в пределах городского поселения, хотя бы это жительство было временным, на срок более трех дней, обязано немедленно заявить о своем пребывании домовому управлению (владельцу или арендатору) дома, гостиницы или меблированных комнат. Домовое управле-

ние, домовладелец или арендатор дома обязаны в течение сорока восьми часов внести сведения о прибывшем в домовую книгу и зарегистрировать запись в соответствующем отделе милиции». «При выбытии граждан из места проживания, домовое управление обязано в двухдневный срок сделать соответствующую отметку в домовой книге и зарегистрировать таковую в соответствующем отделении милиции» [СУ РСФСР. 1925. № 28, ст. 197].

Необходимость придания удостоверению личности граждан общности и компактности приводит к появлению постановления ВЦИК и СНК от 8 июля 1927 г., которое прописывает конкретную структуру, содержание и порядок заполнения «удостоверения личности». Удостоверение личности должно содержать следующие графы: а) фамилия, имя и отчество получателя; б) год, месяц, число и место рождения; в) место постоянного проживания; г) род занятий (основная профессия); д) отношение к обязательной воинской службе; е) семейное положение; ж) перечень малолетних до шестнадцати лет, находящихся на иждивении данного лица; з) на основании какого документа удостоверение выдано; и) каким учреждением выдано; к) личная подпись получателя; л) место и время выдачи удостоверения, подпись ответственного лица и печать органа, выдавшего удостоверение. По желанию получателя, на удостоверение личности может быть наклеена его фотографическая карточка, надлежащим образом заверенная [СУ РСФСР. 1927. № 75, ст. 514].

Удостоверение образца 1927 г., как и все предшествующие формы удостоверений, паспортов и трудовых книжек, также содержит графу «прописка». Структура и содержание удостоверения личности уже почти полностью соответствуют содержанию и структуре введенного позже паспорта.

Введение удостоверений (указанного выше образца), как и всех предшествующих, направлено на привязку человека к месту работы и создает плотную зависимость от наличия или отсутствия факта трудоустройства. Осуществляется это еще на стадии выдачи удостоверения, обязательным условием получения которого является предъявление «служебного удостоверения» или «расчетной книжки с места работы или службы» [СУ РСФСР. 1927. № 75, ст. 514]. То есть человек, не имеющий конкретного места работы, получить удостоверение личности не может.

Одновременно введение удостоверений направлено на привязку человека к месту жительства. Осуществляется это также еще на стадии выдачи удостоверения – обязательным условием его получения является предъявление «справки домоуправления или сельского совета о проживании (выписки из домовой книги или подворного списка)». Кроме того,

сама выдача удостоверений личности осуществляется исключительно по месту жительства.

В 1932 г., постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» [СЗ СССР. 1932. № 84, ст. 516] вводится паспортная система и постоянная прописка. Постановление предписывает: «Ввести единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему Союзу ССР в течение 1933 г., охватив в первую очередь население Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ростова-на-Дону и Владивостока»⁴. В тот же день принимается постановление ЦИК И СНК СССР «Положение о паспортах» [СЗ СССР. 1932. № 84, ст. 517], в котором указано, что «В паспорт обязательно заносится: <...> д) постоянное местожительство...» и подчеркнута, что «прописка лиц в местности, где введена паспортная система, безусловно, обязательна».

Введение вновь паспортов в 1932 г. и трудовых книжек «для рабочих и служащих всех государственных и кооперативных предприятий и учреждений» в 1938 г. [СП СССР. 1938. № 58, ст. 329], как и в предшествующие годы, осуществляется властью в целях борьбы с текучестью рабочих кадров – в целях обеспечения контроля над трудоустройством населения. И, так же как в предшествующие годы, за счет привязки к жилищу пропиской, а к рабочему месту – трудовыми книжками. В этот период власть вновь активизирует кампанию по исключению из ведомственного жилища всех посторонних и придания однородности трудо-бытовым коллективам за счет выселения из жилищ, принадлежащих предприятиям и учреждениям, всех лиц, утративших с ними трудовую связь. Эта цель в постановлении ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» выражена прямым текстом: «В целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом» [СЗ СССР. 1932. № 84, ст. 517].

Введение паспортной системы [СЗ СССР. 1933. № 28, ст. 168] было направлено в первую очередь на регулирование баланса трудовых ресур-

⁴ Постановлениями СНК от 3 и 5 февраля 1933 г. в число городов, где прописка должна быть введена в первую очередь, включаются Магнитогорск [СЗ СССР. 1933. № 11, ст. 60], Кузнецк, Сталинград, Баку, Горький-Сормово [СЗ СССР. 1933. № 11, ст. 61].

сов в интересах программы развития военно-промышленного производства, именовавшейся в Советском Союзе «индустриализацией». Введение паспортов было направлено прежде всего на обеспечение комплектования трудовыми ресурсами центров промышленного освоения: городов и рабочих поселков, индустриальных новостроек первых пятилеток, мест строительства и эксплуатации энергетических станций, транспортных артерий и проч.

Документированная фиксация привязки населения к конкретным населенным пунктам обеспечивала точность учета количества трудомобилизационных контингентов, а также позволяла осуществлять расчетное определение избытка или, наоборот, недостатка рабочих рук.

Паспорта и трудовые книжки существовали в СССР в качестве эффективного средства обеспечения всеобщей трудовой занятости, прикрепления трудовых ресурсов к местам работы и, как следствие, к местам обитания.

Антощенко А. В., Меерович М. Г. Трудно-бытовые коллективы – социально-организационная основа доктрины соцгорода (совместно с А. В. Антощенко) / *Miasta nowych ludzi. Architektoniczna i urbanistyczna spuscizna komunizmu.* Warszawa. Т. 1. 2007. С. 101–112.

Дает ли прописка право на жилплощадь // *Жилищное товарищество – жилище и строительство.* 1926. № 2. С. 12–13.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? М., 1983.

Меерович М. Г. На работу по приказу: трудовые армии в СССР // *Проект-Байкал.* 2010. № 24. С. 118–119

Меерович М. Г. «Награжденные трудом», или Кочевники поневоле // *Проект-Байкал.* 2010. № 24. С. 114–118.

О введении трудовых книжек – Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. // *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : в 5 т. М., 1967. Т. 2. С. 662–664

О выдаче удостоверений служащим государственных учреждений и предприятий – Декрет СНК от 19 декабря 1922 г. // *Систематическое собрание законов РСФСР действующих на 1 января 1928 г.* М., 1929. Т. 1. С. 861.

О правах трудящегося и эксплуатируемого народа – Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 января 1918 г. // *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам* : в 5 т. М., 1967. Т. 1. С. 29–31.

О прописке и отметке населения г. Москвы и о порядке ведения домовых книг» – Постановлением президиума МС РК и КД от 28 февраля 1923 г. // *Жилищное право. Комментарий сводка узаконений (по 16 сентября 1923 г.)*. М., 1923. С. 123–126.

О порядке привлечения к трудовинности иностранцев – Постановление Главкомтруда и Наркомтруда (точная дата не установлена) // *Бюллетень Трудового Фронта.* 1921. № 6. С. 13.

Об очередных задачах хозяйственного строительства – Резолюция IX съезда РКП(б) от 3 апреля 1920 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. М., 1967. Т. 1. С. 161–173.

Об экономической политике – Резолюция X Всероссийской конференции РКП(б) от 27 мая 1921 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. М., 1967. Т. 1. С. 234–236.

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). М., 1932, 1933.

Собрание постановлений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СП СССР). М., 1938.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). М., 1918–1923, 1925, 1927.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГАС-Пб). Ф. Р-7965 (Жилищно-арендные кооперативные товарищества «Жакты» Ленинграда (1910–2012)).

УДК 94.(47).084.3/.084.6:352.075.1

А. С. Щербаков

СОВЕТЫ – ВЛАСТЬ НАРОДНАЯ? К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются тенденции изменения правового положения Советов как органов местной власти. Показаны основные вехи формирования Советов как системы народовластия с 1918 г. по конец 1930-х гг. Прослежена эволюция: от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов при лишении избирательных прав значительной части населения до трансформации в Советы депутатов трудящихся на основе всеобщего избирательного права.

К л ю ч е в ы е с л о в а: местное самоуправление, местная власть, Советы, народовластие, народное представительство, Ленсовет, Петросовет, депутат, социальная политика.

В результате Февральской революции 1917 г. монархия в России была низложена, ей на смену пришла республика. В новой модели государственного управления приоритетную роль должны были сыграть органы местного самоуправления. В принятой 3 марта 1917 г. Декларации Временного правительства особо отмечалось, что правительство обеспечит «выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего прямого, равного и тайного голосования». К проблеме организации

практики местного самоуправления Временное правительство будет обращаться и в дальнейшем. Среди более чем 100 законодательных актов, принятых Временным правительством на протяжении 236 дней своего существования, 44 были посвящены вопросам местных органов управления и самоуправления [Вестник]. В то же время характерной чертой политического процесса весны 1917 г. является феномен двоевластия – сосуществование Временного правительства и Петроградского, а затем и других советов депутатов. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, созданный в дни Февральской революции стал первым органом революционной власти. Но вслед за ним, и очень скоро, по всей стране создаются Советы рабочих, солдатских, крестьянских и других депутатов. Первоначально Петроградский Совет выполнял функции руководителя советской системы. Еще один шаг в становлении Советов в феврале – октябре 1917 г. был связан с созданием их Всероссийских объединений, в результате которого были учреждены два центра организации Советов. 4–28 мая 1917 г. произошло объединение Советов крестьянских депутатов во Всероссийском масштабе: в Петрограде состоялся первый Всероссийский Съезд крестьянских депутатов. На нем был избран Исполнительный Комитет Всероссийского Съезда Советов крестьянских депутатов (ВЦИК). А 3–4 июня 1917 г. также в Петрограде прошел первый Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который избрал свой ВЦИК. После победы Октябрьской революции и перехода власти к большевикам 23 (13) января 1918 г. состоялся объединенный Всероссийский Съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Таким же образом объединились и областные, губернские и уездные Советы. В результате возникла единая система Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

4–10 июля 1918 г. в Москве V Всероссийский съезд Советов принял первую Конституцию РСФСР. Конституция закрепила победу Октябрьской революции 1917 г., провозгласив советскую власть как форму диктатуры пролетариата. «Высшей властью» Конституция назвала съезд Советов. В ведении съезда находились все вопросы общегосударственного значения, а также те, которые съезд признавал надлежащими к рассмотрению. То есть компетенция съездов не была ничем ограничена. Конституция РСФСР устанавливала, что съезды Советов по решению ВЦИК должны собираться не реже двух раз в год (с 1921 г. – 1 раз в год). Выборы в Советы и на съезды Советов проводились на основе единого избирательного права, при этом избирательных прав лишалась часть населения. Были определены категории населения, лишенные избирательных прав

по политическим мотивам: бывшие эксплуататоры и лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, служители культа, бывшие служащие жандармерии, полиции и охранных отделений, осужденные в судебном порядке, члены царствовавшего в России дома. В то же время Конституция РСФСР 1918 г. (статья 20) предоставляла избирательные права иностранным гражданам, проживавшим на ее территории и принадлежавшим к рабочему классу или к не использующему чужой труд крестьянству. Данное положение просуществовало до принятия Конституции 1936 г. Защищая себя от «классово чуждых элементов», новая власть сформировала и соответствующую избирательную систему: на губернский съезд Советов избирались представители от волостных (1 депутат от 10 тысяч жителей) и городских (1 депутат от 2 тысяч жителей) съездов Советов, на уездные съезды Советов избирались делегаты от волостных Советов (1 депутат от 1 тысячи жителей, но не более 300 депутатов), а на волостные съезды от сельских Советов волости (1 депутат от 10 членов Совета). Прямые выборы Конституция допускала только при избрании низовых звеньев советов – сельских и городских советов, а выборы в вышестоящие советы (волостные, уездные, губернские, областные) были многостепенными, неравными и не всеобщими. Конституция 1918 г. прямо не регламентировала порядок голосования – он определялся непосредственно на местах. Фактически повсеместно был установлен порядок открытого голосования.

В целях укрепления руководящей роли рабочего класса в Конституции 1918 г. были закреплены преимущественные избирательные права рабочего класса: делегаты Всероссийского съезда Советов избирались на городских съездах Советов – один депутат от 25 тысяч избирателей, а губернские съезды Советов избирали уже одного депутата от 125 тысяч жителей. Все основополагающие положения Конституции 1918 г. были закреплены и в Конституции 1924 года.

В декабре 1920 г. вопрос об улучшении деятельности советского аппарата рассматривался на VIII Всероссийском съезде Советов. Съезд расширил права и полномочия местных Советов в экономической области, заявил о необходимости пересмотра организационных форм их работы и перехода от военной централизации к широкой демократизации.

В условиях политического кризиса при распространении среди населения лозунга «Советы без коммунистов» X съезд РКП (б) в марте 1921 г. был вынужден заявить о разграничении функций партийных и советских органов, о порочности практики использования форм и методов «работы партийной организации на другие организации, например Советы».

Через год это положение получило развитие в резолюции XI партийного съезда «По докладу Центрального Комитета». «Сохраняя за собой общее руководство и направление всей политики советского государства, – говорилось в ней, – партия должна провести гораздо более отчетливое разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов» [XI съезд РКП(б), с. 525].

Но на практике процесс создания новых органов власти и управления приводил к возрождению старой громоздкой бюрократической машины, унаследовавшей многие черты российского самодержавного строя: централизм как основной метод управления, главенствующую роль высших органов реальной власти (независимо от их названия) и исполнительного аппарата в формировании государственной политики в центре и на местах, резкое ограничение полномочий и прав выборных органов, создание узкого круга практически не ротируемых профессиональных «управленцев», «вождей» – номенклатуры и т. д.

Новая Конституция РСФСР, принятая 11 мая 1925 г. на XII Всероссийском съезде Советов, расширяла круг обязанностей, возложенных на местные советские органы. Устанавливалось полное единство предметов ведения съездов Советов, местных Советов и их исполкомов. Это положение на практике привело к подмене деятельности местных съездов и Советов работой их исполкомов, большинство служащих которых не избирались, а назначались. Этому способствовал крайне низкий уровень общей и политической культуры подавляющего большинства населения. Реальные права исполнительных органов превосходили формальные полномочия органов выборных.

На смену революционному энтузиазму пришла апатия населения. Уже в выборах сельских и волостных Советов 1922 г. по 21 губернии приняли участие только 20,4 % избирателей. Чтобы преодолеть эту тенденцию перед выборами в 1923 г., при ЦК ВКП (б) образовали специальную комиссию. Был регламентирован весь ход выборов: давались указания местным парторганизациям «заблаговременно составить списки кандидатов», «принять меры к популяризации их в массах до начала выборов». Особо регламентировался вопрос о порядке составления и проверки списка лиц, лишенных избирательных прав. На этот раз в выборах участвовало 35 % всех избирателей (в Петрограде – до 50 %).

Новая кампания по оживлению деятельности Советов начала разворачиваться с 1924 г. На пленуме Ленинградского Совета в 1925 г. отмечалось, что в некоторых губерниях и уездах, где избирательная активность крестьян была слишком мала, были назначены повторные выборы.

Уточнялось также, что низкий показатель участия в выборах послужил «еще одним доказательством того, что советский аппарат в некоторых местах плоховат и что взаимоотношения с крестьянством не вполне нормальны» [Итоги двух съездов Советов, с. 5].

Кампания по оживлению Советов не принесла, да и не могла принести ожидаемых результатов. Хотя на выборах 1926 г. впервые процент участия избирателей по всей стране достиг 50,8 %, уже на выборах следующего года этот показатель вновь снизился по всей стране, одновременно увеличилось количество лиц, лишенных избирательных прав: в 1926 г. – 4,5 %, в 1927 г. – 7,7 %, а в сельской местности – соответственно 1,1 и 1,3 %.

Число рядовых рабочих и крестьян в Советах вследствие проводимых в жизнь решений постоянно увеличивалось, по форме приближая советские органы к представительной демократии. Стремление разбавить состав Советов за счет выдвижения рабочих и крестьян и сформировать «рабоче-крестьянский климат в аппарате» в условиях развития административно-командной системы с неизбежностью вела к разрядке и включению в «представительные» органы далеко не самых достойных «представителей».

Некоторые стороны деятельности советов стали предметом политических спекуляций того времени. Стремление выдержать показатели по «социальному положению» привело к ощутимому снижению уровня грамотности и образования советских руководителей.

Своеобразной формой участия трудящихся в управлении были Наказы, в которых избиратели выражали свои пожелания депутатам на предстоящий год. Так, наказания депутатам Петросовета-Ленсовета готовились по предложению рабочих с фабрик и заводов городской партийной организацией и выдвигались на заседаниях Губисполкома как проекты. Эти наказания не были идеологизированы и отражали действительные представления питерцев о состоянии дел в городе и способах его улучшения.

Советы, наряду с другими общественными институтами, были необходимой составной частью построения социализма в сталинском варианте. В то же время в глазах трудящихся Советы были знаменем народовластия и участие в их работе означало приобщение к управлению государством.

Период 1921–1925 гг. можно считать временем наибольшего расцвета и наибольшей самостоятельности советов. Именно этот период, несмотря на его неоднозначность, можно охарактеризовать как претворе-

ние в жизнь принципа «децентрализации управления», когда местные советы решали практически все вопросы местного уровня, не оглядываясь на Москву.

Несмотря на то, что Конституция СССР расширяла права местных советов, в реальности с 1926 г. децентрализация пошла на убыль. Выборы все больше становились фарсом и проходили в соответствии с разработанными партийными органами инструкциями. Происходило слияние сфер ведения советов и структур исполкомов, что в реальности означало снижение реальных возможностей органов народной власти, падение влияния депутатов и замену их новыми партийными номенклатурщиками из исполкомов. Самостоятельность работы многих советов все больше приобретала черты видимости.

Произошедшие в середине 30-х гг. глубокие перемены во всех сферах жизни страны требовали изменения структуры государственных учреждений СССР.

5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайный съезд Советов принял новую Конституцию СССР. На основе положений Конституции вся полнота власти сосредоточилась в Верховном Совете, принцип разделения властей отвергался как буржуазный.

Многие действительно демократические положения Конституции не получили своего должного развития в практике государственного строительства СССР во второй половине 30-х гг. Происходил процесс подмены функций властных структур диктатом партии. Сам Верховный Совет СССР делегировал свои функции Президиуму на межсессионный период.

Так сформировалась и действовала до конца 30-х гг. XX в. советская система муниципального управления. Ее одной из сильных сторон было сочетание единой системы государственного управления и местных органов управления в лице исполнительных комитетов местных Советов. Высочайшая степень концентрации власти в руках верхушки партийно-политического руководства страной еще более усилилась в годы Великой Отечественной войны.

В послевоенный период все отчетливей начинают проявляться «двойные стандарты» в управлении. При нарастании перехода управленческих функций к партийным органам, на словах все больше подчеркивается значение Советов. Чтобы закрепить эту подмену, в Конституции 1977 г. Советы депутатов трудящихся были переименованы в Советы народных депутатов. Тем самым произошел отказ от классовой природы Советов.

Новый, короткий этап народовластия в деятельности Советов начался с середины 80-х гг. XX в. По мнению ряда исследователей, к началу 80-х гг. XX в. была создана всеобъемлющая правовая основа для функционирования системы Советов народных депутатов, отражающая представление тогдашней политической власти и общества о принципах государственного управления и его механизме, и именно в рамках этой системы проходило формирование Ленсовета XXI созыва. На общественно-политическую жизнь Ленинграда в этот период оказали решающее влияние политика гласности и проведение альтернативных выборов народных депутатов. Произошло снижение численности официальных организаций – КПСС и ВЛКСМ. В городе возникли неформальные, или самодельные, объединения разнообразной направленности.

Исследователи, политологи и публицисты по праву называют Ленсовет-Петросовет, работавший в 1990–1993 гг., самым демократичным и по форме избрания его депутатского корпуса, и по содержанию работы.

Разумеется, было бы неправильно идеализировать или переоценивать роль и место Советов как органов местной власти в политической структуре общества на соответствующих этапах его истории. Однако также неправильно и недооценивать их деятельность, игнорировать многообразные уроки этой деятельности. Так, например, особый интерес представляет исследование принципов работы, методов и форм управленческой деятельности местных органов власти в сфере социальной политики и организации полноценной жизни граждан. Понимание механизмов и закономерностей этой деятельности позволит выявить необходимые основы эффективного механизма ее разработки и осуществления и поможет использовать самое ценное в них в современной практике органов государственного управления и местного самоуправления.

XI съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1961.

Вестник Временного правительства. 1917. № 1 (46). 5 (18) марта.

Итоги двух съездов Советов РСФСР и СССР. Доклады Г. Зиновьева и Г. Цыперовича на пленуме Ленинградского Совета. Л., 1925.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЗАКОННОСТЬ КАК СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Исследование феномена революционной законности как политико-правового концепта Российской коммунистической партии (большевиков) позволило уточнить исторический промежуток его появления (1921 г.) и раскрывает его существенные стороны как проективной категории, предполагающей процессуальное наполнение содержанием в зависимости от условий применения. В этой связи раскрываются основания формализации метафоры «карательно-терапевтическая сущность революционной законности» как описания специфической гибридной сути законности и беззакония, предполагающего процессуальное манипулирование категориями законности и беззакония в зависимости от политической конъюнктуры, от целесообразности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: законность, беззаконие, революционная законность, террор, право, бунт, революция, партократия, социализм.

Законность – важнейший механизм социального конструирования. В социально-философском аспекте законность, с одной стороны, отражает институциональное нормотворчество, выражающееся в государственных узаконениях, с другой – в сфере повседневности отражает отношение к узаконенным нормам обыденного человека, выражающееся в конкретном поведении. Этот социальный механизм определяет сознание и поведение человека через его отношение к норме. Являясь сферой взаимодействия государства и общества, законность является важнейшим предметом исследований историко-правового характера. То обстоятельство, что социальные потрясения 1917 г. закрепляют принципиально новое, не традиционное с позиций современной теории права понимание законности, заставляет задуматься: что за причины лежат в основании подобной трансформации социокультурного концепта? И здесь мы выходим в историко-культурную сферу осмысления исторических процессов.

Таким образом, осмысление революционной законности как социалистического проекта требует междисциплинарного подхода. Актуальность подобных исследований обусловлена тем, что социокультурные концепты, определяющие сознание и поведение человека, не отменяются вместе с устаревшими нормами законодательства, а продолжают латентно влиять на социальные отношения. Актуален также вопрос: не способны ли латентные формы, находящиеся в текущей культурно-исторической

ситуации за рамками нормы, то есть в сфере незаконного, при изменении условий вновь восторжествовать? В конечном итоге исследование революционной законности в историко-культурном аспекте ведет к осмыслению фундаментального теоретического вопроса, насколько естествен революционный способ социального переустройства, противоречащий по своей концептуальной сути идее эволюционного развития.

Интерес современной отечественной научной мысли к проблематике революционной законности сосредоточен в основном вокруг двух принципиально важных направлений: осмысление эволюции феномена революционной законности в социалистическую в процессе становления советского права (В. Г. Абдурахманова, И. В. Бессарабов, Р. Ф. Вагапов, В. Н. Галузо, С. Ю. Дергилова, С. М. Луцкык, О. Д. Максимова, Е. В. Мишина, Н. С. Нижник, В. Б. Романовская, А. А. Солуков и др.) и непосредственной практики реализации революционной (социалистической) законности в региональном либо организационном аспектах (С. Д. Багдасарян, Ж. С. Васильева, М. Г. Дубинин, А. В. Крыжан, В. М. Курицын, Н. Е. Семенчик, С. М. Слесарев, О. И. Филонова, С. А. Черноморец и др.). Исследования показывают, что идеологическая доктрина отказа от «буржуазного права» в пользу революционной (социалистической) законности в практике социалистического государственного строительства изначально была основана на мифе об отмирании права в государстве социалистической формации. Революционная законность как высшая и временная форма права рассматривалась лишь как этап на пути к бесклассовому коммунистическому будущему, в котором самосознание трудящихся будет обеспечивать законность, а не правоохранительная государственная система: В. И. Ленин, П. И. Стучка, М. А. Рейснер, Я. Н. Бранденбургский и др.

На страницах первого номера «Еженедельника советской юстиции» Н. А. Черлунчакевич одним из трех основных методов «скорейшего водворения» революционной законности видит «создание в стране таких условий, при которых спрос и требование на революционную законность предъявлялись бы самим населением» [Черлунчакевич, с. 3–4]. То есть автор, во-первых, констатирует необходимость «скорейшего водворения» революционной законности как некоторого нового или по крайней мере, пока несостоявшегося социально-правового проекта, а во-вторых, видит его состоятельность только в искусственных условиях, при которых мог бы возникнуть на него спрос населения, чем констатирует отсутствие в России того времени законности как механизма социального регулирования.

Е. В. Мишина, давая характеристику революционной законности, соглашается с мнением В. Б. Романовской в том, что «праву была отведена чисто служебная и временная роль; вопрос о законности, как о специфическом правовом режиме, в основу которого был бы положен принцип юридического верховенства нормативных актов – законов, вообще не ставился; подчеркивалась свобода администраторов и судей отступать от требований нормативных правовых актов по мотивам целесообразности; допускалась децентрализация правотворчества, когда судьи на местах решали, кого и за что судить; и, наконец, главное – государственной властью был признан абсолютный приоритет политической точки зрения над юридической» [Мишина, с. 94]. Такая конфигурация преобладала во всех отраслях социальной жизни СССР, несмотря на политэкономическую догму соотношений «базиса» и «надстройки», положенную в основание формационных и классовых представлений. Преобладание политических интересов «большинства» даже над законами природы стало идеологическим стержнем КПСС и послужило укреплению специфической партократической системы правления.

С позиции философии права И. В. Абдурахманова опирается на логичное основание: «Реализация большевистской альтернативы государственно-политического развития России предполагала разработку соответствующей правовой доктрины» [Абдурахманова, с. 20] и вслед за А. М. Евстратовым обнаруживает, что необходимость таковой начинается теоретически осмысливаться только в 1920-е гг., и принципы, на которых происходит теоретизация, представляют собой отражение массовой правовой культуры. Отметим, что последняя складывалась в условиях реакционной политики самодержавия и нарастания социальных противоречий с конца XIX в. и подверглась существенной трансформации в непосредственной практике массовых революционных волнений и гражданского противостояния в начале XX в. Позицию большевиков в отношении к законности в этот период нельзя считать последовательной: до Октября она строилась на полном отрицании законности как механизма социального обустройства, а после – быстро выяснилось, что политических деклараций и поголовного вооружения народных масс явно недостаточно для того, чтобы «сказку сделать былью».

Смена большевистской риторики прослеживается на примере наследия В. И. Ленина. В апреле 1917 г. им декларируется передача всей власти Советам и вооружение населения, законность отрицается как рудимент, а с появлением первых большевистских («революционных») узаконений,

как отражено в труде О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского, звучат уже строго противоположные требования: «законность должна быть повышена (или строжайше соблюдаема), ибо основы законов РСФСР установлены» (1918 г.), «...малейший беспорядок, малейшее нарушение законов Советской власти, малейшая невнимательность или нерадений служат немедленно к усилению помещиков и капиталистов, к их победам», «чтобы до конца уничтожить Колчака и Деникина, необходимо соблюдать строжайший революционный порядок, необходимо соблюдать свято законы и предписания Советской власти и следить за их исполнением всеми» (1919 г.). Далее в работе О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского следует сентенция с отсылками к собранию сочинений: «В. И. Ленин требовал, чтобы суды карали “малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики...”. Он указывал на необходимость воспитывать “широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности”», – свидетельствующая об осмыслении в советской теории права ленинского понимания, выражаясь метафорично, «карательно-терапевтической» функции революционной законности [Иоффе, Шаргородский, с. 281–282]. Идея борьбы с самодержавной и демократической законностью (с беззаконием и произволом в историографии советского времени) трансформируется в ленинском наследии в идею утверждения новой законности теми же средствами: путем «самостоятельного, быстрого, делового участия» широких масс рабочих и крестьян.

Как указывает И. В. Абдурахманова, инициированная в начале 1921 г. Ю. Стекловым на страницах ежедневной газеты «Известия ВЦИК» научная дискуссия «о революционной законности в условиях “новой экономической политики”» в том числе способствовала актуализации критики «“революционного правосознания”, форм его реализации в период революции и Гражданской войны, а также “милитаризированного правосудия”, “разрушительной революционной самодеятельности” и самоуправления в области реализации правосудия» [Абдурахманова, с. 25]. Очевидно, что критики сложившейся правовой практики предполагали возможность реабилитации в советском государстве принципа главенства закона, уповая на возможность руководящей роли РКП(б). Однако, как пишет А. Ю. Пустынников, ссылаясь на официальную статистику: «...за 1921 г. среди народных судей было 66 % с начальным образованием, 10 % – со средним, 6 % – вообще без образования и лишь 17 % – с высшим юридическим» [Пустынников, с. 199]. Иными словами, ленинский тезис о не-

обходимости надзора за законностью массами рабочих и крестьян был более реален в плане воплощения в жизнь, нежели утверждение главенства закона в условиях низкого образовательного ценза судей и несовершенства законодательства.

Дискуссия на страницах «Известий» развернулась в промежуток между исторической Десятой Всероссийской конференцией РКП(б) (май 1921 г.), на которой были приняты резолюции о новой экономической политике по докладу В. И. Ленина, и о революционной законности по докладу Л. Б. Каменева, и Одиннадцатой (19–22 декабря 1921 г.), за которой последовали Девятый Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.) и Четвертый Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (январь 1922 г.). В связи с чем интересен самый первый выпуск журнала Наркомюста «Еженедельник советской юстиции», увидевший свет 1 января 1922 г. Журнал возник как отклик на резолюции Десятой Всероссийской конференции РКП(б). Первоначально планировалась реформа еженедельной газеты «Объявления Наркомюста» в «Бюллетень НКЮ», а непосредственно перед Одиннадцатой конференцией РКП(б) (7 декабря 1921 г., в канун последнего дня рождения ВЧК) постановление о газете было изменено, и был изготовлен в типографии ВЧК первый 16-страничный выпуск журнала 15-тысячным тиражом.

Среди общих задач журнала редколлегия выделяет: «В переходный весьма сложный период социальной революции вопросы права и революционной законности, приобретая глубокое значение, требуют неостывающего внимания и умения решать их так, чтобы решение их соответствовало общему направлению политики РКП и Советской власти» [От редакции, с. 2]. В разделе «Хроника» размещена Резолюция Всероссийской конференции РКП(б) о революционной законности. Поскольку эта резолюция выражает официальную позицию партии, редколлегия журнала, и в ней, по всей видимости, впервые термин «революционная законность» официально употребляется, процитируем максимально дословно: «Поскольку победа трудящихся обеспечила <...> мир и позволила перейти от военного напряжения на внешних и внутренних фронтах к мирному хозяйственному строительству, очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должны идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан. Новые формы отношений, созданные в процессе революции

и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке» [Резолюция, с. 14].

Обращает на себя внимание, что нуждаясь в корреспондентах, редакция игнорирует опыт научной дискуссии, организованной в «Известиях». Очевидно, редакция лукавит, утверждая, что «обращает самое серьезное внимание на то, чтобы журнал был не только органом теоретической дискуссии, но, главным образом, чтобы на страницах его постоянно и непрерывно освещались все практические повседневные вопросы, волнующие и представляющие затруднение для работников на местах» [От редакции, с. 2]. Это утверждение скорее говорит о том, что Наркомост не потерпит в своем официальном издании никакой теоретической дискуссии, поскольку журнал призван раздавать в свободной (и доступной для малограмотных деятелей юстиции) форме конкретные рекомендации по осуществлению революционной законности.

Примером такой рекомендации может служить статья «Кривое зеркало новой экономической политики» за подписью «И. С.», в которой повествуется, как суд в Гомеле разоблачил «заговор» союза домовладельцев, пожелавших вернуть свое имущество на правах ремонта жилого фонда, опираясь на опубликованный в этом же журнале циркуляр, гарантирующий возврат конфискованного. В статье четко и однозначно утверждается право пролетариата на решение судом всех спорных вопросов в его пользу. Суд Гомеля поступил политически грамотно и «показал, как не следует понимать новую экономическую политику». «Между тем, – пишет автор, – по всей Руси великой продолжается вакханалия ненужных уступок, диких и нелепых, не имеющих ничего общего с поднятием производственных сил страны. Спекулянты всякого рода ловят рыбу в мутной воде, пролезая всюду, дезорганизуя в конце хозяйство и дискредитируя власть в глазах трудящихся» [И. С., с. 11].

Если судья Н. А. Черлюнчакевич видит, как первоочередные меры для реализации идеи революционной законности создание условий, в том числе организационных и просветительских (повышение уровня грамотности деятелей юстиции и населения, чтобы они востребовали уже имеющиеся законы), то Д. И. Курский, нарком юстиции и первый советский прокурор, в своей статье «Ближайшие задачи Народного Комиссариата юстиции» представляет революционную законность как проект введения ряда новых законов и совершенствования существующих, как проект «новой системы прав», который в условиях ограничения чрезвычайных (внесудебных) мер выдвигает «пролетарский суд, укреплен-

ный государственным обвинением, <...> на первое место среди органов, призванных блюсти начала революционной законности, в основу которой кладется строгая ответственность органов и агентов Советской власти и отдельных граждан за нарушение изданных советской властью законов» [Курский, с. 3]. Мы наблюдаем, что Н. А. Черлунчакевич понимает законность как механизм реализации законов, для которого нужны определенные условия, а Д. И. Курский, повторяя ошибки А. Ф. Керенского, как проект временного свода законов, строгое исполнение которых само собою разумеется. Такое принципиальное различие говорит об отсутствии какой-либо правовой доктрины, кроме приоритета пролетариата (у Курского), который в условиях военного коммунизма подкреплялся внесудебным террором, а теперь в условиях НЭПа, по соображениям Курского, судебно-прокурорским.

О том, что в период военного коммунизма у большевиков какой-либо осмысленной правовой доктрины не было, ярко говорит реплика М. И. Калинина на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 28 января 1922 г.: «До сих пор существовал только один подход: все, что мешает непосредственно укреплению Советской власти, должно быть разрушено» [Калинин, с. 326]. А право и законность, как следует из речи, в условиях Гражданской войны только мешали укреплению власти, поэтому ЧК руководствовалась иными принципами. Но его время прошло, и решение части задач ЧК по развитию и внедрению принципов Советской власти возлагается в новых условиях на юстицию. По поводу революционной законности примечательна следующая цитата: «Поэтому сейчас не пустой звук, когда говорят о революционной законности. Это не пустой звук; очевидно, органам народной юстиции придется, действительно, в этой области проделать огромную работу. В чем должна быть эта огромная работа? Это – заставить население уважать законы» [Калинин, с. 327]. Как видно, для Калинина революционная законность на самом деле оставалась «пустым звуком», несформировавшейся идеей, которую воплотить в жизнь предстояло народной юстиции РСФСР путем принуждения населения к законопослушанию.

Схожесть позиций Калинина и Курского – в отрицании принципа законности как правового механизма, в понимании законности как «буржуазного пережитка», в стремлении поставить на ее место некий выдуманный концепт несуществующей революционной законности, который нужно наполнить содержанием в непосредственной практике.

Если законность – социальный механизм, определяющий сознание и поведение человека через его отношение к норме, то какова норма

в концепте революционной законности? К нормам революционной законности можно отнести произвол руководящих и партийных работников, в том числе судей и других представителей правоохранительной системы в трактовке законов и нормативных актов, оправданный целесообразностью; децентрализацию правотворчества и право судей решать, кого и за что судить, с декларированной индульгенцией пролетариату; безусловный приоритет единственно верной политической точки зрения (мнения партруководства) над юридической. Эти нормы сложились не в одночасье и представляют собой некий эрзац сословного права. Высвечивается важное обстоятельство: большевистская социальная революция до 1920 г. не преследовала целей коренной трансформации массового правового сознания, всего лишь узаконив бунт как форму диктата. О руководящей роли партии в направлении развития права, таким образом, говорить не приходится. Роль РСДРП(б) ограничивалась декларацией права на бунт как высшего проявления социальной справедливости. Начиная же с прихода большевиков к власти, возникла необходимость ограничения этого права, отсюда и главная задача – «заставить население уважать законы» [Калинин, с. 327].

Зачистив чрезвычайными мерами к 1920 г. поле политической жизни России, большевики продолжали «корчевать» любые ростки инакомыслия, следуя оправдавшей себя в ходе борьбы за власть стратегии, и столкнулись с необходимостью коренной революции массового сознания, с необходимостью культурной революции, классовый враг которой – традиционная народная культура и консервативное массовое правовое сознание, препарированное свободой самосуда и архаичным правом сильнейшего. Для такого социального эксперимента нужен был гипертрофированный образ единственной на свете Партии-победительницы, ведущей за собой в светлое будущее народы всего мира, сращивание этого образа с концептом Родины, с концептами святости и справедливости, – Партии безоговорочного народного слепого фанатичного доверия. В таких условиях неприкрытые террор и репрессии подрывали бы авторитет власти и не могли стать опорой складывающейся партократии.

Таким образом, революционная законность как социалистический проект мог быть реализован лишь как часть более масштабного проекта культурной революции. Он не исключал репрессии и партократический произвол, а был направлен на их обеспечение путем трансформации массового сознания. В 1920 г. этот проект не был осмыслен и теоретизирован в полной мере. В этой связи метафору «карательно-терапевтической»

сущности революционной (социалистической) законности есть основания формализовать как описание специфической гибридной сути законности и беззакония, предполагающего процессуальное манипулирование категориями законности и беззакония в зависимости от политической конъюнктуры, от целесообразности.

Абдурахманова И. В. Рефлексия «революционной законности» в массовом правосознании 1917–1921 гг. // Философия права. 2008. № 3. С. 20–25.

И. С. Кривое зеркало новой экономической политики // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1.

Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961.

Калинин М. И. Речь на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 28 января 1922 г. // Избр. произведения в четырех томах. Т. 1. / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1960. С. 325–331.

Курский Д. И. Ближайшие задачи Народного комиссариата юстиции // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. С. 3.

Мишина Е. В. К вопросу о генезисе и эволюции системы революционной (социалистической) законности // Великая российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI века : материалы международ. науч. конф. (Витебск, 27 февраля – 3 марта 2017 г.). Витебск, 2017. С. 93–96.

От редакции // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. С. 2.

Пустынников А. Ю. К вопросу о предпосылках судебной реформы 1921–1922 гг. // Ист. и соц.-образ. мысль. 2011. № 4 (9). С. 199–201.

Резолюция Всероссийской конференции РКП по вопросу о революционной законности // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1.

Черлюнчакевич Н. А. Задачи нашего IV Всероссийского Съезда // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1. С. 3–4.

ПРОБЛЕМЫ НОТАРИАТА И НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

Советская правовая система практически в самом начале подразумевала функционирование нотариата, хотя дискуссии на эту тему, безусловно, велись как в партийной верхушке, так и среди советских правоведов. Революция сделала с нотариатом и наследственным правом то, что и так давно планировалось, но никак не воплощалось в реальность. После революции законодательство становилось более отвечающим веяниям времени, чему особенно способствовало появление Гражданского кодекса, которого до революции так долго ждали. А с переходом к нэпу работа нотариусов, которая фактически не прекращалась, была окончательно институализирована.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нотариат, политика военного коммунизма, нэп, завещания, СССР, Гражданский кодекс, реформы, история повседневности.

В историографии советского нотариата при очень слабой его изученности существовали тезисы, что нотариата в первые годы после революции не было и что работники нотариата подвергались репрессиям. Благодаря большому объему источников, включающих в себя нормативные акты, источники личного происхождения, периодику и неопубликованные архивные документы, можно сделать вывод, что в первые несколько лет советской власти нотариат в разных ипостасях не прерывал своей работы и передача собственности по наследству также не прекращалась. Репрессии по отношению к нотариусам хотя и проводились, но затронули далеко не всех. Многие нашли свое место в советской правовой системе, по сути, закономерно трансформировавшейся из правовой системы Российской империи, которая к моменту революции полностью устарела.

Исследования, посвященные российскому нотариату, хотя и существуют, но являются довольно эпизодическими. Более или менее изученными считаются нотариат и наследственное право в Российской империи.

* Работа выполнена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки РФ (проект № 33.1221.2017/ПЧ «Этапы развития деловой письменности: Русь/Россия в сравнительно-исторической перспективе»).

Среди данных исследований фактически нет монографий, дело ограничивается или статьями, или диссертациями по истории права [Комаров; Комаревцева; Загорский]. В основном все работы рассматривают эволюцию института нотариата с древних времен и до современности и характеризуются скорее с правоведческой точки зрения. Существуют также более предметные статьи о проблемах предреволюционного нотариата и гендерном вопросе в наследственном праве [Попова; Вахромеева].

С советским довоенным нотариатом и наследственным правом положение дел обстоит еще менее позитивно. Последнее крупное исследование на эту тему принадлежит советским правоведом [Юдельсон, Ширвинский]. Вышеупомянутые Комаревцева и Загорский хотя и затрагивают интересующий нас период советской истории, но делают это следуя фактологии в работе К. С. Юдельсона. Наиболее интересными, с точки зрения реконструкции имущественного и социального вопроса, оказались исследования Анны Викторовны Крыжан [Крыжан, 2014; Крыжан, 2015]. Хотя ее предметом исследования в большей мере являются адвокатура и суды, а нотариат упоминается лишь в качестве подразделения Наркомюста.

Существует несколько работ методологически обобщенного характера. Данные работы были написаны в русле социологии [Black; Право и правоприменение]. Таким образом, несмотря на то, что в отечественной историографии существует ряд различных работ, связанных с темой нотариата, нотариат периода нэпа они затрагивают очень поверхностно.

С приходом к власти большевиков очевидным было то, что законодательная база в отношении нотариусов изменится. После Октябрьской революции кардинально стали меняться понятия собственности, неочевидным был вопрос, кто и в каком объеме может владеть имуществом и кому его передавать, либо все должно принадлежать государству и партии. Все, что касалось этих тем, должно было круто измениться, учитывая лозунги новой власти. После революции начался парад декретов, затрагивающий различные стороны человеческого бытия. Появился и декрет касательно нотариата – Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. № 2, принятый ВЦИК и СНК РСФСР. Этот декрет менял очень многое, но статья, касающаяся нотариата, была выдержана в довольно традиционалистском духе (т. е. где есть нотариусы, то они работают и занимаются векселями и заемными письмами, а где их нет, это делает кто-то другой, допустим, местные суды): «Ст. 11. Надписи о принудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам, на основании правил о принудительном исполнении, делаются нотариусами, а в местностях,

где таковых нет, лицами, их заменяющими, причем эти лица, а равно нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном размере» [Декрет о суде № 2]. Существовал пункт касательно завещаний: «Ст. 9. Все дела охранительного гражданского судопроизводства, как-то: утверждение в правах наследства, утверждение к исполнению духовных завещаний, усыновление и т. д., а равно дела брачные, о рождении и вообще дела, оценке не подлежащие, подсудны местному суду. Дела о конкурсах на сумму свыше 3 000 рублей передаются в ведение окружных судов» [Декрет о суде № 2]. Иногда второй декрет о суде расценивается в историографии как положивший конец нотариату в период с 1917 по 1923 г. Однако в декрете № 2 описываются полномочия нотариата, а в декрете № 1 сказано, что дореволюционные законы не противоречащие советским декретам, продолжают действовать [Декрет о суде № 1]. Таким образом, говорить о временной, даже чисто законодательной, кончине нотариата все-таки не совсем корректно. Хотя, безусловно, по-старому в этот промежуток времени нотариат не работал, а по его функционированию в эти годы вопросов больше, чем ответов.

До 1918 г. казалось, что нотариат не претерпел каких-то значительных изменений. Сложно было не завещать имущество, а доказать, что ты можешь завещать и что тебе есть что завещать. В декабре 1917 г. из гражданского оборота была изъята городская недвижимость, а в августе 1918 г. она была передана в собственность государства. В 1918 г. были запрещены покупка, продажа и аренда торговых и промышленных предприятий, были аннулированы государственные долги [Попова]. Но потом пришли и другие изменения, которые касались непосредственно нотариата. В новом декрете от 23 марта 1918 г. был упразднен и нотариат. Все городские нотариальные конторы были закрыты, а функции нотариусов распределены между другими органами власти соответственно их компетенции: отделами социального обеспечения, записи актов гражданского состояния, юридическими отделами, народными судьями и т. д. Вслед за нотариусами исчезли и завещания: «Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как движимое, так и недвижимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики» [Декрет об отмене наследования]. Это не значило, что после смерти наследникам ничего не доставалась, в декрете содержались оговорки, в каком случае часть имущества переходит наследникам или в счет долга, но тут каждый случай рассматривался отдельно властью на местах, а нотариусы были уже не нужны.

Упразднение нотариата довольно быстро повлекло за собой репрессии в отношении нотариусов. Если брать даты издания декретов, то с 24 ноября 1917 г. по 23 марта 1918 г., хоть и чуть менее полугода, но нотариат функционировал. После отмены нотариата в личных дневниках людей, живших в то время, встречаются следующие записи: так, Окунев Никита, служащий пароходства, 14 апреля 1918 г. пишет: «Упразднены существующие в Москве должности нотариусов, конторы их закрыты, все оборудование конфисковано. Взамен их учреждены “нотариальные отделы”» [Окунев]. При этом он отмечает, что идет шквал новых директив по поводу отмены наследования. Что интересно, записи до постановления об упразднении нотариата и после не слишком отличаются. Есть записи Веры Судейкиной за 9 февраля 1918 г. и Михаила Меньшикова за 21 марта 1918 г., где упоминается вскользь, что авторы этих дневников ходили к нотариусам [Судейкина; Дневник]. Таким образом, видно, что до окончательного запрета нотариусов они функционировали и в Крыму, где жила Вера Судейкина в 1918 г., и на Валдае, где жил в то время Михаил Осипович Меньшиков.

Но, судя по записям в дневниках граждан, после принятия декрета, окончательно запрещающего нотариат, ситуация изменилась не сильно, Вера Судейкина и Михаил Меньшиков опять ходят к нотариусам (Меньшиков – 10 мая, Судейкина – 12 и 21 августа). Если в случае крымских нотариусов вопрос об их легальности вообще сложно ставить, поскольку на тот момент ситуация в том регионе слишком часто менялась и большевики с их декретами не были абсолютно доминирующей силой и еще могли существовать элементы старого порядка, то в других регионах, в том числе и в районе Валдая, продолжение существования института нотариусов выглядит необычно. Видимо, нотариусы могли действовать, хотя и не вполне законно с точки зрения большевиков.

Революция не могла в один момент обрушить все старое. Что-то изменялось чуть быстрее, что-то чуть медленнее, и считать, что с приходом коммунистов капиталистические пережитки в виде аренд, сделок и завещаний в том числе (потому что некоторым даже оставалось, что оставить детям и внукам) исчезли совсем, было бы слишком просто. Все эти вещи продолжали существовать на незаконно-полузаконных основаниях, а люди могли надеяться, и многие рассчитывали, что советская власть не будет долгой, скоро все вернется на круги своя, а все свершившиеся сделки, наследственные дела и прочее должны будут подтверждены квалифицированными специалистами. Поэтому, судя по всему, часть граж-

дан, связанных с правовой деятельностью – адвокаты и, видимо, в том числе и нотариусы, – начинают подпольно функционировать. Сложно сказать, насколько широко была распространена эта практика, но на страницах еженедельника «Советская юстиция» за 1923 г. появляется статья о том, что много где до сих пор функционируют подпольные адвокаты [Подпольная адвокатура, с. 881]. И если советская власть выражала беспокойство по этому поводу, а явление продолжало существовать как минимум до 1922 г., то его масштабы были значительными.

Итак, с одной стороны, есть постепенный запрет на деятельность нотариусов, с другой – в это время существуют нотариусы, причем именно нотариусы, которые принимают на дому, а не нотариальные отделы. А также существуют нотариальные столы или отделы, которые создавались уже советской властью и, видимо, могли решать вопросы, оставшиеся с дореволюционных времен, но чем они конкретно занимались и кто были работниками этих нотариальных отделов – те, кто были нотариусами до революции или за полгода обучили этому делу новых, не очень понятно [Юдельсон, Ширвинский]. Судя по всему, большевики в какой-то мере понимали необходимость нотариата, раз создали некий советский вариант этого учреждения, который до какого-то времени только укреплял свое положение. Но большевиков не устраивали старые нотариусы, что довольно логично, учитывая, что нотариусы слишком много всего знали, и с помощью информации об аренде и владении собственностью могли проворачивать различные аферы. Помимо хранения документов, одной из их обязанностей до революции было опознание поддельной документации: знание реестров, формуляров, печатей и т. д. А кто владеет документами и знаниями, как разоблачить подделку, тот и сам может составить необходимый документ задним числом. И, видимо, подобные случаи были: «В прошлую пятницу погиб дядя жены, Д. К. Александров-Дольник. Он был арестован 3 недели назад, вместе с другими нотариусами, подозреваемыми, что кто-[то] из них из-под большевиков продал Метрополь» [Готье, 30 сентября]. Вполне возможно, это была или байка, или слух, или просто придуманный повод, чтобы отправить нотариусов кого в заключение, а кого потом и на расстрел. Других подтверждений, кроме этой записи, в дневнике о продаже «Метрополя» мы больше нигде не встречали, но если это была правда, то такой поступок был бы крайне безрассудным, учитывая, что «Метрополь» выбрали местом своей дислокации в Москве большевики. Юрий Владимирович Готье отмечает, что 1919 г. продолжал быть годом террора для дореволюционных нотариу-

сов. Хотя, с другой стороны, с февраля 1919 г. по мере необходимости начинают учреждаться нотариальные столы. В городах они образовывались при судебно-следственных подотделах губернских отделов юстиции, а в уездах – при местных народных судах. Однако компетенция нотариусов в этот период была весьма узкой и сводилась, видимо, в основном к удостоверению различного рода обстоятельств, свидетельствованию верности копий с документов и подлинности подписей [Сучкова, с. 16–23].

Нотариусы как образованные люди, много знающие о собственности, попадает в опалу. Часть из них при первой возможности переквалифицировалась в советских нотариусов [Хроника, с. 353], другая оказывалась в тюрьмах. Некоторые продолжали работать подпольно. Но, говоря о репрессиях по отношению к нотариусам, нельзя предполагать, что они были поголовно физически уничтожены либо сосланы в лагерь.

Опала на нотариусов продлилась не слишком долго, нотариальные столы, видимо, не удовлетворяли спрос, и нужно было снова создавать систему нотариата. Нотариусам пришлось пройти профессиональную проверку и переподготовку, что в общем-то справедливо, учитывая, что законы успели несколько поменяться.

О назначении новых нотариусов говорилось так: «Президиумам совнарсудов надлежит при назначении на должности нотариусов и их заместителей обращать серьезное внимание на подготовленность кандидатов и на их личностные качества. Личный состав государственного нотариата РСФСР должен в деловом и нравственном отношении стоять на подобающей высоте. При невозможности укомплектования штатов нотариусов и заместителей их из лиц, выдержавших установленное 2 ст. Положения о гос. нотариате испытание, на первое время могут быть условно допущены к занятию этих должностей и лица, не подвергавшиеся испытанию, с тем, чтобы испытания были произведены до 1 марта 1922 года» [О порядке открытия, с. 3]. В данной цитате интересно последнее предложение, видно, что были опасения, что должного количества нотариусов скорее всего не доберут. А фраза про личностные качества могла означать и то, что «возьмем и дореволюционных специалистов, главное, чтобы они были лояльны советской власти».

Что же касается наследственных прав в период с 1917 по 1922 г., то видно, что после революции правила несколько меняются. Старым остается только то, что завещание может составить любой, у кого есть что завещать. С наследниками становится все несколько по-другому, советская власть прекратила дореволюционное «буржуйское» неравенство.

Если раньше женщине в завещании чаще выделяли какое-то содержание, полагая, что потом она выйдет замуж и это будут проблемы мужа, то в советских завещаниях дочь становилась таким же равным наследником, как и сын. Поскольку в советское время сам институт брака (особенно в 1920-е гг.) несколько видоизменился и часто простое сожителство уже считалось браком, то категории «незаконнорожденный», «женатый», «разведенный» несколько устарели. К тому же приемные дети по советскому законодательству стали иметь такое же право на наследство, как и родные. Также еще большему изменению подверглось законодательство, которое касалось самого наследства. Революция довольно радикально поменяла идею, что должно считаться личным имуществом и сколько этого самого имущества у простого советского человека должно быть. А чтобы вопросов не было, наследование отменили вышеупомянутым декретом от 27 апреля 1918 г. Но этот декрет интересен тем, что, с одной стороны, он отменял наследование как по закону, так и по завещанию. С другой стороны, оказывалось, что недвижимое имущество до 10 000 рублей оставалось под управлением наследников, но только если они входили в категорию нуждающихся. Но это довольно тонкая формулировка, видимо, обозначающая, что имущество все равно принадлежит государству, но государство позволяет пользоваться наследникам тем, что должно было принадлежать им. Также эти нуждающиеся наследники могли получать денежные компенсации из того же самого наследства. Государство становилось гигантским промежуточным звеном, которое вбирало в себя все имущество граждан, в том числе после их смерти, а потом выполняло функцию распределения этого имущества нуждающимся. Так по крайней мере задумывалось. Насколько система работала, сказать сложно. Одной из причин возникающих проблем было то, что «наследство-приемник» состоял из местных советов, судов и других частей госаппарата, которые могли к тому же соперничать за переходящее в их подчинение имущество.

В первые годы революции значительная часть имущества, особенно жилого фонда, была отдана государству и муниципализирована. Жителей не всегда из этих домов выселяли, хотя случалось по-всякому. По сути, население постепенно утрачивало право собственности на жилье.

Итак, исходя из вышеуказанного, имущественное право безусловно претерпело изменения по сравнению с дореволюционным правом. Если ранее существовали общественно-правовые ограничения с точки зрения того, кому можно передать наследство, то советская система в части при-

знания родства стала куда более либеральной. Это, разумеется, скорее косвенное изменение, вытекавшее из проведенных большевиками изменений института брака. Но вместе с этим советское наследственное право стало консервативным и почти что антисоциалистическим по отношению к наследникам, не относящимся к более или менее близким родственникам, и тем более родственникам вообще. По дореволюционному законодательству завещать косвенно было гораздо проще.

Из всего вышеизложенного, можно сказать, что, революция сделала с нотариатом и наследственным правом то, что и так давно планировалось, но никак не воплощалось в реальность. Законодательство становилось более отвечающим веяниям времени, чему особенно способствовало появление Гражданского кодекса, которого до революции так долго ждали. Помимо этого, возникали дискуссии, направленные на то, чтобы сделать будущий гражданский кодекс и раздел о наследовании более социалистическим. Право наследования должно было предусматривать приравнивание кровнородственной связи к рабочему братству. Это означало, что человек, хотя бы через завещание, мог передать часть имущества людям, находящимся вне семьи: «В применении к интересующей нас проблеме указанное начало дает руководящий принцип, вне всякого сомнения открывающий возможность законодателю, не нарушая декретов ВЦИКа, признать за наследователем право посмертного распоряжения частью своего имущества вне членов своей семьи и в пользу тех лиц (как юридических, так и физических), которые в той или иной мере могли способствовать собственнику в накоплении им имущества <...> Государство, являющееся, как известно, наследником имущества свыше десяти тысяч золотых рублей, конечно, не может быть заинтересовано в наследовании в пределах этой суммы. Но рабочие и сотрудники предприятия на ходу; кооперативы, поддержавшие собственника в трудную для него минуту; наконец, частные лица в той или иной форме оказавшие собственнику помощь, как материальную, так и моральную, каковая помощь часто бывает много ценнее помощи чисто материальной, одним словом, все те, кто помогли наследователю до момента его смерти сохранить имущество, хотя бы в пределах, указанных ВЦИКом, т. е. десяти тысяч золотых рублей» [Лозман, с. 9–11]. В данной цитате, помимо всего прочего, любопытна фраза, что государство тоже воспринимается наследником. Но как мы видим, данная социалистическая норма не нашла отражения в Гражданском кодексе того времени. Наследниками могли признаваться только дети, внуки и правнуки, а также и переживший супруг умершего и нетру-

доспособные и неимущие лица, фактически находившиеся на полном иждивении умершего не менее одного года до его смерти [Гражданский кодекс, ст. 418].

С точки зрения отчуждения части собственности не родственникам, этот кодекс был еще более строгим, чем дореволюционное законодательство. Если раньше завещатель в качестве модуса мог указать своим наследникам выделить, допустим, часть денег лицам, не входившим в круг родственников, то в советском Гражданском кодексе этой нормы уже не было, и модус, судя по всему, мог касаться только родственников завещателя.

Таким образом, мы видим, что в задачи главного партийного руководства, а также Наркомюста не входило ярое «окоммунистивание» посредством резких изменений в отношении к собственности. При этом советская эпоха стирала социальные и гендерные рамки в наследственном праве. Это происходило постепенно, учитывая, что пожилые люди, составлявшие завещания, большую часть жизни прожили со старыми понятиями о порядке наследования, а особенно в силу того, что значительная часть оставляющих завещания были так называемые «бывшие» [ЦМAM. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 1–42]. Поэтому завещание перестало играть роль конструктора очередности наследования и стало скорее документальным залогом того, что наследники имеют право на имущество, которое с большей вероятностью достанется им, а не государству.

Вахромеева О. Б. Практика наследования для женщин в дореволюционной России // Актуал. проблемы гуман. и естеств. наук. 2016. № 1. С. 71–79.

Готье Ю. В. Мои заметки / подготовка к изд. Т. Эммонс, С. Утехин. М., 1997. Гражданский кодекс РСФСР 1923 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1435.htm (дата обращения: 21.08.2017).

Декрет о суде № 1 // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm (дата обращения: 20.08.2017).

Декрет о суде № 2 // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude2.htm (дата обращения: 17.05.2016).

Декрет об отмене наследования // Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-27.htm> (дата обращения: 17.05.2016).

Дневник М. О. Меньшикова // Прожито [Электронный ресурс]. URL: <http://prozhito.org/persons/47> (дата обращения: 17.05.2017).

Загорский Г. Н. Правовая политика древнерусского и российского государства в сфере регламентации порядка оформления завещания : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ставрополь, 2012.

Комаревцева И. А. Эволюция формы завещания в древнерусском и российском праве X–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ставрополь, 2005.

Комаров Н. И. Нотариат в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: Историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2004.

Крыжан А. В. Бюрократизм и злоупотребления в местных советских учреждениях юстиции (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Нов. ист. вестник. 2014. № 42. С. 46–69.

Крыжан А. В. Финансирование и материальное обеспечение местных органов и учреждений юстиции Советской России в 1918–1930 гг. // Эконом. журнал. 2015. № 2 (38). С. 122–129.

Лозман Е. О. завещательной свободе // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 26–27. С. 9–11.

О порядке открытия учреждений государственного нотариата // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 43. С. III–IV.

Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917–1924 : в 2 кн. Кн. 1. М., 1997.

Подпольная адвокатура в Курской губернии // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 38. С. 19.

Попова Н. Ю. Нотариат и Вехи российской государственности // Нотариал. вестн. 2012. № 12. С. 37–48.

Право и правоприменение в зеркале социальных наук : хрестоматия совр. текстов / ред. Э. Панеях. М., 2014.

Судейкина В. Дневник. Петроград, Крым, Тифлис / публ., вступ. и комм. И. А. Меньшова. М., 2006.

Сучкова Н. В. Нотариат : учебник для бакалавров. М., 2015.

Хроника // Еженедельник сов. юстиции. 1923. № 15. С. 353.

Центральный муниципальный архив Москвы (ЦМАМ) Ф. 1441 (Фонд Первой государственной нотариальной конторы).

Юдельсон К. С., Ширвинский В. И. Советский нотариат. М., 1959.

Black D. The Behavior of Law. New York, 1976.

УДК 94(47).084.6:340.158

Ю. Г. Белоногов

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ в 1938–1940 гг.

В статье изучена проблема преемственности и новизны в содержании нормативно-правовых актов 1938 г. и 1940 г. и их правоприменительной практики при регулировании вопросов трудовой дисциплины и текучести кадров на производстве. Показана эволюция содержания понятия «прогул», рассмотрены изменения в перечне санкций за нарушения трудовой дисциплины. На этом основании сделан вывод, что анализируемые нормативно-правовые акты 1938 г. и 1940 г. преследовали одинаковые цели, последовательно развивали одни и те же тенденции в правотворческой деятельности. Однако Указ от 26 июня 1940 г., вынужденно ставший ответом на низкую эффективность предшествующей политики по укреплению трудовой дисциплины и снижению текучести кадров, изменил приоритет в методах регулирования данных правоотношений и заложил основу для новой законодательной базы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Указ 26 июня 1940 г., трудовая дисциплина, прогул, текучесть кадров, криминализация трудовых правонарушений, карательная политика.

Борьба против нарушителей производственной дисциплины активизировалась на рубеже 1920–1930-х годов в условиях смены экономического курса развития народного хозяйства. Потребности начавшейся форсированной индустриализации показали неразрывную связь между необходимостью укрепления трудовой (производственной) дисциплины и снижения текучести (незапланированного «перетока») рабочей силы с одного предприятия на другое. На протяжении 1930-х годов усилия руководства страны в этом направлении проводились в рамках трудового права и свойственными данной отрасли права способами (мерами дисциплинарного воздействия, регулированием условий труда и социального обеспечения). Но постепенно все большую роль в процессе управления государственным народным хозяйством начинает играть уголовное право, особенно в сфере прямого государственного принуждения к труду и жесточенные наказания за нарушение трудовой дисциплины [Гордеев, с. 198; Киселев, с. 24].

В этом отношении рассматриваемые в статье нормативно-правовые акты стали определенным водоразделом в политике по укреплению трудо-

вой дисциплины и снижению текучести кадров в советской мобилизационной экономике: под воздействием обострения внешнеполитической обстановки и недостаточной эффективности административных и экономических мер приоритет на длительное время отдается карательным методам. В современной историографии уже предприняты попытки рассмотрения причин эволюции законодательства в сфере трудовой дисциплины накануне Великой Отечественной войны, даны авторские оценки эффективности данных нормативно-правовых актов [Чупрынников; Лазарев]. Целью же данной статьи является анализ преемственности и новизны содержания указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. с предшествующими и последующими нормативно-правовыми актами довоенного периода при регулировании вопросов трудовой дисциплины.

28 декабря 1938 г. вышло совместное Постановление ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». Оно было направлено против «злостных» нарушителей производственной дисциплины, действия которых «наносят большой ущерб промышленности, транспорту и всему народному хозяйству» [О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины..., преамбула]. Несомненно, данное Постановление должно было привести к необходимому для плановой экономики ограничению текучести рабочей силы и сокращению экономических потерь от трудовых правонарушений. За счет сочетания экономических и административных методов управления власти пытались одновременно повысить престиж добросовестного труда и качественно улучшить борьбу против нарушителей.

Для достижения указанных стратегических целей руководство страны пошло по пути расширенного толкования понятия «прогул», увеличения перечня дисциплинарных взысканий, снижения уровня социальной обеспеченности работника в случае перемены места работы.

Со времен принятия Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. № 1682 «Об увольнении за прогул без уважительных причин» под прогулом понималась однодневная неявка на работу без уважительных причин. С января 1939 г. прогулом стало признаваться всякое неуважительное отсутствие на рабочем месте свыше 20 минут и употребление спиртных напитков в рабочее время [Ковалева, Журавлева, с. 56]. Постановление от 28 декабря 1938 г. фактически приравнивало к прогулу еще систематические нарушения продолжительности рабочего дня. За три

нарушения (опоздание на работу без уважительных причин, преждевременный уход на обед и запоздалый приход с обеда, преждевременный уход с предприятия, «бездельничание в рабочее время») в течение одного месяца или четыре нарушения в течение двух месяцев он подлежал увольнению именно как прогульщик.

Расширялся и перечень дисциплинарного воздействия на нарушителя. Помимо уже существовавших мер взыскания (замечание, выговор, выговор с предупреждением об увольнении, увольнение), законодательно закрепляются новые – перевод на ниже оплачиваемую работу на срок до трех месяцев, смещение на низшую должность. В появившихся с декабря 1938 г. трудовых книжках должны были фиксироваться причины расторжения трудового договора, а прием без трудовой книжки на новое место работы был категорически запрещен [Добровольский, с. 147].

В свою очередь, увольнение традиционно с начала 1930-х годов являлось основанием для обязательного освобождения таким работником занимаемой им ведомственной жилплощади. Рабочие и служащие, уволенные за нарушения трудовой дисциплины, совершение преступления, а также ушедшие по собственному желанию, лишались права на пособие по временной нетрудоспособности в течение первого полугодия работы на новом месте. Очередной отпуск предоставлялся только по истечении 11 месяцев непрерывной работы на предприятии и учреждении. Суды отказывали в исках о восстановлении в должности тем работникам, кто был уволен за систематические опоздания или преждевременный уход с работы [Добровольский, с. 147]. Одновременно Постановление предусматривало меры поощрения трудолюбивых работников: права на получение ряда льгот ставились в прямую зависимость от непрерывного стажа работы и добросовестного отношения к труду.

Особо подчеркивалась роль руководителя в выполнении положений данного нормативно-правового акта. За уклонение от проведения мер «по укреплению трудовой дисциплины и неприятие мер против прогульщиков, летунов и разгильдяев» руководители предприятий, учреждений, цехов и отделов должны были привлекаться вышестоящими органами к ответственности, вплоть до снятия с работы и предания суду.

Однако в ходе реализации данного Постановления кристаллизовался и механизм противодействия ему. Работник при увольнении по собственному желанию должен был предупредить руководство не менее, чем за месяц. Однако расчеты администрации на то, что на новом месте работника не будут ждать месяц, и поэтому он будет вынужден остаться, не оправдались. Так, строго следуя букве закона, работник совершал

сознательный прогул или опаздывал на 21 минуту и более, получал желаемое увольнение и самостоятельно устраивался на другое предприятие или учреждение [Хлевнюк, с. 88]. Еще более легко преодолевался запрет о приеме на работу без трудовой книжки: предприимчивые трудящиеся предпочитали «терять» данный документ.

Фиксировавшееся увеличение числа прогулов и последующих увольнений свидетельствовало о стремлении работников повысить свой уровень жизни за счет перехода на предприятие с лучшими условиями труда и быта. Поэтому реализация данного постановления сопровождалась обострением проблемы текучести кадров [Филатов, с. 200].

Складывалась парадоксальная ситуация: курс на повышение трудовой дисциплины реально усиливал экономическую проблему текучести кадров и тем самым обострял конкуренцию среди предприятий за рабочую силу. При этом в проигрышном положении оказывались организации с наименее развитой социальной инфраструктурой. Формировалась институциональная ловушка: чем лучше их руководители будут соблюдать новшества трудового законодательства, тем с большими проблемами они будут сталкиваться при выполнении плановых показателей. А опыт недавно завершившегося «Большого террора» показывал хозяйственникам потенциальные последствия невыполнения планов. Поэтому частым явлением со стороны хозяйственных руководителей стало сопротивление новому закону; это позволяло сохранить на предприятии ценные квалифицированные кадры.

Практическая реализация Постановления от 28 декабря 1938 г. с активизацией общественных мер воздействия, усилением дисциплинарных взысканий, связи социальных льгот с непрерывным стажем работы не смогла решить в должной степени проблемы текучести рабочей силы и, как следствие, потенциально препятствовала выполнению производственных планов в условиях начавшейся Второй мировой войны. Крайне необходимы были чрезвычайные меры для значительного ограничения незапланированного движения рабочей силы, уже сокращающейся в результате постоянных мобилизаций в РККА. Правоприменительная практика сопротивления реализации данного Постановления подсказывала логичный вектор последующего развития трудового законодательства: работники (включая нарушителей трудовой дисциплины) должны были оставаться в распоряжении своего предприятия (учреждения), а возможности их ухода с производства должны быть сведены к минимуму.

26 июня 1940 г. принимаются два нормативно-правовых акта, регулирующих условия труда: Указ Президиума Верховного Совета СССР

«О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семичасовую рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и постановление Совета Народных Комиссаров № 1099 «О повышении норм выработки и снижении расценок в связи с переходом на 8-часовой рабочий день». Указ вводил важную новацию: за опоздание и самовольный уход с работы трудящиеся отныне подлежали уголовному наказанию в виде исправительно-трудовых работ по месту работы (максимальный срок – до 6 месяцев) и вычету до 25 % от заработной платы, при этом было отменено обязательное увольнение за прогул. Руководители предприятий и учреждений за уклонение от предания суду виновных лиц должны были привлекаться к судебной ответственности (отныне такая ответственность предусматривалась и в отношении тех, кто принял на работу «уклоняющихся от закона лиц») [О переходе на восьмичасовой рабочий день, ст. 1–6].

Однако с самого начала кампания по реализации Указа столкнулась с определенным сопротивлением, спектр которого был весьма разнообразным – от фактического саботажа до «антисоветских и контрреволюционных вылазок». Носителями этого сопротивления на местном уровне сознательно и даже неосознанно являлись и рядовые трудящиеся, и работники юстиции, и хозяйственные руководители. По мнению исследователей, это явление объясняется и пробелами в новом законодательстве. Обращается внимание на неразрешенные Указом проблемы юридического характера и первоначальное отсутствие у работников юстиции четких инструкций по вопросам применения Указа [Соломон, с. 310; Кодицев, с. 126].

Для преодоления сопротивления, появившегося в ходе правоприменительной практики, власти были вынуждены развернуть активную деятельность по принятию новых нормативно-правовых актов (в основном подзаконных актов Наркомата Юстиции СССР, Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР). Они были призваны решить несколько взаимосвязанных задач: 1) закрыть появившиеся в ходе правоприменительной практики легальные возможности обхода закона; 2) прояснить неразрешенные указом юридические проблемы; 3) ужесточить наказание за нарушение указа; 4) максимально упростить процедуру судопроизводства по делам о трудовых преступлениях; 5) распространить действие указа на большее количество трудящихся. Это справедливо позволяет считать Указ от 26 июня 1940 г. новой базовой основой для последующих нормативно-правовых актов, которые регулировали вопросы нарушений трудовой дисциплины вплоть до 1956 г.

В рамках первого направления правоприменительная практика Указа от 26 июня 1940 г. сразу же показала лазейки в законодательстве: для получения желаемого увольнения работники демонстративно совершали мелкую кражу или показательно хулиганили. Ответом на данные уловки стал выход Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г., который вводил уголовную ответственность (до года тюрьмы) за данные правонарушения.

В рамках второго направления развития законодательства власти были вынуждены пойти на расширение перечня уголовно преследуемых трудовых правонарушений. Отныне таковыми стали квалифицироваться не только прогулы, покровительство прогульщикам, самовольное оставление работы, бездельничанье во время работы, но и систематические опоздания, отказы от сверхурочных работ, сон во время работы (если он повлек серьезные последствия), выход на работу в нетрезвом виде, самовольная подмена сменщика. Так, согласно совместному приказу наркома юстиции СССР и Прокурора СССР от 22 июля 1940 г., на систематические опоздания также распространялось действие указа: нарушения, вызвавшие потерю рабочего времени менее 20 минут, приравнивались к прогулу, если они имели место три раза в течение одного месяца или четыре раза в течение двух месяцев подряд [Кудрин А. С., Кудрин С. М., с. 8]. Расширенное понимание прогула (однократное опоздание – свыше 20 минут, систематические опоздания менее 20 минут) было зафиксировано и в Типовых правилах внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, закрепленных Постановлением СНК СССР от 18 января 1941 г. [Балицкий, с. 168].

Третье направление правотворческой деятельности предполагало ужесточение наказаний за криминализованные нарушения трудовой дисциплины. Это достигалось за счет ограничения диапазона права усмотрения судей, определения категории дел, по которым нельзя было выносить условное осуждение или приговоры ниже нижнего предела. Пленум Верховного Суда СССР от 23 июля 1940 г. предложил рассматривать совершение нового прогула лицом, отбывающим исправительно-трудовые работы за прежний прогул, как уклонение от отбывания наказания, и в этом случае неотбытый срок исправительно-трудовых работ должен был заменяться по приговору суда тюремным заключением на тот же срок [Киселев, с. 28]. Пленум Верховного Совета СССР 15 августа 1940 г. предписывал не допускать снижение мер наказания или их замены более мягкими мерами со ссылкой на ст. 51 и 53 УК СССР. В приговорах запрещалось

лось ссылаться на положительные характеристики подсудимых с места работы или жительства, предназначенные для смягчения приговоров [Иванов, с. 15]. Региональные суды были обязаны отменять мягкие наказания, а судей принуждали выносить приговоры по высшей планке.

Четвертое направление по максимуму упрощало процесс судопроизводства с целью увеличения темпов рассмотрения дел о трудовых преступлениях. Руководитель организации был обязан направить дело о нарушении трудовой дисциплины не в прокуратуру (как это требовалось ранее), а непосредственно сразу в народный суд на следующий день после установления факта совершения правонарушения. Указ от 10 августа 1940 г. предусматривал единоличное рассмотрение таких дел народными судьями без участия народных заседателей. Другой правовой акт подтвердил запрет вызывать в судебные заседания в рабочее время работников предприятий и учреждений: в результате суды стали работать и по ночам, а дела могли рассматриваться в заочном порядке. Еще одним подзаконным актом судам предписывалось отказывать осужденным в обжаловании приговоров в вышестоящем суде [Кодинцев, с. 126, 129].

Практика упрощения процессуальных норм коснулась и прокуратуры: в соответствии с принятыми подзаконными актами, прокурорам сначала можно было пренебрегать стадией предварительного расследования по делам о нарушении трудовой дисциплины, а потом для них была отменена даже поверхностная проверка дел. Прокуратура должна была концентрироваться как на обжаловании всех мягких приговоров, так и судебном преследовании руководителей предприятий, уклонявшихся от передачи в суд дел на нарушителей трудовой дисциплины [Соломон, с. 299–301].

Одновременно Указ от 26 июня на протяжении второго полугодия 1940 г. фактически был распространен и на новые категории работников. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 июля 1940 г. воспроизводил положения базового документа для трактористов (включая руководителей тракторных бригад и их помощников) и комбайнеров. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г., за самовольный уход из ремесленных училищ и школ ФЗО, а также систематическое и грубое нарушение дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы), учащиеся приговаривались к пребыванию в трудовых колониях сроком до одного года [Гогин, с. 28].

Исследования, посвященные трудовым отношениям в СССР в период Великой Отечественной войны, однозначно показывают преемственность принципов, заложенных в Указе 1940 г. и трудовом законодательстве военной поры при регулировании вопросов производственной дис-

циплины. Специалисты отмечают дальнейшее развитие механизма прямого государственного принуждения к труду под страхом уголовной ответственности, ужесточение уголовных санкций за определенные трудовые правонарушения [Лушников, Лушникова, с. 56–57; Серегина, с. 147; Черепанова, с. 141].

Таким образом, проанализированные нормативно-правовые акты 1938 и 1940 гг. имели общую цель – снижение экономических издержек от текучести рабочей силы и нарушений трудовой дисциплины. Они последовательно развивали одни и те же тенденции в правотворческой деятельности: расширение и детализация толкования прогула, увеличение перечня трудовых правонарушений, ужесточение наказаний за них, криминализация ответственности руководителей организаций за «покровительство прогульщикам». Прослеживается общность и в содержательном понимании ряда трудовых правонарушений. Однако Указ от 26 июня 1940 г., ставший ответом на низкую эффективность предшествующей политики, изменил более чем на полтора десятилетия приоритет в методах регулирования трудовых правоотношений. Он заложил основу для новой законодательной базы, предполагавшей доминирование внеэкономического принуждения к труду, подкрепляемого жесткими карательными санкциями.

Балицкий К. С. Расторжение трудового договора в связи с совершением работником прогула: история правового регулирования, доктрина и судебная практика // Рос. юрид. журнал. 2016. № 2. С. 165–176.

Голин А. А. К вопросу об ответственности за нарушения воинской и трудовой дисциплины по советскому законодательству предвоенного периода // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 24–29.

Гордеев И. А. История становления и развития советского трудового права (1917–1941 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2002.

Добровольский А. А. Правотворческая политика государства в области укрепления дисциплины труда в СССР в конце 1930-х гг. // Власть. 2014. № 3. С. 146–148.

Иванов А. А. «...Вести решительную борьбу со всеми нарушителями трудовой дисциплины и правил внутреннего трудового распорядка, с прогульщиками, лодырями, рвачами» (о борьбе за дисциплину в предвоенные годы) // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 1. С. 13–15.

Киселев И. Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (Из истории права XX века) / РАН. ИНИОН. Отд. правоведения; отв. ред. Е. В. Клинова. М., 2003.

Ковалева Л. А., Журавлева В. А. Особенности правового регулирования трудовой дисциплины в 1930-е годы на предприятиях Урала // Ист., филос., по-

лит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2009. № 1 (2). С. 54–59.

Кодинцев А. Я. Осуществление правовой политики советского государства органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа ПВС СССР от 26 июня 1940 года // Право и политика. 2007. № 10. С. 126–131.

Кудрин А. С., Кудрин С. М. К вопросу о регулировании трудовых отношений в СССР в период существования административно-командной системы с конца 20-х до середины 40-х годов XX века // Труд. право в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 7–10.

Лазарев С. Е. Правовое регулирование трудовой дисциплины в СССР во второй половине 1930-х годов // Гражданин и право. 2015. № 10. С. 14–23.

Лушиников А. М., Лушиникова М. В. Правовое регулирование трудовых отношений в годы Великой Отечественной войны (краткий историко-правовой очерк) // История государства и права. 2015. № 9. С. 55–60.

О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28.12.1938 г. // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4429> (дата обращения: 01.07.2017).

О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. // КонсультантПлюс: сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3573> (дата обращения: 01.07.2017).

Серегина Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Журнал рос. права. 2010. № 8. С. 139–148.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. 2-е изд. М., 2008.

Филатов С. Г. Пути решения кадровой проблемы на предприятиях пищевой промышленности Поволжья в 1938–1941 гг. // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. № 5 (19). С. 200–203.

Хлевнюк О. В. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.

Черепанова Е. В. Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал рос. права. 2010. № 10. С. 139–145.

Чупрынников С. А. Политика советского государства по укреплению трудовой дисциплины и улучшению качества продукции накануне Великой Отечественной войны // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2013. № 2 (174). С. 58–63.

УДК 94(47).084.5:338

А. П. Килин

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
КАК МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Изучение экономической истории предполагает активное использование методологии как фундаментальных, так и прикладных экономических дисциплин. Значительный исследовательский потенциал сосредоточен в рамках таких направлений, как маркетинг и менеджмент, которые развиваются наиболее динамично, в силу их практической направленности. Рассмотрение такого специфического периода отечественной истории, каковым является новая экономическая политика, в качестве модели управления позволяет как актуализировать ряд тем, так и и рассмотреть их под иным ракурсом. Формирование нэповской модели управления основано на признании ее неоднородности и противоречивости. Речь может идти не об одной модели, а нескольких моделях как находящихся в единстве, так и вступающих в конфликт друг с другом. Учитывая многообразие моделей, которые могут быть использованы при анализе нэповских реалий, мы остановимся на двух: модель управления многоукладной экономикой и территориально-рыночная модель региональной политики. Актуальной задачей является проблема соотношения теоретических построений и эмпирического опыта при построении и реализации моделей управления в процессе социального конструирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: новая экономическая политика, модель, уклад, многоукладность, план, рынок, экономика, политика, регион.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Теория социального конструирования позволяет рассмотреть процесс разработки, модификации и реализации различных моделей управления применительно к реалиям раннесоветского общества в целом и новой экономической политики в частности. Если рассматривать управление как воздействие субъекта на объект с определенной целью, то управлять – это значит руководить, направлять деятельность. Управление рассматривается как «элемент и одновременно функция организованных систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определенной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы и цели деятельности» [Теория управления, с. 18].

Модель – это продукт моделирования, то есть процесса, в котором участвуют объект моделирования и субъект, то есть тот, кто это моделирование непосредственно осуществляет [Теория управления, с. 33]. Категория «модель управления» является одной из ключевых в науке и практике управления. Это обусловлено тем, что любой субъект управления стоит перед вопросами: как управлять тем или иным объектом? какие управленческие стратегии, рычаги и технологии использовать, чтобы эффективно решать стоящие перед ним задачи?

Процесс формирования модели управления может быть реализован различными способами:

1. Модель может быть взятой уже готовой, имея в виду, что мировой и отечественный опыт практического менеджмента предоставил немалое количество моделей, которые в свое время и при определенных условиях дали положительный результат. Отметим, что способ прямого копирования не всегда бывает эффективным.

2. Можно сконструировать модель по «методу сборки» из готовых «деталей», которыми будут являться наиболее эффективно работающие элементы различных моделей управления. Этот подход предполагает широкую эрудицию и точный «глазомер» разработчика, так как в противном случае вместо синергии получится хаос, а отдельные элементы будут подавлять потенциал других.

3. Можно выбрать базовую модель управления, которая в максимальной мере отвечает предъявляемым требованиям, исключить из нее нежелательные элементы, разработать и встроить в нее новые элементы, которые отвечают специфическим особенностям управляемого объекта и условиям его функционирования.

4. По нашему мнению, в ряде случаев, в условиях неопределенности и при отсутствии четкого представления о заданных параметрах будущей

модели, за основу может быть взята антагонистическая модель, а затем формируется ее антипод, то есть система в максимальной степени исключая черты оригинала. Это своего рода метод проектирования «от противного». Однако, как показывает практика, антагонисты, постоянно враждующие системы, становятся схожи. Поэтому в данном варианте есть риск воспроизводства, правда, в искаженном виде, той модели, которая первоначально рассматривалась как антагонистическая.

5. Самый креативный, но одновременно и рискованный способ – это путь радикальных инноваций. Можно создать и запустить принципиально новую модель, опирающуюся на совершенно новую парадигму, способную уловить едва намечившиеся изменения во внешней среде, которым суждено стать доминантными в будущем. В этом случае, даже при слабых исходных позициях, можно добиться преимуществ в борьбе с сильным противником, сломав стереотипы, изменив навязанную вам повестку и правила игры, тем самым нейтрализовать первоначальное превосходство «старых» моделей. Радикальные социальные преобразования, революции идут зачастую по этому пути, однако впоследствии, при стабилизации режима и закрепления на завоеванных позициях, вынуждены прибегать к более традиционным моделям управления [Теория управления, с. 34].

В нашем представлении при моделировании нэпа использовались третий и четвертый варианты, так как речь шла об адаптации концепции построения социализма в слаборазвитой стране, а в качестве «антипода» рассматривался «военный коммунизм».

В менеджменте выделяют целый ряд критериев классификации и соответствующие им модели управления: по виду преобладающей собственности на средства производства; по степени рыночного влияния на экономику; по масштабу и уровню управления; по характеру реализации властных полномочий; по месту человека в системе производительных сил; по территориальному происхождению, зарождению и месту широкой адаптации; по принадлежности к соответствующим школам менеджмента; по отношению к изменениям во внешней и внутренней среде и т. д. [Теория управления, с. 35–36]

В сфере корпоративного управления принято выделять модели по способу аккумуляции капиталов (инсайдерская и аутсайдерская модель) и по способу принятия решений и учета мнения миноритарных акционеров (авторитарная, демократическая). Особое внимание уделяется национальным особенностям, различия которых обусловлены институциональной средой, в которой действует корпорация (англо-саксонская,

японская, германская). В рамках этого направления особое внимание уделяется российской модели управления, которая характеризуется как инсайдерская, предпринимательская, переходного периода, адаптивная [Прохоров].

Закономерно возникает вопрос: насколько нэповская модель согласуется с национальной моделью или она является «отступлением» от традиции? [Килин, 2009].

На основе предложенной классификации можно охарактеризовать нэп как модель с доминированием (или насаждением) социалистической собственности на средства производства; модель централизованного планового управления с элементами рынка; макромодель, которую предполагалось реализовать на территории всей страны; авторитарная; на грани доиндустриальной и индустриальной, учитывая аграрно-индустриальный характер экономики; сочетающая в себе как традиционно российские элементы, так и советские, выступающие в качестве новаций; тяготеющая к «административной школе» менеджмента; как ситуационную и адаптивную модель. Источники инвестиций предопределили формирование инсайдерской модели корпоративного управления.

Отметим, что, по нашему мнению, можно говорить не об одной модели, а о ряде моделей управления, которые были реализованы в 1920-е гг., а противоречия нэпа могли вытекать не только из противопоставления политики и экономики, но и из разнонаправленного воздействия на экономическую жизнь различных моделей управления.

Полярность понятий, дихотомия, противопоставления не всегда могут отразить все многообразие действительности, поэтому на смену классовому подходу приходит теория стратификации, а на смену паре «капитализм – социализм» – теория многоукладности. В политических целях, при доминировании идеологических установок, напротив, картина обедняется, и конфронтационный подход, основанный на антагонизме и противопоставлении двух систем, становится более популярным, востребованным и удобным в проведении пропагандистских кампаний.

Мы можем говорить о формациях как о моделях социально-экономического развития, а об укладах – как категориях более низкого порядка, как о результатах этого моделирования, сочетающих в себе как теорию, так и эмпирику [Многоукладность России, с. 42]. Происходит конструирование уклада путем модификации первоначальной идеи в реальной среде и под воздействием объективных условий, что приводит к появлению новой формы, которая по своей сути может существенно отличаться от оригинала («советский социализм»).

Как известно, В. И. Ленин выделял пять «систем», «укладов» или «экономических порядков», при этом оговаривался, что это тот минимум, «который мы наблюдаем». Можно предположить, что этих укладов могло быть намного больше. «Первое – патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе – мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье – капиталистическое – это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое – государственный капитализм и пятое – социализм» [Ленин, с. 158]. Б. Д. Бруцкус писал, что говорить о госкапитализме при нэпе было бы ошибкой, потому что «мы считаем эти ярлыки обманчивыми, так как получение прибыли ни в коей мере не движущая сила советской системы» [Бруцкус, с. 118]. В. П. Тимошенко, рассматривая причины перехода к автаркии в экономике страны, заметил, что «в изолированной от внешнего мира стране можно было называть социализмом все, что угодно» [Тимошенко, 2010, с. 91].

При анализе современной ситуации экономисты выделяют другой набор укладов, что обусловлено как более широким толкованием этого термина, так и более сложными хозяйственными связями и множественностью факторов, влияющих на хозяйствующие субъекты. И. В. Троцук отмечает: «Авторы предлагают следующую типологию укладов: сельский (соответственно, может быть и городской), рыночный (в качестве примера выступает частнопредпринимательский) и нерыночный (например, семейный), государственный, неформальный (правда непонятно, синонимичен ли он неформальной экономике как более устоявшейся лингвистической конструкции или чем-то принципиально отличается), диаспорный и кооперативный (имеющий в российском обществе давнюю и весьма успешную историческую традицию, но принявший в советский период ложный, дефективный, а в постсоветский период – квазигосударственный, а потому неэффективный номинальный характер)» [Троцук].

Примечательно, что «важной стороной развития уклада является его относительная открытость, динамизм и перекрестное состояние его субъектов. <...> В каждый из укладов вмещаются различные стороны жизнедеятельности как отдельных групп людей, так и отдельного человека. Это означает, что один и тот же человек может быть отнесен к различным укладам в зависимости от того, как им самим ранжируются окружающая его среда, какую сторону жизнедеятельности он определяет для себя в качестве главенствующей. Отсюда говорить о принадлежности различных социально-экономических групп и личностей к какому-

лицо укладу достаточно сложно, поскольку один и тот же субъект может олицетворять собой несколько укладов, поэтому затруднительна структуризация укладов с точки зрения их количественного наполнения» [Многоукладность России, с. 19–20].

Такая постановка вопроса ставит перед исследователем проблему формирования идентичности индивидуума. В качестве примера можно привести рабочих на предприятиях Урала, особенно в малых городах и рабочих поселках, которые были вовлечены в сельскохозяйственную деятельность и которых характеризовали как «полурабочие-полукрестьяне». Они были вовлечены как в государственный уклад, если предприятие находилось в государственной собственности, так и в частнопредпринимательский, если они работали на частном предприятии, а также в патриархальный или семейный уклад – занимаясь обработкой земли [Килин, 2017].

Доминирование государственного уклада и огосударствление всех прочих (через систему надзора и контроля, ограничение правоспособности, фиск, межбюджетные отношения, подавление конкуренции, нормированное распределение и ценообразования и т. п.) приводили к деформации многоукладной экономики, делая ее функционирование ущербным. «Ограничение на развитие рыночных отношений, так же как и их деформированный характер, приводили к тому, что все остальные, кроме государственного, уклады, без которых в принципе невозможно развитие социально-экономических отношений в стране, прежде всего мелкотоварный, вынуждены были становиться неформальными. Они развивались параллельно с разрешенными и институционально оформленными, что нарушало узаконенную систему общественных отношений, но в тоже время объективно давало этой системе возможность функционировать, и даже развиваться» [Многоукладность России, с. 26]. В этой связи нэп можно рассматривать как период адаптации мелкотоварного и частнокапиталистического укладов к условиям доминирования государственного сектора. Государство, уничтожая частный сектор, создавало дефицит товаров и услуг, что способствовало становлению теневого сектора экономики.

Помимо экономических, ограничение многоукладности можно рассматривать и с точки зрения политических процессов, в частности развития демократии. «В основе становления и развития гражданского общества в развитых странах лежит его многоукладность, то есть возможность создавать многообразные государственные структуры различными социальными группами в целях реализации своих гражданских и полити-

ческих амбиций и защиты своих социально-экономических интересов» [Многоукладность России, с. 26]. Ликвидация многоукладности приводила к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях советской России как минимум оказывалась проблематичной. Говорить о подлинной самостоятельности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, мелкотоварного или частнособственнического укладов. Проблема существования «замкнутого круга частного сектора хозяйства», которая активно обсуждалась в 1928–1929 гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывали с контрреволюцией [Килин, Мобилизационная..., 2016].

Учитывая специфику СССР как полиэтнического государства с ярко выраженной асимметрией в уровне социально-экономического развития отдельных регионов, необходимо рассмотреть и региональную политику в 1920-е гг. как модель управления.

И. Б. Орлов выделил факторы, которые предопределяли специфику реализации нэпа на различных территориях: миграция, геополитическое положение региона, ландшафтно-географические условия, особенности экономической специализации и социальной организации региона, сохранение очагов Гражданской войны, сепаратистские тенденции, демографические и национально-конфессиональные особенности населения, административные «переделы», длительность и прочность позиции коммунистов в регионе, уровень профессионализма местной власти [Орлов, с. 37–48].

В соответствии с системой регионоведческого описания эти факторы могут быть представлены в следующем виде:

- географическое положение – предопределяет природно-климатические условия региона, выход к морям, удаленность от государственных границ или приграничное положение;
- ресурсный потенциал, который включает в себя пространственные, климатические, природные и антропогенные ресурсы;
- отраслевая структура региона: отрасли специализации, уровень комплексного развития, возможности диверсификации, степень развития многоукладности, то есть наличие различных укладов и характер связей между ними (рыночные, плановые начала – зачастую степень «рыночности» предопределялась наличием отраслей, производящими потребительские товары), степень экономической автономии, в том числе связанной с уровнем бюджетной обеспеченности региона, интенсивность

товарообменных операций. Все регионы формировались как «регионы для страны» и тем самым вписывались в единую систему хозяйства страны, но степень вовлеченности была разная – какой объем валового регионального продукта шел на обеспечение потребностей самого региона, а сколько на удовлетворение общесоюзных потребностей;

– социально-демографические особенности: социальная структура населения, численность, плотность, естественный прирост, миграция, этническая и конфессиональная структура;

– политические факторы: степень зрелости и уровень консолидации региональной элиты (партийной, хозяйственной, культурной), политический спектр (степень влияния партий и движений, в том числе региональных), сепаратизм, зрелость и укорененность органов советской власти, уровень лояльности центру, характер взаимоотношений центра и периферии, интенсивность этих связей, наличие и влияние региональных органов управления;

– уровень консолидации региона в рамках самостоятельных административно-территориальных или национально-государственных образований, либо включенность в административно-территориальные единицы более высокого ранга. Экономическое районирование – его адекватность реально сложившимся хозяйственным связям.

Формирование региона не может основываться исключительно на одном признаке, пусть даже очень существенном. В материалах комиссии по изучению районирования Наркомфина СССР отмечалось, что сама «возможность построения экономически действительно законченного района является в большей или меньшей степени утопической» [РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 2. Д. 1121. Л. 12].

Идея тотального планирования предопределила стремление совместить границы административно-территориальных единиц с границами экономических регионов, при этом в качестве каркаса экономики региона рассматривалась промышленность, зачастую только тяжелая. Такое специфическое видение было предопределено идеологическими установками на необходимость приоритетного формирования индустриального уклада в СССР и инвестирование, прежде всего в производство средств производства [Гершенкрон, с. 118]. Доказать преимущество социализма стремились не путем повышения жизненного уровня населения, а победой над развитыми странами в производстве средств производства. Внешний фактор – «догнать и перегнать» и милитаризация экономики в преддверии очередной мировой войны, которая была предопределена враждебным капиталистическим окружением.

Проблема региональной политики состоит в поисках оптимального соотношения роли государства и иных акторов, в формировании таких «правил игры», которые позволяют реализовывать как интересы государства по отношению к регионам, так и собственные интересы самих регионов.

Формирование в годы нэпа территориально-рыночной или регионально-корпоративной модели региональной политики предполагало предоставление больших прав регионам [Тимошенко, 2005]. В рамках этой модели проявились себя следующие тенденции: децентрализация, делегирование союзными и республиканскими властями полномочий региональным властям; преобладание территориального принципа управления экономикой через советы народного хозяйства; формирование многоукладной экономики, соответствующей уровню социально-экономического развития региона и отражающей его специфику; кооперирование и интеграция предприятий различных форм собственности на одной территории; наличие конкурентной среды как внутри региона (между хозяйствующими субъектами), так и на уровне страны (между отдельными регионами, которые выступали как товаропроизводители и объекты инвестиций); формирование региональных элит, имеющих политические и экономические ресурсы для лоббирования региональных интересов. Очевидно, что рассмотренные нами модели взаимосвязаны и взаимообусловлены. В их основе лежит идея децентрализации, допущение многообразия форм собственности и видов хозяйственной деятельности, признание региональных отличий и делегирование части полномочий центра регионам.

На пересечении этих двух моделей могут быть выделены новые уклады, например, «горнозаводский» – сочетающий в себе начала индустриального и аграрного уклада, сложившийся в провинциальных городах и рабочих поселках Среднего Урала [Килин, Урбанизация... 2016]. С. В. Виноградов рассматривал закономерности развития многоукладной экономики, в том числе региональную специфику на примере Нижнего Поволжья (рыболовственный уклад) [Виноградов]. Ю. Л. Слѣзкин детально изучил патриархальный уклад малых народов Севера [Слѣзкин]. Анализ диаспорного уклада возможен не только в рамках национально-государственных, но и административно-территориальных образований. Примером могут служить цыганские колхозы [Килин, 2005] или хозяйственная деятельность этнических общин в крупных городах.

Виноградов С. В. Возрождение многоукладной экономики Российской Федерации в годы нэпа. 1921–1927 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 1998.

Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / науч. ред. А. А. Белых ; пер. с англ. А. В. Белых. М., 2015.

Килин А. П. «Смычка» города и деревни: политика государства или практика выживания? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2017. № 1 (250). Вып. 41. С. 133–141.

Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // *Magistra Vitae* : электрон. журнал по ист. наукам и археологии. 2016. № 1. С. 56–63.

Килин А. П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 5. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 187–226 [Электронный ресурс]. Официальный сайт департамента «Исторический факультет». URL: <http://hist.igni.uurf.ru/dais/articles/5/Kilin.doc> (дата обращения: 31.07.2017).

Килин А. П. «Советский период» в контексте формирования национальной модели управления // История управленческой мысли и бизнеса: Национальные модели управления: вчера – сегодня – завтра : X Международ. конф. ; Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова. Экономический факультет, 29–30 июня, 1 июля 2009 г. / под. ред. В. И. Маршева. М., 2009. С. 74–86.

Килин А. П. Урбанизация и рурализация в городах Уральской области в годы нэпа // Провинциальный город в междисциплинарном исследовательском пространстве: история, современность, перспективы развития : материалы межрегион. конф., приуроч. к 280-летию г. Челябинска, 30 сентября – 1 октября 2016 г. / сост. Ю. В. Краснова. Челябинск, 2016. С. 43–53.

Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП (б) г. Москвы и Московской губернии. 09.04.1921 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 43 (март – июнь 1921 г.). С. 158 [Электронный ресурс]. Всесоюзная коммунистическая партия большевиков. Теория и практика большевизма. Библиотека. URL: <http://bolshhevik.org/teoriya-i-praktika-bolshevizma/lenin/43.pdf> (дата обращения: 31.07.2017).

Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы : сб. / отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М., 2009.

Орлов И. Б. НЭп в региональном ракурсе: от усредненных оценок к многообразию // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 33–54.

Прохоров А. П. Русская модель управления. М., 2007.

РГАЭ. Ф. 7733. Министерство финансов СССР (Минфин СССР). 1917–1991 гг.

Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авторизов. пер. с англ. О. Леонтьевой ; предисл. П. Верта; 2-е изд. М., 2017.

Теория управления : учебник / Ю. П. Алексеев, А. Н. Алисов, Ю. Н. Барышников и др. ; под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации и др. 2-е изд. М., 2005.

Тимошенко В. П. В составе Уральской области: предпосылки применения территориально-рыночной модели регионального управления, условия реализации, результаты (1923–1929 гг.) // Урал. ист. вестн. 2005. № 12. С. 81–95.

Тимошенко В. П. Формирование советской модели внешнеэкономической политики // Урал. ист. вестн. 2010. № 3 (28). С. 84–93.

Троцук И. В. Уклады разные нужны, уклады разные важны // Вестн. Ин-та экономики Рос. академии наук. 2010. № 2. С. 510–514.

УДК 94(47).084.3:334.7.021

А. К. Гагиева

«ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ» КООПЕРАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ (1917–1920)

В статье рассматривается формирование административно-командной системы управления в раннесоветское время, указываются причины, повлиявшие на «огосударствление» кооперации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: административно-командная система, кооперация, Центросоюз, Коми край, пайщик.

Исследование вопросов «огосударствления» кооперации как элемента формирующейся административно-командной системы управления (АКСУ) в эпоху «военного коммунизма» сохраняет свою актуальность. Это связано не только с тем, что данный вопрос до настоящего времени недостаточно изучен, но и с тем, что рассмотрение исторического опыта «огосударствления» кооперации в первые годы советской власти позволит увидеть природу исторических процессов формирования государства – партии, во всем их многообразии.

Целью работы являлось исследование «огосударствления» кооперации как одного из элементов формирующейся АКСУ. Изучение такого исторического феномена, как АКСУ, невозможно без историографического анализа, который позволяет выявить типичные черты, характерные стороны и определить основные тенденции ее развития. В ряде работ мы уже представили историографический обзор работ, посвященный системе управления в эпоху «военного коммунизма» в контексте изучения образовательной деятельности кооперации [Полтавская, Бойков, Гагиева].

Изучение литературы позволяет утверждать, что учеными проделана определенная работа. По времени создания все работы можно условно разделить на научные исследования, вышедшие в советскую и постсоветскую эпохи.

В первой группе преобладают работы, подтверждающие правильность позиции правящей партии в вопросах организации управления отраслями. Даются обоснованные характеристики и делаются «правильные» с позиции власти выводы, объясняющие проблемы управления и просчеты, общую политическую ситуацию в стране и в мире. Вторая группа исследований связывает все недочеты в системе управления страной с формированием командно-административной системы, которая не только не помогала, но иногда и мешала развитию экономики.

Известно, что формирование и развитие государственного аппарата и органов управления, как и любое историческое явление, представляет собой результат сочетания и взаимодействия ряда факторов: внутренних источников саморазвития самого аппарата; объективных потребностей развития политической, экономической, духовной сфер с учетом роли государства; субъективных представлений руководителей государства о наиболее оптимальном устройстве управления.

В начале XX в. главный идеолог большевистской партии В. И. Ленин, опираясь на теорию марксизма, полагал, что при социализме, и уж тем более коммунизме, необходимость в государстве как аппарате подчинения одного класса другому постепенно отпадет в связи с отсутствием таковых, сформируется общественная собственность на средства производства. Свои надежды в преддверии близкой, как ему казалось, мировой революции он связывал с проникнутыми ненавистью к «богатеям» и старым порядкам народными массами, которые в условиях революции разрушат буржуазное государство и его аппарат. Развергивание самоуправления трудящихся позволило бы, по мысли В. И. Ленина, быстро подавить сопротивление «эксплуататорских» классов и создать новый, «высший тип демократии» в виде советского государства-коммуны. Это государство предоставило бы широчайшие права «большинству» – «трудящимся» и выступило бы диктатором только по отношению к «меньшинству» – «эксплуататорам». Вовлечение масс в управление В. И. Ленин рассматривал как необходимое условие проведения широких преобразований и эффективного решения социально-экономических проблем. Согласно марксистской теории, которую В. И. Ленин был вынужден адаптировать к условиям России, предполагалось заменить постоянную армию всеобщим вооружением народа, свести до минимума роль чиновничества, сделать его полностью

выборным, получающим зарплату не выше среднего квалифицированного рабочего, и устранить «ненужный» при социализме буржуазный принцип разделения властей. У В. И. Ленина до 1917 г. сохранялась иллюзия, что государство старого образца умрет, а новое будет совершенно другим.

Взгляды В. И. Ленина на государственное устройство в течение 1917 г. изменились. Это прежде всего было связано с желанием В. И. Ленина решить проблему удержания власти после ее захвата, ведь без государства и его аппарата невозможно удерживать власть над обществом. В. И. Ленин сформулировал идею «советского государства», которое будет диаметрально отличаться от «буржуазного».

Можно вычленить ряд основных положений, сформулированных вождем: будущее государство будет государством диктатуры пролетариата. Тип его – государство-коммуна, основанное на опыте Парижской коммуны. Единственно возможной формой организации власти в России должны стать Советы рабочих и крестьянских депутатов, совмещающие законодательную и исполнительную власть и являющиеся, по сути, новым государственным аппаратом. Бюрократия как власть привилегированных, невыборных чиновников, не подлежащих контролю народных масс, уничтожается, и будет создан аппарат управления на принципах выборности и сменяемости всех чиновников в любое время с оплатой их труда на уровне средней зарплаты рабочего [Гагиева, Кондратова, с. 19]. Главной идеей этой концепции являлась уверенность в возможности «одним ударом удесятерить наш государственный аппарат» путем привлечения трудящихся «к повседневной работе управления государством» [Там же].

Признавая неготовность части трудящихся к немедленному управлению государством, вождь большевиков рассчитывал, что передача дела управления «в руки пролетариев и полупролетариев даст такой невиданный в истории энтузиазм масс, что многое кажущееся невозможным... станет осуществимым для массы, начинающей работать на себя» [Там же]. Теоретические положения В. И. Ленина основывались на трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, на кратковременном опыте существования Парижской коммуны. Однако основа большевистской политики формировалась прежде всего на стремлении удержать власть в огромной стране в условиях разгоравшейся Гражданской войны, растущего сепаратизма регионов при слабости имевшегося аппарата на всех этапах управления. В результате практика государственного управления все больше расходилась с теорией.

Формирование новой системы государственного устройства в России началось на втором Всероссийском съезде Советов, который открылся

25 октября 1917 г. в Петрограде. Съезд констатировал переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а первыми декретами Советской власти стали Декреты о мире, о земле и о власти.

Жизнь заставила большевистских лидеров убедиться в уязвимости своей ставки на органы «непосредственной демократии», которые из-за общей культурной отсталости народных масс не могли справиться с огромным объемом властных и управленческих функций. Была разработана новая концепция государственности, поставившая в центр политической системы не Советы, а правящую коммунистическую партию как авангард пролетариата, а сами Советы оказались лишь рычагом управления государством в руках партии.

В дальнейшем эта тенденция закрепились тем, что партия узурпировала в конечном итоге государственные функции. В результате демократизм Советов (огромная надежда В. И. Ленина) был сведен к формальным процедурам, а исполнительный аппарат всгал над Советами. Принято считать, что к этому привел крайне низкий уровень культуры населения, так как предполагалось, что «каждая кухарка» может управлять государством. Образованные люди чаще всего попадали в постоянно действующие органы исполнительной власти, а не в выборные, а это значит, что стали доминировать исполнительные (или обслуживающие) органы. На это наслылось представление большевиков о разделении ветвей власти как о ненужном явлении. Поэтому исполнительные органы власти запросто «привхатывали» для себя и законодательные, и судебные функции.

Кроме того, отчуждение масс населения от собственности привело к тому, что население перестало выражать собственные настроения и представлять собственные интересы. В то же время интересы государства – собственника государственного имущества (идея создания общественной собственности оказалась утопичной) стали выражать государственные чиновники, располагавшие ключами к общественному имуществу, монополизировавшие управление им и распоряжавшиеся национальным доходом и богатством. В этом коренилась такая особенность советского государства, как раннее складывание административно-командной системы управления [Гагиева, Кондратова, с. 24].

Под административно-командной системой понимают такую систему государственного управления, при которой применяются принудительные, директивные методы регулирования общественных процессов. Экономические методы мотивации трудовой деятельности заменяются административным принуждением к труду.

Система строится на убеждении, что хозяйственную жизнь общества легче построить приказным порядком и по заранее составленному плану, при котором государственный аппарат стремится охватить и поставить под контроль всю совокупность общественных процессов. Для административно-командной системы характерна тесная связь с административными мерами принуждения, которые должны быть подкреплены деятельностью контрольных и карательных органов, иначе в обозримом будущем такая система начнет давать сбои.

Эта система в значительной мере держится на номенклатурном принципе управления обществом, означающем назначение и перемещение руководящих кадров всего государственного аппарата по воле «партийных органов» (номенклатурные должности) и обеспечивающем тем самым личную зависимость назначаемых от тех, кто находится на верху управленческой пирамиды.

К 1920 г. в РСФСР сложилась определенная структура органов государственной власти и управления. В ее основе формально лежала система Советов сверху донизу. Государственный аппарат строился по отраслевому принципу и охватывал все отрасли хозяйства и культуры. Вместе с тем надзору за обеспечением законности и соблюдением законов серьезно мешали отсутствие ряда основополагающих документов в этой сфере, множественность контролирующих и распорядительных органов, нечеткость во взаимоотношениях органов власти и управления и т. п. Это же относится и к органам управления кооперацией.

Известно, что кооперация – это самоуправляющаяся общественно-хозяйственная система, которая открыта для хозяйственной инициативы и предпринимательства в деле обеспечения товарами и услугами. Она, как и любая организация, имеет в своей структуре органы управления, контроля, а также аппарат. Сегодня в основе управления кооперацией лежат принципы выборности управления, отчетности и строгой функциональности каждого звена системы управления. Однако такая система сложилась не сразу.

До 1917 г. кооперация в стране являлась неотъемлемой частью жизни российского общества. Широкое развитие получили различные виды кооперации, но главной оставалась потребительская. Основной целью любого потребительского кооператива являлось снабжение членов кооператива предметами потребления лучшего качества и по более низкой цене. При этом главной задачей было устранение излишнего посредника между покупателями и продавцом. Для того чтобы стать членом кооператива, необходимо было выплатить вступительные и паевые взносы,

сумма которых оговаривалась в учредительных документах общества. Весь доход, получаемый от торговли, после вычета издержек кооперация возвращала продавцам. Распределение прибыли также определялось уставом общества, и способы ее распределения были самые разнообразные.

Каждое общество действовало по своему уставу, созданному на основе типового устава, который утверждался губернатором. Здесь прописывались цели общества, район деятельности, взносы, состав правления и ревизионной комиссии. Выборы правления должны были проходить на общих собраниях пайщиков. Членами общества мог стать любой житель того района, на который распространялась деятельность общества (обычно это была волость) [Хейсин, с. 156]. Общества объединялись в союзы, управление которыми определялось кооперативными собраниями губерний. Уполномоченные от низовых кооперативных организаций на съездах губерний выбирали правление, ревизионную комиссию, председателя и заместителей, а также делегатов на Всероссийский съезд потребительских обществ. Здесь в присутствии уполномоченных от губернских кооперативных съездов на основе тайного голосования шла процедура выборов в Центральный союз потребительских обществ (Центросоюз), который работал сессионно, собираясь раз в год. На съездах заслушивались отчеты, избиралось правление, а также ревизионная комиссия, председатель и заместители. Между сессиями работало правление, а также комиссии, отделы и подотделы, регулирующие деятельность кооперативных союзов. Вмешательство в их деятельность было минимальным [Хейсин, с. 157]. Оно включало юридическую помощь, обеспечение кооперативной и методической литературой по кооперации, обучение и переобучение кооператоров и т. д. Необходимые суммы на содержание аппарата, ведение культурно-просветительной и образовательной деятельности отчисляли кооперативные организации, что было подтверждено в уставе. Иными словами, к 1917 г. кооперация России строилась на демократических началах, существовали выборность и отчетность, определенный процент от прибыли шел на социальные нужды, государственного финансирования кооперации не было. В России в это время насчитывалось 10 080 потребительских кооперативов, куда входило более 6 млн человек, которые не только занимались коммерческими операциями, но и культурно-просветительской работой [Вахитов, с. 76].

Декрет от 20 марта 1919 г. изменил структуру управления кооперацией. Во-первых, вместо самостоятельной экономической организации, имеющей свои ресурсы и финансы, кооперация как форма организации торговли и сбыта была унифицирована. Вводились единые потре-

бительские общества (ЕПО). Их задачи состояли в организации равномерного и целесообразного распределения продуктов и предметов обихода; организации общественного и коммунального питания; организации производства и участие в регулировании производства; удовлетворении жилищных, культурных и других нужд потребителей. Кооперации передавалась вся сеть магазинов как национализированных, так и муниципализированных, а также кооперативные лавки, магазины, склады и распределительные пункты [Веселов, с. 27]. Были отменны вступительные и паевые взносы, введено обязательное членство населения в потребительских кооперативах. Финансирование осуществлялось из государственных средств по сметам. Вся структура управления была упрощена. Первичной ячейкой было единое рабоче-крестьянское потребительское общество, затем следовало губернское объединение (губсоюз) с отделениями в уездах (райотделения), и, наконец, высшим органом кооперации стал Центросоюз. В результате реформирования управления кооперации к началу 1920-х гг. Центросоюз превратился в орган государственной власти. При этом за кооперацией еще сохранялось право выбирать делегатов на кооперативные губернские и всероссийские съезды, где проходило голосование по выборам председателя правления, председателя ревизионной комиссии, заместителей и членов правления. Сохранялись и Советы кооперативных съездов, появившиеся в марте 1917 г.

Кооператоры отрицательно отреагировали на нововведения. Д. Д. Шляпников отмечал «Потребительской кооперации больше не существует..., кооперация уничтожается как таковая, даже собраний уполномоченных в прежнем их значении быть не может, а Центросоюз превращается просто в орган власти, сохраняя мнимое право управляться на выборных началах. Нарушен принцип добровольности... разрушены финансы» [Шляпников, с. 7]. Но большевики не реагировали на эти заявления. Путем реорганизации органов управления на местах кооперация занималась распределением продовольствия под контролем государства.

Окончательный удар по кооперации был нанесен 29 января 1920 г. Постановлением СНК были ликвидированы Всероссийский и губернский советы кооперативных съездов, их функции переданы губсоюзам и Центросоюзу [Макиеров, с. 107]. Многие руководители кооперации были арестованы и репрессированы.

Все мероприятия превратили кооперацию в полугосударственный орган, выполняющий на основе указаний правящей партии государственные задания по заготовкам и распределению. Она через вновь сформированное управление превратилась в технический аппарат по приемке

продуктов, сдаваемых крестьянами по продразверстке и отправке этих продуктов туда, куда укажут продовольственные органы. Снабжение населения товарами также перешло в руки государства, в результате кооперация из самостоятельной и творческой организации превратилась только в распорядительный орган Наркомпрода, т. е. стала частью государственного аппарата. Это же произошло и с органами управления кооперацией на местах.

Формирующаяся АКСУ не допускала самостоятельности организации в какой-либо форме, подчинив всю деятельности управления кооперацией исполнению партийных задач. Ликвидация независимого кооперативного движения, национализация финансов и капиталов, изменение структуры управления кооперацией решала не хозяйственные, а политические задачи. В основу всех действий большевики положили идею о приоритете классовых (пролетарских) интересов. Именно это определило взаимоотношения кооперации и власти в первые годы советской власти, которая считала, что кооперация – второстепенный, вспомогательный инструмент в борьбе с капитализмом, а В. И. Ленин видел в изучаемое время в кооперации только технический аппарат, который необходимо изъять. Однако с переходом к НЭПу позиция идеолога изменилась.

Вахитов К. И. Потребительская кооперация СССР. М., 1991.

Веселов С. В. Кооперация и советская власть: период «военного коммунизма» // *Вопр. истории* 1991. № 9–10. С. 25–37.

Гагиева А. К., Кондратова И. В. Организация государственных учреждений в России: история и современное состояние : учеб. пособие. Сыктывкар, 2010.

Макаров И. Я. Потребительская кооперация СССР // *Кооперация в СССР за десять лет.* М., 1928. С. 102–111.

Полтавская Г. П., Бойков В. К., Гагиева А. К. Кооперативное образование в Республике Коми. Сыктывкар, 2005.

Хейсин М. Л. Исторический очерк кооперации в России. Пг., 1918.

Шляпников Д. Д. Кооперация и революция (от старой к новой кооперации). Казань, 1920.

УДК 94(47).084.5:338

И. А. Гатауллина

НЭП В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЕКТА БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Представлен критический взгляд на ленинскую схему осуществления социалистической идеи на этапе НЭПа. Разворот к капитализму обосновывается как единственный путь спасения страны от военно-коммунистической катастрофы; не временная уступка, а вынужденная мера, не оставлявшая выбора вождю революции. Утверждается, что региональный НЭП – доказательство его результативности вследствие опоры на предшествующий опыт жизнедеятельности людей определенной территории.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ленин, НЭП, Среднее Поволжье, капитализм, рынок.

Исследовательский интерес к проблематике НЭПа, никогда прежде не ослабевавший и, казалось, сполна удовлетворенный в отечественной историографии, сегодня обосновывается не только приближающимся столетием русской революции. Непростой путь рыночных трансформаций в стране вызывает как минимум два крупных вопроса: каковы пределы взаимоотношений государства и рынка в современной России, но главное – зачем ей нужен опыт НЭПа? Парадоксальность ситуации в том, что, вхождение страны в систему цивилизационных координат глобального мира не ослабило актуальности рыночной тематики. Напротив, потребность в новых интерпретациях политики и практики в 1920-е годы усиливается. Требуется строительство нового методологического каркаса переосмысления НЭПа как условия приближения к максимально достоверному его отражению для более ясного понимания и решения совсем не праздных политико-экономических и социокультурных российских проблем начала XXI века.

Изучение отечественной истории всегда носило выраженный государственно ориентированный характер. Сильно зависимое от внутриполитического курса страны, оно представляет собой волнообразную смену формата локальной, изолированной от мира истории страны встраиванием последней в событийную панораму всемирной, глобальной истории. Локальность традиционна и незатейлива в оценках субъективно расставляемых акцентов, жестко ориентированных на соответствие политико-идеологическим установкам, инициирующим процесс мифологизации

истории. Компаративистика сложнее, так как требовательна к критическому анализу, неизбежно ведущему сначала к пересмотру сложившихся оценок в истории, потом же, разумеется, к ее демифологизации.

По нашему мнению, проблематика НЭПа представляет собой яркий пример не только того, как формировались, изменялись концепты изучения этого периода, но как в ходе этого процесса сложился миф о НЭПе как продукте гениальной прозорливости Владимира Ленина, сумевшего введением новой политики отступить от принципов социализма во имя спасения собственно идеи диктатуры пролетариата, революции и ее идеалов. Этот миф, словно блестящий фантик, переливающийся разными оттенками толкований, просуществовал 70 лет, скрывая подлинную сущность НЭПа. Историографический разворот от выхолащенной истории советской эпохи к истории Человека вызвал растрескивание «мифологической штукатурки», тогда как идеологический конструкт остался неизбыточным, потому что центральная мысль В. И. Ленина, согласно которой «НЭП вводится надолго, но не навсегда», как, впрочем, и сама фигура «политического гения», не отрефлексированы в полной мере в отечественной историографии. Несмотря на то, что постсоветская Россия уже существует по времени в три раза дольше России нэповской, проблема собственности и доверия власти к ней заставляет задуматься: долго ли просуществует рынок в стране и каковы его институциональные перспективы? Изучение новой экономической политики 1920-х годов в данном контексте приобретает значение, которое сравнимо разве что с фактом ее отмены Сталиным, пославшим «НЭП к черту!» спустя восемь лет после введения. Региональные особенности реализации и свертывания НЭПа актуализируют постановку проблемы: как в 1920-е годы, так и сегодня, не столько внешний, сколько внутренний фактор – огромная территория и сложный этнический состав населения страны – испытывает на прочность хрупкий механизм баланса государства и рынка.

Традиционно и вполне справедливо историки связывают введение НЭПа с военно-коммунистической катастрофой, подтвердившей абсурдность коммунистических устремлений и сделавшей пребывание большевиков у власти вопросом времени. Однако представляется важным обратиться к оценке идеологии революционного процесса и его вдохновителя. Ясно, что Октябрьский переворот 1917 г. стал закономерным следствием и способом разрешения насущных российских проблем. Предреволюционная история показывает, насколько слабость российских рыночных структур и, соответственно, представительных институтов сделала положение общества столь уязвимым, что оно оказалось заложником,

пожалуй, самого драматического сценария развития событий, которого никто не ожидал. Установление диктатуры пролетариата было вряд ли возможно в иных условиях, а также вне одержимости Ленина, сполна реализовавшего свои политические амбиции, ничем не ограниченные и никем не корректируемые. Учет психологического фактора позволяет согласиться с мнением британского историка Р. Пейна, считавшего Ленина неисправимым доктринером-догматиком, человеком, не ведавшим страха, посвятившим свою жизнь науке разрушения [Пейн, с. 658]. Но, овладев властью, он не знал, как ее употребить. Теория требовала практических подтверждений, которых Ленин предоставить не мог. Сегодня это вполне объяснимо, если принять во внимание профессиональную сторону его личности. Несмотря на природную одаренность, прилежание и отличные показатели в учебе сначала в гимназии (по окончании которой в аттестате значилась единственная четверка по логике), потом – экстерном в Петербургском университете, где получил диплом юриста, Владимиру Ленину не удалось себя ни в чем реализовать, за исключением работы адвокатом короткий промежуток времени. Наверное, это серьезный довод в пользу вышеприведенного утверждения. В. Ленин стал профессиональным революционером, который значительную часть – 15 лет – своей жизни пробыл в эмиграции и вернулся в Россию только в 1917 году с целью осуществить социалистическую революцию. Весь последующий ход событий, начиная с разгона Учредительного собрания, Гражданской войны и заканчивая крестьянскими восстаниями 1921 года, свидетельствует о том, что у лидера партии отсутствовали как план, так и программа действий, что сегодня можно квалифицировать как политическую некомпетентность и безответственность. История же играет злые шутки с теми, кто игнорирует ее опыт, кто, проектируя модели справедливого будущего, отрывается от реальности, какой бы отвратительной она не являлась.

Царизм был ненавистен не только В. Ленину, но и разным слоям российского населения настолько, что с ним действительно надо было что-то делать. Однако революционный пыл опередил эволюцию российского капитализма, в жерновах которого медленно, но верно перемалывалась вековая российская отсталость. Когда военно-коммунистическая катастрофа не оставила шансов Ленину, он с той же одержимостью уцепился за безответственно разрушенный им капитализм. И если военный коммунизм являлся зримым свидетельством отсутствия представлений новой власти о способах осуществления большевистского проекта, то новая экономическая политика не только показала ошибочность изначально выбранного пути [Пейн, с. 656], но и стала спасением для большевизма.

Это доказывает реализация НЭПа в Среднем Поволжье, начавшаяся с великого бедствия.

Вхождение региона в режим действия Декрета о замене продразверстки продналогом оказалось отягощено голодом в Поволжье, охватившем из-за реквизиционных методов изъятия хлеба у крестьян 35 губерний России. В результате этого весной 1921 г. в средне-волжских селениях поля засеивать было нечем, а с осени население стало питаться суррогатом. Вынужденные сдавать продналог в полном объеме, крестьяне решительно не понимали смысла новой политики, эта мера им казалась хуже прошлогодней разверстки [Письма во власть, с. 278]. Они не скрывали своего раздражения, обвиняя власть в неискренности. «Все основано на обмане! Указано, что излишки – на улучшение своего хозяйства, а здесь выходит совершенно другое» [Там же]. Сбор обязательного платежа с урожая 1922 г. ухудшил и без того бедственное положение крестьянского населения. Законодательные акты 1923 г. по освобождению от уплаты, сложению недоимок по натуральному налогу 1921/1922 г., задолженности по семсудам или ее отсрочке страховали от голодной смерти лишь беднейшие слои населения. В. Ленин же, отмечая, что этот голод «немного меньше, чем бедствие 1891 года», в своем единственном обращении к международному пролетариату с просьбой о помощи обвинял в этом помещиков, интервентов, контрреволюционеров и, конечно, капиталистов, которые в лице американского Гуверовского комитета и Нансеновского Красного Креста спасали умирающих людей, и ни разу – ни себя, ни большевиков [Ленин, с. 75–76]. Взрослые и дети гибли миллионами. Голод 1921 года унес, согласно Р. Пейну, ссылающегося на прикидки Я. Свердлова, двадцать семь миллионов человеческих жизней [Пейн, с. 552].

Так, из восьми лет, отведенных НЭПу историей, два года ушло на преодоление масштабного бедствия, ставшего после военного коммунизма и Гражданской войны еще одной трагической страницей большевистского проекта. В результате слишком узкого временного разбега механизму НЭПа так и не удалось набрать обороты: экономические показатели оказались достаточно скромными. Но психологический эффект был поразительный [Там же, с. 550], таковым он остается и по сей день; полагаем, что именно это обстоятельство питает мифологичность НЭПа. Тем не менее реальность развеивает ее, не оставляя камня на камне: все, что удалось сделать за столь короткий временной промежуток, говорило об эффективности индивидуализированной собственности, частной инициативы, развернувшейся в рамках политики, которая, называясь новой, поворачивала назад. Большевистская реконструкция капитализма в разрешен-

ных властью пределах высвобождала региональную экономику из жесткого рационарирования эпохи «военного коммунизма», формировала рыночную конъюнктуру, выразившуюся прежде всего в стремительном росте региональной торговой сети. В ней доминирующие позиции заняли татарские предприниматели, отличавшиеся завидной активностью по причине знания языков своих соседей [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 72. Л. 207]. Благодаря этому им удалось реализовать свои интересы в 1920-е годы так же, как и до революции. В первой половине 1920-х годов сформировались рынки – продовольственный, мануфактурный, кожевенный – и главным образом хлебный, определявший цены. «Не единым приказом из Центра, а движением снизу» [Венгеров] возродились товарные биржи, формировавшие ценовую политику, выявлявшие спрос и предложение. Сильная конъюнктура в результате хорошего урожая 1925 г. способствовала заметному оздоровлению экономической ситуации в регионе. Если еще три года назад в меню крестьянина из Самарской области значились только кишки от лошади, то уже в феврале 1925 г. выборочное обследование питания сельского населения показало более сбалансированную картину потребления белков, жиров и углеводов, хотя существенно уступавшую по разнообразию и калорийности горожанам [ГАСамО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1694. Д. 3312. Л. 4].

«Поставленная крестьянством на колени» (В. Булдаков) власть вынуждена была строить эволюционную модель госкапитализма, начиная с сельского хозяйства, постепенно переходя на решение задач восстановления промышленности, от которой зависело укрепление экономических связей в регионе. Новые организационные формы – трестирование, хозрасчет – вносили подвижность и гибкость в структуру хозяйственного механизма. Так, тресты пищевого, кожевенного, химического направлений изыскивали пути самостоятельного ведения производства, добиваясь повышения производительности труда и снижения себестоимости. Металлтресты столкнулись с более сложной ситуацией: изношенность основного капитала предприятий, недостаток оборотных средств, сырьевой кризис сдерживали производство, не обеспечивая возросшую товарность крестьянских хозяйств достаточным объемом столь необходимых, но дорогостоящих плугов и сельскохозяйственных машин. Таким образом, функционирование этих производств, сформировавшихся в дореволюционный период, носило нестабильный характер, и тем не менее они имели добротные основания для последующей капитализации и технической модернизации, постепенно встраивались в рыночный процесс, ориентируясь на удовлетворение насущных потребностей населения. Как же

после небывалой разрухи и многомиллионных человеческих жертв, всего за неполные шесть лет в регионе в условиях жесткой идеологической заданности сформировалась рыночная среда, следующим шагом которой должен был стать рыночный порядок?

Реализация НЭПа в России в видоизмененной форме госкапитализма подтвердила общую базовую характеристику европейских государств после войны и вызванных ею сдвигов в политической структуре. На наш взгляд, заслуживает внимания наблюдение австро-американского экономиста Й. Шумпетера, заметившего, что «скрытый под лохмотьями старого платья социальный организм и, в частности, экономический процесс оставались теми же, что и прежде» [Шумпетер]. Как бы старательно социалисты ни облачали принимаемые меры в убранство из социалистической фразеологии, они должны были править по сути в капиталистическом мире, и до-ставшаяся им социальная и экономическая система могла двигаться только по капиталистическим рельсам. По мнению экономиста, социалисты могли ее проконтролировать, отрегулировать, сдвинуть в интересах труда до потери ее эффективности, но только не создать нечто специфически социалистическое. «Если они брались управлять этой системой, они должны были делать это в соответствии с ее собственной логикой. Им пришлось “управлять капитализмом”. И они стали им управлять» [Там же]. Из этого можно заключить, что введение НЭПа подчинялось действию всеобщей, рационалистической тенденции эпохи, противостояние которой было равносильно самоубийству государства. Региональное измерение НЭПа показывает, что использование рыночных структур возрождением сложившихся традиций, «которые воплощает в себе наиболее верный и успешный выбор предшествующих поколений» [Кейнс]. В нашем случае это опыт капиталистического хозяйствования дореволюционной России, ставший фундаментом осуществления новой экономической политики. Однако нэповская реальность поставила перед властью более сложные вопросы. Районирование республик и областей – один из таких.

Восстановление экономических связей возрождало веками складывавшуюся систему взаимодействия народов Средне-Волжского региона. Вопрос о его наиболее эффективном пути развития оказался тесно связанным с национальным фактором. Рынок, по природе своей не терпящий ограничений, выдвинул задачу укрупнения созданных в 1920-е годы республик и областей. Но ее решение в Центре и в регионе представлялось по-разному. Татарская АССР выступила со своей особой позицией, которая учитывала национальное самоопределение народов, некогда живших на экономически единой территории. В феврале 1920 года администра-

тивная комиссия ВЦИК определила ее как Поволжский экономический район, а Госплан в 1921 году – Средне-Волжской областью с центром в Самаре. Для того чтобы обосновать свое видение решения этой проблемы, в 1922 году правительство ТАССР выдвинуло альтернативный проект Волжско-Камской экономической области, в которую вошли Татарская АССР, Чувашская, Марийская и Вятская автономные области. Основанный на глубоких научных разработках, продолжавших дореволюционную традицию всестороннего исследования Поволжья, и в частности Волжско-Камского района, не только как территориально-административной единицы, но прежде всего связанного общественным разделением труда географического, хозяйственного и социокультурного пространства, проект позволял политикам и общественным деятелям республики подходить к вопросу разрешения насущных экономических задач с точки зрения необходимости учета сложившихся исторически условий хозяйствования, быта и культурных традиций. Хотя проект, обсуждавшийся в Казани и Москве на протяжении 1920-х годов был отвергнут, а его авторы обвинены в национализме и осуждены, он поднял проблему государства, расположенного на огромной территории, полноценное развитие которого возможно только на основе самоуправления его регионов. Однако уже почти столетний опыт истории советского районирования показывает, что именно идея самоуправления остается в России в наименьшей степени реализованной, вплоть до настоящего времени.

Эту тему как институциональную проблему представил в «Конфиденциальной записке» С. Ю. Витте еще в 1899 году. Рассмотрев вопрос о связи системы местного самоуправления с политическим строем и конституционным режимом, тогдашний министр финансов пришел к убеждению, что самодержавие и земство – два противоположных начала. Следствием этого является их постоянная борьба, которая «повторяется везде, где земские учреждения вводятся в строй, им несоответствующий; везде, где делается попытка совмещения их с органами бюрократическими». Но самоуправление, продолжает С. Ю. Витте, есть «понятие всецело политическое», и когда оно перестанет быть таковым, то тем самым уничтожится «его сущность и останется одна внешняя оболочка» [Витте, с. 201–202]. Несмотря на давность, утверждение известного политика поразительным образом верифицируется на каждом последующем этапе российской истории: и в советский период, когда республики объединились в единый государственный союз на началах равноправия; и в постсоветское время, когда вследствие упорной борьбы за свои реальные права республики обрели статус независимых государств. Вопрос продления действия

Договора о разграничении полномочий между Российской Федерацией и Республикой Татарстан – продолжение темы взаимоотношений Центра и российских регионов как отражение многоаспектности проблематики госкапитализма, не терпящей тривиальных решений.

Все свидетельствует о том, что жизнь с ее насущным хлебом намного сложнее выхолощенных проектов идеального государства. Какой бы совершенной ни мыслилась воображаемая система, ее ценность равна нулю, если в ней нет места Человеку со всеми присущими ему положительными и отрицательными проявлениями. Среда формирует и предлагает оптимальные структуры жизнедеятельности, и задача в этом случае сводится к одному: уметь их максимально приспособить к Человеку, который в свою очередь, также приспособляясь, постепенно преодолевает возможное и невозможное в ней. Капитализм как продукт культурной эволюции, разумеется, изменяющийся во времени, стал таковой структурой, сегодня – социально ориентированной структурой глобального порядка человеческого взаимодействия и современных технологий, созданных вечно «поглощенным погоней за прибылью презренным обывателем» [Хайек].

Венгеров В. Товарные биржи в Союзе Советских республик // Сов. товар. биржа. М., 1991. С. 93–114.

Витте С. Ю. Самодержавие и земство. Записка Министра финансов статс-секретаря гр. С. Ю. Витте. Предисл. Череванина. СПб., 1908.

ГАСамО. Ф. 76 (Самарский губернский статистический отдел, 1918–1929 гг.)
Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег // Электронная библиотека RoyalLib [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/keyns_d/obshchaya_teoriya_zanyatosti_protsenta_i_deneg.html (дата обращения: 20.08.2017).

Ленин В. И. Обращение к международному пролетариату // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1974. Т. 44. С. 75–76.

Письма во власть: 1917–1927. М., 1998.

Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть. М., 2008.

РГАСПИ. Ф. 17 (Организационно-инструкторский и организационно-распределительный отдел ЦК РКП(б) и ЦК ВКП(б) 1920–1940 гг.)

Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия // Электронная библиотека PROFILIB [Электронный ресурс]. URL: <https://profilib.com/chtenie/123504/yozef-shumpeter-kapitalism-sotsialism-i-demokratiya.php> (дата обращения: 20.08.2017).

УДК 94(47).084.3/.084.6:658

В. В. Запарий

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ: 1917–1941 гг.

Статья посвящена актуальным вопросам трансформации военной промышленности в контексте социальных преобразований, проводимых партией большевиков. Автором предложена периодизация промышленной политики, выделены этапы и представлен краткий анализ их основного содержания. Дана оценка большевистскому эксперименту по построению социалистической, командно-бюрократической модели управления экономикой, рассмотрены причины ее формирования. Показано изменение взглядов большевиков на роль военной промышленности: от относительно нейтрального, обусловленного необходимостью стабилизации в ожидании «мировой революции», до классического, советского подхода, предполагавшего первоочередное внимание к нуждам военного производства в рамках построения «социализма в отдельно взятой стране».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Октябрьская революция, социалистическая экономика, военная промышленность, политика, модернизация, большевизм, индустриализация.

Великая Октябрьская социалистическая революция явила собой событие всемирно исторического масштаба, поскольку запущенный и реализованный большевиками проект переустройства страны при всей своей противоречивости оказал далеко идущее влияние не только на все сферы общественно-экономической жизни в России, но и во всем мире. По прошествии ста лет после Октябрьских событий 1917 г. страна до сих пор находится в состоянии духовно-нравственного раскола в восприятии революции и всего комплекса социально-политических процессов, ею порожденных.

Несмотря на то, что Российская империя являлась государством с падающим развитием капитализма, словесными ограничениями в общественной жизни и особой «имперской» моделью модернизации, она тем не менее осваивала современные технологии, генерируемые ведущими капиталистическими станами [Гавров, с. 38–43]. Противоречивость и незавершенность либеральных реформ Александра II не позволяли стране перейти на качественно новый уровень экономического развития. Социальная трансформация общества в сторону модерна в силу этих причин так и не была завершена [Мобилизационная модель, с. 69–71].

Наиболее востребованные в тот момент направления машиностроения (станкостроение, автомобилестроение, тракторостроение и т. д.) оказались слабо развитыми или отсутствовали, что напрямую ограничивало мобилизационные возможности Российской империи.

Традиционно, вне зависимости от модели власти и идеологии, в промышленной политике Российского государства развитие военной составляющей всегда оставалось и остается приоритетным и связано с претензиями на право быть полноправным субъектом мирового политического процесса. Поэтому любые кардинальные экономические реформы в стране в первую очередь затрагивали военную промышленность [Гавров, с. 87–88].

В силу просчетов военного ведомства относительно сроков и характера надвигавшейся «Большой европейской войны», через несколько месяцев после ее начала и мобилизации армии, в снабжении обнаружилось острое диспропорции. Нехватку стрелкового оружия, пулеметов и артиллерии, минометов и боеприпасов к ним приходилось покрывать за счет экспорта [Симонов, с. 51–52]. В ходе войны большие проблемы проявились с новыми типами вооружений. Так производство бронемашин, и в особенности аэропланов, которое ранее существовало в зачаточном состоянии (выпуск малыми сериями и зависимость от поставок важнейших деталей из-за рубежа), в военное время оказалось плохо отлаженным [Симонов, с. 53].

Лишь во второй половине 1916 г. военная промышленность Российской империи смогла выйти на пиковые показатели своей производительности, после чего уже в следующем году последовал спад, обусловленный износом оборудования, истощением запасов сырья и инструментов. Революционные события 1917 г. нарушили сложившийся порядок управления военной промышленностью. Февральская, а затем и Октябрьская революции привели к власти совершенно иные политические силы с другими политическими и экономическими приоритетами.

В целом промышленная политика победивших в ходе кровопролитной Гражданской войны большевиков в период между двумя мировыми войнами в своем развитии претерпевала вполне логичные изменения и была ответом на постоянно меняющиеся экономические и политические условия. Мы считаем возможным выделить следующие этапы развития политики большевистской партии по отношению к военной промышленности.

Первый этап: октябрь 1917 – середина 1918 г. После так называемого «триумфального шествия» советской власти большевики в союзе с левыми эсерами укрепились у власти и начали проводить в жизнь свою

политическую программу: национализацию промышленности, аграрную реформу и т. д. Сделав ставку на подписание мира и выход из войны любой ценой, большевики первоначально не планировали уделять серьезное внимание военной промышленности, взяв курс на демилитаризацию. В связи с завершением военных действий количество военных заказов сократилось. Вместо регулярной армии создавалась милиционная система [Ленин, с. 235–264].

Второй этап: середина 1918 – март 1921 г. После перерастания отдельных стычек с контрреволюционными силами в полномасштабную гражданскую войну весной-летом 1918 г. отношение большевиков к военной промышленности и военному строительству в корне изменилось.

Благодаря комплексу мобилизационных политико-экономических мер, получивших название «военный коммунизм», в период Гражданской войны большевикам удалось наладить работу доставшейся им военной промышленности и без посторонней помощи достичь победы над разрозненными контрреволюционными силами.

Революционные события в целом дезорганизовали работу военной промышленности, произошло падение трудовой дисциплины, начался массовый отток квалифицированных кадров с предприятий. В годы «военного коммунизма» не предпринималось каких-либо системных попыток кардинальной трансформации и совершенствования работы промышленности в рамках национальной экономики. Основным приоритетом для большевиков какое-то время еще являлась «мировая революция», первым актом которой, как они считали, стала революция в России. Революционные события в Германии, Венгрии и локальные восстания в ряде других стран Европы в это время давали им основания полагать, что так это и случится.

Завершение Гражданской войны в условиях временной, как тогда казалось, «неудачи» мировой революции потребовало решения комплекса тактических задач по стабилизации экономики. Чрезвычайные методы управления периода «военного коммунизма» в городе и деревне вызвали недовольство даже тех групп населения, которые изначально поддерживали политику большевиков либо сохраняли нейтралитет. «Кронштадтский мятеж» (1921 г.) и выступления крестьян в Тамбовской губернии (1920–1921 гг.) были ярчайшими маркерами социальной и политической напряженности в стране. А результатом этих событий стал курс на «новую экономическую политику» (НЭП), провозглашенный высшим руководством партии большевиков.

О периоде НЭПа (1921–1928 гг.) можно говорить и как о следующем, третьем, этапе развития экономической политики большевиков в военной отрасли. Произошел отказ от чрезвычайных методов управления экономикой в целом при сохранении мощного государственного сектора в металлургии, металлообработке и легкой промышленности. Началось развитие частного предпринимательства в сфере производства потребительских товаров, сельского хозяйства, сфере услуг. Шел процесс восстановления народного хозяйства.

На этом фоне предприятия военной промышленности с трудом интегрировались в выстраиваемое на новых принципах народное хозяйство советской республики. По завершении активной фазы Гражданской войны упали объемы военных заказов, а следовательно, ухудшилось и снабжение промышленных кадров. Директора заводов вынуждены были переходить на выпуск ширпотреба, либо частично распродавать оборудование и материальные запасы, поддерживая свое существование [Мобилизационная модель, с. 18]. Но в условиях доминирования на формирующемся рынке крупной текстильной, мелкой металлообрабатывающей и кустарной промышленности военные заводы оказались технологически не способными сразу в него встроиться. Поэтому они массово не переводились на принципы трестовского хозрасчета, что порождало замкнутый круг. После денежной реформы 1924 г., в целях стабилизации валюты, государству пришлось урезать финансирование и дотации на содержание ряда военных предприятий [Там же]. Около 8 тыс. человек было уволено с военных заводов. Так, 12 из 62 (20 %) военных заводов были выведены из-под управления Главного управления военной промышленности Всесоюзного совета народного хозяйства (ГУВП ВСНХ), утратив изначальный профиль [Симонов, с. 56].

Тем не менее военно-политическое затишье использовали для частичной модернизации оборудования военных заводов путем закупки их в самых передовых капиталистических странах: США и Германии. С последней у СССР были налажены тесные торгово-экономические отношения еще со времен Рапальского договора (16 апреля 1922 г.). К началу 1925 г. за границей было закуплено порядка 1 500 единиц современных металлорежущих станков и другого промышленного оборудования. Увеличивалось количество инженерно-технических работников, демобилизованных из армии, что позитивно сказалось на качестве управления производством и технологической дисциплине [Симонов, с. 56].

Важным фактором, позволившим начать перевод предприятий военной промышленности на трестовскую форму управления и практику

хозрасчета, стало планомерное повышение степени их вовлечения во внутренний рынок Советской России. Благодаря этому стало возможно производить технически сложную мирную продукцию силами оборонных заводов. Уже в 1926–1927 гг. было сформировано пять трестов оборонной промышленности, куда вошло порядка 50 производственных единиц¹. С осени 1926 г. военная продукция стала включаться в единый государственный народно-хозяйственный план, построенный в то время на принципах индикативного планирования. По официальным утверждениям, уже в 1925 г. советская промышленность в основном, а к 1927 г. в целом восстановила довоенный уровень производства [Симонов, с. 57].

Эффект от постепенного включения военных заводов во внутренний рынок на основе хозрасчета и трестовской формы организации серьезно снижался вследствие серьезного технического отставания от уровня передовых стран Европы и США. Принципы организации производства оставались старыми, а прогрессивные на тот период времени идеи «научного менеджмента» внедрялась лишь эпизодически. Наличные мощности не позволяли выпускать современную боевую технику, вооружения и боеприпасы для нужд Красной Армии в полном объеме [Быстрова, с. 65–69]. Реализация планов экономического развития была невозможна на старой промышленной базе. Единственным выходом из создавшегося положения стала массовая закупка оборудования за рубежом.

По мере постепенной нормализации внешнеполитических отношений со странами бывшей Антанты начали развиваться тесные торгово-экономические связи и с США. Уже к 1927 г. экспорт США в СССР вырос более чем вдвое по сравнению с довоенным уровнем, а в начале 1930-х гг. он составлял пятую часть всего советского импорта. При этом Соединенные Штаты заняли второе место после Германии в торговле с Советским Союзом [Супоницкая, с. 46–59].

Особым периодом стало массовое промышленное строительство первых пятилеток. Именно эти предприятия затем и стали базой военной промышленности СССР. Несмотря на значительные успехи первых двух пятилеток и завершение формирования материально-технической базы советской промышленности, итоги ее оказались неоднозначными. В советской историографии успехи индустриализации традиционно рассматривались как героический подвиг народа, сумевшего в короткий срок

¹ Орудийно-арсенальный (14 предприятий), патронно-трубочный (8 предприятий), военно-химический (12 предприятий), оружейно-пулеметный (5 предприятий), авиационный (11 предприятий) [Симонов, с. 57].

ликвидировать промышленное отставание от передовых стран Запада [Вознесенский; Чадаев; История]. Возникли с нуля целые отрасли промышленности, ранее не существовавшие в стране, и это, бесспорно, факт. Только на современном этапе развития исторической науки стали говорить о противоречивости протекания процесса индустриализации, который сопровождался административными перегибами, фактами бесхозяйственности и ошибками в экономическом планировании.

Тем не менее в этот период большое внимание было уделено заимствованию наиболее успешных идей в области управления и организации производства, возникших в капиталистическом мире, но способных принести пользу советскому проекту. Идеи «классической школы» менеджмента применительно к практике крупносерийного поточно-конвейерного производства были творчески переработаны в рамках так называемого движения «научной организации труда» [Лавров]. Работы Г. Форда рекомендовались руководителям трестов и предприятий в качестве образца рационального хозяйствования. Тем не менее не стоит переоценивать увлечение идеями Генри Форда в СССР. К «фордизму» всегда относились с осторожностью, учитывая, что это «буржуазная» теория, а сам Г. Форд – известный и крупный капиталист, долго выступавший как непримиримый борец с профсоюзами.

К концу 1920-х гг. в результате обострения внутривластной борьбы к власти приходит «группа Сталина», что привело к серии последовательных, глубоких социально-экономических трансформаций в СССР. Эта группа партийной элиты не понимала того, что мировая революция если и произойдет, то в долгосрочной перспективе. Поэтому социалистическое государство вынуждено находится во «враждебном капиталистическом окружении». Более того, опыт международного сотрудничества и торговли с развитыми капиталистическими странами, анализ состояния складывающегося глобального мирового рынка машин и оборудования выявили усиление степени отставания промышленного потенциала СССР [Сталин, с. 60–75].

Исходя из этого, начало формирования капитальной базы военной промышленности в СССР ряд исследователей датируют концом 1920-х – началом 1930-х гг. Так, Н. С. Симонов считает началом «военную тревогу» 1927 г. [Симонов, с. 59–63], а Л. Самуэльсон – постановления «О состоянии обороны СССР» и «О военной промышленности», принятые Политбюро в июле 1929 г. [Самуэльсон, с. 97–103]. И. В. Быстрова указывает на переписку И. В. Сталина и М. Н. Тухачевского в 1930–1932 гг. в отношении «японской опасности» и необходимости кардинальной

трансформации не только армейского строительства, но всей системы оборонной промышленности [Быстрова, с. 65–68]. В таком случае внешняя военная угроза конца 1920-х гг. стала лишь поводом для того, чтобы приступить к решению жизненно важного для советского государства вопроса – общей модернизации промышленного потенциала на основе самых современных технологий².

Из этого следует *четвертый этап развития военно-промышленной политики* большевиков, в основном совпадающий с годами первых двух пятилеток форсированной индустриализации в СССР (1929–1937 гг.). Для ликвидации отставания от ведущих военных держав Европы уже к концу 1920-х гг. начинают закупать лицензии на производство перспективных видов военной техники в области танкостроения и авиастроения. Утверждаются долгосрочные программы развития ВВС и бронетанковых войск. Теория и практика применения этой боевой техники в СССР начинает ориентироваться на самый передовой опыт Великобритании, Германии и других государств. По примеру закупленных на Западе образцов танков и автомобилей создаются конструкции самых распространенных в 1930-е гг. танков: Т-37/38, БТ и Т-26. Эта техника была воспроизведена и усовершенствована исходя из возможностей развивающейся ускоренными темпами танковой промышленности, в соответствии с существовавшей на тот момент стратегией строительства вооруженных сил. Большинство машин ранних серий оказалось технически не надежными, требовали постоянного ремонта и модернизации. Это объясняет наличие большого числа различных модификаций в составе довоенного танкового парка СССР. Шел поиск нового, поэтому просчеты и ошибки были естественны. В первой половине 1930-х гг. складываются базовые центры танкостроения: в районах Ленинграда, Москвы, Харькова, сохранявшие свой потенциал до начала эвакуации осенью 1941 г. [Симонов, с. 75–83]. Начиная с середины 1930-х гг. и до начала Второй мировой войны, советскими конструкторами были разработаны оригинальные проекты средних и тяжелых танков с противоснарядным бронированием (А-32, Т-34, СМК, Т-100, КВ). Эти машины сочетали в себе как новейшие прорывные технические решения, так и архаические конструктивные элементы. Нахо-

² Например, по сравнению с Францией, военная промышленность СССР имела мощности по производству боевых самолетов была в 7 раз ниже, по танкам – в 20 раз, по дивизионной и корпусной артиллерии – в 3 раза, по пулеметам – в 2 раза, по винтовочным патронам – в 7 раз, по артиллерийскому выстрелу – в 5 раз ниже и т. д. [См.: Симонов, с. 58].

дящаяся в стадии становления современная индустриальная база СССР ограничивала возможности этих конструкций относительно низким качеством изготовления и промышленной культуры.

Происходит трансформация системы управления промышленностью. Для своевременного выполнения программы первой пятилетки и обеспечения нужного государству распределения финансовых и материальных ресурсов происходит переход к директивным методам. Основную нагрузку принимают на себя сформированные по отраслевому принципу главные управления – «главки», сменившие трестовскую систему регулирования промышленности периода НЭПа. Снабжение продовольствием начинает преимущественно контролироваться государством, но денежное выражение зарплаты сохранялось, поскольку рынок товаров и услуг все же оставался, пусть и в ограниченном виде. Равновесие в экономике теперь поддерживалось не рыночными принципами, а сложной и разветвленной системой органов экономического согласования и управления (отвечающих за планирование, статистику, контроль, распределение, производство).

Мобилизационная, командная модель управления экономикой со всеми сопутствующими пороками допустима в военное время в ситуации ограничения ресурсов, поскольку конечный результат, а не его цена, является определяющим критерием. С точки зрения реалий СССР, периода индустриализации, «команде Сталина», проводившей техническую модернизацию производства, удалось добиться значительного выигрыша во времени, однако с высокими издержками и затратами. Во всяком случае, характер и итоги индустриализации СССР до сих пор не позволяют прийти к единому мнению представителям противоборствующих идеологических убеждений, причем не только в историографии.

В данном случае у партийно-государственного руководства практически не было реального выбора, кроме как мобилизационного, учитывая довольно низкий «стартовый капитал» советской экономики, ограниченность времени и с учетом глобальности целей и задач управления. Здесь сложно не согласиться с мнением Н. С. Симонова: «Чтобы успеть к 1932–1934 гг. преодолеть военно-техническую отсталость у СССР, иного способа накопить, распределить и использовать материально-финансовые ресурсы, не было» [Симонов, с. 72]. Атмосфера чрезвычайности, «мобилизационный порыв» должны были укрепить личную власть И. В. Сталина и его политического окружения, отвлечь внимание от разворачивающегося всеобъемлющего процесса трансформации существовавших в годы НЭПа принципов государственного управления.

В связи с этим необходимо признать, что созданный с большими усилиями в первой половине 1930-х гг. военно-технический потенциал Красной армии имел для того времени довольно низкое качество. Уже к 1938 г. серийные образцы бронетехники, выпущенные в 1929–1935 гг. по большей части выработали свой ресурс. Эта техника, по оценкам современников, была в ужасном состоянии, валялась на территориях воинских частей с неисправными двигателями, трансмиссией, часто без вооружения. При отсутствии запчастей ремонт одних танков осуществлялся путем разбора на запчасти других [Симонов, с. 100]. Кроме низкого качества изготовления и проблем с надежностью данной техники, которые справедливо могут быть поставлены на вид промышленности, ответственность за такое положение дел в полной мере должен разделить и личный состав Красной армии, обладавший довольно низкой технической подготовкой, и по чьей вине она также нередко выходила из строя.

В 1930-е гг. в СССР ускоренными темпами создавалась современная авиационная промышленность. Уже в 1937 г. в стране насчитывалось 57 авиационных заводов, где трудилось более 249 тыс. человек. К концу года в авиационной промышленности было сосредоточено 23 тыс. металлорежущих станков. Тем не менее и этот значительный потенциал часто не использовался самым эффективным образом.

Так, в докладе начальника Управления материально-технического снабжения Рабоче-крестьянской Красной армии (УМТС РККА) И. П. Белова для оборонной комиссии Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 13 сентября 1936 г. отмечается отставание советских авиационных заводов от американских в отношении интенсивности внедрения элементов поточно-конвейерного производства [Симонов, с. 103].

Пятый, заключительный, этап промышленной политики в предвоенный период (1939–1941 гг.) находился целиком и полностью в логике осознания неизбежности грядущей мировой войны и попыток руководства страны подготовиться к ней, насколько это было возможно. Разворачивался процесс все возрастающей милитаризации советской экономики, вступивший в финальную фазу летом 1940 г. Создаются обновленные мобилизационные планы, определяются и создаются предприятия-дублиеры в тыловых районах СССР для ведущих военных заводов, расположенных в непосредственной близости от западных границ советского государства. Тем не менее острым оставался вопрос качества военно-экономического потенциала, накопленного СССР к этому моменту. Несмотря на значительные успехи во всех отраслях промышленности, а в особен-

ности в машиностроении, руководству СССР не удалось до конца изжить комплекс организационно-технических проблем, возникший в самом начале форсированной индустриализации.

К концу 1930-х гг. в советской военной промышленности отмечается рост удельного веса современных высокопроизводительных технологий, характерных для системы поточно-конвейерного производства, таких как холодная и горячая штамповка, прессование, литье и др., что позволило добиться экономии сырья. Происходит широкое внедрение аккордно-премиальных работ, а также элементов экономической мотивации к труду. «Фордистские» принципы организации производства и технологического процесса прочно закрепились в автомобильной и тракторной промышленности, однако с трудом воспринимались военным производством, в связи со сложностью конструкции отдельных объектов и недостатком квалифицированных кадров.

Несмотря на успехи промышленной политики ВКП(б), в конце 1930-х гг. на большинстве советских предприятий, занятых военным производством, господствовала в основном мелкосерийная сборка и не была отлажена технология массового и поточно-конвейерного производства. Тем не менее, несмотря на многочисленные недостатки в работе, связанные с родовыми изъянами административно-командной модели управления экономикой, со своей главной задачей – в кратчайшие сроки оснастить Красную армию относительно современными видами вооружения – военная промышленность СССР справилась. Были заложены и отработаны базовые принципы руководства и взаимодействия ведущих оборонных наркоматов и подготовлена управленческая элита высшего и среднего ранга, в целом оказавшаяся дееспособной в жесточайших условиях Великой Отечественной войны.

Вопросы необходимости проведения индустриализации в столь сжатые сроки и оценка качества созданного производственно-технического потенциала до сих пор остаются дискуссионными, на них нет единого и убедительного ответа [Гавров, с. 115–122]. Большевистская власть сразу же после революции оказалась изолированной на мировой арене, поскольку идеология большевиков несла системную опасность для тогдашней мировой экономической системы капитализма (империализма). Коренные идеологические противоречия большевизма и капиталистической системы, претензии Советской России на статус независимого от стран Запада центра глобализации сделали невозможным построение устойчивой модели государственно-монополистического капитализма.

Опыт ускоренной трансформации промышленности на основе социалистического ведомственно-бюрократического планирования в момент своего осуществления не имел мировых аналогов и проводился в условиях очень ограниченных по своему качеству ресурсов. В результате к концу 1930-х гг. в СССР сложилась замкнутая экономическая система с невысокой степенью зависимости от мирового капиталистического пространства. Ведомства и отдельные предприятия внутри системы активно устанавливали горизонтальные связи, которые не были четко зафиксированы, что давало возможность ситуативно реагировать на изменяющиеся условия. К концу 30-х гг. в партийно-государственном руководстве СССР сложилось такое отношение к военной промышленности, которое стало классическим в послевоенное время, т. е. оно определяло всю экономическую политику страны в целом.

Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006.

Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948.

Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004.

История Второй мировой войны. 1939–1945 : в 12 т. / под ред. А. А. Гречко и др. М., 1982.

Лавров Н. С. Основы организации труда и производства. Ленинград, 1926.

Ленин В. И. Избранные произведения в шести томах : в 6 т. / под общ. ред. В. В. Адоратского и др. Т. 4. М., 1935.

Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века : сб. материалов II Всерос. науч. конф. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск, 2012.

Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941. М., 2001.

Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М., 1996.

Супоницкая И. М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. // *Вопр. истории.* 2013. № 9. С. 46–59.

Сталин И. В. Вопрос о победе социализма в одной стране // *Сочинения.* М., 1953. Т. 8. С. 60–75

Чадаев Я. И. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1965.

УДК 94(470.5).084.3:347.726

С. А. Заельская

РОЛЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ В ЭКОНОМИКЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В представленной статье исследуется потребительская кооперация и ее воздействие на экономическую жизнь регионов Южного Урала в сложных условиях Гражданской войны. На фоне изучения взаимоотношений кооперативного движения и советской власти выявлены основные проблемы и трудности, с которыми сталкивались кооператоры в организации своей деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кооперативное движение, потребительская кооперация, потребительская коммуна, Гражданская война, политика «военного коммунизма».

В истории советской России неотъемлемую часть занимает прошедшее длительный и сложный путь своего становления и развития кооперативное движение, рассматриваемое как социальное движение трудящихся, обладающее свойственной ему идеологией и имеющее в основе кооперативные формы организации хозяйственных или иных предприятий, целью которых являлась организационная, экономическая, политическая и просветительская общественная деятельность.

Исследование истории и теории кооперативного движения началось задолго до Октябрьской революции 1917 г. Российский и советский экономист А. В. Чаянов в своих трудах, посвященных сельскохозяйственной кооперации, полагал, что, лишь соединяясь в кооперативы, крестьянские хозяйства приобретут ту силу, что необходима для экономического возрождения русской деревни [Чаянов]. Кооператив как трудовое крестьянское хозяйство, считал А. В. Чаянов, обладает чрезвычайной гибкостью и способностью к выживанию даже в самых тяжелых условиях [Нейфельд, с. 182]. Данное утверждение было подтверждено на практике. В тяжелые годы Гражданской войны кооперативы не только сохранили свою организацию, но и продолжили дальнейшее количественное и качественное развитие.

В работах В. И. Ленина, придававшего существенное значение кооперации в деле укрепления союза рабочих и крестьян, красной нитью проходит мысль о том, что мелкое крестьянское хозяйство никакими путями нельзя привести к социализму, как только через кооперативные формы организации [Григорьян, с. 8].

Известно, что до Октябрьской революции кооперативное движение в деревне активно развивалось. Однако после победы советской власти кооперация была объявлена «капиталистической», «кулацкой», исторический опыт ее становления, формы и методы работы были сначала пересмотрены, а позднее и вовсе преданы забвению. Новый этап в функционировании кооперации наступил после Октябрьской революции 1917 г. и продолжался до начала сплошной коллективизации в деревне. Именно в эти годы были разработаны теории, принципы и методы социалистического кооперирования.

Особого внимания заслуживает изучение кооперативного движения в годы Гражданской войны на фоне хозяйственной разрухи, когда были уничтожены средства производства в ходе военных действий, разорваны экономические связи, страна находилась на грани катастрофы [Серова, с. 67–68]. Однако, несмотря на трудности и нестабильность в России, в ряде случаев и на недоверие властей, кооперативное движение продолжало свое существование и развитие. Феноменом развития кооперации в 1918 г. являлся тот факт, что революционные события практически не повлияли на ее деятельность. Кооперативы продолжали наращивать производство, приспосабливаясь и к разрухе, и к экспроприациям.

В условиях политики «военного коммунизма» ВКП(б) и советское правительство поставили задачу преобразовать кооперативный аппарат и использовать его в интересах строительства социализма. Совет народных комиссаров 10 апреля 1918 г. принял декрет «О потребительских кооперативных организациях», в соответствии с которым кооперативные обществу должны были охватить своей деятельностью все население соответствующего района. На кооперацию возлагалась задача быстрейшего кооперирования трудящихся. Кооперация должна была заниматься распределением продуктов и развивать производство товаров. Кооперативным организациям предоставлялись налоговые и иные льготы от государства. В результате с принятием декрета отношения между кооперацией и государством вводились в определенные юридические рамки. Декрет гарантировал дальнейшее развитие потребительской кооперации. В итоге только за 1918 г. число потребительских обществ увеличилось с 35 до 47 тыс., а численность членов-пайщиков – с 11,5 до 17 млн человек [Вахитов, с. 67–68].

Бурный рост кооперативов в 1918 г. объяснялся возросшей активностью населения и ростом продовольственных затруднений, нуждой в товарах промышленного производства. Причины роста кооперации в условиях всеобщей разрухи следует искать в совокупности политических и экономических мероприятий советской власти, которые в корне

подорвали роль банков и крупных торговцев, расчистили арену действий мелкобуржуазного крестьянства, резко активизировали все устремления по овладению внутренним рынком. Поддерживаемая всем крестьянством кооперация развивалась необычайно бурно. Ее деятельности содействовала и советская власть, рассматривая кооперацию как аппарат тесной связи со средним крестьянством.

Следует отметить, что кооперация являлась чуть ли не единственной организацией, которая почти в целости сохранила свои силы за годы войны и революции: аппарат, кадры, капитал, хорошо отлаженные деловые связи как внутри страны, так и за рубежом. В то время как государственные и частные заводы были в большинстве своем полностью закрыты, кооперативные предприятия продолжали работать.

В силу декрета «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г., установившего кооперирование всего населения Советской Республики, все потребительские кооперативы были превращены в единственные органы распределения товаров и продуктов. Каждый гражданин Советской Республики становился членом того или иного потребительского общества, и ни один продукт, ни один предмет не могли быть получены населением помимо этого общества. Во главе потребительской коммуны стояли правление, состоящее не менее чем из трех лиц, и контрольный совет. Потребительские коммуны непосредственно и через районные союзы объединялись в Губернские союзы. Единственным хозяйственным центром всех союзов потребительских коммун являлся Центросоюз.

Самым крупным по численности кооперативным объединением исследуемого региона являлся созданный группой оренбургских кооператоров в 1917 г. Южно-Уральский союз потребительских обществ. В него к 1919 г. входили 594 потребительских общества, что составляло 90 % всех кооперативов, существующих на территории Оренбургской губернии, а также 19 обществ Турганайской области, 17 обществ Уральской области, 3 общества Уфимской губернии и одно общество Самарской губернии [ГАОО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 158. Л. 171]. Следует отметить, что вся сеть этих кооперативных обществ обслуживала в общей сложности почти миллионное население.

В уставе союза была четко обозначена цель создания организации – «организовать производство и обмен предметов потребления и домашнего обихода..., а также способствовать установлению постоянных связей между потребительскими обществами района для правильной постановки и развития их дела, и для организации совместной деятельности, направленной к наиболее успешному достижению их задач в деле улучшения

материального благосостояния своих членов и духовного развития их» [ГАОО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 136. Л. 19].

Правление потребительского общества ведало делами и капиталами общества и представляло его без доверенности во всех его делах, обязательствах и отношениях с лицами и учреждениями. Правление состояло не менее чем из трех членов и избиралось на один год. Не менее одного раза в неделю оно собиралось на очередное заседание. В обязанности правления входило неуклонное выполнение декретов и постановлений советской власти; производство заготовок предметов потребления и домашнего обихода; приглашение и увольнение служащих; наблюдение за операциями складов, контор и отделений общества; рассмотрение и утверждение отчетов заведующих отделениями, складами, предприятиями общества, а также прочих лиц, подчиненных правлению [Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1098. Л. 15].

Контрольный совет избирался собранием уполномоченных тайным голосованием на один год и должен был вести наблюдение за ходом текущих дел, за заготовкой и распределением товаров, за кассой и отчетностью по ней, за счетоводством и за общим состоянием дел общества [Там же. Л. 18].

В Оренбургской губернии действовал ряд потребительских кооперативов. К их числу следует отнести Оренбургское общество потребителей «Самопомощь», Оренбургское торгово-промышленное товарищество кооперативов и ряд других. Довольно часто проходили объединенные заседания кооперативных организаций города Оренбурга. Как правило, подобные заседания проходили в доме Южно-Уральского союза потребителей обществ. На подобных мероприятиях присутствовали представители, в том числе и от потребительской кооперации. На подобных заседаниях заслушивались различного рода доклады, выносились соответствующие постановления. Так, существует постановление объединенного заседания кооперативных организаций города Оренбурга от 21 января 1919 г. Ввиду того, что кооперативы являлись продовольственными организациями, проводившими политику преимущественно экономического характера, на заседании было принято решение не вмешиваться в обычную политическую борьбу, а производить торговлю обычным порядком. По вопросу об установлении взаимоотношений с советской властью было вынесено постановление следующего характера. Было решено все свои силы, налаженные торговые аппараты предложить к услугам крестьянского рабочего правительства, приступив к совместной плодотворной работе [Там же. Ф. 301. Оп. 1. Д. 151. Л. 9].

Деятельность потребительской кооперации в исследуемом регионе не ограничивалась исключительно сбором продовольствия и распределением товаров широкого потребления. Кооперативы стремились приспособить к нуждам военного времени местную промышленность. Например, правление Южно-Уральского потребительского общества наметило план экономического развития Оренбургской губернии, создав промышленный фонд в 2 млн руб. с начислений в 2 % на отпуск товаров [ГАОО. Д. 136. Л. 33].

Отсутствие товаров на рынке, высокие цены на производимую продукцию побуждали кооперативы к развертыванию производства собственными силами. Например, общество «Самопомощь», Преображенский народный кооператив и другие потребительские кооперативные товарищества воплощали эту идею в жизнь.

Существенная работа по созданию потребительских кооперативов проводилась в Башкирской Автономной Социалистической Республике, где уставы всех кооперативов и их союзов утверждались регистрационным отделом управления промышленной кооперацией Башкирии. Хозяйственные операции кооперативных организаций согласовывались с экономической политикой высших хозяйственных органов республики. Потребительская кооперация Башкирии осуществляла закупочные операции на внутреннем и внешнем рынке, организуя собственные производства, конторы и другие нужные в этом деле учреждения.

В уставе Стерлитамакского союза потребительских обществ было записано, что «союз имеет целью организовать производство и обмен предметов потребления и домашнего обихода; содействовать организации их кооперативами, а также способствовать установлению постоянных сношений между потребительскими обществами Стерлитамакского уезда и других местностей» [Там же]. Первичные кооперативы Башкирии строились по типу многолапочных обществ. Общества потребителей объединялись в районные, а районные – в Башкирский центральный союз.

Народный комиссариат продовольствия и местные продовольственные органы проводили заготовки через местные объединения потребительских обществ. Все продукты, которые поступали в виде разверстки: хлеб, фураж, скот и прочее, – заготавливались государственными органами, а потребительские общества привлекались в виде технического аппарата.

Кооперативные общества играли определенную роль в снабжении населения продуктами и предметами личного потребления и домашнего обихода. Проводилась большая работа по заготовке продуктов и товаров, разъяснялась польза кооперации и ее возможность в борьбе со спекуля-

цией. Потребительская кооперация стремилась приспособить к нуждам военного времени местную промышленность, создавая в этих целях специальные денежные фонды, с помощью которых восстанавливались предприятия пищевой и легкой промышленности, продукция которых через этот вид кооперации поступала населению губерний Южного Урала [Полшкова, с. 96]

Стержнем экономической политики модели социализма эпохи «военного коммунизма» была идея отказа от традиционных товарно-денежных отношений и переход к прямому продуктообмену. Попытки создания подобного экономического порядка привели к поистине тотальному огосударствлению всей системы производства и распределения. Кооперативная система не являлась исключением из этого правила. Постепенно, начиная с 1919 г., все хозяйственные институты кооперации, вся ее деятельность попадает под жесткий контроль регламентирующих государственных органов и к 1920 г. она, растеряв признаки кооперативной организации, превратилась в простой придаток Народного комиссариата продовольствия по учету и распределению продукции промышленного и сельскохозяйственного производства.

В последних числах октября 1919 г. на основании распоряжения из Центра и постановления особого совещания Президиума Губернского продовольственного комитета и представителей местных кооперативных организаций, в том числе и правления Южно-Уральского союза потребительских обществ, был организован Кооперативный отдел Губернского продовольственного комитета, включивший в себя представителей как городской, так и сельской кооперации. Одновременно с этим Южно-Уральский союз потребительских обществ, в соответствии с декретом от 16 марта 1919 г., был переименован в Губернский союз потребительских обществ. С 24 октября 1919 г. правление Южно-Уральского потребительского общества передало все дела новому временному правлению Губернского союза потребительских обществ, и с этого момента Южно-Уральский союз потребительских обществ прекратил свое существование [ГАОО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 158. Л. 272].

Однако превратить кооперацию в коммунистическую организацию не удалось. Процесс централизации и огосударствления закончился выполнением декрета правительства от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций», по которому все кооперативы слились с потребительскими. Кооперативы стали техническим аппаратом распределения и заготовки основных видов продукции, но и по-прежнему остались на службе населения и общества.

Таким образом, несмотря на ряд недостатков в деятельности потребительской кооперации, она внесла довольно существенный вклад в хозяйственную жизнь Южного Урала. Как показывает практика работы кооперативного движения в годы Гражданской войны, потребительский кооператив, как трудовое и крестьянское хозяйство, продемонстрировал чрезвычайную гибкость и способность к выживанию в самых тяжелых условиях. Однако, несмотря на трудности и нестабильность в советской России в условиях «военного коммунизма», в ряде случаев и на недоверие властей, кооперативное движение продолжало свое существование и развитие. Несмотря на невиданную разруху хозяйственно-экономических отношений, вызванную многолетней империалистической войной, революционными событиями и Гражданской войной, исследуемые организации оказались в состоянии даже и в этих крайне неблагоприятных условиях неуклонно развивать свою работу, с каждым днем увеличивать влияние на экономическую жизнь края, втягивая все новые и новые области в сферу своих операций. Вместе с тем негативный опыт периода «военного коммунизма» показал, что там, где отсутствует рынок, где естественные законы экономического развития заменяются всесторонним учетом и контролем над производством и распределением, кооперация как хозяйственная система и как общественное движение не может существовать.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-166 (Оренбургский губернский продовольственный комитет); Ф. Р-301 (Союз кредитных и ссудо-сберегательных товариществ); Ф. Р-379 (Оренбургское правление союза кооперативных союзов).

Вахитов К. И. Потребительская кооперация в СССР. М., 1991.

Григорьян Г. С., Лопаткин М. И. Ленинский кооперативный план и потребительская кооперация. М., 1963.

Нейфельд Я. Е. «Союз Союзов». Чайанов и его последователи в Оренбуржье // Гостинный двор. 1995. № 2. С. 181–185.

Полишкова Л. Б. Экономическая политика Советской власти в годы гражданской войны на Урале : монография. Оренбург, 1998.

Серова Е. В. Сельскохозяйственная кооперация в СССР. М., 1991.

Чаянов А. В. Краткий курс кооперации. М., 1925.

УДК 94(40).081/.084.5:334.73 + 316.4.063.34

Л. А. Зубкевич

КООПЕРАЦИЯ КАК ПЕРЕХОДНАЯ ФОРМА
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ
ИЗМЕНЧИВЫХ СОСТОЯНИЙ
ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
(вторая половина XIX в. – первая треть XX в.)

В статье соотносится исторический процесс в его неустойчивом состоянии, воплощенном в исторических событиях периодов общественных изменений 1860–1880 гг. и 1917–1929 гг. с развитием кооперации как переходной формы общественного развития, возникшей и успешно развивающейся в указанный период.

К л ю ч е в ы е с л о в а: изменчивые и устойчивые состояния развития человечества, переходный период, общественная система, исторический процесс, переходные формы общественного развития, кооперация, кооперативные принципы.

История мыслится нами как чередование во времени изменчивых и устойчивых состояний. Эти состояния представляются этапами процесса развития человечества в целом или конкретного общества. Общественное развитие – это процесс, в котором действуют люди, общности, институты, а также существуют объективные условия, которые становятся рамками целей, деятельности и результатов. Данный развивающийся объект представляется как сложная и открытая система, развитие этой системы проявляется в конкретных исторических событиях. Современный этап развития человечества признан в общественном сознании «переходным», это неустойчивое состояние исторического процесса. Выход из него – задача сегодняшнего дня. Переходные формы общественного развития видятся нам как средства решения этой задачи, где одна из перспективных форм – кооперация.

Глобальное современное переходное состояние в развитии человечества наступило примерно в середине XIX в., когда стало разрушаться предыдущее устойчивое состояние. Оно характеризуется с точки зрения социально-экономического подпроцесса процесса развития – капитализмом; этнического – национальным; мировоззренческого – рационализмом и антропоцентризмом; государственно-политического – монархией или иными формами единовластного и сословного правления; научно-технического – модернизмом и т. д. [Зубкевич, с. 94–98]. Данное

неустойчивое состояние включает в себя три периода (1860–1880 гг., 1917–1929 гг., 1990–2000 гг.), когда происходит череда исторических событий, приводящих к структурным или даже системным изменениям в обществах, в данной статье мы рассмотрим первые два.

В подсистемах общества, в его элементах во время неустойчивых состояний формируются переходные формы общественного развития. Эти формы обладают двойственной природой, объединяют в себе старое и новое или их элементы. Это – изобретенные вновь или ранее существующие формы, теперь приобретшие переходное содержание. При развитии форм происходит изменение соотношения между старым и новым посредством деятельности людей, которая направлена на приспособление к условиям переходного периода ради удовлетворения потребностей в развитии. С точки зрения Н. Ф. Демина и Н. Н. Тимошенко, кооперация удовлетворяет потребности ее участников наиболее эффективным, экономическим способом, способна удовлетворить насущные социальные потребности своих членов. Социальные функции кооперации обеспечивают ликвидацию социальной изоляции участников: действует принцип солидарности, ответственности, самопомощи через взаимную выгоду; самовыражение личности через формирование активной жизненной позиции; образование и воспитание; открытость сообщества (открытое членство, принцип политической, религиозной нейтральности); социальную защиту (кредиты и пособия на социальные нужды); лучшие условия жизни и труда; формирование новых рабочих мест; создание социальной инфраструктуры [Демина, Тимошенко, с. 4].

Двойственная природа зафиксирована в принципах кооперации – в «совокупности организационных, экономических, нравственных и иных основ осуществления кооперативной деятельности» [Вахитов, с. 18]. Это одновременно частнокапиталистическая (принцип 3, 4) и коллективная форма (остальные): 1. Добровольность и доступность членства без ограничений для каждого, кто может пользоваться его услугами и готов принять на себя ответственность, связанную с членством. 2. Демократичность организаций: подотчетность управленцев, равное право голоса (один член – один голос). 3. Процент на паевой капитал, если он начисляется, должен быть строго ограничен. 4. Распределение прибыли или накопления между членами общества исключает возможность обогащения одного члена за счет другого. 5. Образование членов, руководителей, персонала и населения вообще в области экономических, демократических принципов и методов кооперации. 6. Сотрудничество с другими кооперативами на местном, национальном и международном уровнях [Газибеков, с. 61].

Исторический контекст 1860–1880 гг. ознаменован такими событиями, как реставрация Мэйдзи в Японии, Гражданская война в США, отмена крепостного права в Российской империи. В их результате произошла передача земель в собственность мелким владельцам; отмена внешнеэкономической зависимости освободила рабочие руки для капиталистических предприятий. В странах складывается единое экономическое пространство, государство перестает регулировать экономические процессы через запреты, ограничения и монополии; создается банковская система. Это дало возможность для возникновения кооперации. В обществах образуются три слоя: элита представлена крупной буржуазией и властными структурами, слившимися с ней; средний слой – средняя буржуазия (дворяне, фермеры, городские буржуа); третий слой – не имеющее собственности население и мелкобуржуазная среда, это социальная база кооперации. Такая стратификация потребовала от политической сферы расширения демократических свобод и прав, достижения национального единства страны, соответствие экономического и политического статуса. В мировоззрении общества появляется такой феномен, как общенациональное самосознание, основанное на чувстве самодостаточности, индивидуализме нации, этому способствовала сложившаяся в странах общенациональная система образования. Все это вобрала в себя кооперация, став формой общественного развития. Произошли структурные изменения, которые ликвидировали остатки феодальной системы в обществах. Это, казалось бы, упрочило капиталистические отношения, ускорило развитие в рамках этого устойчивого состояния, но быстрое количественное увеличение существенных характеристик старого спровоцировало энтропийные процессы, так как усилилось и существенное противоречие капитала: между коллективным характером труда и частной формой присвоения его результатов. То, что призвано было упрочить систему, стало ее разрушать.

В этом историческом контексте начинается история кооперации. Необходимо отметить, что сама идея создания кооперативных предприятий и первые практические попытки датируются на сто лет раньше назначенного времени. Но это были скорее теоретико-экспериментальные поиски в рамках мировоззренческо-философских переходных подпроцессов (идеи сначала должны родиться, прежде чем воплотиться в жизнь, а это требует времени, поэтому вопреки некоторым мнениям, энтропия в мировоззренческом подпроцессе процесса развития всегда опережает энтропию в остальных подпроцессах). Широкий размах кооперация приобрела в первой половине XIX века. Важная роль в развитии кооперации принадлежала Р. Оуэну, призывавшему рабочих вступать в кооперативы, которые,

по его мнению, могли обеспечить постепенный переход производства в руки тех, кто создает материальные ценности своим трудом. В 1844 г. последователи Оуэна в городе Рочдейл (Великобритания) организовали общество потребителей (в него вошло первоначально 28 человек) и назвали его обществом «справедливых пионеров». «Рочдейлские пионеры» сформулировали в своем уставе принципы функционирования этого общества. Позднее они корректировались, но тем не менее были положены в основу универсальных кооперативных принципов, принятых в 1896 г. на II Конгрессе Международного кооперативного альянса в Париже. С развитием кооперации продолжалась корректировка принципов: в 1937 г. на XV Конгрессе Международного кооперативного альянса, далее в 1966 г. на XXIII Конгрессе альянса, в 1992 г. на XXX Конгрессе в Токио, в 1995 г. в Манчестере на следующем конгрессе [Газибеков, с. 61–62].

Во Франции, в Лионе, в 1848 г. ткачи организовали общество потребителей под названием «Объединенные рабочие». В Италии первое общество потребителей возникло среди железнодорожников города Турина в 1853 г. В 1849 г. немецкий экономист и политический деятель Г. Шульце-Дельч выступил с планом спасения от нужды ремесленников и рабочих путем создания среди них кредитных, снабженческо-сбытовых, потребительских кооперативов. Начиная с середины XIX в., кооперация распространяется в Австрии, Швейцарии, Швеции, Норвегии, Дании, в восточноевропейских странах, в Японии (конец века). В Старом свете и в США развитие кооперативов привело к их объединению в более крупные организации. Например, в Великобритании в 1863 г. возникло Кооперативное оптовое общество, в Шотландии в 1868-м – Шотландское кооперативное оптовое общество, в 1869 г. основан Шведский оптовый кооператив, в 1916 г. в США – Кооперативная лига Соединенных Штатов.

История русской кооперации также начинается с середины XIX в., возможность появления кооперации в России дала реформа 1861 г. Но кооперация развивалась медленно и была малочисленна. Толчок бурному развитию кооперации дали революция 1905 г. и Столыпинская реформа: отмена выкупных платежей, право крестьянам приобретать землю и создавать «хутора», разрушение «круговой поруки» в общинах. Если до революции насчитывалось всего около 4 тысяч различных кооперативов, то за десять последующих лет их численность выросла до 30 тысяч [Кабанов, с. 51]. Русская кооперация была главным образом деревенской: более 80 % всех кооперативов обслуживали сельское население. Наиболее развитой и многочисленной была потребительская кооперация, она развивалась особенно бурно. К 1905 г. насчитывалось всего около

1 700 потребительских кооперативных обществ. За восемь последующих лет возникло еще 8 554, перед Первой мировой войной действовало 10 080 потребительских кооперативов [Там же].

Но потом, после такого успешного поступательного развития, наступает переходный период в истории (1917–1929), приведший к системным изменениям. Знаковым событием и спусковым механизмом изменений стала Первая мировая война. Ускоренные структурными реформами конца XIX в. энтропийные процессы привели к тому, что общества стояли перед «выбором», в какую сторону развиваться: в сторону нового качества (коммунизма) или в сторону старого качества (капитализма). Для того чтобы «оставить все как есть», нужно ослабить действие основного противоречия капитализма путем деградации в развитии. Война ранее в истории решала эти задачи. Возможности для перехода в новое качество наиболее безболезненным путем тогда также существовали, их обеспечивала в том числе и переходная форма – кооперация, бурно развившаяся к тому времени, она спокойно могла и далее разрешать противоречие «старого», при этом изменяя и суть общества. Эта возможность не была использована. Пошли испытанным путем – развязали войну, но ее результаты стали неожиданными. После войны в государствах жизнь людей изменилась в худшую сторону. Гражданское население испытывало неимоверные трудности. В воюющих странах увеличилась продолжительность рабочего дня, введены трудовые повинности, отсутствовали привычные товары или были длинные очереди за ними, введена карточная система распределения продовольствия, одновременно росли цены и налоги, практиковались принудительные реквизиции в прифронтовых зонах, развивался «черный рынок». На этом фоне продолжается ускоренной рост кооперации, в результате к 1918 г. в России существовало уже 47 млн кооперативов, городские кооперативы насчитывали меньшинство, но были крупнее и богаче [Кабанов, с. 51].

После мировой войны в обществах можно констатировать наличие системного кризиса: кризис управления, национальный кризис (межнациональные конфликты, национализм, шовинизм и т. п.), социальный кризис и др. Рост монополий и крупного землевладения, концентрация капитала и рабочей силы усиливают системный кризис. Событийно эти процессы проявились в ноябрьской революции 1918 г. в Германии, в революции ноября – марта 1919 г. в Венгрии, в ноябрьской 1918 г. революции в Австрии, в революционном кризисе 1919 г. в Болгарии и Польше, в итальянских событиях, приведших к установлению в 1922 г. фашистского режима, в лейбористских реформах 1918–1920 гг. в Англии, в рево-

люционных событиях 1917 г. в России, в смене правительств и последующих реформах в 1917 г. во Франции.

После Первой мировой войны в развитии аграрной подсистемы наблюдались две тенденции: поддерживаемое государством укрупнение первичного капиталистического хозяйства и постоянное желание бедных и безземельных крестьян перераспределить землю. В социальной сфере существует сильная дифференциация внутри классов и также наблюдаются две разнонаправленные тенденции: к улучшению жизни рабочих и бедноты на селе за счет ущемления интересов буржуазии, и, наоборот, доведение эксплуатации до предела, за счет этого (налоги, низкая зарплата, штрафы и др. поборы) субсидирование монополий и развитие производства. Русский вариант синтезировал в себе эти две тенденции за счет экспроприации всех средств производства государством (государство стало монополистом) и перераспределение доходов в пользу господствующего класса – пролетариата, так монополизм и наемный труд слились в диктатуре пролетариата. В результате социальных изменений в странах возникает некое безвластие. Революции и реформы вакуум власти заполняют силами, или действительно выражающими интересы народа (беднейшей части социума), или псевдозащитниками и популистами, в любом случае подобная «ширма» была обязательной для получения доступа к власти. Сильная дифференциация социума приводит к тому, что взявший власть должен устанавливать диктатуру или правление с признаками диктатуры. Наблюдается предельная концентрация всей власти в руках первого лица (или первых лиц) государства, власть опирается на вооруженную силу, силовые методы в управлении государством. В этом историческом контексте кооперация попадает под влияние и регулиацию государства. Преобладающая сторона в кооперации (частнокапиталистическая или коллективистская) обусловлена выбранным вектором общественного развития. Кроме этого, изменился вид собственности с частной на корпоративную, что в большей степени определило развитие кооперации, поскольку корпоративная собственность по сути коллективная. В капиталистических странах кооперативы укрупнялись и превращались в капиталистические предприятия (как мы видели выше), после революции в России они развивались в сторону коммун. Последний тезис можно проиллюстрировать материалами Государственного архива Нижегородской области. В документах НГСНХ, Нижгубплана, в тезисах доклада по контрольным цифрам пятилетнего плана развития промышленности губернии, четвертым пунктом первого тезиса расшифровывается термин «коллективизация» – «это переход от индивидуального раздроб-

ленного хозяйства к кооперативному» [ГАНУ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 2165. Л. 82]. Было запланировано поощрение коллективной стороны кооперации, для достижения «перехода кооперации на социалистические рельсы» одним из механизмов служила передача уже существующих обрабатывающих сырье предприятий «низовкам» – низовым кооперативам и их членам (тем, кто заготавливал сырье) – с последующим их выкупом [ГАНУ. Ф. 988. Оп. 1. Д. 2165. Л. 61–62 об.]. Таким образом, предотвращался процесс концентрации производства и капитала в частных руках, обеспечивался главный принцип кооперации – тождество работника и собственника. При данном векторе развития общества отношения собственности, отношения между собственниками и работниками должны в процессе эволюции кооперации постепенно приближаться к этому принципу, иные отношения постепенно приводят к вырождению кооперации в простое капиталистическое производство акционерного типа.

Так мы видим, что в Советской России толчок развитию кооперации дала народная власть в государстве, которая искусственно ставит преграды развитию частной собственности, эгоизму и индивидуализму в кооперации, создает условия для развития коллективных начал. Это небывалый стимул для развития кооперации, после революции активизировалось ее развитие, усложнились виды, довольно развитым было собственное производство кооперации, которая уже к 1917 г. имела большое число различных предприятий, отдельные крупные союзы имели развитое производство, например Московский союз (с сентября 1917 г. – Центросоюз). Кредитная кооперация в России к 1917 г. насчитывала более 16 тыс. кооперативов с 10,5 млн членов. К 1919 г. в результате возросшей активности населения, а также усилившихся продовольственных трудностей количество кооперативов увеличивается до 53 тыс. Только система Центросоюза охватывала в среднем 75 % населения Советской России. В 1928–1929 гг. в сельскохозяйственную кооперацию вовлекаются новые слои деревни. В 1928 г. число сельскохозяйственных кооперативов достигло 107 тыс., в 1929-м – 165 тыс. В них за два года вступило около 6–7 млн хозяйств. Общее число кооперативных хозяйств увеличилось с 30 до 55–60 % [Кабанов, с. 53–55].

Подводя итог, можно сделать вывод, что суть описанных в статье событий одна – поиск способа перехода обществ от старого устойчивого состояния (капитализма), которое уже не удовлетворяет потребность в развитии, к новому устойчивому состоянию. Новое общество должно быть основано на собственности, которая «в одно и то же время и индивидуальная и общественная» [Маркс, Энгельс, с. 134]. Или, ссылаясь

на классификацию Л. А. Зеленова, – «все цивилизованные страны мира движутся к Коллективной собственности, основанной на Личном труде и при Справедливой системе распределения» [Зеленов, с. 18]. А по справедливому замечанию П. И. Кондратьева, средства производства могут быть действительно общественными только тогда, когда они в процессе производства будут применяться индивидами как своя, близкая им собственность [Кондратьев, с. 119]. У искомого состояния в описанное выше время было название одно – коммунизм, сегодня добавились еще и другие варианты, их несколько, например информационное общество, постэкономическое и пр. [См.: Трансформации, с. 3–32]. Во время «подбора» способов перехода в новое качественное состояние общества возникают так называемые переходные формы общественного развития, одной из которых является кооперация.

Вахитов К. И. История потребительской кооперации России : учеб. пособие. М., 1998.

Газибеков С. А. Реализация принципов кооперации в системе потребительской кооперации Республики Таджикистан в условиях рыночной экономики // Вестн. Белгород. ун-та потреб. кооперации. 2005. № 3. С. 59–65.

ГАНУ. Ф. Р-988 (Плановая комиссия исполнительного комитета Нижегородского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Губплан, г. Н. Новгород).

Демина Н. Ф., Тимошенко Н. Н. Кооперация: становление и развитие // Вестн. КрасГАУ. 2010. № 7. С. 3–7.

Зеленов Л. А. Принципы самоорганизации социума // Мир человека. Н. Новгород, 1993.

Зубкевич Л. А. Переходный период 1917–1945 годов и его место в развитии человечества // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века : сб. материалов междунар. науч. конф. / сост. В. И. Голдин, Н. А. Данилов ; под общ. ред. В. И. Голдина. Архангельск, 2017. С. 94–98.

Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация. М., 1973.

Кондратьев П. И. Закон планомерного развития и управления социалистическим производством // Проблемы социальной закономерности. Горький, 1978. С. 116–123.

Маркс К., Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. : 50 т. Изд. 2-е. Т. 20. М., 1961. С. 5–338.

Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. 2000. № 1. С. 3–32.

УДК 94(470).084.3/.084.6:65

Г. Н. Кондратюк

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ И КОРЕНИЗАЦИЯ
В КРЫМСКОЙ АССР:
ФАКТОРЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ
(20–30-е гг. XX в.)

В статье проанализированы преобразования в промышленности Крыма межвоенного периода. Изучены основные тенденции коренизации в ценовой и союзной промышленности полуострова.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коренизация, Крымская АССР, индустриализация.

Коренизация выступила многоаспектным явлением. Национальная политика обладает многими направлениями: административным, культурно-образовательным, экономическим.

В идеологии РКП(б) был сформулирован постулат о том, что якобы в результате угнетения русским народом другие народы отстали в своем развитии. Поэтому необходимо обеспечить для национальных меньшинств приоритетность их развития. Одним из таких приоритетов считалась необходимость ликвидации экономического отставания.

Важной задачей руководители РКП(б) считали формирование национального пролетариата. В социальной структуре национальных меньшинств Крыма преобладали крестьяне, для которых большевистская идеология была чуждой. Поэтому национальный пролетариат должен был обеспечить поддержку мероприятиям РКП(б).

Уже в 1924 году начал осуществляться комплекс практических мероприятий по коренизации в промышленности. В частности, перед крымскими профсоюзами ставилась следующая задача: «Учитывая отсутствие индустриального пролетариата из татарского населения, необходимо при заполнении брони на предприятиях и фабзавучах увеличить процент посылаемых из татарской молодежи и подростков, чтобы обеспечить базу квалифицированных рабочих из татар» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 322. Л. 301].

Кадровая политика была в центре внимания обсуждения делегатов Всекрымского совещания татарских работников-коммунистов, проходившем в Симферополе в апреле 1924 года. Центральный доклад был

сделан представителем СНК Крымской АССР, в нем анализировался административный аспект политики коренизации, применение при подготовке документации крымско-татарского языка. В резолюции совещания в качестве первоочередных задач указывалась необходимость «продолжать и усилить работу по татаризации советского аппарата и реализации татарского языка... В местностях же, где преобладающим населением являются татары, на руководящих совпостах должны быть татработники, которые и будут являться резервуаром, откуда будут черпаться работники на руководящие посты. Поэтому основной задачей по татаризации должно быть комплектование татработниками соваппарата, главным образом, низового (сельского), как непосредственно соприкасающегося с татарским населением» [ГАРК. Л. 300].

В 1925–1927 годах центр тяжести подготовки кадров для коренизации в промышленности был сделан на курсовой форме подготовки. В 1927 году были проведены курсы по подготовке работников крымских татар при Народном комиссариате финансов, Народном комиссариате юстиции, Наркомпочтеле [Ибраимов, с. 6].

На производственных предприятиях ЦСНХ и Наркомторга в январе 1927 года всего насчитывалось 3 745 рабочих, из них 106 крымских татар, что составляло 2,8 %. Через год, в январе 1928 года, из общего числа 4 843 рабочих крымские татары составляли 270 человек, или 5,6 % [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 636. Л. 42].

Секретарь ОК ВКП(б) Петропавловский в аналитической записке «Вовлечение татар в промышленность» указывает на основные направления увеличения количества крымских татар в промышленности: «Втягивание татар в промышленность должно идти основным образом по линии непосредственных возможностей вовлечения их в крымскую промышленность; в соответствии с ближайшими перспективами развития промышленности в Крыму, необходимо организовать посылку татар в промрайоны СССР для подготовки квалифицированной силы, на основе добровольного желания; направлять татмолодежь в фабзавучи, создав материальные возможности и бытовые условия для них, в соответствии с потребностями крымской промышленности» [Там же. Л. 61].

На XII областной партийной конференции, проходившей 27 января – 2 февраля 1927 года особое внимание было уделено коренизации в промышленности. В своем выступлении секретарь обкома ВКП(б) Петропавловский обращал внимание на «поднятие нового кадра национального пролетариата. Эта задача – поднятие нового кадра национального пролетариата – является важнейшей нашей задачей в решении национального

вопроса, так как национальный пролетариат спаян с пролетариатом других наций и с крестьянством своей национальностью» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 591. Л. 25]. Участвовавшие в XIII областной партийной конференции, проходившей в Симферополе в 1927 году, констатировали, что по многим производственным объединениям процент коренизации невысок. Так, в Табактресте 1,6 % от общего количества работающих, Кожтресте – 7,3 %, Консервтресте – 2,9 %, Полиграфтресте – 10,5 %, Сольтресте – 7,9 %. Всего же процент коренизации по крымской промышленности составлял 4 % [Там же. Д. 598. Л. 18].

В 1927–1928 годах действовал специальный орган – областное совещание по вовлечению татар в производство. Эта структура обобщала опыт коренизации в промышленности. В отчете руководители органа называют ряд причин неудач коренизации в промышленности: «сезонников-татар не закрепляют на производстве; имеющихся рабочих не квалифицируют, не подвигают их на лучшую работу, нет общежитий для рабочих из деревень, очень слабо поставлена культурная работа» [Там же. Д. 636. Л. 66].

В Симферополе в 1929 году было проведено I Всекрымское совещание национальных меньшинств. Центральный доклад совещания назывался «Национальная политика партии и советской власти и задачи национального строительства в Крымской АССР». В докладе были сформулированы общеполитические установки в области национальной политики, в частности мысль о том, что «освободительная борьба угнетенных народов является маховым колесом для пролетарской революции» [Там же. Д. 912. Л. 41]. В докладе были зафиксированы основные направления реализации национальной политики: «вся дальнейшая работа в области национального строительства в Крымской АССР должна быть построена вокруг выполнения следующих задач: а) усиление и улучшение качества партийного руководства всем делом социалистического и национального строительства в Крыму и повышение ответственности всей партийной организации за эту отрасль работы; б) создание кадров национального актива из пролетарских и полупролетарских элементов коренного населения и национальных меньшинств и выдвижение их на руководящую работу; в) последовательное проведение курса на вытеснение буржуазно-капиталистических элементов и ликвидации кулачества как класса...; д) систематическая борьба со всякими проявлениями национализма под лозунгом “борьбы на два фронта” (против великодержавного шовинизма и местного национализма)» [Там же. Л. 44].

Коренизация в промышленности реализовывалась по нескольким направлениям. Во-первых, определение квот среди руководящих работников. Во-вторых, подготовка инженерно-технического состава и квалифицированных рабочих. Для реализации этой задачи были вновь созданы школы ФЗУ и два института: медицинский и сельскохозяйственный. В апреле 1930 года по 11 отраслям промышленности ЦСНХ из общего количества 5 063 человек, крымские татары составляли 575 человек или 11,4 %. Для понимания сущности коренизации в промышленности важен анализ по уровню квалификации. Квалифицированные рабочие составляли 210, или 36,5 %, неквалифицированные – 219, или 38,1 %, ученики – 136, или 23,7%, обслуживающий персонал – 10 человек, или 1,7 %. Таким образом, цифры однозначно говорят о преобладании неквалифицированного труда [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1032. Л. 5]. С тем, чтобы в достаточной краткие сроки изменить ситуацию, отдел кадров ЦСНХ заключил договор с НК труда на комплектование курсов по подготовке рабочих в системе фабрично-заводского ученичества. Работа курсов осложнялась тем, что необходимо было постоянно обучать большие массы слушателей из за огромной текучести кадров на предприятиях. Рубеж 1920/30-х годов характеризуется настоящей гигантоманией в привлечении рабочих на производство. «Сверхтемпы» индустриализации давали о себе знать и на предприятиях Крымской АССР. С 1929/30 учебного года для реализации на практике планов коренизации в промышленности расширяется система профессионально-технического образования и увеличивается количество принимаемых учащихся. В докладе «Культурное строительство и задачи народного образования в реконструктивный период» на областном партсовещании о национальном строительстве указывалось: «По проекту НКПроса сеть техникумов индустриального образования, начиная с 30/31 года увеличится на 2 единицы... в 2 севастопольских школах 2 ступени вводятся чертежно-конструкторский и электро-технический уклоны. Подготовка квалифицированных рабочих для промышленности НКПросом производится сетью низшего профтехнического образования в количестве 6 единиц. Прием будет устанавливаться в двойном размере» [Там же. Д. 907. Л. 30].

Ход процесса коренизации неоднократно рассматривался на заседаниях Бюро Крымского обкома ВКП(б). Руководители обкома определяли цифровые показатели привлечения представителей различных национальностей в хозяйственный, кооперативный, профсоюзный аппарат и органы государственного управления. По итогам заседания Бюро обкома 3 марта 1932 года было принято постановление «Об итогах коренизации

государственного, кооперативного и хозяйственного аппарата в 1931 году и плане на 1932 год». Документ определил, что средний процент коренизации ко всему количеству служащих в национальных крымско-татарских районах Бахчисарайском, Судакском, Алуштинском районах – 90 %, Ялтинском – 80 %, Балаклавском – 75 %, Карасубазарском – 60 %. Во Фрайдорфском еврейском национальном районе – 60 %, Биюк-Онларском немецком районе – 55 % немцев, Ишуньском – 55 % украинцев [Там же. Д. 1139. Л. 69]. Необходимо отметить, что механическое определение цифр создавало проблемы, когда критерием в занятии должности становилась определенная национальность, а не уровень профессиональных знаний. Отчет обкома партии отметил это как «перегиб». Обзор «политнастроений» отмечал такого рода установки, приводя высказывания низовых работников в Алупке: «Извращенное понимание татаризации порой проявляется не только среди крестьянства, но и среди советских работников, начиная с низов и кончая работниками областного масштаба. На одном из происходивших в местечке Алупка собрания одним из татар был выдвинут лозунг о татаризации на 100 %: “Крым только для коренного татарского населения и в аппарате управления должны быть только татарские люди, которым еще дорога нация и магометанство”. Эту точку зрения поддерживали 2 низовых советских работника» [Там же. Д. 636. Л. 63].

Вопросы коренизации в промышленности рассматривались на областных партийных конференциях. На этих партийных форумах происходило формальное принятие решений о конкретных мероприятиях национальной политики в Крымской АССР. Принимаемые документы отражали изменения в работе местных партийных организаций в зависимости от того, как формировалась партийная стратегия в высших эшелонах власти. 20–24 января 1932 года в Симферополе проходила XVI областная партийная конференция. В своем выступлении секретарь крымской парторганизации Вегер говорил: «Последние полтора года характеризуются величайшим размахом национального строительства в Крыму... При этом мы исходили из трех основных задач: во-первых, развертывание и укрепление промышленности, как основного фундамента социалистической экономики Крыма, создание кадров национального пролетариата, воспитание прочного пролетарского костяка из коренной национальности» [Там же. Д. 1131. Л. 28].

Одной из сложных в практическом решении проблем была подготовка врачей, агрономов, инженеров. В существующих вузах были определены квоты. Так, в сентябре 1933 года в Симферополе состоялось област-

ное партийное совещание о состоянии партийно-массовой работы в вузах Крыма. Выступавший секретарь парторганизации педагогического института Измайлов отмечал: «Было намечено провести набор 150 человек, из них коренников намечали до 90 %. Надо сказать, что процент коренизации нами остался не выполнен при выполнении % набора в целом» [ГАРК. Д. 1234. Л. 13]. Схожая ситуация была в медицинском институте. Секретарь парторганизации Симаков отмечал, что «контрольная цифра данная обкомом выражается в 150 человек. Из коренного населения взяли 23–24 %, т. е. имеем недовыполнение» [Там же. Л. 40]. Представитель сельскохозяйственного института Самединов указал на то, что крымских татар вместо 90 человек приняли 39, что составляло 29 % плана коренизации [Там же. Л. 29].

В осуществлении процесса коренизации в промышленности в начале 1930-х годов быстрее реализовывались нормативы по категории так называемых «ответственных работников», а наиболее сложная ситуация была с инженерно-техническими кадрами – там, где требовались опыт и специальные знания.

На одной из партийных конференций было обращено внимание на необходимость развития системы рабочего образования для реализации коренизации в промышленности. Коренизация неквалифицированным персоналом не устраивала парторганы, требовалось подготовить квалифицированных рабочих и инженерно-технический персонал. Выступавший глава агитпропа крымского обкома Таксер в докладе «Культурное строительство в Крыму под углом решений XV партсъезда и XIII областной партконференции» говорил: «в ближайшее время разрешить вопрос о вечернем рабочем университете и о вечерних курсах по подготовке в ВУЗы рабочих и крестьян; НКПросу, ЦСНХ и Крымплану пересмотреть сеть культурных учреждений в сторону полной увязки их с пятилетним планом, имея в виду приспособление профтехнического и общего образования к развитию хозяйства Крыма, необходимость большего вовлечения татар и нацмен в профтехнические школы» [Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 809. Л. 13].

Власти составляли достаточно масштабные проекты подготовки инженерно-технического персонала через систему профессионального образования с выделением значительных финансовых ресурсов. Однако на подготовку специалистов требовалось время, а промышленным предприятиям кадры нужны были срочно. Выступая на IV Пленуме КСПС в декабре 1930 года С. Карга говорил: «Контрольные цифры проектирующей организацию новых 15 техникумов (будет 27 вместо 12 в этом году)

и 5 новых школ ФЗУ. Контингент учащихся в школах ФЗУ увеличивается с 408 до 1540 человек... Контрольные цифры намечают ассигнование специально на подготовку хозяйственных и культурно-политических кадров 8,5 миллионов рублей, что составляет около 40 % всего бюджета народного просвещения по Крымской АССР» [Карга, с. 21].

В политике коренизации в промышленности основное внимание уделялось крымским татарам. Во-первых, были выделены квоты в административном аппарате местной и кустарной промышленности. Так, в 1930 году из общего количества 13 521 человек управленцев в советском аппарате и промышленности крымские татары составляли 936 человек, или 6,9 %. Из них в государственных учреждениях работали 841 человек (7 %), в кооперативном аппарате 58 человек, или 5 %, в сфере сельскохозяйственного кредита 37 человек, или 19,1 % [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1032. Л. 4]. При этом проще всего решалась проблема привлечения к административной работе или в терминах того времени «ответработе». Значительно сложнее дело обстояло со специалистами, так как инженерные, экономические и другие должности требовали специальных знаний. Так, в 1930 году в системе предприятий ЦСНХ насчитывалось 554 крымских татар, что составляло 7,7 %. Наибольшее количество крымских татар насчитывалось в системе кустарной промышленности – 1 067 работников, или 11,8 %. На транспорте 402 человека, или 4,7 %. На предприятиях Винтреста 134, или 31,6 % от общего количества.

Особое внимание уделялось формированию национального пролетариата. На Керченском ГМЗ (государственном металлургическом заводе) работало 391 крымских татар, что составляло 7,5 % от общего количества работающих. На Севастопольском морском заводе 211 человек, или 6 % общей численности персонала. Таким образом, всего в крымской промышленности было занято 2 760 крымских татар, составлявших 8,1 % общего количества занятых [Там же].

Начавшаяся индустриализация включала в себя и важные элементы национальной политики. Новый рабочий уклад жизни, изменение социальной структуры живших в Крыму народов рассматривались как важнейшие задачи национальной политики во взаимосвязи с индустриализацией. По мнению большевистских вождей, необходимо было изменить традиционный крестьянский уклад, рождавший национализм. На областном партийном совещании, посвященном реализации национальной политики проходившем в Симферополе 10–12 ноября 1929 года, первый секретарь обкома Живов говорил: «мы можем окончательно решить национальный вопрос, уничтожить экономическое неравенство отдельных

национальностей только на путях социалистической индустриализации нашей страны» [ГАРК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 870. Л. 20]. Формируется и новый элемент идеологии национальной политики, делавшей акцент на обострении классовой борьбы. Все сложности и противоречия форсированной индустриализации, экономические потери объяснялись ростом классовой борьбы и деятельностью «буржуазно-националистических элементов». В своем вступительном слове Живов утверждал: «Если мы возьмем классовую борьбу в связи с национальной политикой, то мы увидим, что обострение классовой борьбы, усиление активности капиталистических элементов, проникнутых настроениями великодержавного шовинизма, вызывает неизбежный рост великодержавного шовинизма» [Там же. Л. 21]. В партийной идеологии был сформулирован тезис о борьбе с «двумя уклонами»: великодержавным шовинизмом и местным национализмом.

Проведение коренизации в промышленности базировалось на идеологическом постулате о том, что ряд наций угнетался в бывшей Российской империи, и это неравенство наций базируется на экономическом фундаменте. Устранив экономическое неравенство, удастся решить и национальные проблемы. В крымской партийной организации даже после разгрома групп «правых и левых» существовала острая дискуссия о конкретных мероприятиях политики коренизации. Основной вопрос — это соотношение национального и международного в проведении конкретных мероприятий. Дискуссия развернулась на областном совещании по вопросу коренизации аппарата и национальному строительству, проходившем в Симферополе 11 января 1931 года. Выступивший Кубаев говорил: «До 1928 года были причины задерживающие наше развитие. Миллифирковцы старались воспитывать нашу молодежь в национальном духе. Наряду с этим наши татарские революционеры в свою очередь воспитывали нашу молодежь в коммунистическом духе. Отсюда шла непрерывная, долгая борьба» [Там же. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 1074. Л. 27]. Пройдет совсем немного времени, и Кубаев будет объявлен антипартийным деятелем, будет осуждена так называемая «кубаевщина». Руководители республики четко понимали, что коренизация не является самоцелью, а служит задаче укрепления советской власти. Требовалось сделать эту власть привлекательной для многонационального крестьянства. Представитель молодой генерации большевиков Тархан в своем выступлении на областном совещании по вопросу коренизации аппарата говорил: «Вопрос коренизации, который стоит на сегодняшнем совещании, конкретным вопросом есть по существу вопрос укрепления диктатуры пролетариата

в нашем Крыму. Потому что с таких процентов охвата руководящих органов соввласти, партии, профсоюзов, с таким большим процентом охвата за счет коренного населения – это есть руководство социалистическим строительством» [ГАРК. Л. 32].

Коренизация в области промышленности была тесно сопряжена с языковым вопросом. Эту проблему хорошо понимали партийные руководители. Один из руководителей агитпропа обкома И. Козлов в выступлении на областном совещании по вопросу коренизации аппарата говорил: «Беда наша заключается в том, что мы не знаем татарского языка и поэтому не можем иметь тесной связи с трудящимися коренной национальности, не можем повседневно наблюдать происходящий процесс выращивания новых кадров и подготовки этих кадров» [Там же. Л. 43].

Ключевым аспектом коренизации в области промышленности являлось решение кадровых вопросов. Это были не только требования к определенному уровню профессиональных знаний, но и лояльность специалистов по отношению к партийному режиму. Проводился подбор новых служащих, инженерно-технического персонала, которые бы своим движением были бы обязаны советской власти. Партийный документ четко определял приоритеты: «В крымских условиях проблема кадров включает в себя и задачу коренизации аппарата, вовлечение татар и нацмен в производство, подготовки научных марксистских кадров из коренного населения. В неразрывной связи с этой проблемой находится также вопрос о работе среди национальной интеллигенции» [Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1039. Л. 225 об.].

Необходимо отметить, что в процесс коренизации в промышленности был вовлечен целый ряд народных комиссариатов – НК труда, НК просвещения. Координирующим органом являлся СНК Крымской АССР. В апреле 1932 года СНК Крыма принял постановление о том, что при комплектовании состава учащихся школ ФЗУ «установить норму вовлечения коренного населения татар к общему количеству учащихся не менее 45 %. Организовать широкую вербовку в специальные вузы татарской молодежи, поставив на должную высоту довузовскую подготовку» [Полетаев, с. 111].

Рубеж 1920/1930-х годов характеризуется в коренизации в промышленности новым аспектом – так называемым «вредительством». Прошел «шахтинский процесс» и борьба с мнимыми вредителями развернулась во всех регионах, в том числе и в Крымской АССР. Партийный пропагандист писала: «Проблема кадров – сугубо политическая проблема и она поставлена сейчас перед нами во всей своей широте... в области техники

классовый враг наиболее силен, а мы наиболее слабы. Сейчас нужно использовать все пути и возможности, чтобы прорыв в кадрах ликвидировать в наикратчайшие сроки» [Стахонова, с. 70].

Коренизация затрагивала и систему высшего образования. Была поставлена задача увеличить количество представителей различных национальных групп. Секретарь парторганизации педагогического института Измайлов в своем выступлении говорил, что «замена тесным образом была связана с окомунизированием и коренизацией, что встречало сопротивление со стороны реакционной части профессуры» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1234. Л. 14]. Подводя итоги совещания, секретарь обкома Надинский отмечал: «Нельзя забывать, что учебные заведения в первую очередь должны в Крыму готовить кадры из коренной национальности... Все знают важность коренизации, но еще недостаточно осознали безусловную необходимость выполнения директив партии и парторганизаций на местах о коренизации» [Там же. Л. 97].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в комплексе мероприятий коренизации преобразованиям в индустриальной сфере отводилось значительное место. Коренизация в промышленности должна была модернизировать отрасли крымской экономики и сформировать национальный пролетариат. Коренизация в промышленности включала комплекс дифференцированных мероприятий в условиях новой экономической политики и индустриализации 1930-х годов. Положительными ее аспектами стали рост объемов производимой продукции и замена устаревшего оборудования. Негативное проявление включает деформацию привычного уклада, традиций и обычаев народов Крыма, связанное с формированием национального пролетариата.

Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. П-1 (Областной комитет РКП(б)–ВКП(б)).

Ибраимов В. На пути самоопределения национальностей // Крым. 1927. № 1 (3). С. 5–12.

Карга С. Народно-хозяйственный план Крымской АССР // Экономика и культура Крыма. 1931. № 2. С. 15–18.

Полетаев Д. Состояние коренизации и подготовки национальных кадров в Крыму // Экономика и культура Крыма. 1932. № 1–4. С. 9–11.

Стахонова А. О подготовке кадров // Экономика и культура Крыма. 1930. № 1. С. 13–17.

УДК 94(470.5).084.3/.084.6:658.26

Н. Н. Мельников

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЛАНА ГОЭЛРО НА УРАЛЕ: ОТ ПЕРВЫХ СЕТЕВЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ДО ЕДИНОЙ ЭНЕРГОСИСТЕМЫ РЕГИОНА (1920–1930 гг.)*

Процесс развития уральской энергетики в 1920-е гг. был начат кустованием генерирующих установок отдельных предприятий. На рубеже 1920–1930-х гг. он был продолжен введением в строй районных электростанций и формированием единой системы «Уралэнерго». Это был трудный путь с неоднозначными промежуточными результатами и общим итогом. Но именно развитие собственной энергетической базы стало одним из основных факторов превращения уральского региона из глубоко провинциального старо-заводского комплекса, оснащенного в основном водяным колесом, в передовой экономический оплот страны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал, ГОЭЛРО, индустриализация, топливо, электроэнергетика, электростанции.

В начале XX в. российская энергетика вместе со всей экономикой страны начала активное развитие. Это определялось расширением использования электричества в промышленности и в быту, появлением электрического транспорта, электроосвещения и пр. В 1912 г. все электростанции общего пользования России отпускали на душу населения примерно 3 кВт/ч (в 60 раз меньше, чем в США и в 10 раз меньше, чем в Германии). Тогда же появилась потребность в единой программе, которая бы увязала развитие промышленности в регионах с развитием энергетической базы, но реализовать ее до 1917 г. так и не удалось [Плюс электрификация..., с. 3].

Новая власть целенаправленно занялась решением данной проблемы, когда в 1920 г. была образована специальная комиссия для составления плана электрификации России – ГОЭЛРО. 22 декабря 1920 г. План ГОЭЛРО был утвержден на VIII Всероссийском съезде Советов [Там же, с. 3–4]. Он представлял собой единую программу преобразования экономики России и ее важнейших отраслей (прежде всего тяжелой индустрии) на основе электрификации. План был рассчитан на 10–15 лет

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации» № 16-01-00308.

и включал в себя две основные составляющие: программа кустования и строительство районных электростанций.

Сразу же после принятия плана ГОЭЛРО в 1921 г. в системе «Главэнерго» была подготовлена и начала осуществляться программа кустования локальных уральских энергомошностей. Предполагалось соединить линиями электропередачи (ЛЭП) местных, как правило, промышленных установок в единый куст, что позволяло эффективнее управлять ограниченными мощностями заводских станций. Программа была разбита на две очереди: I очередь предусматривала создание четырех кустов, II очередь – двух.

Первый куст I очереди должен был объединить электростанцию Саткинского завода с Бакальским железным рудником. На заводе имелось два турбогенератора по 1,5 тыс. кВт и четыре котла по 300 кв. м. По большей части работы по созданию двадцативерстовой ЛЭП до рудника были закончены уже в 1922 г., но из-за нехватки оборудования (импортного) пуск линии был задержан как минимум до следующего года [РГАЭ. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 25. Л. 89].

Второй куст – Челябинский – предполагал объединение Челябинской городской электростанции (ЧГЭС) и Челябинских угольных копей. К этому моменту резервы ЧГЭС были истощены, кроме того, ее оборудование находилось в крайне изношенном состоянии. Но «Челябкопи» имели своеобразный резерв. На местной станции был установлен турбогенератор на 2 тыс. кВт, который был значительно мощнее оборудования первого куста. Но котловое хозяйство копей было ровно в 2 раза слабее саткинской установки – 2 котла по 300 кв. м. Следовательно, электростанция копей могла выдать только 1 тыс. кВт энергии. К концу 1923 г. монтаж ЛЭП длиной 14 км был завершен, и район кустования на этом этапе в целом обеспечивался нужным объемом электроэнергии [Там же. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 25. Л. 89 об – 90].

Третий куст Калата-Невьянск, самый сложный из кустов I очереди, объединял в единую систему электростанции Невьянского механического, Невьянского цементного и Калатинского (будущего Кировградского) медеплавильного заводов, с присоединением Белореченского и Карпушинского рудников. Главная цель этого кустования – стабильная работа медной промышленности, поэтому работа над ним была в ведении не системы «Главэнерго», а треста «Уралмедь». Общая протяженность ЛЭП на 6,6 кВ должна была составить 28 верст. В целом куст обладал действующим, достаточно мощным, но запущенным оборудованием: калатинская станция имела два турбогенератора по 1,5 тыс. кВт, цемзаво-

да – один на 2 тыс. кВт, мехзавода – один на 1 тыс. кВт. Таким образом, суммарная мощность куста составляла 6 тыс. кВт. Однако ввиду высокой стоимости работ и отсутствия основных материалов процесс шел крайне медленно. По состоянию на конец ноября 1923 г. все заводы были соединены между собой линией передачи, сооружение ЛЭП до рудников было перенесено на следующий год [РГАЭ. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 25. Л. 22–24, 118].

Четвертый куст должен был быть организован между Пермью и Мотовилихой. Уже достаточно слабую пермскую городскую станцию первоначально планировалось подключить к Мотовилихинскому заводу для обеспечения возрастающих нужд города. Но уже к 1923 г. от этой идеи полностью отказались. Пермская станция перестала действовать, поскольку помимо устаревшего оборудования ее снабжение было экономически невыгодно. Приходилось топливо (кизеловский уголь) разгружать на железнодорожной станции и на подводах возить в центр города. Было принято решение соединить Пермскую ГЭС со станцией механического завода Лесснера (с 1918 г. вошел в состав Мотовилихинского завода), имевшей котел на 430 кв. м и действующий турбогенератор на 1,5 кВт. Поэтому в 1923 г. городская станция была переоборудована в подстанцию, а генерирующее оборудование бывшего завода Лесснера стали называть новой городской станцией. Все оборудование старой станции было перенесено на новую [Там же. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 25. Л. 18–20, 90 об.].

Первый куст II очереди должен был объединить пос. Березовский и Екатеринбург. Ранее Березовские прииски были соединены с Екатеринбургской городской станцией линией электропередачи, но в результате Гражданской войны она была разрушена. Потребности города заставляли эту линию воссоздать. На момент создания программы кустования в 1921 г. прииски еще не планировались к разработке (его шахты и хозяйство были разрушены войной), поэтому березовская станция обладала свободными мощностями в 1 тыс. кВт. При этом Екатеринбург не хватало 600 кВт, которые планировалось получить по одиннадцативерстовой ЛЭП на 22 кв. Была сооружена временная ЛЭП, по которой город получал с березовской станции около 300 кВт. Но уже к 1923 г. прииски начинали вновь разрабатываться, значит, очень быстро Екатеринбург вставал перед проблемой снабжения электроэнергией – свободные мощности в Березовском быстро закончились [Там же. Л. 91 об. – 92]. Исправить ситуацию должно было строительство новой городской станции в Екатеринбурге, которое завершилось в 1927 г.

Второй куст II очереди – Белорецкий – должен был возникнуть на основе станций Белорецкого и Тирлянского заводов с подключением

Журавлино-Мелихинского торфяника, от которого и питались эти станции. Оба завода имели избыточные мощности своих установок. Однако в силу целого набора причин (общая протяженность предполагаемой ЛЭП в 35 верст, дороговизна снабжения топливом станций и необходимость переносить установки на торфяник) работы по этому кустованию фактически не осуществлялись [РГАЭ. Л. 92].

Таким образом, в начале 1920-х гг. стала развиваться локальная программа уральских кустований, которая через десятилетие привела к появлению единой системы «Уралэнерго».

Дореволюционный Урал почти целиком основывал свое хозяйство на древесном топливе: в топливном балансе уральской промышленности в 1913 г. каменный уголь составлял всего 7,7 %, в то время как дрова давали 56 % и древесный уголь – 36,3 %. В ближайшие годы региональной промышленности и энергетике необходимо было перейти на минеральное топливо. В противном случае электрификация Урала в целом и заводов, в частности была бы невозможна. Следовательно, необходимо было начинать массовое развитие местных месторождений некоксуемого и плохо коксующегося угля: Кизеловского, Богословского, Егоршинского и Челябинского.

Планом ГОЭЛРО намечалось построить на Урале следующие электростанции: Кизеловскую ГРЭС на 40 тыс. кВт, Челябинскую ГРЭС на 60 тыс. кВт, Егоршинскую ГРЭС на 40 тыс. кВт и Чусовскую гидроэлектростанцию до 25 тыс. кВт [План электрификации РСФСР, с. 214–215]. При строительстве этих объектов и с учетом реконструируемых промышленных электростанций планом намечалось довести общую мощность энерговооруженности края до 220–250 тыс. кВт [Гервиц, Макушкин, Миньков, с. 5].

К началу реализации планов I пятилетки Советского Союза в 1927 г. был подготовлен «Общий экономико-географический очерк Уральской области и ее экономических ресурсов на 1928/29–1932/33-х гг.». В исследовании в том числе подробно было рассмотрено количественное и качественное состояние первичных силовых станций уральской ценовой промышленности. В итоге был сделан следующий вывод: средняя мощность установок была невелика при значительном износе и при неполном коэффициенте загрузки. Эти факторы влекли за собой высокие удельные расходы топлива и, как следствие, высокую себестоимость 1 кВт/ч. К этому необходимо было добавить недостаток квалифицированного персонала для обслуживания установок [РГАЭ. Ф. 3700. Оп. 1. Д. 150. Л. 202 об.].

В контексте этих фактов план ГОЭЛРО как программа создания на Урале сети районных электростанций общего пользования выглядела стратегически абсолютно правильной. Именно такой способ организации развития электрификации края позволял максимально эффективно сконцентрировать силовые установки и квалифицированный персонал для их обслуживания.

В течение 1920-х гг. Уральский регион шагнул далеко вперед в деле развития применения каменного угля. Минерализация топливного баланса Урала достигла довольно крупных успехов в результате начала реализации плана ГОЭЛРО. За это время потребление каменного угля промышленностью возросло с 7,7 до 43 % в 1926/1927 хоз. г. [Пятилетний план..., с. 7]. План электрификации вывел уральскую энергетику на качественно иной уровень, благодаря ему был сделан рывок вперед. В 1928/1929 хоз. г. районные электростанции давали всего 4,2 % всей электроэнергии региона, тогда как фабрично-заводские установки обеспечивали 83,8 % всей установленной мощности. Однако это было только начало. В перспективе именно районные станции должны были выйти (и в итоге вышли) на первое место по выработке уральской электроэнергии. В регионе стала формироваться самостоятельная энергетическая система районных станций, на этапе 1920–1930-х гг. развивавшаяся только на основе тепловой энергии. Гидростанция на р. Чусовой так и не была построена.

Индустриализация первых пятилеток привела резкому изменению энергетической структуры края. Рост промышленного производства потребовал адекватного увеличения выпуска электроэнергии. В условиях особенностей развития уральской энергетики это было сопряжено с увеличением добычи угля. Корректировка пятилетнего плана, произведенная в декабре 1929 г., привела к резкому повышению контрольных цифр добычи угля на Урале с 6 до 16 млн т [Баканов, с. 144].

Завышенные задания первого пятилетнего плана с самого начала были обречены на невыполнение по причине острой нехватки людских и материальных ресурсов, а также из-за ошибок в планировании. За первую пятилетку на Урале было заложено более 20 шахт общей мощностью 18,9 млн т. Наряду с этим было реконструировано 6 старых шахт, мощность которых возросла почти в 2 раза [Кинг, с. 41]. Однако все шахты Кизеловского и Челябинского бассейнов, пущенные в 1931–1933 гг., были заложены на участках, разведанных ручными скважинами на небольшую глубину в 100–150 м, и точных данных о запасах угля на этих шахтах к моменту их строительства просто не было. Отсутствовали планы горных работ по отдельным предприятиям и сметы строительства [Баканов, с. 147].

Промышленность региона при наличии здесь значительных разведанных запасов угля продолжала использовать в больших количествах легкококсующееся высококалорийное топливо из Кузбасса и Караганды на энергетические цели. Ввоз угля на Урал из этих районов не только не уменьшался, но даже рос. Если в 1934 г. сюда было завезено 4,3 млн т угля, то в 1938 г. – 6,0 млн, а в 1939 г. – 6,7 млн т. Из-за срывов плановых поставок угля регион испытывал частые перебои в снабжении им. Несмотря на это, за 1938 г. на Урале была построена всего одна шахта, а угля было добыто меньше, чем за предыдущий год [Антуфьев, с. 11].

В этих условиях развивающаяся уральская энергетика была обречена на сохранение постоянного дефицита топлива. Рост мощности станций и количества потребителей неизбежно вел к потребности ускоренного развития и повышения надежности электрических сетей. С этой целью в Свердловске в апреле 1930 г. было организовано Уральское районное управление электростанций и электросетей – «Уралэнерго». К концу 1930 г. установленная мощность электростанций «Уралэнерго» составила уже 41 тыс. кВт, а на конец 1932 г. – 161,1 тыс. кВт.

В 1931 г. через подстанцию Кыштым-Уфалей Челябинская ГРЭС была соединена со Свердловском линией напряжением 110 кВ. 7 ноября 1934 г. были включены в работу подстанция «Кировград» и высоковольтная линия, подстанция в Свердловске. Это была дата создания единой сети 110 кВ на Урале от Соликамска до Златоуста. В 1936 г. введены в работу высоковольтная ЛЭП на 110 кВ Магнитогорск-Златоуст протяженностью 214 км (самая протяженная на тот момент в стране). Она же являлась первым участком предполагаемой в то время единой высоковольтной линии на 220 кВ вдоль Уральского хребта [Ничков, с. 67, 78]. Таким образом, начала функционировать единая энергосистема региона.

К концу 1937 г. на Урале были введены и действовали энергообъекты, указанные в табл. 1. Кроме предприятий системы «Уралэнерго», в ней указаны блок-станции – теплоэлектроцентрали (ТЭЦ) крупнейших уральских заводов. Данные таблицы наглядно показывают, что в течение полугода в целом установленная мощность всех электростанций должна была вырасти более чем на 28 %. Эта программа оказалась совершенно нереальной.

Введение такого большого количества мощностей при крайне сжатых сроках сопровождалось высокой аварийностью «Уралэнерго». Количество аварий по системе за 1936 г. составило 449, в течение первой половины 1937 г. – 279 случаев. Наиболее крупными авариями были систематический выход из строя мельниц на КизелГРЭСе, прогары труб

Т а б л и ц а 1

**План роста установленной мощности
в системе «Уралэнерго»
в июле и декабре 1937 г.***

Наименование станции		Июль	Декабрь
Действующие станции «Уралэнерго»	В целом	205	265
	Челябинская ГРЭС	124	148
	Кизеловская ГРЭС	52	76
	Егоршинская ГРЭС	10	12
	Кушвинская ГЭС	6	12
	Свердловская ГЭС	7	11
	Пермская ГЭС	6	6
Пусковые станции	В целом	85	145
	СУГРЭС	50	100
	Закамская ТЭЦ	35	45
Блок-станции	В целом	204	278
	Березниковский ТЭЦ	40	50
	Магнитогорская ЦЭС	74	88
	ТЭЦ Уралвагонзавода	35	50
	ТЭЦ УАЗ	25	50
	ТЭЦ УЗТМ	10	10
	Мелкие блокстанции	20	30
	Итого:	494	688

* ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 13. Л. 124.

пароперегревателей котлов КизелГРЭС (38 случаев), разнос турбогенератора № 6 на ЕгорГРЭС, авария турбогенератора № 5 на 9 тыс. кВт на ЕгорГРЭС, две аварии на турбогенераторе Кушвинской ГЭС, систематический занос солями турбин в Челябинске, на ЗакамТЭЦ, пуск ма-

зута в конденсат котлов в СУГРЭС и т. д. Требуемый баланс покрытия мощностей «Уралэнерго» был совершенно не реален: ЕгорГРЭС располагала на тот момент мощностью не 10–12 МВт, как планировалось, а только 2,8 МВт; вторая турбина на ЗакамТЭЦ в эксплуатацию не вошла; вторая турбина на Уралвагонзаводе также не вошла. Следовательно, в системе имел место дефицит мощности в 50–60 МВт только по этим объектам. Поэтому реальные успехи энергетического строительства на Урале были значительно скромнее.

Острый дефицит мощности в системе привел к тому, что оборудование электростанций работало без всякого планово-предупредительного ремонта. Из 24 котлов системы «Уралэнерго» в 1937 г. было отремонтировано 15, т. е. 63,5 %, но к установленной мощности котлов это составляло только 24,7 %. Из 11 турбин смогли отремонтировать 5, т. е. 46,7 или 13,5 % установленной мощности. К началу сезона капитального ремонта станции «Уралэнерго» оказались не обеспечены запасными частями, что задерживает проведение ремонта [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 13. Л. 123, 125].

Вместе с ростом промышленности Уральского региона начала резко возрастать потребность в электроэнергии. Система «Уралэнерго» и блок-станции тоже увеличивали свои производства, но этот рост практически сразу стал отставать от возрастающих потребностей региональной промышленности. Постоянно повышался недоотпуск электроэнергии с 25 тыс. кВт/ч в 1935 г. до 33 тыс. кВт/ч в 1937 г. Наряду с недоотпуском электроэнергии Урал начал наращивать дефицит мощности с 36 МВт в 1934 г. до 69 МВт в 1937 г. [Там же. Д. 12. Л. 82 об.].

Потребность промышленности в мощности значительно превышала отпуск, что приводило или к ограничению потребностей, или к присоединению их к районной сети. При существующих мощностях даже после завершения периода осенне-зимнего максимума положение не улучшалось, т. к. спад максимума компенсировался присоединением новых потребителей. Опоры ЛЭП в подавляющем большинстве были построены из непропитанного леса и срочно нуждались в капитальном ремонте. Основные участки, имевшие исключительно оборонное значение: СУГРЭС-Тагил, Тагил-Чусовая, Чусовая-Пермь, имели недостаточную пропускную способность и были одноцепными. При авариях на отдельных участках ЛЭП система распадалась, что приводило к значительным недоотпускам электроэнергии и дезорганизации работы отдельных районов [Там же. Л. 129].

Такова была цена, которую пришлось заплатить за ускоренный рост уральской энергосистемы. Замыкание «Уралэнерго» в единую сеть – одно из важнейших достижений первых пятилеток на Урале. Теперь совершение перетоков электроэнергии из одного района в другой оказалось реальностью, что давало возможность регулировать всю систему в периоды максимумов. В то же время эффективность созданного в реальности оказалась достаточно низкой, поскольку строительство системы шло в ущерб качеству. «Уралэнерго» получила единую сеть с очень высокой аварийностью и большими потерями при перетоках.

Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

Баканов С. А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск, 2012.

Кинг У. Стратегическое планирование и хозяйственная политика. М., 1982.

Гервиц М. Б., Макушкин Я. Г., Миньков М. Я. Уральская энергосистема. Свердловск, 1970.

Ничков В. Б. Век уральской энергетики. Свердловск, 1983.

План электрификации РСФСР. Введение к докладу 8 съезду Советов Государственной Комиссии по электрификации России. М., 1920.

Плюс электрификация всей страны (1920–2005). М., 2005.

Пятилетний план хозяйства Урала на 1928/29–1932/33 гг. (краткое изложение). Свердловск, 1929.

РГАЭ. Ф. 3700 (Главное Управление энергетического хозяйства «Главэнерго» Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР).

ЦДООСО. Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС).

УДК 94(47).084.3/.084.8:336.74

В. Г. Ольшевский

«БЕЗДЕНЕЖНЫЙ СОЦИАЛИЗМ»: УТОПИЯ, НЕ СТАВШАЯ ПРОЕКТОМ

В статье в кратком изложении описана предпринятая в Советской России попытка построения «справедливого общества». Вывод, который может быть сделан внимательным читателем, состоит в том, что «безденежный социализм» – это идиома русского языка, непереводаемая на языки других народов мира. С точки зрения здравого смысла, «безденежный социализм» – это не общество без денег, а общество, нуждающееся в деньгах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : «безденежный социализм», В. И. Ленин, мировая социалистическая революция, инфляция, «справедливое общество», «умирание денег».

Развернутой, целостной, полностью учитывающей положение страны программы социально-экономических преобразований, которую можно было бы назвать проектом, ни до октября 1917 г., ни в первые годы советской власти у большевиков не было. В. И. Ленин говорил 4 декабря 1917 г. на заседании рабочей секции Петроградского совета: «Конкретного плана по организации экономической жизни нет и быть не может. Его никто не может дать. А сделать это может масса снизу, путем опыта. Будут, конечно, даны указания и намечены пути, но начинать нужно сразу и сверху и снизу» [Ленин, Доклад..., с. 147–148].

И сверху, и снизу начали с «экспроприации экспроприаторов» и введения «рабочего контроля», но некомпетентное вмешательство в управление предприятиями «частичных работников», не обладавших достаточными техническими знаниями, технологической дисциплиной, практикой бухгалтерского учета, лишь усугубило развал производства. Национализированные предприятия останавливались не только из-за недостатка сырья, материалов, но и из-за постоянных митингов, принимающих резолюции с требованиями устранить «буржуазных специалистов» от управления. Распад капиталистического производства был составным элементом слома «буржуазного» государства, для уничтожения которого было необходимо, по мысли Ленина, «превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно» [Ленин, Государство..., с. 78].

Ленин считал важнейшей задачей организации социализма обеспечение «универсального, всесильного, вездесущего, непреодолимого, <...> повсеместного, всеобщего» учета и контроля [Ленин, Русская революция..., с. 224; Ленин, Как организовать..., с. 199]. Определяя перспективы социалистического строительства в преддверии Октября, он писал: «Учет и контроль – вот главное, что требуется для “налажения”, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного “синдиката”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен

капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок» [Ленин, Государство..., с. 101].

Неразрешимой проблемой теории, идеологии и практики социалистических преобразований, всей истории советской власти стал вопрос о деньгах. Классические представления о социальном равенстве и справедливости не могли интегрировать их в более или менее непротиворечивую систему взглядов. В «идеальных» обществах Т. Мора, Э. Кабе, Т. Кампанеллы, многих других гуманистов прошлого обходились без денег, поэтому их теории и были утопичными. Дialeктически мыслящим основоположникам марксизма также не удалось рассмотреть в деньгах и порождающих их экономических условиях (частная собственность, экономическая обособленность людей, товарное производство, рынок) конструктивные элементы, способствующие повышению экономической и социальной эффективности, они сделали вывод об устранении этих причин несправедливости в коммунистическом обществе. Но о последовательности, сроках, способах преобразований первопроходцам социализма пришлось думать самостоятельно, решая неотложные задачи выживания в условиях острейшего финансового, денежного, продовольственного кризиса и в то же время демонстрируя мировому пролетариату наглядные примеры реального движения к коммунизму.

Ленин неоднократно повторял и до Октября, и после всемирно-исторического переворота, что захват власти был осуществлен большевиками исключительно в уверенности и надежде на скорую мировую революцию. «Все наши надежды на *окончательную* победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении», – писал он в январе-феврале 1918 г. [Ленин, К истории..., с. 245]. На VII экстренном съезде РКП (б) 6 марта 1918 г. он говорил: «Величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой» [Ленин, Седьмой..., с. 8]. Большевики не просто со дня на день ждали мировую революцию, они ее всячески стимулировали и подталкивали. Не зря в известной поэме А. Блока появилась вскоре трансформировавшаяся почти в официальную агитку строка: «Мы на горе всем буржуйам мировой пожар раздуем». Многие декреты и практические действия молодой советской власти имели пропагандистско-агитационный характер. В системе подобных мер уничтожение денег

вызвало бы оглушительный резонанс во всех странах мира. Острота проблемы усугублялась порожденной мировой войной, унаследованной от царизма и Временного правительства необузданной инфляцией. Если в 1914 г. общий уровень цен вырос на 28,7 %, в 1915 г. – на 20,2, в 1916 г. – на 93,5, то в 1917 г. – уже на 683,3 %. Покупательная способность рубля снизилась к началу октября 1917 г. до 6–7 довоенных копеек [Атлас, 1930, с. 81; Гусаков, с. 37, 38, 52]. Деньги практически утратили роль эквивалента добровольного обмена. Уже в декабре 1917 г. неповиновение крестьян, отказывающихся отдавать хлеб за обесценивающиеся бумажки, стало приобретать массовый характер. В этих условиях в январе 1918 г. один из самых известных экономистов того времени Ю. Ларин (М. З. Лурье) предложил проект декрета о ликвидации денег и денежной системы. Когда это произошло, точно не известно. Документ до сих пор «не найден». В некоторых источниках лишь упоминается, что Ларин неоднократно пытался провести такой декрет через законодательные органы с начала 1918 г. [Атлас, 1940, с. 52; Атлас, 1969, с. 155]. Появление этого законопроекта было обусловлено не только доктринальными соображениями, и его непосредственные цели не были достигнуты [Ольшевский, 1999, с. 29–33], но он оказал большое влияние на формирование военно-коммунистической идеологии.

Сначала к ларинскому предложению отнеслись как к теоретической фантазии «партийного чудака». Уже к середине января в периодической печати появились негативные отклики на эту инициативу без указаний на конкретные имена и факты. В опубликованной в «Правде» 9 января 1918 г. статье члена коллегии наркомата финансов М. А. Ольминского говорилось: «В социалистическом обществе вовсе не будет денег. Деньги не нужны людям. Но вот встречаются товарищи, которые думают, что уже сейчас мы можем обойтись без денег, прожить одним только “натуральным обменом”. Такой обмен кое-где, кое в чем уже сейчас можно и нужно применять. Но ясное дело, что не везде и не во всем. Раньше нужно многое построить заново» [Ольминский, с. 1].

Однако, как показала жизнь, «проект» Ларина имел в советском обществе большое будущее. Социалистическое хозяйство представлялось практически всем теоретически мыслящим большевикам как одно большое предприятие, «единая фабрика» («контора»), руководимая единым центром по общему хозяйственному плану. Предполагалось, что охарактеризованный в общих чертах К. Марксом «непосредственно общественный характер производства», в котором «производители не обменивают своих продуктов» [Маркс, с. 18], будет обеспечиваться не рыночными

(через спрос и предложение, деньги), а прямыми, непосредственными, установленными государственным планом связями между производителями и потребителями продукции. Теоретически в такой системе деньги были ненужными. Но в России – преимущественно крестьянской стране – «смычка» города и деревни без денег в то время была бы невозможной. Кроме того, Ленин как прагматичный политик, глубоко понимающий роль денег в политических и экономических процессах, в управлении людьми, в течение многих лет единолично распоряжавшийся партийной кассой и выдававший своим соратникам «диету» на жизнь и революционную деятельность, считал необходимым сначала использовать деньги и банки для укрепления власти. Это было учтено Лениным в плане социалистических преобразований, выдвинутом во время работы VII экстренного съезда партии, переименовавшего социал-демократическую партию в коммунистическую. В черновом наброске новой программы партии он сформулировал десять тезисов о советской власти, указал средства решения ее задач в экономической области: социалистическая организация производства, транспорта и распределения в общегосударственном масштабе, в том числе «сначала государственная монополия “торговли”, затем замена, полная и окончательная, “торговли” – планомерно-организованным *распределением*... под руководством Советской власти; принудительное объединение всего населения в потребительско-производительные коммуны» с временным сохранением денег и сделок купли-продажи, но с «обязательным, по закону, проведением всех таких сделок через потребительско-производительные коммуны»; «осуществление всеобщей трудовой повинности... с введением потребительско-рабочих (бюджетных) книжек» для учета труда и потребления, регистрации сделок купли-продажи; «полное сосредоточение банковского дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках... обязательное держание денег в банках и переводы денег *только* через банки; постепенное выравнивание *всех* заработных плат и жалований во *всех* профессиях и категориях... замена индивидуального хозяйничанья отдельных семей общим кормлением больших групп семей» [Ленин, Седьмой..., с. 74–75].

Во второй программе партии, принятой на VIII съезде в марте 1919 г., говорилось о невозможности уничтожения денег, пока не организовано полностью коммунистическое распределение продуктов, что РКП пока что лишь «стремится к проведению ряда мер, расширяющих область безденежного расчета и подготовляющих уничтожение денег» [Программы и устава КПСС, с. 57]. Тем не менее, как писал свидетель и участник тех событий, «в течение сравнительно короткого промежутка времени,

начиная со середины 1918 г. до начала 1921 г. партия пролетариата неожиданно для самой себя скатилась к немедленному переустройству на безденежно-плановых началах страны, с подавляющим преобладанием крестьянских хозяйств. При этом дело шло уже не об одних «подступах к коммунистическому обществу» [Кузовков, с. 114].

Активно способствовали этому уже упоминавшийся Ю. Ларин и его единомышленники. Очевидно, именно Ларин впервые пришел к парадоксальному выводу о том, что необузданная инфляция, унаследованная от старого режима, – не зло, а благо для «диктатуры пролетариата». Эмиссия денег сознательно использовалась не только для выживания власти, но и для подрыва экономической автономности и экспроприации всех слоев населения, сохранивших сколько-нибудь значительные денежные накопления, и ускорения «социалистических преобразований». Предполагалось, что обесценение денег приведет в конечном счете к их нуллификации, самоликвидации и переходу к безденежному, бестоварному, безрыночному хозяйству. Понадобилось время, чтобы эта идея стала общепринятой в руководящих кругах. Член Оргбюро и секретарь ЦК РКП(б) Е. А. Преображенский признавал в 1920 г.: печатный станок наркомфина стал пулеметом, «который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции» [Преображенский, с. 4].

По мере прогрессирующей утраты обесценивающимися деньгами экономического значения как средства эквивалентного и добровольного обмена становилось неизбежным использование насильственных методов борьбы с голодом и разрухой, установление диктатуры по отношению к собственникам продовольственных ресурсов – крестьянству. Это дало толчок дальнейшему развитию идей безденежного социализма и натурализации, «обезденежению» общественных отношений на практике [см.: Ольшевский, 2016, с. 122–133].

На закате военного коммунизма, после исчерпания всех мер «диктатуры пролетариата» по отношению к крестьянству, Ленин прислушался к распространенному в большевистской среде мнению «левых» о том, что «финансовый и денежный кризис может быть разрешен не путем восстановления финансов и денежного обращения, а ликвидацией и денежной и финансовой системы» [Коммунист, с. 5] и позволил Ю. Ларину и Е. А. Преображенскому убедить себя в допущенной «Азбукой коммунизма» целесообразности «придушить умирающее денежное обращение» [Бухарин, Преображенский, с. 285]. В конце лета – осенью 1921 г. была

предпринята самая решительная «красногвардейская атака» на деньги. По свидетельству ставшего наркомом финансов Г. Я. Сокольникова, за три месяца сезонной реализации урожая НКФ выпустил в обращение 14 трлн руб. Эта сумма в 7 раз превышала общую эмиссию за весь период после начала мировой войны [Сокольников, с. 122]. Так власть пыталась предотвратить нежелательное усиление несоциалистических укладов в результате допущения свободной торговли, а заодно и «обнулить» деньги, заставить народ отказаться от их использования. Сам Ленин в процессе подготовки, проведенной 3 ноября 1921 г. в связи с чрезмерными денежными «вливаниями» деноминации, предлагал Е. А. Преображенскому использовать для изготовления новых денег плохую бумагу, чтобы ускорить их самоликвидацию [Ленин, В. И. Ленин..., с. 321, 322].

Вследствие безнадежной атаки на деньги их общее количество в обращении составило на 1 января 1923 г. 1 квадриллион 994 триллиона 464 миллиарда 454 миллиона руб., цены в 1921 г. выросли на 1614 %, в 1922 г. – почти на 7300 % [Вопросы истории..., с. 603; Финансовая энциклопедия, ст. 452]. Это вызвало, по словам Ленина, огромную «путаницу бюджета» и заставило его решительно повернуть к новой экономической политике и стабилизации денег. Тем не менее вся последующая история советской власти стала реализацией уточнившего свою позицию вывода Ю. Ларина, определившего генеральное направление деятельности партии: «Задачей нашей, как организаторов социализма, остается *преодолеть рынок*, но только подходя к этому преодолению *применением товарно-рыночных методов*, а не воспрещением без экономической подготовки» [Ларин, с. 24].

И. В. Сталин сохранил присущую партии антирыночную ментальность. Тем не менее называя деньги «инструментом буржуазной экономики, который взяла в свои руки Советская власть и приспособила к интересам социализма для того, чтобы развернуть во-всю советскую торговлю и подготовить тем самым условия для прямого продуктообмена», он считал, что деньги останутся «вплоть до завершения первой стадии коммунизма» [Сталин, 1951, с. 342–343]. Однако совершенно неожиданно для своих соратников в статьях, объединенных в книге «Экономические проблемы социализма в СССР», он признал необходимым заменить товарное обращение между городом и деревней «путем постепенных переходов... системой продуктообмена... Задача состоит в том, чтобы... зачатки продуктообмена организовать во всех отраслях сельского хозяйства и развить их в широкую систему». Вводить эту систему «нужно неуклонно, без колебаний, шаг за шагом сокращая сферу действия товарного

обращения и расширяя сферу действия продуктообмена» [Сталин, 1952, с. 158, 215, 219–220]. Скептическое отношение к этим утверждениям проявили А. И. Микоян, В. М. Молотов, Г. М. Маленков, разумеется, уже после смерти вождя. Утопические идеи «безденежного социализма» так и не стали проектом.

Атлас З. В. Деньги и кредит (при капитализме и в СССР). М. ; Л., 1930.

Атлас З. В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., 1940.

Атлас З. В. Социалистическая денежная система. Проблемы социалистического преобразования и развития денежной системы СССР. М., 1969.

Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма: Популярное объяснение программы Российской Коммунистической партии (большевиков). М., 1920. Вопросы истории народного хозяйства СССР : сб. статей / отв. ред. И. В. Мавский, Ф. Я. Полянский. М., 1957.

Гусаков А. Д. Очерки по денежному обращению России. Накануне и в период Октябрьской социалистической революции М., 1946.

Коммунист. 1918. № 4.

Кузовков Д. В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. М., 1925.

Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики М., 1923.

Ленин В. И. В. И. Ленин – Е. А. Преображенскому, ранее 3 ноября 1921 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1975. Т. 53. С. 321–322.

Ленин В. И. Доклад об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса на заседании рабочей секции Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 4 (17) декабря 1917 г. // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 146–148.

Ленин В. И. Государство и революция // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Как организовать соревнование? // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 195–205.

Ленин В. И. К истории вопроса о несчастном мире // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1974. Т. 35. С. 243–252.

Ленин В. И. Русская революция и гражданская война // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1969. Т. 34. С. 214–228.

Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП(б) 6–8 марта 1918 г. Политический отчет Центрального комитета 7 марта. Черновой набросок проекта программы // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1974. Т. 36. С. 3–26, 70–76.

Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 9–32.

Ольминский М. А. Дела денежные и финансовые // Правда. 1918. 9 янв.

Ольшевский В. Г. Финансово-экономическая политика советской власти в 1917–1918 гг.: тенденции и противоречия // Вопр. истории. 1999. № 3. С. 28–45.

Ольшевский В. Г. Социально-гуманитарные науки – к синтезу с естественнонаучным знанием или Деньги в истории советского общества и современные проблемы // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество : монография. Кн. 28 / Д. Е. Барашева, Л. С. Бороненкова, И. Г. Долинина и др. Новосибирск, 2016. С. 107–155.

Преображенский Е. А. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920.

Программы и уставы КПСС. М., 1969.

Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции : в 2 т. Т. 1. М., 1925.

Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 янв. 1934 г. // Сталин И. В. Соч. : в 18 т. М., 1951. Т. 13. С. 282–379.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.

Финансовая энциклопедия / под общ. ред. Г. Я. Сокольников и др. 2-е изд. М. ; Л., 1927.

УДК 94(470.5).084.3/.084.5:631.1

О. М. Семерикова

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ КОММУНЫ В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1918–1925 гг.)*

В статье рассматривается политика партии большевиков по реализации идеи сельскохозяйственной трудовой коммуны в контексте коммунистического проекта по созданию новой социалистической реальности в деревне. Выбор регионального измерения позволил осветить особенности процесса создания и функционирования сельскохозяйственных коммун на конкретной территории в 1918–1925 гг. На основе архивных источников были выявлены объективные препятствия в осуществлении большевистского проекта: нежелание основной массы трудового крестьянства идти по пути социалистической трансформации производственных отношений; ограниченные сроки жизнедеятельности коммунальных хозяйств в результате столкновения утопических представлений с индивидуальными интересами и трудовыми возможностями коммунаров, механизмами рыночной экономики. Установлены также регулирующие ресурсы власти по сохранению данной модели социалистического производства (правовые, налоговые и финансовые привилегии; курирование и активное участие в вопросах управления и жизнедеятельности хозяйств).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

К л ю ч е в ы е с л о в а: сельскохозяйственная трудовая коммуна, коммунистический проект в деревне, история Урала XX век.

Изменение политической ситуации в октябре 1917 г. предопределило дальнейшее развитие России на долгие десятилетия вперед. С этого времени начинается реализация коммунистического проекта в деревне, направленного на коренную ломку производственных отношений. В основе большевистского проекта по социализации деревни лежали идеи теоретиков коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ульянова (Ленина) (дополненные теорией и практикой социалистов-утопистов) об абсолютном доминировании крупных форм производства над мелкими и в свою очередь коммунистических форм над капиталистическими. В наиболее сжатом виде у Маркса это выглядело следующим образом: «Вся критика мелкой земельной собственности, в конечном счете, сводится к критике частной собственности как границы и помехи для земледелия» [Маркс, с. 378].

Историографический интерес к сельскохозяйственным трудовым коммунаам в Советской России появился с самого начала их возникновения. Обращение к данной теме происходило в контексте пропаганды и борьбы с идеологическими противниками, анализа разных видов коллективного хозяйства и статистике по ним [см.: Дышлер; Маслов; Сельскохозяйственные коммуны...]. Начиная с 1920 г., коммуны в связи с изменением идеологической линии партии постепенно потеряли статус высшей коллективной формы хозяйства, а с публикацией статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» [см.: Сталин] оказались в историографическом забвении. На сегодняшний день существует лишь несколько специальных работ, освещающих деятельность руководства страны и некоторые страницы жизни сельскохозяйственных коммун на общероссийском [Гришаев; Дюран] и региональном [Усатова; Якушев, 2010; Якушев, 2012] уровнях, что актуализирует тему в рамках изучения раннесоветского общества, в том числе на основе метода социального проектирования.

Цель данной статьи – проследить процесс и степень реализации большевистского проекта «сельскохозяйственная трудовая коммуна».

Началом целенаправленного конструирования новой коммунистической реальности в деревне необходимо считать издание «Основного закона о социализации земли»¹.

¹ Принят 18 января 1918 г. III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и утвержден ВЦИК 27 января 1918 г.

До этого в «Апрельских тезисах» В. И. Ленина, в Декрете о земле 26 октября 1917 г. были прописаны лишь общие представления о трансформации в аграрном производстве в соответствии с программными установками партии большевиков и политической ситуацией соответственно. В законе «О социализации земли» впервые было определено качественное превалирование коллективных форм хозяйства над индивидуальными, прописаны их виды (коммуна, артель, ТОЗ), а также декларировалась их всемерная поддержка со стороны советского социалистического государства [Основной закон, с. 416].

Оптимальной коллективной формой в аграрном производстве была определена сельскохозяйственная трудовая коммуна. Отметим, что это обстоятельство было вызвано двумя параллельными процессами, происходившими одновременно. С одной стороны, это стихийный процесс создания сельскохозяйственных коллективов уже осенью 1917 г. (в том числе и коммун), с другой – существование в большевистской теории концепта «коммуна» как наивысшей формы производственного и общественного сотрудничества и стремление к его реализации.

Стоит указать, что В. И. Ленин как исключительно прагматичный политик осознавал неготовность основной массы населения к восприятию и участию в создании коммун². Тем не менее реальные факты появления сельскохозяйственных коммун осени 1917 – весны 1918 г. способствовали, на наш взгляд, переосмыслению большевистским правительством идеи о длительном процессе вставания крестьянской массы в социализм и появлению у него задачи на ускорение процессов коммунистической перестройки сельского хозяйства через всемерную поддержку и помощь новым коллективам. Тем более что новые коммуны стали рассматриваться как основные центры пропаганды социалистического уклада жизни для окружающего крестьянского населения и, соответственно, средство борьбы с политическими противниками.

На протяжении 1918 г. закон о социализации земли был дополнен корпусом подзаконных актов [см: Инструкции и положения...], созданием

² В работе «Государство и революция» 1917 г. В. И. Ленин вслед за Марксом указал на длительность перехода от капитализма к высшей стадии коммунизма через социализм (иначе диктатуру пролетариата) [Ленин, с. 94]. И, следовательно, появление социалистического производства на крестьянских землях, по мнению лидера большевиков, было возможно нескоро (в противовес процессу создания советских хозяйств на национализированных землях, доля которых в общей массе земельного фонда страны была невелика).

организационных структур³ [Аграрная политика..., с. 408–410] и специального денежного фонда⁴ [Там же, с. 399, 403, 415–416], а также осуществлением широких пропагандистских мер (деятельность инструкторов, выступления лидеров партии, статьи в периодической печати, издание книг и брошюр). В результате этого в 1918 г. действительно резко возросло количество сельскохозяйственных коммун как в абсолютных показателях, так и в сравнении с другими коллективными формами. Максимальная концентрация коллективов присутствовала в Центральной России⁵.

В уральской деревне ситуация в 1918 г. была несколько иная, что обусловило незначительные показатели по сельскохозяйственным трудовым коммунам. По подсчетам В. В. Гришаева, в Пермской губернии в 1918 г. было организовано 23 коллектива [Гришаев, с. 35]. Их сроки существования чаще всего ограничились одним хозяйственным годом. Это было вызвано во многом низкой материальной базой, нестабильной политической обстановкой и слабым влиянием большевиков на местных уровнях власти в условиях начавшейся Гражданской войны. В данной статье будет проанализирован процесс появления и деятельности коммунальных хозяйств в западной части Пермской губернии (с 1924 г. вошедших в состав Уральской области)⁶. Особенности данной территории явились минимальное количество коммун даже по сравнению с Зауральем (на 27 января 1921 насчитывалась только 21 коммуна, причем в Чердынском уезде их не было вообще) [Подсчитано по: ГАПК. Ф. Р-112.

³ «Инструкция для организации бюро коммун», утвержденная Наркомземом от 17 августа 1918 г.; «Положение об инструкторах по коммунам», утвержденное Наркомземом от 17 августа 1918 г.

⁴ Постановление Совнаркома «Об ассигновании 10 миллионов рублей на мероприятия по развитию земледельческих коммун» от 2 июля 1918 г.; Постановление Совнаркома об ассигновании Наркомзему 50 миллионов рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды земельных органов и организацию земледельческих коммун от 3 августа 1918 г.; Декрет Совнаркома «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства» от 2 ноября 1918 г.

⁵ Это было обусловлено близостью к столицам и крупным промышленным центрам, сложной экономической обстановкой, наличием крупного частного землевладения и значительного числа беженцев – основную часть сельскохозяйственных коммун организовали мигранты (городское и заводское население), либо местное активное население с некрестьянским опытом (служба в армии, наём, отходничество и проч.).

⁶ Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Усольский и Чердынский уезды.

Оп. 1. Д. 219. Л. 4 – 4 об.], а также организация коммун почти исключительно партийными работниками и/или мигрантами (самодельность местных крестьян в этом вопросе носила единичный характер), имевшими слабое представление об особенностях аграрного производства на уральской территории. Видимо, эти отличительные характеристики повлияли на то, что в местном делопроизводстве по коммунам данной территории за 1922 г. присутствовал термин «госколхоз» [ГАПК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 192. Л. 57], предполагавший почти полное государственное обеспечение⁷.

Таким образом, на региональном уровне мы наблюдаем наделение новыми смыслами коллективов, зарегистрированных как «коммуна», даже несмотря на новую экономическую политику, сохранивших привилегированный статус при осуществлении правовой, налоговой и материальной поддержки со стороны государства.

Примером коммунального строительства в западной части уральского региона в 1918 г. служит сельскохозяйственная коммуна «Опыт культуры» Чермодинской волости, Осинского уезда (зарегистрирована на уездном уровне 13 октября 1918 г.). В прошении от 23 сентября 1918 г. Русинов Иван Павлович, инициатор коммуны и одновременно заведующий отделом помощи уволенным воинам при Пермском губернском совете, указал: «Имею честь обратиться к Вам Глубокоуважаемый товарищ зав. лесным отделом за разъяснением и содействием не отказать мне с тремя товарищами поселиться на участке при заводе бывшего доверенного князя Голицина на р. Чекур по дороге на Шармейку между деревнями Чёкур и Чермода. Так как я, Русинов, проезжая по делам службы по уездам, и случайно натолкнулся на означенный бывший фанерный завод, который совершенно бездействует, и так как я коммунист и, кроме того, кузнец и слесарь, давно мечтаю о трудовой и сельскохозяйственной коммуне и имея сведения, что уже означенный участок был отдан под такие цели, но людям не сведущим с коммунальной жизнью и, кроме того, людям зажиточным, у которых дело совершенно расстроилось. Это я узнал из личных переговоров с тов. Васильевым, т. е. с членом той коммуны, который мне все рассказал и, кроме того, я лично осмотрел как плотину, так и постройки, и поэтому как заинтересованный в означен-

⁷ Напомним, что статус государственных предприятий носили только советские хозяйства (совхозы), а коммуна в официальной терминологии обозначалась как «производственное и потребительское объединение» (т. е. товарищество не только по работе, но и по распределению и потреблению)» [Бухарин, с. 241].

ной жизни, еще раз осмеливаюсь просить Вас не отказать мне в моей товарищеской просьбе» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 11 – 11 об.].

Из этого документа следует, что, как и большинство коммун в России в 1918 г., «Опыт культуры» была создана на бывшей помещичьей земле. Во-вторых, интересен стиль прошения – присутствует лишь небольшая доля революционной риторики («товарищ»), что наглядно демонстрирует постепенное внедрение в делопроизводственную практику революционной терминологии, а также опосредованно – слабые позиции большевиков в этот период на Урале. Последний вывод доказывает и последующая ситуация с выделом земли данной коммуне, где присутствовало затягивание процедуры: на 11 ноября 1918 г. отвода земли так и не произошло [Там же. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 20, 26]⁸.

Материал по коммуне «Опыт культуры» свидетельствует еще об одном факте коммунального строительства 1918 г.: попытке непролетарских и/или состоятельных (зажиточных) слоев населения (хуторяне, отрубники, монашествующие, бывшие помещики и привилегированные категории) вписаться в новую советскую реальность. Но непримиримая позиция большевиков к классовым врагам в условиях политики военного коммунизма, а также неготовность на практике «новыми коммунарами» реализовать принципы совместной жизни и труда в коллективе способствовали очень быстрой ликвидации подобных коммун.

Более активное движение по созданию сельскохозяйственных коммун в Пермской губернии наблюдалось в период с поздней осени 1919 – весны 1920 г.⁹: так, в 1920 г. было образовано 88 коммун [Там же. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 219. Л. 11]. Так же как и ранее, большинство коммун Пермской губернии в конце 1919–1920 гг. были организованы на некрестьянских землях: бывших помещичьих, казенных, церковных, частных. Данный факт является доказательством того, что крестьяне (речь идет о традици-

⁸ Подобная ситуация наблюдалась и с другими коммунарами. Так, например, Верхне-Давыдовская сельскохозяйственная трудовая коммуна Осинского уезда, зарегистрированная 27 сентября 1918 г. и получившая в пользование 144 дес. из «бывшей Лобановской дачи Голицина», окончательно так и не была оформлена (документы не были отправлены в Пермь, что произошло только в 1920 г.) [ГАПК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 219. Л. 16].

⁹ Данный факт был обусловлен изменением политической обстановки в пользу большевиков, их планомерной агитацией по созданию коммунальных хозяйств с обещаниями поддержки (предоставлением коммунарам права выбора земельных участков, субсидий из миллиардного фонда [Гришаев, с. 69]), а также сложной экономической ситуацией.

онном крестьянстве) не готовы были идти по пути ломки сложившихся производственных отношений на своих землях. Но, как и в период проведения столыпинской реформы, были те, кто рассматривал политику государства как возможность увеличить и качественно улучшить свои производственные мощности. Были и те (хотя их было гораздо меньше), кто на практике хотел реализовать свои коммунистические идеалы. В этом случае они оставляли свои земли в общине и заявляли прошение о едином участке свободной земли бывших иных форм собственности.

В свою очередь, заявление на участок земли для сельскохозяйственной коммуны очень часто вызывало недовольство населения окружающих деревень и сел и последующее разбирательство. Причиной являлось то, что в большинстве своем «все церковные, монастырские, помещичьи и казенные земли сельскохозяйственного назначения еще весной 1918 года были распределены среди населения» [Из протокола, с. 21]. Еще большее недовольство вызывало присутствие среди коммунаров пришлого элемента и представителей новой власти. В данном ключе интересно дело о наделении земель коммуны «Авангард коммунаров» Аспинской волости, Осинского уезда, устав которой был утвержден 23 февраля 1921 г.

Из данных по коммуне «Авангард коммунаров» следует, что организаторами явились лица, далекие от крестьянского труда и к тому же непосредственные представители новой власти¹⁰. Стоит предположить, что требование центральной власти об усилении пропаганды коммунального хозяйства, сложная продовольственная ситуация зимы 1920/1921 гг. и неготовность местного крестьянства к самостоятельной организации

¹⁰ В постановлении коллегии Осинского уезмотдела от 23 февраля 1921 г. звучало: «в состав сельскохозяйственной коммуны “Авангард коммунаров” вошли наполовину землеробы и часть служащих в числе 12 семей (17 трудоспособных, 22 едока)». Укажем состав этих служащих: 1. Качегин К. Г. (инициатор), 38 лет, родом из Калужской губернии, до Февральской революции – «технический металлургист», на момент организации коммуны – волостной организатор РКП(б) при с. Аспе. 2. Передернин, 28 лет, до событий октября 1917 г. «десятичник при постройке железной дороги, фабрично-заводской рабочий», на момент организации коммуны – милиционер. 3. Шулятьев, 16 лет, рассыльный при исполкоме. 4. Кондратюк, 15 лет, писмоводитель. 5. Максимов Ф. Ф., 28 лет, ранее служил в губернском земстве, Красной Армии, на момент организации коммуны – учитель [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. . Д. 140. Л. 11, 1]. Сельскохозяйственного живого и мертвого инвентаря на все 12 семейств: 5 коров, 3 свиньи. Только у одного коммунара имелся дом в с. Аспе. Коммуной было заявлено требование на участок земли из бывших оброчных статей (казенные земли) в 200 дес.

коммун явились основными причинами появления коллектива. Несмотря на то, что предварительно Осинский уземотдел указал в регистрационных документах, что отвод земли коммуне будет в добровольном порядке, в процессе землеустройства появилось еще несколько претендентов на указанный участок земли¹¹.

По результатам обследования землемера Белова С. И. от 28 июня 1921 г. зав. Осинским уземотделом была вынесена резолюция: «1. О выделе земли коммуне отказать 2. Предложить другой участок». По нашему мнению, на это могло быть как минимум две причины. Первая: негодность участка для ведения рационального механизированного хозяйства, на чем настаивал землемер Белов¹². Вторая: активное лоббирование своих интересов со стороны состоятельной части населения с. Аспы и д. Мизево. Последнее подтверждается тем, что все, вошедшие в сельскохозяйственную коммуну (а на 28 июня 1921 г.: 14 семейств, 23 трудоспособных,

¹¹ При последующей подготовке дела выяснилось, что заявленные земли находятся в пользовании жителей с. Аспа и частью дер. Мизево в течение «приблизительно 40 лет» (до 1917 г. – посредством аренды «в бывшей даче Департамента государственных имуществ»). Жители указанных поселений заявили протест об отводе коллективу участка на том основании, что сельскохозяйственная коммуна организуется слишком близко от них (около 1, 25 и 2 верст соответственно), что «часть их сенокосения отойдет в пользование коммуны», что участок когда-то был ими совместно расчищен из-под леса и приведен в культурный вид, и что, наконец, «им необходимо за счет спорного участка, как ближайшего фонда при будущем землеустройстве устроить в земельном отношении своих многочисленных необеспеченных землею членов общества». В результате местными жителями было предложено «предоставить коммуне земельный участок из своей надельной земли с краю последней в 5 верстах от с. Аспы близ д. Ключевой Гари той же волости». Коммунары отказались «по причине каменистости и неудобства почвы» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 140. Л. 21, 21 об.]. В большинстве подобных случаев в Центральной России победа в земельном споре одерживалась коммунарами из-за поддержки со стороны власти. Но в этом случае мы наблюдаем отход от генеральной линии партии и правительства по всемерной помощи новым коллективам.

¹² Белов указал в отчете: «отвод просимого участка нахожу недопустимым по причине изломанности границ, длинноземелья (около 2 верст при средней ширине 150–180 сажень) участка, нахождения в отводе лесных площадей, неудобного для сельскохозяйственного пользования рельефа местности и недостаточных совершенно не соответствующих местной норме и не обеспечивающих коллектив размеров земельной площади, которую по условиям расположения окружающего земельного запаса увеличить не представляется возможным» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 28, 30 об.]

39 едоков), входили в категорию «бедняки», из которых только 5 членов коммуны «пользовались землей на правах собственников-пользователей душевых наделов по 3 дес. на едока в среднем» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 120. Л. 28, 30 об.].

Еще одним типичным примером создания сельскохозяйственной трудовой коммуны пришлым, некрестьянским элементом служит Юго-Осокинская коммуна «Красное знамя труда». Она была организована 3 марта 1921 г. партийным активом волости. Среди членов коммуны, состоящей из 16 семей с 22 трудоспособными и 32 едоками, записаны 2 секретаря ячеек РКП(б), председатель исполкома, библиотекарь, сестра милосердия, волостной организатор и работница среди женщин, военный комиссар, ответственный секретарь бюро ячеек РКП(б), волостной уполномоченный и сотрудник упродкома. Родом все были из разных мест: Осинский уезд Пермской губернии, Московская, Пензенская, Псковская, Уфимская губернии, Эстония, г. Варшава. Главами 7 семей из 16 указаны женщины 20–27 лет¹³.

Нам представляется, что идеологические и экономические причины образования коллектива присутствовали одновременно, сразу после регистрации на уездном уровне 17 марта 1921 г. было заявлено и об участке земли. Хотя, как свидетельствует Коллегия Уземотдела, коммуной «для ведения хозяйства испрашивается земля, но площадь и местонахождение ее не указано». Можно предположить, что организаторы не имели четкого представления о предстоящих мероприятиях, но имели указания сверху об увеличении числа коллективов в волости, а также стремление обеспечить себя местом жительства (недвижимого имущества не имели) и продовольствием. В результате им была выделена земля, но при инспектировании этого коллектива 20 мая 1921 г. землемером Пермского губземотдела Мехряковым «никого не оказалось». В последующем нами не было обнаружено каких-либо дополнительных материалов по деятельности этой коммуны, что свидетельствует о ее фиктивном характере.

Как и в целом по всем российским территориям, сроки существования коммун редко превышали 1–2 хозяйственных года. Итогом являлся

¹³ Организатором сельскохозяйственной коммуны выступила секретарь райкома РКП(б) Иванова Татьяна Иосифовна, 24 лет, местная, замужем (муж 27 лет, родом из Псковской губернии, слесарь по профессии и отслуживший в рядах Красной Армии), причем главой семьи указана Татьяна Иосифовна. Отметим, что это единственный факт женской инициативы, который встретился нам при изучении сельскохозяйственных коммун на всей территории бывшей Российской империи.

распад или реорганизация. Задачи, ставившиеся государством и партией большевиков перед местными структурами, сводились к максимальной поддержке коммун, увеличению их срока жизнедеятельности. В письме заместителя заведующего обсельхоза Осинского уездотдела М. И. Сартычева от 17 июня 1920 г. к организатору Майдановской коммуны «Рассвет» Еловской волости, Осинского уезда читаем: «Усильте пропаганду и постарайтесь завербовать еще одно семейство. <...> Базируйтесь на том, что вам как организации сплоченной, работающей и пользующейся всеми средствами техники на общих началах, а не порознь, легче приобрести все машины, пользующиеся для той или иной работы, тем более в настоящее время в период развития обобществления есть большая помощь со стороны правительства. Этим нужно дорожить и стараться развивать и твердо верить в жизнь общественную. Только она, жизнь общественная, жизнь коммунами может вывести нас из настоящего тяжелого положения и облагородить нашего бедняка крестьянина и рабочего. Не стесняйтесь предоставлять смету с вашей потребностью как можно шире. Вам во многом и откажут, но все же будут иметь в виду вашу нужду и потребность. Товарищ Онорин, действуйте смелей и больше надежды на светлое будущее» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 121. Л. 6 – 6 об.].

Несмотря на подобные патетические речи, коммуны не удалось спасти от распада. 24 июня 1920 г. стало известно, что «в виду мобилизации организатора тов. Онорина на железную дорогу коммуна работу приостановила и отказывается от коммунистических начал из-за боязни контрреволюции» [Там же. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 121. Л. 1]. Этот пример показывает еще одну особенность процесса создания и деятельности сельскохозяйственных коммун – огромную роль организаторского звена, которое проводило идеологическую работу. Там, где эта работа велась слабо или была сведена к формальности, изначально возникало много вопросов у членов коммуны, что существенно сокращало сроки жизни коллектива. При этом уточним, что, на наш взгляд, несмотря на поддержку государства и партии, значительную роль низового партийного аппарата в организации коммун, в большинстве коллективов экономические мотивы объединения преобладали над идеологическими, что в свою очередь и влияло на их небольшое время жизнедеятельности.

Рассмотрим основные причины кризиса коммун, результатом которого становились распад или реорганизация (смена состава, формы организации, присоединение к другому коллективу). Так, члены коммуны «Студеные ключи» Альяншинской волости Осинского уезда (зарегистрирована 1 марта 1920 г.) к причинам перехода от коммунальной к артельной

форме хозяйства (протокол общего собрания от 17 февраля 1922 г.) отнесли: 1) «явление общий котел это отвратительное вещество», 2) «в виду заболевших людей самые ненавистные конфликты», 3) «командировки и особое отсутствие людей отражается великим международным злом» [ГАПК. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 103. Л. 18 об.].

При обследовании сельскохозяйственной трудовой коммуны «Октябрьская» Верхне-Мулинской волости Пермского уезда¹⁴ комиссией Губземуправления 13 февраля 1922 г. был сделан основной вывод: «коммуна разложилась нравственно» и требует срочного оздоровления. К причинам были отнесены:

– внутренние личные конфликты («полное разложение, травля членами один другого, перекоры»);

– безответственное отношение к труду («лень, ... некоторые члены на прямом производстве коммуны совершенно не работают, а другие относятся “по казенному”»);

– плохие хозяйственно-бытовые условия («в комнатах грязь, печи отопляются ненормально за отсутствием дров, каковые коммунары по халатности не смогли осенью вывезти»);

– отсутствие делопроизводства («никаких определенных записей прихода-расхода, продовольствия фуража, денег, материалов нигде не велось и записывалось все на отдельных бумагах, хотя книг в канцелярии полно. Все документы, бумаги и переписка не были подшиты с 1919 г.»);

– слабая деятельность совета коммуны («Все Управление и никто не управлял») [Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 420. Л. 2, 2 об., 3, 3 об.].

Заметим, что, несмотря на всю неприкрытую убыточность предприятия, вопрос о его ликвидации старательно избегался, было принято решение об его сохранении через почти полное обновление состава. По сути это была ликвидация, сохранилось только название и часть материальных ресурсов. Окончательно коммуна под эти названием прекратила свое существование в начале 1925 г. [Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 420. Л. 11].

Рассмотрев в общих чертах особенности процесса создания сельскохозяйственных трудовых коммун в западной части уральского региона, мы установили наличие естественных границ в реализации комму-

¹⁴ Зарегистрирована 8 декабря 1919 г., земельный участок 203 десятины из числа бывших церковных и частью наделных земель; 14 июля 1920 г. к ней была присоединена коммуна «Культура» (зарегистрирована 22 октября 1919 г.) той же волости через переселение членов последней и зачисление ее земли в запасной фонд волости [ГАПК. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 420. Л. 2].

нистического проекта (низкие количественные показатели из-за слабой активности местного крестьянства; краткие сроки существования хозяйств (1–2 хозяйственных года) из-за отсутствия необходимых навыков к крестьянскому труду в уральском регионе (инициаторами чаще всего выступали партийные, советские работники и/или мигранты), прева-лирования у коммунаров экономических оснований над идеологическими, а также неготовности к осуществлению утопических идеалов свободы, равенства и братства в рамках сознательного отказа от рыночных отношений). Кроме того, были выявлены механизмы адаптации концепта «сельскохозяйственная трудовая коммуна» к реальным условиям жизни: наделение новыми смыслами (появление термина «госколхоз»), предоставление правовых, налоговых и финансовых льгот, активное использование административного ресурса для увеличения сроков существования хозяйств (в том числе через процедуру «оздоровления»: фактически сохранялось только название и место нахождения).

Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М, 1954.

Бухарин Н. И. Азбука коммунизма: популярное объяснение программы Российской коммунистической партии большевиков / Н. Бухарин и Е. Преображенский; Рос. коммунист. партия (большевики). Пб., 1920.

ГАПК. Ф. Р-112 (Пермское губернское земельное управление при губернском исполнительном комитете советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Пермь Пермской губернии) ; Ф. Р-113 (Пермское окружное земельное управление при Пермском окружном исполнительном комитете советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Пермь Пермского округа Уральской области) ; Ф. Р-367 (Осинский уездный земельный отдел Осинского уездного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (г. Оса Пермской губернии).

Гришаев В. В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976.

Дышлер П. Я. Как устраивать сельскохозяйственные коммуны. М., 1918.

Дюран Д. Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России. СПб., 2010.

Из протокола заседания общего собрания представителей Половодского, Городищенского, Усольского уездов Пермской губернии о работе в деревне от 19 апреля 1918 г. // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 384. Л. 16–16 об. / «Под копытами красного коня»: социальная практика в аграрном секторе экономики Урала в 1917–1921 гг. : документы и материалы / сост., статья, предисл. и примеч. Р. А. Хазиева. Уфа, 2008.

Инструкции и положения о коммунах, изданные Народным комиссариатом земледелия. М., 1918.

Ленин В. И. Государство и революция // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть вторая (главы XXIX–LII). Издан под редакцией Фридриха Энгельса. Глава 47. Генезис капиталистической земельной ренты // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. второе. Т. 25. Часть II. М., 1962. С. 344–379.

Маслов С. Коллективно-земледельческое движение в современной России // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 195–233 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emigrantika.ru/bib/228-bookv> (дата обращения: 20.08.2017).

Основной закон о социализации земли 27 января (9 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти : в 18 т. М., 1957. Т. 1. С. 407–419.

Сельскохозяйственные коммуны по материалам обследования Московского высшего Кооперативного института в 1923 г. / под ред. А. А. Биценко. М., 1924.

Сталин И. В. Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения // И. В. Сталин. Сочинения : в 18 т. М., 1949. Т. 12. С. 191–199.

Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир, 1961.

Якушев П. А. Из истории формирования советского законодательства 1918 года в области развития коллективного землепользования в РСФСР // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1(15). Ч. 1. С. 219–223.

Якушев П. А. Организация и деятельность коллективных хозяйств крестьян Смоленской губернии в период Гражданской войны: ноябрь 1917 – декабрь 1920 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010.

УДК 94(470.34).084.5:331.5.024.5

И. А. Соловьева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ТРУД В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА

Статья посвящена анализу деятельности органов власти Вятской губернии по борьбе с безработицей в 1921–1928 гг. В основу исследования положены документы из фондов Государственного архива Кировской области. Автор рассматривает различные способы предоставления гражданам права на труд: трудоустройство безработных в разных отраслях хозяйства Вятской губернии и за ее пределами, организация коллективов безработных, поиск работы для нуждающихся подростков. В статье используются статистические данные, извлеченные из архивных документов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Вятская губерния, новая экономическая политика, Вятская биржа труда, безработица, коллективы безработных, безработные подростки.

С момента своего создания РСДРП(б) декларировала право на труд как одно из неотъемлемых прав гражданина. Это требование было заложено в программе партии, принятой в 1903 г. [Программа], и в равной степени поддерживалось как большевистским, так и меньшевистским крылом. Придя к власти, партия большевиков закрепила право на труд в основополагающих документах: Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа [Декларация], ст. 18 Конституции РСФСР 1918 г. [Конституция]. Это обещание, в числе других, обеспечило большевикам поддержку со стороны миллионов далеких от политики россиян, живших продажей своего труда. Поэтому и словосочетание «диктатура пролетариата» вызывало у многих не опасения, а надежду. Однако путь от декларации права на труд до его реализации оказался очень тернистым: то, что казалось естественным для оппозиционной радикальной партии, вызвало множество проблем у партии правящей.

Главным органом исполнительной власти, на который было возложено решение всех вопросов, связанных с регулированием трудовых отношений и борьбой с безработицей, стал Народный комиссариат труда. Подведомственными ему являлись отделы труда губернских и уездных Советов. Согласно Положению об отделах труда местных Советов, к их обязанностям относилось «выяснение потребностей торговли, промышленности, сельского хозяйства и транспорта в рабочей силе; учет и распределение рабочей силы; принятие мер для привлечения к работе способных к труду» [Постановление..., 1918]. Для осуществления названных функций внутри отделов труда создавались специальные подразделения – подотделы распределения рабочей силы, или биржи труда. Изданное 31 января 1918 г. «Положение о биржах труда» предполагало их открытие в населенных пунктах с числом жителей не менее 20 тысяч. Однако по ходатайству профсоюзов, рабочих или сельскохозяйственных комитетов было возможно учреждение бирж труда и в поселениях с меньшей численностью населения. Биржи труда должны были вести учет имеющихся у работодателей вакансий, регистрировать безработных и оказывать им содействие в трудоустройстве, контролировать выплату пособий по безработице, устраивать для безработных столовые, общежития и библиотеки-читальни. Все услуги биржи труда предоставляли бесплатно, а расходы на их содержание должны были компенсироваться средствами

местных бюджетов и государственной субсидией [ГАКО. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 163, Л. 3].

Вятский губернский отдел труда был образован в середине января 1918 г., а Вятская биржа труда, согласно официальной справке, еще раньше – 13 декабря 1917 г. [Там же. Л. 6]. Биржи труда были открыты и в ряде уездов Вятской губернии. В период Гражданской войны, когда в России действовала всеобщая трудовая повинность, Вятская биржа труда решала двудединую задачу: старалась трудоустроить безработных граждан и выполнить запрос работодателей на квалифицированных рабочих и служащих.

В начале 1920-х гг. ситуация на рынке труда стала коренным образом меняться в связи с двумя обстоятельствами: переходом весной 1921 г. к новой экономической политике и завершением Гражданской войны. С фронта возвращались демобилизованные красноармейцы, шло сокращение управленческого аппарата, усиливалась конкуренция в тех отраслях, куда было допущено частное предпринимательство, а уровень жизни населения оставался очень низким. Разрешенное частное предпринимательство не могло поглотить большого количества нуждающихся в работе горожан, а крупных промышленных предприятий в губернии было очень немного. В 1922 г. проблема безработицы встала очень остро. С этого времени биржи труда стали составлять ежедневные сводки и еженедельные ведомости по состоянию рынка труда.

Порой на почве безработицы вспыхивали серьезные конфликты. Один из них произошел в Вятской мастерской учебных пособий. Тимофей Малых требовал устроить его на прежнее место работы после демобилизации, но получил отказ ввиду отсутствия вакансий. Разгневанный Малых подал жалобу в губернский отдел труда и устроил скандал прямо в цехе: обрушился на мастера М. В. Князева с упреками в том, что он якобы устраивает на рабочие места своих земляков из Сарапульского уезда, которые работать не умеют. Мастер обратился с жалобой в комитет рабочих и служащих мастерской, требуя от Малых публичных извинений. Члены комитета официально подтвердили отсутствие вакансий, но на публичных извинениях Малых настаивать не стали [Там же. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 60. Л. 8–12].

Наибольшее количество безработных в Вятке и губернии в целом фиксировалось в 1926-м – первой половине 1927 г.: 1 февраля 1927 г. на Вятской бирже труда было зарегистрировано 4 363 человека, в том числе 473 подростка [Там же. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 23. Л. 36]. К марту 1927 г. количество безработных возросло до 4 600, в том числе 482 подростка; затем шло сезонное снижение: на 1 мая – 3 756 человек, на 1 сентября –

3 586, в том числе 455 подростков. Наибольшее количество безработных стабильно наблюдалось среди совторгслужащих и чернорабочих [ГАКО. Д. 28. Л. 40].

Чтобы снизить остроту ситуации на рынке труда, Вятская биржа труда и отделы труда исполкомов уездных Советов действовали в нескольких направлениях: трудоустраивали безработных в пределах губернии, проводили организованную вербовку рабочей силы на предприятия других регионов, содействовали заключению договоров на выполнение определенных работ через Вятскую контору ВОГРА (Всероссийского объединения государственных рабочих артелей), организовывали работу профессиональных коллективов безработных. При невозможности трудоустройства, тяжелом материальном положении безработного и своевременной регистрации на бирже труда назначалось пособие за счет специальных страховых сумм.

Основная деятельность разворачивалась, разумеется, *по трудоустройству безработных на предприятия и в учреждения самой Вятской губернии*. Биржи труда и отделы труда аккумулировали заявки работодателей («спрос на труд»), вели учетные карточки безработных с указанием их квалификации, следили за очередностью предоставления работы. Комитет Вятской биржи труда стремился «работать на опережение»: запрашивал предполагаемые вакансии накануне сезона строительных и сельскохозяйственных работ. Например, в начале февраля 1927 г. он предложил всем хозяйственным органам к 25 февраля подать сведения о своей потребности в рабочей силе на теплое время года, а также обратился к профсоюзам с просьбой выработать общие расценки за разные виды работ, чтобы избежать «конкуренции между хозяйственными органами по части выплаты зарплаты» [Там же. Д. 23. Л. 34].

Вятская биржа труда *обращалась с запросами о вакансиях в соседние и более отдаленные регионы*. В середине 1920-х гг. удалось отправить группы жителей Вятки на работу в Донбасс, Кузбасс, Северо-Двинскую губернию, на строительство Волховской и Каширской ГЭС, на предприятия «Лензолото», «Уралплатина» и т. д. К сожалению, о численности этих групп обнаруженные документы пока судить не позволяют.

Одной из действенных мер в оказании трудовой помощи безработным Вятки и ближайших уездов стала *организация профессиональных коллективов безработных*. Первые коллективы (кожевников и парикмахеров) оформились в 1923 г., хотя Постановление ЦИК и СНК РСФСР о создании при биржах труда объединенных коллективов безработных появилось только 22 декабря 1924 г. Согласно полученной инструкции,

при организации коллективов необходимо было ориентироваться на состояние рынка труда, наличие доступного сырья, востребованность продукции и перспективы самоокупаемости. Следовало отдавать предпочтение наиболее трудоемким производствам, чтобы охватить как можно большее количество людей. С этой же целью выдвигалось еще одно обязательное условие: периодическая смена состава работающих членов коллектива (как правило, раз в 6 месяцев) [ГАКО. Д. 7. Л. 6–7 об.]. 25 ноября 1925 г. было зарегистрировано Положение «Об объединении коллективов безработных и их предприятий, находящихся при Вятской бирже труда», где разъяснялся правовой и экономический статус коллективов. В частности, размер оплаты труда работающих определялся тарифным соглашением, заключаемым правлением с соответствующим профсоюзом, а прибыль от работы всех коллективов поступала в распоряжение Комитета биржи труда и расходовалась на оказание трудовой помощи безработным [Там же. Д. 7. Л. 24–24 об.].

Несмотря на то, что коллективы безработных пользовались существенными налоговыми и материальными льготами, проблем в их деятельности в Вятке было немало, что показывали периодически проводимые акты обследования.

Помимо фигурирующих в таблице относительно стабильно действовавших коллективов, в течение непродолжительного времени в Вятке функционировали коллективы безработных художников, киномехаников, цирковых артистов. Цирковые артисты постоянно несли убытки по разным причинам, коллектив художников вскоре перешел в ведение профсоюза работников искусства, а коллектив киномехаников официально решено было ликвидировать, так как часть его членов стала, в нарушение положения, брать частные заказы [Там же. Д. 28. Л. 8].

Архивные дела хранят большое количество договоров, заключенных правлением Объединенных коллективов безработных с организациями и частными работодателями на выполнение различных видов работ. Наиболее высокие заработки предлагались на добыче гальки (в 1927 г. до 100 руб. в месяц), пошиве шуб (68 руб.); заработки среднего уровня были у портных (34–42 руб.), служащих (около 36 руб.), сапожников (33 руб.); самая низкооплачиваемая работа предлагалась прачкам (около 17 руб.). Однако наиболее востребованными оказывались договоры на очистку тротуаров и мостовых напротив торговых помещений (примерно 23 руб. в месяц), охрану («окарауливание») магазинов и складов (примерно 28 руб.) [Там же. Д. 23. Л. 20]. Летом заключалось немало договоров на продажу фруктовой и минеральной воды, временами требо-

Т а б л и ц а

**Акт обследования коллективов безработных по г. Вятке
членами Горсовета за 18 мая 1927 г.**

Коллектив	Время создания, руководитель	Кол-во членов	Условия труда	Наличие общежития	Культ.-просвет. работа	Проблемы в работе
Кожевники	1923 г. П. П. Шилиев	54	Сменяются каждые 6 мес., 8-часовой раб. день, одна смена, сдельная оплата	Нет	Выписываются газеты, выпускается стенгазета, прикреплены к клубу им. Д. Бедного	Недостаток заказов, трудности со сбытом, требует ремонта помещение
Парикмахеры	1923 г.	4	Работают более 6 мес., 8-часовой раб. день, оплата 90 % от выручки	Нет	—	—
Совторг-служажие	Март 1924 г. Мухачев	28	Сменяются каждые 6 мес., сдельная оплата	Нет	—	Нет ни одной пишущей машинки
Чернорабочие	1925 г. Иванов	143	Сменяются каждые 6 мес., оплата сдельная, поденная, иногда помесечная	Нет	—	—

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы

Коллектив	Время создания, руководитель	Кол-во членов	Условия труда	Наличие общезнания	Культ.-просвет. работа	Проблемы в работе
Портные	16 мая 1925 г. Эсаулов	87	Сдельная оплата	Нет	—	Неприспособленное помещение, нехватка и плохое состояние оборудования, задержки в выдаче зарплаты
Переплетчики	1 мая 1926 г. Черкасов	10	Работают более 6 мес., сдельная оплата	Нет	—	Недостаток заказов, убыточные заказы
Прачки	Май 1926 г. Давыдова	17	6-часовой раб. день, сдельная оплата	Нет	—	Неприспособленное помещение, недостаток заказов, убытки
Лотошники	Май 1927 г. Черкасов	4	Раб. день 8 часов и больше, оплата 90 % от выручки	Нет	1	Не заключаются договоры

Примечание. ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-7, 11-14.

валась разделка негабаритного металлолома. Договоры на выполнение работ, требующих определенной квалификации, встречаются нечасто: изготовление сиропного насоса (190 руб.) и медных кранов (по 10 руб. за каждый), устройство системы отопления (210 руб.), переплет книг (772 руб. 50 коп.), пошив одежды (465 руб. 56 коп.) [ГАКО. Д. 32. Л. 28, 31, 41–42].

Периодически составлялись отчеты о количестве лиц, «пропущенных» через коллективы, т. е. устроенных на временную работу. В ноябре 1928 г. это количество равнялось 140, в июне 1929 г. – 341 [Там же. Д. 54 а. Л. 27–28, 68–72 об.]. Много это или мало? В конце 1928 г. официально зарегистрированных на Вятской бирже труда безработных было более 3 тыс., на этом фоне число 140 выглядит не особенно внушительно. Но необходимо учитывать несколько важных нюансов. Во-первых, в ротации кадров не всегда были заинтересованы работодатели: им не хотелось менять, например, квалифицированного портного на вчерашнего ученика, честную прачку – на склонную к воровству. Инструкция Народного комиссариата труда учитывала такую ситуацию и предусматривала, что в особых случаях может допускаться работа без ограничения срока, если смена работников по условиям производства нецелесообразна [Там же. Д. 7. Л. 15]. Во-вторых, сами безработные порой не желали браться за низкооплачиваемую работу, предпочитая безделье, что возмущало руководителей коллективов безработных. Часто этим грешили чернорабочие [Там же. Д. 28. Л. 6, 30].

Особое внимание местные органы власти уделяли *трудоустройству нуждающихся в работе подростков*. История этого вопроса интересна тем, что от своих первоначальных установок государство вынуждено было отказаться в силу жизненной реальности. 3 июля 1919 г. Народный комиссариат труда издал Постановление «О применении труда малолетних», которое запрещало прием на работу и регистрацию в отделах распределения рабочей силы подростков до 16 лет; все работающие в возрасте 14–16 лет подлежали увольнению и размещению в профессиональных школах [Постановление..., 1919]. «В исключительных случаях могут регистрироваться малолетние, начиная с 14 лет, когда острая материальная нужда и невозможность обеспечения малолетнего органами социального обеспечения Наркомпроса будут удостоверены местным инспектором труда». Работающих подростков 14–16 лет разрешалось оставлять на работе, кроме подземной, «если их увольнение вызовет расстройство производства, или их нельзя немедленно обеспечить органами социального обеспечения» [Там же. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 163. Л. 52]. Однако именно в условиях нэпа власть осознала необходимость трудо-

вой поддержки подростков: во многих семьях, потерявших в ходе политических катаклизмов мужчин, подрастали дети, которым приходилось становиться кормильцами. Постановление НК Труда от 27 октября 1921 г. требовало организации в губерниях и уездах Бюро по учету и распределению юношеской рабочей силы. На этом основании 31 марта 1922 г. зам. зав. Вятским губернским Отделом труда Исупов издал соответствующий циркуляр, где, в частности, говорилось: «Увольняемые подростки, не имея занятий, поглощаются улицей, втягиваясь в спекуляцию, проституцию, воровство и т. д., почему отделы труда должны принять немедленные меры к устранению подобных явлений и распределению увольняемых подростков по различным работам, произведя предварительно их точный учет» [Там же. Д. 1747. Л. 1]. В ведение Бюро по учету и распределению юношеской рабочей силы поступали желающие работать подростки от 14 до 18 лет, которых осматривала врачебная комиссия и давала заключение об их трудоспособности. Биржи труда обязаны были передавать в Бюро сведения обо всех вакансиях, которые могли замещаться подростками. При направлении подростков на работу следовало придерживаться некоторых правил: строго соблюдать очередность, отдавать преимущество материально не обеспеченным претендентам, организовывать общественные и сезонные сельскохозяйственные работы, по возможности направлять подростков в профессионально-технические школы, организовывать производственные артели из подростков, имеющих квалификацию [Там же. Д. 1747. Л. 1]. В течение апреля 1922 г. началось создание Бюро по учету и распределению юношеской рабочей силы при уездных отделах труда Вятской губернии. На 1 марта 1922 г. количество официально зарегистрированных безработных подростков в губернии составляло 203 человека, из них 70 – в возрасте до 16 лет; на 1 апреля – соответственно 153 и 73 [Там же. Д. 1816. Л. 52]. Вряд ли можно объяснить уменьшение этого количества исключительно деятельностью вновь созданных бюро, но и отрицать это в качестве возможной причины нельзя. К 1 июня число безработных подростков сократилось до 38 [Там же. Д. 1816. Л. 74] и оставалось стабильным в течение всего лета [Там же. Д. 1816. Л. 97 об.]. Здесь, вероятнее всего, сыграло роль трудоустройство на сезонные сельскохозяйственные, строительные и общественные работы.

В последующем Губернский совет народного хозяйства по согласованию с профсоюзами стал устанавливать квоты («бронь») для трудоустройства подростков. В декабре 1926 г. на заседании Комитета Вятской биржи труда рассматривался среди прочих вопрос «о подростках и о воз-

возможности их размещения по брони и сверх брони». Председатель Комитета Корчак сообщила, что просила Губсовнархоз выделить для подростков сверх брони 75 рабочих мест «в силу увеличивающейся безработицы». В результате обсуждения было решено обратиться с запросами о трудоустройстве подростков напрямую на предприятия Северо-Вятского горного округа и в два крупных треста: кожаный и лесной [ГАКО. Ф. Р-1047. Оп. 1. Д. 23. Л. 1].

Комитет Вятской биржи труда рассматривал и такой способ сокращения безработицы, как *переобучение и повышение квалификации безработных*. Однако без серьезного финансового обеспечения решить этот вопрос было невозможно. Лишь в октябре 1927 г. правление Объединенных коллективов безработных объявило об организации курсов кочегаров и оспопрививателей. Подготовку кочегаров в количестве 20 человек частично оплачивал Вятский городской совет народного хозяйства. Финансирование трехмесячных курсов оспопрививателей (25 человек) брали на себя центральные союзные органы власти [Там же. Л. 134–135].

Таким образом, в условиях экономики смешанного типа, которую представлял собой нэп, трудоустройство всех желающих работать граждан оставалось недостижимой целью. Одна из главных причин этого заключалась в недостаточно развитом индустриальном секторе экономики, что было особенно характерно для Вятской губернии.

Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/> (дата обращения: 23.07.2017).

Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1041 (Отдел труда Вятского губисполкома); Ф. Р-1047 (Управление объединенных коллективов безработных).

Конституция РСФСР 1918 г. // Рукописная Конституция Российской Федерации : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.sokolniki.com/rus/History/RussianConstitutions/10265.aspx> (дата обращения: 23.07.2017).

Постановление Народного Комиссариата Труда РСФСР «Об отделах труда местных Советов» от 31 июля 1918 г. // Ист. материалы : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/30722> (дата обращения: 23.07.2017).

Постановление Народного Комиссариата Труда РСФСР «О применении труда малолетних» от 3 июля 1919 г. // Правовая Россия : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://lawru.info/dok/1919/07/03/n1205952.htm> (дата обращения: 23.07.2017).

Программа Российской социал-демократической рабочей партии // Рабочий университет им. И. Б. Хлебникова [Электронный ресурс]. URL: <https://prometej.info/blog/istoriya/programma/> (дата обращения: 23.07.2017).

УДК 94(470.5).084.5/.084.6:332.14

М. А. Фельдман

«ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: на 1926–1941 гг.»: МЕЖДУ МИФОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Статья посвящена современной оценке важного исторического документа «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)». Сделан вывод о том, что сущность поставленных в Генеральном плане задач соответствует характеристикам раннеиндустриальной модернизации. Однако позитивное значение этого процесса скрывалась в мифологии «социалистического строительства».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Уральская область, генеральный план, индустриализация, советская эпоха, Уралплан, комбинат, районирование, регион, кооперация.

У этого исторического документа удивительная судьба. Сразу же после выхода в свет в 1927 г. он получил положительные отзывы в экономических журналах. Не был забыт и спустя ряд десятилетий в советскую эпоху, хотя историки высказывали о его содержании весьма противоречивые мнения. Не стал исключением и постсоветский период. Сузился лишь диапазон высказываний за счет ухода в прошлое оценок, продиктованных очевидным догматизмом.

Но обращение к самому документу «Генеральному плану хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)», состоящему из 728 стр. и 113 стр. приложений, заставляет задуматься, во-первых, о степени знакомства ряда историков с первоисточником: оно преимущественно поверхностное. Не случайно, в ряде публикаций повторяются одни и те же высказывания. Во-вторых, о качестве осмысления. Зачастую недостаток свободы во времена тоталитарного правления одной партии сменяется недостатком времени на серьезное научное исследование источников, насыщенных обширной статистикой. Сказывается и неумение включать изучение конкретного материала в контекст исторической эпохи (в приводимом случае, ситуация осложняется еще и переходом от одного этапа советской истории к другому).

Весь комплекс характеристик «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», имеющийся в научной литературе (причины

появления, степень преемственности, место в общесоюзном планировании, оценка содержания, историческая судьба), вызывает серьезные вопросы и нуждается в новом осмыслении.

Говоря о причинах появления «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг.», исследователи, чаще всего, выделяли необходимость рационального и взаимосвязанного развития основных отраслей региона в сочетании с интересами всей экономики СССР [Панькин, с. 87].

Заостряя эту мысль, К. И. Зубков подчеркивает: сама разработка Генерального плана хозяйства Урала была определена «необходимостью аргументированной защиты жизненно важных интересов развития регионов перед центральными планирующими органами» [Зубков, с. 174].

Все эти факторы, без сомнения, сказались на появлении Генерального плана. Но необходимо понимать основополагающую черту советского планирования к 1927 г.: централизм управления, предполагающий жесткий контроль сверху. С самого начала своей деятельности Госплан СССР, объединивший в себе функции высшего экспертного органа в экономике и научно-координационного центра, занимался изучением положения в экономике и составлением докладов по определенным проблемам отраслевого и регионального развития. К 1925 г. по всему СССР была создана сеть планирующих организаций, подчиняющихся Госплану СССР.

В 1926 г. Госплан СССР разослал своим местным подразделениям методические указания с порайонными гипотезами, одна из которых констатировала: «Урал единый хозяйственный комплекс» [Бедель, с. 166].

Уралплан, как и другие республиканские и областные плановые структуры, получил предписание разработать перспективный план на пятилетие. Деятельность Уралплана была активизирована принятием Постановления СНК РСФСР от 28 января 1927 г. «О развитии Урала как мощной промышленной базы страны». Характерно, что «Предисловие» к Генеральному плану хозяйства Урала характеризовало документ, как **«проект уральского отрезка союзного генерального плана»** (выделено мною. – М. Ф.) [Генеральный план..., с. IV]. Признавая субординацию плановых ведомств, уральцы отмечали, что «публикуемый Генеральный план хозяйства Урала является *сводом материалов к генплану РСФСР и СССР*, которые могут быть исправлены и дополнены не только в деталях, но и в отдельных ответственных частях» [Там же, с. IV].

Подготовленный многочисленным коллективом авторов (около 150 чел.) из Уралплана, УПИ, Облземстатуправления, Статуправления, Уралгипромеза и других учреждений Генеральный план рассматривался и как пер-

вый этап краевого планирования, и как база для «монографической проработки ряда основных проблем» [Генеральный план..., с. VI], выдвинутых в документ.

И все-таки можно выделить два отступления от безусловного выполнения директивы центра. Генеральный план хозяйства Урала охватывал период не на одно пятилетие, а на три пятилетки. Кроме того, уральский Генеральный план был опубликован до окончательного рассмотрения с целью утверждения его центром, правда, под прикрытием неоднократных оговорок о *предварительном характере* текста документа [Там же, с. IV].

Историки справедливо обращают внимание на очевидную связь Генерального плана с предыдущим этапом перспективного планирования, на близость по духу и стилю подходов к экономическому развитию Урала всех документов Уралплана 1924–1927 гг. [Панькин, с. 89].

«Предисловие» к Генеральному плану вносит существенное дополнение: «большинство идей и вопросов генплана не являются новыми. Многие из них выдвигались в различной связи на протяжении всего периода революционного хозяйственного строительства Урала; некоторые фигурировали даже в проектах довоенного периода, когда намечался заметный сдвиг в хозяйственном укладе» [Генеральный план..., с. VI].

Указание на преемственность опыта дореволюционного планирования в уральской экономике (со стороны Уральского горного управления) [Бедель, Железкин], структур, возникших в годы Первой мировой войны [Рукусев], подтверждается не только близостью методологических подходов, но и субъективным фактором: ряд специалистов Уралплана (например, член президиума Уралплана В. С. Гассельблат) имел опыт управленческой и непосредственно плановой работы до революций 1917 г.

Обратим внимание и на особую роль В. С. Немчинова, внесшего значительный вклад в становление плановых начал на Урале в 1920-е гг. [Камынин, Пересторонина]. Автор наиболее обстоятельной монографии первой половины 1920-х гг., посвященной состоянию уральской экономики после Гражданской войны отмечал, что руководитель Статуправления Уральской области в 1923–1926 гг., перейдя на работу в Москву в центральные экономические ведомства, по сути, стал связующим звеном союзных и уральских краевых плановых структур [Немчинов].

Не менее важным фактором, обусловившим саму возможность появления Генерального плана, стало наличие в советской экономической литературе середины 1920 х гг. широкого круга высокопрофессиональных публикаций, посвященных проблемам районирования. Выделим особую

роль журнала «Плановое хозяйство» в 1926–1927 гг.: именно статьи этого журнала формировали основной вектор экономической мысли в СССР в среде специалистов [Базаров].

Что же касается статей в региональном журнале «Хозяйство Урала», то они в рассматриваемый период носили ярко выраженный узкоотраслевой, технократический характер; отличались невысоким уровнем обобщения материала, не претендовали на освещение проблем перспективного планирования. Подобное явление не было исключением для региональных изданий: даже в Ленинграде экономический журнал «Промышленность и торговля» заполнялся, главным образом, публикациями обзорного характера о положении дел в отраслях промышленности «северной столицы».

Исследователи, отмечая особенности Генерального плана, обоснованно указывали на нацеленность документа на комплексное развитие региона [Панькин, с. 90]. Акцент на строительство заводов-комбинатов на основании рационального использования сырья и полуфабрикатов касался основных отраслей уральской экономики, даже с учетом того, что черная металлургия оставалась доминантой проекта.

Декларированная в Генеральном плане кооперация уральских железных руд и угля Кузбасса, «благодаря дешевизне кузнецкого угля и его несравненным свойствам в качестве металлургического топлива» позволяла не только заметно снизить стоимость производимого на Урале чугуна, но и впервые за несколько десятилетий обеспечить способность местных производителей «успешно конкурировать с металлургическими заводами Украины» [Генеральный план..., с. 76].

Как видно, Генеральный план незначаял открывал секрет Полиши- неля: наличие в СССР конкуренции предприятия на отраслевом рынке и (пусть и скрытую) борьбу регионов за капиталовложения из союзного центра [Фельдман, 2006]. Неслучайно без какого-либо обоснования и сравнительного анализа потенциалов крупных экономических районов в Генеральном плане звучало утверждение о том, что «крайнее разнообразие естественных богатств Урала открывает для него безграничные возможности для комбинированного производства. Нигде в Союзе принципы комбинирования не имеют таких благоприятных условий» [Генеральный план..., с. 78].

Постановка фундаментальной задачи: формирования нового облика промышленного Урала как «целостного лесозаготовительного, горного, металлургического, металлообрабатывающего, машиностроительного, лесобумажного, полихимического, строительного комбината» [Там же, с. 78] не имела в тексте документа развернутого подтверждения.

Однако составители анализируемого документа давали этому свое объяснение: «Уралплан не считает законченной свою работу по генеральному плану. Это лишь завершение ее первой стадии. Первая крупная веха, предполагающая наметить дальнейшие пути в нашей плановой работе» [Там же, с. VI]. «Предисловие» к Генеральному плану хозяйства Урала указывало на логическую последовательность плановой работы: «Генеральный план хозяйства Урала», перспективный план и план конкретно осуществляемого строительства» [Там же, с. IV].

Эту черту Генерального плана – нацеленность на постоянную «последовательную проработку» в соответствии с изменившимися условиями и требованиями – следует отнести к сильной стороне изучаемого документа. В современной экономической литературе такую характеристику можно отнести к реинжинирингу и управлению изменениями, а положение в тексте Генплана – «он в ряде случаев минимален, составлен с запасом и имеет скрытые возможности для большого развертывания. Возможны большие отклонения в связи с хозяйственными трудностями, например, в связи с военной опасностью, вследствие неурожая и т. д.» [Там же, с. IV] – к учету рисков.

По-современному звучит и положение Генерального плана «детальные цифры имеют в генплане не самостоятельное, а служебное значение; (они нужны для) иллюстрации, обоснования и проверки». Он в ряде случаев минимален, составлен с запасом и имеет скрытые возможности для большого развертывания [Там же, с. V].

Разделяя, в соответствии с общенаучными требованиями, дефиниции целей и задач, «деталей» и «главного», авторский коллектив Генерального плана подчеркивал: «качественная характеристика хозяйства является преобладающей». Количественные характеристики – масштабы и темпы хозяйственного развития – подчинены центральной задаче – выявлению оптимальных линий развития и достижению поставленных целей [Там же, с. IV–V].

К наблюдению В. Д. Камынина, что разработчики Генерального плана исходили из того, что новая экономическая политика введена «всерьез и надолго» [Камынин, с. 8–9] можно добавить: такая концепция позволяла осуществлять планирование с учетом потенциала частного, кооперативного секторов; возможностей предприятий, сданных под концессию.

С учетом масштабности планов на 15 лет за три пятилетия предполагалось только в машиностроении построить 14 крупных заводов; стоимость продукции отрасли возрастала по ценам 1926/27 хоз. г. с 168 млн

рублей до 911,5 млн рублей; будущие Уралмаш, УВЗ, Пермский моторостроительный, ЧТЗ должны были начать работу в 1930-е гг. [Генеральный план..., с. 62–82] обвинение авторов Генерального плана в минимализме заданий [Зуйков] или «сравнительно невысоких темпах развития» [История..., с. 87] выглядят явно необоснованными. Об этом же говорят не только наброски плана увеличить производство угля и черновой меди в 5 раз; чугуна и сортовой и инструментальной стали в 2,5 раза [Генеральный план..., Приложения, с. 28], но и то, что плановые показатели Генерального плана на 1940/41 в ряде случаев (например, выплавка чугуна) в *Уральской области* либо превосходили реальное производство по всему *Уральскому экономическому району* в 1940 г., либо были к нему близки (производство стали, добыча железной руды) [История..., с. 183, 243, 250].

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. намечал рост рабочих промышленности и транспорта Уральской области в 1926–1940 гг. в 2,3 раза: с 145 тыс. до 330 тыс. чел. При приросте рабочих на 185 тыс. человек 102,3 тыс. должны были прийти на существующие предприятия, а 82,7 тыс. на новые заводы и фабрики. План предусматривал, что весь дополнительный приток рабочих на **старые** заводы Урала будет осуществлен за счет населения городских поселений. На заново сооружаемых заводах горожане должны были составить 68,6 %, а жители села – 31,4 % новых рабочих [Генеральный план..., с. 59].

При столь масштабном росте рабочих коллективов удельный вес квалифицированных рабочих в крупной промышленности Урала должен был вырасти за 15 лет с 30 до 47,5 %, в том числе высококвалифицированных с 18,5 до 26 %. Подготовка квалифицированных рабочих крупной промышленности Урала должны были на 35 % обеспечить школы ФЗУ и на 65 % индивидуально-бригадное ученичество [Там же, с. 388, 392].

Отметим уникальность этого раздела: он свидетельствует о планах уральского руководства в отношении рабочих крупной промышленности региона на длительный период. Судя по тексту документа, индустриализация, точнее, ее новый этап, нацеливавший страну на освоение передовых технологий, появившихся в мире в первые десятилетия XX в., в середине 1927 г. рассматривалась специалистами и региональной властью как только одно из звеньев преобразования страны. Другими, не менее важными звеньями, провозглашались перемены в социальной сфере, и прежде всего кардинальное повышение культурно-технического уровня рабочего класса [Там же, с. 388, 394].

Генеральный план не содержал, однако, ответов на ряд вопросов, которые, видимо, для его авторов в 1927 г. казались непреодолимыми. Как совместить в рамках единой экономики преобразования раннеиндустриального этапа модернизации (например, хотя бы частичную механизацию горнодобывающего и лесного секторов экономики) и мероприятия позднеиндустриальной модернизации, в частности создание современных отраслей машиностроения на основе поточно-конвейерного производства? Не случайно, согласно плановым заданиям, и в 1941 г. более половины рабочих коллективов крупной промышленности должны были составлять мало- и неквалифицированные рабочие.

Вопросы возникали и при прочтении раздела «Жилищное строительство» (с. 645–658). Намеченный рост жилищного фонда Урала с 57,6 млн кв. м в 1926/27 г. до 158,7 млн кв. м в 1940/41 г. (практически втрое!) предполагался только на 39 % за счет государственных средств. Это означало, что около миллиарда рублей (879 млн) должно было внести само население [Там же, с. 654]. Очевидно, что такой прирост жилищного фонда Урала был возможен при соблюдении по крайней мере двух обстоятельств: создании мощной строительной индустрии и стремительном росте доходов населения.

Однако текст раздела «Рабочий вопрос» (с. 385–400) фиксировал весьма скромные темпы роста. Уровень оплаты труда рабочей силы в крупной промышленности Урала за три пятилетки должен был вырасти в полтора раза (на 51,9 %) [Там же, с. 399]. Противоречие между ростом производительности труда в промышленности (в три раза) [Там же, с. 397] и динамикой заработной платы (в полтора раза) документ объяснял необходимостью достичь конкурентоспособности уральских предприятий на всесоюзном пространстве.

Раздел «План электрификации» (с. 117–152) нацеливал на создание сети районных электростанций, способных насытить энергией промышленные предприятия, транспорт, коммунальную сферу. Задача создания единой энергетической системы Урала не ставилась. С учетом того, что комбинированный характер уральской промышленности основывался на энергетическом единстве региона, можно сделать вывод: Генеральный план в большей степени был ориентирован на отраслевое развитие; *межотраслевое взаимодействие ограничивалось, главным образом, рамками промышленных узлов.*

Рождение Уральского промышленного комплекса, ставшего действительно многоотраслевым целостным промышленным комбинатом на основе сочетания вертикальных и горизонтальных связей и тесного техно-

логического кооперирования [Бакунин, Бедель, с. 144], будет связано с появлением единой уральской энергетической системы в годы второй пятилетки [Итоги..., с. 45].

Пожалуй, ни в одной части генерального плана его авторы не выразили свое отношение к нэпу, как в разделе «Сельское хозяйство» (с. 419–564). Раздел начинался с констатации реальных фактов: господствующей формой землепользования на Урале на десятом году советской власти оставалась общинная, на долю которой приходится 92,3 % крестьянской земли. Подворная и участковая форма землепользования имела небольшое распространение (6,5 %). Коллективная форма (колхозы и совхозы) не пользовалась поддержкой крестьян – на нее приходилось 1,2 % земли [Генеральный план..., с. 481].

Генеральный план намечал значительный рост валовой, и особенно товарной сельскохозяйственной продукции: за 15 лет валовая продукция сельского хозяйства Уральской области должна была вырасти в два раза, а товарная – в четыре. При этом доля товарной продукции сельского хозяйства возрастала с 12,8 % в 1925/26 г. до 25 % в 1940/41 г. Так, товарная часть зерновой продукции должна была вырасти с 13,1 млн пудов до 39,5 млн пудов [Там же, с. 559].

Для сравнения замечу, что потребности уральской промышленности в 1923/24 г. оценивались в 13 млн пудов, а план хлебных заготовок по Уральской области составлял 9,5 млн пудов) [Немчинов, с. 13].

За счет чего же намечался такой рывок, если подраздел «Результаты реконструкции сельского хозяйства» говорил о том, что частный сектор будет преобладать в деревне и в 1941 г., даже несколько сократившись (по выпуску валовой продукции) с 98,9 до 89,2 %? Более того, сокращалось присутствие в уральской деревне совхозов (с 0,6 до 0,4 %), а рост колхозов к 1941 г. намечался весьма умеренный (с 0,5 до 10, 4 %) [Генеральный план..., с. 560].

Генеральный план давал на этот вопрос обстоятельный ответ, имеющий не только региональное значение. Предполагалось, что масса распыленных мелких крестьянских хозяйств будет почти полностью организована в подсобно-кооперативный вид сельскохозяйственных кооперативов. Основная организационная идея генплана: через простейшие и специализированные виды кооперации последовательно, но без принуждения «вести крестьян к полному обществу крестьянского хозяйства» [Там же, с. 560].

Общее число кооперированных крестьянских хозяйств на Урале в 1925/26 г. достигло 30 %, и это был показатель выше общесоюзного.

Основная масса крестьян Уральской области состояла в кредитных товариществах, объединяющих 53,8 % крестьянских хозяйств. Серьезных успехов достигла подсобно-производственная кооперация, (главным образом маслодельные артели и машинные товарищества), куда вошли почти две пятых крестьян. Через кооперацию проходило 60 % сбыта сельскохозяйственной продукции (в том числе молочной 85 %) [Там же, с. 513–514].

Исходя из этого, отмечали авторы плана, «пришлось ориентироваться на, главным образом, полное кооперирование подсобно-производственных и простейших производственных функций». За 15 лет намечалось увеличить кооперированность крестьянских хозяйств с 30 до 67,7 % (с учетом двойного членства), и до 75 % (не считая кредитной кооперации). В молочно-маслодельные артели предполагалось включить все население уральской деревни. Число машинных товариществ должно было вырасти с 671 до 6 000. Низовая сеть кооперации должна была к 1941 г. обеспечить 100 % машиноснабжения, маслозаготовок, кормов для скота; 80 % снабжения семян, сырьевых заготовок и хлебозаготовок [Там же, с. 516–517].

Сравнение плановых показателей по Уральской области и реальности 1940 г. по всему Уральскому крупному экономическому району вновь говорит о реалистичности прогнозов. Так, урожайность зерновых культур за 15 лет должна была вырасти с 5,9 ц. с гектара до 8,8 ц. В реальности в 1940 г. в двух важнейших житницах Урала Челябинской и Оренбургской областях она составила соответственно 6,9 и 5,7 ц. Рост поголовья крупного рогатого скота планировался с 4,64 млн голов до 7,2 млн. Коллективизация 1930-х гг. внесла свои коррективы: в 1940 г. этот показатель по всему Уралу не превышал 3,17 млн голов) [Там же, с. 563; Итоги..., с. 187].

Стоимость прироста сельскохозяйственной продукции в Генеральном плане за 15 лет (730,9 млн рублей) оказывалась вполне сопоставима с затратами (738,2 млн рублей) [Генеральный план..., с. 557–558, Приложение, с. 66–67]. Но при этом оказывались не нужными средства на ускоренное создание колхозов и МТС; на высылку наиболее умелых крестьян; на подавление крестьянских волнений. Представлялась возможным избежать той широкомасштабной потери людей, инвентаря, лошадей, крупного рогатого скота и многого другого, что принесет коллективизация. Избежать человеческого горя и озлобления, потери стимулов к работе у миллионов советских людей – всего того, что трудно измерить деньгами, но имеющего вполне определенную историческую цену.

Недостаток финансовых ресурсов – бич советской экономики – не мог быть преодолен без хотя бы частичной экономической самостоятельности предприятий.

Тем не менее «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)» представляет собой один из самых заметных в истории советского планирования документов. Экономическое районирование не было изобретением российских или советских ученых. Однако Генеральный план масштабом решения задач, последовательностью замысла, управленческой гибкостью предлагаемой реализации вносил свой весомый вклад в мировую науку.

Реалистичность и научность «Генерального плана хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР)» при всех недостатках, обусловленных уровнем знания ученых и специалистов, идеологическими барьерами, имеет историческое значение: это был вариант модернизации в рамках нэповской экономики, который бы позволил создать необходимый потенциал без огромных человеческих потерь. Очевидна и его актуальность сегодня: гибкость управленческой модели; взаимодействие государственного и негосударственных секторов экономики – самая острая проблема современной России.

Вся история СССР пронизана борьбой двух противоположных тенденций: прагматической (научной, реалистической) и утопической [Фельдман]. Авторский коллектив Генерального плана в 1927 г. сделал свой выбор, доказав, что для профессионалов не бывает плохих времен.

Базаров В. А. О методологии построения перспективных планов // Плано-вое хозяйство. 1926. № 7. С. 7–21.

Бакунин А. В., Беделъ А. Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург, 1994.

Беделъ А. Э. и др. Сталинская индустриализация (30–40-е годы) // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. Екатеринбург, 2000. С. 162–174.

Беделъ А. Э., Железкин В. Г. Формирование Уральского промышленного комплекса // Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. Екатеринбург, 2000. С. 129–144.

Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927.

Зубков К. И. На перепутье (1922–1929) // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 162–176.

Зуйков В. Н. Создание тяжелой индустрии на Урале. М., 1971.

История народного хозяйства Урала. (1917–1945) : в 2 ч. Ч. 1. Свердловск, 1988.

Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М. ; Л., 1939.

Камынин В. Д., Пересторонина Л. И. Проблемы социальной структуры в трудах академика В. С. Немчинова // *Летописцы родного края: очерки об исследователях Урала.* Свердловск, 1990. С. 167–180.

Камынин В. Д. Время Кабакова // «Время Кабакова» : сб. материалов к 75-летию образования Свердл. области. Екатеринбург, 2008. С. 7–11.

Немчинов В. С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). Екатеринбург, 1923.

Панькин И. Д. Советская государственная промышленная политика на Урале в 20–30 гг. XX века в отечественной историографии. Челябинск, 2013.

Рукоусев Е. Ю. Военно-промышленные комитеты на Урале в годы первой мировой войны // *История науки и техники в современной системе знаний.* Екатеринбург, 2011. С. 125–131.

Фельдман М. А. Нелегкий путь к разгадке феномена // *Общ. науки и современность.* 2015. № 1. С. 100–107.

УДК 94(47).084.5/.084.6:72.036

Т. Ю. Быстрова

МЕЖДУ РАЗРУШЕНИЕМ СТАРОГО
И ЗАИГРЫВАНИЕМ С ВЛАСТЬЮ:
АРХИТЕКТУРНАЯ ПРАКТИКА М. Я. ГИНЗБУРГА
в 1920–1930-х гг.*

В статье всесторонне исследуется творческая программа архитектора-конструктивиста Моисея Яковлевича Гинзбурга, что позволяет получить более полное представление о значении и потенциале конструктивистского метода, его влиянии на современный архитектурный процесс.

К л ю ч е в ы е с л о в а: архитектура, конструктивизм в архитектуре, стиль, метод, архитектурное проектирование, М. Я. Гинзбург.

Введение

Архитектура конструктивизма, в том числе в Свердловске-Екатеринбурге, имеет простую историю. Долгое время ее не признавали в качестве профессионально- и эстетически значимого продукта, общественное мнение отказывает ей в красоте и привлекательности по сей день. В ней нет бьющей в глаза выразительности имиджевых «зданий-достопримечательностей» второй половины XX века, она нуждается в разъяснении или наличии у созерцающего хотя бы минимальной специальной подготовки; она окружена ореолом политических отказов и запретов,

* Статья выполнена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-22-07001 «Комплексный алгоритм культуральной регенерации малых промышленных городов в контексте агломерационных процессов России и Европы» и в рамках проекта Научной группы «Открытый город: от теоретических концепций к инновационному проектированию» УрФУ.

распространившихся, как это ни странно, в пространстве повседневной культуры; наконец, объекты конструктивизма за время своего существования сильно разрушились (поскольку на них не распространялись охранные меры) и параллельно обросли научными и архитектурными мифами в духе «слишком бедно», «слишком просто», «то ли дело классика». Упрощенный взгляд на конструктивизм преобладает сегодня в просветительских и экскурсионных текстах, хотя сам факт его растущей популярности радует.

Теоретическую базу архитектуры конструктивизма полнее и последовательнее своих соратников разработал М. Я. Гинзбург (1892–1949). Ссылки на его работы встречаются у исследователей [Иконников; Карпов; Смирнов; Хан-Магомедов; и др.], но системный анализ основных понятий и приемов, в особенности с учетом их последующей эволюции, еще предстоит. Данная статья ставит задачу интерпретации этих понятий и приемов как элементов целостной творческой концепции. С одной стороны, эта концепция (даже по времени появления) может быть классифицирована как принадлежащая модернизму, нацеленному на преодоление классических форм и пространственных решений. С другой стороны, она создается конкретным архитектором в сложнейших экономических и политических обстоятельствах, уничтожающих всякое проявление непонятного или иного.

Мы полагаем, что М. Я. Гинзбург сумел последовательно реализовать свои основные идеи, в максимальной степени учитывая эти обстоятельства. Его версия конструктивизма наиболее реалистична (не-утопична), вплетена в жизнь, учитывает социальные, человеческие, хозяйственные реалии. Соответственно, искусствоведческая или архитектурная оценка его зданий не может происходить без учета социокультурного контекста, в котором они рождались.

Культурологическая методология исследования во многом базируется на подходе школы «Анналов» (М. Блок, Ж. Ле Гофф, Л. Фёвр, Ф. Бродель и др.), предполагающем трактовку истории в плоскости повседневности и тем самым позволяющем преодолеть деление на «высокое» и «низкое» в культуре – в случае с архитектурой важна возможность отказа от деления на «шедевры» и мейнстрим, парадные общественные и как бы аксиоматически некрасивые жилые здания и т. п.

1. Краткая характеристика конструктивизма как версии архитектурного модернизма дана нами ранее [Быстрова, с. 82–89], понятия предпосылки модернистского архитектурного мышления помогают работы Д. А. Ольшанского [Ольшанский], Д. В. Сарабьянова [Сарабьянов]

и А. В. Иконникова [Иконников]. Повторим лишь некоторые значимые для интерпретации концепции М. Я. Гинзбурга моменты. Это:

- изменение ценностной парадигмы, уход от историзма и классической традиции¹;
- работа с новыми материалами (стекло, сталь, бетон), влияющими на возможности создания форм;
- движение рациональной архитектурной мысли в сторону научности, с одной стороны, и ориентация на упрощение решений (как следствие влияния позитивизма) – с другой;
- расширение эстетического диапазона (красота динамичных форм, плоскостей, асимметрии, биоморфных элементов и т. п.);
- по мере «взросления» модернизма – заданное российскими конструктивистами и Ш. Ле Корбюзье и нарастающее стремление к стандартизации, тиражированию, промышленному производству отдельных элементов формы, а значит, удешевлению строительства;
- понимание социального значения архитектуры как важнейшего фактора формирования нового образа жизни и (в СССР) нового человека;
- факты политизации архитектурного процесса в различных странах, «заигрывание» с властью, обеспечивающее расширение масштабов строительства.

2. Основные понятия и идеи подхода М. Я. Гинзбурга изложены им в работах 1920-х годов [Гинзбург, 1926; Гинзбург, 1927; Гинзбург, 1929; Мастера...]. Не ставя задачей всеобъемлющее рассмотрение, остановимся на тех из них, которые, будучи воплощенными в архитектурных формах, создают разрыв с классической архитектурной традицией.

2.1. Архитектура как «изобретение»

Разделяя пафос современников и демонстрируя увлеченность наукой, М. Я. Гинзбург говорит об архитектуре эпохи строительства социализма как ««изобретении» новых социальных конденсаторов жизни». Слова «конструирование», «изобретение» не свойственны архитектуре более ранних периодов и выглядят достаточно революционно. В запад-

¹ Не удержусь от показательного программного фрагмента: «Вместо старой системы архитектурного творчества, где план, конструкция и внешнее оформление задания постоянно находились во взаимной вражде и где архитектор был по мере сил своих примирителем всех этих неразрешимых конфликтов, – новое архитектурное творчество, прежде всего, характеризуется своим единым нераздельным целевым устремлением, в котором органически выковывается задача и к которому сводится созидательный процесс от начала до конца» [Гинзбург, 1926, с. 1].

ноевропейской, а затем и русской архитектуре специалист, как правило, ориентировался на модель, на уже сложившиеся представления о том или ином типе здания – не только его структуре или пропорциях, но и декоративных элементах, цветовом решении, эмоциональном строе. (Читатель при всем желании не представит, к примеру, классический музей, размещенным в бывшем заводском корпусе, лишенным привычных ордерных элементов и не вводящим в состояние возвышенной сосредоточенности.) «Изобретение» предполагает отказ от классического типологического подхода, возможность обосновывать и создавать новые, еще не выданные здания, которые со временем тоже типизируются, фиксируются в специальной «программе» [Карпов, с. 8–9]. Но иначе, чем прежде. В этих новых зданиях заложена *вариативность*, их объемно-пространственные решения более гибки. Элементы клуба или фабрики-кухни могут быть иначе размещены, могут комбинироваться с другими и т. д. Вероятно, к этой трактовке архитектора привели не только стремление сократить расходы времени и средств при проектировании в условиях нехватки квалифицированных специалистов, но и специальности, полученные в процессе образования. В Милане М. Я. Гинзбург занимался в политехникуме, в Москве получает диплом инженера-архитектора. Приемы технической комбинаторики он распространяет на сферу архитектурного творчества, тем самым находя новый метод проектирования. Вместе с тем с самого начала он критически высказывается против «наивного “машинного символизма”», подражающего формам современной техники [Гинзбург, 1926, с. 1]

2.2. Гинзбургское понимание конструктивизма

Какого-то одного определения М. Я. Гинзбург не дает, перечисляя базовые характеристики либо приводя примеры, что в общем типично для архитектурного дискурса. Он ценит рациональность, ясность и органичность решения. Ясность проекта состоит, по его мнению, не в чистой художественности или абстрактной символике, которыми увлечены В. Татлин, К. Малевич, но в функциональном назначении здания. Сравнивая два проекта 1923 г., Chicago Tribune Вальтера Гропиуса и проект Дворца Труда братьев Весниных, он находит, что первый – это «блестяще выполненная, радикально сконструированная и по-новому просто оформленная вещь», по внутреннему содержанию представляет «обычное американское решение Businnes House».

Конструктивизм в понимании М. Я. Гинзбурга предполагает разрыв с прошлым и максимальное соответствие новым реалиям жизни (подчеркну: соответствие жизни, а не ее формирование). Реализация

этих установок требует соответствующих проектных действий. Поэтому для одного из основоположников конструктивизма метод первичнее и важнее стиля, поскольку стилеобразование он связывает с операциями с формализованными завершенными элементами, тогда как метод позволяет отойти от трафаретных решений и добиться творческой проработки каждого отдельного проекта.

2.3. Метод конструктивизма

Проектный метод как определенная последовательность мыслительных усилий и практических действий по разработке архитектурной формы обычно связывают с индивидуальными поисками того или иного автора (А. Г. Раппапорт, А. П. Мардер, др.). М. Я. Гинзбург непостижимым образом органично соединяет в методе конструктивизма свои устремления и сложнейшие экономические обстоятельства: «...вопросы повышения качества жилья под углом зрения поднятия производительности труда, под углом вопросов культурной революции, под знаком перехода к новым социально более высоким формам бытового уклада становятся вопросами экономики» [Гинзбург, 1929, с. 4]. Он очень искренне и заинтересованно подсчитывает экономическую неэффективность прежних видов жилья в новых условиях и вместе с тем, максимально близко подходит к тому, чтобы детерминировать экономикой весь архитектурный процесс. А это, в свою очередь, соответствует парадигмальным установкам марксизма, в том числе в его российской версии.

В статье 1926 года М. Я. Гинзбург подробно раскрывает содержание метода «функционального творчества», как он его называет. Здесь упоминаются анализ «всех сторон здания», от которого архитектор не откажется и в последующие годы, и разработка свободного плана здания, и последовательность его осмысления извне вовнутрь, и работа с материалом [Гинзбург, 1926, с. 1–4].

В докладе «Проблемы типизации жилья РСФСР» 1929 года весь метод, по сути, сводится к «уминанию» жилья старого типа, прежде всего за счет сокращения вспомогательных площадей – на жилую площадь архитектор, в отличие от своих учеников, не посягает (за это через пару лет они будут писать о нем возмущенные письма в соответствующие инстанции). «Старое» маячит на заднем плане его рассуждений как некий довольно положительный образец, и кому-то может показаться, что М. Я. Гинзбург сдает позиции. Но это не так.

Архитектор проводит «научный анализ» подсобных помещений с целью рационализировать их устройство. Сегодня сценарным подходом в архитектуре или дизайне сложно кого-либо удивить, он не теряет

актуальности, распространяется и совершенствуется. Но для тех лет М. Я. Гинзбург предлагает инновационные проектные действия. «Пример такой рационализаторской работы вы найдете здесь на доске, где нарисована рационализированная кухня и рядом с ней показана обыкновенная кухня. Если проследить путь, который проделывает домашняя работница в кухне старого типа, то получится чрезвычайно не экономный график движений при выполнении трудовых процессов. Этот график построен на частом пересечении. Кроме того, в кухне имеется балласт совершенно излишней площади, образующийся потому, что оборудование размещено случайно, без анализа трудовых процессов. Поэтому мы пришли к построению кухни на иных основах. Мы смогли сократить ее размеры до 4,5 м² только потому, что график движения в ней построен правильно на учете последовательности трудовых процессов в кухне» [Гинзбург, 1929, с. 5]. Далее он предлагает заменять кухню неким «кухонным элементом» в квартирах с небольшой площадью, а позже, к примеру в доме «переходного типа» (один из таких домов расположен в г. Екатеринбург на углу ул. Малышева и Хохрякова, а в целом этот проект высоко оценивается специалистами [Catchart; Фрумкина]), откажется от кухни вовсе. Он сокращает палаты и кладовки как «конденсаторы грязи и пыли», призывает заменять ванну душем, сокращает коридоры, чтобы избежать расходов на отопление и инженерные коммуникации. И приходит к лаконичным, красивым решениям, понимая стиль именно как результат последовательной аналитической работы архитектора. «Можно получить такое решение квартиры в 27 м² жилой площади, коэффициент которой равен коэффициенту квартиры в 54 м² жилой площади», – вполне обоснованно констатирует М. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1929, с. 5].

В рамках данного текста нет возможности доказать совпадение этих находок с приемами экологичной и устойчивой архитектуры начала XXI века, однако в дальнейшем эту связь можно исследовать отдельно, ибо она показывает действительное значение русского конструктивизма для мирового архитектурного процесса [Иконников; Cathcart]. Скептикам, по-прежнему убежденным в убогости и скудости метода и форм конструктивистских жилых зданий, можно посоветовать дочитать этот доклад до конца; там учтены площадь, освещенность, пропорции комнат, цветовая корректировка недостатка света, наличие оборудования, сквозное проветривание и т. п. Скудость материалов и средств оборачивается новой эстетикой, на практике от качественных критериев отказываются в угоду количественным, но исходные положения конструктивизма определены в целом ряде объектов и доказали свою жизнеспособность.

Заключение

В 1930 году все архитектурные профессиональные объединения были распущены и создан Союз советских архитекторов, главной задачей которого стало выполнение партийных директив. Конструктивизм и рационализм резко критиковали на самом высоком уровне, маркировав их как «вредный формализм» [Критика]. В этот момент группа молодых архитекторов уходит от М. Я. Гинзбурга к М. Охитовичу «изживать традиции конструктивизма», как они сами формулируют в открытом письме. В 1930-е и первой половине 1940-х годов архитектор продолжал довольно активно работать, не изменяя своим исходным позициям. Главный корпус санатория Наркомтяжпрома им. Серго Орджоникидзе в Кисловодске создан в 1935–1937 годах, но в нем отсутствуют «поклоны» в сторону активно становящейся сталинской архитектуры [Хмельницкий]. М. Я. Гинзбургу удалось преодолеть каноны классической архитектуры, не изменив профессионализму, тщательности и вкусу. Случайным или преднамеренным образом он порой совпадал с официальными установками советского государства, не опускаясь до заигрываний с ним.

Быстрова Т. Ю. От модернизма к неорационализму: архитектурные концепции XIX–XXI вв. Екатеринбург, 2013.

Гинзбург М. Я. Новые методы архитектурного мышления // Совр. архитектура. 1926. № 1. С. 1–4.

Гинзбург М. Я. Проблемы типизации жилья РСФСР : доклад на пленуме Стройкома РСФСР // Современная архитектура. 1929. № 1. С. 4–6.

Гинзбург М. Я. Проект дома акционерного о-ва «Оргаметалл» в Москве // Совр. архитектура. 1927. № 2. С. 62–63 // Tehne : сайт. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://tehne.com/event/arhivsyachina/arhiv-sa-nasha-deystvitel'nost-putik-standartu-1927#orgametall> (дата обращения: 15.07.2017).

Иконников А. В. Между утопиями и реальностью // Изв. высш. учеб. заведений. Architecton. 1994. № 1. С. 43–51 // Tehne : сайт. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://archvuz.ru/2012_33/3 (дата обращения: 07.06.2017).

Карпов В. В. Типология и идеология. Возвращение М. Я. Гинзбурга // Academia. Архитектура и строительство. 2013. № 3. С. 5–17.

Критика конструктивизма (редакционная статья) // Советская архитектура. 1928. № 1. С. 1–2 // Tehne : сайт. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://tehne.com/event/arhivsyachina/arhiv-sa-leonidov-kinofabrika-1928#kritik> (дата обращения: 07.06.2017).

Мастера советской архитектуры об архитектуре: Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов : в 2-х т. / под общ. ред. М. Бархина и др. М., 1975. Т. 1. 541 с. ; Т. 2. 584 с.

Ольшанский Д. А. Основы идеологии модернизма // Anthropology.ru : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/olshansky/modern.html> (дата обращения: 05.09.2009).

Сарабьянов Д. В. Стиль модерн. Истоки. История. Проблемы. М., 1984.

Смирнов Л. Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург, 2008.

Фрумкина Р. Моисей Гинзбург – теоретик и практик конструктивизма // Троицкий вариант. Наука. 2016. № 204. 17 мая. С. 14 // Газета «Троицкий вариант – Наука» [Электронный ресурс]. URL: <http://trv-science.ru/2016/05/17/moisei-ginzburg/> (дата обращения: 11.06.2017).

Хан-Магомедов С. О. М. Я. Гинзбург. М., 1972.

Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2006.

Cathcart A. Moisei Ginzburg's Narkomfin building in Moscow: A Soviet blueprint for collective living // The Guardian. 2015. May 5.

УДК 94(470.54-25).084.3/084.6:2

Е. М. Главацкая, Д. С. Бахарев,
Е. А. Заболотных, Г. Т. Торвальдсен

РЕЛИГИЯ В ЛАНДШАФТЕ РАННЕСОВЕТСКОГО ГОРОДА: ИДЕИ, МИФЫ, СМЫСЛЫ (на примере Екатеринбурга–Свердловска)*

Статья посвящена анализу изменений, произошедших в ландшафте Екатеринбурга–Свердловска в период раннесоветского строительства. Частью социального проекта по модернизации страны, инициированной пришедшими к власти большевиками, было построение общества, свободного от религии. Одним из методов воплощения этого проекта в жизнь стала ликвидация религиозных институтов, являвшихся архитектурными доминантами центральной части города. Достигалось это различными путями – закрытием, утилизацией и физическим уничтожением богослужебных зданий. При этом в 1919–1928 гг. власти предпочитали именно утилизацию, в связи с реальными инфраструктурными проблемами и достаточно высоким

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 15-06-08541а «Религиозное разнообразие евразийского города: статистический и картографический анализ (на примере Екатеринбурга в конце XIX – начале XXI вв.)».

уровнем религиозности населения. Активная кампания по ликвидации знаковых религиозных объектов города, в ходе которой были закрыты практически все религиозные общины, в том числе лютеран, католиков и мусульман, началась с 1929 г. Маркеры некогда развитого религиозного ландшафта Екатеринбурга сохранились лишь на кладбищах, где продолжала теплиться религиозная жизнь. К 1941 г. в Свердловске осталась одна официально действовавшая православная церковь при кладбище и синагога, которая была единственным религиозным учреждением, действовавшим в исторической части города, поскольку располагалась при микве (бане) – сооружении, вполне встроеном в социально ориентированный план раннесоветского города.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история религии, СССР, антирелигиозная политика, религиозный ландшафт, раннесоветский проект, город.

Многочисленные реформаторские инициативы раннесоветского режима коснулись почти всех сторон жизни населения страны. Стремящаяся к радикальному изменению общественного порядка власть особое внимание уделяла модернизации в области культуры и мировоззрения, сталкиваясь здесь с господствующей системой – религией. Если представить революционный процесс, происходивший в России с 1917 г. до конца 1930-х гг. как социальный проект, то в нем совершенно очевидно просматриваются несколько направлений, и построение общества, свободного от религии, – одно из них.

Визуально это ярче всего проявилось в разрушении сети храмов в городах. Согласно сложившемуся в социальной истории подходу по изучению городского пространства как совокупности «культурных ландшафтов»¹ каждый городской ландшафт является источником закодированной информации о жизнедеятельности города [см.: Lewis, p. 11–32; Meining, p. 195–244; Главацкая, 2008, с. 76–82], в том числе и религиозной ситуации. Эта информация может быть «считана» с городского ландшафта. Более того, здания являются ключевыми «словами» при «прочтении» ландшафта, поскольку в них формируется и в них сосредоточена экономическая, социальная и культурная активность [см.: Black, 19–46]. Добавим, что церкви и другие здания, связанные с отправлением религиозного культа, являются репрезентацией религии в городском ландшафте, и анализ динамики его изменения позволяет глубже понять процессы, происходившие в стране не только в период осуществления «советского проекта», но

¹ Имеется в виду подход «cultural landscape».

и прямо противоположного ему по сути «постсоветского проекта», начавшегося в 1990-е гг. Данное исследование посвящено анализу метаморфоз, произошедших с религиозным ландшафтом раннесоветского периода на примере одного из ключевых городов страны – Екатеринбурга.

Реализация проекта построения государства, свободного от религии визуально проявилась в метаморфозах религиозного ландшафта страны, отображающего степень и форму присутствия религии в публичной сфере и повседневной жизни граждан. Число молитвенных зданий в стране постепенно уменьшалось, все больше их переходило в собственность государства, что порождало вопрос об их дальнейшем использовании. Под какие нужды государство приспособляло помещения, которые в глазах современников еще недавно были сакральными? Пыталось ли оно трансформировать (профанировать) эту сакральность, предать забвению или «осквернить»? Детально этот процесс можно проследить на примере изменения религиозного и в первую очередь православного ландшафта в постреволюционном Екатеринбурге-Свердловске, который планомерно уничтожался весь довоенный период и уже в 1941 г. был представлен единственным официально действующим православным храмом.

Объектом исследования является совокупность религиозных институтов, использовавшихся для проведения богослужений, на территории старого Екатеринбурга (включая Верх-Исетский завод). Число и история православных зданий реконструируются по работе Ворошилина [Ворошилин] и электронному ресурсу «Народный каталог православной архитектуры» [СОБОРЫ. РУ]. Для характеристики остальных конфессий привлечены делопроизводственная документация, периодика, сочинения краеведов начала XX в. и милицейские сводки из фондов ГАСО.

Религиозный ландшафт Екатеринбурга сложился в конце XIX в. и характеризовался православным большинством (96 % включая единоверцев и старообрядцев в 1897 г.) и динамичным развитием этноконфессиональных сообществ лютеран, католиков, мусульман и иудеев вплоть до 1914 г. Война и еще более Революция 1917 г. кардинально изменили структуру религиозного ландшафта, повлияли на динамику численности религиозных сообществ Екатеринбурга, их статус и локализацию в городском пространстве.

Отношения советского правительства и религиозных конфессий, особенно крупнейшей из них – Русской православной церкви – пережили несколько знаковых перемен. Первоначальная ленинская позиция, в основе своей подразумевавшая научный материализм как базовую для нового социалистического общества идеологию, не отрицала, однако, значения

религии как института частного – полностью отделенного от государства, но при этом не подверженного его влиянию [Ленин, с. 58–61].

Ожесточение государственно-конфессиональных отношений, ярко проявившееся в годы Гражданской войны, когда значительная часть духовенства не скрывала симпатий к Белому движению, достигло своего пика в 1922 г. в ходе правительственной кампании по изъятию церковных ценностей. В последующие годы острота вопроса немного сгладилась – «новая экономическая политика» сопровождалась так называемым «религиозным НЭПом» – временным снижением административного давления на религию с целью умиротворения населения и снятия социальной напряженности после недавних экономических потрясений [Курляндский, с. 203–204]. Однако уже к концу 1920-х гг. окрепшее советское государство, пережившее смену политической верхушки и взявшее курс на централизацию, поставило задачу окончательно избавиться от главного идеологического соперника – религии. «Религиозный НЭП» был свернут, рядом административных мер была простимулирована антирелигиозная работа на местах, в частности был облегчен порядок закрытия храмов. Лишившиеся львиной доли молитвенных помещений, столкнувшиеся с нарастающей религиозной индифферентностью масс в 1930-е гг., религиозные группы оказались в роли жертв, неспособных к активному сопротивлению. Перепись населения 1937 г., показавшая, что 55 % населения страны старше 15 лет считала себя верующими [Жиромская, с. 330], спровоцировала последнюю вспышку антирелигиозной активности в довоенном СССР. Власти, шокированные этими цифрами, применили все возможные меры к уничтожению религиозных институтов и физическому истреблению духовенства и прихожан.

Проект послереволюционного преобразования общества в области культуры включал в себя кардинальное изменение отношения государства к религиям. Первым шагом правительства в этом направлении стало принятие 18 декабря 1917 г. СНК РСФСР декрета «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» функция регистрации браков перешла к отделам записей браков, церковный брак признавался частным делом граждан [Декрет ВЦИК и СНК...]. Почти полтора года ушло на организацию новой службы по регистрации актов гражданского состояния, при этом многие граждане продолжали венчаться в церкви, а священники продолжали вести записи в метрических книгах. Любопытно, что революционные события практически сразу отразились и на содержании записей в метриках. Вместо традиционного социального статуса (крестьяне, мещане, дворяне) появилось более соответ-

ствующее приметам нового времени «гражданин» [Заболотных, Главацкая]. С октября 1919 г. Центрозагс стал признавать действительными только те церковные браки, которые были заключены до 20 декабря 1917 г., и те документы, которые были выданы религиозными организациями до января 1918 г. Метрические книги были повсеместно изъяты из церквей, мечетей и синагог и переданы в отделы ЗАГС. В начале 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и последовавшее за ним требование закрыть все домовые церкви при учебных учреждениях.

Строжайший учет и контроль, к которому, как известно, призывал идеолог и основатель нового государства В. И. Ленин, касался учета ресурсов, производства и распределения [Цит. по: Гозулов, с. 228–229]. Прежде чем приступить к реализации проекта построения общества свободного от религии, была проведена своеобразная перепись религиозных учреждений. В фондах ГАСО сохранилась переписка по вопросу об исполнении декрета об отделении церкви от государства. Так, 16 марта 1920 г. была разослана телефонограмма с пометкой «срочно» во все уездно-городские и городские исполкомы, которая содержала распоряжение собрать в семидневный срок следующие сведения: 1. Сколько имеется в вашем городе храмов религиозных культов; 2. Общую площадь всех храмов; 3. Точное количество всех граждан, заключивших договор пользования храмами всех религиозных культов; 4. Какая фактическая посещаемость всех [обозначенных] храмов [ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 139. Л. 1]. При собирании этих сведений предписывалось «относиться к этому со всей осторожностью войдя в сношение с приходскими советами и т. п., не допуская <...> ненужной огласки». Также власти требовали от исполкомов выяснить, «имеется ли настоятельная необходимость использовать часть храмов, выданных группам граждан тех или иных религиозных культов, для общепользованных целей» и «отношение местного населения к возможности утилизации храмов под общепользованные нужды». За несвоевременное и неточное исполнение распоряжения властей виновных сотрудников исполкомов ждало наказание [Там же. Л. 1 об.]. Претворение Декрета об отделении в жизнь следовало начать немедленно, руководствуясь при этом инструкцией, изложенной в постановлении народного комиссариата юстиции, опубликованной в собрании постановлений и распоряжений от 31 августа 1918 г. № 62. Ст. 685, обратив особое внимание на параграф 16 «Об имуществе, специально не предназначенном для богослужебных целей» [Там же. Л. 2]. В результате проведенного обследования было выявлено, что в Екатеринбургской губернии на 26 апреля

1920 г. имелось 72 храма «всех религиозных культов», общей площадью 9 503 кв. сажени. Фактическая посещаемость храмов составляла 79 860 человек. При этом сотрудники исполкомов считали, что сама возможность «утилизации» храмов может вызвать негативные последствия. Заключение было недвусмысленное: «Население большей частью религиозно. Настоятельной надобности к использованию храмов для общепользных целей нет» [Там же. Л. 3 – 3 об.]. В самом Екатеринбурге в 1920 г. было учтено 27 храмов, которые посещало, согласно проведенному учету, более 15 000 человек [Там же. Л. 6] (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Храмы Екатеринбурга, действовавшие в 1920 г.

№ п/п	Наименование ²	Площадь в кв. саженях	Число заключивших договор пользования	Фактическая посещаемость храмов
1	Иоанно-Предтеченская	70	700	около 400 человек
2	Церковь Нуровского приюта	168	40	около 400 человек
3	Старый Златоуст		500	около 800 человек
4	Новый Златоуст	110	не выяснено	более 1000 человек
5	Кафедральный собор	180	800	от 1000 до 1500 человек
6	Екатеринбургского женского монастыря церкви: а) Скорбящей Божьей Матери	20	не выяснено	1
	до 1000 человек			
	б) Тихвинская		до 300 человек	
	в) Всесвятская	9	не служат за ветхостью	

² Названия даются в том виде, как упомянуты в документе.

Продолжение табл. 1

№ п/п	Наименование	Площадь в кв. саженях	Число заключивших договор пользования	Фактическая посещаемость храмов
	г) Александровский собор	180	не выяснено	около 5 000 человек
	д) Введенская	9	домовая	
	е) Федосиевская			
7	Спаская единоверческая	100	394	до 200 человек
8	Крестовоздвиженская	183	5 000	500
9	Кладбищенская	59	1 000	100
10	Вознесенская	100	3 000	500
11	Немецкая кирка	72	5 000	200
12	Еврейская молельня	15	не заключен	100
13	Польский костел	40	2 000	300
14	Екатерининский собор	375	3 000	400
15	Архиерейская	152	60	150
16	Спаская	165	не выяснено	100
17	Симеоновская	194	107	200
18	Австрийская	95	50	100
19	Старообрядческая часовня	55	20	50
20	Рязановская кладбищенская	28	105	250
21	тоже Рязановская	180	не выяснено	

О к о н ч а н и е т а б л. 1

№ п/п	Наименование	Площадь в кв. саженях	Число заключивших договор пользования	Фактическая посещаемость храмов
22	Полковая	81	не выяснено	
23	Церковь	150	2/3 населения	200
24	Успенская	48		500
25	Никольская	40		1 200
26	Нагорная	26		300
27	Единоверческая	24		300

Таблица составлена по: [ГАСО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 139. Л. 1].

Материализация идеи

В течение всех 1920-х гг. разворачивался процесс ликвидации домовых церквей при государственных учреждениях и монастырях. За 1919–1928 гг. было так или иначе закрыто 20 молитвенных помещений Русской православной церкви. В девяти случаях бывшие храмы приобрели образовательный профиль: большая их часть до революции находилась при учебных заведениях (гимназиях, училищах, институтах), после указа став либо собственностью, либо резиденцией одного из них. Например, Екатерининская домовая церковь при епархиальном женском училище вместе со всем зданием училища стала корпусом Уральского горного института, а в отдельно стоящем основательном здании Афанасиевской домовой церкви при Уральском горном училище разместилась простая школа. Кроме того, часть церквей, прежде не имеющих отношения к системе образования, также стали резиденциями ее учреждений, например, храм Вознесения Господня, в 1926 г. переоборудованный в школу. Михайло-Архангельский храм екатеринбургского Тюремного замка, соответственно, стал частью тюрьмы, а Николаевская домовая церковь при Александровской городской богадельне вместе со всем зданием богадельни долгое время использовалась как жилой дом. Существовали и более экзотические варианты.

Так, помещения четырех монастырских церквей в 1920 г. были заняты Екатеринбургским местным военным госпиталем; часовня Преображения Господня при Странноприимном доме Ново-Тихвинского монастыря – продуктовым магазином, Николаевская полковая церковь – резиденцией суда, а Крестовая Богородицкая церковь при Архиерейском доме – клубом милиции (впоследствии школой НКВД). В 1927–1928 гг. Симеоновская и Спасская церкви, а также синагога были переданы под школы, часовня на Хлебном рынке – Здравотделу под «санитарно-гигиеническую лабораторию» [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 32].

В 1928 г. власти впервые решились на физическое уничтожение православной церкви – была взорвана одна из архитектурных доминант городского ландшафта, Свято-Духовская церковь (Малый Златоуст) [Там же]. Таким образом, вектор, которого власти придерживались в 1919–1928 гг. в деле ликвидации визуального присутствия православия в городском ландшафте, можно охарактеризовать как предельно рациональный. Все конфискованные церковные помещения после снятия крестов и куполов и некоторой перестройки были приспособлены под те или иные хозяйственные нужды, что позволяло хотя бы частично решить острые инфраструктурные проблемы, стоящие перед городской властью [Булавин, с. 173–174]. Снос Малого Златоуста стал предвестником новой эпохи демонстративного уничтожения главных религиозных архитектурных доминант, которая наступила в 1929 г.

Развернувшаяся в 1929–1930 гг. антирелигиозная кампания нашла поддержку среди ряда слоев населения, что отчасти объясняет ее успех. Традиционный антиклерикализм низшего партийного звена сочетался с антицерковным настроем рабочих, молодежной эмансипацией и политическим конформизмом основных масс, пусть во многом и остававшихся религиозными [Булавин, с. 174–176]. Особенно ярко эти черты проявились в крупных городах, где практически не было массовых возмущений, прокатившихся по многим сельским и заводским поселениям. Однако, несмотря на наличие широкой поддержки, власти старались не пренебрегать осторожностью. В марте 1930 г. Президиум уральского облисполкома в ответ на жалобы на нарушения, допущенные при закрытии зданий религиозного культа в ходе коллективизации, принял решение, что храм подлежит закрытию лишь при условии «добровольно выраженного <согласия> подавляющего большинства населения» на общем собрании и только после утверждения Облисполкома. Без разрешения Облисполкома запрещалось применение административных мер, а также изъятие и опечатывание зданий, снятие колоколов и т. д. При этом

прокуратура и суд должны были привлекать должностных лиц и частных граждан, виновных в издевательствах и оскорблении религиозных чувств верующих, к ответственности [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 29].

Но эти меры, служащие предотвращению открытых выступлений верующих, лишь сглаживали генеральную тенденцию на ликвидацию религиозного ландшафта. В первые два месяца 1930 г. были закрыты православные Богоявленский кафедральный собор и Крестовоздвиженская церковь (уже летом собор был взорван ради строительных материалов). После этого по данным административного отдела в городе оставалось 13 действующих религиозных учреждений (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

**Список богослужebных институтов Свердловска,
действовавших в феврале 1930 г.**

№ п/п	Название церкви ³	Конфессия	Адрес	Число членов общины	Примечание
1	Екатерининская церковь	Обновленцы	Ленина (площадь Труда)	113	Возбуждено ходатайство о закрытии
2	Свято-Духовская (Златоуст)	Обновленцы	Угол Мальшева и 8 Марта	125	Возбуждено ходатайство о закрытии
3	Всех-святская (Михайловское кладбище) церковь	Обновленцы	По Шарташской дороге	78	
4	Свято-Троицкая	Старообрядцы	Розы Люксембург, 75	232	
5	Никольская	Старообрядцы	Розы Люксембург, 77	164	
6	Успенский собор	Старообрядцы беспоповцы	Добролюбова, 12	171	

³ Названия даются в том виде, как упомянуты в документе.

О к о н ч а н и е т а б л . 2

№ п/п	Название церкви	Конфессия	Адрес	Число членов общины	Примечание
7	Свято-Троицкая (Рязановская)	Единоверцы	Розы Люксембург	135	Возбуждено ходатайство о закрытии
8	Александро-Невский собор	Григорианцы	Народной Воли	1 082	Возбуждено ходатайство о закрытии
9	Еврейская синагога	Иудеи	Сибирский проспект, 40а	397	
10	Мечеть	Мусульмане	Угол ул. Антона Валека и Допризывников, 15/8	480	
11	Никольская	Обновленцы	ВИЗ, ул. Спартака, 19	185	
12	Иоанно-Предтеченская	Григорианцы	кладбище	103	
13	Всех-Святская	Григорианцы	ВИЗ, ул. Нагорная	393	

Таблица составлена по: [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 14].

В течение 1930 г. в рамках секуляризации городского ландшафта были уничтожены главные православные доминанты центральной части Свердловска – Екатерининский горный собор, Богоявленский кафедральный собор и Александро-Невская (Лузинская) церковь. Та же судьба постигла и два Верх-Исетских храма, Всехсвятский и Николаевский. Чуть больше повезло Александро-Невскому собору Ново-Тихвинского монастыря и собору Успения Богородицы, которые были лишь закрыты. В Успенской планировали убрать церковную утварь и открыть кинотеатр [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 18], а менее масштабная Крестовоздвиженская церковь сразу была передана под кинотеатр. Таким образом,

на территории старого Екатеринбурга осталось лишь два объекта Православной Церкви – Иоанно-Предтеченская церковь на Ивановском кладбище и Всехсвятская церковь на Михайловском. Последняя была закрыта в 1941 г., в ходе финального наступления на религию в довоенном Советском Союзе.

Лютеранская церковь св. Петра и Павла прекратила существование еще до весны 1930 г., а ее здание перешло в собственность жилищного фонда города. Католический костел был закрыт в октябре 1929 г. и почти год использовался в качестве театра. В марте 1930 г. Уралоблисполком принял решение и о закрытии костела св. Анны, после этого община распалась. В перестроенном здании сначала находилась детская библиотека, потом его передали в жилищный фонд города [Главацкая, 2015, с. 231].

Институты ислама в Екатеринбурге поддерживались семьями известных купцов Агафуровых и Богатиевых, эмигрировавших после смены власти в России. Городские мектебе и медресе были закрыты в течение 1920-х гг. [Старостин, Главацкая]. Что касается мечети, расположенной в одном из домов купцов Агафуровых по адресу: ул. Студеная, 8 (современная ул. Маршала Жукова), то она, согласно сведениям Облисполкома, действовала по крайней мере до марта 1930 г., после чего была передана под детский сад [ГАСО. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 35]. Позднее здание было снесено.

В этот же период властями систематически предпринимались попытки пресечь иудейскую религиозную традицию. Здания, арендованные городской общиной под синагогу, последовательно закрывались властями одно за другим на протяжении 1917–1929 гг. В результате, в 1929 г. в Екатеринбурге, в котором проживало около 3 500 евреев, более 400 из которых являлись активными членами общины (всего моления посещало более 800 человек), остался функционировать лишь один молельный дом при микве (бане и бассейне для ритуального омовения) [Там же. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 2. Л. 164 об.]. Это здание также было закрыто после типового заявления рабочих в феврале 1930 г. о нехватке общежитий [Там же. Ф. Р-575. Оп. 1. Д. 22. Л. 28], однако уже летом микву вернули верующим, так что она продержалась еще три десятилетия. В 1961 г. здание синагоги было предложено закрыть в связи с благоустройством поймы реки и сносом бараков [Там же. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 2071. Л. 312], а религиозное общество лишить регистрации [Там же. Ф. Р-88. Оп. 2. Д. 303. Л. 394].

Анализируя второй период закрытия храмов в Свердловске, можно сделать вывод об изменении целеполагания властей. Если в 1920-е гг.

правительство, ликвидируя религиозные объекты, старалось использовать их с максимальной пользой, рассматривая церковь как донора материальных ценностей, то начиная с 1929 г. началось буквальное разрушение храмов, в первую очередь расположенных в центре города. Частично подобную политику может объяснить то, что масштабные приходские церкви в силу архитектурных и коммунальных особенностей с трудом приспособивались под иные нужды. Однако примеры Александро-Невского и Успенского соборов – первый позже был использован под склад, а второй – под хлебозавод – демонстрируют возможность этого пути, не говоря уже о затратах на снос таких капитальных сооружений. Проект создания общества, свободного от религии, был материализован. Внешне это проявилось в том, что власть смогла практически полностью стереть с лица города все религиозные маркеры и любое напоминание о присутствии конкурирующей мировоззренческой системы. Символично, что оставшиеся элементы некогда развитого религиозного ландшафта города оказались расположены на кладбищах, где продолжала теплиться религиозная жизнь. Единственным религиозным учреждением, действовавшим в исторической части города, оставалась синагога, расположенная на Сибирском проспекте. Это исключение, вероятно, было связано с тем, что располагалась она при микве (бане) – сооружении, вполне встроеном в социально ориентированный план реконструкции города.

Булавин М. В. Массовые закрытия храмов на Среднем Урале на рубеже 1920–1930-х гг. // Изв. Урал. гос. ун-та. 2007. № 49. С. 171–180.

Ворошилин С. И. Храмы Екатеринбурга. Екатеринбург 1995.

ГАСО. Ф. Р-88 (Исполнительный комитет Свердловского областного Совета депутатовгрудящихся (Облисполком). 1920–1975 гг. Оп. 2. Д. 303.); Ф. Р-286 (Исполнительный комитет Свердловского городского Совета народных депутатов. [1918]–29.10.1993 гг.); Ф. Р-511 (Отдел управления исполнительного комитета Екатеринбургского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губотуправ). 1919–1923 гг.); Ф. Р-575 (Административный отдел исполнительного комитета Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Горадмотдел). 1920–1930 гг.); Ф. Р-854 (Управление милиции по Свердловской области МВД СССР).

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 76–82.

Главацкая Е. М. «...В весьма изящном, готическом стиле»: история католической традиции на Среднем Урале до середины 1930-х гг. // Государство, Церковь, религия в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 218–238.

Гозулов А. И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения) / ред. акад. С. Г. Струмилина. М., 1936.

Декрет ВЦИК и СНК о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния 18 (31) декабря 1917 г. // Электрон. библиотека ист. факультета МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 09.01.2016).

Жиromская В. Б. Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // Труды Ин-та рос. истории РАН. 2000. № 2. С. 324–338.

Заболотных Е. А., Главацкая Е. М. «Книга записи сочетания браков между евреями»: новый источник по истории еврейского сообщества Екатеринбурга в начале XX вв. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 347–352.

Курляндский И. А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М., 2011.

Ленин В. И. Социализм и религия // В. И. Ленин об атеизме, религии и церкви / общ. ред. А. Ф. Окулова. М., 1980. С. 57–62.

СОБОРЫ. РУ. Народный каталог православной архитектуры [Электронный ресурс]. URL: <http://sobory.ru/> (дата обращения: 01.07.2017).

Старостин А. Н., Главацкая Е. М. Мусульманская община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX века: численность и институты // Изв. Урал. фед. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. № 4(157). С. 244–253.

Black I. S. (Re)reading architectural landscapes // Studying Cultural Landscapes / eds I. Robertson, P. Richards. London, 2003. P. 19–46.

Lewis P. F. Axioms for Reading the Landscape: some guides to the American scene // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. D. W. Meinig. New York, 1979. P. 11–32.

Meinig D. W. Reading the landscape: An appreciation of W. G. Hoskins and J. B. Jackson // The Interpretation of Ordinary Landscapes / ed. D. W. Meinig. New York, 1979. P. 195–244.

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «СОЦГОРОД» И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЕГО СТРОИТЕЛЕЙ

(на материале Нижнего Тагила
1920–1930-х гг.)

Цель публикации — анализ воздействия концепта «соцгород» на идентичность строителей социалистических городов на Урале. Задачи: анализ эволюции концепта «соцгород»; обнаружение его «следов» в идентичности современников. Источники — работы авторов концепта «соцгород» и воспоминания строителя Нижнего Тагила. Методология — теории социального проектирования, новой социальной истории, социокультурной антропологии, метод контент-анализа. Автор пришел к выводу о превращении романтической идеи «города-сада» в ее противоположность — казарменно-барачное поселение вокруг промышленных объектов. Проект создания новой коллективистской личности был частично реализован. В то же время общество оказалось расколото на энтузиастов этой идеи и тех, кто стал ее жертвой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: концепт «соцгород», социальное проектирование, идентичность, город-коммуна, город-ансамбль, коллективистская личность, мобилизационная экономика.

Историографический анализ проблем планирования и реализации концепта «соцгород» предпринят в целом ряде работ советских архитекторов и современных исследователей [Глазычев; Меерович, Коньшева, Хмельницкий, 2011; Меерович, 2005; Милотин; Охитович; Сабсович, 1929; Сабсович, 1930; Склонский; Хазанова; Эррен; Kotkin]. Слабым местом этой многоплановой темы является проблема идентичности жителей социалистического города, как искусственно созданного в интересах власти идеологического и социального конструкта, призванного переформатировать традиционные структуры общества.

Целью нашей работы является анализ воздействия динамического концепта «соцгород» на сознание и поведение строителей Нижнего Тагила и Магнитогорска в 1930-х гг. В связи с этим предпринято решение двух взаимосвязанных задач: анализ формирования и эволюции концепта «соцгород» в конце 1920–1930-х гг.; обнаружение его «следов» в идентичности современников.

Источниками исследования стали работы «авторов» социально-политического и идеологического конструкта «соцгород»; воспоминания строителей социалистических городов Урала¹.

В качестве методологии избраны теории социального проектирования [Луков, Тезаурсная концепция...; Курбатов, Курбатова], новой социальной истории и социокультурной антропологии, теория идентичности Э. Эриксона и А. Тэшфела, концепции социальной стратификации М. Вебера и П. Сорокина [Эриксон; Tajfel; Теории социальной стратификации]; источниковедческие и специальные методы: тематического, модального, символьного контент-анализа.

Теория социального проектирования как теоретическая практика социальных преобразований стала научной и практической проблемой в конце прошлого века. Социальное проектирование было присуще модернизационной практике 1920–1930-х гг., когда использовались пятилетние планы развития страны, и предпринят идеолого-политический эксперимент по созданию новой культуры и нового человека. Роль инициатора и нормоконтролера социальных проектов была узурпирована властью в своих интересах, эти проекты утратили в своем содержании общественно-гуманистический смысл [Луков, 2007].

Движение по этому пути ярко демонстрирует история формирования и реализации концепта «социалистического города»². Начальной точкой отсчета в его развитии можно считать идею «города-сада», «нового города» как места комфортного проживания человека «освобожденного труда». В 1930-х гг. она эволюционировала в идею социалистического города – как нового типа социальной политики и управления. Социалистический город виделся как центр пролетарского ядра населения, элемент государственного управления в структуре централизованной власти.

Первоначально предполагалось привлечь людей в соцгород как более комфортную среду, исключаящую эксплуатацию человека. В 1930-х гг. этот посыл эволюционировал в идею концентрации пролетариата

¹ Руководителя Уралвагонстроя Л. М. Марьясина (Нижний Тагил), американского рабочего Д. Скотта (Магнитогорск) [Марьясина ; ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22664. Т. 4. Л. 302–577; Т. 1. Л. 30–33 ; Скотт].

² В ходе нашего исследования было разработано сложное понятие концепта «соцгород», которое состоит из шести блоков: 1. Отличия «нового» города от «старого»; 2. Способы мобилизации населения соцгородов; 3. Архитектурная планировка. Промышленные объекты и жилой сектор; 4. Характеристика жилого фонда; 5. Сфера быта и культуры; 6. Требования к «новому» человеку для «нового» города.

в новых промышленных центрах. Стирание границ между городом и деревней предполагалось за счет втягивания сельскохозяйственных территорий и проживающего на них крестьянского населения в зависимость и подчинение городу. Крестьянское население рассматривалось как материал для формирования индустриального пролетариата и должно было добровольно-принудительно перемещаться к местам возникновения новой промышленности. Предполагалось использование мобилизационных методов стимулирования: эксплуатация энтузиазма, административный нажим, репрессии, солидарная ответственность, получение социальных благ, повышение или снижение статуса исполнителей. Наличие маргинальных групп позволяло конструировать в массовом сознании «образ врага», формировать конфронтационный тип мышления.

Проект города-сада предполагал, что население будет удалено от вредного воздействия промышленных предприятий. В 1930-х гг. эта идея претерпела многоэтапную эволюцию: от города-коммуны, жилкоммуны к жилому кварталу, затем к «городу-ансамблю». Соцгород в итоге виделся как единое территориальное образование, состоящее из градообразующего предприятия и поселения работающих на нем людей, которые заняты общественно-полезным трудом. Соорганизация людей в «трудо-бытовые коллективы» осуществлялась административно и за счет организации жилища, планировки поселений, структуры расселения. Возобладал принцип искусственного прикрепления людей к месту работы (прописка, продкарточки, жилище из госфонда, медобслуживание по месту работы, обучение детей по месту проживания).

Продумывалась новая организация жилого фонда, которая начиналась с идеи города-коммуны и трудо-бытовых коллективов, а впоследствии эволюционировала в комбинацию из домов-коммун, зданий «покомнатно-посемейного» проживания, коттеджей иностранных специалистов, руководства, передовиков производства; барачков, общежитий. Произошел переход от концепции «функционального города» к идее «города-ансамбля» с ориентацией на индивидуальное жилье, выделяемое государством согласно социальной дифференциации и заслугам перед властью. Налгагался запрет на владение частным жильем.

В сфере быта и культуры все начиналось с идеи «обобществления быта» в рамках «трудо-бытовых коллективов» домов-коммун, для которых создавались столовые-распределители, универмаги, фабрики-кухни, бани, прачечные, центральный клуб, кино, стадион, парк отдыха, детские учреждения для «полного» содержания детей. Затем произошел отказ от общественного воспитания детей и жилкоммун, возобладала ориен-

тация не на «коммунистическое общежитие», а на коммунальное переплотненное заселение. В 1937 г. большевики полностью отказались от идеи обобществления быта.

Особые требования предъявлялись к «новому» человеку для «нового» города. Первоначально выдвигался тезис о созидательной, творческой личности, который затем эволюционировал в идею «человека-исполнителя» с установкой на развитие «личности в коллективе». Предполагалось, что соцгород создаст новые условия жизни нового социалистического человека, основанные на максимальном контроле государства над своими гражданами и на принуждении их к выполнению решений руководящих инстанций. Главным становится приверженность идеологическим постулатам, в остальном господствовали прагматизм и технократизм.

Тип советского человека: аскет, здоровый физически и нравственно, представитель народа, противостоящий «яростному сопротивлению врагов» в труде, спорте или бою. «Новый» человек предан делу коммунизма, жесткой дисциплине, культуре семьи, верит в вождя, партию, отечество, трудится «по-коммунистически».

В конце 1930-х гг. начинает обретать ценность идея личного благосостояния и карьеры, которая коснулась прежде всего правящей номенклатуры и вылилась в создание иерархии должностей и привилегий [Понятие концепта соцгорода и представление о его эволюции сформировано нами на основе работ: Токарев; Соскин, с. 101–103; Терехов, с. 238–239; Общество и власть, с. 14, 94; Социальная мобилизация..., с. 14, 349–353].

Столкновение концепций, выработанных в ходе архитектурных дискуссий, и идеологизированных, прагматичных установок государства по определению задач строительства соцгорода привели к утверждению концепции промышленно-селитебного образования, центральным ядром которого стало градообразующее предприятие с привязанным к нему пролетарским населением. Город стал заложником градообразующего предприятия, а человек – исполнителем воли государства.

Строительство промышленных предприятий проходило без предварительной планировки и увязки с будущими районами, поэтому комплекс промышленной зоны оказался внутри городской черты.

Важнейшим компонентом концепта соцгорода стал «новый» человек, который должен был претворить в реальность технократические решения и наполнить город новым содержанием «коммунистической» жизни.

Разработанное нами определение соцгорода (СГ) позволило провести контент-анализ источников личного происхождения с целью охарактеризовать индивидуальную идентичность жителя СГ.

Одним из субъектов исследования стал Л. М. Марьясин. Он родился в 1896 г. в еврейской купеческой семье, получил гимназическое и высшее техническое образование. Мы можем воспринимать нашего героя как типичного представителя новой советской элиты, основные периоды социализации которого проходили после революции на фоне увлеченности социалистическими идеями. Большую часть своей короткой жизни Лазарь Марьясин провел в крупных городах и на стройках индустриальных гигантов и потому обладал всеми признаками городской идентичности.

Опираясь на классификатор маркеров идентичности, мы можем сделать несколько важных обобщений и выводов относительно личности Л. М. Марьясина. Во-первых, количественное распределение высказываний в авторском тексте показывает преобладание идентичности жителя социалистического города (ИЖСГ-54), затем следуют показатели политической идентичности (ПИ-29), и скромное место занимают проявления гражданской идентичности (ГИ-5).

Мы можем констатировать, что сам «концепт» СГ как чего-то «нового» по сравнению со «старым буржуазным» городом практически не волновал Л. М. Марьясина. Единственное высказывание его в связи с этим является отрицательным. Он подчеркивает, что уровень жилищного строительства в СССР значительно отстал от промышленного, критикует реализованный проект СГ в Магнитогорске, разработанный Э. Маем [ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22664. Т. 4. Л. 469–470].

Марьясин солидарен с методами власти по мобилизации трудовых ресурсов и использованием мобилизационно-конфронтационных, в меньшей степени консолидационных практик.

На первом месте в сознании автора находилась стройка «промышленного гиганта». С точки зрения архитектурной планировки он констатировал приоритетность промышленного перед жилищным строительством, видел в градообразующем предприятии центр притяжения СГ, особенно не задумываясь над идеями «жилкоммуны», «жилого квартала» или «города-ансамбля» [Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22664. Т. 4. Л. 321–328, 471]. Отрицательная тональность высказываний в этом блоке преобладает (3 к 1).

В характеристике жилого фонда у автора воспоминаний преобладают позитивные оценки (8 против 3 отрицательных). В то же время очевидно, что Марьясин пытается показать свои заслуги в улучшении жилищного строительства. Фактически же гордиться было особенно нечем – преобладала барачно-коммунальная застройка. Разве что законным предметом гордости можно было назвать поселок для высшего командного состава стройки [Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22664. Т. 4. Л. 363, 366, 408, 436–439, 470, 475].

В оценке состояния культурно-бытовой сферы жизни населения СГ у автора преобладают критические высказывания. Он явно сомневается в качестве общественного питания и обслуживания населения, бытовых условий жизни в СГ, в то же время, видя положительные моменты в идее «коммунистического общежития» [ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22664. Т. 4. Л. 350, 354, 355, 357, 366, 436, 438–440].

В своих воспоминаниях Марьясин проявляет солидарность с методами «перековки» в «нового человека», используемыми партией [Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22664. Т. 4. Л. 358–359]. Следует учесть, что такие высказывания характерны для дискурса 1930-х гг., пронизанного политической риторикой.

Подводя итог подсчета единиц анализа по ИЖСГ³, мы можем сделать вывод, что автор воспоминаний, несмотря на их политическую ангажированность, проявил большую критичность по отношению к «концепту» СГ: 33 положительных высказывания против 15 отрицательных и 6 нейтральных.

Текст воспоминаний Л. М. Марьясина наглядно демонстрирует проявление типичных для советского общества поведенческих, психосоциальных и политико-идеологических стереотипов позиционирования личности, находящейся под идеологическим и политическим прессингом. Великие стройки пятилеток были местом, где такие реакции личности достигали своей кульминации. Текст мемуаров явно был рассчитан на публику (в первую очередь на партийную и чекистскую), а потому не следует принимать явно пропагандистские высказывания за чистую монету. На самом деле те, кто близко знал Марьясина, свидетельствуют о его критических настроениях, это же демонстрируют и протоколы допросов, содержащиеся в архивно-следственном деле.

Весьма насыщенным источником для раскрытия поставленной проблемы являются мемуары американского рабочего, писателя Джона Скотта, написанные им в 1941 г. [Скотт].

Социальное происхождение и образование Д. Скотта повлияли на его взгляды по отношению к СССР и его судьбу. Это был романтик социалистической идеи, критически воспринимавший капиталистическую действительность. Он приехал в Магнитогорск с целью оказать братскую помощь в строительстве первого в мире социалистического государства и учиться социализму [Там же, с. 16].

³ Идентичность жителя социалистического города.

Джон оказался именно в том месте, где «новый» город строился по проекту немецкого архитектора-энтузиаста Э. Мая фактически в голой степи, и в нем довелось жить уже в начале 1930-х гг. Поэтому в его воспоминаниях наиболее ярко отразилось представление о соцгороде.

В его высказываниях (ИЖСГ) выявляется более критичное, чем позитивное отношение к реальному воплощению концепта СГ в реальность (39 отрицательных высказываний против 23 положительных и 12 нейтральных).

Относительно небольшое количество единиц анализа (5 отрицательных и 2 нейтральных) связано с принципиальными специфическими отличиями «нового» города от «старого». Он критикует проектирование соцгорода Э. Мае за ошибки и плохое качество строительства, монотонное однообразие, подчеркивает, что в нем живут избранные [Там же, с. 109]. Огромный недостаток этого варианта СГ он видит в перенаселенности [Скотт, с. 214–215].

Достаточно большое внимание автор уделяет способам мобилизации населения СГ, высказывая критическое к ним отношение (15 отрицательных против 14 положительных и нейтральных). Автор полагает, что к 1935 г. изменились к лучшему условия и качество работы на производстве. Более того, Скотт оценивает преимущество положения русского рабочего по сравнению с рабочими во Франции и Америке и считает, что русский рабочий настроен более оптимистично [Там же, с. 230].

В то же время Скотт высказывает целый ряд достаточно резких, критических замечаний: констатирует низкий уровень зарплаты и текучесть рабочей силы, невыполнение плана, отсутствие техники безопасности, повышенный травматизм на работе, двойность результатов стахановского движения («...технические последствия стахановского движения иногда были очень запутанными, и польза для общего дела весьма сомнительна»), бесперспективность работы для бывшего кулака («выход один: работать до усталости, а потом крепко выпить»), депрессивное настроение «старых» специалистов, осужденных по делу промпартии («работал методично, но без энтузиазма»), исчезновение специалистов-заключенных и иностранцев после чисток, репрессивную роль ОГПУ («около 50 тыс. рабочих под контролем ГПУ») [Там же, с. 93, 99, 42, 43, 46, 54, 128, 150, 172–174, 211].

Скотт отмечает, что в 1938 г. из 145 тыс. жителей города 30 % трудились на принудительных работах, и акцентирует внимание на том, что «террор низводит технические усилия до бесчеловечности и деградации...» [Там же, с. 285, 26]. В то же время Скотт приходит к заключению:

«Чушковый чугу́н – это чушковый чугу́н, и не имеет значения, что доменные печи были построены специалистами-заключенными и раскулаченными крестьянами» [Скотт, с. 231].

При характеристике жилого фонда высказывания автора распределяются равномерно – 4 положительных и 4 отрицательных. С одной стороны, он высоко оценивает уровень жизни в поселке «валютных» иностранцев (жизнь по западноевропейским стандартам – почти как «Маунт-Вернон в штате Нью-Йорк»), с другой – ужасается условиям жизни в районе чернорабочих «Шанхай») [Там же, с. 105, 107, 234–235, 236].

Скотт противоречиво оценивает достижения СГ в области культуры и быта (12 положительных и нейтральных и 12 отрицательных высказываний).

Относительно малое количество высказываний Д. Скотта связано с проблемой формирования «нового» человека (2 положительных против 4 отрицательных и нейтральных). Он приводит примеры разных типов «новых людей», в том числе с явно антисоциалистическими настроениями, но в итоге заключает, что в целом «они еще малоразвиты для критического отношения к власти», а их интересы связаны с получением «примитивных удобств» и удовлетворением «элементарных желаний» [Там же, с. 292–295, 299].

Несмотря на романтизм и неполную осведомленность о происходящих в Советском Союзе процессах, Д. Скотт сохранил свободное, непредвзятое мышление и воспринимал советский опыт, в том числе магнитогорский, двойственно: как положительно, так и критично. Центральным объединяющим ядром его идентичности является «вера в сильную Россию» и лучшую жизнь при социализме.

В результате проведенного исследования мы можем констатировать, что формирование общих идеологически выразительных идей, составляющих концепт соцгорода, пришло в острое противоречие со сформированной системой промышленного освоения территорий, которое осуществлялось в большей части принудительно, что накладывало свой негативный отпечаток на качество среды возникающих «промышленно-селитебных» образований.

Содержание проектных разработок генеральных планов и архитектурной среды соцгородов 1920–1930-х гг. выхолащивались при их реализации и переработке под воздействием распоряжений ведомственного заказчика, изменялось подчас столь кардинальным образом, что утрачивало свой базовый смысл – среда обитания, сформированная на бумаге, – в проекте, при практическом воплощении полностью теряла свое качество, превращаясь в казарменно-барачную. Поселения для рабочих – испол-

нителей данной программы рассматривались лишь как «тара для трудовых ресурсов».

Первоначальные проекты предусматривали всеобщую уравнительную, «коммунистическую» систему жизни населения, а возобладал иерархический принцип распределения жилой площади, что в конечном итоге привело в 1937 г. к полному к отказу от идеи обобществления быта.

В структуре идентичности жителя соцгорода большое значение приобрели идеологические и политические установки, восприятие или невосприятие которых заметно влияет на комфортность проживания в нем. Из контекста воспоминаний следует, что проект «перековки» человека начал реализовываться в действительности. Особенно ярко это проявилось в воспоминаниях Л. Марьясина и Д. Скотта. В них проглядывает «коллективистская личность», нацеленная на выполнение государственных, общественных задач, приоритетных перед целями личной жизни. В мемуарах Д. Скотта ярко проявились идеалы коллективизма и жертвенности.

При всех возможных успехах реализации проекта создания «нового человека», следует особо выделить отношение авторов к политическим репрессиям сталинского режима. Л. Марьясин не успел выразить своей позиции, так как сам был репрессирован. Д. Скотт столкнулся с ними и был «выдавлен» из СССР, как все иностранцы, объявленные шпионами. Он писал: «Террор низводит технические усилия до беспечеловечности и деградации...», говорил о миллионах людей «выброшенных на помойку <...> ради Прогресса и революции» [Скотт, с. 26, 249].

Таким образом, в условиях принудительной, ускоренной модернизации, массового насилия над личностью предполагаемый «человек свободного труда» превращался в исполнительный механизм, и это обстоятельство не вызывало всеобщего энтузиазма. Общество оказалось расколото на тех, кто был вдохновлен возможностями невиданной доселе социальной мобильности, с энтузиазмом «строил будущее» и на тех, кто испытал на себе всю тяжесть конфронтационных практик социальной мобилизации, массовых политических репрессий, и не готов был стать «новым человеком».

ГААО СО. Ф. 1 (Управление Федеральной службы безопасности Свердловской области).

Глазычев В. Л. Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.

Курбатов В. И., Курбатова О. В. Социальное проектирование : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2001.

Луков В. А. Социальное проектирование. М., 2007.

Луков В. А. Тезаурусная концепция социального проектирования // Знание, понимание, умение : информ. гум. портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/3/> (дата обращения: 29.05.2017).

Марьясин Л. М. Записки хозяйственника. Глава 2. Л. 1, 2, 3, 4 // Выставочный комплекс ОАО «НПК Уралвагонзавод». Фонды. Ф. ОФ–1233. Копия из ГААО СО.

Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М., 2011.

Меерович М. Г. Соцгород – базовая концепция градостроительной политики СССР в 1926–1930 гг. // Вестн. ВолгГАСУ. 2005. № 5(17). С. 203–211.

Милютин Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. М. ; Л., 1930.

Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998.

Охитович М. А. Заметки по теории расселения // Советская архитектура. 1930. № 1/2. С. 7–16

Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929.

Сабсович Л. М. Социалистические города. М., 1930.

Склонский А. Социалистический город // Революция и культура. 1929. № 21. С. 23–25.

Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М., 1991.

Соскин В. Л. Российская советская культура (1917–1927): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.

Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920–1930-е гг.) : кол. монография. Новосибирск, 2013.

Теории социальной стратификации // Grandars.ru : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/teorii-socialnoy-stratifikacii.html> (дата обращения: 09.01.2016).

Терехов В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003.

Токарев В. А. Рецензия: Коньшева М. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток. М. : ЛЕЛАНД, 2011 // Историческая экспертиза : сайт [Электронный ресурс]. URL: istorex.ru/.../tokarev_va_retsenziya_konisheva_ev_meerovich_mg... (дата обращения: 20.01.2016).

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки: проблемы города будущего. М., 1980.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М., 2006.

Эррен Л. Урал как кладбище «социалистических городов». Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. Челябинск, 2003. С. 151–163.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995.

Tajfel H., Turner J. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986. P. 13–23.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ НОВОГО СОВЕТСКОГО КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА*

В статье на примере города Севастополя 20–30-х гг. XX в. рассматриваются различные механизмы конструирования нового советского культурно-исторического городского пространства. Особое внимание автор статьи уделяет роли музеев и памятников в данном процессе. Предпринята попытка выявить специфику процесса формирования нового советского культурно-исторического пространства именно в городе Севастополе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конструирование, культурно-историческое пространство, музеи, памятники, Севастополь.

Культурно-историческое пространство любого города складывается под воздействием множества самых различных факторов. Часть из них уже хорошо исследована в отечественной и зарубежной научной литературе [Рыженко, Назимова, с. 66–85 и др.]. Однако процессы, происходящие в современном социуме, требуют более глубокого понимания механизмов конструирования такого пространства, определения объективных и субъективных границ развития этого процесса, его исторически близких и далеких последствий. Именно поэтому исторический опыт формирования нового советского городского культурно-исторического пространства, накопленный в СССР в 20–30-е гг. XX в., представляет сегодня, не только теоретический, но и практический интерес.

Город Севастополь всегда занимал особое место в военной и культурной истории России. В XX в. он не раз становился площадкой для смелых социальных экспериментов. Один из таких экспериментов был проведен в Севастополе в 1920–1930-е гг. Инициатором формирования новой советской культурной реальности были представители столичной политической и интеллектуальной элиты. Динамика этих процессов и некоторые формы практической реализации новой культурной политики советского государства имели в Севастополе свою специфику. Во многом эта специфика была связана с особенностями формирования и развития

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-01-00219.

городского культурно-исторического пространства Севастополя в конце XIX – в начале XX в. К числу наиболее значимых таких особенностей, на наш взгляд, можно отнести развитие города как крупнейшей военноморской базы России на Черном море; масштабные последствия осады Севастополя 1854–1855 гг.; революционные события 1905 г. и тяжелые последствия Гражданской войны, создавшие все вместе в Севастополе начала 1920-х гг. очень своеобразную ситуацию. С одной стороны, после всех революционных и военных потрясений системообразующими элементами городского культурно-исторического пространства по-прежнему оставались памятники и музеи, связанные с событиями Крымской войны, а именно Панорама обороны Севастополя 1854–1855 гг., Малахов курган, Памятник затопленным кораблям, памятник П. С. Нахимову. В результате, как и в дореволюционном Севастополе, где, по справедливому замечанию И. И. Рудинской, «героизировались» не отдельные объекты, а само пространство города [Рудинская], так и в постреволюционном Севастополе сохранилась уникальная ситуация, когда весь Севастополь был по сути дела одним «местом памяти». То есть тем, что, по словам П. Нора, «скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления» [Нора].

С другой стороны, революционные события 1905 и 1917 гг., трагические события Гражданской войны, с точки зрения многих представителей новой советской власти, должны были получить правильное визуальное воплощение на территории города. Необходимость создания новых революционных памятников и музеев, то есть новых «мест памяти», была неоднократно озвучена представителями новой политической элиты страны.

В начале 1920-х гг. в Севастополе «стартовал» процесс создания таких памятников и своеобразной интеграции новых элементов в уже существующую культурно-историческую реальность. Важная роль в этом процессе отводилась Севастопольскому комитету по делам музеев. В ноябре 1920 г. заведующим этим комитетом был назначен директор Херсонесского музея Л. А. Моисеев. Комитет, помимо Херсонесского музея, управлял Музеем Л. Н. Толстого, Музеем Севастопольской обороны (Историческим бульваром и Панорамой), в его ведении находились Малахов курган и бастионы, исторические кладбища Северной стороны, памятники Балаклавы, Байдарской долины и т. д.

3 января 1921 г. начался процесс переименования улиц Севастополя, который стал одним из ключевых элементов конструирования нового

культурно-исторического городского пространства. Из употребления подлежали изъятию названия, в которых были слова «офицер, мичман, адмирал», имена выдающихся государственных и городских деятелей прошлого, а также названия с именами апостолов и святых Русской Православной Церкви. Ненужными оказались названия полков, оборонявших город в 1854–1855 гг., а также названия, рассказывавшие о победах Черноморского флота в прошлом. Взамен старых названий предлагались новые с именами основоположников новой идеологии, революционных деятелей, подпольщиков, вождей коммунистической партии. Решением Севастопольского ревкома были переименованы: Графская пристань – в пристань III Интернационала, улица Екатерининская – в улицу Ленина, улица Католическая – в улицу Шмидта, Корниловская площадь – в площадь Фрунзе, Нахимовский проспект – в проспект Троцкого (с 1929 г. проспект Фрунзе) и т. д. В общей сложности по решению ревкома были переименованы 34 улицы и площади Севастополя [Милодан]. Показательно, что этот процесс продолжался и в 30-е, и в 60-е гг. XX в. Самой «пострадавшей» оказалась площадь Нахимова, название которой в общей сложности в XX в. менялось пять раз.

11 августа 1921 г. председатель Крымревкома М. Поляков подписал специальный приказ о национализации музеев и памятников культуры, согласно которому были объявлены собственностью республики все художественные, исторические и бытовые памятники прошедших культур, в частности по Севастопольскому уезду («...херсонесское городище с музеем, исторический бульвар с панорамой и все исторические памятники Севастопольского района...») [Севастополю 200 лет, с. 166]. В сентябре 1924 г. президиум Севастопольского райкома РКП(б) провел совместное совещание с президиумом Всекрымской конференции работников ОХРИСа по итогам которого было принято постановление о необходимости создания в Севастополе научно-краеведческого и художественного музеев. В постановлении в частности говорилось: «1. Признать необходимым создание в Севастополе научно-краеведческого музея и открыть при нем выставку древностей Херсонеса и революционного отдела. Впредь до приискания для краеведческого музея более подходящего помещения оставить его в прежнем помещении толстовского музея. 2. Признать целесообразным открытие художественного музея в Севастополе как в рабочем центре. 3. Ликвидировать прежний толстовский музей, причем часть коллекции перевести в музей обороны и часть в Московский толстовский музей» [Севастополю 200 лет, с. 178].

При этом самым популярным в Крыму музеем по-прежнему оставалась Панорама обороны Севастополя 1854–1855 гг. В 1924 г. Панораму посетили 51 376 посетителей [Терновский, с. 94]. Но содержание экспозиции панорамы с точки зрения властей «не соответствовало духу времени» и «должно было быть подвергнуто основательной реорганизации» [Акимченков, с. 66]. Проблемы такой реорганизации активно обсуждались на страницах местной печати, где все чаще «звучала» следующая точка зрения. «Что в Панораме видит рабочий человек? С помещения сняты все царские эмблемы, но все же само полотно сохраняет оттенок борьбы за Веру, Царя и Отечество. Горящие свечи у икон, батюшка с крестом, умирающий офицер со склонившимися фигурами сестер милосердия и нижних чинов. А ведь в рабочем картина должна будить другие настроения. Необходимо при входе поместить краткие лозунги, характеризующие царизм, крупно написанную памятку причин войны, обрисовать условия службы “николаевского солдата”...» [Алтанбаева, с. 136].

В 1926 г. Панорама была закрыта на реставрацию. В это же время директором Херсонесского археологического музея К. Э. Гриневичем был составлен первый советский путеводитель по Панораме. Он был построен на основе новых принципов организации музейного дела, которые К. Э. Гриневич не только сформулировал, но и активно отстаивал в Севастополе. По мнению К. Э. Гриневича, музей должен был давать «марксистски выдержанное знание определенного объема», должен был быть «самоговорящим», должен был стать центром научно-исследовательской работы. Любая деятельность музея должна была быть увязана с задачами социалистического строительства. Такой подход полностью соответствовал новой культурной политике советского государства, главные особенности которой уже подробно проанализированы в отечественной научной литературе [Загребин и др.]. Путеводитель открывался важным заявлением автора: «Севастополь является одним из самых интересных экскурсионных мест, где каждый может почувствовать “полет времени”, изучить основные законы развития человеческого общества» [Гриневич, с. 1]. Тема закономерности событий, произошедших в Севастополе 6 июня 1855 г., была для К. Э. Гриневича одной из самых важных. Из путеводителя К. Э. Гриневича читатель мог узнать «социально-экономическое введение к событиям 1854–1855 гг.», «календарь событий военной схватки 1854–55 годов», а также историю создания «картины проф. Рубо». Заканчивалась брошюра К. Э. Гриневича выводом, который, на наш взгляд, очень ярко отражает главные особенности нового «правильного» социалистического восприятия событий 1854–1855 гг.,

важную роль в формировании которого должна была сыграть именно Панорама. Зритель, оказавшийся на краю балкона Панорамы, считал К. Э. Гриневич, должен был «понять всю трагедию буржуазной культуры, зашедшей в тупик самоистребления и посылающей обманутых буржуазией сыновей рабочих и крестьян класть свои головы за торжество своего национального капитала». С этой точки зрения, утверждал К. Э. Гриневич, «картина Рубо не потеряла своего значения и в современной советской обстановке. Она может служить наглядной пропагандой против бойни, против бессмысленного самоистребления вместо содружной совместной работы Интернационала на благо всего человечества» [Гриневич, с. 12]. Именно такая трактовка событий 1854–1855 гг., подкрепленная удивительным с художественной точки зрения мастерством Ф. А. Рубо и его учеников, должна была закрепиться в сознании советских граждан, посещавших Панораму.

23 мая 1926 г. после долгой реорганизации был открыт Военно-исторический музей. В него была перенесена большая часть материалов Севастопольского музея краеведения, которые разместили по принципу общественно-экономических формаций. Материалы экспозиции сопровождалась плакатами с изречениями из сочинений классиков марксизма и В. И. Ленина. Как подчеркивал В. В. Акимченков: «Это явилось лишь первым шагом на пути преобразования Музея севастопольской обороны в Военно-исторический музей» [Акимченков к истории, с. 4]. Безусловно, речь шла не только об изменении названия одного из первых Севастопольских музеев, созданных еще в XIX в., но и об изменении самой концепции музейного пространства, всей идеологии выставочной деятельности музея. Примечательно, что организационно в этот период Панорама подчинялась наркомату просвещения Крымской АССР, так же как Военно-исторический музей и Картинная галерея. В свою очередь, Государственный Херсонесский историко-археологический музей и Севастопольский музей краеведения работали на принципах самоокупаемости и существовали на доходы от своей экскурсионной деятельности. Такая система управления точно отражала основные приоритеты новой государственной культурной политики, в рамках которой особое внимание государство уделяло вопросам именно военной истории, справедливо полагая, что сюжеты этой истории смогут стать наиболее эффективным средством патриотического воспитания населения в условиях его подготовки к новой войне.

В 1930-е гг. численность посетителей Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг. стала стремительно расти. В 1932 г. панораму посетили

182 347 человек, в 1935 г. – 236 507, а в 1938 г. – 239 940. Панорама получила широкую известность не только в СССР, но и за его пределами. Показательны те отзывы, которые некоторые посетители оставили в книге отзывов панорамы. Они свидетельствуют о том, что постепенно акценты в восприятии событий, показанных в панораме, стали смещаться от антивоенной и революционной проблематики в область формирования нового советского патриотизма, который должен был конструироваться на основательной исторической базе. «Мы хотим быть такими же смелыми, стойкими и решительными, как славные герои, мужественные защитники нашего Севастополя. Мы будем такими!» – писали учащиеся одной из севастопольских школ в своем отзыве [Терновский, с. 94].

Вместе с тем административное и идеологическое давление на музей Севастополя в 30-е гг. XX в. заметно выросло, что привело к существенным изменениям в работе всех музеев города, в том числе и Панорамы. Одним из результатов практической реализации в регионе новой культурной политики советского государства стало возникновение Севастопольского музейного объединения. В постановлении наркомата просвещения Крымской АССР от 29 июля 1928 г. было сказано, что «с развитием курортного, санитарного, экскурсионного дела в Крыму, Севастополь в силу своего географического положения, как пропускной пункт, через который ежедневно проходят значительные массы трудящихся, должен взять на себя культурное обслуживание всех, кто по условиям транспорта задерживается здесь на тот или иной срок». Объединение севастопольских музеев в рамках одной организационной структуры, с точки зрения авторов этой идеи, должно было помочь «предотвратить нежелательные параллелизмы в работе отдельных музейных учреждений», «устранить упущения в использовании того или иного материала в силу недоговоренности между отдельными музеями», добиться значительного «сокращения расходов по управляющему аппарату», координировать хозяйственную и организационную работу, объединить, группируя вокруг единого музейного центра, культурные и научные силы города» [Акимченков, с. 77].

В состав Севастопольского музейного объединения вошли: Военно-исторический музей, Государственный Херсонесский историко-археологический музей, Севастопольский музей революции, Севастопольская картинная галерея, Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.», Севастопольский музей краеведения, Музей пещерных городов. Уникальность такого музейного объединения заключалась еще и в том, что оно позволяло представить в различных экспозициях на небольшой терри-

тории почти все основные этапы развития истории страны и таким образом сформировать у посетителей музеев целостную картину прошлого, выделив в ней особую роль Севастополя как одного важнейших российских военно-морских портов, города-крепости, города, связывающего воедино различные исторические эпохи. Изменение концепции музейного строительства в Севастополе в сторону его централизации и унификации привело к ликвидации ряда значимых музеев досоветского периода, например дома-музея Л. Н. Толстого, и заметной политизации реорганизованных музейных экспозиций. Со временем это способствовало тому, что «специфика и самобытность каждого из музеев исчезли, а их экспозиции стали шаблонными, представляя собой набор диаграмм и марксистских изречений» [Акимченков, с. 81].

Особенно болезненно это трансформация происходила в севастопольском Военно-историческом музее, который из учреждения, посвященного истории Крымской войны, к началу 1930-х годов «превратился в музей, главной задачей которого становился сбор разнообразных материалов о войнах и их использовании в качестве орудия пропаганды». Не случайно в 1931 г. Военно-исторический музей был переименован в Музей Красной армии и Флота. Но вскоре он вновь был реорганизован, став Музеем Крымской войны. На протяжении 1939 г. музей посетило более 40 тысяч человек.

Борьба с памятниками дореволюционного Севастополя проходила в городе в несколько этапов. Часть памятников пострадала еще в годы Гражданской войны. А в середине 1920-х годов в городе был поднят вопрос о демонтаже памятников адмиралам М. П. Лазареву и П. С. Нахимову. Как справедливо заметил В. В. Акимченков: «Обилие в городе монументов, воздвигнутых в честь героев Первой обороны города 1854–1855 гг. и напоминающих современникам о мощи и величии Российской империи, вызывало раздражение в среде местных партийных кругов и определенной части общественности» [Акимченков, с. 67]. Особое раздражение у борцов с «наследием прошлого» вызывал именно памятник П. С. Нахимову. Расположенный у входа в город со стороны моря памятник создавал для многих сторонников пролетарского интернационализма серьезную политическую проблему, так как, по мнению этих людей, оскорблял чувства турецких трудящихся (речь шла о национальных турецких знаменах, которые были включены в композицию памятника и которые «попирал» П. С. Нахимов). Первая попытка снести памятник была предпринята в 1924 г., но закончилась неудачей. Однако в 1928 г. в соответствии с декретом СНК от 15 апреля 1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых

в честь царей и их слуг» и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции», памятник все-таки был демонтирован и в итоге переплавлен. Гранитный постамент памятника был забит досками, а в дальнейшем на нем установили памятник В. И. Ленину. Предполагалось подвергнуть реконструкции и ряд других главных памятников Севастополя. Так возникла идея демонтировать царскую корону на Памятнике затопленным корабля, чтобы заменить ее звездой, подобной кремлевским звездам, с электрическим освещением [Акимченков, с. 69]. Но эта идея так и не была реализована.

Зато местным партийным и комсомольским органам, общественным организациям удалось развернуть мощную кампанию по сбору средств на создание памятника В. И. Ленину. В конце 1920-х годов «проблема памятников города стала одной из главных в общественно-политической жизни Севастополя» [Акимченков, с. 69]. Показательно, что среди защитников старых памятников оказались экскурсоводы Общества пролетарского туризма и экскурсий Н. К. Кничер, М. М. Соколов и др. В начале 1932 г. скульптуру В. И. Ленина, выполненную В. В. Козловым, установили на постаменте памятника П. С. Нахимову.

Главными новыми праздниками Севастополя стали праздники, связанные с годовщинами пролетарской революции, юбилеи, связанные с освобождением города и Крыма в целом в годы Гражданской войны, дни рождения высших партийных и советских руководителей и т. д. Основным элементом городских праздников были шествия и демонстрации, митинги и выставки, лекции и вечера. Севастопольская специфика таких праздников определялась в первую очередь тем, что город был базой Черноморского военно-морского флота, корабли и экипажи которого принимали активное участие в большинстве праздничных мероприятий.

Изменения, произошедшие в развитии музейного дела в Севастополе в 1920–1930-е гг., новые памятники, появившиеся в городе в это время, новые праздники, которые стали отмечаться в этот период существенно трансформировали культурно-историческое пространство Севастополя, придав ему удивительный постреволюционный социалистический характер. Вместе с тем следует признать, что попытка конструирования новой культурно-исторической реальности оказалась не столь успешной, как предполагали ее авторы и сторонники. В городе не просто остались многие памятники и музеи дореволюционного прошлого. Они по-прежнему были популярными у жителей и гостей города, сохраняя дореволюционную культурно-историческую традицию, уничтожить которую до конца сторонникам самых радикальных социальных экспериментов

так и не удалось. Эта традиция была включена в новый политический и культурный контекст, трансформирована и использована новой властью в своих интересах. Даже в середине 50-х гг. XX в., когда Севастополь вновь был открыт для посещения отечественными и зарубежными туристами, Панорама, Малахов курган, Памятник затопленным кораблям входили в большинство маршрутов, предлагаемых «гостям» города [ГАГС. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 262. Л. 1–6].

«Севастопольский эксперимент» убедительно показал, что конструирование новой социальной реальности без учета и перестройки старой культурно-исторической традиции невозможно. Именно эта традиция задает важные объективные границы социального эксперимента, нарушение которых может привести к гибели всего социума. Среди других факторов, влияющих на определение таких границ, следует назвать внешнеполитический фактор, степень экономической и социальной стабильности общества, уровень грамотности населения и т. д. Показательно, что новые памятники и музеи Севастополя, созданные в 1920–1930-е гг., как и памятники и музеи дореволюционного города были практически полностью уничтожены в годы Великой Отечественной войны, но восстановлены уже вскоре после ее окончания, доказав возможность возрождения культурно-исторического пространства города даже после масштабных социальных катастроф. На наш взгляд, этот факт является убедительным подтверждением тезиса о том, что это пространство имеет очень сложную природу и структуру, которая включает в себя не только материальные объекты.

Акимченков В. В. В борьбе за советский патриотизм: Севастопольское музейное объединение (1928–1940) / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. М. ; Симферополь, 2015.

Акимченков В. В. К истории военно-исторического музея Севастополя в конце 20-х – 30-е гг. XX века // Учен. записки Тавр. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2013. № 2. Т. 26 (65). С. 3–14.

Алтанбаева Е. Б. Марш энтузиастов: Севастополь в 1920–1930 гг. Севастополь, 2008.

ГАГС. Ф. Р-183 (Управление культурой Севастопольской городской государственной администрации 1953–2006).

Гриневич К. Э. Панорама обороны Севастополя: [Социально-экономическое введение к событиям 1854–1855 гг. Календарь событий. Описание штурма 6 июня 1855 г. и картины на эту тему профессора Рубо]. Севастополь, 1926.

Загребин С. С. Культурная политика российского государства (общенациональные доминанты и региональные особенности). Челябинск, 2006.

Милодан В. А. «Репрессированным» улицам – амнистию // Севастопольская правда. 1992. 19 декабря.

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб., 1999. С. 17–50 // Энциклопедия культур Deja vu : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Руцинская И. И. Историко-культурные достопримечательности как места памяти в России второй половины XIX – начала XX вв.: региональный масштаб // Социокультурное регионоведение. Центр по изучению взаимодействия культур : публикации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionalstudies.ru/publication/article/190-l-g-xix-xx-.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Рыженко В. Г., Назимова В. Ш. Историко-культурологические подходы к изучению российского города XX века (к проблеме преемственности в науке) // Городская культура Сибири: традиции и новации : сб. науч. тр. Новосибирск, 2002. С. 66–85.

Севастополю 200 лет. 1783–1983 : сб. документов и материалов. Киев, 1983.
Терновский Г. В. Памятник народного подвига. Симферополь, 1956.

УДК 94(47).084.3:365

И. В. Упоров

ПРОЕКТЫ РЕШЕНИЯ ЖИЛИЩНОЙ ПРОБЛЕМЫ ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются попытки решения жилищной проблемы для пролетариата в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. Отмечается, что на революционной волне возникли грандиозные проекты городов-садов и трудо-бытовых коммун. Однако, будучи сами по себе интересными с архитектурной и функциональной точек зрения, они не выдержали испытания суровой реальностью и были свернуты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция, пролетариат, жилищная проблема, город-сад, трудо-бытовая коммуна, жилье.

События Октябрьской революции 1917 г. и приход к власти большевиков создали в России обстановку, когда при организации общественно-го бытия ломались многие привычные для того времени представления и выдвигались невероятные, порой просто фантастические проекты в самых разных сферах социально-экономической жизни. Многие из этих

проектов создавались на волне невероятной силы общественной энергии, зачастую без учета реальных условий, в которых находилась страна, и поэтому их можно сравнить с внезапно вспыхнувшими и столь же быстро затухшими яркими звездами на общественном небосклоне. Это касалось и проекта по созданию нового, невиданного доселе жилища для пролетариата.

Разумеется, жилищный проект (как и абсолютное большинство иных социально значимых социальных проектов первых лет советской власти) основывался на постулатах, которые, будучи выдержанными в духе учения Маркса, еще в начале XX в. были включены в Программу РСДРП(б) и затем продекларированы в первых же актах советской власти. Так, в Программе РСДРП(б), принятой в 1903 г., указывалось, что, «заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою» [Программа, с. 420].

Эти и другие политико-идеологические установки находили отражение во многих советских законах, и в этом смысле большевики были достаточно последовательны. Так, 10 ноября 1917 г. был издан Декрет СНК РСФСР и ВЦИК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», где, в частности, предписывалось: «Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются <...> Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики <...> Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям ... Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений» [Декрет СНК РСФСР и ВЦИК, с. 72]. А в Декларации прав народов России от 2 ноября 1917 г. говорилось о полном раскрепощении всех ранее состоявших в низших социальных стратах лиц: «Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю – она упразднена. Раскрепощаются солдаты

и матросы от власти самодержавных генералов, ибо генералы отныне будут выборными и сменяемыми. Раскрепощаются рабочие от капризов и произвола капиталистов, ибо отныне будет установлен контроль рабочих над заводами и фабриками. Все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков. Остаются только народы России, терпевшие и терпящие гнет и произвол, к раскрепощению которых должно быть приступлено немедленно, освобождение которых должно быть проведено решительно и бесповоротно» [Декларация, с. 41]. Были приняты также декреты «О национализации предприятий», «Об отмене права наследования» и др., коренным образом изменившие институт собственности и социальное расслоение населения России.

От таких законов, впервые в российской истории провозглашавших социальное равенство трудящихся и, нельзя не признать, во многом отражавших принцип социальной справедливости (в понимании большинства населения России того времени), очевидно, происходило определенное общественное головокружение. В жилищной сфере исходная позиция заключалась в том, что представители высших и относительно состоятельных слоев общества (аристократы, промышленники, чиновники, военачальники, профессура и др., включая, конечно, и семьи) проживали в своих особняках, добротных квартирах, в то время как абсолютное большинство рабочих (пролетариат) в лучшем случае снимали жилье в доходных многоэтажных домах в городской черте, где коммунальные условия были относительно неплохими, а по общему правилу ютились в заводских (фабричных) неблагоустроенных поселках как придатках промышленных предприятий в небольших неказистых домиках и бараках (из дерева и/или кирпича) с удобствами во дворе.

И вот согласно ст. 5 Декрета «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах» от 20 августа 1918 г. было определено, что «все городские земли и строения, которые соответственно сему декрету изымаются из частной собственности, передаются в распоряжение органов местной власти» [Декрет ВЦИК]. Начался известный процесс уплотнения жилья, причем в Москве и Петрограде вселение пролетариев в жилье, принадлежавшее «буржуйам», наблюдалось практически сразу после Октябрьской революции (это явление классически описано в «Собачем сердце» М. А. Булгакова).

Однако нам важнее подчеркнуть, что обнажившаяся с первых дней после революции жилищная проблема (ведь теперь по принципу социального равенства нужно было предоставлять только благоустроенное жилье, которого в нужном объеме не было физически) стала находить

«революционное» решение, а именно в устройстве социалистических городов-садов и трудо-бытовых комунн, которые должны были стать основой жилья для пролетариев. Так, в созданной в начале 1918 г. Архитектурно-художественной мастерской Строительного отдела Моссовета (во главе с И. В. Жолтовским и А. В. Щусевем) решалась задача «распределения территории г. Москвы на фабричные районы, сады-города, торговые центры и пр.». Аналогичным образом решались вопросы в Петрограде, где архитекторы разработали программу «Большого Петрограда», направленную на превращение Петрограда и малых городов губернии в города-сады [Меерович, 2007, с. 17; Близнакова, с. 53–89].

В газете «Правда» было опубликовано сообщение о проектировании поселков-садов для рабочих под Москвой: «В президиум Московского Совета поступил проект комиссара Елизарова об устройстве поселков-садов для рабочих. Согласно проекту поселки должны быть начаты постройкой еще зимой, с таким расчетом, чтобы к весне можно было переселить туда часть рабочих Москвы с их семьями. Президиум взял на себя инициативу выработки плана постройки поселков-садов для рабочих в близких районах, например в Марьиной Роще, Сокольниках, на Воробьевых горах и др. Подробный проект постройки поселков-садов вокруг Москвы будет представлен Московским Советом Совнаркомом для исходящего тαιствования необходимых средств» [Правда, 1918]. Эти проекты были тут же отнесены к разряду «срочных». Поражает, конечно, самоуверенность советской власти в целом и московской в частности в отношении реальности проекта города-сада – не будем забывать, что в те месяцы советская Россия отнюдь не испытывала экономического подъема, и, более того, в результате постреволюционных событий имел место серьезный экономический спад. Но, вероятно, опьяненные творческой неограниченной свободой, революционными перспективными масштабами, архитектуры и поддерживавшие их на первых порах местные руководители все более и более отрывались от земли.

Такого рода жилищный проект заинтересовал железнодорожников – в 1918 г. при всероссийском профсоюзе железнодорожников (Всепрофжель) был учрежден Центрально-жилищный отдел, который в целях решения жилищной проблемы рабочих-железнодорожников организовал разработку программы возведения поселков-садов. Интересна социальная сторона программы, которая совмещала в себе, с одной стороны, положения уставов европейских товариществ и с другой – принципы коммунистического быта и реалии складывающейся системы государственного управления жилищем [Меерович, 2007, с. 24]. В частности, в программе

указывалось: «Отдельный член не может иметь никакой частной собственности: вся земля, дома, движимое имущество и т. п. все это должно находиться в общем пользовании всех членов и отпускаться и распределяться с поселкового склада. Права и обязанности всех членов равны <...> Управление поселками-садами возлагается на Коллегию, члены которой выбираются из своей среды всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием на Общих Собраниях, которые ведают всеми делами поселка по выработанным правилам и за правильность их ответственны перед Центральным Жилищным Отделом <...> Несогласия между членами поселков-садов должны оканчиваться дружественными соглашениями при Конфликтных Комиссиях» [Там же, с. 28]. В 1919 г. инициатива профсоюза была трансформирована в плановые работы НКПС, для чего был создан Центральный жилищно-строительный отдел, где велась разработка проектов и смет поселков и городов-садов для рабочих [РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 42. Д. 23. Л.7]. Подобным же образом государственное объединение машиностроительных заводов ВСНХ также решило приступить к постройке новых поселков по этому типу. Города-сады заинтересовали и некоторые регионы. Так, весьма оригинальным был проект поселка-сада на юге Самарской губернии, который должен был соединить в себе: фермы, огородно-садовый пояс, сельскохозяйственное производство, способное прокормить население города в 3 000 чел., постоянные промышленные предприятия, в частности большой кожевенно-обувной завод. Коллегия Отдела градоустройства, которая рассматривала данный вопрос, отмечала, что «организация таких городов промышленно-кооперативного типа является в высшей степени желательной <...> соединение большой промышленности, сельского хозяйства и города-сада на кооперативных началах представляет значительный интерес» [Там же. Ф. 2261. Оп. 1. Д. 119. Л. 4].

Следует заметить, что одной из причин того, что именно принципы города-сада были выбраны в качестве концептуально-теоретической базы проектирования, была не только популярность этой идеи, пропагандируемой через периодическую печать, но и в значительной степени предпочтения самих архитекторов, которые обосновывали необходимость проектирования поселков именно по образцу городов-садов. При этом активную роль в проектировании и возведении поселений-садов играли органы жилищной кооперации. Возникнув в первые послереволюционные годы, они в период НЭПа занимали достаточно активную и независимую от указаний власти позицию, используя любые законодательные возможности для достижения уставных целей – обеспечения своих

членов жилищем. Концепция города-сада подходила им во всех отношениях. Будучи откорректированной по численности населения (с 32 тысяч расчетной численности населения города-сада до 2–3 тысяч населения советского кооперативного поселка-сада), она представляла собой обособленный поселок-сад с индивидуальным жилищем, приусадебными участками для ведения домашнего хозяйства, обобществлением отдельных форм обслуживания (и самообслуживания), коллективными формами управления и т. д. [Меерович, Рождение и смерть, с. 62].

У власти, нужно признать, хватило энергии не только для проектирования поселков-садов, но и для начала реализации некоторых проектов, при этом, конечно же, движущей силой были усилия потенциальных жителей (как правило, членов жилищных кооперативов) таких чудо-городков, веривших в реальность проектов, несмотря на сложное общественно-политическое, экономическое, военное положение, и делавших все, чтобы заполучить столь желанное сказочное жилье. Но попытки реализовать проекты стали наталкиваться на разного рода препятствия. В частности, технология строительства в силу низкой квалификации привлекаемых строителей часто нарушалась, что снижало качество работ. Так, здания поселка-сада «Сокол», в котором возведение первых 12 домов началось в августе 1923 г., к июню 1927 г. уже успели частично прийти в негодность – обследование, проведенное летом 1927 г., показало, что деревянные каркасно-засыпные конструкции и обшивка 12 зданий были поражены и почти полностью разрушены грибом [Череди́на, с. 51].

Между тем власть, поначалу поддерживавшая архитектурно-строительное направление, связанное с возведением городов-садов, довольно быстро охладела к этой идее. Так, на учредительном заседании по возрождению в России общества городов-садов (30 июня 1922 г.) под председательством заместителя народного комиссара здравоохранения Соловьева организаторы общества на слова о том, что «революционный пролетариат, творящий новую коммунистическую культуру, должен реализовать великие идеи рационального градоустройства в пользу устройства городов-садов», неожиданно услышали резкую критику со стороны прежде всего ГУКХ НКВД, а также коммунальных отделов исполкомов. При этом речь идет о несогласии не с самой идеей, а с ее наполнением. Так, критиковалось устройство городов-садов по типу английских городов-садов, поскольку это воспроизводило «буржуазный индивидуализм», планировочно воплощенный в «формуле»: «одна семья – индивидуальное жилище» (коттедж или отдельная квартира), что оказывалось несовместимым с советскими установками, ибо «индивидуализм является наследием

старого общества» [Меерович, Социально-культурные основы..., с. 199]. Критически не менее, а может, и более остро был поставлен вопрос в финансовом и политическом плане: «если общество рассчитывает на правительственные субсидии, то их использование – это дело главного государственного субъекта хозяйственного ведения и распоряжения жилищем и главного организатора возведения новых населенных мест, т. е. ГУКХ НКВД, и не следует дублировать функции и расплывать средства на содержание сомнительных общественных организаций. А если Российское общество городов-садов – скрытая альтернатива функциям коммунальных дел, то это тем более недопустимо, причем уже не только с организационной, но уже и с политической стороны» [Там же, с. 200]. При такой позиции перспективы у жилищной кооперации не просматривалось, тем более, что среди членов жилищных кооперативов пролетариев было не так уж и много.

К тому же в этот период уже сложились концептуальные представления официальной власти о том, какими должны быть поселения «особого социалистического типа», позволяющие решать жилищную проблему для пролетариата. В социально-организационном аспекте они должны были основываться на принципах трудо-бытовых коммун. В территориальном – на дифференциации поселений на части: производственную, где локализируются промышленные объекты, и селитебную, где должны проживать производственно-бытовые коллективы. В управленческом плане предусматривалось членение селитебной территории города на управляемые административно-территориальные единицы, составными элементами которых выступали производственно-бытовые коллективы. В градостроительном плане речь шла об объединении коммунального жилища в единое планировочное целое в виде жилых комплексов-коммун или кварталов-коммун. При этом планировку квартир в многоэтажных секционных домах предлагалось делать таким образом, чтобы в квартире не было проходных комнат, чтобы все комнаты имели отдельный вход из передней и т. п., что позволяло с меньшими неудобствами заселять в каждую комнату по одной семье [Меерович, 2003, с. 46–48].

На этом фоне проекты городов-садов уже не устраивали власть, поскольку жилые дома, сооружаемые жилищной кооперацией, имели характер частной собственности. Но и официальная идея построения жилья для пролетариата в виде трудо-бытовых коммун также оказалась эфемерной – на это просто не хватало ни организационно-управленческих, ни, главное, финансовых ресурсов. И фактически, начиная с конца 1920-х гг., городские власти предпочитали предельно экономичные кирпичные дома

в четыре-пять этажей с простейшей планировкой, то есть именно тогда было положено начало будущим «хрущевкам», разница заключалась лишь в масштабах строительства. И тем самым первоначальные проекты городов-садов и трудо-бытовых коммун, появившиеся на революционной волне и сами по себе бывшие действительно интересными и новыми, были преданы забвению.

Близнакова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918–1933 годы // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история : монограф. сб. М., 2001. С. 53–89.

Декларация прав народов России от 02.11.1917 г. (от имени Республики Российской подписана Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным) и Народным комиссаром по делам национальностей И. Джугашвили-Сталиным) // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40–41.

Декрет ВЦИК от 20.08.1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах» // СУ РСФСР. 1918. № 62. Ст. 674.

Декрет СНК РСФСР и ВЦИК от 10.11. 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 72.

Меерович М. Г. Очерки истории жилищной политики в СССР и ее реализации в архитектурном проектировании. 1917–1941 гг. Иркутск, 2003.

Меерович М. Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск, 2004.

Меерович М. Г. Рождение и смерть советского города-сада. М., 2007.

Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.) : дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

Правда. 1918. 14 ноября.

Программа Российской социал-демократической рабочей партии (принята II съездом партии 1 августа 1903 г.) // Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 418–424.

РГАЭ. Ф. 1884 (Министерство путей сообщения (МПС СССР); Ф.2261 (Управление городского и сельского строительства (Угорсельстрой) Комгосоора ВСНХ).

Чередина И. С. Московское жилье конца XIX – середины XX века. М., 2004.

УДК 94(47).084:008

Г. Г. Ершова

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Период после Октябрьской революции 1917 г. продемонстрировал сложность не только в удержании власти, но прежде всего в сохранении целостности социума. Новая власть, движимая эклектичной идеологией, получила рычаги построения нового общества, но столкнулась с глухим непониманием и сопротивлением со стороны народа, который предпочитал ничего не менять, был способен разрушать, но оказался не готов к трансформациям и созиданию. Не случайно практически сразу после утверждения власти на всей огромной территории страны начинается процесс культурной революции – изменения мышления с целью интегрировать не стремящийся к переменам народ в новую социальную систему. Культурная революция предполагала не только смену идеологии, но и формирование новых идеалов и целевых установок. Причем эту задачу приходилось реализовывать в условиях страны с множеством культур и укладов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия, Октябрьская революция, антропосистема, социальная трансформация, смена идеологии, культурная революция.

В 100-летие Октябрьской революции необходимо вновь обратиться к опыту прошлого, чтобы понять многогранную сущность и последствия столь масштабного феномена. Прошедший достаточно долгий даже с исторической точки зрения период, как и опыт не столь давних социальных потрясений в России, связанных с разрушением заложенной век назад социальной системы, позволяет делать некоторые выводы о принципах формирования этой системы и обеспечения ее устойчивости. В данном случае речь идет исключительно о реакции и действиях социума в условиях навязанной смены власти.

Следует обозначить несколько ключевых моментов, которые позволяют рассматривать стремящийся к целостности и развитию (или фрагментации и исчезновению) социум как некое множество разрозненных личностей и групп, оказавшихся в единых условиях политико-территориального образования и имеющих особые интересы, собственный алгоритм действия, основанный на индивидуальной поисковой активности.

1. Методологический подход к оценке цивилизационных процессов. Как известно, история человечества, в любой из форм ее представления, кроме линейно-хронологической, предполагает наличие качественных изменений в области форм производства, экономики, науки и технологий, социального устройства, системы власти. Кроме того, в характеристики активно включается такой компонент как идеология, представленная на более ранних и длительных этапах исторического процесса религией. Исходя из перечисленных параметров и их обобщений, постоянно дискутируется вопрос о систематизации и деноминации известных исторических этапов. Это были «стадии», «формации», «системы», «эпохи», и, наконец, просто «периоды».

2. Психологический индивидуально-социальный аспект деятельности участников исторического процесса. Проблема развития системы и происходящих трансформаций предполагает такой важный элемент, который обычно именуют «смена эпох». У смены эпох главным признаком становится субъективное ощущение, констатация участниками процесса того факта, что правила игры изменились, и потому в этих новых условиях каждому необходимо приспособляться к новым стандартам. Однако каждый человек выбирает свою модель адаптации к сложившимся условиям: от восторженного принятия всего (что чаще свойственно незрелым личностям) до игнорирования происходящего и разной степени сопротивления инновациям и новым правилам. Помимо этого, модель адаптации может быть активной или пассивной. Пассивная модель адаптации (личности и группы) предполагает вынужденное согласие на участие в процессе по новым правилам, какими бы они не представляли, или же самоизоляцию, попытку дистанцироваться от происходящего по мере возможностей. Активная модель адаптации, ориентированная на изменение ситуации, может реализоваться как в добровольном созидательном участии в построении новообразованного общества и поиске в нем своего места, так и в целенаправленном активном сопротивлении, ориентированном на достижение некой иной, отличной от обозначенной властью цели.

3. Антропосистемный принцип развития исторических процессов. Еще одним важным фактором для оценки ситуации с участием конкретных

людей в проектах социальных трансформаций является антропосистемный фактор территориальной удаленности, о котором стоит говорить особо в силу его особой значимости для целостности системы в целом. В предыдущих публикациях неоднократно рассматривался вопрос о значимости территориального пространства для развития социосистемы. Следует отметить основные тезисы. 1. Без территории (энергоносителей) социум существовать не может. Территория должна быть подчинена системе коммуникации для реализации решений власти и мобильного управления. Территорию маркирует возникновение городов в качестве носителей прогрессивной модели мира. Все инновации появляются в столице и постепенно распространяются через города по всей территории. Город – носитель функции изменения состояния системы, тогда как село – носитель функции сохранения. И потому город является «рассадником прогресса», за которым эволюционно подтягивается село, сохраняющее предыдущую модель. Чем территория социума протяженней, тем сложнее процесс «подтягивания» удаленных регионов в отношении инноваций и технологий, включая социальные. В результате провинция выступает тормозом для инновационных процессов. В случае с реализацией в постреволюционной России культурной революции задача вовлечения удаленных сельских районов (преобладавших в стране) в процесс социальных трансформаций по определению представляла как чрезвычайно сложная [Ершова, с. 250–279].

В отношении Октябрьской революции существует большое количество исследований, посвященных анализу теоретических основ, целей и идеалов организаторов событий, политических дискурсов и политической борьбы, суровой исторической реальности, экономических проблем и поисков их решения, а также планов и реалий социальных преобразований. В событийном ряду, описывающем период 1918–1930-х гг., можно формально выделить несколько важных характеристик. Безусловно, в России существовала необходимость модернизации модели управления и производства, что тормозилось старыми элитами, а также необходимость в активной модернизации экономики и подготовке профессиональных несловесных кадров. В результате переворота инициаторами была реализована задача обеспечения условий трансформации управления страной, которая характеризовалась избыточной по отношению к количеству населения территорией; отличалась различными экологическими зонами, требующими особых форм хозяйственной адаптации; обладала многонациональным, разнорелигиозным и многоукладным населением. Население страны, по данным на 1914 г., в основном было сельским, и только

около 15 % проживало в городах [Статистический ежегодник..., 1914]. Разнотипные группы населения отличались различным уровнем культуры при большом проценте неграмотности. В 1911 г. только около 43 % всех детей посещало начальную школу [Объяснительная записка..., с. 187]. На рубеже столетий абсолютное большинство составляли люди, занятые в сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве – около 75 %, промышленностью и промыслами занималось около 10 %, прислуга оставляла около 5 %, в торговле было занято менее 4 % [Статистический ежегодник..., 1914]. Поэтому легко представить, что, когда революционное движение охватило преимущественно крупные города (т. е. менее 15 % населения), основная часть оставалась пассивной, даже не интересуясь происходящим. Население крупнейших промышленных городов – Петербурга и Москвы – превышало миллион жителей. В Киеве насчитывалось около 250 тыс., и всего около десятка городов переваливало за 100 тыс. жителей. При этом если пытаться оценить количество человек, реально принявших участие в революционных событиях, то оно существенно сократится. Во-первых, по возрастному признаку, так как категория наиболее активных лиц находится в диапазоне от 18 до 50 лет, что составляло около 40 % населения. Во-вторых, около половины составляли женщины, традиционно не принимающие активного участия в смутах. Приводимые данные приходится на довоенные годы. Война и революционная нестабильность, внутренняя и внешняя миграция только ухудшили показатели, кроме того, добавили огромную армию беспризорников – около 7 млн в 1922 г. (по данным МСЭ от 1931 г.), а также огромное количество необученной профессионально и незрелой молодежи, охотно вовлекшейся в переворот, войны и грабежи. Не говоря уже о том, что к 1918 г. новая система власти на месте разрушенной так и не выстроилась, число профессионалов сократилось, экономика и хозяйство системно пришли в упадок, оказались разрушены коммуникации и торговые связи.

Однако в 1918 г. власть большевиков, свергнув старую власть, художбно завершив участие в мировой войне, разобравшись с Гражданской войной и попытками интервенции, столкнулась с куда как более масштабной проблемой: как сдвинуть всю эту огромную инертную малограмотную массу населения, которой не были интересны ни новые лозунги и обещания, ни изменение правил, по которым они привыкли жить. А вместе с тем планам социальных преобразований можно отвести главное место в списке ожиданий от Октябрьской революции, поскольку все, что было свершено, осуществлялось под идеологическим лозунгом времен французской культурной революции: «Свобода, Равенство и Братство».

Лозунг был красив, но широким рабоче-мещанско-крестьянским массам не очень понятен, о чем свидетельствуют попытки его воплощения «простым народом» через действия далеко не созидательного характера. Можно, даже не обращаясь к статистическому анализу, оценить отношение народа к происходившему по произведениям литературы, искусства, а также по факту создания многочисленных репрессивных и надзорных институций – ЧК. Для ощущения себя «свободными» представители «угнетенных» сословий массово громили свои рабочие места, разрушали и уничтожали существовавшую вокруг себя хозяйственную инфраструктуру. Чтобы стать «равными», грабили и унижали тех, кто создавал и поддерживал жизненный порядок. А в качестве «братства» под угрозой жизни навязывали обществу отношения полуплеменного – полукриминального характера. Собственно говоря, советская власть получила те же проблемы, что и победившая Французская буржуазная революция, которая очень быстро дополнила лозунги более конкретными *правами* личности: образование, свобода, равенство, собственность и безопасность.

В 1920 г. Ленин публикует «Детскую болезнь левизны в коммунизме», где обращается к теме «революционной ситуации», которая, похоже, заботит его в качестве возможной перспективы, а не анализа прошлого. Определение революционной ситуации: «низы не хотят» жить по-старому, а «верхи не могут» по-старому управлять, обретает новую актуальность. Новая система управления – «верхи» – проявляет себя малоэффективной в новых условиях социально-экономического и технологического развития. А «низы» оказываются в ситуации экономической невозможности выживания в силу резкого обострения «обычной нужды и бедствий» и при общем ощущении необходимости «изменений своей жизни в лучшую сторону». Ленину и хотелось бы опираться на более подготовленное городское «пролетарское» население – но его было крайне мало по сравнению с подавляющей массой «отсталого» крестьянского. Не случайно, что в этом же 1920 г. создается «Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности» или ЛИКБЕЗ. Ее решения носили обязательный характер. Программа ликвидации безграмотности была рассчитана примерно на 20 лет и вполне уложилась в заявленные сроки.

Как бы то ни было, складывается впечатление, что молодая советская власть, как и в свое время Французская республика, также решила сделать ставку на культурную революцию. Спустя три года В. Ленин в статье «О кооперации» пишет: «Культурная революция — это... целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» [Ленин, с. 372].

На что нацелены изменения, проводимые в рамках культурной революции?

1. Религия/идеология.
2. Образовательная модель.
3. Культурные каноны отражения мира в искусстве.
4. Социальное позиционирование и статус личности.
5. Традиционный уклад/семья.
6. Форма собственности.
7. Поселенческая модель: город/деревня.
8. Язык и/или письмо.
9. Управление и региональное самоуправление.
10. Переориентировка деятельности средств массовой информации.

Собственно, примерно так и определяется культурная революция в современных энциклопедиях. Важно отметить, что советская модель отнюдь не частный случай, но универсальная схема всех культурных революций.

Казалось бы, среди перечисленного не достаёт «науки», но это совершенно отдельный феномен, неподвластный культурным революциям, если только нет установки на окончательное разрушение социума. Научные знания и технологии – это та область существования социосистемы, где изменения предполагают только развитие на основе старого, какие бы революции не происходили. «Прошлой науки» (по аналогии с прошлой властью, прошлой системой управления, прошлой идеологией) не бывает. Наука, если она развивается, то только на основе обобщения, доработки и систематизации прошлых знаний. Работы Е. А. Долговой [Долгова, Была ли наука...; Долгова, Конфликт...] показали, что в период культурной революции большинство занимающих высокие статусные позиции ученых относились к «старым кадрам» – они происходили из классово «чуждых» слоев, зачастую были беспартийными: власть позволяла это в условиях «мобилизационной» науки – освоения прорывных областей и создания новых механизмов управления наукой. Чего нельзя сказать о российской науке 1990-х, утратившей многие приоритетные направления вследствие отсутствия как у руководства страны, так и руководителей науки собственно цели развития страны.

Образовательная модель – это тот институт, через который осуществляются все остальные преобразования, заведомо ориентируясь на доступ к личности и формирование будущих поколений, которые вырастают в новой идеологии. Кстати, как показали исследования Н. В. Шалыгиной по адаптации мигрантов, лишь третье поколение усваивает идеологию,

стандарты поведения, язык общества, где оказалась семья переселенцев [Шалыгина]. Подобное исследование отчасти позволяет рассчитать динамику реализации культурной революции, завершение которой в СССР можно отнести к концу 1930-х. Создание сети школ, интернатов и детских учреждений облегчало не только равную интеграцию отца и матери в производство, но и компенсировало отсутствие полноценного образования у родителей. Дело в том, что обучение человека является залогом не только существования, но и развития антропосистемы в целом. В общинных образованиях функции начальной социализации принадлежат родителям. В развитых образованиях актуализация знаний новых членов общества постепенно перемещается из сферы забот семьи к государственным институтам. Однако при агрессивном воздействии на социум образовательные структуры оказываются пораженными одними из первых – и потому автоматически интеллектуальная и информационная актуализация нового поколения останавливается или даже деградирует. Утрата адекватного научно-образовательного уровня на протяжении одного поколения уже представляет серьезную угрозу существованию самого социума [Ершова]. Экспериментальным путем этот вопрос в СССР был решен. Перепись 1939 г. показала, что грамотным было уже почти 90 % населения. Оставшаяся часть, скорее всего, относилась к людям старого возраста, чье естественное убывание к послевоенному периоду привело цифры грамотности к 100 %. Таким образом, к началу войны процесс культурной революции можно считать завершенным. В результате культурной революции:

1. Религия была выведена из сознания граждан (отделена от образования, ограничена ее пропаганда). Правила новой идеологии были повсеместно доведены до населения.

2. Образовательная модель после многочисленных экспериментов дала блестящие результаты.

3. После фантастических экспериментов в области искусства созданы новые культурные каноны отражения мира – социалистический реализм и массовость.

4. Полностью изменилась система приоритетов социального статуса личности, основанная на социальном происхождении. Термин «товарищ» стал маркером нового социального статуса.

5. После экспериментов со свободными браками сформировалась парная семья, впервые в мире утвердившая равные отношения между мужчиной и женщиной, занятыми работой. Воспитание детей делегируется учреждениям.

6. Форма собственности приобрела статус коллективной с распределением «по потребностям».

7. Резко возросло число городов и крупных промышленных центров. Сельскому населению была навязана модель коллективного хозяйства, столь привлекательная для современного кооперативного движения во многих странах.

8. Большое количество бесписьменных народов СССР, а также тех, что использовали арабицу или вагиндру, получило письменность на базе кириллицы. Русский язык сохранился государственным и стал обязательным во всеобщем образовании. Сложилась литература некогда бесписьменных народов.

9. Модель управления, в том числе регионального, изменилась кардинально – фактически поверх администрации руководство осуществляли представители правящей партии. В современном мире аналогичная модель воспроизведена в форме «Группы Семи» – неформального клуба, определяющего и навязывающего идеологические и экономические ориентиры для мирового сообщества.

10. Средства массовой информации стали официальным механизмом проведения культурной революции. Эта модель реализации идеологических заказов также стала чрезвычайно популярной в современном мире.

В рамках распространившейся в последние десятилетия идеологии глобализации, также представляющей версию культурной революции, выстраивавшей распад СССР, принято в обязательном порядке представлять культурную революцию в России периода 1920–1940 гг. как исключительно негативный феномен, с некоторыми уступками ликвидации безграмотности. Однако это не так. Именно русская культурная революция не только вывела СССР в новое состояние, но и задала тон и направление социальных, научных и культурных преобразований в западном мире.

При этом важно оценивать не только результат культурной революции в СССР, но и сам ее процесс, который предстает в виде удивительных, совершенно новаторских для мира экспериментов. Причем эти эксперименты превратились в достояние мирового искусства, архитектуры, науки, образования и социальных трансформаций. На протяжении двух десятилетий в СССР наблюдались многочисленные эксперименты во всех областях общественной жизни – образовании, социальном обеспечении, гендерных отношениях, коммуникации, сосуществовании народов и религий. Много было вложено в сохранение и развитие науки, где также шел активный процесс экспериментирования в самых невероятных направлениях. Научные опыты, часто проводимые на себе, периода культурной революции породили множество произведений научной фантастики.

Таким образом, можно заключить, что культурная революция, осуществленная в 1920–1940 гг., явилась мощным механизмом, не только создавшим новое государство в России, но и определившим пути общественного развития в мире.

Долгова Е. А. Была ли наука коммунистической? Из статистики научных кадров в 1929–1930 гг. // Социология науки и технологий. 2017. № 1. С. 113–124.

Долгова Е. А. Конфликт vs сотрудничество в советской науке 1930-х гг.: статусы, привилегии и партийность // Вестн. РГГУ. 2017. № 1. С. 19–27.

Ершова Г. Г. Асимметрия зеркального мира. М., 2003.

Ленин В. И. О кооперации // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 45. С. 370–371.

Объяснительная записка к отчету контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1911 год. СПб., 1912.

Статистический ежегодник России 1913 год. СПб., 1914.

Шалыгина Н. В. Кризис семьи в эмиграции (США, пуэрториканская модель). М., 2007.

УДК 94(47).084.6/.084.8

Я. Садовский

СТАЛИНИЗМ КАК СЛЕДСТВИЕ ГИБЕЛИ УТОПИИ

Возникновение тоталитарного общества, носящего вторично племенной характер, возможно только в случае существования цельной, развитой и всеохватывающей системы государственных мифов. Мифотворчество же исключает утопическое сознание. Тоталитаризм возможен там и только там, где утопическое начало полностью вытеснено из общественной жизни, где мифологизировано содержание всех дискурсов, отвечающих за интеграцию развитых обществ, гражданское же сознание обезврежено максимальной редукцией идентичностных ориентиров. Поэтому для построения тоталитаризма необходимо переосмысление функций всех изначально утопических текстов. В качестве примера такого текста в статье анализируется первый советский государственный гимн – «Интернационал».

К л ю ч е в ы е с л о в а : сталинизм, утопия, миф, мифология, СССР.

В заглавие известнейшей книги Михаила Геллера и Александра Нерича вынесено суждение, повторяемое публицистами и историками тем охотнее, чем критичнее они относятся к тем или иным аспектам

действительности Советского Союза. «Утопия у власти» – не только с легкой руки авторов и не только благодаря ловкому, привлекательному и эффектному заглавию – является своеобразным клише в рефлексии о советском прошлом. В то же время, хотя своим возникновением советская власть и благодарна утопическому началу, то ее укрепление и существование на протяжении семи десятилетий было возможно, в частности, благодаря умело проводимой борьбе с проявлениями утопического мышления.

Одной из отправных точек для рассуждений о феномене утопии мы считаем классическое определение Карла Мангейма¹, обратившего внимание на функциональный аспект представлений утопического и идеологического характера. Мангеймом, правда, дана дефиниция не утопии как таковой, а типа сознания, или же мировоззренческой ориентации, организуемой мышлением определенного типа. Так, утопическое сознание, пишет Мангейм в «Идеологии и утопии», представляет собой «такую “трансцендентную по отношению к действительности” ориентацию, которая, переходя в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» [Манхейм, с. 163]. В свою очередь, согласно той же самой мангеймовской оптике, идеологии – это такие «трансцендентные бытия представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания» [Там же, с. 165]. Такие представления, однако, «порядок вещей» не взрывают, хотя и могут стать себе целью его изменение.

Когда существование «действительность» появляется в работе Мангейма впервые, оно обрательно кавычками [Там же, с. 84, 164]. Это подчеркивает конструктивистскую исследовательскую позицию знаменитого социолога и его осторожность по отношению к убеждению о возможности наблюдения за миром и его описания в объективных категориях. Ибо у «действительности» – с его точки зрения – социальный характер: она конструируется социумом. Целая и последовательная концепция социального конструирования реальности представлена, правда, не Мангеймом, а в работе авторства Питера Бергера и Томаса Лукмана [Бергер, Лукман, с. 150–209]. Эта концепция приведет Бергера к предложению категории «номоса» – социально конструируемого значащего порядка, интегрирующего опыт и значения, доступные отдельным единицам социума [Berger, с. 31].

¹ Использую версию фамилии ученого, употребленную издателем первого русского издания «Идеологии и утопии» (М., 1976).

Эта категория чрезвычайно полезна для анализа идеологических, утопических, а также мифологических представлений, так как все они обладают определенной функцией по отношению к «порядку вещей», к действительности, реальности или именно к номосу, в рамках которого они возникают, развиваются и на который воздействуют. Притом идеологии и утопии действуют во имя изменения номоса, хотя делают это неодинаково. Мифы же осуществляют задачу поддержания, сохранения и продолжения номоса, хотя и добиваются этого с помощью инструментов похожих на те, которые утопиями используются для его модификации. Именно сходство номических функций (то есть функций по отношению к социально конструируемому порядку), наблюдаемых при анализе идеологий и утопий, а также сходство номического воздействия мифа и утопии сказывается на том, что при поверхностном наблюдении разграничения между тремя упомянутыми феноменами могут казаться нечеткими, понятийные же поля данных терминов – особенно в публицистическом дискурсе – могут накладываться друг на друга.

Общим знаменателем утопии и идеологии является присутствие идеала (следует его назвать опять-таки номическим), противопоставляемого текущему номосу, причем присутствие на уровне отдельных текстов, определенных дискурсов, или на уровне целого универсума общественных коммуникативных практик. Разница между идеологией и утопией никоим образом не заключается, однако, в содержании или формальных чертах этого идеала – ее следует искать в ф у н к ц и и идеала по отношению к текущему номосу. Так, в рамках идеологий и в построенных на них социальных представлениях функция номического идеала заключается в обосновании (или — иными словами – в символической легитимизации) модификации номоса, к примеру в обосновании перемен общественного или экономического строя, перестройки образовательной системы, переориентации исторической политики и т. п. Утопии же стремятся порвать с текущим «порядком вещей» и установить номос новый, альтернативный, определяемый на уровне постулируемого идеала. При этом утопии абстрагируют от невозможности сорвать непрерывность текущего номоса, от того, что такой срыв непременно означал бы конец социально конструируемого мира. Они строятся на специфическом напряжении между сознанием ограничений текущего порядка и всем тем, что в содержании постулируемого номоса представляется привлекательным [Czeremski, Sadowski, с. 115–173].

Характерным способом построения утопических представлений является феномен, который мы совместно с Мацеєм Черемским опреде-

лили как трансфигурацию [Czeremski, Sadowski, с. 188–190]. В предложенном нами понимании этот термин означает преобразование схем знаний в фиктивные репрезентации, служащие построению мировоззрения. Утопический идеал построен именно с помощью фиктивных репрезентаций, то есть таких, содержание которых не находит подтверждения в знаниях какого-либо уровня, за исключением мировоззренческого. К такой группе знаний относится как популярный, или же личный опыт (подсказывающий, к примеру, что подброшенный камень падает на землю), так и знания, строящиеся на таком опыте, но социально претворяемые и социально объективизирующиеся (в виде, например, права притяжения). Содержание утопического постулируемого номоса тем и привлекательно носителю утопического представления, что ему известно об отсутствии реального десигната этого представления. Отсутствие частной собственности в классических концепциях утопического социализма было привлекательным потому, что сознание социалистов-утопистов именно в собственности находило источник общественного зла, видя в постулате ее отсутствия панацею от всего плохого. Таким образом, номические постулаты Фурье или Оуэна противоречили знаниям о текущем «порядке вещей» и путем построения картины, противоречащей знаниям, формировали мировоззрение утопистов XIX века. А значит, осуществлялся в них механизм трансфигурации, точнее говоря, трансфигурации утопического типа.

Утопия, однако, не единственный феномен, использующий механизм трансфигурации. Он имеет место и в случае мифологических представлений, хотя они возможны благодаря другой его разновидности. Все мифы также основываются на трансформации знаний – как популярных, так и тех, которые непосредственно на них строятся – в фиктивные репрезентации, отвечающие за построение мировоззрения [Там же, с. 188–190]. Дело в том, что, в отличие от утопий, конструирующих мировоззрение, которое «взрывает существующий в данный момент порядок вещей», мифы служат построению такого мировоззрения, которое тот же «порядок вещей» поддерживает, обосновывает и осмысляет.

Итак, различие мифологических и утопических представлений (и таких же нарративов) связано именно с их функцией по отношению к существующему номосу. Проблема в том, что различные по отношению к нему функции могут выполнять представления, построенные на одном и том же формальном содержании. Хотя бы потому, что, как пишет Мангейм, ссылаясь на мысль Альфонса де Ламартина, «конкретное определение утопического всегда связано с определенной стадией в развитии

бытия», а в связи с этим «утопии сегодняшнего дня могут стать действительностью завтрашнего дня» [Манхейм, с. 172]. «Порядок вещей», установленный под влиянием определенного утопического идеала, может породить мифы, использующие то же формальное содержание, которое ранее выполняло утопическую функцию. Констатация Маркса и Энгельса, открывающая «Манифест Коммунистической партии» – «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», в 1905 году выполняла совершенно иную функцию по отношению к номосу Российской империи, чем, скажем, в 1937-м по отношению к советскому номосу.

Тот же тезис можно проиллюстрировать с помощью анализа культурных функций текста, ставшего навсегда одной из основных единиц символического корпуса советского государства. Имеется ввиду знаменитая песня «Интернационал». Отметим при этом, что анализу следует в данном случае подвергнуть не подлинную, французскую версию ее текста, принадлежащую перу Эжена Потье, а ту, которая созданная Аркадием Коцом десятилетиями оказывала влияние на общество сначала дореволюционной России, потом же – РСФСР и Советского Союза, и которая выполняла функции то утопические, то идеологические, наконец, и мифологические, формально оставаясь все время одним и тем же текстом.

Коцевский перевод трех куплетов «Интернационала», ставший в итоге государственным гимном РСФСР и первым из гимнов СССР, опубликованный в Лондоне в 1902 году, попав в Россию, тут же стал элементом утопического дискурса, в рамках которого вплоть до октябрьского переворота происходила абсорбция западной социалистической мысли (как в ее первичной, сугубо утопической ипостаси, так и в марксо-энгельсовском виде, который, отметим, был весьма критичным по отношению к социальному утопизму²). Постулат разрушения старого мира и замены его новым («Весь мир насилья мы разрушим/ До основанья, а затем/ Мы наш, мы новый мир построим») следует в предложенном тут ключе воспринимать как постулат разрыва с текущим номосом и замены его новым, предусматривающим полное переосмысление социальных ролей («Кто был ничем, тот станет всем!»). Поскольку радикальный разрыв

² Отметим, что социальный утопизм возник на западе Европы как следствие промышленной революции. Отмена крепостного права Александром II, обусловившая возможность развития капитализма в России, вместе с тем обусловила и появление аналога западного социального утопизма капиталистического времени. Пожалуй, именно поэтому рецепция в России трудов Маркса и Энгельса, построенных на критике утопизма, во многом происходила в утопическом ключе.

со старым номосом означает, по сути, революцию, то, по мере радикализации общественных настроений, а затем в меру возрастающих нужд общественной мобилизации в условиях большевистского переворота, песня, наряду с функциями утопическими, во все большей степени начинает выполнять и идеологические. На первый план выходит ее боевой характер и призыв к дословно понимаемой конфронтации с «миром насилья». Когда в категориях такой конфронтации начинает восприниматься большевистский переворот, текст песни начинает функционировать в качестве символической составляющей конкретного военно-политического плана действий, экспрессией которого становятся хотя бы известные большевистские декреты «О земле» (1917) или «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (1918). Обратим внимание, что содержание первого большевистского правового акта находит символическое обоснование в следующих словах «Интернационала»: «Лишь мы, работники всемирной/Великой армии труда,/Владеть землей имеем право,/Но паразиты – никогда!». В свою очередь антицерковный характер второго из упомянутых документов перекликается со словами: «Никто не даст нам избавленья:/ Ни бог, ни царь и не герой».

В двадцатые годы XX века с отчасти утопическим, отчасти идеологическим комплексом функций «Интернационала» не идет вразрез закреплённый за ним конституцией РСФСР 1918 года официальный статус государственного гимна. Несмотря на то, что песня становится тогда идентичностным манифестом и начинает функционировать как основополагающий текст (который со временем впишется в советский основополагающий миф), в реалиях военного коммунизма и нэпа, ставших временем глубинной, многоплановой правовой, политической, общественной и культурной трансформации, она все же остается элементом утопического сознания и важной единицей символического резервуара революционной идеологии. В ситуации, когда отдельные содержащиеся в «Интернационале» номические постулаты дожидаются принятия правовых актов, интерпретируемых в официальном дискурсе как осуществление чаяний рабочего класса или крестьянства, то, с одной стороны, самый радикальный постулат («Кто был ничем, тот станет всем!»), как фиктивная репрезентация, продолжает свое утопическое воздействие на общественное сознание, а с другой – императивы, призывающие к «последнему и решительному бою», по-прежнему осуществляют свои идеолого-революционные функции.

Ситуация радикально меняется в момент наступления в общественной жизни тоталитарной эпохи, то есть, грубо и условно говоря, в момент ухода от нэпа и начала политики индустриализации и коллективизации.

В этих реалиях лозунги революционных преобразований и интернационализма, согласно с принятой на XIV съезде ВКП(б) доктриной строительства социализма «в отдельно взятой стране», подвергаются маргинализации. На первый план выходит политическая риторика, мобилизующая к борьбе с внешним и внутренним врагом, причем фигура внутреннего врага подлежит четкой редефиниции. Ибо из официального публичного дискурса постепенно исчезает категория «классового врага». Вместе с принятием сталинской конституции 1936 года отменяются обязывавшие до сих пор (в силу конституции РСФСР 1918-го) механизмы юридической дискриминации граждан, представлявших дореволюционные «эксплуатирующие классы» (духовенство, частные торговцы, лица, получающие доход за счет чужого труда или живущие на «нетрудовой доход»). Сам Сталин, совершая акт официального толкования нового основного закона, заявляет, что совершилась полная ликвидация этих классов³ и что процесс построения внеклассового общества находится на продвинутой стадии⁴. В новой ситуации общественную мобилизацию призвана обеспечивать категория «враг народа», в определенной степени закрепленная в новой конституции⁵. Ведь именно с целью разоблачения мнимых «врагов народа» проводится кампания НКВД, известная в историографии под названием большого террора. Независимо от реалий этой акции, в итоге которой ушел из жизни не один из самых ярких сторонников Сталина, «враг народа» служил категорией описания каждого, кто, пусть даже лишь потенциально, являл собой угрозу сталинскому номосу. Критика

³ «Класс помещиков, как известно, был уже ликвидирован в результате победоносного окончания гражданской войны. Что касается других эксплуататорских классов, то они разделили судьбу класса помещиков. Не стало класса капиталистов в области промышленности. Не стало класса кулаков в области сельского хозяйства. Не стало купцов и спекулянтов в области товарооборота. Все эксплуататорские классы оказались, таким образом, ликвидированными» [Сталин, с. 7].

⁴ «Грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией, стираются, а старая классовая исключительность исчезает. Это значит, что расстояние между этими социальными группами все более и более сокращается. Они говорят, во-вторых, о том, что экономические противоречия между этими социальными группами падают, стираются. Они говорят, наконец, о том, что падают и стираются также политические противоречия между ними» [Сталин, с. 7].

⁵ Правда, лишь в контексте «хищения социалистической собственности». См. в статье 131 конституции 1936 года: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа».

политической линии партии, ее Центрального комитета или просто Сталина, или даже подозрение кого-то в том, что мог бы эту линию разделять, в реалиях тоталитарной культуры воспринимаются именно как факторы угрозы номосу.

Большой террор второй половины 1930-х осуществляется в реалиях функционирования государственной символики, в рамках которой «Интернационал» остается союзным гимном. Он перестает им быть только в декабре 1943-го, после резолюции Политбюро, согласно которой функции официальной государственной песни начинает выполнять другой текст, с самого начала его истории известный как «Гимн Советского Союза». Исполняемый с начала 1944 года, он столкнул своего предшественника в статус официальной песни ВКП(б). Одновременно – в отличие от слов, сочинение которых было специально вверено Сергею Михалкову и Габриэлю Эль-Регистану – музыка к нему существовала и раньше. Ее сочинил в 1938 году Александр Александров для нужд «Гимна Партии большевиков», который в итоге вплоть до начала 1950-х состоялся с «Интернационалом» за первенство в официальной жизни ВКП(б). Тем не менее в государстве, основной закон которого подчеркивал роль партии в общественной жизни как «передового отряда трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества», «представляющего руководящее ядро всех организаций трудящихся» [Конституция, ст. 126], на уровне официальной символики вырисовывалась своеобразная диада: «Гимн Советского Союза» как официальная государственная песня, и «Интернационал» как гимн ВКП(б). В реалиях монопартийной системы это были, соответственно, песни номер 1 и 2 официальной символической системы.

Эта диада оставалась чрезвычайно интересной, учитывая, что отдельные ее части транслировали сообщения, которые теоретически изначально носили разные номические функции. Революционный «Интернационал» содержал, как мы уже говорили, постулат радикального изменения текущего «порядка вещей», в то время, когда новый гимн был песней, прославляющей неизменный, вечный государственный порядок, экспонирующей космогонию советского мира, связанной с действиями мифологических героев, обретающих функции, сравнимые с божеством-творцом и божеством-наместником в теории Элиаде [Eliade, с. 68; Sadowski, 2017, с. 312].

Напомним: во втором куплете первичной версии «Гимна Советского Союза» напрямую появляются имена Ленина и Сталина. Первый из них «озарил великий путь» во время, когда «сквозь грозы сияло <...> солнце

свободы», второй же – тот, кто «вырастил» коллективный лирический субъект песни и «вдохновил» его «на верность народу», «на труд и на подвиги». Одновременно, как мы помним из первого куплета, образ Советского Союза обладает всеми качествами мира, окончательно выстроенного и полностью созданного. Он прочен, «един», «могуч», «сплоченный Великой Русью». Ничем не напоминает государственного устройства, продекларированного конституцией РСФСР 1918 года, носящего атрибуты временности и переходности⁶. В отличие от интернациональной риторики своих основополагающих актов (например, Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 1922 года) и всего первого, «коренизационного» этапа своей национальной политики, он не интернационален, а явно русско- или российскоцентричен [Sadowski, 2010, с. 81–93].

Итак, мы имеем дело с текстом, экспонирующим мифологическое содержание. Его характер идеально отображает все тенденции, имеющиеся в официальной советской культуре, в которой с начала 1930-х начинается резко расти мифологическая парадигма, со временем становящаяся структурной основой организации всех дискурсов официального пространства. Именно эта парадигма отвечает за гегемонию бинарного восприятия действительности [Głowiński, с. 38–39], построенного на типичных оппозициях типа: «свой–чужой», «ударник–саботажник», «социализм–капитализм». Наряду со вторично племенным характером культуры (проявляющимся в конструировании на базе бинарного восприятия мира единой коллективной идентичности в реалиях развитого сообщества) и редукцией идентичностных ориентиров (вытеснением или инфляцией альтернативных ориентиров) мифологическая парадигма будет основным показателем функционирования культуры тоталитарного типа.

⁶ Ст. 9 этой конституции гласит: «Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Значит, советское государство в своем основном юридическом самоописании напрямую определяется как инструмент для достижения туманной пока цели. Бесклассовое общество в безгосударственной реальности по-прежнему выступает в качестве утопического номического идеала, государство же как таковое приобретает характер идеологического инструмента.

Переход функции государственного гимна от «Интернационала» к «Гимну Советского Союза» не должен удивлять – он закономерен: общество, основанное на радикальном разрыве с дореволюционным номосом, дефинирующее себя изначально с помощью комплекса своеобразных «текстов разрушения старого мира», для продолжения своего существования должно получить символический инструмент, позволяющий поддерживать выстроенный номос, обеспечивать его стабильность. В развитом обществе такие функции закреплены за различными дискурсами: историографическим, гражданским и т. п. Своеобразный же характер тоталитарного общества заключается, как мы сказали, в его вторично-племенном характере. Племенная стадия развития общества, в свою очередь, интегрирует его членов с помощью мифологии. «Допустим, – пишет Мацей Черемский в популярно-научной работе “Стратегия мифа в маркетинге”, – существует племя, в котором царит общественное неравенство, но не существует мифа, который придавал бы ему смысла. И что же происходит? Скорее всего, привилегированные и притесняемые кланы начинают конфликтовать друг с другом. Ибо представители низших общественных слоев претендуют на более высокий статус, те же, кто занимает более высокие места в иерархии, защищают свои привилегии. В худшем случае такая общественность прекратила бы свое существование в результате внутренних напряжений. В лучшем – была бы настолько ослабленной, что не была бы в состоянии защитить себя от общественности, которая, благодаря мифу, мобилизовала бы всех своих членов к общим действиям» [Czeremski, 2016, с. 44]. Продолжая мысль Черемского, можно с уверенностью сказать, что появившись утопия в племенном обществе – тут же, во имя стабильности его номоса, старейшины должны принять меры по ее искоренению.

Тоталитарное общество, ввиду своего неоплеменного характера, возможно только в случае существования цельной, развитой и всеохватывающей системы государственных мифов. Мифотворчество же исключает утопическое сознание. Тоталитаризм возможен там и только там, где утопическое начало полностью вытеснено из общественной жизни, где мифологизировано содержание всех дискурсов, отвечающих за интеграцию развитых обществ (то есть, например, историография монополизирована государством в виде «Краткого курса» истории ВКП(б) [Sadowski, 2017, с. 301–325], гражданское же сознание обезврежено максимальной редукцией идентичностных ориентиров, что прекрасно видно на примере государственного мифа о Павлике Морозове). Поэтому для построения тоталитаризма необходимо переосмысление функций всех изначально утопических текстов, таких как анализировавшийся нами «Интерна-

ционал». Иными словами, сталинизм в СССР вовсе не был (как повсеместно утверждают публицисты и, увы, историки) временем торжества утопии – он был возможен исключительно вследствие ее гибели.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М., 1995.

Конституция (Основной закон) СССР. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов СССР 5 декабря 1936 года // Электрон. библиотека исторического факультета МГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> (дата обращения: 01.09.2017).

Манхейм К. Идеология и утопия // К. Манхейм. Диагноз нашего времени / пер. М. И. Левина М., 1994. С. 7–275.

Сталин И. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. М., 1946.

Berger P. Święty baldachim. Elementy socjologicznej teorii religii / per. Kurdziel W. Kraków, 1997.

Czeremski M. Strategia mitu w marketingu. Kraków, 2016.

Czeremski M., Sadowski J. Mit i utopia. Kraków, 2012.

Eliade M. Mity, sny i misteria. Warszawa, 2003.

Głowiński M. O dyskursie totalitarnym // M. Głowiński. Dzień Ulissesa i inne szkice na tematy niemitologiczne. Kraków: Wydawnictwo Literackie. 2000. S. 37–41.

Sadowski J. Od internacjonalizmu do nacjonalizmu. Nacjonalizacja oficjalnego dyskursu publicznego w stalinowskim ZSRR // Obóz. Problemy Narodów Byłego Obozu Komunistycznego. 2010. № 53. S. 81–93.

Sadowski J. „Krótki kurs” historii WKP(b) i problem narracji totalitarnej // Slavia Orientalis. 2017. № 2. S. 301–325.

УДК 94(47).084.3/084.6:378

Т. И. Славко

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ в 1920-е – начале 1930-х гг.

В работе рассматриваются реформы высшей школы, осуществленные советской властью с момента ее прихода и до начала 1930-х годов. Преобразования были связаны с изменениями профессорско-преподавательского состава,

механизма приема в высшие учебные заведения, системы вузовского управления. Кроме того, озвучиваются некоторые социальные итоги данных процессов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: первые годы советской власти, реформы, высшее образование.

Новая власть, установившаяся в России в октябре 2017 г., сразу же приступает к коренному реформированию всех сфер жизни общества, в том числе и системы подготовки специалистов высшей квалификации. В основу реформы высшего образования было положено несколько важнейших принципов. Это привлечение дореволюционных специалистов, прежде всего профессорско-преподавательского состава, на сторону советской власти, нейтрализация всех ее действующих и потенциальных противников и, как заявляли большевики, открытие широкого доступа в вузы молодежи из среды рабочих и крестьян. Последнее преподносилось как позитивное завоевание большевиков, а впоследствии утвердилось мнение, что до революции вузовское образование было доступно только высшим слоям общества, и именно большевики впервые сделали его доступным для детей из рабоче-крестьянской среды. Миф об «отсталой и малограмотной» дореволюционной России бытует вплоть до сегодняшнего дня.

Рассмотрим кратко систему реформирования высшей школы в начальный период становления советской системы высшего образования.

В первые дни функционирования Советского государства немало профессоров и преподавателей отнеслись доброжелательно к новой власти, надеясь на «демократизацию» системы управления, прежде всего университетским образованием, суть которой заключалась в сокращении полномочий государственного аппарата в распределении финансов, утверждении на должность новых сотрудников и т. д. и передачи этих функций ученым советам вузов. На деле вышло наоборот: вместо ожидаемой большей автономии началось ужесточение прав и преподавателей, и студентов. Система управления вузами полностью передается государству.

Принятие Декрета Совнаркома от 9 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» вызвало огромное недовольство в среде профессоров и преподавателей вузов. Были отменены «ученые степени доктора, магистра, а также звание адъюнкта и все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества», а также «Разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров – заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов» [Собрание узаконений, с. 999–1000]. Все преподаватели,

ведущие предметы в вузах, становятся профессорами. В результате этот правительственный акт не только повлек за собой резкое снижение качества преподавания, ломку корпоративного вузовского сообщества, но и моральное давление на ведущих ученых. Этим Декретом все дореволюционные профессора и преподаватели высших учебных заведений с 1 января 1919 г. увольнялись и могли быть вновь избраны только по всероссийскому конкурсу. Профессорские должности стали получать лица, имеющие стаж преподавания не менее трех лет, независимо от их научного вклада и признания научным сообществом.

Для устранения потенциальных и скрытых противников Советской власти Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., вводит институт лишения избирательных прав. В статье 23 Конституции было дано обоснование данного процесса: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции» [Конституция, с. 554]. Включению в состав лишенцев различных социальных слоев населения, в том числе вузовской интеллигенции, во многом способствовала неопределенность формулировок, допускающих неоднозначные произвольные толкования. Лишение избирательных прав кормильца автоматически причисляло к лишенцам всех материально зависимых от него членов семьи.

Лишенец фактически исключался из общества и не имел тех минимальных прав и благ, которые оно ему предоставляло. Лица, лишенные избирательных прав, не имели возможности занимать любую должность, а также учиться в средних специальных или высших учебных заведениях. Труд лишенцев оценивался по самым низким расценкам. Лишенцы не были включены в систему снабжения продуктами и потребительскими товарами и др. [Социальный портрет лишенца]. Попав в число лишенцев, оказавшись без работы, жилья, продуктовых карточек, профессура искала различные пути для выживания своей семьи.

Начинается массовая эмиграция, принудительная и добровольная. Происходит насильственное изгнание интеллигенции за пределы России, о чем свидетельствуют, например, опубликованные документы ВЧК-ГПУ за 1921–1923 гг. [Высылка вместо расстрела]. Высылка за границу использовалась в те годы наряду с высшей мерой наказания – расстрелом.

Будучи несогласными с политикой большевиков, многие преподаватели вузов воевали на стороне Белого движения. В качестве примера можно назвать состав правительства адмирала А. В. Колчака, получившего название «правительства профессоров».

Согласно Декрету Совнаркома РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения», упраздняются вступительные экзамены в вузы, в которые теперь могли поступить все желающие с 16 лет независимо от степени подготовки. Знания на уровне гимназии становятся необязательными. Воспрещалось «требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения об их личности и возрасте» [Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г.].

Низкий уровень абитуриентов из предпочтительной «рабоче-крестьянской среды» правительство пытается повысить путем организации рабочих факультетов, или рабфаков. В Декрете Совнаркома РСФСР от 17 сентября 1920 г. «О рабочих факультетах» была сформулирована их основная задача – это «широкое вовлечение пролетарских и крестьянских масс в стены Высшей Школы» [Декрет СНК от 17 сентября 1920 г., с. 576].

Положительную роль рабфаков в системе высшего образования постоянно подчеркивал нарком просвещения (до 1929 г.) А. В. Луначарский. В одной из своих работ нарком писал: «Рабочий в общем жизненно зрееет, социально развитее, активнее и самостоятельнее бывшего гимназиста и реалиста» [Луначарский, с. 146–154]. Именно студенты рабфаков, – считал А. В. Луначарский, – заставят преподавание в университетах «измениться в духе большей жизненности, большей практичности», они постепенно воспитают «соответственный этим новым требованиям профессорский персонал» [Луначарский, с. 146–154].

Если учесть, что в процессе реформирования высшей школы в рассматриваемый период ее роль в большей степени была связана с производственными нуждами, а не научными приоритетами, то рабфаки впоследствии сыграли существенную роль в подготовке дипломированных специалистов-практиков из пролетарских слоев населения.

Многие гимназисты, не найдя себе применение в новой России, также уходят в Белое движение. Известно, что среди добровольцев генерала В. О. Каппеля сражалось немало гимназистов, чьи мечты о дальнейшем карьерном росте были уничтожены большевиками. Часть из них погибла, часть после окончания Гражданской войны эмигрировала или была репрессирована и попала в концлагеря, так и не вернувшись в образование.

Новая система управления высшей школой была сформулирована в Положении «О высших учебных заведениях РСФСР», принятом Декретом Совнаркома РСФСР от 2 сентября 1921 г. Все высшие учебные заведения страны были подчинены Народному комиссариату просвещения по Главному комитету профессионально-технического образования. Нарком просвещения наделялся исключительными правами в организаци-

онном изменении высшего учебного заведения, так и в формировании кадрового состава. Руководство «учебно-ученой» и хозяйственно-административной деятельностью возлагалось на Правление высшего учебного заведения, деятельность которого осуществлялась «под общим наблюдением Народного Комиссариата Просвещения» [Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г.].

Сложное положение высшей школы в первые годы Советской власти сразу же привело к негативным последствиям. С целью их ликвидации уже в 1925 г. Совет народных комиссаров РСФСР принимает Постановление «О поднятии квалификации оканчивающих высшие учебные заведения». На официальном уровне подчеркивалось, что подготовка высококвалифицированных и достаточно компетентных «специалистов встречает целый ряд препятствий, коренящихся в тяжелых условиях жизни и работы высших учебных заведений» [Постановление СНК РСФСР от 11 декабря 1925 г.]. К основным препятствиям было отнесено:

- крайне слабое учебное оборудование;
- недостаточная связь с производством;
- слабая подготовка поступающих в высшие учебные заведения;
- недостаток научных работников;
- слабое финансирование, и др. [Постановление СНК РСФСР от 11 декабря 1925 г.].

Для оценки социально-экономических проблем, в том числе и в системе функционирования высшей школы, в 1920-е годы постоянно проводятся социологические исследования, связанные с изучением бюджета времени студентов, их культуры, быта и т. д. Одним из них является обследование условий жизни студентов в СССР, проведенное в 1926 г. Центральным статистическим управлением СССР. Среди объектов наблюдения был и Уральский политехнический институт. Первичные материалы обследования отложились в Государственном архиве Свердловской области [ГАСО, ф. Р-1812, оп. 2, д. 22, 23].

Обследования бюджета времени студентов отразили проблему их перегрузки в связи с необходимостью подработки и занятиями общественной деятельностью. Студенты отмечают слабую довузовскую подготовку, что существенно затрудняло освоение ими материала в вузе. Критике подверглась и организация учебного процесса, прежде всего отсутствие строго определенного зачетного периода. Подавляющее большинство студентов жаловалось на некомпетентность ряда преподавателей, отсутствие профессорско-преподавательских кадров по профильным учебным дисциплинам. Последнее приводило к срыву занятий, сокращению программы

и необходимости освоения примерно трети учебного материала самостоятельно. Немало студентов отмечают снижение возможностей для участия в научной работе.

Критической, по мнению студентов, являлась материальная необеспеченность, влекущая за собой отсутствие нормального питания, высокий процент заболеваемости. Неудовлетворительными были и условия проживания в общежитиях. Вместе с тем эмпирические материалы опросов свидетельствуют об огромном желании молодежи получить полноценное качественное образование, а в обществе сохранялся приоритет академических знаний.

Принятие первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны потребовало уже в начале 1930-х годов коренных мер для улучшения кадрового состава предприятий за счет подготовки высококвалифицированных специалистов. Начинается пересмотр учебных программ, системы преподавания в высшей школе, ставится вопрос об улучшении использования молодых специалистов. Постепенно возвращаются некоторые дореволюционные методы организации учебного процесса.

Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923 гг. М., 2005.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-1812 (Уральское областное управление народнохозяйственного учета. 1924–1933 гг.).

Декрет СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1072.htm (дата обращения: 01.09.2017).

Декрет Совета Народных Комиссаров от 17 сентября 1920 г. «О Рабочих Факультетах» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 576.

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_334.htm (дата обращения: 01.09.2017).

Конституция (Основной Закон) РСФСР, принятая Пятым Всероссийским съездом Советов // Декреты Советской власти. Т. II. М., 1959. С. 550–564.

Луначарский А. В. Роль рабочих факультетов // А. В. Луначарский. Проблемы народного образования. М., 1925. С. 146–154 / Наследие А. В. Луначарского. Библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitanii-i-obrazovanii/rol-rabochih-fakultetov> (дата обращения: 01.09.2017).

Постановление СНК РСФСР от 11 декабря 1925 г. «О поднятии квалификации оканчивающих высшие учебные заведения» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2773.htm (дата обращения: 01.09.2017).

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.

Социальный портрет лишенца : сб. документов. Екатеринбург, 1996.

УДК 94(47).084.3:001.89

Е. А. Долгова

«ПРОЕКТНАЯ НАУКА»: УЧЕНЫЕ И МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НАУЧНЫХ ИНИЦИАТИВ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ*

В статье исследуется специфика выдвижения и реализации научных проектов в условиях государственной организации науки в первые постреволюционные годы. На примере поддержанных и не поддержанных научных инициатив ученых – записок о создании Института социальных наук А. С. Лаппо-Данилевского, Общества научной работы Б. И. Моисеева, Института по изучению мозга и психической деятельности В. М. Бехтерева – раскрываются приоритеты государственной поддержки научных проектов и особенности адаптации к ним представителей научного сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: проектирование науки, сциентистская политика, мобилизация науки, Институт социальных наук, Институт по изучению мозга и психической деятельности, А. С. Лаппо-Данилевский, В. М. Бехтерев, Научный отдел Наркомпроса.

Первые постреволюционные годы были отмечены стихийным процессом создания множества научных институтов, комиссий, лабораторий. Хотя большинство из новых институций возникли по инициативе ученых, которые еще до революции разрабатывали проекты организации многих из них, вопрос об их практической реализации был поставлен в условиях советской действительности. Не останавливаясь на трагических картинах

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ, проект № 17-78-10202, проект «Российская социогуманитарная наука новейшего времени как мобилизационный проект: институциональное, наукометрическое и социальное измерение».

социально-бытовых условий жизни научного сообщества в условиях Гражданской войны и военного коммунизма, обратимся к прагматической составляющей – механизму и особенностям реализации научных инициатив в условиях государственной организации науки.

Реализация инициативного научного проекта во многом зависела от финансирования (в том числе наличия «платежных единиц» штатного расписания) и возможностей инфраструктурного обеспечения вновь учреждаемой институции. Вопрос о праве на существование того или иного научного проекта решался в Научном отделе, действующем в составе Государственной комиссии по народному просвещению (с 1918 г. – Народного комиссариата по просвещению РСФСР) с 9 (22) ноября 1917 г. [Декрет...]. Задачами Отдела стали систематическая, планомерная организация научных исследований и «живая и деятельная» поддержка всех начинаний и предпринимаемых попыток, направленных к рациональной постановке изыскательского, ученого труда [Из отчета...]. В ведении Отдела находились Российская академия наук, высшие учебные заведения с исследовательскими подразделениями, лаборатории, обсерватории, музеи, библиотеки, научные общества. Впервые в истории России все учреждения, ведущие научные исследования, были объединены в единую сеть и получили централизованное руководство.

С 18 июля 1918 г. Научный отдел Наркомпроса возглавлял Д. Б. Рязанов (Гольдендах). Управленческая востребованность последнего – с июня 1918 г. он руководил Главным управлением архивным делом (Главархивом) при Наркомпросе, входил в состав президиума Социалистической академии общественных наук, в создании которой участвовал, – порой тормозила работу Научного отдела. Так, сохранилась выписка из протокола заседания коллегии Наркомпроса от 12 августа 1918 г., в которой отмечалось, что «работа Научного отдела совершенно почти приостановлена в виду долгого отсутствия заведующего этим отделом Рязанова и поставленного им условия не предпринимать без него никаких решений по вопросам принципиального характера» [ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 168. Л. 34]. Инициатором разбирательства выступил заведующий Отделом по мобилизации научных сил (в некоторых документах он значится как Отдел привлечения научных сил к делу государственного строительства) Л. Г. Шапиро. В ответ постановили: «предложить Коллегии Научного отдела собираться, по возможности, не реже одного раза в неделю для решения непринципиальных вопросов. Донести до сведения Рязанова о необходимости исполнения взятого им обязательства прово-

дить две недели в Москве, две недели в Петрограде и просить назначить заместителя на время своего отсутствия» [Там же].

Дел, действительно, было безотлагательно много. Отдел принимал участие в разработке проектов исследовательских институтов и лабораторий, обсуждал и проверял их сметы, собирая заключения и отзывы компетентных учреждений и сведущих лиц о предположенных начинаниях, и содействовал их осуществлению [Из отчета...]. Полномочия отдела и его возможности были велики. Нарком просвещения А. В. Луначарский в одном из своих выступлений отмечал: «Мы можем защитить любое учреждение и потребовать ассигнования на его содержание, которое не может существовать на прежние ассигновки, но мы можем настоять на этом только в том случае, если мы перед органами трудовой демократии сможем выступить с реальным доказательством, что данное учреждение в стране играет полезную и культурную роль для трудящихся масс» [Протоколы заседаний..., с. 90–92].

Какие же проекты считались «нужными» и, следовательно, рекомендованными для реализации? Рассмотрим несколько примеров, поддержанных и не поддержанных Наркомпросом научных инициатив: все они относятся к маю-сентябрю 1918 г.

В июне 1918 г. в Научный отдел Наркомпроса поступил проект создания Института социальных наук [Подробнее о подготовке проекта см.: Бухерт; Малинов]. Его автором был известный историк, методолог гуманитарных наук А. С. Лаппо-Данилевский. За его инициативой стояла академическая корпорация: проект основывался на записке приват-доцента В. В. Степанова об учреждении Института социологии при Академии наук, этот документ обсуждался в академической комиссии, в состав которой входили В. М. Гессен, Д. Д. Гримм, М. А. Дьяконов, И. А. Ивановский, Н. И. Кареев, Э. А. Нольде, М. Я. Пергамент, П. Б. Струве и Ф. И. Успенский [СПбФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 68. Л. 9]. По итогам заседания комиссии и была составлена записка «Об Институте социальных наук», опубликованная в «Протоколах заседаний общего собрания Российской академии наук» и переданная в Научный отдел Наркомпроса. Ее расширенный вариант – документ «Планы и проекты организованного изучения социальных проблем нашего времени» – сохранился в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (РГАЛИ) в составе письма А. С. Лаппо-Данилевского литературному критику и искусствоведа А. Л. Волинскому [РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 4. Д. 23].

Отмечая, что вновь проектируемый Институт должен быть создан в «тесной ученой связи с Академией наук», организован частично по ее

подобию, но преследовать будет «свои особые научные цели на автономных началах», А. С. Лаппо-Данилевский предлагал сосредоточить в Институте «науки социальные и экономические, науки о государстве и о финансах, изучение права во всем многообразии его проявлений, наконец, социологию со всеми вспомогательными ее знаниями» [ГАРФ. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 14. Л. 6 об]. Институт виделся как «чисто научное учреждение», имеющее целью «исследование социальных проблем, в особенности тех, которые выдвинуты современной жизнью во всей их полноте и исторической связи» [Там же]. По замыслу А. С. Лаппо-Данилевского, кроме «кабинетных исследований» ведущих специалистов, Институт мог объединить деятельность существующих научных обществ, занимающихся разработками в области социальных наук. Кроме научно-исследовательской, планировалась и популяризаторская работа Института – «устройство отдельных докладов и сообщений, циклов или даже связанных курсов лекций научно-популярного характера» [Там же. Л. 7]. В качестве инфраструктуры проектируемого учреждения предлагалось ходатайствовать о предоставлении помещения бывшего Александровского лицея с его библиотекой [Там же. Л. 7 об.].

Таким в общих чертах был представленный в Наркомпрос краткий, на четыре страницы, проект. За скобками остались обсуждаемые в протоколах заседания комиссии Академии наук планы создания высшего учебного заведения – Школы государственных наук – на его основе и также в инфраструктурном обеспечении Александровского лицея; кадровый состав и направления работы Института (было решено сформировать четыре отдела, организацию которых и составление программы их деятельности возложить на И. А. Ивановского и В. М. Гессена (отдел Государственных наук), М. Я. Пергамент (отдел Права), в отдел Социологии пригласить Н. И. Кареева) [Малинов, с. 27]. К сожалению, автором проекта был взят неверный тон записки – отмечались «тяжелые моральные и материальные последствия войны», «острый хозяйственный кризис», «заметный упадок просвещения», «преобразования перевороты, которые довелось испытать за последние месяцы Русской революции», «образование новых государственных единиц в составе прежней Империи», «задолженность России иностранным кредиторам» [ГАРФ. Ф. Р-4315. Оп. 1. Д. 14. Л. 6] и прочие обстоятельства, не вполне отвечающие настроению читателей в Наркомпросе.

18 июня 1918 г. на основании постановления Малой государственной комиссии по просвещению Научный отдел Наркомпроса обратился к Социалистической академии общественных наук с просьбой дать экс-

пертную оценку проекту А. С. Лаппо-Данилевского [ГАРФ. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 14. Л. 8]. Проект был заслушан в заседании Президиума Академии 28 августа, по итогам было вынесено единогласное решение, подписанное М. А. Рейснером: «записка составлена столь небрежно и неясно, цель, преследуемая организацией предполагаемого института, столь неопределенна, отличие его от обычных юридических факультетов существующих университетов столь неуловимо, что Социалистическая академия общественных наук затрудняется рассматривать ее по существу» [Там же. Л. 23]. При этом как недостатки проекта отмечались и планируемая тесная связь Института с Академией наук¹, и пессимистический тон автора записки, отмечающего «потрясения существовавшего порядка» и изменения «сначала в области идей и нравов, а затем уже в области производства и потребления». Был сделан вывод о том, что предполагаемый Институт социальных наук мог стать «средоточием и оплотом антисоциалистических элементов в Советской России» [Там же. Л. 23 об]. Это предопределило судьбу проекта – он оказался заблокирован. Однако однозначного отказа не поступило: по сведениям А. В. Малинова, непреходящий секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург в 1919 г. справлялся о судьбе проекта А. С. Лаппо-Данилевского в Совете народных комиссаров, но определенного ответа не получил [Малинов, с. 28].

Приведем еще один пример отвергнутого проекта – в этом случае его рассмотрение было внеочередным и срочным, так как сопровождался проект ходатайством наркома просвещения А. В. Луначарского. 12 сен-

¹ Трудно судить, мог ли проект Института социальных наук, чье создание было инициировано Академией наук, восприниматься как конкурент вновь учрежденной Социалистической академии общественных наук. Во всяком случае, А. С. Лаппо-Данилевский думал об этой возможности. В письме к А. Л. Вольнскому он писал: «Всецело одобрив вышеизложенный доклад Комиссии, Академия наук постановила возбудить ходатайство перед правительством об учреждении Института социальных наук с предоставлением ему права на здания бывшего Александровского лицея. Дальнейшее движение дела, однако, несколько задержалось. Трудно предполагать, что препятствием к скорейшему его ходу послужило образование “Социалистической Академии”: судя по довольно скудным известиям о ней, проникшим в печать, она представляется особым самостоятельным учреждением, преследующим иные, более специфические цели. Чем Институт социальных наук и в противном случае появление ее в Москве отнюдь не может препятствовать организации Института социальных наук в Петрограде: проблемы и материалы, подлежащие всесторонней научной обработке, настолько обширны, что их, конечно, станет на несколько учреждений подобного рода и на долгие годы...» [РГАЛИ. Ф. 1345. Оп. 4. Д. 23].

тября 1918 г. в Социалистическую Академию общественных наук поступило сообщение за подписью народного комиссара по просвещению с просьбой «в кратчайший срок» ознакомиться с запиской социал-интернационалиста Б. И. Моисеева, брата большевика-революционера С. И. Моисеева, об учреждении Общества научной работы и дать оценку этого плана и практической содержащихся в нем идей [ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 168. Л. 37]. На наш взгляд, спешка была не вполне оправданна. Кроме соответствующей духу времени (в отличие от проекта А. С. Лаппо-Данилевского) риторики, примечательного в записке было мало: неясны были цели («привлечь к научной работе представителей широкой народной массы»), объект исследования («окружающие явления природы и жизни (родиноведение) и вопросы, связанные с педагогикой, по мере возможности и материальных средств желательна организация научной работы и в других областях знания»), был заявлен большой бюджет («на первое время казна должна будет взять на себя вознаграждение персонала научных инструкторов и расходы организационного характера – расход по уезду 75 600 рублей, бюджет одной губернии – 3 млн (учитывая руководящий инструкторский персонал)» [Там же. Л. 45–48]. Тем не менее проект передали на экспертную оценку. Уже 6 октября 1918 г. на заседании научно-академической секции Академии состоялся доклад А. А. Богданова (Малиновского) на предмет заключения по проекту Б. И. Моисеева об учреждении Общества научной работы [Там же. Л. 41]. Было постановлено, что проект не подлежит осуществлению «ввиду непрактичности содержащихся в нем идей и слабой разработки самого проекта» [Там же. Л. 41 об.]. На наш взгляд, отказ был обоснованным: он лишней раз подчеркивает, что решения о государственном финансировании той или иной научной инициативы принимались хотя и с учетом, но не исключительно с позиции политической конъюнктуры.

Выявить принцип принятия положительного решения по проекту и охарактеризовать механизм реализации научных инициатив нам позволяет третий пример.

17 мая 1918 г. в Малой государственной комиссии по просвещению слушалась записка известного психиатра, психолога, физиолога В. М. Бехтерева о создании Института по изучению мозга и психической деятельности. Проект Института, идея создания которого возникла еще до революции, был представлен В. М. Бехтеревым не только в Научный отдел Наркомпроса, но и в другие специальные ученые учреждения, которым он мог быть интересен, – нам встретились упоминания о пересылке проекта

этими организациями на адрес Наркомпроса². В записке был сделан акцент на сильных и конкурентных сторонах проекта. Отмечалось, что он был разработан на основании постановления Международного съезда Академий наук в Лондоне при рассмотрении вопроса об учреждении международной серии институтов по изучению мозга [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 199. Л. 169]. Была выдержана риторика и «настроение времени»: заявлялось, что Институт планировался как «учено-педагогический центр вообще и преследующий научные и общественные интересы в частности», целью которого в том числе было исследование «наличности и уровня способностей учащихся различных возрастов» и «определение пригодности человека к той или иной форме труда» [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 199. Л. 92–92 об.]. В ходе обсуждения проекта член коллегии Научного отдела М. Г. Шапиро подчеркнул, что «следует поддерживать те научные начинания, которые непосредственно займутся разработкой заданий данного политического момента, каковой лежит в области экономики и педагогики», а также что «ввиду истощенности казны следует на ближайшие два-три года в первую очередь финансировать те научные начинания, которые могут более или менее непосредственно оплодотворить практическую работу по государственному строительству» [Там же. Л. 88–88 об.]. Таким образом, в соответствии с заявленными целями и задачами проект В. М. Бехтерева идеально вписывался в приоритеты Научного отдела: он был одобрен в заседании Малой комиссии и 27 мая передан для получения заключений и отзывов специалистам и в компетентные учреждения – они были предоставлены в течение июня 1918 г.

Свои экспертные заключения по проекту дали директор Нервно-хирургической клиники имени Пирогова Л. М. Пуссеп [Там же. Л. 90], директор Московского психологического института им. Л. Г. Щукиной Г. И. Челпанов и др. Не все полученные отзывы были благожелательны.

² Одним из них стал, например, Ученый медицинский совет, члены которого не решились брать на себя ответственность в одобрении проекта, указав лишь его значимость с научной точки зрения: «в заседании 13 сентября (!) сего года УМС, имея в виду, что научная и практическая важность вопросов, связанная с изучением мозга и его деятельности, не подлежит сомнению, но что обсуждение проекта, представленного академиком В. М. Бехтеревым, требует обстоятельной и многосложной разработки, признал необходимым, прежде чем приступить к детальному рассмотрению проекта, выяснить роль УМС в деле движения этого проекта, чтобы избежать напрасной работы и ненужного дублирования ее и постановить просить Комиссариат здравоохранения выяснить положение этого дела в Комиссариате Народного Просвещения» [ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 25. Д. 16. Л. 1].

Эксперт, подпись которого не удалось расшифровать, писал: «Я бы считал, однако, <...> более целесообразным усилить средства лабораторий при психиатрических клиниках провинциальных университетов и создать новые <...>, чем централизовать учреждение для всей России и этим, в сущности, ограничить его деятельность до обслуживания лишь небольшого региона» [Там же. Л. 92 об.]. Два других заключения были положительными. В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) был обнаружен черновик отзыва Г. И. Челпанова, в нем он отмечал: «рассмотрев план академика В. М. Бехтерева об устройстве Института по изучению мозга и психической деятельности, нахожу, что учреждение подобного Института у нас в России заслуживает всяческого поощрения, так как Институт мозга может иметь огромное научное значение и практическое значение. Можно надеяться, что в руках такого всемирно известного исследователя, как профессор академик Бехтерев деятельность Института будет вполне успешна. Смета, представляемая профессором Бехтеревым, является весьма умеренной» [НИОР РГБ. Ф. 326. К. 37. Д. 21. Л. 1]. Исключительно благожелательным был и отзыв директора Нервно-хирургической клиники имени Пирогова Л. М. Пуссеса, в прошлом ученика В. М. Бехтерева: он предложил внести в проект лишь небольшую, но красноречивую правку: «Институту предоставляется преимущественное право на использование всех препаратов мозга, находящихся в настоящее время в различных учреждениях; все другие учреждения обязаны предоставлять в распоряжение Института все препараты нервной системы для [его] музея» [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 199. Л. 90 об.].

Если отзывы специалистов не вызывают вопросов, то выбор Наркомпросом организаций для заключения по проекту понятен не до конца. Дело в том, что такими организациями стали Психоневрологический институт в Петрограде (его основателем и руководителем был автор предлагаемого к рассмотрению проекта, В. М. Бехтерев) и Общество нормальной и патологической психологии при Военно-Медицинской академии (его председателем также был В. М. Бехтерев). В экспертном заключении, подписанном вице-президентом Психоневрологического института В. А. Вагнером 18 июня 1918 г., отмечалось: «Совет Психо-Неврологического Института <...> постановил, одоблив самый проект, признать скорейшее создание Института по изучению мозга и психической деятельности по этому плану крайне необходимым, о чем довести до сведения Научного комиссариата по Просвещению» [Там же. Л. 91]. Схожее заключение представило и Общество нормальной и патологической психо-

логии, 22 июня 1918 г. одобрившее «скорейшее осуществление проектируемого института и немедленный отпуск соответствующих средств согласно приложенной к проекту смете» [Там же. Л. 20]. Конечно, эти экспертные оценки были предсказуемы, возможно, Научный отдел Наркомпроса и сам В. М. Бехтерев это предусмотрели. Как бы то ни было, административные формальности прохождения проектом экспертной оценки оказались соблюдены.

27 июля 1918 г. Научным отделом Наркомпроса была запрошена смета, уточняющая расходы на личный состав Института по изучению мозга и психической деятельности [Там же. Л. 12]. Смета была представлена и одобрена в размере 772 600 рублей ежегодно [Там же. Л. 95], в начале августа был перечислен аванс в размере 100 000 рублей [Там же. Л. 96]. Одновременно был утвержден Устав институции – Институт по изучению мозга и психической деятельности со всеми учено-вспомогательными и культурно-просветительными учреждениями при нем состоящими признавался государственным учреждением с присвоением ему всех прав и преимуществ таковых правительственных учреждений [Там же. Л. 101; Устав]. Он состоял в ведении Академического центра Наркомпроса [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 161. Л. 169].

Ведомственная принадлежность Института, хотя и открывала серьезные перспективы в административном³ и финансовом отношении, на практике оборачивалась зависимостью работы учреждения от государственного внимания (и финансирования) и порой сопровождалась полемикой с властью, в которую В. М. Бехтерев не боялся вступать. Так, в августе 1919 г. В. М. Бехтерев выступил против сокращения сметы на 200 000 рублей по статье на издание при Институте периодического печатного органа, журнала «Вопросы изучения и воспитания личности» [[ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 199. Л. 104], в 1920–1921 г. вновь и вновь настойчиво ходатайствовал о получении из-за границы необходимых

³ Готовность способствовать работе Института иногда доходила до курьезных случаев: так, в июне 1921 г. было возбуждено ходатайство Института о командировании В. М. Бехтерева в Западную Европу, однако документ задержался на утверждении в Совете труда и обороны, а затем в Главнауке, вследствие чего было возбуждено дело о «волоките» и заведующий Главнаукой И. И. Гливенко привлекался к суду, – за него пришлось вступить самому В. М. Бехтереву, указавшему как на собственную вину – несвоевременную подачу документов в германское представительство, так и на объективные обстоятельства – закрытие Рижского порта до весны [ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 1057].

Институту научных приборов, реактивов и литературы [Там же. Л. 121, 123, 126] и разрешения работникам Института иностранных командировок (в соответствии с целями проекта он отмечал, что разрабатываемые Институтом вопросы труда и воспитания не могут получить окончательного разрешения и научного обоснования из-за отсутствия необходимых научно-технических средств [Там же. Л. 123]), боролся против сокращения сотрудников (с 1921 г. штат Института был сокращен до 76 специалистов, а с 1922 г. – до 38 [ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 161. Л. 81, 135]), в 1923 г. в условиях отмены ученых степеней и научных званий даже решился на ходатайство о праве присуждения институцией собственного диплома ученой степени доктора наук (через Психоневрологическую академию) [Там же. Л. 173], а в 1923 г. сражался с неожиданной проверкой объединенной комиссии Рабкрин, Наркомфина, Главнауки и Союза Просвещения, неожиданно выявившей отсутствие «всякой деятельности» в Институте мозга с целью еще большего сокращения штатов [Там же. Л. 238, 289–292]. В последнем случае даже возник межведомственный конфликт – Рабкрин и Наркомфин обвиняли Институт мозга в «бездеятельности», Главнаука считала работу Института «полезной», указывая на «отсутствие необходимого оборудования» и на то, что «науки, разрабатываемые в Академии, находятся в периоде своей разработки и развития не только в России, но и за границей» [Там же. Л. 296].

Конечно, указание на «бездействие» Института было, мягко говоря, некорректным. Если судить только по сухой отчетной документации, за 1919 г. в Институте было сделано 17 докладов, за 1920-й – 15, за 1921-й – 24 [Там же. Л. 189 об.]. В 1922 г. по итогам проверки отмечалось: «Институт, имея в числе своих сотрудников лучшие имена русской науки, работал за истекшее время полным темпом. Состоялось 25 заседаний с 24 научными докладами. В составе Института работали 14 лабораторий по различным специальностям психологии и неврологии, каждая из которых произвела ряд работ (так в тексте. – *Е. Д.*). Кроме того при Институте работал целый ряд комиссий. Деятельность Института необходимо признать весьма удовлетворительной» [Там же. Л. 133]. Векторы исследований, реализуемых в первые постреволюционные годы сотрудниками Института, вдохновленными и поддерживаемыми колоссальной энергией В. М. Бехтерева, были разнообразны и завораживающе постановкой задач научного междисциплинарного синтеза: от специальных исследований в области анатомии и гистологии нервной системы до вопросов евгеники, генетики, биомеханики физического труда, рефлекс-

сологии социальных групп и даже гипноза и телепатии [Там же. Л. 189], причем результаты научных изысканий Института не были идеологически предугаданными и порой даже противоречили установкам власти (Подробнее о работе одной из таких лабораторий и проводимых в ней исследованиях П. А. Сорокина (изучение голода, рефлексологии профессиональных групп) в 1919–1922 гг. [см.: Долгова]). Так реализовалась одна из поддержанных, умно и тонко проведенных в административном отношении, научных инициатив 1918 г.

Таким образом в условиях государственной программы мобилизации науки в целях рационального исследования производительных сил реализовывались, тормозились и отклонялись научные инициативы, смело выдвигаемые представителями научного сообщества в условиях первых постреволюционных лет. Среди важнейших критериев их возможной поддержки Научным отделом Наркомпроса были прикладной, практический характер предлагаемых проектов; их нацеленность на решение актуальных задач «государственного строительства» (например, в гуманитарных науках особое внимание привлекали проекты в области педагогики и экономики); проработанность плана реализации, обоснованность и в условиях государственной экономии умеренность сметы (по этой же причине отсекались проекты, «дублирующие» работу существующих институций). Важной, но не определяющей, была и не противостоящая политической власти риторика и тональность текста проекта. Рассмотренные выше примеры – записки о создании Института социальных наук А. С. Лаппо-Данилевского, Общества научной работы Б. И. Моисеева, Института по изучению мозга и психической деятельности В. М. Бехтерева – раскрывают приоритеты государственной поддержки научных проектов и особенности адаптации (умение встроить искомый проект в предлагаемые жесткие рамки) представителей научного сообщества.

Бухерт В. Г. «Без просвещения свобода не имеет большой цены и крепости». Статья А. С. Лаппо-Данилевского о необходимости создания института социальных наук. Июль 1918 г. // Ист. архив. 2013. № 2. С. 4–13.

ГАРФ. Ф. Р-130 (Совет народных комиссаров РСФСР-Совет министров РСФСР). Ф. А-482 (Министерство здравоохранения РСФСР). Ф. А-2306 (Министерство просвещения РСФСР). Ф. А-2307 (Главное управление музейных и научных учреждений (Главнаука) Наркомата просвещения РСФСР). Ф. Р-3415 (Коммунистическая академия при Центральном исполнительном комитете СССР).

Декрет ВЦИК и СНК об учреждении Государственной комиссии по просвещению (9 (22) ноября 1917 г.) // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 59–62.

Долгова Е. А. Изучение социальной проблематики в Лаборатории коллективной рефлексологии Института мозга и психической деятельности В. М. Бехтерева // Журнал социологии и соц. антропологии. 2016. Т. XIX. № 3 (86). С. 25–31.

Из отчета Научного отдела Наркомпроса за 1917–1919 гг. о задачах в области организации науки // Народ. просвещение. 1920. № 18–20. С. 97–99.

Малинов А. В. «Рассадник насущных знаний...»: деятельность А. С. Лаппо-Данилевского по организации Института социальных наук // Журнал социологии и соц. антропологии. 2013. Т. XVI. №3 (68). С. 17–28.

НИОР РГБ. Ф. 326 (Челпанов Георгий Иванович (1662–1936) (Научно-исследовательский отдел рукописи РГБ).

Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 4-го созыва. (Стенографический отчет). Госиздат. М., 1920.

РГАЛИ. Ф. 1345 (Собрание рукописей писателей, ученых, общественных деятелей).

СПбФА РАН. Ф. 113 (Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич).

Устав Института по изучению мозга и психической деятельности // Вопр. изучения и воспитания личности. 1919. № 1. С. 160–168.

УДК 94(47).084.5:338.24.021.8

Е. Б. Беспятова

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1920-е гг.): МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются критерии общеметодологической основы исследования теоретической проработки экономических реформ. В процессе исследования выявилось состоявшееся инновационное теоретическое обоснование возможности рационального развития экономики, сочетающей планомерное государственное регулирование и рыночную инициативу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инновационное развитие, НЭП, смешанная экономика, социалистическое строительство, экономическая наука.

В ситуации методологической ограниченности исторической науки, несмотря на множество применяемых приемов и методов, нет однозначного ответа на вопросы: было ли будущее у НЭПа и могла ли новая экономическая политика изменить социальный характер советского государства? Долгое время усилия исследователей были направлены главным

образом на описание и анализ практики НЭПа. Новаторство методологического подхода, выявляющего и обосновывающего каузальность обстоятельств уникальной истории НЭПа, должно включать исследование всех звеньев цепочки событий: «качество теоретической и идеологической проработки предполагаемых реформ; правовое, кадровое и финансовое обеспечение программы преобразований; определение соответствующих этапов как обсуждения различных проектов и предложений, так и конкретных шагов и стадий реализации реформ» [Шелухаев, с. 52].

В соответствии с темой статьи остановимся на исследовании теоретической разработанности НЭПа, учитывая, что без этого «звена» концептуальное осмысление феномена первого десятилетия советской экономической политики невозможно. При этом следует признать, что проблема теоретического обоснования нэповских реформ является «слабым звеном» в методологической интенсификации как выявления закономерностей социально-экономического развития России, так и определения исторической перспективы социалистической трансформации советского общества.

До недавнего времени полноценный анализ теоретико-практических разработок периода НЭПа был нереален. Не было объективных оценок необходимых первичных данных о событиях, происходящих в науке и «вокруг нее» (например, научного наследия советских экономистов). Такое положение дел способствовало распространению утверждения об отсутствии у экономической политики 1920-х гг. теоретического потенциала.

Также для большинства исследований научный анализ теоретических разработок, к сожалению, представлял задачу второстепенную. Одной из причин подобного невнимания являлось историографическое признание объективности отказа от нэповской экономики как экономики, не преодолевшей структурных и системных противоречий.

Вследствие этого в истории экономической мысли произошло то, что академик Л. И. Абалкин назвал «созданием пустыни» [Абалкин..., с. 16; Российская..., с. 95]. Из общественно-научной памяти произошло вымарывание десятилетия оригинального научного творчества. А «век высокой теории»¹ в России сменился утилитарно-прагматическим исследова-

¹ Метафора английского исследователя Дж. Шекли относится к периоду между двумя мировыми войнами XX века. Цит. по: Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки : учеб. пособие. М., 1995. С. 108.

тельским подходом, «подгоняющим» теорию под ожидаемый практический эффект и обслуживающим «квазисоциализм».

В современный период изучение научного наследия российских экономистов стало принципиальным фактором понимания причинно-следственной связи между инновационным потенциалом, интерпретируемым как инструментарий экономического роста, и политэкономическим выбором властей. Такое осмысление является важнейшим сегментом методологического подхода, вскрывающего причины отказа от «нэповской модели» социалистического строительства и превратности XX в. в историческом пути России. В широком контексте практические рекомендации по результатам исследования научно-теоретического обеспечения новой экономической политики имеют выход на современную экономическую политику.

Исследуемая нами проблема адекватности инновационного потенциала российских ученых-экономистов 1920-х гг., решению задачи вывода российской экономики из глубокого кризиса на «высокую» траекторию развития в обстановке международной «изоляции», экономических санкций и идеологического антагонизма сравнительно нова и почти не имеет разработанных подходов.

Целью данной статьи является определение критериев методологического подхода, способствующего прояснению ситуации об адекватности содержания инновационного потенциала решению нестандартных и уникальных задач, генерировавшихся «вызовом времени».

На сегодняшний день одним из основных принципов социокультурного подхода является принцип *homoactivus*, то есть признание преобразующего влияния на общество человека, обладающего свободной волей. В XX в. наиболее ярким представителем кластера «*homoactivus*» или социальным актором можно считать ученого-инноватора, обладающего генерирующим потенциалом в области фундаментальных и прикладных знаний.

В качестве исходной методологической базы для оценки научного потенциала экономических исследований целесообразно воспользоваться теорией инновационного развития Й. А. Шумпетера и его выводом о том, что промежуточным фактором в линейке «идея – инновационное развитие» является ученый-мыслитель, его идеи и разработанный им аналитический инструментарий [Шумпетер, с. 65–79].

Именно ученого-инноватора, а в широком смысле – ученого-мыслителя, участники международного исследовательского проекта «Культурные факторы модернизации» (2011–2016 гг.) [Аузан, Келимбетов, с. 42–44]

характеризовали в качестве важнейшего ресурса для реализации модернизаторских задач. В процессе исследования поведения россиян в инновационном секторе на основе методологических принципов вскрытия социокультурных характеристик для анализа экономической ментальности (методика американского социолога Р. Инглхарта и нидерландского социолога Г. Хофстеде) был составлен обобщенный портрет современного российского инноватора. Использование нами в качестве методологического приема предлагаемого социологами алгоритма определения ученого-инноватора основано на наличии ряда общих обстоятельств настоящего периода и 1920-х гг. Эта общность обуславливается тем, что социально-экономическая ситуация России ориентировочно в 1920 г. и в 2011–2017 гг., на языке экономической науки, находилась и находится на понижательной стадии большого цикла Кондратьева в фазе депрессии [Кондратьев; Акаев, с. 89]. А депрессия и частично фаза оживления по установленному факту является «лучшим» периодом для запуска инновационного процесса, процесса диффузии инноваций и тесно коррелируется с повышательной стадией экономической динамики цикла Кондратьева².

В связи с этим важным методологическим элементом предстоящего исследования является *теория больших циклов конъюнктуры Н. Д. Кондратьева*, интерпретируемая рядом крупнейших ученых-мыслителей в качестве первоосновы при формировании кластера инноваций, важнейших изобретений и новых теорий.

Таким образом, общеметодологической основой исследования могут послужить основные положения теории инноваций Й. Шумпетера, теория циклов в экономическом, социальном и культурном развитии Н. Д. Кондратьева и результаты исследований проекта «Культурные факторы модернизации». А разрабатываемый методологический подход будет заключаться в составлении матрицы, характеризующей потенциал ученого-инноватора в период понижательной и депрессионной стадий (экономического цикла Кондратьева). При помощи такой антропологической матрицы представляется возможным реконструировать портрет российского ученого-инноватора 1920-х гг. и проанализировать инновационный потенциал российских ученых-экономистов.

Для начала отметим выявленные исследователями проекта «Культурные факторы модернизации» ценностные характеристики россиян, способствующие инновационному прорыву страны и, как следствие,

² Эти явления были предсказаны Н. Д. Кондратьевым и установлены в результате исследований экономистов Г. Менеша (1979), М. Хироока (2006).

влияющие на повышательную динамику экономического роста: «восприятие профессии как призвания, а не как карьеры»; «фундаментальное образование»; «опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде»; «радикальный индивидуализм»; «короткий горизонт планирования» [Аузан, Келимбетов, с. 43].

Итак, специфической характеристикой и одновременно ресурсом инновационного развития является *«фундаментальное образование»*.

В 1920-х гг. многие российские экономисты имели не только фундаментальное образование, но и универсальную квалификацию, то есть по 2–3 образования: А. В. Чайнов, ученый-агроном, экономист, социолог; Н. Д. Кондратьев после окончания юридического факультета продолжил образование на кафедре политэкономии и статистики; А. А. Богданов, врач, экономист, философ, ученый-естествоиспытатель; В. А. Базаров, философ, экономист, историк, переводчик, окончил физико-математический факультет МГУ и философский факультет Берлинского университета; Г. А. Фельдман, экономист, математик, окончил два вуза в Германии и России; Г. Я. Сокольников, юрист, экономист, учился в России (МГУ) и Франции (Сорбонна); Л. Б. Кафенгауз, экономист, статистик; И. И. Рубин, юрист, экономист, историк экономической мысли; Н. П. Огановский, историк, экономист-аграрник, статистик; А. А. Рыбников, географ, экономист. В некоторых случаях отсутствие универсального образования в полной мере восполнялось самообразованием, проникновенной интуицией и талантом улавливать суть проблемы. Например, В. Г. Громан, экономист, статистик (окончил юридический факультет Московского университета), Е. А. Преображенский, экономист, социолог (учился на юридическом факультете Московского университета, но университет не окончил). А в ситуации «быстрого устаревания» прикладного знания именно универсальная квалификация и совмещение естественно-научного и гуманитарного знаний позволяли решать системные задачи «с несколькими переменными». Таким образом, показатель *«фундаментальное образование», дополненный критерием «универсальная квалификация»* является фактическим ценностным ресурсом для оценки потенциала социально-экономических исследований 1920-х гг., позволяющих государству реализовать стратегию инновационного прорыва.

Дополняет этот показатель характеристика *«восприятие профессии как призвания, а не как карьеры»*. Антикризисные поиски 1920-х гг. вывели экономическую науку на передний план разработки экономической стратегии и одновременно политизировали экономическую мысль, предопределяя потерю учеными свободы творчества.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что применительно к эвристическим изысканиям экономистов показатель «*восприятие профессии как призвания...*», без преувеличения, адекватен подвижничеству.

Поистине трагичными в судьбах экономистов были 1930-е гг. Политический лейтмотив остракизма (вредители, враги народа, заговорщики, террористы) доминировал и в отношении троцкистов (Е. А. Преображенский), и в отношении бывших меньшевиков (В. Г. Громан, Л. Б. Кафенгауз, А. М. Гинзбург, И. И. Рубин), и в отношении так называемых неонародников (Н. Д. Кондратьев, А. В. Чайнов, А. Н. Челинцев), и в отношении большевиков (Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников).

Однако, несмотря на сопричастность к терниям политической борьбы и преследований, желание работать большинством экономистов воспринималось как профессиональный долг. Гимном трагическому фатализму ученых 1920-х гг. звучат слова Е. А. Преображенского в тезисах «*Всем товарищам по оппозиции*», написанные в апреле 1929 г. Драматизм этого воззвания заключается в обреченном признании персональной ответственности за диссонанс между экономической целесообразностью, социально-экономической политикой и экономической теорией: «*Таковы все эти обстоятельства этого возвращения, и такова внутрипартийная ситуация, что в случае восстановления мы будем обязаны нести ответственность за то, против чего предупреждали, и подчиняться методам, на которые своего согласия не давали... если нас восстановят, мы, каждый из нас, получим обратно партбилеты, как будто согласимся на тяжкий крест*» [Дойчер, с. 82].

Таким образом, присутствующий у ученых-экономистов высокий уровень ценности самовыражения и самореализации соответствует выявленным необходимым модернизационным социокультурным критерием.

Важнейшим критерием инновационного потенциала ученых-экономистов, вытекающим из универсализма и высокой степени ценности самореализации, является «*опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде*». В свое время П. А. Столыпин, заметив, что «*в тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях*» [Шелохаев, с. 21], как бы предначертал важность сочетания в личности ученого стратегического мышления, творческого потенциала, гражданской мужественности и социальной ответственности. В нашем случае речь идет об экономистах, чей профессиональный прагматизм, верность принципам экономической целесообразности, особая харизма и высокая этическая позиция позволяли не бояться «*работы над ошибками*» и открыто

отказываться от догматичных взглядов. Это было время осознания противоречивых перспектив НЭПа и необходимости нового теоретического прочтения марксизма в условиях одновременного существования полуфеодалного сельского хозяйства, капиталистического товарного хозяйства, начальных форм социалистической экономики при общей культурной и технической отсталости.

Размышляя о хозяйственных и перспективных планах развития народного хозяйства, В. А. Базаров отмечал, что «удручающий момент нашего современного перспективного планирования» заключается в неопределенности самого задания, в недостаточной проясненности целевой установки плана. Чувство реальности и интуиция ученого придавали особый пафос его предупреждениям: «Можно идти самыми различными путями, но только один из них *оптимальный* (курсив в тексте – Е. Б.), т. е. приводящий... к наибольшему эффекту с наименьшими затратами. И если наш перспективный план, хотя бы на первых порах, существенно отклонится от этого оптимума, дело реконструкции народного хозяйства потерпит урон, который лишь очень нескоро может быть исправлен. Если мы в ближайшие годы будем строить не то, что нужно, не там, где нужно, и не в той последовательности, которая необходима для максимально быстрого развития производительных сил, то мы впредь до истечения амортизационных сроков, т. е. на 20 и более лет, свяжем, затормозим, исказим экономический рост страны этим нерациональным строительством. Мало того, этот непосредственный материальный ущерб неизбежно усугубится соответственной идеологической надстройкой: окостеневая на долгие годы, плановые ошибки строительства создадут уродливые навыки и организационные формы, неправильные приемы работы, которые в свою очередь заострятся в прочные непререкаемые традиции» [Базаров, с. 32].

Формирующийся общественный строй и эмпирический характер экономических реформ 1920-х гг. являлись питательной, но институционально не определенной средой, в которой экспериментировали не только ученые. Вызревали нетривиальные находки, казавшиеся абсурдными, идеи превращались в рациональные решения. Например, «парадокс Преображенского», или концепция А. В. Чаянова о совместимости социалистического строительства с сохранением трудового, но не капиталистического, крестьянского хозяйств, или гипотеза экономиста Юровского о товарном социализме.

В перечень ценностей, определяющих готовность общества к модернизации, включенный показатель «*радикальный индивидуализм*», в соответствии с *методологией Р. Инглхарта и Г. Хофстеда*, является важ-

нейшей неформальной ценностью, способствующей экономическому росту и развитию.

Однако ставшая общепринятой либеральная точка зрения, ставящая в прямую зависимость прогрессивное развитие общества и высокий уровень индивидуализации его членов, в наши дни уступает место другой точке зрения, связывающей усиливающийся индивидуализм со снижением чувства гражданской ответственности, дезинтеграцией общественного порядка, с появлением «интравертного» образа поведения и растущей непредвидимости поведения людей – “discretionary social behavior” (от лат. «в зависимости от собственного усмотрения») [Хабибулин, Дейнека], со снижением роли социальных регуляторов и общественной деградацией [Латова].

Для российской политико-экономической мысли не было откровением покаяние миссионера либерализма Дж. Сакса, сделанное в 2012 г. и свидетельствующее, по сути, об идеологическом поражении абсолютизации либеральных ценностей: «Американская экономика все больше служит лишь узкой части общества... Слишком многие в американской элите из числа сверх богатых и представителей высшего звена управления корпорациями и слишком многие из моих коллег по академическому сообществу отrekliлись от социальной ответственности. Эти люди гонятся за богатством и властью – до всего остального им нет дела» [Сакс, с. 13].

Во многом трансцендентальная российская экономическая традиция отличалась не прагматизмом, а тяготением к идеалам, стремлением к глобальному переустройству общества. В 1920-е гг. экстраполяция традиций российской политэкономической мысли, не сводившей эффективность к абсолютизации экономических количественных показателей, выразилась в анализе процесса трансформации сложившихся в России экономических институтов с учетом институциональных основ рынка и политических изменений. Феномен исследований российских экономистов 1920-х гг. заключался в стремлении не только описать и объяснить, как функционирует рыночное хозяйство, но и выработать механизм преодоления рыночной стихии, снижения социальных рисков и удовлетворения общественных и индивидуальных предпочтений. Можно сказать, что совокупной целью исследовательского поиска являлось построение социального государства.

Таким образом, при составлении антропологической матрицы российского ученого-инноватора 1920-х гг., проецирующей инновационный потенциал ученых-экономистов, надлежит заменить ценностный критерий «радикальный индивидуализм» на дихотомию «индивидуализм/

коллективизм». Научная значимость такой перемены подтверждается следующим. *Во-первых*, историко-экономической практикой XX – начала XXI в., предоставившей убедительные аргументы в пользу регулируемой, смешанной и социально ориентируемой экономики, гарантирующей результативность, устойчивость и справедливость. *Во-вторых*, осознанием современными учеными объективной реальности синтеза ценностей индивидуализма и коллективизма в общественном сознании и, как следствие, признание данной дихотомии важнейшим культурологическим индикатором [Латова]. *В-третьих*, результатом исследований современных российских социологов был установлен факт противоречивого сочетания в менталитете россиян ценностей коллективизма и индивидуализма [Там же]. *В-четвертых*, по мнению ведущих российских ученых (Л. Абалкин, Д. Сорокин), спецификой национальной школы экономической мысли в России всегда было особое внимание к социальной сфере экономической политики и «сознательное воздействие на экономические процессы в целях достижения социального благополучия всех членов общества» [Российская..., с. 4–72]. *В-пятых*, кризис экономической теории. Подвергая критике рациональность, максимизирующую индивидуальную полезность, представитель мейнстрима, лауреат Нобелевской премии Дж. Акерлоф обратил внимание на то, что «многие профессионалы в области макроэкономики и финансов так далеко зашли в направлении “рациональных ожиданий и эффективных рынков”, что вообще не принимают в расчет важнейшие процессы, лежащие в основе экономических кризисов. Если экономические модели не будут включать в себя иррациональное начало, то мы рискуем вообще не распознать реальный источник всех неприятностей» [Акерлоф, Шиллер, с. 201].

Далее критерий «*короткий горизонт планирования*», то есть отсутствие стратегического мышления и неумение поэтапно добиваться цели. На наш взгляд, данный культурологический индикатор в отношении ученых-экономистов 1920-х гг., свидетельствующий об отсутствии стратегического мышления и ориентации на решение исключительно тактических задач, не приемлем и требует более корректных формулировок.

В 1920-е гг. в советской России экономистами-инноваторами были сформированы основы теории стратегического планирования. Выдающиеся российские ученые Г. М. Кржижановский, В. И. Вернадский, Н. Д. Кондратьев, В. Г. Громан, П. И. Попов, Л. Литошенко, В. А. Базаров, А. М. Гинзбург стояли у истоков разработки принципов обеспечения пропорционального развития экономики на основе планомерного руководства хозяйственными системами. Задача развития научно-технической базы

экономики страны на базе электрификации была поставлена в 1920 г. первым в мире долгосрочным стратегическим планом – планом ГОЭЛРО. Разработка генерального плана развития народного хозяйства СССР на период 1928–1940 гг. проводилась на базе новаторского применения балансового метода централизованного планирования (В. Г. Громан, В. А. Базаров, П. С. Осадчий). Задача разработки актуальной на рубеже XX–XXI вв. методологии стратегического планирования, оценки природы и результатов кластера базисных инноваций впервые была поставлена и во многом теоретически решена выдающимся экономистом XX в. директором Конъюнктурного института Народного комиссариата финансов Н. Д. Кондратьевым. Диапазон и научная глубина, опередившей время *теории предвидения и методологии перспективного планирования*, позволяют признать ее постиндустриальной научной парадигмой.

Корректировка ценностного критерия «короткий горизонт планирования» заключается в признании важнейшим критерием экономистов-инноваторов 1920-х гг. – *«стратегическое мышление»*. Соответственно, как и в предыдущем случае, моделируя образ российского инноватора 1920-х гг., следует заменить критерий *«короткий горизонт планирования»* на *«стратегическое мышление»*, что, на наш взгляд, является объективным и справедливым.

Таким образом, антропологическая матрица свидетельствует о характерных признаках инновационного потенциала в оригинальных разработках экономистов 1920-х гг., сочетающих практический анализ с разработкой концепций долгосрочной стратегии.

Итак, социокультурный подход, представляющий комплекс методологических элементов, допускает утвердительный ответ на вопрос об адекватности содержания потенциала социально-экономических инновационных разработок решению нестандартных и уникальных задач, поставленных практикой социально-экономического развития России. Очевидно также, что требуются дополнительные исследования в направлении анализа адаптации научных идей к разнообразным структурным, институциональным, национальным и иным формам.

Абалкин Л. И. В поисках новой парадигмы социально-экономического развития // Наука и власть. Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М., 2001. С. 16–35.

Акаев А. А. От эпохи Великой дивергенции к эпохе Великой конвергенции: Математическое моделирование и прогнозирование долгосрочного технологического и экономического развития мировой динамики. М., 2015.

Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М., 2010.

Аузан А., Келимбетов К. Социокультурная формула экономической модернизации // *Вопр. экономики.* 2012. № 5. С. 38–44.

Базаров В. А. О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // *Эконом. обозрение.* 1927. № 5. С. 31–53.

Дойчер И. Троицкий. Изгнанный пророк. 1929–1940 гг. М., 2006.

Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения // *Избр. труды.* М., 2015.

Латова Н. В. Эволюция теорий индивидуализма // *Онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://encyclopaedia.bigra.ru/enc/liberal_arts/INDIVIDUALISM.html.* (дата обращения: 11.10.2016).

Латова Н. В. Этнометрический анализ российской экономической ментальности по методике Г. Хофстеда // *Институт социологии РАН. Архивный банк социологических данных [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210259849.pdf.* (дата обращения: 11.10.2016).

Российская экономическая школа в контексте мировой экономической мысли // *Вопр. экономики.* 2001 г. № 2. С. 4–72.

Сакс Дж. Цена цивилизации. М., 2012.

Шелохаев В. В. Столыпинский тип модернизации // *Рос. история.* 2012. № 2. С. 18–36.

Хабибулин Р. К., Дейнека О. С. Феномен постматериалистических ценностей и проблема политической стабильности // *Современные проблемы науки и образования (научный журнал) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17300>* (дата обращения: 11.10.2016).

Шелохаев В. В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // *Россия в XX веке: Реформы и революции : в 2 т. Т. 1.* М., 2002.

Шумпетер Й. История экономического анализа // *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков : в 5 т. Т. IV. Век глобальных трансформаций / отв. ред. Ю. Я. Ольсевич.* М., 2004.

«ПОТРУДИТЕСЬ ОТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
ВАШИХ ВЗГЛЯДОВ ВОЗДЕРЖАТЬСЯ...»
(К 95-ЛЕТИЮ ВЫСЫЛКИ
ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ)

Автор на основе источников анализирует формирование концепции социалистического строительства в 1920-е гг., утверждает, что основные идеи и методы в области «культурной революции» были разработаны В. И. Лениным. Отмечается, что практика 1920-х гг. по социалистическому преобразованию страны началась с «философских пароходов», продолжилась дискуссией о судьбах интеллигенции в 1923–1925 гг., завершилась судебными процессами 1928–1929 гг. и подготовила переход к форсированному строительству социализма в 1930-е годы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революция 1917 г., большевики, «культурная революция», высылка, «философские пароходы», интеллигенция, репрессии, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Н. А. Бердяев.

В современной отечественной и зарубежной историографии продолжают разграничивать исторические процессы 1920-х и 1930-х годов, чаще всего противопоставляя «демократизм» нэпа и «сталинизм» 1930-х гг. [Между канунами, с. 1048, 1063]. На наш взгляд, это не соответствует тем объективным процессам, которые проходили в 1920-е гг., особенно в идеологической и культурной сфере. Изучение источников позволяет говорить о том, что основные черты сталинского проекта строительства социализма в СССР были сформулированы и оформились в 1920-е гг., т. е. в условиях нэпа. Активным участником этого становления был В. И. Ленин. Название статьи взято из политического доклада Ленина на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г. Прошел год с введения в стране нэпа, в обществе усиливаются ожидания политических свобод, наблюдается рост числа дискуссий на эту тему. Ленин в своем выступлении дает ответ по этому вопросу, четко определяет, что никакой свободы и демократии в идеологической области, в политической жизни не будет. Обращаясь к своим оппонентам, он дает разъяснение: «Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказываний ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться

как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины». Здесь же Ленин определяет и основной метод решения политических споров: «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое». [Одиннадцатый съезд РКП(б), с. 25]. Это ленинское указание просматривается в массе других документов, оно получило поддержку в решениях Коминтерна. На расширенном пленуме ИККИ в марте 1922 г. осуждалась любая оппозиционная деятельность в РКП(б) и выносилось предупреждение о последствиях такой деятельности: «Всякий ущерб РКП конференция считает вредом для Советской России и для всего Коммунистического Интернационала» [Коммунистический Интернационал, с. 199]. На наш взгляд, именно подобная поддержка Коминтерна развязала руководству РКП(б) руки в борьбе с меньшевиками и эсерами, привела к проведению против них летом 1922 г. судебных процессов и запрету их деятельности. В стране установилась окончательно однопартийная система.

В марте 1922 г. Ленин рассылает членам Политбюро строго секретный документ с особым указанием: «Просьба ни в коем случае копии не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинину тоже) делать свои заметки на самом документе» [История России, с. 224]. Речь в документе идет об изъятии церковных ценностей, которые должны были пойти на ликвидацию экономической разрухи и голода. Ленин уточняет в документе задачи партийных и карательных органов: «На совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [История России, с. 225–226].

Самым массовым и заметным явлением 1922 г. в утверждении диктатуры РКП(б) и ее идеологии становится высылка гуманитарной интеллигенции. Историки считают, что данная идея вызревала долго, тщательно прорабатывались механизмы и практика ее реализации. Первой жертвой намеченной политики стали члены Помгола (Всероссийского комитета помощи голодающим), где из 73 человек 61 представляли «старую интеллигенцию». Комитет действовал автономно, имел широкие связи с границей, постепенно становился центром гражданской активности.

Очевидно, что такую деятельность по спасению от голодной смерти людей советское руководство считало больше политической, чего в дальнейшем не могло допустить. Ликвидацию Помгола можно считать как первым шагом по борьбе с интеллигенцией, так и поводом к ее дальнейшей высылке [Главацкий, с. 13–16]. Именно в эти годы определилась в целом политика по отношению к интеллигенции. Чтобы это понять, достаточно взять сборник ленинских работ по вопросам культуры, где самыми повторяемыми словами в адрес интеллигенции будут: заставить, подчинить, поставить под контроль, использовать и т. д. [Ленин]. В начале 1920-х гг. формируется антиинтеллигентская политика, которая в 1930-е гг. примет форму «спецеедства».

Многие исследователи считают, что причиной высылки также послужил переход к политике нэпа, вернее, ее интерпретация. Интеллигенция надеялась на демократизацию, на развитие общественных институтов, на деятельность всевозможных союзов, кружков, обществ. Это проявлялось в выступлениях на различных собраниях, в прессе, в развитии «сменовеховства», что не соответствовало пониманию сути нэпа Лениным. Он не допускал никакого инакомыслия, никакого другого участия, кроме РКП(б), в выработке идеологии советского общества. Получается, что идею высылки гуманитарной интеллигенции мало было изобрести, ее нужно было теоретически обосновать, сделать руководством для партийных органов, разработать практически сам механизм высылки.

19 мая 1922 г. Ленин пишет Дзержинскому: «Т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглушим» [Главацкий, с. 71–72]. Идет широкомасштабная работа по подготовке общественного мнения, чему способствовали публикации в газетах, где интеллигенцию представляли «внутренним врагом». 2 июня 1922 г. в «Правде» появляется статья на эту тему под названием «Диктатура, где твой хлыст?» Автор подписался псевдонимом «О». Историки провели длительную и тщательную работу по установлению авторства этой хлесткой статьи. Итог оказался предсказуемым. Автором статьи являлся один из лидеров партии – Троцкий. Детонатором высылки становятся проводимые врачами, учеными, учителями, геологами и т. д. съезды, где обсуждались проблемы страны, политика партии, звучали политические требования. Нарком Н. А. Семашко в своей записке в Политбюро РКП(б) дает оценку съезду врачей и требует «выжечь каленым железом» идею «земщины» [Главацкий, с. 96].

24 мая 1922 г. Политбюро принимает постановление о мерах по отношению к интеллигенции, 8 июня создает комиссию и организует практическую работу по подготовке к высылке. О том, сколь острым и бурным в 1922 г. был вопрос об отношении к колеблющейся интеллигенции, свидетельствует тот факт, что за один этот год Политбюро ЦК РКП (б) около 30 раз обсуждало на своих заседаниях меры по ее депортации, закрытию печатных органов и ликвидации политических течений, обвиненных в антисоветской деятельности [Гак, Масальская, Селезнева, с. 89]. Очевидно, что, несмотря на обилие хозяйственных проблем, партийное руководство торопилось решить вопросы, связанные с судьбой отечественной интеллигенции.

Нужно отметить, что активную позицию по подготовке высылки интеллигенции занимал Сталин, избранный в марте 1922 г. на XI съезде Генеральным секретарем ЦК РКП (б). 16 июля Ленин пишет ему письмо, где дает характеристику многим представителям интеллигенции как «злейшим врагам» и явно подталкивает Сталина к более активным действиям: «Всех их – вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовывать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте господа!» [Главацкий, с. 107–108]. Сталин не пропускал ни одного заседания Политбюро, вел их самостоятельно и уже в эти годы управлял партийной структурой. Он участвовал в подготовке высылки, владел всей информацией по данной проблеме, что в дальнейшем определило его отношение к интеллигенции.

Процесс составления списков на высылку, проведение этой операции на основе документов обстоятельно исследовали сибирские историки В. Соскин и С. Красильников. В 2002 г. к 80-летию высылки интеллигенции вышло исследование М. Е. Главацкого, который ввел в научный оборот новые источники, рассмотрел различные точки зрения по данной проблеме [Главацкий]. Нужно отметить, что к 95-й годовщине высылки журнал «Родина» сделал подборку материала о пассажирах «философского парохода», акцентировав внимание читателей на то, «что потеряла Россия 95 лет назад», выслав за границу образованных, мыслящих, талантливых «контрреволюционеров» (Н. Бердяев, В. Булгаков, П. Сорокин, И. Ильин) [Пассажиры философского парохода]. Доказано, что в три списка первоначально было включено 174 человека. Списки добавляли, меняли в них фамилии, кого-то даже исключали из них. Название акции «философский пароход» условно, так как одновременно с двумя пароходами из Петрограда в Штеттин отплывали корабли из Одессы и Севастополя, отходили поезда из Москвы в Латвию и Германию. И все они

увозили из Советской России цвет гуманитарной интеллигенции [Пассажиры философского парохода, с. 15]. Высылка сопровождалась массовыми арестами, увольнениями. Самовольный отъезд из страны строго карался. Не нужно забывать, что одновременно шло выталкивание интеллигенции из крупных городов в отдаленные районы страны, т. е. в ссылку.

Вопрос об отношении власти и интеллигенции оставался злободневным и после событий 1922 г. В 1923–1925 гг. в стране началась дискуссия о судьбе интеллигенции. Материалы дискуссии были засекречены весь советский период, только в 90-е гг. к ним получили доступ историки, стали появляться обстоятельные исследования по материалам дискуссии, например, работа сибирских историков «Судьбы русской интеллигенции» [Судьбы русской интеллигенции].

Дискуссия стала заметным явлением в общественной жизни, она не отождествлялась ни с митингами периода Гражданской войны, ни с пропагандистскими кампаниями 1922 г. Отмечалось, что страх, возникший после высылки интеллигенции в 1922 г., начал проходить, возрождалась надежда на возникновение понимания между властью и интеллектуалами, появилась возможность диалога. В ходе дискуссии выявилось несколько основных позиций, за которыми стояли различные группы представителей советской и партийной власти, разных слоев интеллигенции. Выделим по материалам дискуссии четыре, наиболее характерные, точки зрения.

Позиция «старой, демократической» интеллигенции представлена в выступлениях П. Н. Сакулина (литературовед), М. А. Рейснера (правовед) и др. Они настаивали на сохранении свободы творчества, мнений, на создании приемлемых условий работы и на прекращении антиинтеллигентской политики. Сакулин четко сформулировал эту позицию: «Из истории культурного человечества мы знаем, что внешнее давление на творческую мысль никогда не давало ожидаемых результатов» [Судьбы русской интеллигенции, с. 31–32]. Близко к этой группе по своим взглядам были лидеры «сменовеховского» движения» Ю. Н. Потехин, Ю. В. Ключников (профессор МГУ) и др.

Противоположную точку зрения имели представители Пролеткульта. Выражая свое мнение, они настаивали на праве партии на монополию в сфере культуры. Особенно по-революционному это прозвучало на дискуссии в выступлениях И. В. Вардина: «Мы хотим, чтобы могучее оружие художественного слова в нашей советской республике направлялось правильно, мы хотим партийного ленинского руководства художественной литературой» [Судьбы русской интеллигенции, с. 61, 77, 120]. Его активно поддерживали Г. Лелевич и М. Ю. Левидов.

Со стороны партии в дискуссии принимали участие большевики-интеллектуалы, представители ленинского состава Политбюро: Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев. Смысл их выступлений сводился к тому, что должно осуществляться партийное руководство культурой, идеологией, что необходимо создавать приемлемые условия для работы специалистов и поддерживать диалог с ними. Яркие ораторы, они оказывали особенно большое влияние на представителей молодой, уже советской интеллигенции. Так, Н. И. Бухарин утверждал, что «партия никогда не сможет выпустить руля из своих рук и стать на точку зрения другой идеологии», что кадры интеллигенции должны быть «натренированы идеологически на определенный манер», что «мы желаем иметь таких работников, которые могут работать только в Москве» [Судьбы русской интеллигенции, с. 5, 39, 41]. А. В. Луначарский был солидарен с Н. Бухариным в своем отношении к интеллигенции. В 1925 г., участвуя в дискуссии, он отмечает, что «интеллигенция играет в жизни общества большую роль», «пролетариату в высшей степени нужно сотрудничество интеллигенции», но здесь же констатирует: «Поэтому завоевание интеллигенции пролетариатом сводится не к физическому завоеванию, не к тому, чтобы посадить к каждому организатору-интеллектуалу по комиссару, не столько по линии принуждения, сколько по линии убеждения» [Судьбы русской интеллигенции, с. 21–22]. Лидеры партии, несмотря на свое более мягкое отношение к интеллигенции, остаются все же на большевистских позициях. Тот же А. Луначарский в заключительной речи отметил: «Свободы для Булгаковых у нас быть не может. Говорят: дайте нам свободу. Мы отвечаем, что допускаем свободу в тех рамках, в которых она не становится «контрреволюционной» [Судьбы русской интеллигенции, с. 54].

Сталин и его ближайшее окружение уже отделили себя от интеллигенции, от «ленинской старой гвардии». Их идеалом являлся руководитель партии из бывших рабочих (Ворошилов, Киров) или крестьян (Калинин). Они напрямую не участвовали в дискуссии, да и не могли по уровню своего образования, но сделали практические политические выводы. К 1925 г. произошло сращивание мнения «верхов» и «низов» по отношению к интеллигенции, что и закрепило политику «спецеедства». Например, партийная организация Мотовилихи принимает решение «переселить спецов в рабочие квартиры, отобрать у них лишнюю мебель и вывернуть лишние лампочки» [ПермГАНИ]. На местах слышались призывы о трудовом перевоспитании интеллигенции, поощрялись хулиганские выходы и травля, допускалось материальное ущемление. К концу 1920-х гг.

Сталин полностью освободился от «ленинского Политбюро», заменив большевиков-интеллектуалов на своих соратников. Репрессии 1930-х гг. «проглотили» большинство участников дискуссии. В сборнике документов [Судьбы русской интеллигенции] помещены их биографии, где датами смерти чаще всего стали 1928–1929 и 1935–1938 гг.

Реализация социалистического проекта началась с нового витка репрессий против интеллигенции. Специалисты, профессионалы своего дела стали выступать со своими предложениями по темпам и методам индустриализации, коллективизации, культурной революции. Это было воспринято партийным руководством как саботаж строительства социализма, как антисоветская деятельность. В 1928–1931 гг. были организованы десятки сфальсифицированных судебных процессов против интеллигенции: «Шахтинское дело», дела Промпартии, Трудовой крестьянской партии, «Союзного бюро» меньшевиков, историков и краеведов, «Союза освобождения Украины» и др. Тысячи известных специалистов в своих областях (Чаянов, Кондратьев, Рамзин, Платонов, Тарле и др.) были арестованы, осуждены, посажены в тюрьмы и сосланы [Куманев; Куманев, Куликова]. Эти процессы, а также целый пакет постановлений по вопросам образования, печати, культуры подвели своеобразный итог политике ВКП (б) по отношению к интеллектуальному потенциалу страны, свидетельствуют о том, что уже к началу 1930-х гг. был установлен партийный контроль над интеллигенцией, существовала тотальная цензура.

Гак А. М., Масальская А. С., Селезнева И. С. Депортация инакомыслящих в 1922 г. (Позиция В. И. Ленина) // Кентавр. 1993. № 5. С. 79–90.

Главацкий М. Е. «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург, 2002.

История России. 1917–1940 : хрестоматия. Екатеринбург, 1993.

Коммунистический Интернационал в документах (1919–1932 гг.). М., 1933.

Куманев В. А. 30-е гг. в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991.

Куманев В. А., Куликова И. С. Противостояние: Крупская-Сталин. М., 1994.

Ленин В. И. О культурной революции. Изд-е второе. М., 1971.

Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г. Бордюгова. М., 2013.

Одиннадцатый съезд РКП(б) март-апрель 1922 года : стенографический отчет. М., 1961.

Пассажиры философского парохода // Родина. 2017. № 9. С. 12–37.

ПермГАНИ. Ф. 620 (Мотовилихинский райком партии). Оп. 1. Д. 187. Л. 26–30.

Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий 1923–1925 гг. Новосибирск, 1991.

УДК 94(47).084:378.1

В. В. Петров

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Системный кризис, который произошел в российском социуме в начале XX в., показал, что отечественная система высшего образования, сформировавшаяся в XIX в. в соответствии с европейской университетской традицией, оказалась не в состоянии удовлетворить запросы, предъявляемые со стороны развивающегося социалистического общества, что привело к серьезным изменениям формы и структуры высшей школы. Основные организационные принципы системы университетского образования в социалистической России, которые были заложены в 1918–1930 гг. и оставались практически неизменными на протяжении всего XX в., оказали как положительное, так и отрицательное влияние на развитие университетов в СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социум, системный кризис, наука, образование, университет.

Развитие высшей школы является одной из важнейших предпосылок социально-политических, социально-экономических и социально-культурных преобразований. От того, насколько институт образования в целом и высшая школа в частности готовы к изменениям, во многом зависят интенсивность и последовательность преобразований в экономике, науке, образовании и других общественных институтах. Системный кризис, который произошел в российском социуме в начале XX в. показал, что отечественная система высшего образования, сформировавшаяся в XIX в. в соответствии с европейской университетской традицией, оказалась не в состоянии удовлетворить запросы, предъявляемые со стороны развивающегося социалистического общества. Государство рабочих и крестьян предъявляло качественно новые требования к системе образования для подготовки «советского человека», что привело к серьезным изменениям формы и структуры российской высшей школы.

Напомним, что в России появление университетов изначально было связано со стремлением государства к большей открытости и расширению связей с Европой. Университеты в своем идеальном понимании предполагали преодоление национальных границ и утверждали уникальность высшего образования.

В проектах философа Г. В. Лейбница, представленных Петру I, впервые прозвучала идея создания российских университетов с целью приобщить Россию к успехам, уже достигнутым в Европе [Андреев, с. 162].

Такие идеи перекликались с характерным для этого времени утилитарным отношением к образованию как инструменту подготовки государственных чиновников. Таким образом, создание университетов «диктовалось не потребностями народа в его текущем состоянии, но, напротив, университет рассматривался как средство преобразования России, изменения образа мыслей людей» [Андреев, с. 162].

К началу Первой мировой войны в России сформировалась система университетского образования, которое «охватывало разнообразные отрасли научных знаний, включая филологию, историю, юридические, физико-математические, естественные, географические, медицинские и другие науки» [Зиновьев, с. 20]. А перед революцией 1917 г. в России уже сложилось отношение к высшему образованию как к предмету роскоши; многие молодые люди предпочитали общему высшему образованию образование специальное. Но общество крайне нуждалось не в обученных, а в образованных людях, поскольку образованные люди и специалисты в конкретных областях знания на окраинах нашего отечества представляли собой чрезвычайную редкость [Петров, 2012, с. 67]. Революция 1917 г. полностью изменила университетскую систему – высшее образование в стране стало частью государственного экономического планирования. Советская государственная политика в области образования строилась на нескольких базовых принципах. *Во-первых*, в советском обществе социальный институт образования являлся функцией не общественного, а государственного заказа, что отражало особенности государственного устройства СССР. *Во-вторых*, система образования ориентировалась на формирование личности, которая могла адаптироваться к условиям действующих в стране общественных институтов и экономической политики, что включало в себя коммунистические идеалы и ценности советского образа жизни. Высшая школа была ориентирована на формирование «унифицированной» и «идеологически выдержанной» личности, воспитание которой рассматривалось как важнейшая функция государства. *В-третьих*, система высшего образования выпускала специалистов для производственных отношений, сложившихся на этапе индустриальной модернизации и доминировавших в Советском Союзе до начала 1990-х гг. Это была система достаточно диверсифицированного и многоотраслевого производства, в основном соответствующая индустриальной стадии развития общества. И, наконец, *в-четвертых*, структура производства,

сложившаяся в СССР, весьма консервативная по своему типу, задавала общие контуры запросов к системе высшего профессионального образования. Сегодня практически никем не оспаривается тезис о том, что базисные структуры советского общества, определившие траектории развития науки и высшего профессионального образования на десятилетия вперед, сформировались в 1930-х гг. В годы первой пятилетки в СССР началась реализация того курса развития, который отдельные специалисты ныне рассматривают сквозь призму концепции «догоняющей модернизации, осуществляемой в контексте социалистических преобразований» [Алексеев, с. 42]. В рамках этой концепции представлялось, что индустриализация открывает перед наукой и высшей школой новые перспективы. Однако на практике больше возможностей появлялось лишь для тех направлений исследований, которые могли привести к быстрым практическим результатам и не затрагивали фундаментальных, теоретических основ системы знаний.

Кроме того, реализованная на практике социалистическая модель экономики включала в себя и такие особенности, как ригидность экономических структур и отсутствие внутренних стимулов к инновациям [Гайдар, с. 323]. Такие концептуальные ограничения не могли способствовать эффективности научных разработок в экономике страны за пределами административных директив, что ставило институт науки и образования в серьезную зависимость от властных структур.

Тем не менее начало практической реализации индустриализационного вектора развития страны превратило науку в одну из отраслей экономики и окончательно утвердило инструментальную парадигму в отношении власти к науке и высшей школе, концепцию, которая сохраняла свою актуальность на протяжении всей советской истории. Одновременно оформились и принципиальные установки советской научно-технической и научно-образовательной политики. Как отмечают специалисты, «переломным в этом отношении явился 1928 г., осенью которого стартовала первая советская пятилетка» [Научно-образовательный потенциал..., с. 136].

С началом форсированной индустриализации наиболее острой оказалась проблема не столько научных исследований, сколько подготовки квалифицированных специалистов для различных отраслей экономики. Это хоть и способствовало развитию высшей школы в целом, но нанесло серьезный ущерб классическому университетскому образованию: развитие вузов становилось «стартовым этапом» программы социально-эконо-

мической модернизации, поэтому приоритет получали вузы, способные готовить практикоориентированных специалистов с технологическим уклоном.

В 1928 г. на июльском Пленуме ЦК ВКП (б) была поставлена задача существенного расширения системы высшего технического образования, и в частности организации в стране технических вузов нового типа. В дальнейшем увеличение потенциала высшего образования с акцентированием его технологического сегмента стало долгосрочным приоритетом советской научно-технической политики.

Параллельно создавались многочисленные новые вузы, преимущественно технического профиля – металлургические, энергетические, машиностроительные, транспортные и др. Большая часть вновь образованных институтов формировалась за счет разукрупнения существующих учебных заведений. Лишь за годы первой пятилетки сеть вузов в СССР увеличилась более чем в три раза – со 152 до 701 учреждения (в РСФСР соответственно с 90 до 428 вузов). В дальнейшем был взят противоположный курс и сделан акцент на их укрупнение и укрепление. В итоге к 1937 г. в 700 вузах страны насчитывалось около 27,5 тыс. научно-педагогических работников, в том числе около 4,4 тыс. профессоров и свыше 9 тыс. доцентов [Водичев, с. 229].

К 1940/41 уч. г. в стране насчитывалось 817 вузов, из которых 481 находился на территории РСФСР. К 1939 г. около трети всех российских вузов действовали в Москве (82) и Ленинграде (60). Крупнейшими центрами высшего профессионального образования в России, кроме «столичных» городов, являлись Саратов (14 вузов), Воронеж (13), Казань (12). В азиатской части РСФСР в этом списке числился лишь Томск с восемью высшими учебными заведениями, включая университет [Чуккерашвили, с. 98–99].

С начала 1930-х гг. основными элементами структуры вузовской системы СССР становятся политехнические институты и отраслевые вузы, которых было подавляющее большинство [Чуккерашвили, с. 78]. Такая политика привела к тому, что на рубеже 1920–1930-х гг. ряд университетов прекратил свое существование в «классическом» виде, хотя и дал основу для формирования на своей базе отраслевых, преимущественно технических вузов.

Процесс дробления вузов и создания на их основе узкопрофильных «карликовых» учебных заведений принял в стране лавинообразный характер. Эта стратегия имела своей целью формирование разветвленной сети отраслевых вузов для массовой подготовки специалистов по дифференцированным специальностям для быстро развивающегося народно-

хозяйственного комплекса. На деле же она привела к обратному результату. Новые вузы не удалось обеспечить квалифицированными специалистами, создать для них необходимые финансовые и институциональные условия развития. Оказалась нарушенной и управляемость системы высшего образования в целом. В результате началась резкая деградация учебной и научной базы вузов, что в конечном итоге привело к снижению качества подготовки выпускников [Водичев, с. 230–231].

Проблема была осознана как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Смена структурного вектора научно-образовательной политики развивалась не менее стремительно и отличалась таким же радикализмом, что и предыдущие трансформации высшей школы: в 1931 г. ЦИК СССР принимает постановление «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах», восстанавливающее статус университета. В нем требуется укрепить существующие классические университеты и организовать новые в региональных центрах. Важным следствием данного постановления стала разработка нового университетского устава, где на университет возлагались функции подготовки не только специалистов, но и специалистов-исследователей, а также преподавателей вузов. Это было вызвано сугубо практической необходимостью ликвидации острого дефицита преподавателей в других сегментах системы высшего и среднего специального образования, что сдерживало модернизацию экономики. Кроме того, на университеты были возложены обязанности по организации научно-исследовательской деятельности и развитию дальнейшего послевузовского образования. Уже в первой половине 1930-х гг. часть «карликовых» вузов ликвидировали путем укрупнения вузов за счет слияния родственных и близких по профилю учебных заведений.

Таким образом, основные организационные принципы системы университетского образования в СССР, которые были заложены в 1918–1930 гг. и оставались практически неизменными на протяжении всего существования Советского Союза, включали в себя следующие положительные компоненты: во-первых, в основу советской модели легла европейская, преимущественно немецкая модель исследовательского университета, хотя и в существенно урезанном варианте; во-вторых, сохранилась корпоративность культуры профессорско-преподавательского состава «старой школы», что давало возможность университету принимать участие в общественно-политической жизни; в-третьих, университеты, являясь региональными учебными центрами, выполняли не только образовательную, но и определенную социальную функцию. В то же время существовал и ряд негативных моментов, отрицательно сказавшихся на развитии

советского университетского образования. Прежде всего формирование университетской модели происходило под жестким контролем государства. Вследствие этого университеты находились в серьезной идеологической и экономической зависимости от государства, определявшего формы, виды и содержание образовательных программ. Кроме того, организационные перегибы образовательной политики, реализуемой в системе высшего образования, существенно сдерживали развитие университетов, которые в дальнейшем оказались не в состоянии адекватно реагировать на динамику социума.

Эти негативные факторы не были учтены должным образом многочисленными советскими реформаторами [Петров, 2016, с. 66] и в результате очередной системный кризис, произошедший в России уже на рубеже XX–XXI вв., привел практически к тем же самым последствиям, что и сто лет назад: *во-первых*, в результате социальных потрясений в связи с дефицитом бюджета происходит существенное сокращение финансирования науки и образования. *Во-вторых*, кризис способствует резкому увеличению количества малых вузов, гордо именуемых университетами, но не отличающихся качественным уровнем преподавательской деятельности и студенческого состава; *в-третьих*, как и сто лет назад, в любой кризисной ситуации на первый план выдвигаются профильные высшие учебные заведения, ориентированные на подготовку «узких» специалистов преимущественно технической направленности; *в-четвертых*, недофинансирование приводит вузы к необходимости минимизации затрат путем сокращения периода обучения и привлечения дополнительных средств за счет реализации цикла «коротких программ», что в конечном итоге приводит к серьезному снижению качества образования.

Алексеев В. В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия : Урало-Сибирские исторические чтения, посвященные 275-летию Российской академии наук. Екатеринбург, 2000.

Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высш. образование в России. 2005. Ч. 1. № 1. С. 156–169.

Водичев Е. Г. Высшая школа в условиях системных трансформаций: сравнительно-исторический аспект. Новосибирск, 2013.

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. 3-е изд. М., 2005.

Зиновьев С. И. Учебный процесс в советской высшей школе. М., 1975.

Научно-образовательный потенциал Сибири в первой половине XX в.: динамика и механизмы развития / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск, 2009.

Петров В. В. Инновационное образование в современной России. Новосибирск, 2012.

Петров В. В. Организационная культура производства фундаментального знания в условиях системных трансформаций: российская специфика // Гуманитар. вектор. Серия: философия, культурология. Т. 11. Вып. 2. 2016. С. 65–71.

Чуткерашвили Е. В. Кадры для науки. Специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах. М., 1968.

УДК 930(47).084.6+902

А. В. Шаманаев

«НА СЛУЖБЕ ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ КЛАССОВ»: ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО

В статье рассматриваются особенности восприятия исследований русских дореволюционных археологов в 1930-х гг. Автор анализирует положения монографии М. Г. Худякова (1933), в которой история археологической науки построена на принципе отрицания достижений досоветских ученых. Автор полагает, что работа М. Г. Худякова оказала влияние на представления отечественных ученых о низком уровне археологических исследований в Российской империи и способствовала слабому интересу к истории археологии в СССР.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история СССР, история археологии, историография, советская идеология, Худяков Михаил Георгиевич.

Для отечественной археологии, как и для всей страны, 1929 г. стал годом «великого перелома». Процесс постепенного проникновения идеологии правящей партии в археологическую науку перешел на качественно новый уровень, что привело к интеллектуальному и физическому устранению тех исследователей, которые позволяли сомневаться в правильности установок партийных лидеров. Примечательно, что в современной историографии период конца 1920-х – начала 1930-х гг. получил схожие оценки А. А. Формозова и Л. С. Клейна, несмотря на то, что их суждения по многим другим вопросам истории археологии существенно различаются [Клейн, 1993, с. 18–22; Формозов, с. 49–62]. Л. С. Клейн назвал это время «революцией в археологии», А. А. Формозов определил суть происходивших событий как «разгром» [Клейн, 1993, с. 18; Формозов, с. 49]. Глобальными последствиями этих трансформаций стали полное

изменение научно-организационных структур археологической науки (Н. И. Платонова) и разрыв советских археологов с дореволюционной традицией (Г. С. Лебедев) [Лебедев, с. 432; Платонова, с. 219].

После 1917 г. археология в советской России некоторое время находилась вне сферы жесткого идеологического контроля. Н. И. Платонова полагает, что до 1924 г. Наркомпрос ограничивался номинальным оформлением преобразований в научной и музейной сферах, связанных с этой дисциплиной [Платонова, с. 215]. А. А. Формозов считал, что этап самостоятельного развития археологии можно продлить до 1929 г. [Формозов, с. 39]. В этот период научные разработки археологов во многом определялись деятельностью Российской (с 1926 г. – Государственной) академии истории материальной культуры, созданной в 1919 г. (далее – ГАИМК) [Пескарева, с. 30–32]. Сотрудникам этого учреждения удалось сохранить коллекции, архивы, традиции досоветского времени. Археологи, оставшиеся на родине и избежавшие гибели в годы Гражданской войны, в основном продолжали исследования, начатые до 1917 г., сохраняя приверженность теориям и методам, сложившимся в конце XIX – начале XX в.

В начале 1920-х гг. был издан первый на русском языке целостный обзор истории археологии. В 1923 г. С. А. Жебелев опубликовал двухтомное «Введение в археологию». Первая часть книги была посвящена «истории археологического знания», включая историю археологии в России [Жебелев]. Исследование С. А. Жебелева не содержит каких-либо признаков влияния «марксизма» или коммунистической идеологии. В выходных данных «Введения...» более уместным был бы 1913 г. (курс лекций, на котором основан текст, ученый читал до Первой мировой войны) [Платонова, с. 24]. Так, автор дал весьма своеобразную для Советской России оценку вклада монархов Российской империи в развитие археологии: «русские цари в истории археологии должны быть помянуты добрым и благодарным словом» [Жебелев, с. 121]. В целом работа С. А. Жебелева была попыткой последовательно и объективно изложить историю археологического знания.

Период снисходительного попустительства со стороны власти к археологии закончился в 1929 г. Для формирования новой советской археологической науки в руководстве ГАИМК были произведены кадровые изменения. Заместителями председателя института Н. Я. Марра были назначены партийные функционеры Ф. В. Кипарисов и С. Н. Быковский, часть старых сотрудников была заменена новыми кадрами, обеспечившими организационную и идеологическую перестройку научной работы

учреждения. Публикации лидеров этого движения разъясняли, чем и как должны заниматься советские археологи [Лебедев, с. 428–432; Клейн, 1994, с. 20–22; Формозов, с. 49–62, 164–186; Платонова, с. 230–241].

В процессе создания «правильной» марксистской археологии возникла необходимость дать оценку предшествующей стадии развития дисциплины. Программные тезисы по истории досоветской археологии были изложены представителем нового поколения сотрудников ГАИМК В. И. Равдоникасом [Равдоникас]. Публикация была насыщена лозунгами, идеологическими обвинениями, пафосными призывами, а в историографической части была несколько сумбурной [Платонова, с. 27–29; Клейн, 2014, т. 1, с. 67]. В 1933 г. сотрудник ГАИМК М. Г. Худяков опубликовал подробный обзор истории досоветской археологии, основанный на программных установках В. И. Равдоникаса [Худяков; Мельникова, с. 105–106].

Нужно отметить, что современные историки археологии в основном концентрировали внимание на анализе текста В. И. Равдоникаса. Книга М. Г. Худякова привлекала меньше внимания. Так, А. А. Формозов называет М. Г. Худякова среди других археологов, пытавшихся «приспособиться» к новым политическим условиям [Формозов, с. 61–62]. Л. С. Клейн считает его только «помощником» В. И. Равдоникаса [Клейн, 2014, т. 1, с. 130]. Г. С. Лебедев придавал труду М. Г. Худякова большее значение, полагал, что его выход ознаменовал окончательный разрыв с научными традициями, сложившимися до 1917 г. [Лебедев, с. 430]. Действительно, работа М. Г. Худякова не менее интересна, чем сочинение предшественника. Более того, она наглядно показывает, что негативное отношение к достижениям досоветской археологии приобрело системный характер.

Характер отношения к археологической науке имперской России был определен сами названием книги М. Г. Худякова – археология обслуживала интересы класса эксплуататоров трудового народа. Оставалось показать на наглядных примерах, как именно она исполняла эту миссию.

Прежде всего М. Г. Худяков счел нужным подчеркнуть методологическую слабость дореволюционной археологии. Он полагал, что большинство российских археологов не смогло перейти от описаний материалов раскопок к теоретическим обобщениям. Немногочисленные исследователи, поднимавшиеся выше описательных работ (М. И. Ростовцев, Б. В. Фармаковский), следовали достижениям европейских теоретиков археологии и «не поднимались выше тех шаблонных теорий, которые были в ходу у всех буржуазных археологов» [Худяков, с. 95]. Эта ситуация объяснялась тем, что «буржуазная наука» как часть «капиталистической системы» существовала для научного обоснования политики правящей вер-

хушки, интересы которой приводили к «обострению международных отношений, к национальной вражде и усилению угнетения и эксплуатации трудящихся» [Там же, с. 81].

Отсутствие собственной методологической базы российские археологи компенсировали заимствованием теоретических основ смежных дисциплин: расовой теории (из антропологии), теории языковых «семейств» (из лингвистики), теории миграций (из истории) и теории культурных заимствований (из религиоведения, литературоведения и искусствоведения) [Там же, с. 81]. Все эти науки также были буржуазными, их методы служили интересам капиталистов, соответственно их влияние на археологию было исключительно негативным.

Так, «расовая теория» (В. М. Флоринский) использовалась для униительных характеристик отсталости народов, с целью обоснования территориальных притязаний русского царизма [Там же, с. 82–84]. «Теория миграций» (В. А. Городцов, Ю. В. Готье) позволяла отрицать возможность саморазвития древних народов [Там же, с. 84–86]. «Теория заимствований» (В. А. Городцов, С. Ф. Платонов, А. А. Спицын) служила тем же целям [Там же, с. 86–89]. Эта методологическая убогость привела к тому, что археологи не смогли даже определить место дисциплины в системе гуманитарного знания [Там же, с. 75].

М. Г. Худяков подверг резкой критике сложившиеся в археологии базовые понятия и методы исследований. Выделение статичных во времени и пространстве «археологических культур» было объявлено «плодом буржуазных теорий» [Там же, с. 91–95]. Анализ материалов буржуазные археологи подменяли описаниями, выполненными с применением формально-сравнительного (типологического метода). Этот подход, основанный на принципах «формальной логики», нужен был для доказательства исключительно эволюционного пути развития древних обществ, отрицания возможности революционных социокультурных изменений [Там же, с. 89–91].

По мнению М. Г. Худякова, дореволюционная археология была политически и социальнo ангажированной. Это проявлялось в том, что темы исследований часто определялись политической конъюнктурой [Там же, с. 100]. В частности, политика русификации западных регионов способствовала поиску «славянских» и «православных» памятников на этих территориях [Там же, с. 100–101]. А. А. Спицын был прямо обвинен в фальсификации результатов раскопок – приписывал славянам памятники других этносов [Там же, с. 99–100]. Московское археологическое общество за интерес к изучению и сохранению русских древностей было объявля-

но организацией «националистической ориентации» [Там же, с. 101]. Исследовательская деятельность Русского археологического института в Константинополе и Православного Палестинского общества была интерпретирована как форма «экспансии русского капитализма на Восток» [Там же, с. 102–107]. Изучение древних фортификационных сооружений, вооружения, включая наконечники стрел каменного века, практиковались для «извлечения из прошлого уроков для будущих империалистических войн» [Там же, с. 117–118]. Дореволюционные археологи выполняли социальные заказы аристократии и духовенства. Так, византиноведение было ориентировано на обслуживание интересов духовенства. Археологи выполняли роль экспертов, способствовавших пополнению частных коллекций представителей аристократии [Там же, с. 112–117].

Коллекционирование и музейное дело, естественно, были ориентированы на удовлетворение меркантильных или идеологических запросов правящей верхушки. Так, частные коллекции были признаны формой капиталистического накопления [Там же, с. 120]. Музеи служили целям пропаганды идеологии капитализма, что обеспечивалось тенденциозным подбором экспонатов и концепцией их размещения [Там же, с. 116, 141–144].

Критическая оценка была дана и охране памятников старины. С одной стороны, М. Г. Худяков утверждал, что охранная деятельность находилась в «зачаточном состоянии», с другой – декларировал ее направленность на сохранение собственности аристократов и капиталистов [Там же, с. 145–148].

М. Г. Худяков определил причину, по которой археологи дореволюционной эпохи обслуживали интересы «эксплуаторов», – социальный состав профессионального сообщества. В Российской империи археологией занимались: а) аристократы, помещики и капиталисты; б) «буржуазные интеллигенты» (связанные с крупным капиталом); в) мелкая буржуазия (учителя, земские служащие, мелкие чиновники) [Там же, с. 122].

Представители первой группы в силу своего социального происхождения рассматривали археологию как средство достижения своих классовых интересов.

Сущность интеллигенции, «прислуживавшей эксплуататорам», была наглядно показана на примере Н. П. Кондакова [Там же, с. 112–116]. «Скупой эгоист и карьерист» считал археологию как способ обогащения и приобретения высокого социального статуса [Там же, с. 115]. Иконографический метод Н. П. Кондаков разработал для «обслуживания царского двора и аристократов». Он менял направление исследований

в зависимости от вкусов монархов и идеологических установок власти: при Александре II ученый занимался классическими древностями, при Александре III (эпоха «национализма и обрусения») – византийскими, а при Николае II – иконописью [Там же, с. 114]. Научная биография А. А. Спицына была наполнена сюжетами неблагоприятного поведения ученого, присваивающего результаты труда провинциальных исследователей [Там же, с. 123–129].

Некоторые симпатии М. Г. Худякова вызывали археологи «мелкобуржуазной струи», особенно те, кого он считал прогрессивными общественными деятелями. Однако их вклад в развитие науки он оценивал очень скромно, так как эти любители древностей не имели ни нужного образования, ни средств, ни административной поддержки [Там же, с. 131–136].

Общий вывод, сделанный М. Г. Худяковым, заключался в том, что главным достижением дореволюционной археологии в России было накопление фактического материала, осмыслить который представители буржуазной науки были не в состоянии. Систематизировать и правильно интерпретировать эти «археологические факты» способны только советские археологи, вооруженные правильной методологией [Там же, с. 74].

Нужно отметить, что ближайшие перспективы «пролетарской» теории в археологии (концепция Н. Я. Марра) и адептов новой советской археологической науки были трагичны. После смерти Н. Я. Марра в декабре 1934 г. его учение стало стремительно терять популярность, а позже было признано ошибочным, идеологически вредным и подверглось разгрому [Платонова, с. 253–258; Клейн, 2014, т. 2, с. 120–122]. В 1936 г. были расстреляны Ф. В. Кипарисов, С. Н. Быковский и М. Г. Худяков [Формозов, с. 210–211].

К сожалению, концепция истории отечественной археологии начала 1930-х гг. пережила своих создателей. Фактически она определяла отношение к научным достижениям досоветского периода до 1980–1990-х гг. История археологии как направление научных разработок было непопулярным и основывалось на идеологизированных клише, архивные материалы и публикации оставались невостребованными. В историографических разделах археологических работ исследования имперского периода упоминались, как правило, кратко и сводились к перечислению раскопанных памятников. По сути, кампания, развернутая в начале 1930-х гг. против дореволюционной археологии, привела не просто к дискредитации отдельных личностей или направлений (научных школ), а ока-

залась направленной против целой эпохи развития научной дисциплины. Созданный идеологами новой советской археологии миф лишил несколько поколений отечественных исследователей научного прошлого.

Жебелев С. А. Введение в археологию : в 2-х ч. Пг., 1923. Ч. 1. История археологического знания.

Клейн Л. С. Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Клейн Л. С. История российской археологии: учения, школы и личности : в 2-х т. СПб., 2014. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время; Т. 2. Археология советской эпохи.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992. 464 с.

Мельникова О. М. Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.) : биобиблиогр. словарь-справочник. Ижевск, 2007.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России: Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.

Пескарева К. М. К истории создания Российской академии истории материальной культуры // Крат. сообщения Ин-та археологии. 1980. Вып. 163. С. 26–31.

Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1930. Т. 7. Вып. 3–4. 94 с.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004.

Худяков М. Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.

УДК 94(47).084.3:004

Г. А. Быковская

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРОЙ в 1920-х гг.

В статье рассматривается процесс формирования системы научно-технической политики государства, которая зародилась после революционных событий в России 1917 г. Автор отмечает, что новые принципы управления научно-технической сферой начинают корректироваться с применением новой экономической политики в условиях кардинальной социально-экономической

и политической модернизации страны. При этом среди основных характеристик указанной политики называются государственное регулирование, соединение деятельности государственных и научно-технических органов на направлении оптимизации научно-технической сферы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: революционная модернизация, научно-техническая политика, государственное регулирование, Народный комиссариат просвещения.

1921–1922 гг. были чрезвычайно тяжелыми для процесса модернизации страны. Это был период, когда НЭП возродил надежды на скорую гибель Советов, период ухудшения финансового положения: доля Наркомпроса в бюджете упала с 10,4 до 3,5 % (за 1920–1922 гг.) [Алексеев, с. 95], а как результат – сокращение штатов и перебои с выплатой зарплат. На это были причины. Война и блокада, экономическая разруха и голод – все это сократило почти в четыре раза государственный бюджет России. В 1920 г. смета Наркомпроса занимала более 10 % общегосударственного бюджета, чего никогда в России не бывало, но сам бюджет был слаб. Положение было трагическим [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 27–29.]. В новых экономических условиях резко сократилась доходная часть бюджета. Кроме того, промышленность и сельское хозяйство все еще находились в состоянии разрушения в результате мировой и Гражданской войн, уменьшились и возможности волевого, командного распределения государственных расходов. Властные структуры традиционно и быстро сократили бюджетные ассигнования на мероприятия по осуществлению научно-технической политики. Ими стали учреждения и организации Наркомпроса, Наркомздрава и социального обеспечения: из 394 учреждений, составляющих сеть Главнауки в 1921 г., осталось в 1924 г. только 210, в Академии наук осталось 611 штатных единиц [ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 467. Л. 14–14 об.].

Объясняя причины враждебности ученых к распоряжениям властей и их равнодушия к ЕНТП в этот период, нарком просвещения А. В. Луначарский писал: «Высшая школа, а вместе и вся русская промышленность не может существовать без профессуры, которая наиболее враждебно (среди интеллигентов) настроена к революции... Люди науки мало практичны при разрешении мелких житейских задач, с которыми сопряжено в настоящее время простое питание. Такое губительное понижение быта, (какое мы наблюдаем сейчас, в начале 1920 г.), вызывало в профессуре упадок сил и, вполне естественно, раздражение против нового уклада жизни <...> Профессор превращается в бесправного раба, из которого

предполагают выжимать науку, как доят корову – это оскорбительный абсурд; добиться толку этим путем мы никогда не сможем, и мы не смеем забывать, что количество сведущих людей в России ничтожно, и что дальнейшее уменьшение их приведет неизбежно к духовному порабощению (нашему) враждебным нам заграничным научным миром» [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 194. Л. 3].

Непопулярны были некоторые крайние меры экономико-политического характера в рамках ЕНТП, предпринятые правительством в целях ужесточения контроля над частным сектором. Так, известный книгоиздатель-просветитель И. Д. Сытин писал Л. Д. Троцкому 31 мая 1922 г.: «Я ничего не имел против национализации, (до) которой у меня было как-то: 17 книжных магазинов, 5 больших книжных складов, 2 больших типографии в Москве, одна в Петрограде и 165 000 пудов бумаги. В результате последнего распоряжения Госиздата я вообще теряю всякое значение как работник печатного дела, т.к. никто за границей не захочет иметь дело с человеком, у которого снова в 1922 г. национализируют имущество под предлогом нового толкования старого, уже отмененного декрета (все декреты о национализации отменены декретом от 15 ноября 1921 г.), ибо у него опять смогут и в следующем году конфисковать имущество на основе нового разъяснения – что всегда пугает иностранцев. Между тем я хочу работать, готов работать в помощь госиздату, но прошу о создании для этой работы приемлемых условий, которые в конце концов пойдут на пользу самой Советской власти» [ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 863. Л. 57].

За четыре года, прошедших после Октября 1917 г., состоялось около 60 конференций, совещаний и съездов, на которых обсуждались вопросы просвещения, науки и культуры [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 46]. Разногласия тем не менее оставались.

«С профессурой и Всероссийским учительским Союзом отношения с самого начала были <...> недружелюбные, а к началу двадцатых годов проблемы обостряются. Попытки наладить наши отношения с профессурой, созыв двух конференций в этом отношении не привели к благоприятным результатам, – писал Луначарский. – Все это показало, как наша научная аристократия перешла от умеренных уступок к полной неуступчивости в зависимости от большего или меньшего успеха белогвардейского оружия. Это и заставило (власть) в сфере высшей школы порвать совершенно с благоговейным отношением к автономии науки <...> в условиях, когда наука эта находится в руках враждебно настроенных

людей, когда университеты, даже и в настоящий момент на большую половину наполнены в лучшем случае равнодушной к народу, революции интеллигенцией и когда пролетариат обязан завоевать высшую школу для себя всю от кафедры до последнего места в лаборатории» [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 192. Л. 12]. Органом, на который возлагалось разрешение этих противоречий, был Наркомат просвещения.

Его структура, принятая в ноябре 1917 г., была достаточно проста. Во главе комиссариата стояла коллегия из наркома, его заместителя и членов. Исполнительным техническим органом являлось Управление делами со следующими подразделениями: Секретариат коллегии, общая канцелярия и отделы. Научный сектор НКП включал в себя отделы: высших учебных заведений, рабочих факультетов, социального обеспечения учащихся, научного и научных библиотек [Там же. Л. 14]. Таким образом, перед Наркомпросом стояли три огромные задачи: подготовить квалифицированного производителя, сломить невежество общее и политическое, «сохранить ребенка». Задач столь сложных и объемных не имел ни один наркомат [Там же. Л. 19].

Именно НКП начинает коррекцию задач и принципов вырабатываемой научно-технической политики. В 1920 г. Наркомпрос решено было реорганизовать с целью более точного разграничения теоретической и административной функций и «всемерного упорядочивания последней» [Там же. Л. 9–10]. Луначарский писал: «Реформа, как она нам рисуется <...> заключается в четком делении комиссариата на 3 основных главка: главное управление по социальному воспитанию, подготовке работников (вузов) и политического просвещения масс (Главполитпросвет). Эти три главка, управляя всеми просветительскими учреждениями, обслуживаются материально (финансы, снабжение, информация и т. д.) организационным центром, а идейно (разработка принципов, общего плана и ежегодного плана, выработка программ, идейно направленных инструкций, использование для этого научных сил страны и т. п.) от научно-художественного центра» [Там же. Л. 6–7]. В письме председателя ВЦИК М. И. Калинина Сталину от 23 апреля 1922 г. устанавливалось количество членов коллегии в каждом Наркомате [РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 9. Д. 14. Л. 1–2].

В начале 20-х гг. Луначарский в отчете Наркомпроса констатирует значительное повышение учебной и научной жизни в наших вузах. А в статье для справочника «Народное просвещение в РСФСР» в 1924 г. Луначарский сказал, что и школьная сеть в стране возросла почти на 12 тыс. школ в течение первых же трех лет Советской власти [Там же. Л. 26–28]. Но все же вызывал большое беспокойство вопрос о подготовке новых

научных работников. Ни количество аспирантов, ни вознаграждение их не удовлетворяло потребностям развития [Там же. Л. 53]. Иначе говоря, наблюдались сбои в действиях формировавшейся системы управления.

Суть ошибок главного управления Наркомпроса в том числе заключалась в укреплении левацкой линии Е. А. Преображенского в управлении научно-технической сферой. Забастовки профессорско-преподавательского состава в МВТУ и МГУ удалось остановить специальной комиссией во главе с А. Д. Цюрупой, созданной ЦК партии, а затем вполне мирно и решить конфликт [ГАРФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 871. Л. 22]. СНК соглашается с некоторыми вполне обоснованными требованиями научной интеллигенции. Так, 20 июня 1922 г. создан ОВНК в ответ на требование РАН, выдвинутое в обращении ее неперменного секретаря к наркому просвещения. При этом все семь пунктов проекта Академии наук учтены в декрете [Собрание..., ст. 493] и в большинстве случаев в академической редакции.

Во взаимоотношениях Наркомпроса и Академии наук накапливаются проблемы, растет взаимное недовольство. На наш взгляд, прав В. С. Соболев, считая, что причиной было то обстоятельство, что вопросы выживания и развития академической науки часто терялись в потоке проблем ведомства, на которое были возложены руководство и финансирование сети и школьных, и высших, и профессиональных учебных заведений, а также музеев, клубов, изб-читален, учреждений социальной защиты детства и пр. [Соболев, с. 128–129]. Руководители Наркомпроса попросту не в силах были уделять вопросам развития науки главное внимание и наибольшую поддержку, а руководство Академии наук полагало, что советские чиновники не понимают и недооценивают значения фундаментальных научных исследований, потому-то оно и стремилось выйти из-под контроля Наркомпроса. Отсюда идея создания особого Комитета по науке при Советском правительстве (ОВНК). Самая сложная роль в решении этой сложной административно-организационной проблемы принадлежала В. А. Стеклову, избранному в мае 1919 г. вице-президентом Академии наук. Позднее он писал в своих мемуарах: «Много пришлось похлопотать по этому делу. Мне пришлось добиться свидания и поговорить откровенно со многими руководителями современной политики – А. Д. Цюрупой, А. И. Рыковым, Л. Б. Красиным, Л. Б. Каменевым, Н. А. Семашко» [Стеклов, с. 294]. 20 июня 1922 г. Совнарком принял постановление «Об учреждении Особого временного комитета науки». Его главные задачи были определены следующим образом: «Выяснение всех научных и материальных потребностей ученых учреждений и принятие всех необходимых мер к их удовлетворению» [Собрание..., ст. 493].

В начале 1922 г. был принят крайне важный для академических учреждений правительственный документ. Своим постановлением № 847 от 15 марта 1922 г. Совнарком предоставил Академии наук права беспощинного получения из-за границ книг, приборов, инструментов, то есть всего самого необходимого для развития научных исследований [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 112. С. 1–170]. Эти налоговые льготы были признаком использовавшегося государственными структурами экономического регулирования, не типичного для советской системы управления.

В развитие указанного постановления летом того же года государственными органами Академии было дано разрешение на вывоз из-за границы коллекционного материала для обмена, рукописей трудов для печатания их в других странах, приборов и инструментов для ремонта и т. п. Отметим, что таможенные органы пропускали все это через границу только «при условии представления в каждом случае заверенного Наркомпросом списка подлежащих вывозу предметов» [Там же]. На наш взгляд, это способствовало предотвращению расхищения или разбазаривания культурного фонда государства. О деятельности Экспертной комиссии, организованной по инициативе А. М. Горького и по разрешению В. И. Ленина для отбора предметов большой художественной и материальной ценности, находящихся в квартирах эмигрантов и на специальных складах, для передачи их в «Эрмитаж» и другие музеи, о составе этой комиссии сообщалось позже в письме А. М. Горького к Н. К. Крупской в декабре 1935 г. [РГАСПИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–2]. В письмах М. Горького к Г. Зиновьеву были просьбы выдать пайки членам Экспертной комиссии по сбору художественных и материальных ценностей [Там же. Д. 15. Л. 4–6].

В числе значительных льгот, предоставленных советским правительством Академии наук, можно назвать и постановление Малого Совнаркома «Об освобождении от сборов почтовых отправок, посылаемых и получаемых академией наук» [ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 66. Л. 134]. Таким образом, с данного момента вся переписка Академии внутри страны велась бесплатно, что обеспечивало сохранение постоянных контактов с многочисленным активом на местах, с научными работниками, находившимися в отдаленных уголках страны. Переписка А. Д. Цюрупы за 1922–1925 г. с Бюро иностранной науки и техники и комиссией по заграничным закупкам о заказах и покупке за границей книг, фильтровальных бумажных полосок и т. п. для Госплана составляет объемный том [РГАСПИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–122].

Так, медленно, в ходе долгих дискуссий в период с 1917 по 1924 г., выработывались новые принципы руководства, соединявшие в себе госу-

дарственные, партийные, общественные возможности воздействия на развитие образования, науки и технических знаний. Ранее они не могли проявить себя, ранее их (эти методы) нельзя было опробовать на практике. В 20-е гг. эта возможность появилась. Одновременно предпринимается анализ эффективности управления системой просвещения, науки и техники.

Представитель ЦК в Наркомпросе Руднев составил письмо «К вопросу о методах и системе руководства народного образования», в котором вывел следующие основные недостатки этой системы на конец 1920-х гг.:

- 1) большая группа проблем, не укладывающихся в «главковые рамки», остается без внимания НКП;
- 2) НКП работает на страшно узкой людской базе;
- 3) налицо разрыв между «этапами» руководства: ученик и педагог, педагоги и инспекторы, ОНО и НКП;
- 4) нет настоящего рабочего контроля;
- 5) настроение самотека завладело многими, отсюда опасность выхолащивания новых методов;
- 6) грозит острый кризис кадров, нет «фигур», обещающих что-либо в будущем;
- 7) только ленивый не руководит НКП, но невежества в вопросах народного образования у общественности сколько угодно, оттого и критика часто неудачная, попусту крикливая. Пора объявить войну голому зубокальству по адресу НКП [РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 455. Л. 38–39]. Отсюда выводятся предложения, касающиеся всего Наркомата просвещения [Там же. Л. 40, 41, 43, 44] и всей системы управления культурой.

Изменения в научно-технической политике были вызваны и рядом других обстоятельств. В этот же период в изменившихся условиях экономической стабилизации углубился сложный процесс идейно-политической дифференциации интеллигенции и адаптации ее к новым принципам отношений с властью. Усилилось негативное отношение к антибольшевистским силам. Правда, осознание бесперспективности Белого движения и признание силы большевиков еще не означало разрыва со старыми взглядами. Многие стремились честно выполнять свой профессиональный и национальный долг, заявляя о политическом нейтралитете. В целом шел процесс предложения российской интеллигенцией компромисса большевистскому руководству, предполагавшего согласие интеллигенции на сотрудничество с новой властью. «Обворованная до нищеты русская интеллигенция понемногу заполнила собою все

советские учреждения, и, в погоне за куском хлеба, втянулась в “совработу” во всех ее отраслях; снискав доверие советской власти, она заняла доминирующее, конечно, делового характера, положение» [Я.А., с. 261].

Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987.

ГАРФ. Ф. 130 (Совет народных комиссаров РСФСР. Совет министров. 1917–1991.); Ф. 2307 (Главнаука (Главное управление научных и музейных учреждений НКП. РСФСР) (1921–1933)); Ф. 2306 (Народный комиссариат просвещения РСФСР (1917–1945) Министерство просвещения (1946–1988). 1917.); Ф. 2307 (Главнаука (Главное управление научных и музейных учреждений НКП. РСФСР) (1921–1933)).

РГАСПИ. Ф. 75 (А. М. Горький (1897–1935)); Ф. 78 (М. И. Калинин (1875–1946)); Ф. 142 (А. В. Луначарский (1875–1933)); Ф. 158 (А. Д. Цурюпа (1894–1928)).

Соболев В. С. Деятельность Российской академии наук по сохранению национального культурного и научного наследия в переломную эпоху развития России (1890–1930) : дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995.

Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ). 1922. № 42.

Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991.

Я. А. Беседы с интеллигенцией России внутренней // Белый архив : сб. материалов по истории и литературы войны, революции, большевизма, белогвардейского движения и т. п. / под ред. Я. М. Лисовского. Кн. 2–3. Париж, 1928.

УДК 94(47).084:37.01+371.47.022

Н. С. Ильюшенко

КОНСТРУИРОВАНИЕ «СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» СРЕДСТВАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье анализируется феномен педагогической технологии как средства конструирования особого типа социального субъекта – «советского человека». Педагогические технологии определяются как разновидность социально-гуманитарных технологий. Специфика педагогических технологий раскрывается посредством выделения и характеристики их структурных компонентов. Особое внимание уделяется педагогической технологии, разработанной А. С. Макаренко.

К л ю ч е в ы е с л о в а: педагогические технологии, социально-гуманитарные технологии, педагогика, советский человек.

Все настоящее образование – это конструирование души.

Уильям Джон Беннетт

Школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует.

Альбер Камю

Задача построения нового социального порядка требовала в первую очередь перестройки общественного сознания, внедрения новых принципов и установок социальной жизни, во многом противоположных по своему содержанию целевым и ценностным ориентирам досоветской эпохи. Средством трансформации общественного сознания и формирования нового типа гражданина выступило развитие целого ряда педагогических технологий (систем С. Т. Шацкого, А. С. Толстова, А. С. Макаренко и др.), призванных утвердить новый тип личности «советского человека». Следует отметить, что разнообразие педагогических практик, возникших в период 20–30-х годов XX в. и отличающихся особым духом экспериментаторства, во многом было обусловлено отсутствием единых представлений о том, какие именно методики способны привести к формированию идеального члена советского общества. Педагоги опирались не столько на существующую социальную реальность, к жизни в которой необходимо было подготовить индивида, сколько ориентировались на перспективы будущего, те задачи, которые человеку еще только предстояло решить, живя в новом типе социума. Задачи эти, разумеется, имели тесную связь с политикой и идеологией коммунистической партии. В этом смысле возникающие педагогические технологии были нацелены не только на передачу знаний, но в первую очередь выполняли функцию конструирования нового типа социального субъекта. Подтверждением этому утверждению может служить заявление, сделанное в 1918 г. на VIII съезде Российской коммунистической партии, в котором отмечается, что «судьба русской революции прямо зависит от того, как скоро учительская масса встанет на сторону советской власти» [О начальной..., с. 4].

Прежде чем перейти к описанию специфики имевших место в период 20–30-х гг. XX в. педагогических технологий, необходимо отметить, что сами педагогические технологии понимаются нами как разновидность социально-гуманитарных технологий, представляющих собой совокупность коллективно- и индивидуально-ориентированных технологий, разрабатываемых для управления деятельностью, практиками взаимодействия социальных субъектов, а также для формирования у них определенных знаний, представлений, ценностных ориентаций, мотивов поведения. Здесь важно осознанно отмежеваться от обозначившейся тенден-

ции разделения социальных и гуманитарных технологий как различных по своим целям и механизмам воздействия феноменов. Нередко понятие «социальные технологии» используется тогда, когда речь идет о способах влияния на общественное мнение, средствах управления и организации взаимодействий и коммуникаций внутри определенных сообществ и групп, а понятие «гуманитарные технологии» применяется, когда речь идет об инновационных педагогических средствах, имеющих целью развитие и самосовершенствование личности обучающегося, а также в иных случаях, когда важно подчеркнуть связь технологий с формированием у индивидов персонально разделяемых ценностей и взглядов. На наш взгляд, такое разделение носит достаточно условный и искусственный характер, поскольку практики воспитания личности, формирования ее ценностных ориентаций всегда имели самую непосредственную связь с политикой и управлением общественным поведением, а в Советском Союзе данная связь в принципе неоспорима. Подтверждением этому соображению может служить тот факт, что в разные периоды развития советской школы ответственными за достижение целей советского образования назначались прежде всего лица, преданные идеям партии, и пропагандисты коммунистических идеалов в воспитании (Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и др.).

Рассмотрение педагогических технологий советского периода, на наш взгляд, наиболее полно может быть осуществлено через характеристику специфики входящих в них структурных компонентов. Анализ теоретических источников показывает, что такими компонентами могут считаться: наличие цели педагогического процесса; соблюдение принципов его организации; следование сознательно отобранному содержанию; применение единых методов, приемов и средств обучения и воспитания; наличие комплекса требований к самому педагогу, его квалификации и манере взаимодействия с обучающимися [Шарипов, с. 30–39].

Что касается цели обучения, то технологическая составляющая конструирования «советского человека» изначально была заложена и предполагалась ею. Так, основной задачей воспитания и обучения на протяжении всей советской эпохи было превращение учреждений образования в идейных проводников «организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм» [Народное образование..., с. 18]. Схожую мысль весьма емко, хотя и гораздо позже, сформулировал Л. И. Брежнев, говоря о том, что работа советского педагога – «это работа над воспитанием нового

человека, человека, который воспринимал бы нашу социалистическую идеологию, был бы примером в политическом и нравственном отношении, был бы предан идеалам социализма и коммунизма» [Брежнев, с. 179]. Достижению этой цели служили различные методы и средства работы как с детьми, так и со взрослыми. Например, в кампании по ликвидации неграмотности использовался материал, содержание которого отвечало духу времени: газеты, книги и др., включающие критику капиталистического строя и описание достоинств будущего коммунистического общества. Таким образом, происходило не только обучение письму, но также шло внедрение в общественное сознание определенных идейных установок.

Среди принципов и положений, на которых базировалось большинство разрабатываемых в 1920–1930-е гг. педагогических технологий, следует выделить:

- право равного доступа к образованию всех слоев граждан вне зависимости от их национальной принадлежности, социального статуса и уровня материального достатка (данная реформа ставила целью ликвидацию классовости в сфере образования, таким образом, открывая путь к знаниям тем, кто избежал, по мнению советской власти, воздействия буржуазной, капиталистической культурной традиции);

- недопустимость гендерной дискриминации в вопросах доступа к образованию;

- необходимость и значимость преемственности ступеней образования (начального, среднего и высшего);

- закрепление принципа отделения школы от церкви и любых других религиозных институций;

- лояльность коммунистической партии и идеологическая ангажированность преподавания школьных предметов и вузовских дисциплин социально-гуманитарного блока (содержание образования отбиралось в соответствии с идеями, пропагандируемыми коммунистической партией; в 1921 г. было введено обязательное изучение основ марксизма в высших учебных заведениях страны; в школах проводились классные часы, уроки обществоведения, на которых обучающимся разъясняли основные этапы революционного движения, описывали перспективы построения коммунистического общества);

- признание за учреждениями образования не только функции передачи знаний, но также функции воспитания (формирования социалистического типа сознания), а также производственных функций (идея соответствия образования экономическим, производственным потребностям

страны). При этом воспитательная функция трактовалась широко, в частности А. С. Макаренко указывал, что «воспитанию подлежит не только ребенок, не только школьник, а каждый гражданин на каждом этапе. <...> Каждое наше дело, каждая компания, каждый процесс в нашей стране всегда сопровождается не только специальными задачами, а и задачами воспитания» [Макаренко, 2009, с. 238]. Признание значимости участия в производстве для построения нового типа общества позволяло и само воспитание рассматривать как разновидность производства педагогического («штамповка» людей) для производства экономического (штамповка вещей).

Отбор содержания образования осуществлялся с учетом различных факторов. Прежде всего оно должно было соответствовать ключевым идеям коммунистической партии. С этой целью проводились конференции, совещания и съезды педагогов, на которых рассматривались различные вопросы приведения содержания образования в соответствие с положениями идеологии. Работа над катехизацией марксизма, приданием данной теории вида относительно непротиворечивой доктрины, включением его положений в содержание различных учебных дисциплин продолжалась на протяжении всего периода 1920–1930-х гг. К концу 1930-х гг. был достигнут уровень значительной идеологической ангажированности учебных материалов: были разработаны учебные программы, одобренные партийным руководством, напечатаны учебники, в которых акцентировалось внимание на идеях марксизма и ленинизма, давалась новая интерпретация исторических событий в России и Европе. Не менее значимым фактором отбора содержания образования выступили потребности экономики и производства строящегося советского государства. В эпоху экономических трудностей и производственных нужд на первый план вышла необходимость приобретения практических умений и навыков. Требовались личности, готовые работать ради идеи лучшего будущего, трудолюбивые и бескорыстные (не индивидуалисты).

Что касается комплекса требований к самому педагогу, его квалификации и способам взаимодействия с обучающимися, то здесь следует отметить большое разнообразие позиций, высказанных авторами тех или иных подходов. Тем не менее представляется возможным выделить некоторые общие черты:

– отказ от сентиментальной любви к детям (по этому поводу А. С. Макаренко замечал, что «в живом быту коммуны воспитанник не должен чувствовать себя объектом воспитания, он должен ощущать прикосновение точной логики нашего общего хозяйства и требования здравого

смысла, которые предъявляются к нему с различных сторон нашего быта» [Макаренко, 2007, с. 169–170]);

- требование уважительного и внимательного отношения к интересам и способностям подрастающего поколения;
- отказ от муштры и излишнего догматизма в обучении и воспитании;
- требование постоянного обучения и самосовершенствования педагога (С. Т. Шацкий отмечал в этой связи, что «педагог должен вызвать явления роста (интеллектуального) у себя самого, тогда он будет жив и приемлем для детей, ибо будет полон интереса к ним. Дети это всегда инстинктивно чувствуют» [Шацкий, с. 36]).

Что касается методов и приемов непосредственной педагогической работы, то по причине их большого разнообразия в рамках различных педагогических технологий, а также в условиях ограниченности объема данной статьи, их рассмотрение будет произведено на примере педагогической технологии А. С. Макаренко, чья деятельность оказала существенное влияние на развитие традиции советского воспитания и обучения.

В первую очередь среди приемов, используемых педагогом с целью формирования желаемого типа поведения, отношения и жизненной позиции воспитанников, следует отметить обращение к коллективным формам взаимодействия, деятельности, оценки успехов и неудач. Именно коллектив, согласно А. С. Макаренко, следует считать наиболее значимым инструментом воспитания подлинно «советского человека». Через коллектив и в коллективе происходит усвоение индивидом социальных норм и одобряемых способов поведения. Мнение коллектива также служит мерилом правильности поступка, критерием верности выбранной жизненной стратегии (в случае, если таковая служат общественному благу) или ее ошибочности (если индивид преследует личные цели). Наиболее эффективным средством интериоризации ценности коллектива в жизнь индивида А. С. Макаренко считал совместную деятельность, направленную на выполнение некоторой общей задачи. При этом особой значимостью он наделял деятельность трудовую.

Использование непосредственной трудовой деятельности можно назвать ключевым элементом в педагогической технологии А. С. Макаренко. Педагог высоко ценил сельскохозяйственный труд, указывая на то, что педагогическое его воздействие определяется не трудовыми усилиями, совершаемыми самими по себе, но их социальной пользой. В частности, в коммунах, которыми он руководил, практиковалась работа в мастерских (воспитанники проходили обучение столярному, слесарному, сапожному делу). На определенном этапе его педагогической практики

им было организовано и промышленное производство. Таким образом, воспитанники сочетали образование с производительным трудом. Уклонение от общественно полезного труда считалось постыдным, служило проявлением индивидуализма, эгоизма и лени. Достижение человека при этом оценивалось как достижение коллектива, ответственность за неудачу индивид также нес перед всеми.

Особое внимание следует уделить разработанной А. С. Макаренко методике перспективных линий как значимому элементу его педагогической технологии. Данная методика состояла в предъявлении индивиду определенной перспективы будущего развития и личных достижений. Она должна была отвечать требованию позитивности. Педагог полагал, что истинным мотивом действий «советского человека», залогом его успеха выступает его «завтрашняя радость». Указывая человеку на перспективы, которые откликаются в его душе этой радостью, его можно привести от заинтересованности простыми и менее значимыми вещами к чувству обязанности достижения его самой важной и заветной цели.

Методы А. С. Макаренко хоть и были направлены на раскрытие способностей и потенциала каждого конкретного ученика, тем не менее он осуждал и препятствовал любому проявлению непослушания, отклонения от норм социально одобряемого поведения.

Разумеется, в рамках данной статьи сложно подробно описать все педагогические находки А. С. Макаренко. Однако даже такое поверхностное рассмотрение реализуемых им приемов и методов, а также учет всего сказанного выше, позволяют сделать вывод о том, какой именно тип личности позволяла сконструировать данная педагогическая технология. Так, «советский человек» должен был отличаться следующими качествами:

- ориентацией на коллектив при организации своей жизнедеятельности и зависимостью от общественного мнения (при выборе работы, оценке тех или иных событий, определении сценария жизни и др.);
- «идейностью», связанной со стремлением воплотить в жизнь идеалы, пропагандируемые идеологами коммунистического общества;
- оптимизмом и верой в достижение поставленных целей;
- высоким уровнем социальной ответственности;
- «сознательностью» как способностью подчинять свое поведение контролю сознания;
- трудолюбием и уважением к труду других людей, а также бескорыстием;
- патриотизмом, чувством гордости за общество, в котором живет и которому служит.

В целом данный конструкт, хоть и обладал определенной привлекательностью и потенциалом, никогда не был полностью воплощен на практике. Нельзя отрицать достижения А. С. Макаренко и других новаторов в педагогике, несомненно, внесших неоценимый и позитивный вклад не только в саму науку, но и в судьбы целых поколений людей. Тем не менее подобный образ человека, которому должен был в идеале соответствовать каждый советский гражданин, скорее представляет собой мифологему, утопический образ, который, несмотря на такую свою суть, все же смог стать основой целой традиции в советской педагогике. Инструментарий, выработанный в рамках действующих в этот период педагогических технологий, дал возможность переформатировать общественное сознание, приведя в результате к формированию нового типа социального субъекта – «советского человека» – пусть его реальные проявления и не всегда соответствовали возвышенному идеалу. И все же это был человек явно другого типа, отличающийся от человека досоветского периода.

Дальнейшее и более глубокое исследование механизмов, техник и приемов педагогической работы в период 20–30-х гг. XX в. будет иметь не только историческое, но и практическое значение: оно позволит дать ответы на вопросы о возможностях и перспективах педагогической работы на современном этапе развития социума для поощрения формирования тех или иных личностных качеств социальных субъектов.

Брежнев Л. И. Ленинским курсом: речи и статьи. Т. 6. М., 1978.

Макаренко А. С. Очерк работы полтавской колонии им. М. Горького // А. С. Макаренко. Школа жизни, труда, воспитания. Учебная книга по истории, теории и практике воспитания. Ч. 1. Деловые и личные письма, статьи 1921–1928 гг. Н. Новгород, 2007. С. 165–173.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. СПб., 2009.

Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сб. документов 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов и др. М., 1974.

О начальной и средней школе // За высокое качество советской школы. Л., 1934. С. 4–10

Шарипов Ф. В. Педагогические технологии // Высшее образование сегодня. 2012. № 6. С. 30–39.

Шацкий С. Т. Педагогические сочинения // С. Т. Шацкий. Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1964.

СОВЕТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК СОЦИОКОНСТРУИРУЮЩИЙ ПРОЕКТ: ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА В СОЗДАНИИ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ*

В общественном восприятии советского периода все еще доминирует представление о решающей роли партии большевиков и советского правительства в социальных преобразованиях общества после революции. Реконструкция истории основания первых советских университетов как социальной и властной практики; рассмотрение ее в аспекте социального конструирования на материалах кейсов истории основания университетских центров во многом позволяет пересмотреть и уточнить эти представления. Материалы статьи позволяют получить новые данные о природе раннесоветского университетского образования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: «Советский университет», высшее образование, управление, образование, социальный проект, проектирование, социальная история.

История первых советских университетов на фактическом уровне достаточно подробно освещена в историографии. При этом существующие работы сформировали своего рода формуляр – сюжетно-тематическую традицию в освещении истории университетского строительства, которая, в свою очередь, определяет доминирующие трактовки в истории советского высшего образования. Фактологическое изучение исторических кейсов отдельных университетских центров, к сожалению, до сих пор не отразилось на выяснении и объяснении инициатив и движущих сил создания университетов. Частные истории до сих пор не переросли в общую историю, тема явно испытывает дефицит генерализации и аналитики. До сих пор без финальных ответов остаются вопросы об инициаторах университетского строительства, распределении полномочий Наркомпроса, региональных исполкомов и партийных органов, не вполне ясны полномочия органов университетского управления и сам преобладающий принцип его организации (коллективный/корпоративный/единоличный),

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта при поддержке РФФИ по теме «История советского университета: идеология и практика создания региональных университетов. 1917–1941 гг.» № 15-01-00332а.

достаточно схематично рассматриваются студенческая жизнь и специфика организации и работы органов студенческого самоуправления, их влияние на администрацию университетов.

Ключевым документом в истории первых региональных университетов советского времени является декрет Совнаркома от 21 января 1919 г. В соответствие с ним университетские центры утверждались «задним числом» сразу в ряде городов [Собрание узаконений..., с. 22; Известия ВЦИК]. В. И. Ленин вынес из сложившейся в регионах практики университетского строительства максимальную пользу для правительства – утвердил фактически запущенные университеты, в которых начались занятия, были сформированы (без утверждения профильным ведомством – Наркомпросом) правления и хотя бы временно решены вопросы финансирования. Эта отправная (нормативная) точка в истории первых университетов стала источником всех последующих историографических трактовок и работ по истории отдельных университетов, хотя и в малой степени не отражала истинной истории их формирования.

Пересмотреть эти трактовки позволяют кейсы учрежденных университетских центров, расположенных в центральной России. Социально-политическая и экономическая обстановка в макрорегионе была относительно однородной, что позволяет рассматривать становление трех университетских центров как органичный процесс.

Исследование открытия Тамбовского государственного университета показало схожесть организационного процесса с уже описанными в историографии обстоятельствами основания университета в Смоленске [Кодин, Артеменков, Каиль, с. 318–334].

В начале 1918 г. губернское земское собрание приняло постановление об открытии в Тамбове университета. Тогда же был создан Комитет общественных организаций по созданию университета, переименованный в феврале 1918 г. в Общество Тамбовского университета [ГАТО. Ф. Р-1424. Оп. 1. Д. 13. Л. 12]. 21 февраля 1918 г. был утвержден Устав Общества Тамбовского университета, целью которого было «создание в Тамбове университета для распространения высшего образования, как по предметам так и прикладных наук». 12 апреля 1918 г. губисполком постановил передать университету ряд зданий и земель. В июле 1918 г. Общество Тамбовского университета приступило к организации учебной части и постановило открыть осенью 1918 г. агрономический и педагогический факультеты. 27 октября 1918 г. в здании «Колизея» состоялось торжественное открытие Тамбовского государственного университета

[Там же. Д. 13. Л. 13], в связи с чем были отправлены приветственные телеграммы В. И. Ленину, Н. К. Крупской, А. В. Луначарскому и М. Н. Покровскому. Примечательно, что не советские лидеры поздравляли молодой университет, а его создатели приветствовали руководителей страны.

20 декабря 1918 г. университет получил сообщения от заместителя Наркома просвещения о том, что в соответствии с постановлением Наркомпроса от 16 декабря 1918 г. было сделано представление в СНК об утверждении декрета об учреждении университета в городе Тамбове [Там же. Д. 22. Л. 24]. Эта стадия рассмотрения вопроса утверждения университета советским правительством была общей для всех новоорганизованных университетов. Формальное решение состоялось в январе 1919 г.

Устав предусматривал открытие университета первоначально в составе трех факультетов: агрономического, медицинского и педагогического, но фактически было открыто только два: агрономический и педагогический. Общее управление университетом в учебной и административно-хозяйственной части осуществлялось советом университета, правлением, советами факультетов и хозяйственным комитетом, формировался и Совет старост [Там же. Л. 2].

В состав правления входили ректор, его помощник, проректор, секретарь совета, деканы, их заместители и секретари факультетов, члены правления по избранию, представители от студентов (25 % состава) и два представителя от Губоно. Советы факультетов образовывались из состава профессоров и преподавателей, студентов (25 % состава) и одного представителя Губоно. Первым в составе университета открылся педагогический факультет. Созданный в ноябре 1919 г. Рабочий факультет разместили в здании бывшего народного университета, что было типично для региональных университетских центров, аккумулировавших инфраструктуру образовательных учреждений-предшественников.

Учебная деятельность университета началась организованно. Осенний семестр 1918/1919 учебного года в жизни Тамбовского университета характерен чрезвычайным наплывом студентов (в первый год привычного сегодня приема абитуриентов на основе результатов экзаменов не было – в университет записывались, в праве обучаться отказать было сложно): на двух факультетах университета числилось 2 617 человек, лекционные занятия проходили с большим успехом, при переполненных аудиториях, лекции читались в две смены [Там же. Д. 13. Л. 19].

В ноябре 1919 г. началась реорганизация Тамбовского государственного университета. 13 ноября Тамбовский губисполком принял постановление о реорганизации рабочего факультета и о преобразовании пе-

дагогического факультета Тамбовского государственного университета в Институт народного образования [ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 116. Л. 16]. Это постановление было вызвано «систематическим саботажем и контрреволюционной деятельностью части профессуры, которая ловкими маневрами оттерла от университета пролетарские слои студенчества [ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 116. Л. 16]. В реальности дело было в глубоком социальном конфликте, развернувшемся вокруг значительной части профессуры и порядка управления – местный исполком теперь видел в университете оплот «бывших» и стремился переустроить жизнь вуза на пролетарский лад. В результате реорганизации были переизбраны преподаватели, распущен прежний состав студенчества и проведена запись новых студентов из рабоче-крестьянской молодежи и интеллигенции.

Классово-социальный вопрос в годы Гражданской войны в университетской жизни не был самым острым. Острее был финансовый: из-за крайне тяжелого финансово-материального положения университета был поставлен вопрос о его закрытии. В связи с этим 8 июня 1921 г. губисполком и губпрофсовет направили в Наркомпрос, намеревавшийся закрыть университет, ходатайство об оставлении и дальнейшем развитии университета в Тамбове [ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 165. Л. 417]. В этот период местные средства повсеместно почти иссякли. 8 августа 1921 г. Наркомпрос принял постановление о закрытии Тамбовского университета [ГАТО. Ф. 1424. Оп. 1. Д. 14].

Авторы новейшего юбилейного издания об университете так оценивают его историю: «Процесс организации университета в Тамбове инициировала местная педагогическая общественность... Идеология общества, что видно по составу учредителей, далека от большевистской доктрины. Предполагалось создание вуза “американского типа” – свободного от государственной опеки, который, как “рассадник прикладного знания”, станет обслуживать “нужды местного края”» [Аврех, Канишев, Будюкина, с. 5].

К числу таких же первых советских относился и новообразованный университет в Костроме. По мнению исследователей истории основания Костромского университета, «реальные шаги по открытию первого высшего учебного заведения в Костроме были сделаны весной 1918 г., когда в апреле образовалось губернское общество народных университетов» [Костромской, с. 17]. Есть и альтернативная исследовательская позиция, относящая попытки создания вуза в Костроме к 1913 г. в связи с попыткой учреждения Костромского пединститута [Почивалова, с. 16],

однако в данном случае речь идет явно не об университетском центре. В традиции же исследования истории советских университетских центров вопрос «поиска корней» остается весьма ощутимым и до сих пор не решенным. Иные из современных вузов чтят себя преемниками гимназий и частных школ (так, современный Тверской государственный университет отсчитывает свою историю с 1 декабря 1870 г. – даты открытия частной педагогической школы П. П. Максимовича), учительских семинарий или институтов. Такая «удревняющая» самоидентификация представляется слабо обоснованной, поскольку отсчитывать историю университетского центра с этапа педагогической деятельности, совершенно не соответствующего модели и формам высшего образования, затруднительно. Большинство же современных университетов видят начальной точкой своей истории событие конституирования общепризнанной университетской формы.

В деле создания университета, как и в других регионах, многое решал случай. Так, первый ректор университета в буквальном смысле был найден одним из участников инициативной группы по созданию университета И. В. Смирновым во время поездки в Москву. Им стал Н. Г. Городенский, бывший до 1910 г. доцентом Московского университета и Московской духовной академии, уволенный и вынужденный преподавать в Тифлисе (семья его оставалась в Москве и, приехав на очередную побывку в столицу в связи с событиями Гражданской войны к месту службы в Тифлисе, вернуться он уже не смог, приняв приглашение возглавить создаваемый в Костроме университет).

Решение о создании университета в Костроме принял VI Губернский съезд советов 20 сентября 1918 г. в наиболее «классической» конструкции – в составе естественного и гуманитарного факультетов (спустя несколько недель начал работу и лесной факультет), выразив при этом пожелание в подготовке университетом специалистов в лесном и сельском хозяйстве, текстильном и дорожно-строительном деле и ассигновав на развитие университета 100 тыс. рублей (сумма для масштабов университетского центра малозначительная). Торжественное открытие университета, как и в Тамбове и в Смоленске, было приурочено к годовщине революции и вписано в контекст апогея региональной коммеморативной практики – состоялось 8 ноября 1918 г. Открытие университетского центра в Костроме убедительно демонстрирует, что основной силой, инициативным ядром в открытии университета также была региональная общественность, а противоречия и проблемы развития были общими. Специфика же со-

стояла в выборе структур университетского комплекса, «исходя из местных задач». Поэтому в Костроме в повестку дня сразу был поставлен вопрос о подготовке специалистов-текстильщиков, дорожников и лесников.

Авторы наиболее обстоятельной истории Костромского университета отмечают, что на его создание повлияло качество местной интеллигенции – критическая масса студенчества и потенциальных преподавательских кадров: «начиная с 1916 г. иногородним студентам столичных вузов фактически запрещалось продолжать обучение. А многие профессора и преподаватели стремились уехать из центральных городов из-за дороговизны и продовольственного кризиса» [Костромской, с. 18]. О важности материально-бытового фактора в выборе в качестве места службы Костромского университета вспоминал будущий историк-академик Н. М. Дружинин.

Кто пришел в университет? Кем он был востребован? Как уже отметили, в Костроме сконцентрировалась масса недавних столичных студентов, на которых повлияли события 1916 г. В преддверии первого университета года в советской России Наркомпрос в августе 1918 г. принял решение допустить к университетскому курсу всех желающих без экзаменов. Это привело к массовому наплыву в университеты по всей стране слушателей, немногие из которых стали студентами. Контингент Костромского университета также быстро рос и к 1 января 1919 г. составлял уже 1 940 человек [Там же]. По сведениям местной печати, ситуация нормализовалась только на третий учебный год, когда приходящие в университет уже более-менее представляли себе характер и специфику обучения и были немного подготовлены к университетскому курсу.

В Костроме довольно оперативно и справедливо была осмыслена проблема неподготовленности крестьянской и рабочей аудитории к университетскому образованию. Для решения этой проблемы создавалась ассоциация, куда вошли Высшая народная школа и Губернское общество народных университетов. Ассоциация ставила перед собой задачу подготовить аудиторию к университетскому курсу, дать специальные практические сведения. Высшая народная школа состояла из пяти отделений: естественного, историко-словесного, экономического, политического и педагогического.

Работа ассоциации по сути подготовила открытие в Костромском университете в 1919 г. рабочего факультета, а программа его работы представляла собой прообраз, оригинальную модель преуниверсария, моделью которого в национальном масштабе как раз и стали рабочие факультеты, открывавшиеся повсеместно с 1919 г.

В 1919–1920 гг. университетскую структуру дополнили два факультета – педагогический и медицинский. При этом педагогов готовили на двух отделениях – естественных и общественных наук. О параметрах образовательной инфраструктуры ярко свидетельствует тот факт, что в структуре отделения общественных наук педфака работало 11 кафедр [Костромской, с. 20].

Университет успешно прирастал педагогическими кадрами. Помимо лекторов-гастролеров, из столиц (прежде всего из географически близкой Москвы), для чего в железнодорожных составах бронировался специальный «профессорский вагон», росли и оседали в Костроме свои, закрепившиеся преподаватели. Успехи в развитии образовательной инфраструктуры и кадрового потенциала были очевидными.

Однако, как и в отношении ряда других молодых региональных вузов, в августе 1921 г. Наркомпрос принял решение о закрытии и реорганизации вуза. На его основе создавались педагогический и Практический сельскохозяйственный институт. Представляется, что материальные трудности не были единственным мотивом действий республиканской администрации. С завершением Гражданской войны на классические университеты власти смотрели как на оплот старого мира, из которого не ушла старая профессура, и нарушался становящийся в других сферах жизни незыблемым классовый принцип в администрировании, оценке знаний.

В естественно сходных средовых условиях развивался и начинающий свой путь Смоленский университет. Истории основания Смоленского университета посвящено несколько ранее опубликованных работ [Каиль, 2013, с. 256–272; Каиль, 2014, с. 186–190; Кодин, Артеменков, Каиль, с. 318–334].

В Смоленске, как и в Тамбове и в Костроме, чаяли основать свой университет. Использовались любые возможности. Первоначально, еще при прежнем режиме, смоленская интеллигенция будировала вопрос перевода в Смоленск Юрьевского (Тартусского) университета. «Убедившись, что Юрьевский университет <...> не может быть в Западной области..., часть населения совсем разочаровалась; другая же часть обращает свои взоры на местные учительские институты с надеждой на то, что они нынче будут преобразованы в высшие педагогические институты; третья применительно к городу Смоленску верит в возможность создания рабочего техникума» [Известия исполнительного комитета..., с. 4].

Как показывают выявленные и обобщенные материалы, треки создания первых советских университетов в провинции были во многом схожими. Провинциальная интеллигенция, с интересом и вниманием сле-

дившая за жизнью имперских университетов и действовавшая до 1917 г. в рамках имперской традиции строгой иерархизации и замкнутости, элитарности высшего образования, имевшихся нормативных возможностей (открывая частные и публичные семинары, прото-вузы и всевозможные курсы), после Февраля 1917 г. активизировала свои инициативы, меняя политическую окраску и направление риторики, подчиняя ее одной цели – добиться открытия университета для нужд конкретного региона. Принципами реформирования существовавших прединiversитетских структур и создания университетов было обеспечение доступности и на первых порах относительной академичности, обращение к экспертному мнению (привлечение компетентных специалистов с солидным академическим статусом, административным опытом и контактами с центральными ведомствами).

Пути основания университетов были схожими, и сценарии путей их становления и первых лет развития в целом близкими. Возникавшие отличия были продиктованы, как правило, региональными социальными и экономическими потребностями и приоритетами, а также кадровыми ресурсами. Так, в Смоленске изначально сильными сложились педагогическое и медицинское направление в университете, на очередном этапе реформирования высшего образования они заложили основы профильных вузов. В Костроме создатели университета стремились с ходу приступить к подготовке текстильщиков и специалистов в лесном деле.

Результаты работы первых университетских центров были весьма заметны, особенно на фоне всеобщего развала периода Гражданской войны. Университеты быстро становились центрами не только образовательной деятельности, но и формировали социальную структуру, влияли на миграционные потоки, мотивировали трудовую миграцию. Местные материальные и инфраструктурные ресурсы, как правило, объединялись с привлечением высокопрофессиональных лекторов, которые своим приездом и практикой работы оказывали определяющее влияние на формирование лабораторий, книжных фондов, приемов и практик университетской работы, задавали высокие стандарты содержания обучения.

Именно в силу этих обстоятельств раннесоветский этап в истории высшего образования стал действительно успешным вопреки общегосударственным тенденциям обнищания, социальной нестабильности. Университеты в той ситуации действительно стали мотиваторами позитивных социальных изменений. Республиканские власти в буквальном смысле подняли на щит региональные практики университетского

строительства, присвоив не свои инициативы и завоевания. Реальный опыт университетского строительства в первые советские годы показывает, что основание университетов являло собой уникальное проявление самоорганизации активной части общества.

Аврех А. Л., Каницев В. В., Бюдюкина Н. Н. ТГУ в 1918–1921 гг.: «ТАМГО-СУНТ» // История Тамбов. гос. ун-та имени Г. Р. Державина. Тамбов, 2016.

ГАТО. Ф. Р-1 (Исполнительный комитет Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Губисполком); Ф. Р-1424 (Тамбовский государственный университет).

Известия ВЦИК. 1919. 28 января.

Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 28 августа.

Каиль М. В. Из истории создания советской высшей школы: первый университет Западной коммуны // Документ в контексте универсальных практик : сб. ст. по материалам четвертой Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Т. Н. Кондратьевой. Тюмень, 2014. С. 186–190.

Каиль М. В. Из истории становления университетского образования в советской провинции // *Вопр. образования.* 2013. № 1. С. 256–272.

Кодин Е. В., Артеменков М. Н., Каиль М. В. Смоленский государственный университет. История основания в документах. 1918 // *Изв. Смолен. гос. ун-та.* 2015. № 3 (31). С. 318–334.

Костромской университет: страницы истории и современность / сост. В. Л. Волков, В. Л. Миловидов, А. Н. Рябинин. Кострома, 1999.

Почивалова Е. И. Создание и развитие учреждений высшего профессионального образования в Иваново-Вознесенской и Костромской губерниях (1918–1929 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2015.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО
В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ, ТРАНСФОРМАЦИИ
И МОБИЛЬНОСТЬ

УДК 94(47).084:316.323.72

Л. Н. Мазур

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА:
ОТ ИДЕИ РАВЕНСТВА К НОВОМУ НЕРАВЕНСТВУ*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием социальной структуры советского общества. Она получила отражение в Конституции 1936 г., где зафиксировано наличие двух классов трудящихся – рабочих и крестьян. Дополнительно как «прослойка» выделялась интеллигенция. Трехчленная структура была результатом целенаправленного конструирования, в котором были задействованы механизмы правового регулирования, определявшие статус социальных групп, а также социального инжиниринга (пропаганда, воспитание, искусство, литература и проч.), направленные на перестройку сознания и формирование новой идентичности. Особое внимание в статье уделено таким механизмам конструирования, как декреты советской власти и кино. Кинематограф интересен также тем, что, выполняя заказ власти и конструируя новую реальность, он запечатлел реальные процессы, протекавшие в обществе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: структура советского общества; социальный инжиниринг; механизмы социального конструирования; равенство; неравенство.

Ранняя советская история (1917–1930-е гг.) представляет собой уникальный опыт социального проектирования, нацеленного на построение нового общества. Оно было ориентировано на реализацию определенных принципов, среди которых особое место отводилось понятиям *свободы, равенства и справедливости*. Эти принципы приобрели

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-1010 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

символические смыслы и составили основу советской мифологии, были включены в тексты советских конституций в качестве базовых правовых категорий.

Ступенькой к созданию нового идеального мира стало формирование общественного порядка, получившего название «диктатура пролетариата» – общества, где неравенство сохранялось, но оправдывалось тем, что должно было служить благородной цели – созданию общества «равных». Государство диктатуры пролетариата породило новую систему неравенства, основанную не на собственности и богатстве, а на бюрократических принципах приобщенности к власти. Новое неравенство имело бинарную структуру, в соответствии с которой общество делилось на «лучших» и «остальных» («вождей» и «народные массы»). Такая структура отличалась простотой, устойчивостью и одновременно внутренней динамикой, поскольку социальное наполнение новой системы неравенства менялось, как и отношения между новыми странами.

При анализе процессов социальных трансформаций в раннесоветском обществе особый интерес представляет изучение факторов и механизмов формирования новой социальной идентичности: «перековки» пролетариев в рабочий класс, крестьян – в колхозников, мещан – в служащих, «выходцев из народа» – в социалистическую интеллигенцию, а также оценка соответствия целей и результатов конструирования.

Самым сложным делом в этом грандиозном проекте была не столько реструктуризация российского общества, отмеченного печатью сословности и классового неравенства, сколько перестройка сознания, а вернее его перекодировка. Бывшие рабы должны были почувствовать себя хозяевами, а господа признать свое равенство с пролетариями и крестьянством. Идея равенства владела умами и стала основой новой советской идентичности.

Между тем равенство оставалось мечтой, а неравенство – реальностью. Неравенство – естественное состояние общества, которое проявляется не только в противостоянии социальных групп, но и в половозрастном, физическом, национальном, интеллектуальном разнообразии, имеющим свойство организовываться в иерархические структуры.

Социальное неравенство есть результат влияния как объективных/ естественных факторов (экономических, социокультурных, гендерных и проч.), так и субъективных, конструируемых идеологией, религией или политикой. Естественные факторы неравенства первичны, субъективные – вторичны, однако в определенных условиях они способны взять

на себя функции конструирования социальной структуры общества и тогда становятся источником новых форм неравенства, зачастую замаскированных под идеи равенства.

Особенностью становления раннесоветского общества было доминирование идеологических факторов, в частности утопических представлений о коммунизме, которые частично совпадали с модернизационными трендами, но частично противоречили им. Это непосредственно проявилось в социальной политике советской власти: ее политические усилия были направлены на преодоление и нивелирование естественных факторов неравенства при правовом и идеологическом конструировании новой системы социальной неравенства и обосновании ее.

Равенство как задача социального конструирования

Основные черты коммунистического общества – новой социальной системы, отличной от буржуазной – нашли отражение в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина [См.: Маркс, Энгельс; Маркс; Ленин, Государство и революция; Ленин, Очередные задачи...; Ленин, Задачи союзов молодежи]. В частности, В. И. Ленин по этому поводу писал: «Великое значение имеет борьба пролетариата за *равенство и лозунг равенства*, если правильно понимать его в смысле уничтожения классов. Но демократия означает только формальное равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: “каждый по способностям, каждому по потребностям”» [Ленин, Государство и революция, с. 99].

В лозунге равенства причудливо переплелись общинные настроения и архетипы, философские теории и политические концепции, объективно способствуя множественности коннотаций и интерпретаций рассматриваемого понятия. Можно выделить несколько основных источников формирования общественных представлений о равенстве:

– *религия*. Первоначально, в первобытном и древнем обществах, религия обосновывала и освящала сложившиеся системы социального неравенства. В мировых религиях, в частности в христианской доктрине, равенство становится одним из базовых религиозных принципов, закрепленных в Библии и других священных текстах; оно наделяется особым смыслом и понимается через отношение Бога к людям («перед Богом все

равнь»). Религиозные корни этих представлений особенно глубоки и формируют на уровне подсознания коды, проявляющиеся в религиозных ересьях и утопиях;

– *философия*. Наука, в отличие от религии, пыталась осмыслить тезис равенства и постоянно обращалась к нему в попытках найти социальный смысл и идентифицировать его как желаемую реальность. В античной философии равенство интерпретировалось в контексте существовавшей в то время социальной стратификации, где оно допускалось в рамках сословия при сохранении неравенства между ними («*Suum cuique*»). В период Средневековья преобладающей стала религиозная точка зрения: признавалось равенство людей перед Богом с сохранением сословных различий на земле. Эпохи Возрождения и Просвещения расширили социальный контекст понятия, введя в его интерпретации, во-первых, тезис о природном равенстве людей; а во-вторых, дополнив его представлениями о справедливости («каждому по делам его»);

– *политическая теория и практика*. В эпоху буржуазных революций принципы «свободы, равенства и братства» стали основными лозунгами борьбы с феодальным наследием и получили дальнейшее развитие в программах политических партий нового времени – либеральных, социал-демократических и коммунистических. В политическом контексте тезис равенства предполагал доступность гражданских прав и свобод для всех категорий граждан и трактовался одними как равенство возможностей (формальное равенство), а другими, в том числе марксистами, как равенство в распределении благ (дистрибутивное равенство) [Социальное равенство];

– *право*. Идея равенства перед законом стала основополагающей в концепции гражданского общества и правового государства и была непосредственно связана с буржуазной модернизацией. Вместе с тем придание рассматриваемому понятию правовых коннотаций опиралось в большей степени на представления о справедливости и было связано с отказом от идеи равенства возможностей, т. е. защищало экономическое неравенство.

История изучения идеи равенства получила продолжение в XX веке, породившем множество теорий неравенства, которые можно условно разделить на две группы:

1) концепции, которые отстаивали неравенство как естественный способ жизни общества. К ним относились теории функционализма (Э. Дюркгейм, К. Дэвис, В. Мур), теория статусных групп М. Вебера и др.;

2) концепции, в которых утверждается возможность социального равенства и уничтожения или сведения к минимуму экономического неравенства путем социальных революций или реформ. К ним относятся теория К. Маркса, различные социал-демократические теории (демократический, этический, кооперативный социализм и т. д.), теории «социального государства» [Полякова, Шкаратан].

Особое место в социологических теориях отводилось вопросу о соотношении принципов равенства и свободы, поскольку они противоречат друг другу: равенство ограничивает свободу, свобода, в свою очередь, разрушает равенство. По данному вопросу в либеральных теориях существует несколько точек зрения: одни выступают за совместимость свободы и равенства при условии соблюдения принципа справедливости (Дж. Роулз); другие отстаивают приоритет свободы над равенством (Ф. Хайек, М. Фридман, А. Токвиль и др.). За приоритет равенства над свободой, причем не только формального правового, но и фактического, выступали радикальные направления социал-демократии, в том числе марксисты [Федотова].

Таким образом, будучи лозунгом буржуазных революций, идея равенства прочно утвердилась в общественном сознании и политическом дискурсе начала XX века, но была очень эклектичной и порождала неизбежное столкновение религиозно-этических и рационально-правовых смыслов.

В России начала XX века представления о равенстве имели свои особенности и отражали не столько правовые, сколько экономические и/или религиозно-моральные идеи. Они опирались на общинный идеал имущественного равенства, реализующий принципы уравнительности и коллективности, и предполагали возможность достижения социального равенства путем экономических преобразований, а также через самосовершенствование и/или воспитание.

Возможность создания общества «равных» было весьма распространенной иллюзией того времени. В частности, П. А. Сорокин считал, что в обществе будущего всем будет обеспечена полнота прав и социальных благ: «Социализм, основным элементом которого является принцип равенства, не должен и не может ограничиваться требованием одного экономического равенства (равное распределение экономических, имущественных благ) потому, что тогда он означал бы учение половинчатое, не требующее равного распределения самых ценных видов социального блага. Разве благо знания или благо добра стоит меньше, чем экономическое благо и имущественная обеспеченность?» [Сорокин, с. 41–42].

Нельзя сказать, что эта иллюзия была всеобщей. Еще в 1875 г. Ф. Энгельс писал в письме к А. Бебелю: «Представление о социалистическом обществе, как о царстве равенства, есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом “свободы, равенства и братства”» [Энгельс, с. 30].

В 1922 г. российский историк и публицист И. Бикерман отмечал: «...Равенство есть совершенно невероятное состояние общества ...неравенство, наоборот, может осуществиться бесчисленными путями и воплотиться в бесчисленных формах. Отсюда явно, что воздействие, направленное к уничтожению неравенства, должно быть всесторонне, всепроникающе. *Иначе говоря, власть, призванная оказать это воздействие, должна быть властью всеобъемлющей, всеведущей и всемогущей.* И уже тут мы наталкиваемся на неустранимую антиномию. Нет большего неравенства, чем между *властвующими и подвластными*, власть по самой природе своей есть привилегия...» [Бикерман, с. 52].

Предсказание о том, что достижение равенства возможно только в условиях тотального влияния и насильственного воздействия власти на общество, впоследствии подтвердилось историческим опытом строительства социализма в России. Лозунг равенства в советском проекте имел несомненный приоритет перед принципом свободы, поскольку соответствовал не только ожиданиям масс, но и подкреплялся марксистской теорией. Его реализация рассматривалась как первоочередная задача советской власти. Вместе с тем представления о равенстве в раннесоветском обществе, как в партийно-советских структурах, так и на обыденном уровне, носили достаточно эклектичный характер, вбирая весь спектр мнений, сформировавшихся в российском обществе к началу XX века.

Механизмы конструирования новой социальной структуры раннесоветского общества

В марксистской теории *пролетарская революция* была призвана разрушить старый мир и построить новое общество, основанное на принципах равенства и свободы, где не будет эксплуатации человека человеком. Эта задача была сформулирована в Манифесте Коммунистической партии [Маркс, Энгельс], а позднее заявлена в программных документах многих партий, в том числе в Программе Российской социал-демократической партии, принятой в 1903 г., где говорилось: «Заменяв частную собственность на средства производства и обращения общественной и введя планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов

общества, *социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы* и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другому» [Программа].

В своих представлениях о будущем марксисты отталкивались от тезиса разделения общества на эксплуататорские классы (капиталисты, помещики) и эксплуатируемые классы (рабочий класс, крестьяне), выделяя в качестве главного фактора социальной дифференциации собственность на средства производства. Социальная структура общества, таким образом, рассматривалась ими как производное от экономических отношений, поэтому первоначально задача ликвидации неравенства воспринималась как задача экономическая: при ликвидации причины неравенства – частной собственности на средства производства – исчезнет деление на классы. Результатом этих усилий виделось «создание ассоциации, в которой “свободное развитие каждого является условием свободного развития всех”» [Маркс, Энгельс, с. 447]. В качестве первичной ячейки такого общества выступала уже не семья – оплот частной собственности, а «коллектив», определявший производственно-потребительские статусы населения и новую социальную идентичность.

Программа большевиков по достижению равенства включала преимущественно организационно-законодательные задачи: во-первых, уничтожение частной собственности на средства производства; во-вторых, введение контроля над производством и распределением; в-третьих, преодоление классовых различий *путем уничтожения «деления на классы»*. Первые две задачи можно было решить, используя механизмы легитимации и институализации, что впоследствии продемонстрировала советская власть, начав «экспроприацию экспроприаторов» сразу же, в первые месяцы после Октября. Что касается последней, третьей, задачи, сформулированной радикально, но абстрактно, то она предполагала не только юридическое и/или физическое уничтожение эксплуататорских классов, но и формирование новой идентичности победившего пролетариата. Эти цели можно было достичь только с подключением более тонких механизмов социального инжиниринга – типизации и хабиутализации [см.: Бергер, Лукман], вторгаясь в повседневность и меняя массовое сознание. Немаловажную роль в этом процессе перестройки сознания играло понятие «воспитание», в которое большевики вкладывали более глубокие смыслы, нежели просто утверждение новых этических норм. Воспитание предполагало перестройку личности, изменение системы ценностей и перекодировку сознания в символах коммунистической веры.

Реализация основных пунктов «программы-максимум» РСДРП началась сразу же, с первых дней установления советской власти. Основным инструментом конструирования нового общества стала законотворческая деятельность, связанная с принятием законодательных актов, особое место среди которых отводилось декретам. Они стали символом новой власти, демонстрируя преемственность гуманистических идей Великой Французской революции и противопоставляя себя имперской правовой системе.

Декреты советской власти представляют собой уникальное правовое явление. Они выполняли не только законодательные функции, но и выступали средством информирования, агитации и пропаганды, управления и мотивации, формируя новую правовую среду, государственную систему, а также социальную структуру общества. Раскрывая роль декретов в реализации задач строительства нового общества, В. И. Ленин писал: «Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах. Это было время, это была полоса, которая была необходима в начале революции, без этого мы бы не стали во главе революционной волны, а стали бы плестись в хвосте. Без этого не было бы к нам доверия всех рабочих и крестьян, которые хотели построить жизнь на новых основах» [Ленин, Великий почин, с. 111].

Таким образом, большевики создали новый многофункциональный агитационно-правовой канал, который позволял осуществлять преобразования в стране, пока еще неподконтрольной новой власти. Только в первые месяцы, с 25 октября 1917 по 15 марта 1918 года, было принято в общей сложности 343 законодательных акта СНК, ВЦИК и Съездов Советов, что свидетельствует о небывало высокой интенсивности законотворчества. С точки зрения социального конструирования, наибольшее значение имели декреты и постановления об упразднении старых министерств, судов, армии, о борьбе с саботажем буржуазии и чиновничества, роспуске контрреволюционных партий и организаций. Декреты в экономической сфере способствовали оформлению нового экономического статуса социальных групп, от лица которых выступала советская власть – рабочих, солдат, крестьян и казаков. Среди них декреты об организации рабочего контроля над производством и распределением продуктов, национализации банков, крупных промышленных предприятий, торгового флота и др. [Декреты].

Все законодательные акты в той или иной степени решали задачи социального конструирования нового общества, но среди них выделяются те, которые были непосредственно направлены на поддержку и «пе-

реформатирование» классов рабочих и крестьян, уничтожение буржуазии, старого чиновничества и помещиков.

11 (24) ноября 1917 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК, в котором провозглашалось упразднение всех сословий, сословных привилегий и ограничений. Для всего населения России декрет устанавливал звание *гражданина Российской Республики*, легализуя тем самым принцип формального равенства [Декреты, с. 71–73]. Его дополнил Декрет от 16 (29) декабря об уравнивании всех военнослужащих в правах и упразднении всех воинских чинов и званий [Декреты, с. 242–243].

Закрепление принципов равенства в качестве основного направления социальной политики связано с принятием 12 (25) января 1918 г. Третьим Всероссийским съездом Советов Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В ней были указаны цели социальных преобразований – уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, а также пути их достижения (подавление эксплуататоров; установление социалистической организации общества; победа социализма во всех странах). В документе прописана и конкретная система мероприятий (программа), направленная на достижение дистрибутивного равенства [Декреты, с. 342–343]:

- 1) социализация земли;
- 2) введение рабочего контроля, а в перспективе – переход всех заводов, фабрик, рудников, железных дорог и прочих средств производства в собственность республики;
- 3) национализация банков;
- 4) введение всеобщей трудовой повинности;
- 5) разоружение имущих классов и вооружение трудящихся.

В качестве важнейшего условия достижения равенства выдвигался тезис «диктатуры пролетариата», предполагавший введение ограничений прав для социальных групп – противников революции и использование инструментов насилия (экспроприация, принуждение, уничтожение) во имя интересов революции. Таким образом, параллельно с декларацией социального равенства формируется система политического неравенства, основанная на идее насилия большинства над меньшинством.

В дальнейшем, уже имея за плечами опыт государственного управления первых послереволюционных лет, разработки политики «военного коммунизма» и ведения Гражданской войны, власть стала воспринимать задачу достижения равенства как более сложную. Создание общества равных стало рассматриваться в стратегическом плане как отдаленная перс-

пектива, связанная со строительством и развитием социалистического общества и переходом к коммунизму. В этой связи В. И. Ленин писал: «Уничтожить классы – значит не только прогнать помещиков и капиталистов – это мы сравнительно легко сделали – это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» [Ленин, Детская болезнь, с. 27].

Таким образом, задачи экспроприации и уничтожения эксплуататорских классов дополнялись мероприятиями по воспитанию, пропаганде и агитации. Но и этого было недостаточно, так как оставались еще естественные факторы неравенства, которые тоже нужно было преодолеть. В своей брошюре «Великий почин» В. И. Ленин подчеркивал: «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо *уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда*. Это – дело очень долгое» [Ленин, Великий почин, с. 15].

В результате одним из направлений борьбы с неравенством в 1920-е гг. становится «учение, организация и воспитание» молодежи, и вместе с ними всех – крестьян, рабочих, интеллигенции. Функции воспитателя принимает на себя партия – носитель особой коммунистической нравственности, которую Ленин связывал с непримиримым отношением к «прошлому, отжившему, чуждому» [Ленин, Задачи..., с. 311].

Так задачи уничтожения неравенства и создания общества «равных» в начале 1920-х гг. из законодательной и экономической областей постепенно перемещаются в идеологическую плоскость и становятся доминантами для агитации и пропаганды, а также для всех направлений и сфер деятельности, связанных с конструированием «нового человека» – просвещения, воспитания, литературы, искусства, науки, архитектуры и проч.

Этапы конструирования социальной структуры советского общества

Конструирование новой социальной структуры включает три этапа, различавшиеся подходами к моделированию социальной стратификации: революционная эпоха (1918–1923 гг.); переходная/нэповская эпоха, связанная с существованием многоукладной экономики и наличием элементов идеологического плюрализма (1924–1929 гг.); сталинская эпоха

(1930-е гг.), когда оформление новой социальной структуры было в целом завершено в законодательно-правовом отношении.

Революционная эпоха характеризуется крушением старой сословно-классовой структуры городского общества, его маргинализацией, потере социальной идентичности. Крестьяне пострадали в меньшей степени, поскольку их условия жизни и уклад существенно не изменились. Особенностью революционного этапа стало установление формального равенства, исключавшего сословные различия, и попытка достижения дистрибутивного равенства через ликвидацию частной собственности, отмену товарно-денежного обращения и введение уравнительного распределения. Разрушение старой сословно-классовой структуры общества и формирование общества «равных» осуществлялось преимущественно силовыми методами, к числу которых относились «красногвардейская атака на капитал», политика экспроприации, а также красный террор. Одновременно была разработана система правовых ограничений для категорий населения, которые могут нанести «ущерб революции».

Эта противоречивая ситуация, связанная с формированием новой системы неравенства, нашла отражение в первой Конституции, принятой V Всероссийским съездом Советов в 1918 г., где в ст. 22 был декларирован принцип равенства [Конституция РСФСР, 1918]. А в следующей 23-й статье заявлено о введении ограничений в правах отдельных групп, «которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции». Их перечень уточняется в ст. 65 – это «лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и духовные служители церкви и религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления» [Кукушкин, Чистяков, с. 246, 257]. Перечисленные категории лиц были подтверждены позднее Конституцией РСФСР 1925 г. [Конституция РСФСР, 1925] и просуществовали вплоть до 1936 г.

Таким образом, в основу нового неравенства на уровне правовых актов был положен принцип *служения революции*, разделивший общество на два лагеря – защитников революции и ее врагов. Такое деление временно нарушило все социальные связи и идентичности, приведя к социальному хаосу и оставив в качестве условных ориентиров только ментальные конструкции «свой»/«чужой». Это наиболее радикальный вариант

социального неравенства, поскольку он дает моральное право физически уничтожать несогласных и формирует сознание и комплексы как «победителей», так и «побежденных».

После окончания Гражданской войны в мирных условиях восстановления экономики и социальных структур возникла потребность в преодолении раскола общества. Отношение к революции сохраняло свое значение как идентификационный критерий, но приобрело ритуальный характер.

Переход от политики уничтожения «чужих» к политике их ограничения и перевоспитания способствовал частичной реставрации традиционных схем неравенства (экономического, правового, социального) и перекодировки «чужих» в «социально чуждых», рассматриваемых как часть советского общества, требующая внимания со стороны власти и общественных организаций и усилий по перевоспитанию. С этой целью агитационно-пропагандистская машина стала использовать идеологему «хозяин» – переходную ментальную конструкцию, связанную с изменением психотипа основной массы населения Советской России – рабочих и крестьян.

Идеологема «хозяин» – основной стержень социальной иерархии общества второй половины 1920-х гг., который был сконструирован властью и поддерживался массовым сознанием¹. Он соединял старую и новую традиции поведения, поднимал на новый уровень те социальные группы, которые не имели собственности прежде и в условиях национализации средств производства приобрели на нее формальные права (в первую очередь рабочие и крестьяне), тем самым поддерживая представления об обществе «равенства». Одновременно понятие «хозяин» примиряло с новой политической реальностью те категории населения, которые обладали собственностью прежде и надеялись сохранить ее в перспективе (мелкие предприниматели, торговцы, крестьяне, домовладельцы).

Особенностью новой стратификации было то, что она, помимо естественных схем социального неравенства, включала политико-идеологические и нравственные критерии. «Хозяева» – это те, кто работают, строят коммунизм; «не-хозяева» – кто пьют, лодырничают, погрязли в мешан-

¹ Ее значение сохранялось и в 1930-е гг. Достаточно вспомнить знаменитые строчки из песни о Родине, прозвучавшей в фильме «Цирк» (1936): «От Москвы до самых до окраин/С южных гор до северных морей Человек проходит, как **хозяин**,/Необъятной Родины своей».

стве и эгоизме, т. е. мешают строить новое общество. Вертикальная мобильность опиралась на механизмы воспитания чувства Хозяина и общения к процессам управления через включение в общественные движения и организации – профсоюзы, комсомол, женсоветы, общество рационализаторов, военно-спортивные организации и проч. Таким образом, деление раннесоветского общества на «хозяев» и «не-хозяев» приобретало двойной смысл: нравственно-этический и конкретно-деятельностный.

Именно такой социализм, где все хозяева, был воплощением ленинских представлений о равенстве. Он считал, что для достижения социального равенства людей необходимо «поставить всех граждан в одинаковое положение по отношению к средствам производства всего общества» [Ленин, Либеральный профессор..., с. 363]. Это станет возможным, «если все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством оплаты», а «все граждане становятся *служащими и рабочими* одного всенародного государственного “синдиката”» [Ленин, Государство и революция, с. 101].

Однако эта переходная социальная конструкция не вполне соответствовала требованиям власти. Общество, где все его члены – хозяева, неуправляемо. Поэтому его постепенно вытесняет понятие «трудящиеся», которое в 1930-е гг. становится основной идеологемой, получившей правовой статус и вобравшей в себя представления о единстве, равенстве.

Потребность в перекодировке была вызвана тем, что в условиях формирования жесткой вертикали власти необходимо было закрепить за партийными структурами и институтами право на управление обществом. Решение этой задачи связано со следующим этапом социального конструирования, когда утверждается принцип деления общества на «лучших» и «остальных»/«вождей» и «массы». *Новая система неравенства* представлена в фильме А. Роома «Строгий юноша», снятом в 1936 г. Он транслирует новый взгляд на социалистическое общество: «Социализм – это неравенство. <...> Уравниловки быть не должно... Равенство – это застой...» – говорит главный герой фильма. «Есть лучшие – это вожди и творцы мысли, науки, искусства, и остальные – серые люди, их много...». Обычный человек может стать «лучшим», но для этого нужно стремиться к этому, подражать и равняться на них, стать самому вождем или творцом.

Итогом социального конструирования в *сталинскую эпоху* стало моделирование упрощенной трехчленной структуры общества, включающей два класса трудящихся – рабочих и крестьян-колхозников, а также интеллигенцию – особую социальную группу, именуемую в учебниках по историческому материализму «прослойкой» [Исторический материализм,

с. 402]. Она объединяла представителей умственного труда и искусства, а также инженеров, врачей, учителей.

Эта привычная конструкция требует уточнения. В Конституции СССР 1936 г. говорится о структуре советского общества в двух вариантах: СССР – это государство *рабочих и крестьян* [Конституция, 1936, ст. 1], но вся власть принадлежит *трудящимся города и деревни* в лице Советов депутатов трудящихся [Конституция, 1936, ст. 3]. Интеллигенция в Конституции не упоминается. Ее образ конструируется в идеологических текстах, в частности в учебниках по историческому материализму и в Кратком курсе истории ВКП (б), где она рассматривается как особая социальная группа, «всеми своими корнями связанная с народом, с рабочим классом и крестьянством» [История..., с. 328–329; Исторический материализм, с. 402–403].

Объединяющим для всех категорий населения СССР выступает понятие «трудящиеся», которое соотносится с новыми представлениями о «равенстве». Их сформулировал И. Сталин в своем докладе XVII съезду партии: «Под равенством марксизм понимает не уравниловку в области личных потребностей и быта, а уничтожение классов, т. е. а) равное освобождение всех трудящихся от эксплуатации после того, как капиталисты свергнуты и экспропрированы; б) равную отмену для всех частной собственности на средства производства после того, как они переданы в собственность всего общества; в) *равную обязанность всех трудиться по своим способностям и равное право всех трудящихся получать за это по их труду* (социалистическое общество); г) равную обязанность всех трудиться по своим способностям и *равное право всех трудящихся получать за это по их потребностям* (коммунистическое общество)» [Сталин, с. 355].

Таким образом, в новой социальной структуре, несмотря на декларацию формального равенства, закрепленного Конституцией СССР 1936 г. [Конституция СССР, 1936, ст. 122, 123, 135], были заложены сразу несколько видов неравенства: межгрупповое (различие общественных статусов рабочего класса и крестьян) и внутригрупповое («лучшие»/«масса»), причем внутригрупповое неравенство на практике оказалось более значимым фактором, дифференцирующим советское общество.

Официально социальную иерархию возглавлял класс рабочих, который имел статус «передового», «руководящего», «гегемона». Такая маркировка соответствовала партийной идеологии и опиралась на труды классиков марксизма-ленинизма. Рабочие составляли социальную опору нового строя, со временем превратившись и в самую массовую социальную группу.

Крестьянство (колхозники) в советской социальной структуре занимало самую нижнюю ступеньку. Будучи наиболее угнетенным сословием имперского общества, крестьянство оставалось самым эксплуатируемым и обделенным классом (в социально-правовом, экономическом, материальном отношении) в СССР. Вплоть до принятия Конституции 1936 г. крестьянство было ограничено в избирательных правах, поскольку их представительство при выборах на всероссийские и всесоюзные съезды Советов было в пять раз ниже по сравнению с рабочими [Исторический материализм, с. 370]. Неравенство распространялось на социальные гарантии для крестьян (пенсионное обеспечение), а после проведения коллективизации – на уровень доходов и потребление. Неравенство стало психологической доминантой новой идентичности крестьянства и нашло отражение в социальном феномене «колхозник», историческая судьба которого была неразрывно связана с процессами раскрестьянивания и активного социального транзита в другие социальные статусы.

Интеллигенция заняла промежуточное положение не только между новыми социалистическими классами, но и «лучшими» и «остальными». Для нее на протяжении всех лет советской власти была характерна социальная неопределенность, размытость статусов, в том числе в профессиональном отношении. Достаточно сказать, что в кадровых справочниках, кадровой документации и системе учета Наркомата труда, т. е. в управленческой сфере, понятие интеллигенции отсутствовало. Для обозначения людей творческих профессий, а также лиц, занимающихся умственным трудом, использовалось понятие «служащие».

Попав изначально в категорию «чужие» и «бывшие», служащие подвергались социальной дискриминации, в том числе при распределении социальных благ. Особенно тяжело приходилось провинциальным учителям и врачам – самой многочисленной группе служащих, для которой было характерно зависимое положение и низкий уровень жизни. Низкие зарплаты компенсировались для некоторой части служащих, входящей в структуры власти, спецпайками и системой привилегий.

Ситуация начинает меняться в 1930-е гг. – времени формирования новой «социалистической интеллигенции» – поколения молодежи, выросшего при советской власти и принявшего ее ценности. Интересен конструируемый идеальный тип новой интеллигенции – это образованный, талантливый специалист, решительный и непримиримый борец со всем старым и отжившим, не имеющий сомнений и особой деликатности в отношениях с людьми.

Несмотря на наличие различных классов и групп, советское общество в социальном отношении оценивалось как «единое», не имеющее антагонистических противоречий. Однородность социальной структуры социалистического общества обозначалась термином «морально-политическое единство», оплотом и гарантом которого выступала Коммунистическая партия [Исторический материализм, с. 404–411].

В коммунистической перспективе различия между классами должны были исчезнуть. Рабочие должны были инкорпорировать все остальные классы и социальные группы, но по-разному: крестьяне-колхозники должны были исчезнуть вместе с кооперативной формой собственности и «стиранием граней между городом и деревней»; а интеллигенция «сблизиться» с рабочим классом, благодаря сглаживанию различий между физическим и умственным трудом.

В официальную структуру нового общества не были включены *военные и представители силовых структур, а также партийная и хозяйственная номенклатура*: они находились вне социальных страт и составили категорию «лучших». В этом специфика советской модели. «Лучшие» формировали образ власти, характерной чертой которого была связь с народом. Эта идея стала основой советского мифа власти: все его герои – партийные, государственные деятели, военачальники – это выходцы из народа и носители его нравственности. Мифологизация и канонизация образа партийного и советского руководителя – мудрого и принципиального, знающего, что хорошо и что плохо – стала одной из центральных задач искусства сталинского времени, в том числе художественного кино.

Таким образом, оформление новой структуры общества в целом завершилось к концу 1930-х гг., закрепив в качестве ведущей силы коммунистическую партию и партийные органы, а также созданную ею номенклатурную систему, пронизывающую и контролирующую все общество.

Советский кинематограф как отражение процессов социальной реконструкции и инструмент социального конструирования

Заметная роль в социальном конструировании отводилась образованию, науке, искусству, воздействующим на сознание человека, его память, мировоззрение. Необходимо было сформировать в массовом сознании образ «лучших», провести его социальную идентификацию и закрепить на уровне эмоционально-оценочного восприятия реакцию на социальные типы «рабочего», «крестьянина», «интеллигента», «служащего», «партийного работника», «военного» и проч.

Пропаганда и агитация стали основными инструментами социального конструирования, подчинив себе все информационные каналы – печать, радио, кино. Художественному кинематографу с самого начала отводилось особое место в этой борьбе за сознание и душу граждан молодого советского государства. Широкою известность приобрела знаменитая фраза В. И. Ленина «из всех искусств для нас важнейшим является кино», ставшая лозунгом и одним из мифов советского кинематографа [Болтянский, с. 19], поскольку она была вырвана из контекста беседы Ленина с А. Луначарским². Тем не менее она показывает, что сила влияния «живых картинок» на неискушенного зрителя очень хорошо осознавалась властью и стала активно использоваться для реализации целей строительства нового общества.

Говоря о роли кино в конструировании сознания советского человека, следует отметить его сложную природу. Художественные фильмы 1920–1930-х гг. содержат два пласта информации: с одной стороны, социальный заказ власти, в некоторых случаях откровенно агитационного характера³. С другой стороны, фильмы отражали окружающую реальность, преломленную через художественные образы, что позволяет нам реконструировать социальные процессы, протекавшие в обществе, в том числе существовавшие модели социального неравенства.

Фильмы, вопреки открыто декларируемой идее равенства, продуцировали образы, которые на подсознательном уровне закрепляли новую систему неравенства, отражали процессы формирования новых социальных групп, а также трансформацию социальной структуры имперского общества в советскую. В первую очередь это касалось процессов замещения «элиты» – политической, военной, интеллектуальной, а также изменения статуса «победивших» классов: преобразование пролетариата в рабочий класс, а крестьян – в коммунаров/колхозников. Для реконструкции основных этапов социального конструирования нового общества были привлечены художественные фильмы на «современную» тему.

Революционная эпоха отражена в художественном кинематографе достаточно слабо в силу объективных причин – Гражданской войны, эко-

² По мнению ряда исследователей, полный текст фразы звучал следующим образом: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» [Цит. по: Кузнецова, с. 52].

³ См., например: «Девушка с коробкой» (реж. Б. Барнет, 1927), снятая по заказу для рекламы облигаций государственного займа, или «Дом на Трубной» (реж. Б. Барнет, 1928) – для рекламы выборов в Моссовет.

номического кризиса, режима жесткой экономии, непосредственно влиявшего на объемы кинопроизводства. Всего в 1918–1924 гг. на киностудиях РСФСР/СССР было снято более 70 фильмов⁴, из них 24 (32,4 %) – это экранизации литературных произведений русской классики; 29 (39,2 %) – историко-революционные фильмы, снятые преимущественно по событиям Гражданской войны и революции; и только 21 фильм был снят на современную тему (около 1/3 от общего числа).

Те немногочисленные фильмы первой половины 1920-х гг., которые сохранились, отражают мир «перевернутый», где все смешалось. Эту особую социальную ситуацию хорошо иллюстрирует фильм «Уплотнение», поставленный по пьесе А. Луначарского в 1918 г. реж. А. Пантелеевым, Д. Пашковским и А. Долиновым. В квартиру профессора в порядке уплотнения из сырого подвала переселяют рабочего с дочерью. Постепенно квартира превращается в «рабочий клуб», где гости – рабочие завода – слушают лекции профессора, а между сыном профессора и дочерью рабочего завязываются романтические отношения, т. е. разрушаются все сословные перегородки, и коммунальная квартира становится своеобразным символом нового общества, где все вместе и все – равны.

Комедийный фильм «Папиросница от Моссельпрома» (реж. Ю. Желябужский, 1924) воспроизводит уже другую картину, отражающую социальные реалии послевоенной Москвы, в том числе легкость социальных транзитов и неопределенность социальных статусов. Все находится в движении: героиня фильма – лоточница Зина – очень легко из среды уличной торговли перемещается в салоны столичной богемы, становится кинозвездой, затем попадает в окружение американского бизнесмена, который предлагает ей руку и сердце, а впоследствии легко возвращается на улицу к своему прежнему занятию. Высокая социальная мобильность и отсутствие даже формальных проявлений социального неравенства (в одежде, отношениях) характерна и для других героев фильма, в частности героя И. Ильинского – бухгалтера Митюшина, который из любви к девушке уходит со своей работы, чтобы стать сценаристом и режиссером фильма.

Необходимо отметить, что в комедии отражены социальные типы и отношения, выходящие за пределы структур власти. Сам же образ власти, партии или ее институтов в фильме практически отсутствует. Такой

⁴ Здесь и далее, если отсутствуют ссылки, расчеты проведены по данным «Энциклопедии кино Кирилла и Мефодия», 2003 [Электронный ресурс], однако эти цифры следует воспринимать как ориентировочные, поскольку полнота базы данных энциклопедии составила по приближенным оценкам примерно 90–95 %.

подход к репрезентации властных структур типичен для фильмов первой половины 1920-х гг. – партийные органы находятся на периферии сюжета, к ним обращаются в кульминационные моменты для справедливого разрешения конфликта, т. е. они не включены в частную жизнь, как это будет позднее – в фильмах 1930-х гг. Другое дело советские и общественные организации – советы, профсоюзы, комсомол: в фильмах они выполняют функции «доброй феи», помогая героям фильма выпутаться из сложных обстоятельств, показывая пути социального преобразования и открывая возможности социального лифта.

Во второй половине 1920-х гг. ситуация меняется: революционная стихия уступает место устойчивым социальным образам и типам, которые занимают в стратификации раннесоветского общества свое строго определенное место и получают нравственно-этическую и политическую оценку, во многом соответствующую приговору «быть или не быть». Галерея социальных образов этого времени включает такие типы, как «служащий»; «интеллигент»; «рабочий»; «крестьянин», «партийный/ профсоюзный руководитель»; «бюрократ»; «нэпман»⁶, «священнослужитель». Каждый тип включает подтипы, пока еще неантагонистичные и сосуществующие. Так, например, крестьянство состоит из бедняков, середняков, кулаков, кооперированных крестьян, коммунаров. В этой галерее социальных образов, создаваемых кинематографом, однозначно негативную коннотацию несут несколько социальных типов – интеллигент, бюрократ и священнослужитель. Они позиционируются как наследие прошлого и препятствие на пути продвижения к социалистической перспективе.

Всего за пять лет (1925–1929) киностудиями СССР было снято 232 художественных фильма. Причем объемы кинопроизводства ежегодно возрастали, достигнув максимума в 1927 г., когда было выпущено 67 фильмов (29 % от общего количества). Такая динамика свидетельствует об усилении агитационной функции кинематографа, включений его в решение задач воспитания и пропаганды по выполнению планов первой пятилетки, реализации целей индустриализации и коллективизации. Изменилась и структура фильмографии: около половины фильмов (48,3 %) было снято на современные темы; 37,1 % – на историко-революционные и только 14,7 % составляли экранизации литературных произ-

⁶ «Нэпманы» как социальная категория объединяла тех, кто занимался предпринимательской деятельностью в городах, т. е. имел мелкое производство, торговлю, оказывал платные услуги и проч.

ведений, т. е. резко вырос интерес к современности, усилилось идеологическое влияние кино и его воздействие на зрителя.

Для реконструкции социального облика, определения места и роли той или иной социальной группы в структуре общества второй половины 1920-х гг. важна не только социальная маркировка, но и приобщенность к понятию и функции «хозяин». Данная идеологема имеет сложную структуру и строится на противопоставлении бытовых представлений о «хозяевах жизни» и идеальной конструкции «хозяин». К хозяевам жизни принадлежат предприниматели-нэпманы, уголовники, держащие в страхе городского обывателя, или бюрократы. Но их сила иллюзорна, они неизбежно теряют свою власть, статус «хозяина», реальными же хозяевами становятся те, кто включается в строительство нового мира.

В фильме «Катька – Бумажный ранет» (реж. Э. Иогансон, Ф. Эрмлер, 1926) повествуется о судьбе крестьянской девушки, приехавшей на заработки в город и попавшей под власть уголовного-альфонса. Точно и образно показано городское общество периода расцвета нэпа, расколото на два мира: 1 – обывательский, где на верхней ступени социальной лестницы стоят нэпманы и уголовники; 2 – «правильный» мир строителей социализма. Сначала он виден в отдельных эпизодах фильма: милиционеры, разгоняющие уличных торговцев, не имеющих лицензий; пионеры, шагающие по улице; рабочие, спешащие на фабрики и заводы. Социальный лифт героини фильма Катьки, перемещение с нижней ступеньки социальной лестницы на верхнюю, связан с ее поступлением на фабрику и включением в общий созидательный труд. Интересен образ еще одного героя фильма – бездомного нищего Вадима, доброго, образованного, интеллигентного человека, который под влиянием любви к Катьке постепенно превращается из трусливого и слабохарактерного человека в защитника слабых, т. е. преобразуется. Негативная презентация интеллигенции транслирует отношение к ней как к наследию прошлого, которому нет места в современной жизни.

Несколькими годами позднее в фильме Б. Барнета «Дом на Трубной» (1928) был использован похожий сюжет. Параша приезжает из деревни на заработки и останавливается на квартире у своего знакомого земляка, вскоре попадает в домашние прислуги к парикмахеру, проживающему в этом же доме на первом этаже. Интересен сам образ дома, который можно рассматривать как своеобразный срез городского общества конца 1920-х гг.: здесь живут советские служащие, мелкие нэпманы (все имеют прислугу), в подвале арендует комнату приехавший из деревни крестьянский парень, работающий шофером, этажом выше живут нэпманы, а еще

выше – девушка-делегатка. Переместиться на более высокий этаж Параше помогает профсоюз и участие в выборах в Моссовет.

Среди фильмов, презентующих концепт «хозяина», следует особо выделить картину «Обломок империи» (реж. Ф. Эрмлер, Ф. Никитин, 1929), в основу сюжета которого положена реальная история солдата, потерявшего на войне память в результате контузии. Когда спустя много лет память вернулась, герой оказался в новом мире, где все ему было непонятно и незнакомо, где не было ни хозяев, ни слуг, все были равны.

Процесс вхождения человека в эту новую жизнь и формирование его нового «я» находится в центре внимания создателей фильма. Помощником героя на этом сложном пути становится спасенный им на фронте юноша – комсомолец и профсоюзный активист. Рефреном перерождения личности героя стало переосмысление понятия «хозяин». На вопрос: «Кто здесь хозяин?», он получает ответ: «Все хозяева, кто работает и трудится, пашет землю или водит паровозы». Но есть и «не-хозяева» – это те, кто пьет, лодырничает, кто вместо дела занимается демагогией, погряз в мешанстве и эгоизме, т. е. мешает строить новое общество.

Новым в кинематографе второй половины 1920-х гг. стало возрождение образа «врага». Эта тема актуализируется к 1929 г., когда в советском обществе с особой силой заработала репрессивная машина, прошли открытые судебные процессы против старых специалистов. Создаваемый на экране образ врага вбирает в себя определенные социальные типы (кулак, бывший офицер, помещик, чиновник, священнослужитель, интеллигент), обреченные на уничтожение – это те, кто не вписывается в проект будущего.

Фильмы этого времени (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) в первую очередь направлены на разоблачение бюрократов, кулаков и вредителей («Танька-трактирщица», реж. Б. Светозаров, 1928; «Человек с портфелем», реж. Ч. Сабинский, 1929; «Моя бабушка», реж. К. Микаберидзе, 1929 и др.).

В фильмографии конца 1920-х годов выделяются фильмы, отражающие *преображение* основных социальных групп (рабочих и крестьян) в социалистические классы («Кружева», реж. С. Юткевич, 1928; «Старое и новое», реж. С. Эйзенштейн, Г. Александров, 1929 и др.).

Особое внимание в этот период уделялось коллективизации, перевернувшей сельскую Россию и сопоставимой по своему значению с Октябрем. В фильме С. Эйзенштейна с символическим названием «Старое и новое» демонстрация роли коллективизации строится на противопоставлении образа темной, нищей, неграмотной деревни (прошлое и настоящее)

образу будущего. Фильм начинается кадрами беспросветной бедности (натурные съемки) и титрами с текстом о «100 миллионах неграмотных, темных, отсталых крестьян», которые пашут на себе, распиливают при дележе имущества избу пополам и не могут на своем клочке земли прокормить детей. Только кулаки (толстые и ленивые) живут в свое удовольствие: постоянно бездельничают, едят и спят. На фоне этих образов разворачивается основной сюжет фильма, повествующий о том, как безлошадная крестьянка Марфа Лапкина организует молочную артель.

Талантливо рассказанная история, эпический стиль картины стали основой социального мифа о темной и нищей деревне, спасти которую смогут только коллективизация и шефская помощь рабочих. В фильме реконструированы сельский мир, социальный портрет которого определяет беднота, а также кулачество. Раскол в сельском обществе может преодолеть только коллективизация, которая защитит бедняка и поможет середняку. В финале картины десятки тракторов пашут артельную землю и за рулем одного из них сидит Марфа.

Советский кинематограф первой половины 1930-х гг. обращен преимущественно к текущим проблемам и событиям. Из 189 фильмов, выпущенных в 1930–1935 гг., 145 (76,7 %) были сняты на современную тему, 32 (16,9 %) относились к категории историко-революционных и только 12 (6,4 %) представляли собой экранизацию классических литературных произведений.

Во всех фильмах этого времени центральной темой было выявление вредителей, врагов и борьба с ними. Социальный портрет общества, как и в годы революции, резко упростился – оно снова разделилось на «своих» и «врагов». Образ врага складывается из нескольких социальных типов – крестьян-кулаков и их пособников (подкулачников), старых специалистов, которые из ненависти к советскому строю становятся вредителями; священнослужителей; бывших белогвардейцев и помещиков, часто иностранцев, которые под видом специалистов приехали на стройки пятилетки.

Мир, расколотый на два противоборствующих лагеря: света и тьмы; добра и зла; своих и врагов – представлен в фильме «Аэроград» (реж. А. Довженко, 1935), снятом в жанре кинопоэмы. Свои – это люди, защищающие и строящие новый мир (летчик, охотники – бывшие партизаны, красноармейцы), враги – это сектанты, китайские шпионы, кулаки, белые офицеры, сбежавшие и затаившиеся в тайге.

События фильма разворачиваются на Дальнем Востоке, который активно осваивался в 1930-е гг. Он показан авторами фильма как мифологическое пространство, где разворачивается смертельная борьба во имя

будущего, олицетворением которого выступает город-мечта Аэроград. Все герои фильма подобны былинным героям, но одни – светоносные и прекрасные (герои С. Шагайды, С. Столярова), другие – темные и страшные (герои Б. Добронравова, С. Шкурата). Они живут, сражаются и умирают, общаются друг с другом через сотни километров и со зрителем. Каждый лагерь в своей любви и ненависти выглядит единым. И это единство можно рассматривать как основную задачу агитации и пропаганды этого периода. Страна снова превратилась в военный лагерь: нужно было в кратчайшие сроки сделать мощный рывок вперед. И в этой битве за новый мир были оправданы любые жертвы.

Во второй половине 1930-х гг. темпы роста кинопродукции в целом сохранились, в 1936–1940 гг. было снято 180 фильмов, в том числе 99 (55 %) на актуальные темы. Основной задачей кинематографа этого времени является пропаганда достижений социализма, показ новой жизни, которая «стала лучше и веселее». В фильмах еще присутствуют сюжеты о вредителях и врагах, но одновременно растет число комедий, приключенческих лент, мелодрам. Герои фильмов заметно молодеют, а вся символика кинообразов дышит весной, молодостью, устремленностью в светлое будущее, которое уже здесь, уже на пороге.

Фильмы этого времени вообще наполнены динамикой и постоянно транслируют ситуацию перехода/транзита, в которой оказываются герои фильмов: прислуга превращается в стахановку и депутата Верховного Совета («Светлый путь», реж. А. Александров, 1940); крестьянка становится председателем колхоза и членом правительства («Член правительства», реж. А. Зархи, И. Хейфиц, 1939); писмоносица – композитором («Волга-Волга», реж. А. Александров, 1938). Чаще всего чудесные, почти сказочные превращения случаются с женщинами, социальной неравенство которых подчеркивается гендерной принадлежностью. Изменение статуса мужчин было связано с получением высшего образования или службой в армии, что сразу ставило их на верхнюю ступеньку социальной лестницы.

Для каждой социальной группы предлагаются свои модели вертикальной мобильности, в том числе транзита в категорию «лучших»: для рабочих – это «ударная» работа и образование, которые позволяют простому рабочему стать руководителем, инженером или врачом («Встречный», реж. Ф. Эрмлер, С. Юткевич, Л. Арнштам, 1932); для крестьян – хорошая работа в колхозе и связанная с этим возможность стать орденосцем, депутатом, председателем колхоза («Богатая невеста», реж. И. Пырьев, 1937; «Трактористы», реж. И. Пырьев, 1939). В некоторых случаях колхозник даже может преодолеть границы своей социальной группы, получив

образование и став учителем, агрономом или врачом, но он обязательно возвращается снова в деревню. В целом крестьяне оставались самой замкнутой социальной группой, социальный лифт которой был наиболее коротким и узким.

Заметные трансформации произошли в образе интеллигенции. В фильмах второй половины 1930-х гг. показан процесс формирования новой советской творческой, научной интеллигенции и ее служение обществу («Закон жизни», реж. А. Столпер, Б. Иванов, 1940). Этот образ постепенно замещает слабого, трусливого интеллигента 1920-х гг., который всегда готов предать и навредить. Интеллигенция перемещается на верхние ступени социальной лестницы и вместе с военными, стахановцами и ударниками приближается к элите, но не сливается с ней.

На самом верху социальной лестницы находятся партийные и государственные лидеры, образ которых в фильмах второй половины 1930-х гг. постепенно приобретает евангелические черты. Большую роль в мифологизации образа партийного руководителя как пламенного борца за идеи коммунизма, готового пожертвовать во имя их своей жизнью, сыграл фильм «Великий гражданин», снятый в 1937–1939 гг. реж. Ф. Эрмлером. Главный герой, Петр Шахов, разоблачает вредителя – директора завода «Красный металлист», который выступает против социалистического соревнования. В конце фильма Петр гибнет от рук врага – финал, напоминающий о трагической гибели С. Кирова. Основное пропагандистское содержание фильма раскрывается в спорах, которые ведет Шахов с Карташовым – лидером троцкистов. На этом акцентировал внимание И. Сталин, призывая создателей фильма: «...Дело надо поставить так, чтобы борьба между троцкистами и Советским правительством выглядела бы <...> как борьба двух программ, из которых первая программа соответствует интересам революции и поддерживается народом, а вторая противоречит интересам революции и отвергается народом...» [Записка...].

Интересно, что партийная карьера оказалась вне поля зрения кинематографа. В основном она представлена в историко-революционных фильмах биографического характера, например в трилогии о Максиме («Юность Максима», 1934; «Возвращение Максима», 1937; «Выборгская сторона», 1938, реж. Г. Козинцев, Л. Трауберг). Единственный фильм, снятый в 1940 г. («Закон жизни», реж. А. Столпер, Б. Иванов) и затронувший проблему морального облика комсомольского лидера – первого секретаря обкома ВЛКСМ, – подвергся резкой критике и был запрещен к показу.

В целом в фильмах конца 1930-х гг. меняется не только иерархия образов, но и номенклатура социальных типов, которых стало меньше.

В нее вошли «рабочий», «колхозник», «служащий», «интеллигент», «ответственный работник», «военный», «партийный организатор». Все социальные типы, за исключением партийных руководителей и военных, подразделяются на положительных и отрицательных, т. е. предпринимается попытка дифференцировать их по морально-этическому принципу.

С другой стороны, социальная структура советского общества, отраженная в кинематографе, становится более разнообразной, приближенной к реальности. Социальное разнообразие героев кинематографа противоречило официальной трехчленной структуре общества и свидетельствует о его более сложной организации.

Выводы

При анализе процессов социального конструирования общества можно выделить несколько противоречий: между идеальными представлениями о цели конструирования (общество равных) и реальной практикой (правовой и пропагандистской), которая направлена на формирование нового неравенства; а также между упрощенной презентацией структуры советского общества в правовых и идеологических текстах и его реальным многообразием и сложной социальной организацией, что нашло отражение в художественных текстах.

Отличие советской системы от «естественных» моделей неравенства (гендерных, возрастных, экономических и проч.) состоит в сознательном и целенаправленном формировании такой социальной среды, которая, во-первых, была бы отличной от традиционного расколотого на антагонистические классы капиталистического общества и, во-вторых, не оставляла бы сомнений в превосходстве определенных социальных групп (коммунистов, рабочих), в их моральном праве руководить страной.

Советский народ как единая, братская трудовая семья народов рассматривался в качестве основного достижения социалистического строительства, доказательства справедливости и верности идеи коммунизма. Но в реальной жизни равенство оставалось недостижимым идеалом, сохранялось межгрупповое неравенство, которое дополнилось внутригрупповым. Свобода стала жертвой, принесенной во имя достижения равенства. Степень свободы, непосредственно связанная с исполнением властных функций, была основным критерием нового неравенства. «Вожди» и «массы» – вот две социальные страты, определявшие структуру и иерархию раннесоветского общества.

Среди инструментов социального конструирования особо следует выделить законотворчество и репрессивные практики, а также «воспитание».

Значительную роль в реализации советского проекта, в том числе в создании образов врага, рабочих и крестьян, интеллигенции, играли медийные технологии – печать, кино, радио, плакаты, воздействующие на сознание с особой силой, благодаря совокупному кодирующему эффекту (образ + слово).

Новая социальная реальность и социальная структура формировались с использованием механизмов конструирования образа, одобренного властью, с последующим внедрением его в общественное сознание, закреплением в форме мифа. Особая роль в этом процессе отводилась художественному кинематографу, который не только создавал требуемые властью и идеологией образы, но и отражал реальные процессы социальной трансформации, протекавшие в обществе. В результате возникает редкая возможность сравнения конструируемой и отражаемой реальности: первая стремится к упрощению социальной структуры общества в соответствии с мифологемой равенства; вторая демонстрирует разнообразие социальных типов, их динамику и подвижность.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

Бикерман И. С. Свобода и равенство // Русская мысль. Кн. 8–12 / под ред. П. Струве. Берлин, 1922. С. 45–82.

Болтянский Г. М. Ленин и кино. М. ; Л., 1925.

Декреты Советской власти. 25 октября 1917 – 15 марта 1918 г. Т. 1. М., 1957.

Записка И. В. Сталина Б. З. Шумяцкому о сценарии кинофильма «Великий гражданин» 27 января 1937 г. // Кремлевский кинотеатр. 1928–1953: Документы. М., 2005 // Чапаев : сайт. URL: <https://chapaev.media/articles/2961> (дата обращения: 01.09.2017).

Исторический материализм / под ред. Ф. В. Константинова. М., 1951.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945.

Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 01.09.2017).

Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Утверждена постановлением XII Всероссийского съезда Советов от 11 мая 1925 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508616/ (дата обращения: 01.09.2017).

Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза

Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 01.09.2017).

Кузнецов С. Отделение цирка от государства // *Коммерсантъ и Власть*. № 30 от 31.07.2006. <https://www.kommersant.ru/doc/693880>.

Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987.

Ленин В. И. Либеральный профессор о равенстве // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1973. Т. 24. С. 361–364.

Ленин В. И. Государство и революция // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 33. С. 1–120.

Ленин В. И. Очередные задачи советской власти // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1974. Т. 36. С. 165–208.

Ленин В. И. Великий почин // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 1–29.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 298–318.

Ленин В. И. Детская болезнь левизны в коммунизме // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 1–104.

Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 9–32.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Полякова Н. Л. Теории социального неравенства в социологии XX в. Трансформация классики // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология*. 2014. № 4. С. 19–43.

Программа Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, принятая на втором съезде партии (1903 год) // *Agitclub.ru* : сайт. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903project4.htm> (дата обращения: 01.09.2017).

Сорокин П. Проблема социального равенства. Пг., 1917.

Социальное равенство : новейш. филос. словарь. Минск, 1999. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/149350/1133/Gricanov_-_Noviishiii_filosofskiii_slovar%27.html (дата обращения: 02.09.2017).

Сталин И. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) // И. В. Сталин. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 282–379.

Федотова В. Г. Равенство социальное : нов. филос. энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М., 2010. Т. III. Н – С. С. 394–395.

Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 19. С. 1–8.

УДК 94(470.6)“1920”:342.542.5

С. Д. Багдасарян

СДВИГИ В ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА ЮГА РОССИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 1917–1920-х годов

В статье рассматриваются вопросы условий модернизации гендерных, семейных и сексуальных отношений и в городе, и в деревне в 1920-е гг. на юге Советской России. Говорится о процедуре заключения и расторжения брака в новой России, которая подверглась решительной секуляризации и предельному упрощению; в то же время было уделено огромное внимание устранению ранее существовавших в сфере семейно-брачных отношений гендерных неравенств, приводившему к уравниванию в правах и женщин, и мужчин. Изменения в области семьи и брака (равноправие супругов, устранение родительского диктата по отношению к детям, легкость расторжения брака и т. п.) значительно повлияли на начавшиеся процессы распада традиционной большой семьи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: моральные принципы, идеологическая концепция, большевики, гражданский брак, развод, партийное руководство, крестьянство.

Брак и семья играют чрезвычайно важную роль в жизни людей на протяжении многих тысячелетий мировой истории. Отношения в кругу семьи являлись и остаются особым и при этом весьма значительным сегментом сельской повседневности.

Роль и значение семьи в жизни российского крестьянства невозможно переоценить, поскольку таковая «не только выполняла собственно семейные функции (брак, воспитание детей, родственная общность, единство бюджета и пр.), но являлась первичным и основным производственным коллективом» [Громыко, с. 12]. Не бессемейный крестьянин-бобыль, а лишь коллектив родственников, членов одной семьи, мог успешно выполнить массив сельскохозяйственных работ. Поэтому, как бы приземленно и неромантично это ни выглядело, женитьба и обзаведение детьми для крестьян обуславливались не столько любовью или плотским влечением, сколько экономической необходимостью. Нельзя не согласиться с современниками досоветской деревни, считавшими, как пишет в своей монографии О. М. Вербицкая, вполне приемлемой ситуацию, когда «крестьянин женится не по страсти, а по необходимости иметь в хозяйстве молодые и сильные женские руки» [Вербицкая, с. 50, 51]. При всех исключениях именно такое брачное поведение доминировало в деревне.

Будучи серьезным фактором эффективной хозяйственно-экономической деятельности хлебороба, созданная семья тем самым выступала одним из важных условий получения сельским жителем статуса полноправного члена крестьянской общины. По той же самой причине семья воспринималась крестьянами «как хозяйственная и нравственная основа правильного образа жизни» и, напротив, «холостой образ жизни считался отклонением от нормы, странностью» [Громько, с. 9].

Устройство семьи и внутрисемейных отношений в досоветской деревне предопределялись стадильной спецификой российского доиндустриального общества. В доиндустриальных, архаичных, традиционных обществах семейные отношения трактуются в рамках устойчивых, традиционных взаимосвязей, возникающих в социально-личностном взаимодействии, причем они освящены религией, выступающей основой культуры. Такое положение вещей складывалось и в досоветской России, где Русская православная церковь установила следующие принципы брака: «недопустимость добрачных сексуальных связей; моногамный брак; гетерогенная семья; церковное венчание, закрепляющее святость брачных уз; наказуемость супружеской неверности; сложность расторжения брака» [Вербицкая, с. 20]. Традиционная семья характеризуется неограниченной властью мужчины – полноправного главы семьи.

Иной тип семьи и семейно-брачных отношений доминирует в индустриальных и постиндустриальных, или современных, обществах. Семейный уклад в данных обществах регулируется преимущественно государством и моралью, а не церковью, и характеризуется отсутствием жесткого разграничения «мужских» и «женских» обязанностей, отношения между супругами и членами семьи разных поколений отличаются равенством. Семья нового типа становится небольшой, количество детей в ней регулируется внутрисемейным планированием.

Крестьянская семья в досоветской России относилась, разумеется, к традиционному типу. Рассмотрим ее базисные идентификаторы, чтобы отчетливее представить себе те изменения, которые наметились либо произошли в сфере семейно-брачных отношений на селе в 1920-х гг.

Прежде всего традиционная, патриархальная крестьянская семья в досоветской России являлась не просто многочисленной, а семьей большой. Она включала не привычные сегодня два поколения (малая современная, или нуклеарная семья), в ней объединялись три или более групп родственников. Первым поколением выступали отец (он же глава хозяйства и всех домочадцев) и мать, вторым – их дети, в том числе уже женатые сыновья, которым отец не позволял обзаводиться собственным

хозяйством. Третье поколение составляли дети женатых сыновей (соответственно, внуки «верховного домохозяина»). Нередко глава семьи доживал и до появления правнуков (четвертое поколение). Тем самым большая семья, помимо вхождения в нее многих поколений родственников, характеризовалась совместным проживанием ее членов, совместным ведением хозяйства, а также общностью имущества; впрочем, у каждого домочадца имелось личное имущество, в том числе женщинам принадлежало приданое. Члены большой семьи обычно жили под одной крышей (неразделенная семья), но могли, в соответствии с волей домохозяина, расселиться (большая разделенная семья); однако имущество в разделенной семье все равно оставалось общим.

Отец-патриарх являлся безусловным главой семьи. Он обладал полной властью над женой (власть мужа) и над другими домочадцами (власть отца), решал, кого из сыновей женить (кого из дочерей отдать замуж), выделять ли им свою долю в хозяйстве и пр. Он же распоряжался семейным добром и финансами, определял распорядок предстоящего дня, поручал членам семьи выполнение тех или иных работ. Власть «верховного домохозяина», освященная обычаем, ничем не ограничивалась, поэтому Б. Н. Миронов образно охарактеризовал традиционную крестьянскую семью как «маленькое абсолютистское государство» [Миронов, с. 228].

Большие семьи складывались в досоветские времена весьма многочисленными. В частности, по данным посемейных списков казачьих семей станицы Пашковской (Кубань) за 1884 г., семьи из 2–5 человек составляли здесь всего 12,9 % от их общего количества; из 6–10 человек – 20,5 %; из 11–15 человек – 23,2 %; из 16–20 человек – 20,2 %, а семей свыше 20 человек насчитывалось 23,2 %. У иногородних на Кубани и на Дону, не имевших надельной земли и хороших жилищных условий, как правило, создавались малые семьи из двух поколений (родители и их безбрачные дети). Например, согласно посемейным спискам иногороднего населения станиц Пашковской, Тимашевской и Пшехской за 1880-е гг., семьи из двух поколений составляли здесь 61–72 %, а из трех – только от 13 до 20 %. Обычная численность наиболее распространенных двухпоколенных семей иногородних не превышала пяти человек. У коренных иногородних, имевших землю, складывались семьи побольше (в значительной мере из-за отсутствия возможности у отца отделить женатых сыновей по причине скромных размеров земельного надела), но удельный вес этой группы получался невелик как на Дону, так и на Кубани. Зато в Ставропольской губернии, где отсутствовало казачье землепользование, крестьянские семьи сохранялись крупными: на рубеже XIX–XX вв. средняя семья

ставропольских хлеборобов состояла из 6,3 душ [Ратушняк, с. 146]. Существование больших семей обуславливалось не только высоким уровнем рождаемости в деревне, но и главным образом хозяйственно-экономическими расчетами крестьянства. Ведь большая семья являлась таковой не только вследствие многодетности, но из-за нежелания отца давать хозяйственную самостоятельность взрослым женатым сыновьям. Ведь чем больше человек (работников) объединяла в своем составе неразделенная семья, тем большим хозяйством она обладала и, соответственно, становилась зажиточной. На Ставрополье даже после смерти отца большие семьи нередко не дробились между братьями, и это еще раз убедительно свидетельствует о существовании больших неразделенных семей «вследствие экономической необходимости» [Невская, Чекменев, с. 123].

В пореформенную эпоху под влиянием бурного развития капитализма началось крушение феодального социально-экономического уклада и вместе с ним старого образа жизни и прежних семейно-брачных порядков. Капиталистическая модернизация подрывала экономические основы традиционной большой семьи, поскольку в условиях формирования товарно-рыночных отношений утрачивало позиции характерное для до-реформенной деревни натуральное хозяйство, шел процесс разложения общины, исчезала прежняя замкнутость локальных крестьянских «миров» по причине стремления множества крестьян на заработки в города и промышленные центры.

Одновременно слабели ментальные основы патриархальных семейно-брачных отношений, ибо радикальные перемены в социально-экономическом устройстве российской деревни не могли не деформировать мировоззрение ее жителей. Как пишет О. М. Вербицкая, «формирующийся капиталистический уклад менял семейные основы и психологию крестьян, подтачивая традиционную сельскую культурную систему. Казавшиеся ранее незыблемыми морально-нравственные ценности – святость брачных уз, ранние браки, многодетность и многосемейность постепенно лишались привычного смысла. Взамен традиционных семейных ориентиров появлялись новые, более соответствующие переменившимся социально-экономическим условиям жизни» [Вербицкая, с. 57].

Товарно-денежные отношения, уход многих крестьян в город на заработки, расширявшийся кругозор земледельцев, рост самосознания и духовных потребностей молодого поколения сельских жителей закономерно вели к распаду больших семей. Так, на Ставрополье в конце XIX – начале XX вв. больших семей «становилось меньше, учащаются разделы семей» [Невская, Чекменев, с. 126].

В то же время процесс распада больших семей не развивался стремительным образом. Прежде всего большими и, значит, экономически мощными, оставались «кулацкие семьи» [Там же]. Да и хозяйства многих рядовых хлеборобов сохранялись весьма крупными, причем даже в бурные годы революционных потрясений и Гражданской войны. Ярким, хотя и частным, примером выступают посемейные списки жителей хутора Саловского станицы Романовской Первого Донского округа, составленные в начале 1920 г. Например, домохозяин Казьма Иванович Моисеенко (61 год) возглавлял семейное сообщество, куда, помимо него самого, входили еще 11 человек: его жена Марья Ивановна (61 год), сыновья Владимир и Егор (35 и 32 года), дочери Анна и Анастасия (19 и 12 лет), зять Андрей Ефимович (22 года) и такая же по возрасту его жена, старшая дочь Казьмы Ивановича, Агриппина Казьминична, а также внуки домохозяина – Петр, Иван, Павел Владимировичи (11, 8 и 8 лет), Василий Егорович (6 лет) [ЦХАД ШРО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.]. В целом в хуторе проживали 3 семьи по 6 человек, 3 семьи по 7 человек, 2 семьи по 10 человек и по одному семейству, в которых насчитывалось 8, 9, 11, 12, 15 и 20 членов [Там же. Л. 45–46 об.].

Тем не менее сколь заметными не получались бы изменения в сфере семейно-брачных отношений в пореформенной деревне, их масштабы и радикализм существенно возросли лишь в связи с установлением в России советской власти. В этом смысле права О. М. Вербицкая, когда резюмирует: «российская семья стала иной» лишь в XX в. [Вербицкая, с. 6].

Большевики достигли несоизмеримо более серьезных результатов в модернизации российской семьи (причем в исторически короткой период), чем свергнутая ими власть. Отчасти перемены в семейно-брачных отношениях обуславливались процессом гигантских преобразований советской эпохи. Так, естественным следствием урбанизации стал не только стремительный рост численности городского населения, но и повсеместное распространение современных, малых семей. Но при этом впечатляющая результативность советской модернизации семьи объяснялась осознанным и целенаправленным внедрением политико-идеологических установок большевиков.

Компартия не могла проигнорировать задачу преобразования семейных и межполовых отношений после прихода к власти в России. Ведь уже в работах классиков мирового коммунистического движения (в основном К. Маркса и Ф. Энгельса), а также в программных документах, разрушение буржуазной семьи понималось как метод и одновременно результат ликвидации капиталистического и создания социалистического

общества, когда изменение общественно-экономической формации сопровождалось возникновением семьи нового типа.

Набрасывая контуры будущего семейного устройства, классики марксизма писали о необходимости формирования новой семьи на коммунистических началах, предусматривающих равноправие супругов и активное участие общества в делах того или иного брачного союза. Как небезосновательно утверждал в знаменитой своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной в 1884 г., Ф. Энгельс, «...освобождение женщины, ее уравнивание в правах с мужчиной невозможно ни сейчас, ни в будущем, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом. Освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере» [Энгельс, с. 331].

Поскольку же «домашний труд» выступал серьезным препятствием вовлечению женщин в производство на пути уравнивания ее в правах с мужчиной, коммунисты планировали передать домашние заботы – стирку, готовку, уход за детьми и т. п. – в ведение государства и общества. В «Манифесте Коммунистической партии» 1848 г. озвучивались намерения заменить «домашнее воспитание [детей] общественным...» [Маркс, Энгельс, с. 438]. Основываясь на заветах классиков, А. М. Коллонтай, известная представительница большевистского руководства, занимавшая пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров, высказывалась «не о сохранении семьи, а о государственном патронаже над родившими женщинами, чьи дети должны воспитываться не матерями, а обществом за счет введения пресловутого “налога на бездетность”» [Пушкарёв, Пушкарёва, с. 209].

Помимо идеологических оснований ликвидации досоветских семейно-брачных порядков и норм, у коммунистов имелись и политические расчеты. Ведь, по обоснованному утверждению Т. В. Панковой-Козочкиной, «большевики формировали социальную опору созданного ими режима, принимая во внимание не только классовые (пролетариат, беднейшее крестьянство), но и половозрастные критерии населения»; то есть компартия делала ставку на молодежь и женщин [Панкова-Козочкина, с. 214]. А одним из условий распространения просоветских симпатий среди женщин (и одновременно одним из важнейших направлений их общественной активности) являлось разрушение старой и строительство новой семьи.

Партийные функционеры на местах, как их непосредственные руководители в столице, понимали важность модернизации гендерных и семейных отношений, даже при некотором первоначальном отступлении. Так, в марте 1920 г., через два месяца после вступления Красной Армии в Ростов-на-Дону и установления контроля большевиков практически над всей Донской областью, местное партийное руководство не считало «задачей момента идейную борьбу» с «мелкими бытовыми особенностями казачества» и в том числе с «семейными обычаями» [ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 20]. Но уже в июне того же года участники первой Донской областной партконференции выступили за разрушение «методами агитации и пропаганды средневекового уклада крестьянской и казачьей семьи» [Там же. Д. 4. Л. 116].

Итак, придя к власти, большевики доказали серьезность своих намерений подвергнуть семейные отношения радикальным преобразованиям. Компартия сделала молодую республику «“полигоном” для испытаний целого ряда утопических концепций, в том числе – и связанных с новыми гендерными нормами и взаимоотношениями полов» [Пушкарёв, Пушкарёва, с. 200]. Уже 16 (по новому стилю – 29) декабря 1917 г. ВЦИК и СНК принимают декрет «О расторжении брака», разрешив развод, ранее не приветствовавшийся властью и церковью. Прежние нормативно-правовые и морально-нравственные препятствия к расторжению брака устранялись, и развод осуществлялся либо через суд, либо оформлялся при наличии обоюдного согласия супругов в том же отделе ЗАГСа, где ранее их брак регистрировался. Наличие детей несколько осложняло развод (следовало определить, кто и как будет нести издержки по их воспитанию и содержанию), но вовсе не являлось существенным, и тем более непреодолимым, препятствием [Денисова, с. 36].

Почти сразу же, 18 (31 по новому стилю) декабря 1917 г., правительственные органы Советской России приняли и декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». Согласно этому основополагающему документу, «единственной формой брака для всех граждан России независимо от вероисповедания стало заключение гражданского брака в государственных органах» (то есть отделах ЗАГС). Венчание в церкви и вообще участие священников в создании семьи новыми законами не предусматривались (хотя и не запрещались как частное дело брачующихся). Тем самым брак в РСФСР (СССР) перешел в ведение светских властей. Упростились и изменились условия вступления граждан в брак. Декретом от 18 (31) декабря 1917 г. брачный возраст устанавливался в 16 лет для женщин и 18 лет для мужчин («Кодекс РСФСР о браке,

семье и опеке» от 1 января 1927 г. унифицировал возрастной ценз, определив его в 18 лет для обоих полов); лишь для жителей Закавказья брачный возраст снизили до 16 лет для жениха и 13 лет для невесты. Брак заключался при взаимном согласии брачующихся, а препятствием к этому признавались уже не отсутствие родительского благословения, как ранее, а близкие родственные связи жениха и невесты, наличие нерасторгнутого брака у кого-либо из супругов, душевные заболевания [Денисова, с. 40].

Главное, советская власть признала супругов равноправными. Равенство мужа и жены подчеркивалось уже во время заключения брака, когда избиралась общесемейная фамилия. Если раньше она давалась по мужу, то теперь супруги могли жить и под фамилией жены или избрать объединенную (совместную, двойную) фамилию. Еще одним критерием равноправия супругов, более важным, чем вариативность избрания общесемейной фамилии, стало предусмотренное советским законодательством уравнивание их в правах на имущество. Ранее собственником совместно нажитого имущества признавался муж (отец семейства), а жене, в случае расторжения брака, оставалось ее приданое; такой порядок вполне соответствовал патриархальным традициям дореволюционной России. Согласно советским законам, в имущественных спорах женщина получала равные права с мужчиной. Если говорить не о городе, а лишь о доколхозной деревне, то в «Земельном кодексе» 1922 г. (гл. 2, ст. 84) четко и недвусмысленно указывалось: «во всех случаях раздела [хозяйства] члены двора мужского и женского пола имеют равные права» [Земельный кодекс, с. 36].

В общем, процедура заключения и расторжения брака в постоктябрьской России подверглась решительной секуляризации и предельному упрощению. В то же время законодатель уделил огромное внимание устранению ранее существовавших в сфере семейно-брачных отношений гендерных перекосов, уравнивая в правах женщин и мужчин.

Эти преобразования вызвали вал критики со стороны противников большевиков и просто консервативно настроенной части городского и сельского населения. Но и сторонников брачных нововведений большевики приобрели немало, прежде всего в городе, намного более открытом и восприимчивом к новациям, нежели деревня. На селе с его извечным консерватизмом эти новые правила укреплялись гораздо с большим трудом. Тем не менее и здесь ширились ряды тех сельских жителей, которые не желали придерживаться традиций при заключении брака.

В первую очередь введенные советской властью семейно-брачные новации поддержала сельская молодежь (равно как и городская). Находились, конечно, среди сторонников нового брака люди и постарше. Тем

не менее в первых рядах сторонников новшеств находились именно молодые жители деревни, поскольку законодательно установленная свобода брака избавляла их от обременительной и часто нежеланной родительской опеки при выборе брачного партнера.

Для тех сельских девушек и юношей, которые стремились к браку по любви и не хотели мириться с традиционной практикой подыскания им жены (мужа) родителями или свахами, когда чувства молодых не учитывались, а заключение брака представляло своего рода родительский контракт, советское брачное законодательство становилось своего рода спасательным кругом. Апеллируя к новым законам, многие молодые люди протестовали против попыток родителей навязать им «вторую половинку».

Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М. ; Тула, 2009.

Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 7–23.

Денисова Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. М., 2007.

Земельный кодекс. С дополнительными узаконениями и разъяснениями Наркомзема РСФСР. М., 1924.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 419–459.

Мионов Б. Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении / под ред. и с предисл. А. Г. Вишневого. М., 1989.

Невская Т. А., Чекменёв С. А. Ставропольские крестьяне очерки хозяйства, культуры и быта. Ставрополь, 1994.

Панкова-Козочкина Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

Пушкарёв А. М., Пушкарёва Н. Л. Ранняя советская идеология 1918–1928 годов и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность. М., 2007. С. 199–227.

Ратушняк В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века. Ростов н/Д, 1989.

ЦДНИРО. Ф. 4 (Донской областной комитет РКП (б)).

ЦХАДШРО. Ф. Р-93 (Исполком 1-го Донского округа Северо-Кавказского края).

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980.

УДК 94(47).084.5/.084.6:323.2

С. В. Воробьев

ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА в 1920–1930-е гг.: ПРАКТИКА ПРОТИВ ТЕОРИИ*

В статье рассматриваются мероприятия государства по социальному конструированию советского общества в 1920–1930-е гг., реакция населения на действия государства, направленные на трансформацию социальной структуры. Показано, что теоретические представления партийных руководителей страны вступали в противоречие с реальной социальной практикой. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период советские граждане демонстрировали высокую адаптивность к жестким социальным регламентациям и социальному контролю со стороны государства, в результате это вело к снижению эффективности мер по социальному реформированию общества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советское общество, социальное конструирование, социальная практика, нэп, сталинская модернизация.

Известный специалист по советской социальной истории А. К. Соколов справедливо заметил: «Одним из самых малоразработанных в исторической литературе является вопрос о социальной структуре советского общества, об изменениях, которые в ней произошли к концу 1930-х гг. При этом следует подчеркнуть, что данный вопрос является достаточно сложным и базируется на анализе взаимодействия различных классов и общественных групп, определяющих тенденции социального развития» [Соколов, 1999, с. 254].

В 1920–1930-е гг. проблема социальной структуры советского общества имела теоретический и практический аспекты. В теоретическом плане эти вопросы обсуждались на партийных форумах (съездах, конференциях), в выступлениях и публикациях теоретиков партии и партийных публицистов. В практическом плане эти интенции и теоретические конструкты находили воплощение в нормативных документах (Конституция РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 и 1936 гг., Гражданский кодекс РСФСР), а также решениях Политбюро и постановлениях правительства, в социальной политике советского государства (например, ограничение избирательных прав для некоторых категорий граждан СССР).

* Статья подготовлена по Программе фундаментальных исследований УрО РАН 15-13-6-23 «Урал в социальных трансформациях России XX века: специфика и идентичность исторического процесса».

Однако уже в первые годы советской власти эти теоретические представления об идеальной, нормативной социальной структуре социалистического общества были подвергнуты серьезным испытаниям. В первую очередь жизненная практика внесла значительные корректировки в представления большевистских руководителей о пролетариате как гегемоне социалистической революции. Во-первых, рабочий класс оказался не таким монолитным в отношении поддержки советской власти: часть рабочих поддержала противников большевизма, в том числе и с оружием в руках (Ижевско-Воткинское восстание 1918 г.). Во-вторых, в результате экономического коллапса революционного периода, периода Гражданской войны, голода начала 1920-х гг. начался процесс «окрестьянивания» рабочего класса, когда многие рабочие начали уходить в деревню. В результате главная социальная база коммунистического режима оказалась размыта как количественно (за счет сокращения числа рабочих на предприятиях), так и качественно (за счет сокращения рабочих крупных промышленных предприятий). К тому же необходимо обратить внимание на то, что победу большевикам в Гражданской войне обеспечила Красная армия, которая по своему социальному составу состояла в основном из крестьян, так называемых «попутчиков» по терминологии партийных теоретиков.

Социальная практика периода нэпа также существенно скорректировала идеологические позиции большевиков в сфере социального конструирования. В новой экономической реальности заметную роль в советском обществе стали играть представители рыночного сектора экономики – нэпманы. Это были люди социально активные, инициативные, и они достаточно оперативно и интенсивно стали выстраивать структуру социальных связей, чуждую коммунистической парадигме. Они становились заметной и влиятельной группой в советском обществе, вовлекая в свою сферу влияния и подчиняя своим интересам не только хозяйственных руководителей, но и ответственных партийных работников и представителей судебной власти. Вот как, например, описывал ситуацию секретарь Челябинского губкома РКП (б) А. И. Сидоров: «Оживший мелкобуржуазный, нэпмановский элемент в ущерб рабочим и городской бедноте, начинает чувствовать себя хозяином. Каким-то образом, этот повсюду проникающий элемент, обходит коммунистов-коммунальщиков и добивается того, что ему нужно. Впечатление получается такое, как будто бы советские органы в условиях новой революционной законности потеряли силу классовой диктатуры. <...>

Наши революционные народные судьи и трибунальщики далеко не на высоте сознания революционной, классовой, пролетарской

диктатуры. И эту цель враги советской власти могут использовать. Чистка судебных органов революционной законности от ненадежных элементов и усиление этих органов вполне сознательными коммунистами является очередной задачей партии, в противном случае в городе нэпман, в деревне – кулак, будут иметь свое влияние» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 284. Л. 179].

Практика нэпа неизбежно привела к перераспределению социальных ролей в крестьянской среде. Снова повышается экономическая роль, а следовательно, и социальный вес зажиточного слоя деревни, – так называемых кулаков, сельских нэпманов. Они укрепляют не только свои экономические позиции в условиях возрождения рыночных механизмов хозяйствования, но и начинают играть заметную политическую роль, проникая на руководящие должности в сельсоветах, кооперативных структурах.

Значительное внимание в этой ситуации уделялось партийным руководством проблеме регулирования социального состава коммунистической партии, которая являлась основой, фундаментом советского политического режима. Эта проблема стала приобретать остроту практически сразу после того, как стало ясно, что большевики одерживают верх над своими политическими противниками в ходе Гражданской войны, и власть в России станет большевистской. Как отмечают исследователи, «на всем протяжении 1920-х годов прослеживается почти параноидальная боязнь “мелкобуржуазного заражения”, тревога за “чистоту рядов рабочего класса”, постоянные призывы к перегруппировке сил, борьбе с капиталистическим элементом...» [Соколов, 1994, с. 57]. В этот период деятели высшего партийного руководства очень много говорили о «засорении» партии мелкобуржуазными и «полуинтеллигентскими» элементами. В своем выступлении в 1921 г. на X съезде партии Н. И. Бухарин указывал на то, что «мелкобуржуазная стихия проходит через пролетариат. В этом заключается основная опасность» [Десятый съезд РКП (б), с. 221]. Руководители большевиков видели, что люди непролетарского происхождения, да к тому же не имеющие революционного прошлого, в значительном количестве проникают в партию, начинают занимать в ней ответственные должности различных уровней.

Этот процесс инфильтрации в партию «социально чуждых элементов» имел в своей основе объективные корни. Монополия партии большевиков на политическую власть в стране, с одной стороны, и высокая социальная мобильность общества свойственная любой революционной эпохе – с другой, привели к тому, что в партию активно стремились вступить представители тех непролетарских слоев общества, «которые

при иных условиях находились бы не в рядах коммунистической партии» [Лацис, 1989, с. 144]. В связи с этим систематические мероприятия партийного руководства были направлены на сохранение пролетарского состава партии, для чего создавались благоприятные условия для вступления в партию представителей рабочего класса.

Но, несмотря на все усилия создать заградительные фильтры для проникновения в партию мелкобуржуазных и чуждых элементов, на протяжении всего периода 1920–1930-х гг. партия «засорялась» подобными «социально чуждыми» людьми. И такая настойчивость этих «несоветских» групп советского общества вполне объяснима. Членство в коммунистической партии было важным социальным лифтом в советской действительности. Как отмечают В. В. Радаев и О. И. Шкаратан, «чем ближе социальная группа к кормилу государственной власти, тем выше ее социальное положение и шире возможности практически во всех областях» [Радаев, Шкаратан, с. 59].

Ограничительные меры оказывались неэффективными, поэтому для очищения партии и партийных органов от проникших в них нежелательных элементов партийному руководству приходилось проводить различные мероприятия по санации партийных рядов. В 1921 г. была проведена первая партийная чистка, в ходе которой из партии вычищались «кулацко-собственнические и мещанские элементы», выходяцы из буржуазной интеллигенции. В 1922 г. проводится Всероссийская перепись членов РКП (б), которая также включала в себя элементы чистки.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. идея очищения от «нежелательных элементов» распространилась и на государственный аппарат, «когда “чистки” заняли значительное место в социальной и политической жизни общества» [Киселева, с. 97]. Для этого периода характерно проведение масштабных мероприятий подобного рода, которые шли, сменяя одно другое, практически непрерывно. В 1929–1930 гг. была проведена генеральная чистка партии, одновременно с ней началась чистка государственного аппарата 1929–1932 гг., затем в 1933 г. снова начинается партийная чистка, которая продлилась до 1935 г., а в 1936 г. проводится кампания по «проверке и обмену партийных билетов», которая также содержала в себе элементы чистки. В материалах пленума ЦК ВКП (б) от 21–25 декабря 1935 г. отмечалось: «Обмен партийных билетов и введение новых учетных карточек является серьезнейшим партийно-организационным мероприятием, которое должно закрепить результаты проверки партийных документов и способствовать дальнейшему укреплению рядов ВКП (б)» [КПСС в резолюциях, с. 298].

В ходе чистки государственного аппарата 1929–1932 гг. выявлялись сторонники «уклонов» в партии, но основное внимание было направлено на беспартийных сотрудников учреждений, среди которых было много «бывших людей» (т. е. людей непролетарского происхождения), составлялись списки работников, «имеющих признаки социально чуждых людей», собирались факты их антисоветской деятельности [Киселева, с. 101, 102, 105]. В результате партийной чистки 1933 г. из рядов ВКП (б) было исключено 312 827 членов и кандидатов партии (16,3 % от общего состава) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 429. Л. 7]. Из них как «классово чуждый и враждебный элемент» партию покинуло 16,5 %, за «перерожденчество и сращивание с буржуазным элементом» из партийных рядов было исключено 10,1 % коммунистов [Там же. Л. 8]. Таким образом, четверть исключенных из партии коммунистов была исключена из нее по социальным мотивам. По результатам обмена партийных билетов в 1936 г. из партии было исключено примерно 10 % коммунистов.

Промышленная модернизация эпохи «Великого перелома» привела к существенным сдвигам в социальной структуре советского общества. Активное промышленное строительство способствовало значительному росту рабочего класса за счет притока рабочей силы из деревни. Однако эта мощная миграционная волна включала в себя не только представителей сельской бедноты и середняков. Заметный элемент в этом потоке составляли кулаки и подкулачники, которым удалось избежать железной хватки советского государства и не отправиться в «столыпинских вагонах» в ссылку в качестве спецпереселенцев. Статус рабочего стремились получить и городские жители из «неправильных» социальных слоев. Эта попытка социальной адаптации к политике власти не была секретом для представителей партийного руководства. Сталин в январе 1933 г., подводя итоги первой пятилетки отмечал: «В итоге осуществления пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства и торговли мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав отсюда капиталистические элементы.

К чему это должно было привести в отношении капиталистических элементов и к чему оно на самом деле привело?

Это привело к тому, что оказались вышибленными из колеи последние остатки умирающих классов: частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы.

Будучи вышибленными из колеи и разбросавшись по лицу всего СССР, эти бывшие люди расползлись по нашим заводам и фабрикам, по нашим учреждениям и торговым организациям, по предприятиям железнодорожного и водного транспорта и главным образом – по колхозам и совхозам. Расползлись и укрылись они там, накинув маску “рабочих” и “крестьян”, причем кое-кто из них пролез даже в партию.

С чем они пришли туда? Конечно, с чувством ненависти к Советской власти, с чувством лютой вражды к новым формам хозяйства, быта, культуры. <...>

Сильная и мощная диктатура пролетариата, – вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации» [Сталин, с. 206–210].

Представители умирающих классов по-разному реагировали на мероприятия власти по их окончательному уничтожению. Можно выделить деструктивные и конструктивные формы реакции на такую социальную политику государства. Крайней деструктивной формой реакции человека, попавшего в группу социальных маргиналов в результате действий властей, был суицид, когда единственным выходом из сложившейся ситуации виделся уход из жизни. «Индивид, не приспособившийся к окружающей среде, оказывался практически приговоренным, так как адаптация к советской действительности рубежа 1920–1930-х осложнялась уничтожением элементов плюрализма повседневной и общественно-политической жизни, свойственных нэпу» [Лебина, с. 371].

Однако существовали и конструктивные формы адаптации граждан к советской действительности. Одной из таких приспособленческих реакций граждан Страны Советов на эти нормативные установки коммунистической власти в сфере социального регулирования стало получившее в СССР в рассматриваемый период достаточно широкий размах самозванство (политическое и криминальное) [Фицпатрик; Воробьев, с. 91–106]. Такой феномен социальной мимикрии был обусловлен тем, что люди стремились создать себе новую биографию, правильный, с точки зрения власти, социальный бэкграунд и, таким образом, включиться в те социальные слои, которые имели официальное одобрение советского руководства, и которые им поддерживались (в том числе и материальными привилегиями). Никто не хотел находиться в категории «бывших людей» – представителей социальных категорий и групп царской России, оказавшихся в новых исторических условиях на краю социальной структуры советского общества, превратившихся в маргиналов и изгоев. Поэтому далеко не всегда политическое самозванство вызывалось

стремлением получить высокий социальный статус и материальные блага (в распределительной, карточной системе снабжения), а было обусловлено стратегией выживания, вполне понятным и обоснованным желанием людей встроиться в официальную социальную структуру, без опасения репрессий и ограничительных мер со стороны власти, желание жить жизнью «простого советского человека».

Безболезненно встроиться в советскую действительность мог не только человек, который имел правильную, социально безукоризненную биографию, но и такой, у которого биографии еще не было. Это относилось в первую очередь к молодым людям, на биографии которых государство еще не успело поставить свои негативные пометки. Такую ситуацию, относящуюся, правда, к периоду позднего сталинизма, описал в своих воспоминаниях выдающийся историк-медиевист А. Я. Гуревич. В 1950 г. он окончил аспирантуру МГУ и пытался найти работу, что в условиях развернувшегося антисемитской кампании было сделать непросто. Узнав, что в Калининском педагогическом институте есть вакансия преподавателя, он поехал туда. В ходе беседы с зам. директора института Турченко он узнал, что на эту должность были другие претенденты, более титулованные. Но в конце беседы зам. директора объявил А. Я. Гуревичу: «Мы вас берем». ««Почему же вы меня взяли?» – спросил я тов. Турченко. «У вас нет биографии»» [Гуревич, с. 56].

Важным мероприятием по социальному контролю населения Советского Союза стало введение паспортной системы. Социалистическое государство вернулось к традиции царской России, с ненавистными порядками которой в свое время большевики яростно боролись. 27 декабря 1932 г. постановлением ЦИК и СНК СССР № 57/1917 была установлена единая паспортная система. В первую очередь паспортизация касалась «населения городов, рабочих поселков и новостроек» и преследовала цель «очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов» [Известия ЦИК СССР...]. Паспортизация предполагала обязательную прописку на определенной территории. Паспорта должны были выдаваться только тем гражданам, которые не имели изъянов в своем социальном происхождении, были социально лояльными советской власти, в которых власть могла быть вполне уверена. А таким социально неблагонадежным группам, как «сбежавшие кулаки и раскулаченные», «лишенцы», «не занятые общественно-полезным трудом» в выдаче паспортов в пределах режимных территорий органы государственной власти отказывали. Фактически они попадали в разряд социальных маргиналов советского общества, неполноценных

граждан. В городах, которые относились к «режимным», у людей с «социально чуждым» советской власти происхождением почти не было шансов прописаться. «Таким следовало искать место поглуше, ехать туда, где их никто не знал, и там пытаться получить новые документы, чтобы скрыть прошлое» [Попов, с. 190].

Однако контрольная функция паспортной системы на начальном этапе, не была реализована в полном объеме, работала со сбоями. Здесь проявила себя другая российская традиция, которую еще в XIX в. весьма точно обозначил русский поэт и государственный деятель П. А. Вяземский: «В России суровость законов умеряется их неисполнением». То же самое произошло и с паспортной системой. Далеко не всегда и не везде ее положения строго соблюдались, по крайней мере на первом этапе ее внедрения. В начале января 1935 г. на имя председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановича была подана докладная записка от зам. руководителя административно-советской группы М. Грановского. В этой записке отмечалось, что в результате проверки ряда московских, ленинградских, ростовских и минских предприятий было установлено, что «нарушение паспортного закона со стороны руководства этих предприятий носит массовый характер» [РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 4. Д. 42. Л. 46]. В Москве нарушения паспортного закона были выявлены на 103 предприятиях. За июль-октябрь 1934 г. за нарушения паспортного режима органами милиции в Ленинграде к ответственности было привлечено 649 хозяйственных руководителей, в Минске – 281, в Ростове – 120 [Там же].

По закону предприятия и учреждения должны были требовать от принимаемых на работу паспорта (или временные удостоверения), отмечая в них время зачисления в штат. На практике же на заводы принимались либо вовсе беспаспортные, либо лица с иногородними (нережимными) паспортами. В результате на заводы проникал «классово-враждебный элемент». В ходе проверки на Московском авиационном заводе № 22 среди рабочих и служащих было выявлено «193 кулака, 82 б[ывших] торговца, 30 б[ывших] помещиков и фабрикантов, 11 б[ывших] жандармов и полицейских, 7 б[ывших] белых офицеров <...>, 265 судившихся, 30 дезорганизаторов производства и т. д.» [Там же. Л. 47]. Вот таким оказался качественный состав московского рабочего класса в период сталинской индустриализации.

Распоряжения партийных инстанций и правоохранительных органов об увольнении нежелательных работников с заводов заводские руководители выполняли не в полном объеме: «Мало того, уже разоблаченные

кулаки, б[ывшие] торговцы и белогвардейцы с заводов удаляются крайне неохотно» [Там же. Л. 46]. В Ленинграде после проверки заводам было предложено уволить 452 человек, а уволено было всего 234 человека [Там же. Л. 47]. «Так, администрации Балтийского завода было предложено уволить 34 чел., а уволено только 9 чел., администрации завода Марти предложено уволить 80 чел., а уволено 59 чел., заводу «Большевик» соответственно 92 и 55, заводу им. Ворошилова 60 и 25, заводу № 6 – 17 и 7 и т. д.» [Там же. Л. 47]. Игнорирование паспортной системы наблюдалось и со стороны руководителей исполнительных органов власти. Член президиума Ростовского горсовета Штульбаум отдал прямое указание «не выполнять законные требования милиции» по соблюдению паспортного контроля [Там же. Л. 49–50], а ответственный секретарь комиссии по труду при СНК РСФСР Быстрицкий разослал по всей стране циркулярное распоряжение о приеме на строительство предприятий «рабочих, прибывающих в неорганизованном порядке» [Там же. Л. 50].

Таким образом, на протяжении 1920–1930-х гг. советское государство стремилось реализовать свой социальный проект. С этой целью оно изобретало и внедряло различные инструменты контроля социальных трансформаций, происходивших в советском обществе, искало возможности управлять этими процессами, отслеживать тенденции, развивавшиеся в обществе, и вовремя на них реагировать. Власть понимала неоднородность советского общества, его сложную структуру и стремилась ее упростить. Это позволило бы легко управлять таким гомогенизированным обществом, в котором не будет ни явных, ни скрытых недоброжелателей советской власти.

Однако зачастую социальная практика входила в противоречие с официальными идеологическими установками, которые искажались или игнорировались на уровне исполнителей. Происходил своего рода саботаж партийных постановлений и распоряжений. С другой стороны, советские граждане проявляли завидную социальную изворотливость, находя лазейки и прорехи в стене социального контроля, и обходили жесткие социальные регламентации со стороны государства. Осознав это, государство перешло к более радикальным мерам социального конструирования, которые были реализованы в годы «Большого террора».

Воробьев С. В. «Знаете, не поладил немного с Виссарионычем»: из истории политического самозванства на Урале в 1930-е гг. // Вестн. Оренбург. гос. педагогического ун-та. 2015. № 4 (16). С. 91–106.

- Гуревич А. Я. История историка. М., 2004.
- Десятый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963.
- Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1932. № 358. 28 декабря.
- Киселева Е. Л. Чистка государственного аппарата 1929–1932 годов // Рос. история. 2009. № 1. С. 96–110.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 6.
- Лацис О. Перелом // Суrowая драма народа. М., 1989. С. 67–174.
- Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016.
- Попов В. Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 185–203.
- Радаев В. В., Шкартан О. И. Социальная стратификация. М., 1996.
- РГАСПИ. Ф. 17. (Центральный комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991); Ф. 589 (Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) (1934–1952), Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС).
- Соколов А. К. Курс советской истории. 1917–1940. М., 1999.
- Соколов А. К. Политическая система и нэп // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 54–60.
- Сталин И. В. Итоги первой пятилетки // И. В. Сталин. Соч. : в 13 т. М., 1951. Т. 13. С. 206–215.
- Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

УДК 94(47).084:304+316.346.32-053.6

Л. И. Егорова

СОЦИАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Предметом исследования является политика правящей партии и государства в отношении молодого поколения в эпоху, когда утвердились сталинские принципы их взаимоотношений. Обоснован вывод о том, что знание исторического опыта (позитивного и негативного) формирования молодого поколения в новых современных условиях необходимы, так как оно способствует выработке у молодежи высоких моральных и патриотических качеств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизненные ценности, молодое поколение, социальное сознание, оптимизация, реконструкция, идеологическая революция.

Во все времена и эпохи быть молодым всегда было трудно. Каждая историческая эпоха диктует свои жизненные ценности, исходящие из потребностей правящего режима и осуществляемые иногда очень умело в форме заботы о благе большинства граждан. Жизненные ценности молодых поколений меняются чаще всего после очередного распада социального строя, когда общественный идеал окончательно теряет роль идеала в прежнем мире.

Молодежь всегда «бунтовала» и была недовольна традиционно, исторически сложившимся ходом вещей, ибо и в древние времена, сегодня и всегда будет сбавлять *социальная формула недовольства*.

Каждая стабильно существующая социальная система порождает определенные типы молодых людей и число недовольных ею, зависящие прежде всего от самого типа системы и численности молодых граждан той страны, в которой эта система является господствующей. В какой-то мере любое общественно-государственное устройство формирует у молодых через свою идеологию и определенные жизненные ценности, модели успешной, счастливой жизни, диктует «моду счастья» [см.: Асмолов, с. 239–248].

Типы и число недовольных юных граждан зависят, в частности, от материального благополучия или неблагополучия, от жестокости и деспотизма правящего режима, от исторических и биологических особенностей населения.

Власть всегда выделяла из молодежной среды именно социально недовольных (нелояльных) субъектов, а не недовольных вообще индивидов. Социально недовольные молодые люди – это те, которые недовольны самыми существенными явлениями данной социальной системы, ее неотвратимыми законами, то есть закономерными явлениями данного общества. Нелояльные к режиму молодежные организации и движения весьма опасны для носителей власти, ибо многие молодые люди, например студенты, еще не связаны семейными узами, не имеют потомства и, соответственно, вольны безрассудно распоряжаться своей жизнью во имя достижения своих заветных целей, идти на жертву ради «великих идей».

Социальное недовольство молодежи порождается невозможностью социально активных юных граждан «найти себя» в обществе, проявить свои личностные качества, а чаще всего тем, что молодому индивиду общества не дают просто нормально существовать и развиваться.

В России для людей всех возрастных категорий высшей ценностью являлась сама жизнь, но «жизнь нормальная, как у людей». Поэтому у молодых поколений Российской империи, в основном у молодых крестьян,

целью жизни было «выйти в люди», то есть выйти из состояния раба-недочеловека и стать во всех отношениях «нормальным человеком» с новыми жизненными ценностями и новым статусом, гарантирующим высокий уровень и качество жизни.

В СССР в начале 30-х годов XX века гражданам всех возрастных категорий, в том числе и молодежи, было не до определения основных жизненных ценностей, ибо главной целью было выжить любой ценой. Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда невыносимые лишения и страдания определяют не только лояльность граждан, но и основные их жизненные ценности, главными из которых становятся пища и кров.

К пониманию молодежной нелояльности советские идеологи подходили с разных точек зрения. совершенно независимо с двух противоположных систем. К ее осознанию также пришли органы охраны существующего режима. Чисто опытным путем были выработаны совершенно безошибочные критерии и методы распознавания нелояльных индивидов, и была налажена грандиозная практическая деятельность в этом направлении.

Молодые поколения для властных структур общества всегда и всюду представляли благодатный и легко управляемый материал. А если этот материал является еще и профессионально подготовленным, то его в своих целях можно использовать *дважды и даже трижды*.

Молодыми, еще социально незрелыми и по-настоящему не битыми реальной жизнью индивидами, очень легко манипулировать. Они легко внушаемы, легковверны, являются падкими на всяческие соблазны и посулы. Как сказал однажды «великий кормчий всего человечества» Мао: «Молодежь – это чистые листы бумаги, на которых мы можем писать нужные нам иероглифы».

С помощью молодежи «вожди народов» не только крепили свои режимы, но и обеспечивали долгожительство этих режимов, легко расправлялись руками молодых с оппозицией «ровесников революции».

Формирование нового мировоззрения, иных, «новых», жизненных ценностей начиналось у молодого поколения 1930-х годов с *предательства старых идеалов, традиций и верований*. А мы знаем, что предавший единожды, предаст неоднократно. То же самое предательство случилось и с «новой религией» большевиков, коммунистической идеологией в начале 1990-х годов, но на этот раз оно было совершено «сверху» самими адептами этой идеологии.

Но поскольку религия стараниями большевиков – «воинствующими безбожниками» была изъята из духовной жизни пролетарской молодежи,

то ее место заняла коммунистическая религия (идеология). Скоро молодое поколение 1930-х годов поняло, что коллективных туров в рай земной, как и небесный, не бывает. Но было уже поздно, коммунистическая обманка сработала, и целью вмиг повзрослевших молодых стало стремление строить свое личное счастье за счет страданий и гибели других.

Жестокость в отношении миллионов людей в сталинские годы сочеталась с поразительной заботой о миллионах других людей. Причем число таких, кто чувствовал эту заботу власти, намного превышало число тех, кто становился жертвами насилия. Забота о молодых людях проявлялась в организации просвещения, образования, развлечений, обучения профессиям, массового спорта. И хотя улучшение бытовых условий по нынешним меркам было незначительным, но и оно воспринималось людьми той эпохи как грандиозное. Каждое снижение цен на продукты питания проводилось по всей стране как массовое мероприятие и переживалось как праздник. Уже в сталинские годы стали ощущаться такие блага коммунизма, как гарантия удовлетворения минимальных жизненных потребностей и уверенность в завтрашнем дне.

Жизненные ценности формировались советской идеологией изначально как *искушение молодых душ через навязчивую оптимизацию* [см.: Рюмшина, с. 25–26].

Как правило, любой официозный оптимизм основан на тотальной лжи, которая может составлять по отношению к правде 90 %. Всеобщая ориентированность на заведомую неправду имеет единую причину: *взаимоотношения с правдой у человечества не сложились*.

Ребенок, подросток уже с первых шагов познания мира сталкивается в первую очередь не со справедливостью и правдой, а с лицемерием и ложью. В этом и заключается вечная трагедия конфликта поколений.

Пропаганда умело использовала это ощущение всеобщего грядущего счастья. Для миллионов людей жизнь в их трудовых коллективах на первых порах компенсировала их потери. Коммунизм входил в жизнь молодых людей прежде всего как искушение. За блага коммунизма приходилось платить. Но эта плата еще воспринималась как «временные трудности».

Но уже в конце 1930-х годов, незадолго до войны, стали проявляться примеры реальной диалектики: чем лучше становилась жизнь, тем слабее становились соблазны коммунизма. В послесталинские годы уровень жизни населения поднялся сравнительно с довоенным периодом настолько, что если бы тогда, в тридцатые годы об этом узнали молодые люди, то не поверили бы.

Но люди уже изменились, они устали от навязчивой и бесконечной эйфории, внушаемого энтузиазма и трудовых подвигов. Люди перестали жить иллюзиями, изменились их претензии к жизни и представления о хороших условиях. Соблазны коммунизма утратили свою силу, ибо то, что сулил советскому человеку реальный коммунизм, советские солдаты увидели в реальности в западных странах, еще недавно находившихся в немецкой оккупации.

Поэтому советскому человеку, прошедшему все круги коммунистической фантазмагии, «не было мучительно стыдно» умирать за то, что он и его сверстники не смогли «освободить все человечество». Ему было горько умирать оттого, что его юность и зрелая жизнь впустую сгорели во имя химерических идей и во благо политических ничтожеств.

В XX веке в России произошла резкая смена социальной структуры общества, многие социальные слои и классы после Октябрьского переворота 1917 года были ликвидированы как «социально чуждые, отжившие и паразитические». Коллективизация сельского хозяйства и индустриализация, а вместе с ней и милитаризация страны способствовали резкому притоку в города сельского населения, которое составляло более 2/3 жителей бывшей Российской империи. Таким образом, многомиллионная масса крестьянской молодежи в течение двадцати лет превратилась в «пролетарскую молодежь». Этот процесс был болезненным и потребовал огромных жертв со стороны российского крестьянства.

Время с весны 1933-го до конца 1934 года было самым трудным для подростков и юношей того времени, это был период ужаса перед беспощадной в своей бесчеловечности реальностью.

Еще были свежи в памяти людей последствия голода в Поволжье в 1921–1922 годах, гибель 10 миллионов крестьян в хлебоборных южных регионах России во время искусственно организованного голода, негативно сказавшиеся на психике и наследственности молодого поколения.

Выбраться из голодающих регионов через вооруженное оцепление войск НКВД в так называемые «благополучные районы» и «стройки коммунизма» было в то время заветной мечтой каждого ребенка и его родителей, ибо главной ценностью тогда считались кусок хлеба и возможность его заработать, а также землянка или в лучшем случае барак, где можно было бы немного передохнуть.

Поколение 1930-х годов – это уникальное поколение, вошедшее в отечественную историю как самое живучее, деятельное, ибо в течение многих лет имело тренировку очень тяжелой жизни, жизни на пределе человеческих возможностей.

Главная особенность положения молодого поколения 30-х годов состояла в том, оно появилось на свет после революции и Гражданской войны. Представители этого поколения стали сознательными существами, когда основы нового общества уже были заложены, самая черновая работа уже была выполнена, а коммунистический социальный строй уже стал реальностью. Вместе с тем еще очень свежими были воспоминания современников о дореволюционном прошлом, о революции и обо всем том, что происходило непосредственно после нее. Живые участники недавних реальных событий вовлекали молодежь в свою прошлую жизнь настолько навязчиво и эффективно, что их жизнь становилась и частью жизни юного поколения.

К этому времени все средства культуры и пропаганды достигли мощи хорошо организованного аппарата воспитания нового человека. Именно это поколение стало объектом беспрецедентного в прошлом действия этой идеологической силы. К началу тридцатых годов реальное коммунистическое общество стало складываться совсем не таким, как о том мечтали в прошлом.

Происходил грандиозный процесс не просто осмысления прошлого, но процесс создания идеологической картины прошлого, которая служила бы интересам настоящего. Прошлое входило в сознание поколения 30-х годов в идеологически переработанном, искаженном, фальсифицированном виде как грандиозная ложь, впитавшая в себя крупницы правды. Фальсифицировалось прошлое определенного рода и совсем недавнее реальное прошлое, а приукрашивалась все-таки реальность социализма, вышедшая за рамки сказок и мечтаний. Именно это и формировало «жизненные ценности молодых той эпохи.

«Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым» (В. Маяковский).

Именно на этом и строились жизненные ценности молодежи той поры, которые имели мало чего общего с грубой повседневной реальностью. Идеологическая советская машина была настолько мощной, что лишь немногие из молодых людей той эпохи и в очень малой степени обращались к реальности как материалу для критических суждений.

Пропаганда была организована настолько эффективно, что массы молодых людей верили в то, что им внушали. Более того, хотели верить. Реальная жизнь страны все более обволакивалась туманом пропагандистской лжи, обман перерождался в самообман и в соучастие в обмане. Лицемерие и сознательная ложь вытесняли искреннюю веру и роман-

тический идеализм. Значительная часть молодежи стала активной участницей действий властей.

Только сотрудничество с властью давало возможность молодым сделать реальную карьеру и «выйти в люди». Для стремительной карьеры в это время сложились весьма благоприятные условия.

В стране был накоплен огромный опыт организации общественно-го порядка и контроля над людьми. Образовались миллионы новых постов, сфера власти необычайно расширилась, люди охотно шли в начальники и исполняли свои роли так, как будто прошли школу руководства.

Миллионы всякого рода начальников, руководителей, партийных секретарей, директоров, председателей, инспекторов, учетчиков стали господами положения, навязывая всему обществу свою идеологию и психологию, свой образ жизни, свое отношение ко всем аспектам жизни. Так возникла «советская элита», у которой были свои жизненные ценности. В основе этой элиты лежало влившееся после революции в большевизм жуткое российское мещанство с его нетерпимой узостью и тупой самоуверенностью. И не только мещанство, а вообще весь русский быт со всем, что в нем накопилось отрицательного. Стремительные карьеры совершались по законам сугубо социальным, а не профессиональным.

Стать начальником низшего, среднего или высшего звена становилось для многих молодых единственной жизненной ценностью. Быть урядником лучше, чем быть зажиточным крестьянином.

Профессионализм как средство обретения жизненного успеха и уважения в коллективе имел большое значение в рабочей молодежной среде, занятой в сфере производительного труда. Именно профессиональное образование и квалифицированный труд на заводах и фабриках давали миллионам вчерашних сельских подростков, юношей и девушек возможность «выйти в люди».

Жить лучше, чем жилось в деревне, иметь свой угол в городе и помогать материально сельской родне – вот главная жизненная и нравственная ценность той рабочей молодежи, которая еще окончательно не потеряла семейно-родственные связи.

Однако нельзя считать, что рабочая молодежь 30-х годов пополнилась исключительно только выходцами и беглецами из деревни. Да, в основном это были выходцы из крестьян и рабочих, но многие были детьми всякого рода мелких служащих и воспитанников детских домов, лишившихся родителей в результате Гражданской войны и «красного террора».

Уже тогда многие молодые люди понимали, что рабочие относятся к низшим слоям населения и не имеют никаких шансов в массе своей перейти в средние и тем более в высшие слои. Уже тогда многим подросткам по опыту жизни было хорошо известно фактическое положение рабочих.

Идеология и пропаганда тех лет всячески стремилась развить у трудовой молодежи и учащихся ремесленных училищ гордость за свою принадлежность к «его величеству рабочему классу», якобы ведущему и руководящему классу общества. Но уже тогда в эти лозунги никто не верил, а после войны родители-рабочие не хотели, чтобы их дети шли по их стопам, а дети не хотели быть продолжателями рабочей династии.

Воспитание у молодых людей чувства гордости за свою принадлежность к рабочему классу, к числу создателей материальных благ, имело бы больший успех, если бы рабочие являлись социально однородной массой.

Но в реальности профессиональные подготовленные рабочие разделяются по разрядам. Среди них есть рабочие-мастера, есть такие рабочие, которые являются одновременно и рабочими в традиционном смысле и инженерами – всякого рода механики, техники, наладчики и т. п.

А посему уже на этом социальном уровне сложилась в рабочей среде иерархия социальных позиций интересов и своих жизненных ценностей.

И хотя заработная плата многих квалифицированных рабочих была выше, чем у «шкрабов» (учителей) и «медрабов» (врачей), научных работников и других представителей средних слоев населения, многие рабочие того времени стремились покинуть свою среду и перейти в другую социальную категорию. Многие, даже жертвуя значительной потерей в оплате труда, ибо положение врача, учителя, ученого, служащего конторы было, как всегда, предпочтительней положения рабочего даже с очень высокой заработной платой.

Отсюда и гигантская тяга в среде рабочей молодежи к учебе, открывающей надежду избежать весьма неприятной участи остаться рабочими.

Уже тогда у советской молодежи к основным жизненным ценностям добавилась самая главная и судьбоносная ценность – получить высшее образование и занять в обществе более высокий статус.

Рабочими же становились и оставались, как правило, те, кто не имел возможностей лучше устроиться в жизни, и те, у кого не было более высоких претензий к жизни.

Сталинский период советской истории был периодом небывалой в истории человечества **культурной революции**. Она была абсолютно необходимым условием выживания нового общества, ибо человеческий материал, доставшийся от прошлого, не соответствовал потребностям нового общества во всех его сферах: в производстве, в системе управления, в армии.

Требовались миллионы молодых образованных и профессионально подготовленных людей. Эту проблему сталинский режим решил в течение десяти лет через открытие свободного доступа к вершинам культуры.

Доступ к образованию и культуре был самой модной компенсацией за бытовое убожество и полуголодное существование. Ради этой великой цели и жизненной ценности, чтобы хоть как-то получить образование и приобщиться к культуре, молодые люди переносили такие бытовые трудности, которые сегодня урбанизированной молодежи трудно представить.

Культурная революция шла по трем основным направлениям: ликвидация безграмотности и повышение образовательного уровня взрослого населения; создание огромной сети учебных профессиональных заведений для новых поколений; централизованная и систематическая просветительская деятельность, создание публичных библиотек и читален, издание научно-популярных юношеских журналов и книг для массового читателя.

Во время индустриализации страны и дальнейшего интенсивного развития промышленности стране потребовался ежегодный приток молодых рабочих в количестве от 800 тысяч до 1 миллиона. Для этой цели в начале октября 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР были созданы Государственные трудовые резервы. Профессиональное бесплатное обучение молодежи осуществлялось через сеть ремесленных и железнодорожных училищ, в которых учащиеся обеспечивались бесплатным питанием, обмундированием, бельем и местами в общежитии.

Таким образом «Трудовыми резервами» в краткие сроки было подготовлено такое огромное число профессиональных рабочих и всякого рода специалистов, что Советский Союз провел войну с Германией, не испытывая при этом острого дефицита в профессионально подготовленных и образованных людях. Выпускники советских школ в течение нескольких месяцев войны, благодаря образованию, гораздо быстрее овладевали новой и трофейной техникой и становились лучшими офицерами, чем их малограмотные предшественники, прослужившие много лет в армии.

В сталинскую эпоху произошло еще одно событие грандиозного масштаба, которое существенно повлияло на выработку молодежью основных жизненных ценностей, а именно – **идеологическая революция**.

С точки зрения формирования нового общества эта революция не менее важна, чем все остальное. В 30-е годы окончательно определилось содержание советской идеологии, определились ее функции в обществе, методы воздействия на массы людей, методы внушения и воспитания молодежи, короче говоря, советская идеология стала новой религией, без которой новая власть долго не удержалась бы [см.: Апостолов].

Идеологическая революция на практике означала идеологическое воспитание широких масс населения, создание для этой цели армии специалистов – идеологических работников, создание постоянно действующего идеологического аппарата, проникновение идеологии во все сферы жизни, в первую очередь в молодежные массы. Превратить большевистскую идеологию в новую религию было очень сложно, ибо новая власть имела дело с малограмотной и безграмотной и на девяносто процентов религиозной человеческой массой. Задача состояла не в том, чтобы поднять интеллектуальные хижинки до уровня интеллектуальных дворцов, а в том, чтобы низвести дворцы до уровня хижин.

То, что в этих хижинах нельзя было жить, никого из сталинских идеологов не интересовало. Они строились не для жилья, а для подobia жилья. Они казались общедоступными. Они возвышали ничтожества из интеллектуальной грязи сразу же на божественные вершины гениальности. С такой задачей академические невежды и бездарности, а также новоявленные и многочисленные «деятели» новой пролетарской культуры могли справиться лучше, чем академические эрудиты и гении «старой школы» и классики русской литературы вместе взятые.

Превратить большевистскую идеологию в новую религию в кратчайшие сроки помогло необычайное стремление молодежи того времени стать безбожниками.

Массы населения, совершенно незнакомые с марксистской доктриной, с ликованием ринулись в безбожие как в новую религию, суливую им рай на земле и в ближайшем будущем. Это была трагедия для многих молодых людей. Но для еще большего числа людей это был беспрецедентный в истории человечества праздник освобождения от пут религии. Какую бы великую историческую роль религия ни играла, она играла эту роль, накладывая на русских людей тяжелые обязательства и ограничения на их волевое поведение.

Религия действительно давала людям то, на что она претендовала, но она при этом взваливала на них тяжелый груз и служила средством их порабощения. Не всякий народ может долго терпеть двойное рабство – светское и духовное. Советские люди тогда еще не подозревали о том,

какого рода духовное закрепощение идет на смену православной религии. Массы населения, особенно молодежь, сами шли навстречу насилию и обману сверху. Они стимулировали его, становились его носителями и исполнителями. Репрессии и обман «сверху» означали в тех условиях организацию самих масс на эти репрессии и обман. Началась великая битва за души и умы молодежных масс. Чем закончилась эта битва, мы узнали задолго до развала СССР – поражением, глубоким духовно-нравственным кризисом России.

Эпоха 30-х годов XX века была великой по масштабам событий и мероприятий. Глобальные социальные реформы и «великие переломы» измерялись миллионами участников. Ликвидация класса единоличного крестьянства – миллионы человек. Армия – миллионы. Вступление в партию – миллионы. Образование слоя начальников – миллионы. Потери в войне – миллионы. И так во всем. Страна превращалась в единый социальный организм, в тоталитарную империю в муках грандиозных и с потерями грандиозными. И с результатами грандиозными, конечно же, с точки зрения государственного мужа, а не простого обывателя-труженика.

Апостолов А. Г. Святой эсер – наставник молодежи // День литературы. 2017. 3 июня.

Асмолов А. Г. Практическая психология как фактор конструирования образовательного пространства личности. М., 1997.

Рюмина Л. И. Психология манипулирования людьми (ценностно-смысловой аспект). Ростов н/Д, 2003.

УДК 94(47).081/.084.3:323.32

З. М. Кобозева

МЕЩАНСТВО, ПРОСНУВШЕЕСЯ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ: ЖИЗНЬ В КОНСТРУИРОВАНИИ ДУШИ

В статье анализируется феномен «забытости» мещанского сословия в социальной истории России второй половины XIX – начала XX вв. (при жизни сословия) и в послереволюционный период «борьбы с мещанством», как с качественной характеристикой души и текстами обывательского поведения. Автор приходит к выводу, что революционный перелом 1917 г. был не таким

принципиальным для мещанства, как для представителей других социальных групп. Привыкшее жить в условиях презрительного забвения мещанство выработало такие тексты повседневного поведения, которые позволяли ему выработать стратегии и практики незаметного существования при любой власти.

К л ю ч е в ы е с л о в а: мещанское сословие, революция 1917 г., мещанские всероссийские съезды, мещанство, мещанский вкус.

Главы монографии Н. Д. Потаповой о лингвистическом повороте в историографии хорошо иллюстрируются размышлениями Ханса Кельнера: «...Кельнер внимателен к риторике. Он преломляет образы, которые с университетской скамьи кажутся нам привычными... историк работает с “источниками”. <...> Кельнер предлагает другой образ: историк работает с пассажирами. Слово “пассаж” напоминает нам о цитировании (пассаж – это связный отрывок текста, вырезанный из него), одновременно он связан общим корнем со словом *passion* – “страсть” (историк пристрастен) и со словами “пассажир”, “путешественник”» [Потапова, с. 288]. Отталкиваясь от данных размышлений о возможностях различного «чтения» текста – эпохи и о дидактичном влиянии на восприятие эпохи некоего главного текста, то есть наиболее выразительного и авторитарного из всех созданных, я подхожу к феномену «забытого сословия», каким являлось мещанское сословие русских городов. «Забытым» существовавшее в реальной жизни сословие сделала «высокая русская культура» и тесно связанная с ней общественно-политическая мысль дореволюционной России. А также идеологическая борьба с мещанством как с качественной характеристикой души, проводившаяся в советское время. «Страшная мощь культурных стереотипов» привела даже к стиранию мещанских корней, к примеру, в исторической памяти горожан Самары. В этом факте, взятом из современности, заключена подлинная история, которая, как отмечал Ю. М. Лотман, «совершается в частной жизни и в массовых бессознательных движениях» [Лотман, Изъявление..., с. 355]. Помимо того, что «историк обречен иметь дело с текстом» [Там же, с. 353], он еще и обречен иметь дело со своего рода «палимпсестом», когда на изначальный текст поверх накладывается несколько других. В русской истории и культуре произошло такое интересное явление, как перешагнувший через революцию «антимещанский комплекс», практически уничтоживший (усилившись в границах новой власти), подлинную сословную историю и культуру мещан.

Проблеме антимещанского комплекса посвящено диссертационное исследование Б. С. Аккуратова [Аккуратов]. Автор считает, что российская

культура оказалась в плену самодовлеющего «антимещанского комплекса», объединившего в единый знак антибуржуазные потенции самых различных групп [Там же, с. 40]. И ссылаясь на М. К. Мамардашвили, отмечает: «русская культура в определенной части насыщена довольно сильным комплексом антимещанства. Этот комплекс часто развоплощается в установку предубеждения: когда человеку хорошо, это уже по определению плохо, значит он мещанин, то есть он хочет довольствоваться мещанским» [Аккуратов, с. 18]. С этим утверждением тесно связано объяснение специфики русской культуры XIX столетия, которое предлагал Ю. М. Лотман, вводя концепцию бинарной оппозиции, отрицавшую срединный мир, при которой максимальная степень греховности оказывается чище, чем нечто среднее и устоявшееся [Лотман, О русской литературе..., с. 382–383].

На сегодняшний день я убеждена, что нельзя разводиться мещанство как сословие и мещанство как качественную характеристику души. Потому что «оптика» души, или так называемый «антимещанский текст» – это составная часть «текста» сословной истории. Антимещанский комплекс, как выразительный и мощный конструкт российской высокой культуры, привел к искажению и забвению той значительной в количественном отношении сословной группы, которая была связана, наряду с купечеством и частью крестьян, порвавших с деревней, с русской урбанистической культурой. Привел он к этому еще до революции. Следовательно, невозможно изучать сословную историю дореволюционной России и социальное конструирование советской власти без учета «антимещанского текста» русской культуры.

Еще до революции мещанство «заснуло» «забытым сословием» русских городов, чтобы «проснуться» после революции обличаемым. Это понятие было актуализировано той незначительной частью российских публицистов, которых тревожила судьба самого большого городского сословия [Абрамов, 1883; Абрамов, 1885; Ган; Дружинин, 1906; Дружинин, 1917]. Еще в конце XIX в. публицист и общественный деятель Н. П. Дружинин вынужден был в своих статьях объяснять широкой общественности, кто же такие мещане. Он рассказывал с обидой за этот социальный слой, что мещане – это мелкие торговцы, приказчики, ремесленники, прислуга [Дружинин, 1917, с. 5]. Мещане-торговцы, «в стране, где не облагается только воздух», имеют годовой оборот в какие-нибудь рубли, но платят за все, «за какое-нибудь свидетельство, за какую-нибудь бляху, за какой-нибудь угол, в который поставлен его лоток с товаром» [Там же, с. 5]. Мещанин-приказчик, каким его рисует Н. П. Дружинин,

«за ничтожное вознаграждение несет тяжелый труд», находится «на всей воле своего хозяина», и если «приказчик-крестьянин изредка съездит в деревню», то «мещанин... остается в тех же душных и мрачных пределах города» [Там же, с. 6]. Мещанские дети – подмастерья – «человеческие существа, живущие на собачьем положении» [Там же, с. 6]. Прислугой работают в основном мещанки, и это «последняя ступенька» на лестнице мещанских занятий [Там же, с. 7]. Живут мещане на окраинах городов, в наименее благоустроенных районах, на второстепенных улицах, где «городское управление не проявляет... заботливости», где «замощена только середина улицы», где «грязь, которую не убирают», где «нет ни бульваров, ни садов», где «лишенная воздуха мещанская голь лишена и света». Часть этой «голи» живет в подвалах, часть – «скрашивает мещанское убожество горшками цветов, не пропускающих солнечного света». В этих районах нет фонарей, так как здесь живут не гласные думы, «а безгласные обыватели» [Там же, с. 4]. Эта городская беднота не пользуется водопроводом, ходит за водой в платные водопроводные будки или на реку [Там же, с. 5]. По мнению Н. П. Дружинина, большинство составляют в городах мещане, не владеющие недвижимым имуществом, «мещанская беднота», которая «ютится в нанятых квартирах». «И вот, подчас с дешевой занимаемой квартиры мещанин ставится в необходимость платить квартирный налог. Казна не щадит его» [Там же, с. 5]. Но еще больше мещан, по мнению Дружинина, «с настоящей мещанской массы нельзя взять ничего ни путем налога с недвижимых имуществ, ни путем квартирного налога» [Там же, с. 9]. Вывод автора следующий: «мещанская беднота является аккуратной плательщицей налогов в пользу государственной казны» [Там же, с. 10]. Инициативные представители сословия в мещанстве не умирали. Они поднимались вверх по социальной лестнице. Также инициативные, но проигравшие жизненные битвы, как правило, купцы, воспринимали мещанство как низшую границу городского мира, ниже которой падать уже было некуда. А пассивное большинство просто жило в городе и платило за эту урбанистическую культуру свою цену в виде сословных обязанностей перед государством.

«Забывтость сословия» характеризует и история с всероссийскими мещанскими съездами, проходившими в 1917 г. Первый раз в истории сословия мещане попытались объединиться и сформулировать свое отношение к революции и отмене сословий. Но проходившие в Москве съезды сопровождала полная тишина в печати и в будущем их ожидало полное забвение в историографии.

Всероссийский союз мещан был образован на Первом Всероссийском съезде мещанских общин, который проходил с 30 апреля по 2 мая 1917 г. в Воронеже [ГАРФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 306. Л. 1–2]. В нем приняли участие 179 представителей от 75 городов. Инициатором и вдохновителем проведения съезда был мещанский староста г. Боброва Воронежской губернии В. Я. Калашников. На заседании 1 мая 1917 г. была составлена программа, включавшая в себя 18 пунктов. В данном документе была выражена политическая позиция тех мещан, которые в 1917 г. попытались объединить свои усилия и выработать в новых политических реалиях свою сословную программу общественного развития.

Параллельно в Воронежем о созыве мещанского съезда в Москве на 15–20 июня 1917 г. объявила мещанская управа г. Москвы. В мещанские провинциальные общества была разослана анкета, состоящая из вопросов, которые мещане на местах должны были в преддверии съезда заполнить и отправить в мещанскую управу г. Москвы [ГАСО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2795. Л. 57 об.]. Самый первый и главный вопрос, волновавший мещан и сформулированный в анкете, был следующий: «Если мещанское сословие переименуют в граждан, желательно ли чтобы оно самостоятельно управлялось?» [Там же].

Вначале обе стороны, Москва и Воронеж, рассчитывали на то, что кто-нибудь из них уступит и присоединится к другому. «Когда же на московском съезде выяснилось, что Воронежский союз не хочет отказываться от достигнутых результатов, его деятельность с подачи организаторов московского съезда была осуждена и представители ВОСМ – члены Бюро и делегаты принадлежащих к нему общин, были по сути изгнаны со съезда» [Каплуновский, с. 197]. На московском съезде 212 делегатами от 138 городов России был принят Устав Всероссийского союза мещанских обществ (г. Москва) [ЦИАМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 14 об.]. В нем были прописаны цели и права союза, связанные с необходимостью объединения всех мещанских обществ Российского государства «как для политических, так и для правовых и экономических интересов мещанского сословия» [Там же]. Исполнительный комитет распространил среди мещанских обществ свое воззвание к гражданам-мещанам [Там же. Л. 14]. Февральская революция оценивалась в нем как «великое историческое событие», как «Промысел Всемогущего Бога» и как «сила народного движения». Мещане рассматривались в контексте «многострадального трудового народа», приветствующего «падение вековой монархической власти» [Там же. Л. 14 об.]. В Воззвании говорилось, что «триста лет мы (мещане. – З. К.) были в подавленном, угнетенном состоянии, триста лет мы были забыты

правителями нашими и покорно несли все государственные тяготы... Безропотно платили налоги, ставили своих сыновей в войска для защиты Родины и в постоянном труде ремесленников обслуживали городское и крестьянское население, оставаясь на низших ступенях общественной жизни, как забытое, бесправное и безземельное сословие» [Там же]. На июньском съезде, как подтверждает текст воззвания, мещане еще верили, что теперь настал тот момент, когда «сословие... должно... стать у кормила управления страной нашей и во всех государственных и общественных учреждениях требовать для мещан почетные места» [Там же]. В воззвании оказалась четко отраженной социальная идентичность мещан, основанная на определенном изгойстве этого срединного сословия, усиленной проницаемостью его границ: «В нашем сословии нет ни промышленников, ни капиталистов, ни крупных собственников, они всегда стремились уйти от мещан, становились купцами, личными дворянами, почетными гражданами и т. п.» [Там же].

Протоколы, труды и резолюции Второго Всероссийского съезда представителей мещанских обществ и союзов, состоявшегося в Москве с 23 по 26 августа 1917 г. и изданные в этом же году в Рязани [Протоколы...], оказались утраченными в Государственной исторической публичной библиотеке. Поэтому восстановить картину событий оказывается возможным только по фонду мещанской управы Москвы, хранящемуся в ЦИАМ [ЦИАМ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26]. С 23 по 26 августа 1917 г. в Москве проходил Второй Всероссийский съезд мещан. Из списка делегатов, прибывших на этот съезд, выясняется, что Самара, Саратов и Симбирск своих делегатов на него не отправили [Там же. Л. 1]. На съезд приехали 48 делегатов из Московской, Орловской, Владимирской, Смоленской, Петроградской, Рязанской, Нижегородской, Ярославской, Тверской, Калужской, Новгородской, Харьковской, Тамбовской, Курской и Подольской губерний [Там же].

Как видно из тех скудных источников, которые сохранили информацию о попытках мещанства объединиться и выработать свою политическую программу в 1917 г., мещане постоянно апеллируют к тому, что являются вторым по численности после крестьянства сословием в государстве. И тем не менее в ситуации чрезвычайно активного политического творчества, которое проявили практически все социальные силы в стране в рассматриваемый период, мещане на удивление невыразительны и слабы в своей риторике и политической активности. Действительно, являясь «средним классом», самым многочисленным городским сословием, мещане смогли осилить проведение съездов исключительно за счет

той интеллигенции, которая образовалась в их среде и желала высказаться со стороны данной социальной страты. Подавляющая масса провинциального мещанства не отреагировала на эти попытки объединения. Не удалось обнаружить какой-либо реакции на всероссийские мещанские съезды в провинциальной и столичной прессе [Московские губернские ведомости; Саратовский голос; Саратовский вестник].

Н. Н. Козлова обращает внимание на существование в культуре двух традиций: большой и малой. Большая – традиция «размышляющего меньшинства», малая – традиция «неразмышляющего большинства» [Козлова, с. 69]. В ее размышлениях о «голых людях», пришедших после революции из «неразмышляющего большинства», то есть о людях упрощенных, не подозревающих «не то что свободы, но и существования проблемы добра и зла, живущих во внедрагедийном мире самых простых потребностей», «людей не творящих историю, но плывших по ее властному течению», людей, которые «либо Бога не подозревали, либо понимали, что и без Бога можно жить» [Там же, с. 70–72], как раз отражена специфика жизни городских низов до революции с их непротивлением власти и закону в открытой форме. После революции, когда «хозяева уехали, слуги остались» [Там же, с. 73], эти «голые люди» поднялись и стали заметны, лишенные «верхнего слоя» культурного меньшинства, подобно лаку высшей пробы, покрывавшему их социальность в дореволюционный период. Разделяя позицию Б. Н. Миронова о выдающейся роли государства в процессе модернизации в России и о недостатке инициативы со стороны народа вследствие «дефицита капитала, образования и культуры» [Миронов, с. 96], приходится отодвинуть эти объективные макрохарактеристики и обстоятельства на второй план исследования, чтобы разглядеть «броуновское движение» повседневной жизни тех, кто характеризовался «дефицитом капитала, образования и культуры» и сосредоточиться на «реабилитации всего, что связано с жизненным миром человека: повседневного, массового, номиналистического, архетипического» [Там же, с. 77]. Поэтому следует отказаться от принципа деления людей на «творцов и тупую бесцветную массу» [Там же].

Если рассматривать историческую истину как «общезначимое принудительное верование» [Савельева, Полетаев, с. 378], то на сегодняшний день часть историков не стремилась бы «реабилитировать мещанство» [Бухараев]. В коллективных представлениях прочно закрепились определенные штампы в отношении этого сословия, связанные с этикой (мещанской, торгашеской психологией, идеологической ролью «отравителей пролетариата») [Литературное наследство, с. 393], эстетикой

(мещанским вкусом, дурновкусие, китч) и историческими выводами о мещанстве русских городов как промежуточном слое между «крестьянством и небогатым купечеством», в связи с чем «его ментальности были при-сущи... многие черты мировоззрения, домашнего и общественного уклада жизни, ценностные ориентиры, свойственные этим слоям, прежде всего крестьянству» [Кошман, с. 203]. Таким образом, историографически еще очень далеко до подлинной «реабилитации»: так как над нами продолжает доминировать такая теоретическая схема, в которой объект превалирует над субъектом, некое иерархическое структурное принуждение заставляет по-прежнему оценивать историю с точки зрения «вписывания» контекста социальной реальности в привычные объяснительные модели исторического развития России.

В моем распоряжении оказался семейный архив, абсолютно не систематизированный, разрозненный, соединяющий две семейные ветви. Все фотографии и письма объединяет одно общее самарское до- и после-революционное городское пространство и принадлежность героев визуальной истории к мещанскому сословию.

Клавдия Леонтьевна Григорьева, изображенная в 1932 г. в провинциальной Самаре в образе героинь-шансонеток А. Вертинского, происходит из самарской мещанской семьи Григорьевых. На ее фотографии, сделанной в 1932 г., стоит подпись: «Он живо-льстивыми словами/В тебе стыд-совесть угасил...». 1930-е гг. были для советского народа десятилетием огромных трудностей и лишений, гораздо хуже, чем 1920-е. В 1932–1933 гг. все основные хлебородные районы поразил голод. Города наводнили новые пришельцы из деревень, жилья катастрофически не хватало, а картонная система грозила рухнуть. Для большей части городского населения вся жизнь вертелась вокруг бесконечной борьбы за самое необходимое – еду, одежду, крышу над головой [Войнаровская, с. 51–52].

Особенную тревогу у большевиков вызывала опасность «обуржуазивания своих кадров» [Фицпатрик, с. 75] и «мещанство», которое в «глазах коммунистической молодежи... являлось антонимом всего пролетарского, революционного...», представляло «деспотические, патриархальные, узкотрадиционные взгляды на секс, брак и семью...», как писал А. Фадеев: «Мы живем в Стране Советов, и стыдно бы нам было походить на мещан» [Там же, с. 76–77]. Сами представители чуждого пролетариату сословия порой скрывали свою социальную идентичность или изобретали новую, хотя нередко внешность и манеры ставили ее под сомнение [Там же, с. 81]. Семья Григорьевых никогда не относилась к основным советским «классам», ее социальное положение определялось «анало-

гичной былому мещанству категорией “служащих”», в которой Ш. Фицпатрик видит «сословные оттенки классов» [Там же, с. 103]. Исследователь понимает под этим определением специфику большевистского конструирования идентичности, мне же видятся прямые аналогии с дореволюционной сословной стратификацией, с преемственностью повседневной жизни дореволюционных мещан в новой социальной маске – «служащих». Если принять точку зрения о том, что «огромная масса фото производится с целью установления гражданской идентичности» [Рылкин, с. 234], то какова идентичность у Клавдии Григорьевой? К этому времени закончился НЭП, большевики «срывали маски», а эта женщина столь неосторожна в своих визуальных высказываниях, что создается впечатление о существовании некой параллельной социальной реальности, в которой не было голода, не было приписывания к классу, не было страха, не было ощущения неловкости за непролетарское кокетство и совсем уж непролетарский разрез на платье. И вообще, этой среде было наплевать на раненую «антимещанским комплексом» уже советскую высокоую культуру.

Семья этой провинциальной *la femme fatale* относилась к мещанскому сословию старой Самары. Ее дядя был парикмахером и держал собственную парикмахерскую. Тетка была замужем за приказчиком больших мануфактурных магазинов. Другая тетка работала кухаркой в доме фотографа Владимирова, а ее дочь – там же горничной. На всех семейных фотографиях представителей этого социального слоя видно некое городское щегольство хорошего тона.

У Клавдии Григорьевой была сестра Мария, вышедшая замуж за Сергея Егорова, моего прадеда, служащего Самаро-Златоустовской железной дороги. Заслуживает внимания фотография Марии Григорьевой, датированная 1924 г., на которой она изображена в образе дамы эпохи романтизма. Только что закончилась Гражданская война. Наступил НЭП. «Граждане нового революционного государства из всех сил старались усвоить и улучшить доступную им классовую идентичность. Они учили новый публичный классовый язык» [Фицпатрик, с. 47]. Однако в этих условиях «повсеместная драматическая самопрезентация» [Там же, с. 23] была связана не только с необходимостью выбрать спасительную социальную маску, но, как мы видим из стилизованной фотографии М. Григорьевой, мещанский «бидермайер» толкал барышень этого сословия и в новой советской реальности на «романтизм, не отрывающийся от земли» [Современная энциклопедия]. То есть они пронесли свой дореволюционный «бидермайер» или «мещанский вкус» в советскую эпоху. И таким образом, революция мещанству не страшна.

Увлечение нарядами свойственно, безусловно, представительницам самых разных социальных страт. Под мещанским же вкусом понимается, как правило, «безвкусица», «дурной тон», «дешевка» или, говоря современным языком, китч. «Китчем можно назвать произведение, когда его автору недостает тонкости, вкуса, образования, воспитания...» [Современная энциклопедия, с. 424]. На наш взгляд, очередная фантазия на тему вкусовой реальности Российской империи, выраженной в ущербности мещанской визуальности, «застрявшей» между высокой культурой и народной традиционной, в определенной степени также и высокой и глубокой, не позволяет проникнуть в проблему мещанской идентичности, удивительно живучей, так как сразу же после завершения советского периода отечественной истории вкус обывателя вновь вернулся все к тем же мещанским ценностям, с которыми так усиленно боролись как русская интеллигенция, так и советская власть.

Следует отметить, что самое трудное в реконструкции мещанского текста заключается в необходимости «продираться» сквозь «иконграфию». Даже переписывая письмо Олимпиады Леонтьевны, в какой-то момент я поймала себя на мысли, что передо мной – типичная «торгашеская» психология, а упоминание «болгарки» навело на думы о «спекуляции».

Таким образом, жизнь в условиях «конструирования» новой души не касалась бывших мещан, как не касались их все подобные вопросы в дореволюционный период. В состоянии перманентной забывчивости это был фактически палимпсест, на который каждая власть наносила свой рисунок, а «первоначальной надписи» в таком состоянии было удобнее жить на «пергаменте» «большой истории». Но тем тяжелее задача историка. Любой текст всегда кем-то создан. Столько уровней кодировки первоначального знака, каким мещанство придумала в конце XVIII в. Екатерина II для русских городов и каким оно реализовалось в жизнь в результате «Жалованной грамоты городам», требуют работы на уровне гиперпалимпсеста (термин, введенный А. Зализняком для Новгородского кодекса), то есть снятия многочисленных слоев искажений, отделяющих частную жизнь и массовые бессознательные движения мещан до и после революции от интерпретатора – историка.

Абрамов Я. Забытое сословие // Наблюдатель. 1885. № 1. С. 269–303.

Абрамов Я. Мещане и «город» // Отечественные записки. 1883. № 3 (Т. 267). С. 1–21.

Акуратов Б. С. Феномен мещанства в российской общественно–политической мысли и политической теории : дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2002.

Бухараев В. М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Соц. история : ежегодник. М., 2000. С. 19–33.

Войнаровская Ю. В. Население малых городов Поволжья в 1921–1936 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара. 2009.

Ган И. А. О настоящем быте мещан Саратовской губернии // Труды комиссии, высочайше утвержденной для пересмотра системы податей и сборов. Санкт-Петербург, 1866. Т. 1. С. 114–118.

ГАРФ. Ф. 1779 (Канцелярия Временного правительства).

ГАСО. Ф. 94 (Саратовская городская мещанская управа).

Дружинин Н. П. Мещане, их положение и нужды. Самара, 1917.

Дружинин Н. П. Мещане и земельный вопрос. М., 1906.

Каплуновский А. П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этно-историческое исследование) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.

Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М., 2008.

Лотман Ю. М. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 353–364.

Лотман Ю. М. О русской литературе классического периода. Вводные замечания // Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 380.

Литературное наследство. Т. 70: М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963.

Миронов Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.

Московские губернские ведомости. 1917. № 46–48.

Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015.

Протоколы, труды и резолюции Второго Всероссийского съезда представителей Мещанских Обществ и Союзов, состоявшегося в Москве с 23-го по 26-е августа 1917 г. Рязань. 1917.

Рылкин М. Роман с фотографией // Р. Барт. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М., 2011. С. 216–261.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003.

Саратовский вестник. Саратов, 1917. № 128–198.

Саратовский голос. Саратов, 1917. № 104–187.

Современная энциклопедия. Мода и стиль. М., 2002.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

ЦИАМ. Ф. 5 (Московская мещанская управа).

УДК 94(470.344).084.6:37.035.4

П. Н. Матюшин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
МОЛОДЕЖНОГО СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТРАНЫ
в 20–30-е гг. XX в.:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ**

В статье рассмотрены формы и методы влияния на молодежное сознание в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Советским государством в рамках реализации концепции «нового человека». В основу анализа положено рассмотрение влияния государственной идеологической политики в стенах высших учебных заведений Чувашии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: молодежное сознание, история СССР, концепция «нового человека», историческое мышление, Чувашская АССР.

Изучение общественного сознания общества в условиях длительной трансформации и модернизации является одним из перспективных направлений развития не только истории повседневности, но и изучения особых форм взаимодействия государства и общества в истории человеческого общества. Особый статус в этом взаимодействии, несомненно, играет изучение роли молодежи и особых форм молодежного сознания в контексте социально-политического развития страны. Молодежь, обладая специфической формой психического развития и восприятия норм государственной политики, по-своему транспонирует и превращает в субкультурные формы общегосударственную систему ценностей и даже государственную идеологию. В этом отношении важен период 1920–1930-х гг., когда в советском обществе происходила тенденция формирования и внедрения политики создания «нового советского человека», человека «отрванного от революционного прошлого и не пережившего ужасов Гражданской войны», чье познание «революции» было несколько иным, отходящим от канонов исторического материализма и «Краткого курса истории ВКП (б)». К тому же молодежное сознание по-своему мобильно реагировало на социально-экономические условия, изменения в социально-культурном плане и все эти изменения также переводила в социально-политическое поле своего мировоззрения. Таким образом, можно говорить о том, что в исследуемый период молодежное сознание попало в жесткие тиски естественного молодежного эгоцентризма и политического нигилизма, с одной стороны, и государственного-идеологического диктата – с другой.

Стоит отметить, что комсомол как руководящее и центральное молодежное объединение в стране в рассматриваемый период попал в весьма специфический «коридор» между центральными органами власти и молодежной средой. Четко и неукоснительно выполняя директивы ВКП (б) и тем самым снижая долю маневренности и гибкости в осуществлении внутренней политики, руководство комсомола тем не менее пыталось скоординировать цели и задачи комсомольского движения.

Можно с уверенностью говорить о том, что со второй половины 1920-х гг. эта координация практически сошла на нет. Подмена самостоятельного пути развития комсомольской организации генеральной линией партии, краеведческого образования – «Кратким курсом истории ВКП (б)» и т. д. все глубже втягивала молодежь в орбиту внутривластного репрессивного курса Советского государства. Уже в конце 1920-х гг. при обсуждении итогов «Артемовского» и «Смоленского» дел в руководстве областных ВЛКСМ, бюро ЦК ВЛКСМ вдруг в резолюции делает вывод о том, что «обсуждение Шахтинского дела проходит мимо комсомола. Ограничились рабочим митингом. Шахтинское дело не использовано для сплочения рабочей молодежи вокруг комсомола, увеличения его рядов, повышения роли молодежи в производстве. Есть факты, когда рабочие спрашивали комсомольцев о причинах очередей за хлебом. Комсомольцы не знали, что ответить. Вопросы о хлебозаготовках и хлебных затруднениях в комсомольской организации не разъясняли» [ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 748. Л. 47 об.]. Предостережением прозвучали слова председателя ЦК ВЛКСМ Косарева о том, что «не только перерождаются некоторые рабочие, но что к нам залезают прямо чуждые элементы, которые будут стремиться замести следы своих грязных дел» [Там же. Л. 57].

Молодежный актив первичных парторганизаций интересовался политическими процессами в стране. Так, по итогам XII Чувашской областной партконференции комсомола на собрании были заданы следующие вопросы: «Есть ли у оппортунистов сторонники в низовых ячейках? С какого времени и как работает чувашская оппозиция? Связь оппозиции с лидерами империализма? Не думают ли они уезжать за границу и на какой стороне будет оппозиция в случае военной опасности? На каком вопросе разошлась оппозиция? Где работают в настоящее время оппозиционеры?» [Там же. Д. 776. Л. 16].

Но, несмотря на все попытки усиления просветительской работы, все чаще в отчетах звучали мнения о том, что комсомольцы не понимают сущности классовой борьбы. Проблемы можно искать и в качестве

пропагандистов, которые «еще не научились связывать историю партии с историей СССР. Наши пропагандисты не умеют показывать политическую и экономическую обстановку соответственного исторического периода, не умеют показывать, отражением каких классовых сил являлись те или иные антипартийные фракции и группировки» [ГАСИ ЧР. Д. 1017. Л. 13]. Также указывалось, что «еще редкостью является, чтобы пропагандисты ясно и правильно разъяснили ту или иную тему. На занятиях в кружке по истории партии в Норусове на вопрос слушателя “что такое централизм?” пропагандист ответил, что “это элементы, которые болтаются в середине ни туда, ни сюда”. Или слушателя кружка “Автогужтреста” на вопрос “в чем особенности февральской революции и что такое двоевластие?”, ответил: “С одной стороны власть советов, с другой – мелкая буржуазия”. Там же сказано, что Советы после февральской революции хотели свергнуть Временное правительство и захватить власть в свои руки» [Там же. Д. 225. Л. 21].

Привлечение к широкому обсуждению материалов уголовных процессов над заговорщиками группами также иногда имело обратный эффект. Так, в конце 1928 г. была вскрыта подпольная организация в Алатырской ШКМ. В ходе расследования выяснилось, что причинами возникновения группы явились грубое отношение агронома и заведующего к ученикам и непосильные работы на земельном школьном участке. В качестве еще одной причины называлось слабое руководство РК над школьной ячейкой.

Братская организация всю работу проводила подпольно, у нее был свой план (программа), который включал: «1) Возбудить ходатайство перед администрацией о рационализации работы между I и II группой по дежурству. 2) Если администрация будет угрожать по этому вопросу об исключении из членов – всем членам встать на защиту. 3) На собраниях выступать дружно, в случае отказа голоса – собрание бросать и уходить. 4) Вести агитацию среди учащихся, не выявляя эту организацию, чтобы они были организованным между собой» [Там же. Д. 753. Л. 120].

Один из областных руководителей агитпропотдела Кузнецов И. Д. отметил особое место молодежи: «Нам понятно, что враги всегда делали упор на молодежь и находили почву среди малозакаленных масс, которые за своей спиной не переживали трудности Гражданской войны. Эти враги ищут выгоды среди молодежи и воспользуются слабостью идейно-политического воспитания» [ГАСИ ЧР. Ф. 1110. Оп 1. Д. 11. Л. 18].

В апреле 1934 г. при обследовании Чувашского сельскохозяйственного института в итоговом отчете было упомянуто, что «группа комсо-

мольцев издевалась над вождем т. Сталиным. Один из комсомольцев выступал на уроке политэкономии и сказал, что у нас нет своей техники, мы только используем буржуазную технику. Группа из трех комсомольцев протаскивали антисоветскую теорию об устойчивости лично-крестьянского хозяйства, а один из них – занимался анекдотами против Сталина» [ГАСИ ЧР. Ф. 1114. Оп 1. Д. 3. Л. 135–36].

Таким образом, в сознании молодежи, вступавшей в борьбу с идеологическим натиском большевиков, формировались устойчивые шаблоны восприятия действительности. Они служили формой адаптации к социально-политическому климату в стране. Следует отметить, что иногда эта адаптация носила протестный характер, закладывая основу будущих социальных трансформаций.

Государственный архив современной истории Чувашской Республики. (ГАСИ ЧР). Ф. 6 (Обком комсомола Чувашской АССР); Ф. 1110 (Чувашский государственный педагогический институт); Фонд 1114 (Чувашская сельскохозяйственная академия).

УДК 94(47).084

D. Shlapentokh

CRIME, RUSSIAN REVOLUTION AND THE ORIGINS OF THE SOVIET REGIME

В современной западной интерпретации революция обычно означает переход от одного социально-экономического и политического порядка к другому. Однако в некоторых случаях революция ведет к общей социальной деградации и росту преступности. Именно это имело место в годы Русской революции(ий) и Гражданской войны (1917–1918). Усиление большевистского террора и последующее тоталитарное окостенение общества было, по крайней мере отчасти, следствием этой деградации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Русская революция, советский режим, советское общество, Красный террор, преступность.

The word “revolution” literally means “rotation”, and in the premodern past it indeed was nothing but the change from one dynasty to another. “Revolution” had acquired its present-day meaning only after the French Revolution. At that time, “revolution” became a change in social or political

systems. The word “revolution” also acquired a rather positive meaning in most of the writings about revolution. Therefore, those who define the Bolshevik takeover as “revolution” usually look at it positively. Those who talk about the “Bolshevik coup” see the events in mostly a negative light. The vision of revolution is also implied, at least in most Western narratives, a liberation from oppression. Consequently, those who deal with revolutions always call the events in France from 1789 to 1794 as the “French Revolution”. Still, practically no one among Western scholars called what happened in Germany in 1933 the “Nazi Revolution”, albeit from a formal point of view it was indeed a modern revolution, which entailed the transition from one political and social order to another. Still, the “revolution”, as the events could not always been seen as a socio-political change, and the old definition of “revolution” as just a change of dynasty could be more appropriate. In this model of revolution, there was not much change of the social-political composition, but it marked a general meltdown, with a rise in crime. The “revolutionary” regime, in such cases, engaged not just in the change of social-political order but became the force which restored the basic order: “revolutionary” and “counter-revolutionary” actions became the two sides of one process. And Hobbes’ explanatory model became as important as Marxism, the philosophy of the Enlightenment, etc. While elements of social breakdown could be seen in any revolution, it became especially strong in premodern/“postmodern” societies. Russia could be here a good example.

The revolution(s) of 1917 were marked by strong pulls for anarchy, social decomposition and a rise in crime. There were several reasons for the rise in crime. First, it was due to the general mentality of Russian peasants, the majority of Russian society; secondly, it was due to the collapse of the monarchy, the forces of not just external restraint, but the anchor of the Ten Commandments. Thirdly, it was the hardships of WWI, and the revolution which pushed many Russians to follow the criminal road just to survive.

The West and criminal mentality

Those who study Russian popular lore could easily find the glorification of crime and criminals. These glorifications of the criminal and romanticized image of criminal life was certainly not specific to Russian history. It had been a part of Western European tradition for quite some time. It was common to European traditions throughout the Middle Ages and was resurrected somewhat in the mind of the Western European intellectuals during the Romantic period. Still, by the modern era, the praise of the criminal element had ceased to be popular among European society, and Western society in general.

It is true that the image of successful bandits as peculiar revolutionaries/ avengers of the populace's misery, or plainly as daredevils who succeeded against all odds, continued to be popular in the West. This image continued to fascinate Western historians, writers and movie producers. Still, these images have nothing to do with reality and the general attitude of the average citizen of modern Western society. They are the mirror image of reality. They show not what really exists, but its opposite. They could well be compared to erotica, or often openly pornographic images, which are common in American culture. Still, they informed not much about real life, but what is actually opposite to it. Real, not imaginary, American life is quite restrictive, and even prudish in anything related to actual sexuality. The same could be said about the image of criminals/bandits. It is mostly a mirror image of the mentality and behavior of the average Caucasian Westerner. The abhorrence of criminal behavior was caused by the socio-economic realities of modern capitalism.

Indeed, the development of capitalism had finally shored up the concept of private property as the sacred backbone of society. The embracement of private property fit in well with the acknowledgement of human rights and political liberties, and the universalization of the Ten Commandments. Certain acts – e. g. taking someone's property for private benefit – became negative, regardless of the relationship between the persons – and some of the basic elements of social interaction became axiomatic for people, regardless of their political beliefs. These ideas in their various degrees were not only espoused by the elite, but deeply internalized by the majority of populations. This was precisely what Russia was lacking and was the primary reason why the criminals were regarded by the populace as the existential model, indeed an example to be followed.

Russian peasants and Westerners: different mentalities and behavioristic models

Russian peasants with their particular mentality constituted the bulk of Russian society. This mental mindset was shaped by the Russian historical tradition. It would be wrong to regard peasants as “immoral” in comparison to “moral” Westerners. Moreover, many Russian peasants, as well as other people of “premodern”/“postmodern” society would regard Westerners, and actually people from the Russian cities, already living according to the capitalist model by the late 19th century, as “immoral”. A peasant would note, for example, that Westerners could be polite, smiling and sharing food and drink with peasants. Still, this would not prevent them from taking advantage of the peasants. He would also note that what he, the peasant, regarded as sacred ties

of friendship, community and blood relationship, play little or no role for Westerners. In short, Westerners were sly, deceptive and implicitly morally “rotten” – the idea well-developed by XIXth-century Slavophiles and, of course, not only them. For Westerners, however, Russians had no respect for formal contractual obligations. This difference in perspective was due to the fact that Russian peasants, even in the beginning of the 20th century, still lived in patriarchal/premodern conditions. Most of them, even after Stolypin reforms, were not landowners, and mostly regarded the formalities of law as being imposed on them by officials; the people with power who demanded not just following these legal abstractions, but also taxes and military service. Neither law nor these obligations were actually internalized by peasants. It would be wrong, however, to assert that Russian peasants saw in crime, and actually society, without strong authority as quite a positive phenomenon. Actually, the love for license had co-existed in the peasant mind with absolutely different feelings: fear of lawlessness and anarchy. Thus, he both craved criminal license as an opportunity to enjoy life – e. g. property, women, liberation from any social obligations – and, at the same time, loath to experience it for he could not be just a successful criminal, but also the victim of crime. Still, this fear of crime and anarchy emerged only at the end of the process, whereas in the beginning of upheaval, he usually believed that he could well benefit from it. Thus, in the beginning of the revolution, peasants and soldiers, “peasants in uniform”, regarded criminal license as mostly an opportunity. And peasants’ anti-legalistic/criminal mind manifested itself and was clearly related to little sense of private property and, therefore, legalistic web which made private property possible.

Russian conditions and criminal behavior

Russian peasants had not developed strong feelings for private property, plainly because they were not the proprietors of their major commodity – land. Indeed, peasant communes, with their periodical land redistributions, continued to exist until the very end of the tsarist regime. And this was one of the major reasons why law and, in a way, the Ten Commandments in their universal application, did not hold much ground in peasant society. This led to basic rejection of the idea of private property or at least in its Western application. One should point out that this disregard for private property was not an exclusively Russian phenomenon. It was an essential element of any country of the premodern era. Still, in the West, after the entrenchment of capitalism, private property became a sacred cow. This was not the case with Russia. It would be wrong to state that the disrespect for private property and related

disregard for formalities of the law were always seen negatively. Indeed, it was often seen as a blessing for quite a few Russian intellectuals, from the Slavophiles to the Populists, who saw in that attitude a source of Christian self-negation and socialist propensities, as well as the general broadness of the Russian soul with its abhorrence of material goods. There were some good points in this vision of the Russian national psyche; one should remember here that the peasant characteristic/mentality had a lasting impact on some segments of the elite and especially Russian intelligentsia, which had also despised property, accumulation of wealth, and legal formalities in general. These qualities were often admired by Westerners.

Still, there were a number of negative repercussions of this disregard for private property. With this rationale, the restraints prohibiting the peasants from taking property belonging to others, those who were not a part of their household or peasant commune, were viewed as artificial by their very nature. The restraints were not internalized but rather rejected by the peasantry, and it was often only the power of the state which prevented them from engaging in criminal behavior. Indeed, the police were to prevent them from taking the belongings of others. The peasants' desires to appropriate these effects did not always translate into a desire to "socialize" the goods, i. e., to bring the property to the commune and live in the commune. The drive for appropriating property actually often had nothing to do with an attempt to change one social system into another, but simply to eliminate what peasants regarded as artificial social constraints. There was also a glorification of the criminal way of life. The successful bandit became viewed as the new popular hero and life in a criminal gang as the happy life in an almost ideal society. The successful bandit was also seen as revolutionary, for he liberated the masses from their repression, in this case from the restraints of the larger society. The revolution and the final liberation could now be viewed as the triumph of criminality. While this view did not completely dominate the popular psyche, it was an important part of it and coincided with other images. Given these convictions, it was not surprising that the Russian populace cherished the image of Sten'ka Rasin, who from some perspectives was nothing but a triumphant bandit. As a matter of fact, his image as the leader of the peasant rebellion was not separated from the reputation of his successful looting expeditions.

With their predisposition to criminal behavior, which visibly increased with the end of serfdom in 1861, the czarist regime was a powerful check on peasants' criminal behavior. The role of the Tsar was manifold. He was the leader of the state and its repressive machinery. Still, he was more than that. As I noted, peasants, as other people of premodern/postmodern societies, usually

compartmentalized the Ten Commandments. They regarded as their sacred duty to help members of the same peasant commune and were ready to sacrifice their very lives for kin or friend. At the same time, they could well ignore or prey on those whom they regarded as outsiders. Still, this model, as any model, could not address the complexity of societal relationships. The sense of universality of the Ten Commandments in the peasant mind was weak, or at least fragile. Still, the notion existed, due to the presence of church and the “little father” – the Tsar, to whom all members of Russian society were “children”. All of them constituted a peculiar “family”, which entailed a sort of mutual obligation for all “family” members. The Tsar was the very fulcrum of Russian society; at least this was the case for peasants. Consequently, the collapse of the monarchy was for them not just the collapse of a certain political order, but order in itself.

The end of monarchy and collapse of order

It would be an oversimplification to see the collapse of authority as the simple shifting of ideological paradigms from that of the monarchism to liberal capitalism and then to radical socialism. Indeed, for many people, World War I and the revolution, signaling the end of the sacred institution of the monarchy, implied, to use one of Dostoevsky’s expressions, that “there is no god; therefore everything is permissible”. In 1917, even some liberals, who believed that Russia should follow the road of the West much more so than others in Russian society, understood that at the beginning of the century, Russia could not be held together simply by the rule of law, as was the case in the West.

Paul Miliukov, the leading liberal politician, was one man with such a view. He was aware that Russia was not a legally bound *Gesellschaft* society, but rather a *Gemeinschaft* society: a society based on unwritten, yet internalized laws. In the sacredness of the monarchy, it was believed that the “little father” kept the country together. Miliukov undoubtedly understood that the power of the monarch as a cementing force of Russian society was being reduced both by the continuing process of Westernization, as well as by political upheavals. The Tsar, a God-anointed charismatic leader, was still a part of the Russian statehood and the end of the czardom would be disaster. It would not transform Russia into a democratic republic, but would unleash anarchy on the land. This was the reason why Miliukov urged Mikhail, Nicholas’ brother, to take the crown. According to contemporary accounts, Miliukov’s address to Mikhail, while not cohesive in speech, was very passionate in voice: “If you refuse ...

your highness ... it would be disaster. Because Russia ... Russia is losing ... her backbone ... The monarchy ... this is the backbone ... the only backbone of the country ... the Russian masses, around what ... around what would they assemble themselves? If you reject this ... it could be anarchy ... chaos... a bloody mess ... Monarchy – this is the nucleus ... the only substance which everyone knows ... This is the only commonality to Russian citizens ... the only meaning of power ... in Russia ... until now” [Shul’gin, p. 538]. The feeling imparted here is certainly that the end of the monarchy was nothing less than the end of the entire value system and the state itself [Svetlanin, p. 59]. It was not just the end of tsardom as the framework for societal existence, but the collapse of its major institutions and economic fabric. First, the army collapsed.

Army and spread of crime

The beginning of WWI had originally led to a great upsurge in patriotism and the desire to fight for country and tsar – the country’s very symbol. And here Russia was not very different from other countries engaged in the war. This great enthusiasm, however, subsided as the horrors of war increased, and here again Russia was not very different from other countries engaged in the war. Still the army basically held its ground through 1914–1917, despite several serious defeats. General Brusilov’s successful offensive indicated this. Still, the February/March Revolution apparently led to a dramatic change. The present-day Russian historiography, at least as it manifested itself in the works of Russian journalists, blame the Bolsheviks for the problems. They were agents of foreign influence (*agenty vlianiia*), fifth columnists, people foreign to Russia and obsessed with their artificial theories on how to change Russia and the world. They stabbed Russia in the back and snatched victory which had been near.

This theory looks quite similar to those which circulated in German society after the country’s defeat in WWI. Still, a close look at events indicates that the Bolsheviks’ role was rather marginal. The end of tsardom, the system which had held society together, at least as it was seen by soldiers, “peasants in uniform,” was the major problem. In addition, the hardships of the war, abolition of capital punishment as well as “Order 1”, which introduced “election” of officers, also played a role in the disintegration of the army. Retreating troops became marauding hordes which engaged in all types of outrages. Desertion became a mass phenomenon and armed deserters often became bandits. The disintegration of the army was not the only reason for the rise in crime, especially violent crime. There were also the economic problems.

Economic problems and crime

The general disintegration of the country's economy threw millions of workers into the streets. Some of them went to the countryside, while others could find nothing to do. They were very bitter and lost belief in any political creed. They shed their political affiliations to any institutions. There were also quite a few who interpreted the socialist slogans of Bolshevik leaders as a license to steal. They took the idea of the distribution of the national wealth literally – by their own hands. Their views on life might be represented by the attitudes of some of the workers of post-Soviet Russia who found that they were actually deceived by the post-Communist leaders. In fact, while they blamed all workers' problems on the party bureaucracy, the victory of the party's opponent brought them even worse misery and many of them feared losing their jobs. In their anger, they sought to participate in the robbery of the emerging post-Soviet *nouveau riche*. One of them made his point clear enough to a correspondent of the newspaper: "This means that we are working for the fellows from the business. If the mine will be closed, we will go to rob garages and apartments. If the life of the people will not be again normal, this is quite possible" [Komsomol'skaia Pravda].

In the condition of general lawlessness, especially strong in the beginning of the Revolution and Civil War, the criminal and semi-criminal way of life became appealing, not just for a considerable segment of the *hoi polloi*, but even for members of the tsarist elite and intelligentsia, at least those who were able to survive.

Predominance of criminal ethos

The general chaos and sense of all permissiveness had strongly affected all segments of the population. Still, it was the masses, especially the peasants and deserting soldiers, who became especially affected by the new conditions. As was already noted, the criminal behavior was integrated in the peasant mind together with the opposite drive – the fear of anarchy, and the desire for strong power. For many peasants and soldiers, criminals indeed emerged as the manifestation of a role model. In the eyes of quite a few of the representatives of the Russian populace, the revolutionaries were glamorized just because they were successful bandits. A. Vetlugin, the talented émigré writer and a witness and participant in the Civil War, asserted that the very reason why the populace had not followed the liberals and anti-Bolsheviks was because these intellectuals did not conform to the peasants' propensity for stealing, and as such did not live up to their image of success. Indeed, the liberal intellectuals of pre-revolutionary Russia were often students. "The science

of the student, teacher was wrong, boring science. He taught that it was prohibited to steal – ‘these are not yours!’ He knew everything, but his boots were worn out and he had patches covering holes in the seat of his pants” [Vetlugin, p. 389]. In contrast to the poor student, the revolutionary sailor, the representative of the new authorities, enjoyed greater popularity among the peasants. The reason was simple. The sailor was the perfect image of the successful bandit and his story promised to the masses the perfect, happy criminal life. This was indeed what many of them considered the revolution to be all about: “The sailor was well made and ruddy, he had a diamond ring, a gold cigarette case, lacquered boots, he measured *kerenky* by *arshins* and instead of eating flower seeds he smoked ‘Gala Peters.’ He started his life by killing the priest and legitimizing promiscuity. This was indeed a real lesson!” [Ibid].

While in this appraisal of the sailor, one could argue that for all of the love the populace had for the “sailor” as a successful bandit, they also respected him as some crude representative of the new social justice. Indeed, the same could be said about the popular images of such personalities as Stepan Rasin. This was undoubtedly true in many cases. Yet there is evidence that the populace had an affinity for criminals just because they were successful. They loved the sailors and at the same time were attached to the image of the revolution as a social phenomenon which would liberate the populace from any social obligations of any kind. The prospect of liberation was the most important for the peasants and was often in no way connected, even in the most vague way, with the actual revolutionary forces. Interestingly, the populace had an attachment not only to the revolutionary sailor, the pure symbol of Soviet power, but equally so to the speculator, the “bag man” who was strongly at odds with the same Soviet power. Elaborating on the image of the speculators in the mind of the populace, Vetlugin wrote the following: “The railroad became the center of attention. The people who move along it were similar to the careless birds of the sky. They were not afraid of the famine, they drank and ate as much as they wanted, had beautiful women for making love, played cards and had one job – to ride the railroad. The ‘speculator’ (*‘piskuliant’* – corrupted in popular parlance the word *‘spekuliant’*) became the beloved hero of the Russian people...” [Ibid., p. 388].

The criminalization of the value system affected not only the populace, but the representatives of the upper classes as well. Many of them had joined the masses in their lifestyle and mentality because of the hardships of the revolution and war. While some of the upper class members were able to preserve their old values, although living the life of the masses, this was not always the case. Many became absorbed by the popular psyche and started to share

the views of the masses, complete with their visions of the successful criminal as hero. The criminalization of their minds, so to speak, moved some of them closer to the Soviet system, for the members of the system were regarded first of all as successful criminals. This was especially the case for the youngsters of the upper classes. Vetlugin provided the following portrait of one such youngster, his relative, a hawker in one of Moscow's flea markets: "Despite the absence of adequate merchandise, the toughness of character and the assortment of obscenities, put my Moscow nephew in the forefront of the salespeople of Trubnyi market ... The young salesgirls (the ex-students of the Smol'nyi institutes, the schools for the upper class women in imperial Russia) keep their eyes on him and demonstrate to him the nature and the art of love making absolutely free of charge. With the local member of Cheka he enjoys the most friendly relationship and often visits Lubianka (Secret Police headquarters in Moscow) to drink tea and eat the white bread brought by the relatives of those who were executed. A long time ago he broke away from the bourgeois morality and could steal with extraordinary skill a loaf of bread or chunk of lard from the absent-minded peasant. He was not yet engaged in murder, he only watched with adoration the deeds of certain Sen'ka, the guardsmen who robbed the *Bogorodskoe* treasury. He did not attend school. The hours of the school day conflicted with the busiest market time" [Ibid., p. 12].

It was not just children from the upper and middle class who became enticed to be part of the underworld. This was also the case with adults. In the new society of social and moral uncoupling, it became plausible for a person "from a good family", a person with a respectable middle-class background, to be the leader of a gang of criminals. [Novyi Vechernii Chas]

The spread of crime, especially in the beginning of the revolution and Civil War, was structurally similar to what would happen in the country in the future. Indeed, to some degree this situation also manifested itself in Soviet Russia under Gorbachev, when the rapid changes in the political values led to an existential vacuum of sorts, and this vacuum coupled with the weakening of the state led to a rise in crime since the beginning of Gorbachev's reforms [Sovetskaia Kul'tura].

Response

The spread of criminality and similar behavior does not necessarily lead to the powerful response from the state. Disorder could lead to a variety of solutions. One of them was the institutionalization of banditry, and the emergence of hierarchical structures of criminals who, in the process, would create an alternative social order. This was, for example, the case in the Middle Ages,

which followed a centuries-long period of chaos and criminality. The hierarchical feudal order, based on protection and patronage in exchange for goods and services, looks surprisingly similar to what emerged in the late Yeltsin/early Putin Russia as an elaborate and hierarchical structure of “roofs” (*krysha*).

In the case of the early Bolshevik regime, the model was different. It is true that the repressive machinery of the state could sometimes collaborate with criminals and/or incorporate them into their midst. Still, the preferred model was different. Criminals, especially violent criminals, were, in most cases, mercilessly exterminated by the Red Terror; their fate, of course, was not different from that of the real or imaginary political enemies of the regime or those social groups which the regime also regarded as dangerous. Therefore, one could assume that crime and social decomposition in years of revolution and civil war played an important role in upholding the country’s political culture when strong power is the only guarantee of basic order.

Shul’gin V. V. Gody. Dni, 1920. Moscow, 1990.

Svetlanin A. Vospominaniia o revoliutsii // Posev. 1987. № 6. С. 61–63.

Komsomol’skaia Pravda. 1993. 12 August.

Vetlugin A. Tret’ia Rossiia. Paris, 1922.

Novyi Vechernii Chas. 1918. 18 February.

Sovetskaia Kul’tura. 1989. 21 December.

УДК 94(47).084.3/.084.5+329(47+57)

С. А. Шмелев

БЫТ КОММУНИСТОВ ЭПОХИ НЭПА И ВОПРОСЫ ПАРТИЙНОЙ ЭТИКИ

Статья посвящена проблеме формирования нового быта коммунистов в период реализации новой экономической политики и вопросам партийной этики, ставших актуальными в связи усилением мелкобуржуазных интересов и угрозой разложения партии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: новый быт, партийная этика, «болезни» партии, партийные контрольные комиссии.

С началом строительства социализма в СССР в 1920-е гг. повседневная бытовая жизнь людей, в прежние времена складывавшаяся стихийно и находившаяся во власти обычаев и традиций, попала в сферу

целенаправленного государственного регулирования. Государство не только диктовало способ производства материальных благ, но и пыталось определять формы быта, где происходило потребление произведенных благ. Формирование нового быта стало частью социально-экономической политики большевиков, проводимой в рамках реализации проекта глобального переустройства общества на коммунистических началах.

Коммунистическая модель «нового» быта противопоставлялась индивидуальному «старому» быту как сфере личного пространства, личных интересов. Погружение в личный мир воспринималось как угроза общественным интересам. Кроме того, в марксизме сложилось убеждение, что индивидуальное домашнее хозяйство отличается крайней неэффективностью, примитивностью и является пустой тратой времени. Большевики считали, что традиционную форму индивидуального быта необходимо заменить новым, коллективным, бытом, который станет отраслью народного хозяйства.

Перестройка бытовых отношений осуществлялась под лозунгом «борьбы за новый быт» и охватила все сферы повседневной жизни: поведение в быту, семейные отношения, воспитание детей, домашнюю обстановку, приготовление пищи, уборку квартиры, стирку белья, внешний вид, одежду, манеры, прически, проведение досуга, праздники, развлечения, чтение книг, религиозные обряды, употребление алкогольных напитков, круг общения, выбор друзей, обычаи, традиции, привычки и многое другое, что составляет содержание частной жизни.

Борьба за новый быт осуществлялась на основе дифференцированного подхода с учетом особенностей следующих групп населения: коммунистов, рабочих, женщин, молодежи. Особую сложность представляла перестройка быта крестьян и нацменьшинств, поскольку работать приходилось в большинстве своем с неграмотными людьми, лишенными элементарных навыков культуры в повседневной жизни, находившимися в сильной зависимости от вековых традиций.

Для каждой группы населения ставились свои задачи, вырабатывались определенные формы и методы работы, учитывавшие социально-классовое положение, возраст, уровень образования, культуры, место проживания, национальную идентичность и другие факторы.

Особенность реформирования быта коммунистов состояла в том, что быт коммунистов изначально оказался связан с вопросами партийной этики.

Значение вопросов партийной этики и связанных с ними вопросов быта коммунистов приобрело особую актуальность в период реализации нэпа. Партия, стремясь обезопасить себя от мелкобуржуазного разложе-

ния и сохранить свою пролетарскую идентичность, инициировала их рассмотрение на своих съездах, конференциях и пленумах. Вопросы поведения коммунистов в бытовой повседневной жизни стали постоянными в повестке дня партийных собраний.

Впервые ЦК обратил внимание на «болезненные» явления в партии в своем письме от 4 сентября 1920 г., в котором указал, что часть ответственных товарищей, занимающих высокие государственные посты, отрываются от партийной работы, от рабочих масс, формально относятся к своим обязанностям, вызывая нарекания со стороны рабочих. Особо обращалось внимание на «материальное неравенство в среде самих коммунистов», которое создавалось «злоупотреблением своей властью» со стороны ответственных работников, устанавливавших для себя и своих близких большие привилегии [Сольц, Доклад, с. 129].

22–25 сентября 1920 г. состоялась IX Всероссийская конференция РКП (б), на которой, как отметил А. А. Сольц, «первые большевики заговорили об этике. В течение всей своей борьбы они никогда не говорили о ней. Почему это получилось?» [Сольц, Из отчета, с. 141].

Выступая в марте 1922 г. на XI съезде РКП (б) с отчетом ЦКК А. А. Сольц указал, что элементы разложения неизбежны в партии, имеющей в своих руках всю полноту власти в виде диктатуры, так же, как неизбежны злоупотребления этой властью в эпоху чрезвычайной нужды [Там же, с. 141].

На конференции было принято решение о создании Контрольной комиссии, которая бы принимала жалобы на членов партии и разбирала их, вступая в соглашение с ЦК. Специальные партийные комиссии создавались при всех губкомах и были обязаны рассматривать все жалобы [КПСС, с. 302].

Наиболее сложным оказался вопрос о критериях оценки поведения членов партии, в соответствии с которыми можно было бы определять, что можно, а чего нельзя делать коммунисту, на основании которых контрольные комиссии выносили бы соответствующие решения. Его обсуждение длилось на протяжении нескольких лет, но так и не нашло окончательного разрешения. По схожим делам контрольные комиссии зачастую выносили противоположные решения.

О «разбросе» решений можно судить на основании дел, рассмотренных Самарской ГубКК в 1925 г. Так, в отношении И. А. Шишикина, обвиняемого «в принятии причастия и венчании в церкви», было принято решение об исключении из партии [Там же. Л. 6]. А в отношении И. С. Линькова, обвиняемого в пьянстве, варке самогона и крещении ребенка, комиссия объявила строгий выговор [Там же. Л. 153].

Отсутствие единых критериев сильно осложняло работу комиссий. II пленум ЦКК РКП (б), состоявшийся 3–5 октября 1924 г., выработал «Указания пленума ЦКК о подходе контрольных комиссий и отдельных членов партии к отрицательным явлениям в партии». Партия предъявляла «к членам и кандидатам партии определенные требования в повседневном быту, в своих личных и общественных взаимоотношениях с окружающими» [Указания Пленума, с. 224].

В «Указаниях...» отмечалось, что беспартийная масса рассматривает партию как «застрельщицу в создании новых форм семьи, семейного быта», что «болезни» партии близко соприкасаются с вопросами этики, с вопросами коммунистической морали [Там же, с. 227].

Они содержали перечень основных «болезней» партии и давали им общую характеристику, что могло служить ориентиром в работе контрольных комиссий при оценке поступков коммунистов. Всего в перечне насчитывалось семь «болезней» партии: 1) «взаимоотношения между членами партии» («подсживание товарищей», склока, доносы); 2) «онэпивание» («влияние отрицательных сторон нэпа на членов партии»); 3) «хозяйственное обрастание» (вопрос о том, может ли коммунист владеть собственным жилищем, личным хозяйством, скотом); 4) «излишества» (непроизводительные, необоснованные расходы государственных средств); 5) «пьянство»; 6) «семья» (разводы, неоказание материальной помощи своим детям, многоженство); 7) «пережитки религиозных верований».

ЦКК подготовил специальный циркуляр местным контрольным комиссиям «О содержании информационных материалов в местных КК» от 15.03.1926 г., согласно которому контрольные комиссии, информируя о болезненных явлениях, должны освещать их причины; примеры должны иллюстрировать наиболее распространенные болезненные явления данной организации [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 44. Л. 175]. Помимо этого контрольные комиссии должны были указывать проводимые ими мероприятия по предупреждению болезненных явлений [Там же. Л. 176а].

В тезисах к докладу о партпроверке на V пленуме ЦКК РКП (б) в 1925 г. Е. М. Ярославский отметил следующие типичные ошибки в работе проверочных комиссий: непонимание сути партийной работы; «карательный подход к проверяемым»; «задавание головоломных, ничего общего с политграмотой и партийностью не имеющих вопросов»; «копание в интимной половой и семейной жизни»; непонимание вопроса о хозобрастании; неправильное отношение «к условиям жизни работницы-коммунистки» [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 43. Л. 74].

Среди вопросов партийной этики большую озабоченность руководства партии вызывал вопрос о взаимоотношениях между коммунистами. Конфликты, обострившиеся на почве материального неравенства, выражались в форме склоки, подсиживаниях, доносах и приняли массовый характер. Дело доходило до того, что междоусобная борьба коммунистов, основанная на личной неприязни, зависти, карьеризме, корысти, грозила парализовать работу целых партийных ячеек.

Материальное неравенство в партийной среде возникло в период военного коммунизма, когда была создана система внеэкономического распределения материальных благ, основанная на предоставлении привилегий определенным группам ответственных работников.

Понимая, что полный отказ от системы привилегий невозможен и материальное неравенство членов партии будет существовать, Президиум ЦКК в октябре 1924 г. предложил следующую компромиссную формулу: «Партия должна бороться против таких форм неравенства, которые не вызываются необходимостью и не могут быть оправданы с точки зрения квалификации работы того или другого товарища или обстановки его работы, состояния его здоровья и т. д.» [О партэтике, с. 158]. Партия попыталась создать такую систему привилегий, которая была бы оправдана служебной необходимостью и не вызывала бы конфликты на почве материального неравенства. При этом партия объявила решительную борьбу склокам, подсиживаниям и доносам.

Однако полностью решить эту проблему не удалось. Спустя пять лет после X съезда партии, на II пленуме Самарской ГКК ВКП (б), состоявшемся 12–14 февраля 1926 г., говорилось: «замечается деление на верхи и низы, здесь говорят, что первым – “верхам” все сходит с рук, когда же делает проступок низовой работник, к нему применяется партвзыскание полностью» [СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2074. Л. 17].

Борьба членов партии за более высокое место в иерархии, за отличия, за блага была неизбежной. По этому поводу член Самарской ГубКК Кочин заметил: «Иной администратор-партиец боится выдвинуть рядового товарища, ибо дрожит за свое место, боится, как бы его самого не спихнули» [Там же. Л. 3].

Несмотря на то, что новая экономическая политика создала экономические возможности получения материальных благ, коммунисты не могли ими воспользоваться. Нэп был уступкой в интересах мелкой буржуазии, крестьян. Партия запретила обогащение коммунистов в личных целях. Не имея разрешения партии использовать экономические

способы улучшения своей бытовой, личной жизни, некоторые коммунисты попытались использовать свое служебное положение.

«Онэпивание», «хозяйственное обрастание», «излишества» и растраты были наиболее распространенными «болезнями» партии, связанные с использованием партийцами своего служебного положения в личных интересах.

Борясь с этими явлениями, ЦКК требовала, например, чтобы автомобили и лошади использовались только для служебных целей [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 1. Л. 57]. Кроме того предлагалось систематически проверять документы у водителей машин и пассажиров в ночное время с 12 ч ночи до 6 ч утра, останавливающихся у ресторанов, театров, мест бегов и скачек; выезжающих за город [Там же. Л. 33].

Секретариат ЦКК принял также решение запретить «покупку, наем и омеблирование» за счет учреждений квартир для работников государственных, кооперативных и общественных учреждений. «В особо исключительных случаях и только по Москве считать допустимым аренду в жилищных товариществах квартир для ответственных руководителей и высококвалифицированных специалистов с особого каждый раз постановления Наркомата, в ведении которых находится» [Там же. Д. 4. Л. 28].

Ограничения, устанавливаемые партией, в некоторых случаях на местах понимались как полный запрет на улучшение материального положения коммунистов, хотя это не соответствовало позиции ЦКК. Например, в циркуляре «О допустимости для членов партии постройки и аренды домов» (Приложение к п. 3 протокола № 38 заседания Совета ЦКК ВКП (б) от 17.05.1926 г.) указывалось: «Ввиду того, что перед местными КК поднимается вопрос о допустимости для членов партии постройки и аренды домов и с мест получают запросы по этому поводу, ЦКК ВКП (б) считает», что, когда нет условий для участия коммунистов в жилищной и строительной кооперации, допускается «производить индивидуально или группами постройку или аренду домов», при этом «постройка или аренда домов не должна преследовать целей наживы» [Там же. Д. 45. Л. 130].

В циркулярном указании всем контрольным комиссиям «О помещении членами партии сбережений в сберкассы» (приложение к п. 7 протокола № 44 заседания Секретариата ЦКК ВКП (б) от 31.09.1926 г.) ЦКК разъясняло, что «помещение членами партии своих сбережений в кассы не может рассматриваться <...> как проступок, если источником сбережений служит личный заработок члена партии. Контрольные комиссии не должны поэтому в таких случаях привлекать членов партии к партий-

ной ответственности за помещение сбережений в сберкассы» [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 45. Л. 176].

Секретариат ЦКК дал также положительный ответ по вопросу «О внесении членами партии вкладов в сельскохозяйственные и кредитные товарищества» от 2 ноября 1925 г. Некоторые парторганизации относились «к вкладчикам-партийцам с предубеждением и моральным осуждением». ЦКК указала, что «внесение членами партии вкладов в сельскохозяйственные и кредитные товарищества признается допустимым». ЦКК предупредила, что «КК предоставляется право контроля надкладами членов партии только в исключительных случаях» [Там же. Оп. 3. Д. 9. Л. 111].

Однако здесь возникла другая проблема – «закредитование ответственных работников», которое «стало массовым явлением». Так, например, на 25 апреля 1925 г. по Мосселькредитсоюзу было выдано авансов на 25 041 руб., из них: членам правления 7 593 руб., т. е. 30 % (большинство из них были коммунисты). По кооперативу Нарпит общая задолженность по авансам составляла 10 751 руб., из них членам правления выдано 2 500 руб., т. е. 25 % [Там же. Д. 26. Л. 8].

Иногда дело доходило до полной растраты паевого капитала. Например, на II пленуме Самарской ГКК ВКП (б) в 1926 г. т. Рабинов в докладе «О растратах в кооперации и госорганах и мерах борьбы с ними» отметил, что вопрос о растратах «выплыл только в 1925 г., когда это явление приняло массовый характер» [СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2074. Л. 9]. Член Губсоюза Тихонравов указал: «Паевой капитал по обследованным кооперативным органам равен 130 000, растраты же по ним выявлены в сумме 181 000. Таким образом, паевой капитал растрочен полностью» [Там же. Л. 11]. Представитель ГИКО Резниченко одной из причин растрат назвал «нев्यдержанность работников, которые, видя деньги и находясь в некотором нэповском окружении, не выдерживают и в результате растрата» [Там же. Л. 12]. Вывод говорил о том, что растраты во многом были связаны со стремлением некоторых беспринципных партийцев вести барский, роскошный образ жизни.

Помимо указанных проблем, наиболее актуальной этической и бытовой проблемой являлось пьянство среди членов партии. В своем докладе на совещании членов ЦКК ВКП (б) секретарь ЦКК Е. М. Ярославский указывал, что пьянство «охватывает почти все категории партийных работников от рядовых до ответственных, от молодых членов до старых, прочно связавших свою жизнь с партией. И есть данные, что оно растет по размерам и охвату. По имеющимся апелляциям делам ЦКК видно,

что пьянкой охвачены в некоторых местах целые ячейки и даже районы. Нередко можно отметить поголовное пьянство всей головки укома. Во многих случаях пьянство влечет за собой появление товарищей в пьяном виде на беспартийных собраниях и заседаниях в качестве докладчиков, а часто оно приводит к преступлению по должности, растрате общественных денег и пр.» [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 11. Л. 9–10]. Документы свидетельствуют, что местные контрольные комиссии иногда пребывали в растерянности, не зная, что делать с этими явлениями, и просили помощи у центра. Так, например, контрольная комиссия Симбирской губернии просила прислать представителя ЦКК «в связи с развитием пьянства среди ответственных работников» [Там же. Оп. 4. Д. 84. Л. 1].

Опасность пьянства заключалась в том, что оно вело к деградации личности коммуниста и угрожало разложением партийной среды. В документах ЦКК партии указывалось, что совместные выпивки членов партии вели к образованию кумовских, семейных, обывательских группировок; сближению коммунистов с антипартийными элементами, нэпманами и даже врагами. Кроме того, отмечались случаи, когда пьяные коммунисты своими действиями дискредитировали партию перед беспартийными массами.

При обсуждении проблемы пьянства предлагались разные меры: от установления меры выпивки до полного запрета. На практике выявилась разница в подходах к решению этой проблемы между ЦКК и ГубКК на местах. ЦКК считало, что с пьянством нужно бороться не только репрессивными мерами, но и поднимать культурный и политический уровень коммунистов. Местные контрольные комиссии, наоборот, чаще применяли исключение из партии [Там же. Оп. 3. Д. 11. Л. 12]. Однако ситуация в данном вопросе на протяжении 1920-х гг. существенно не менялась.

Еще одной острой проблемой стала семейная жизнь партийцев. Революция пошатнула традиционный взгляд на взаимоотношения мужчин и женщин, что привело к кризисным явлениям в этой сфере. Заведующая Самарским губотделом работниц Ф. Суханова сообщала: «Должна заметить, что у нас наблюдается массовое явление – это бросание мужьями жен (много и партийцами) – судьи не успевают в срочном порядке рассматривать эти дела...» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 424. Л. 80]. Об этом же говорил и председатель Самарского губернского суда Жалнин: «Особенно разводами злоупотребляют коммунисты». Причину этого Жалнин видел в том, что «отсталая жена не удовлетворяет духовных запросов» мужа-коммуниста, а тот не стремился «вывести ее из состояния забитости, мало-мальски перевоспитать» [СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1505. Л. 109–110].

В свою очередь стремление женщин активно участвовать в общественной жизни вызывало протест среди мужчин и порождало конфликты. Так, А. В. Аргюхина, возглавлявшая Отдел ЦК ВКП (б) по работе среди работниц и крестьянок в 1925–1930 гг., в своем докладе на заседании Московского партактива 18 октября 1929 г. «Очередные задачи партии по работе среди женщин в СССР» указывала: «Мы имеем безобразнейшие случаи, когда коммунисты бьют женщин, когда коммунисты недопустимо относились к беспартийным женам-общественницам. Не могу не отметить возмутительного факта, который произошел 2 октября с. г. на заводе “Пролетарий”, где рабочий убил двумя выстрелами свою жену, потому что она была выбрана делегаткой. Правда, таких фактов не много, но такое недопустимое косное отношение к работе женщины мешает партии мобилизовать массы» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 490. Л. 55].

В этом проявлялось традиционное отношение мужчин к женщинам. Например, в сведениях о работе среди самарских беднячек за 1927 г. имеется жалоба Соболевой Прасковьи: «Наша женщина угнетена в той свободе, которую нам дала Советская власть. Мы не можем в данной обстановке участвовать в Советах, наши мужья не мужья, а черти, мы бы во всей работе могли бы принять участие, но ты скажи, что пойду на собрание и получишь зубочистку, заорет на тебя, на собрание, сиди дома, нечего делать, ты и осталась ни с чем. Кому скажешь, к кому пойдешь» [СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2540. Л. 148].

Со своей стороны жены рабочих также оказывали противодействие своим мужьям при вступлении тех в партию. В 1920-е гг. была распространена формула: «Партийный муж – плохой муж». Е. О. Кабо объясняла это противодействие женщин их инстинктивным страхом «перед внутренним ростом своего мужа и вытекающим отсюда неизбежно внутренним, а может быть, и внешним разрывом» [Кабо, с. 229].

Среди партийцев развернулись дискуссии о том, как перестроить свои отношения с женами, с которыми они прожили не один десяток лет. Любопытный пример «переоценки ценностей» дают материалы 11-й самарской партконференции РКП (б), состоявшейся 22–24 марта 1923 г. На конференции прозвучал упрек в адрес коммунистов в том, что они не пытались изменить свой семейный быт, равнодушно относились к религиозности в своей семье. Выступавшие давали «партийную» оценку своим женам, говорили о необходимости преобразования быта на коллективных началах, но отмечали трудность и даже невыполнимость этой задачи в существующих условиях [СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 939. Л. 33].

О другой семейной проблеме коммунистов писала С. Н. Смидович: «Есть еще одно явление в быту коммунистов, на этот раз ответработников. Это – жена коммуниста – чуждый пролетариату и его партии элемент. Такая жена ответработника – кукла, наряженная и покрашенная, с побрякушками, брошками, серьгами, кольцами и прочими прелестями дамского туалета – сделалась в последние годы у нас настолько бытовым явлением, что перестала, так сказать, бросаться в глаза» [Смидович, с. 25].

Личные отношения коммунистов с женщинами партия оценивала с классовых позиций. Коммунистам запрещалось брать в жены представительниц из «чуждой среды». Например, в одном случае контрольная комиссия предложила по результатам проверки коммунисту разойтись с женой, тот отказался и был исключен из партии [СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 939. Л. 36].

При оценке партийной работы женщин партия требовала учитывать бытовые условия их жизни. Например, в своем циркуляре «О подходе при проверке непролетарского состава партии к женщинам-коммунисткам» от 10 июня 1925 г. ЦКК выразила обеспокоенность тем, что «процент исключаемых первичными провкомиссиями во время проверки женщин по некоторым губерниям особенно высок, если принять во внимание малый процент женщин в партии». ЦКК указала, что «при проверке членов партии женщин КК должны обращать внимание на их семейно-бытовые условия, так как бывают случаи, когда эти условия препятствуют женщине, несмотря на преданность партии, активно участвовать в партийной и советской жизни» [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 10. Л. 1].

Кроме того, предпринимались попытки создать особые условия для женщин-коммунисток. Например, были разработаны «Основные положения о помощи матерям-коммунисткам», в которых выражалась тревога по поводу сокращения сети детских учреждений и общественного питания, что влекло за собою «возвращение матери-коммунистки в семью для воспитания своих детей, а отчасти и для организации домашнего питания». Автор проекта требовал «положить конец возвращению женщин-коммунисток в семью» путем оказания им «материальной помощи на основе взаимопомощи со стороны партии для организации детских учреждений для детей коммунистов и общественного питания». Для этого предлагалось осуществлять «специальные отчисления в строго зафиксированном размере из фонда помощи коммунистам, а также и специальные обложения членов партии на организацию помощи матерям-коммунистам» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 124. Л. 33].

Партийцы признавали, что в ходе реформирования бытовой сферы возник разрыв между словом и делом. Так, призывая создавать коммуны и артели, сами коммунисты жили в индивидуальных домах. Как заметил один из них: «Самая попытка создать в городах общественные дома, где бы ответственные работники коммунисты жили бы в условиях коллективного обобществления, ни к чему не привела» [СОГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 939. Л. 30]. По мнению другого, причина этого «заключается в существующем архи-мещанском индивидуальном быту, в рамках которого живут и работают 95, а то и все 100 % коммунистов» [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 4. Д. 68. Л. 104]. В своем письме «К вопросу об очистке партии» (1921) коммунист указывал: «Всевозможные “чистки”, как бы они “генерально” не были организованы, раз индивидуального быта коммуниста не затрагивают и не изменяют», то и не могут решить проблемы [Там же. Л. 105]. Обеспеченные коммунисты живут замкнуто и не общаются друг с другом. Быт рядовых коммунистов значительно отличается от быта верхушки партии. В таких условиях быта ни о какой спайке коммунистов не может быть и речи [Там же. Л. 107]. По его мнению, «нужно очистить и организовать новый коммунистический быт для членов партии». «Это несоответствие быта с идеями и принципами коммунистического строительства с первых же дней Октябрьской революции всеми своими углами выпирало наружу» [Там же. Л. 108]. Надо «организовать коллективный быт коммунистов». «Коммунистические общезжития должны организовываться не по желанию отдельных товарищей, а в порядке Всероссийского партийного обязательства, неподчинение которому влечет естественное исключение из партии» [Там же. Л. 109].

Однако условий для реализации таких радикальных требований не было. Во многом они носили утопический характер. Уже в 1924 г., как говорилось в Отчете о работе Президиума ЦКК РКП (б) – НК РКК СССР, «ЦКК была дана директива всем КК о нецелесообразности широких дискуссий по вопросу о партэтике, так как увлечение на местах этой дискуссией отвлекает внимание партийных организаций от более важных вопросов, стоящих перед партией» [РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 3. Д. 22. Л. 5].

На протяжении первого десятилетия существования советской власти менялось понимание задач в области партийной этики. Если в начале 1920-х гг. особое внимание уделялось сохранению партии от разлагающего влияния мелкобуржуазной стихии и интересов мещанского быта в условиях реализации новой экономической политики, то в конце 1920-х гг. основной задачей становится борьба партии с болезненными явлениями, препятствовавшими индустриализации и строительству

социализма. В связи со сменой политического курса в 1930-е гг. и ликвидацией нэпа вопросы поведения коммунистов в быту отошли на второй план и утратили свою актуальность. Партия вернулась к традиционной модели организации повседневного быта, положив конец утопическим проектам его реформирования на коллективных началах.

Кабо Е. О. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования. М., 1928.

КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2.

О партийке. Проект предложений Президиума ЦКК II Пленуму ЦКК РКП (б) // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) М., 1989. С. 151–170.

Сольц А. А. Доклад Контрольной комиссии на X съезде РКП (б) 8 марта 1921 г. // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) М., 1989. С. 128–140.

Сольц А. А. Из отчета Центральной Контрольной Комиссии на XI съезде РКП (б) 28 марта 1922 г. // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов). М., 1989. С. 141–146.

Смидович С. Н. Из быта семьи коммуниста // Коммунистка. 1928. № 6. С. 24–29.

РГАСПИ. Ф. 17 (Отдел ЦК ВКП (б) по работе среди женщин (женотдел); Ф. 613 (Центральная контрольная комиссия РКП (б) – ВКП (б) (ЦКК) (1920–1934).

Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 1 Самарский губернский комитет (губком) партии (1917–1928 гг.).

Указания Пленума ЦКК о подходе КК и отдельных членов партии к отрицательным явлениям в партии // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов) М., 1989. С. 220–239.

Раздел 8

«ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН»: СИМВОЛЫ И СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 94(47).084.6

К. Д. Бугров

«ТОПОГРАФИЯ ВОЖДЕЙ». В ЧЕСТЬ КОГО НАЗЫВАЛИ ГОРОДСКИЕ РАЙОНЫ В СТАЛИНСКОМ СССР?*

В настоящей статье рассматривается проблема формирования и функционирования «советского пантеона» – круга вождей большевистской партии сталинской эпохи, обзаведшихся собственной мифологией и иконографией, чрезвычайно значимой для политической культуры довоенного СССР. Важнейшим атрибутом членов пантеона была особая топография – система переименований объектов на карте. Если в послереволюционный период господствующим в отношении переименований был «канон мучеников» (переименование объектов в честь локальных героев революции и гражданской войны), то с утверждением Сталина в качестве лидера государства доминировать начал «канон вождей». Однако анализ системы наименований внутригородских районов (по материалам переписи 1939 г.) позволяет сказать: хотя количество наименований районов в честь различных вождей СССР позволяет с большой уверенностью очертить советский пантеон, конкретные практики наименования в разных типах городских поселений могли быть весьма разнообразными и не позволяют говорить о тотальном доминировании единой идеологической сети, направляемой из центра.

К л ю ч е в ы е с л о в а: СССР, топография, сталинизм, переименование географических объектов, районы городов.

Первая волна переименований в постреволюционной России, затронувшая города и улицы, следовала «канону мучеников». В большинстве случаев улицы называли в честь местных большевиков и героев Граждан-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ской войны, погибших в борьбе или умерших до окончательного триумфа социализма, и теперь заслуживающих памяти. В центральной части Екатеринбург-Свердловска почти все улицы получили наименования по этому канону, исключением были две главные улицы, названные в честь вождей – Ленина и Троцкого. «Канон мучеников» был локален, большинство городов и регионов обладало уникальным набором значимых фигур [Селивановский, с. 73]. Был и ряд фигур союзной значимости – такие, как Я. М. Свердлов, В. Володарский, М. С. Урицкий, В. В. Воровский.

На протяжении 1920-х гг., когда большевистский ЦК старался коллективным авторитетом заменить ушедшую харизму Ленина, формировался «канон вождей», альтернативный «канону мучеников». В отличие от мучеников, вождям необязательно было героически погибнуть, чтобы воплотиться в топографии; от них требовалось занимать высокий пост в официальной иерархии, а значение переименования теперь перенесло акцент с памяти на признательность и благодарность. На советских картах появились не только Ленинград и Свердловск, но и другие города, названные в честь здравствующих руководителей страны. Рубежным годом стал 1924-й: наряду с Ленинградом и Свердловском в этом году Елисаветград превратился в Зиновьевск, а донбасская Юзовка – в Сталино. Еще раньше, в 1923 г., Гатчина была переименована в Троцк. Логика переименований была сложной: если Г. Е. Зиновьев в бывшем Елисаветграде родился, то вот Л. Д. Троцкий был связан с Гатчиной веками своей революционной карьеры. А Сталин? Переименование второстепенного рабочего города Юзовки в 1924 г. было не столько целенаправленным манипулированием, призванным возвеличить Сталина путем присвоения его имени пролетарской «столице» Донбасса. Напротив: Юзовка была тогда относительно некрупным городом, и местный совет, рассчитывая избавиться от памяти о капиталисте Дж. Хьюзе, решил переименовать город в честь Сталина благодаря... созвучию: профилем индустрии Юзовки была сталелитейная индустрия, а Сталин уже тогда был одним из признанных вождей СССР. В честь Сталина был переименован и местный металлургический завод, давший, в свой черед, имя городскому району.

По мере возвышения Сталина, концентрации власти в его руках и разгрома всех его противников в ВКП (б) «канон вождей» начинал доминировать. Теперь для увековечения имени нужно было не только иметь позицию в самом верхнем эшелоне властной иерархии, но и относиться к числу близких соратников Сталина, деятельно участвовать в строительстве социализма эпохи первых пятилеток. Этот узкий круг лиц, в 1930-х г. заполонивший топографию СССР, мы будем называть совет-

ским пантеоном. Ведь вожди, относившиеся к этому кругу, не просто считались лучшими руководителями и «пламенными революционерами», но и обладали своего рода наборами типичных черт, своего рода функциями патронов тех или иных сфер социальной жизни, и в силу этого – собственной мифологией и иконографией. «Культе личности» Сталина, являвшийся стержневой конструкцией пантеона, изучен достаточно хорошо [Pisch], а вот о пантеоне в целом, насколько нам известно, не выходило специальных работ. Часто его принимают как данность.

Кого же отнести к пантеону? Воспользуемся для первого определения сочинением К. Б. Радека «Зодчий социалистического общества», панегирической биографией Сталина, написанной в форме лекции «на курсе истории победы социализма, прочитанного в 1967 г. в школе междупланетарных сообщений». Предусмотрительный Радек в последнем, заключающем, абзаце книги писал: «На мавзолее Ленина, окруженный своими ближайшими соратниками – Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Калининым, Орджоникидзе – стоял Сталин в серой солдатской шинели <...> К сжатой, спокойной, как утес, фигуре нашего вождя шли волны любви и доверия, что там, на мавзолее Ленина, собрался штаб будущей победоносной мировой революции» [Радек, с. 55–56]. Впечатляющий изобразительный ряд книги словно бы подчеркивал исподволь эту черту: Сталин часто появлялся вместе с коллегами по Политбюро: дань уважения концепции коллективного руководства, «ленинского ЦК».

Итак, Радек назвал в своей книге шесть живых вождей и одного – мертвого. Мы же попробуем оценить состав пантеона с помощью данных «топографии вождей». Поскольку анализ переименования городов не является в полной мере релевантным, а единой базы данных о переименованиях улиц нет, мы решили обратиться к наименованиям городских районов, возникших главным образом в 1930-е гг., уже в сталинскую эпоху. Точные данные об этих названиях мы почерпнули в материалах переписи 1938 г., где одним из способов фиксации данных была разбивка по районам внутри отдельных горсоветов [Всесоюзная перепись населения 1939 г.]. Район был важной административной единицей – самой нижней, самой близкой к народу единицей советской власти. А потому анализ названий районов, сведенный в табл. 1, представляет большой интерес.

То, что наиболее популярным названием района советского города оказалось имя «Сталинский», не является, конечно, удивительным. Интерес представляет распределение других наименований. Вопреки ожиданиям, вторым номером списка оказался не Ленин, а Киров – «любимый

Т а б л и ц а 1

**Использование имен советских лидеров
в названиях районов городов**

Название района	Частотность	Назван в честь личности?
Сталинский	37	Да
Кировский	32	Да
Ленинский	31	Да
Центральный	25	
Кагановичский	16	Да
Октябрьский	15	Нет
Дзержинский	12	Да
Орджоникидзевский	11	Да
Куйбышевский	10	Да
Фрунзенский	9	Да
Молотовский	8	Да
Ворошиловский	8	Да
Железнодорожный	7	Нет
Пролетарский	7	Нет
Ежовский	5	Да
Свердловский	4	Да
Ждановский	4	Да
Калининский	3	Да
Петровский	2	Да
Красногвардейский	3	Нет
Андреевский	2	Да
Ильичевский	2	Нет

О к о н ч а н и е т а б л. 1

Название района	Частотность	Назван в честь личности?
Володарский	2	Да
Артемовский	2	Да
Микояновский	1	Да
Азизбековский	1	Да
Трусовский	1	Да
Буденновский	1	Да
Джапаридзевский	1	Да

Мироньч» обошел Ильича на один пункт и расположился совсем близко к Сталину. Ведущая тройка названий – Сталинский, Кировский, Ленинский – довольно далеко оторвалась от преследователей. Недаром на 4-м месте расположилось безликое, совершенно аполитичное название – Центральный район (пять случаев).

Кто же из советских лидеров расположился в непосредственной близости к этой тройке? Это Л. М. Каганович: его именем были названы районы в 16 городах (5-е место таблицы частотности). А если учесть, что Каганович был – в отличие от Ленина и Кирова – здравствующим руководителем по состоянию на 1938 г., то можно сказать: согласно «топографии вождей» вторым человеком в СССР после Сталина был именно «железный Лазарь».

В этой топографической иерархии за Кагановичем следовало сразу несколько большевистских руководителей, чьими именами были названы 10 или более районов: Ф. Э. Дзержинский, Г. К. Орджоникидзе и В. В. Куйбышев; опять-таки, все они к 1938 г. были мертвы, хотя в случае с Орджоникидзе большинство районов были названы в его честь еще при жизни наркома тяжелой промышленности; если говорить о состоянии дел на конец первых двух пятилеток, то топография вождей указывает именно на Орджоникидзе как на третье лицо в иерархии власти после Сталина и Кагановича.

Сюрпризом для нас, когда мы готовили таблицу частотности, стали скромные позиции таких влиятельных, казалось бы, руководителей, как К. Е. Ворошилов и В. М. Молотов. Воспетый в многочисленных песнях

глава Красной Армии и председатель Совета народных комиссаров, успевший еще и поруководить Коминтерном – оба они расположились в следующей группе частотности, имея менее 10 районов, названных их именами (по восемь районов у каждого). А ведь выше них расположились не только недосыгаемый Сталин, не только покойные Киров, Ленин, Дзержинский и Фрунзе (в честь которого было названо девять районов), но и благополучно здравствующий Каганович, а также совсем недавно ушедший из жизни Орджоникидзе. Больше того: в эту же группу попал (правда, на замыкающей позиции) и нарком внутренних дел Н. И. Ежов, чьим именем были названы пять районов.

Четвертая группа руководителей, куда мы отнесли тех, чьим именем было названо более одного, но менее пяти районов, включает Я. М. Свердлова, А. А. Жданова, М. И. Калинина, Г. П. Петровского, А. А. Андреева, Володарского и Артема (Сергеева). Наконец, в замыкающей группе вождей, чьим именем назвали всего-то по одному району на весь Союз, находятся маршал С. М. Буденный, нарком пищевой промышленности А. И. Микоян, а также один из расстрелянных бакинских комиссаров М. Азизбеков и глава астраханских большевиков в 1917 г. А. Е. Трусов.

Постараемся теперь привести несколько выводов, которые позволяют сделать анализ «топографии вождей» относительно функционирования советской политической идеологии и культуры.

Во-первых, мы можем с большой точностью назвать сам этот пантеон, который в основном сложился к концу 1930-х гг. и более практически не расширялся (зато переживал сужения в силу политической борьбы после смерти Сталина, а также позднейшей десталинизации). В него входили Сталин, Киров, Ленин, Каганович, Дзержинский, Орджоникидзе, Куйбышев, Фрунзе, Молотов, Ворошилов, Ежов (на очень короткое время), Свердлов, Жданов, Калинин, Петровский, Андреев, Володарский, Артем. В честь всех этих деятелей было названо по крайней мере два района в разных городах СССР¹.

¹ При этом именовании в честь Петровского были локализованы исключительно на Украине – в Киеве, Харькове и Сталино – что позволяет рассматривать его как фигуру республиканского, но не всесоюзного «пантеона». В честь Володарского были названы два района – в Ленинграде и в Брянске, однако если в первом случае переименование было связано с мощной кампанией памяти о Володарском как о «любимом вожде рабочих Петрограда», то во втором – стало результатом слияния нескольких поселков, получивших еще в начале 1920-х гг. новые названия по обрисованному выше «канону мучеников» (имена Володарского, Урицкого и Воровского соответственно).

Этот список означает, в свою очередь, что попасть в советский пантеон было вовсе не так легко, как может показаться современным исследователям, изучающим бесконечное переписывание истории в годы Сталина. Чтобы попасть в пантеон, надо было отвечать двум главным критериям: быть старым большевиком и принять деятельное участие в восхождении Сталина к вершине власти и последовавшем строительстве социализма в годы первых пятилеток. Ядерная группа пантеона – помимо, конечно же, Сталина и Ленина – включает тех вождей, которых называл Радек на последней странице своего панегирика Сталину; она должна быть дополнена Дзержинским и Фрунзе, которым здесь отводилась роль основателей важнейших ведомств Союза – Красной Армии и ГПУ. Вместе с тем пантеон во многом абсорбировал и более старые ходы «канона мучеников». Это явствует из присутствия в нем Свердлова и Артёма, а также из того гипертрофированного места, которое занял в пантеоне Киров. Исключением, которое подтверждает правило, является здесь Ежов. У руководителя Большого террора не было ни солидного большевистского стажа, ни репутации руководителя строительства социализма; в конечном счете биографию Ежова партийным литераторам и идеологам пришлось фактически придумывать. Несмотря на все это, в честь Ежова было названо целых пять районов, и не только в Семипалатинске, с которыми он был по крайней мере связан своей административной карьерой, но и в таких городах, как Архангельск, Кривой Рог, Свердловск и Чкалов. Стремительно возникший культ Ежова как «батыра», борющегося с врагами социализма, столь же стремительно исчез, продержавшись всего около полутора лет. Но в остальном, даже несмотря на чудовищные потрясения Большого террора, пантеон оставался стабильным. Важно отметить также, что в составе «топографии вождей» отсутствовали такие крупные фигуры, как М. Горький и В. А. Чкалов, несмотря на то, что в их честь были переименованы крупные города.

А теперь следует обратить внимание на «качество» частотности. Ведь города, в составе которых были выделены районы, были весьма разнообразны, и их тоже можно поделить на несколько групп.

Первая группа – это столицы и крупнейшие города страны, Москва и Ленинград. Ко второй группе мы отнесли столицы союзных республик². Третья группа включает в себя старые региональные «столицы» в составе РСФСР и УССР – центры краев, областей и автономных республик,

² Девять таких центров: Киев, Минск, Баку, Тбилиси, Ереван, Ашхабад, Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе.

по состоянию на 1930 г.³ В третью группу отнесены областные центры, получившие такой статус в середине и 2-й половине 1930-х гг. в процессе разукрупнения административно-территориальных единиц в РСФСР, УССР и Казахстане⁴. К пятой группе были отнесены города, не являющиеся центрами областей⁵. Однако, поскольку эта административная иерархия не исчерпывала характера положения городов в советской территориально-политической иерархии, все города были также разделены на 2 категории: промышленные центры и города, не имеющие крупных предприятий.

Первый вопрос, которым стоит задаться: как соотносятся с этими категориям именованию районов в честь вождей?

Второй вопрос: с каким постоянством воспроизводилась концептуальная матрица? Даже беглый анализ позволяет заметить, что конкретные случаи могут сильно отличаться от той модели, на которую указывают количественные данные. Иными словами, хотя наименование района в честь Сталина и было наиболее распространенным в СССР, половина городов, в составе которых были выделены районы, вовсе не имели среди этих районов Сталинского (всего Сталинских районов было 37, а городов с районами – 77). Например, в составе Владивостока было четыре района: Ворошиловский, Ленинский, Фрунзенский и Первореченский; как видим, из тройки наиболее распространенных вариантов (Сталин – Киров – Ленин) присутствует только один. Зато два района, названные в честь членов пантеона, связанных с Красной армией, указывают, возможно, на военный характер города-крепости. Да что Владивосток! Не было Сталинского района и в Ленинграде, при том что на карте районов Северной столицы имелись имена не только непосредственно связанных с ней Ленина, Кирова и Володарского, но и Куйбышева с Дзержинским.

³ Это 21 «старый» центр: Хабаровск, Архангельск, Воронеж, Горький, Иваново, Куйбышев, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Свердловск, Сталинград, Уфа, Улан-Удэ, Симферополь, Орджоникидзе, Казань, Ижевск, Грозный, Днепропетровск, Одесса, Артемовск, Харьков.

⁴ Это 25 «новых» центров: Барнаул, Иркутск, Краснодар, Красноярск, Владивосток, Курск, Орел, Пенза, Калинин, Киров, Молотов, Омск, Саратов, Тамбов, Тула, Челябинск, Чкалов, Ярославль, Запорожье, Николаев, Сталино, Ворошиловград, Джамбул, Семипалатинск, Караганда.

⁵ Сюда относится 21 город: Анжеро-Судженск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Сталинск, Ульяновск, Томск, Брянск, Таганрог, Нижний Тагил, Астрахань, Златоуст, Магнитогорск, Керчь, Севастополь, Кривой Рог, Горловка, Краматорск, Макеевка, Мариуполь, Чистяково.

Нужно поэтому установить, в каких из пяти категорий городов наиболее часто встречались имена вождей из топ-3 (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Использование имен вождей в наименованиях районов городов различных категорий

Наименование района	Группа 1 (союзные столицы), в %	Группа 2 (центры республик), в %	Группа 3 («старые» областные центры), в %	Группа 4 («новые» областные центры), в %	Группа 5 (прочие), в %
Сталинский	50	90	50	60	20
Ленинский	100	70	50	40	10
Кировский	100	60	40	40	30
Кагановичский	0	40	30	20	5

В республиканских столицах имя Сталина повсеместно употреблялось для наименования районов: из девяти таких городов лишь в одном – столице Таджикистана Фрунзе – почему-то отсутствовал Сталинский район. Зато в региональных «столицах», как «старых», так и «новых», частота появления имени Сталина в качестве названия района составляла примерно 50 %.

А в городах, не имевших административного статуса, доля таких названий была еще ниже – всего-то 20 % (лишь четыре города из 21 имели в составе Сталинский район). При этом многие города этой категории были по существу основаны заново в годы первых пятилеток, но Сталинские районы находились по какой-то не поддающейся истолкованию логике лишь в Астрахани, Керчи, Нижнем Тагиле и Таганроге. Зато они отсутствовали в таких городах, как Магнитогорск, Сталинск, Краматорск, настоящих гигантах пятилеток, где, добавим, работали крупнейшие индустриальные производства, носившие имя «отца народов» (металлургические комбинаты в Магнитогорске и Сталинске, завод тяжелого машиностроения в Краматорске). Но, вопреки той логике, которая вроде бы должна вытекать из тоталитарного характера советского режима, два района Магнитогорска носили имена «мученика» Кирова и «железного наркома» Орджоникидзе, руководившего возведением завода-гиганта...

Полученные данные являются, конечно, лишь предварительным и не вполне надежным абрисом «топографии вождей». Тема, которая важна для анализа политической культуры СССР сталинской поры, нуждается в дальнейшем изучении на различных уровнях – не только городских районов, но и наименований городов и иных населенных пунктов, предприятий и организаций, улиц, железных дорог. Требуется здесь и анализ конкретных кейсов – как и почему осуществлялось то или иное переименование, присваивалось то или иное название. Подобный анализ поможет обнаружить внутри иерархичной структуры удивительное разнообразие поведенческих стратегий, в которых такие имена, как Киров, Орджоникидзе или Фрунзе обретали особенное значение, не всегда легко улавливаемое сегодня. Но даже эти предварительные данные позволяют говорить о том, что структура тоталитарной идеологии сталинизма была чрезвычайно сложной и далеко не сводилась к внедрению единого образа на всей территории страны на основании директив из центра. В частности, принципиально важный для политической культуры СССР «красный пантеон» формировался на основании «канона вождей», который, в свою очередь, располагал своих исторических героев в топографии (будь то веха биографии, ведомственная связь или доставшаяся от более старого «канона мучеников») коммеморативная значимость). Важнейшей чертой вождя была его карьера, его *путь* – и это, кстати, в полной мере почувствовал и Радек, писавший в упомянутой уже книге «Зодчий социалистического общества», что преемником Ленина должен был стать человек с такой богатой биографией, как Сталин. А путь, в свою очередь, предполагал постепенное накопление собственной мифологии и иконографии, и даже в совершенстве овладевшей искусством править историю сталинской идеологии было не под силу полностью и навсегда организовать сложную систему персональных мифологий и иконографий на единый манер.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Численность городского населения СССР по городским поселениям и внутригородским районам // Демоскоп Weekly : сайт. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_3.php (дата обращения: 01.09.2017).

Радек К. Б. Зодчий социалистического общества. М., 1934.

Селивановский С. Н. К вопросу об исторической топонимике Удмуртии в новейшее время // Иднакар. 2009. № 1 (5). С. 70–75.

Pisch A. The Personality Cult of Stalin in Soviet Posters, 1929–1953. Archetypes, Inventions and Fabrications. Acton, 2016.

УДК 94(47).084.6:778.5

Е. В. Головніва, И. А. Головнів

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИЙ СССР СРЕДСТВАМИ КУЛЬТУРФИЛЬМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНЫХ СЦЕНАРИЕВ КИНОСТУДИИ «СИБТЕХФИЛЬМ»)*

На основе не публиковавшихся ранее архивных материалов рассматривается малоизученный в отечественной исторической науке вопрос о конструировании образа регионов в советском документальном кино 1930-х гг. Являясь частью советской культурной политики, культурфильмы этого периода решали идеологические вопросы объединения регионов СССР на экране.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурфильм, кинематограф в 1930-е гг., национальная политика, образ регионов, идеология, конструирование, СССР.

В данной работе в качестве ключевого понятия для анализа конструирования образа территорий выступает термин «геокультурные образы». Идея географических ментальных образов появляется в гуманитарных исследованиях в конце 1940-х гг., хотя отдельные положения «воображаемой географии» были сформулированы во французской школе Анналов [Philips, p. 181]. К настоящему времени в мировой науке сформировалось особое направление, изучающее механизмы формирования таких образов, как на внутренних материалах той или иной страны, так и в отношениях между различными государствами, которое получило название «Образы Других».

В отечественном социогуманитарном знании концепция геокультурных образов наиболее полно была разработана Д. Н. Замятиным, согласно которому географические образы являются наиболее компактным, сжатым знанием или сознанием какой-либо территории, демонстрируют степень ее ментального освоения [Замятин, 2002, с. 108]. Другими словами, геокультурные образы представляют собой совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений, связанных с пространством, они предполагают не только опосредованное отражение реальности, но и фактор ее изменения, динамики [Замятин, 1999]. Бази-

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-33-01038/17-ОГОН «Образ региона в культурфильме (на примере творчества А. Литвинова)».

руясь часто на действительных отдельных фактах и проявлениях, такие образы в то же время становятся основой для формирования целой системы мифологических концепций и представлений. Марк Бассин обращает внимание на еще один аспект, связанный с конструированием образов: географические образы носят субъективный характер и могут непреднамеренно выдавать предрасположения, предрассудки, страхи и надежды их авторов [Bassin]. В целом географический образ подразумевает возможность «разархивирования», разворачивания целого комплекса представлений, связанных с определенной территорией; цепь идущих от него ассоциаций крайне разнообразна.

Очевидно, что геокультурные образы неизбежно отличаются от отражаемого региона, поскольку акцентируют внимание лишь на некоторых его сторонах, являются сконструированными. Неоднозначность и противоречивость восприятия образов территорий в массовом сознании ставят вопрос об основаниях и механизмах их конструирования, и его, с нашей точки зрения, необходимо рассматривать с учетом корреляции между результатами исторических и философско-культурологических исследований, в частности в контексте двух пересекающихся процессов – повседневного, символического освоения людьми территории (допустим, в процессе ее колонизации) и ее концептуального освоения, т. е. разработанного с помощью специальных средств и приемов. С одной стороны, рассмотрение конструирования образов территорий в таком ракурсе дает представление об историческом опыте, прецеденте, активизирующем заложенные в сознании стереотипы, с другой – ставит вопрос о выделении уровней конструирования географических образов: обыденного и специализированного.

В данной работе предлагается обратиться к одному из средств специальной разработки и конструирования образа территории в советскую эпоху – *культурфильмам*, как особому просветительскому и идеологически нагруженному жанру документального кино, получившему развитие в рамках советского кинематографа в 1920–1930-е гг. Несмотря на популярность культурфильмов как внутри страны, так и за рубежом, их мощного потенциала в репрезентации образов регионов Советской России, а также в продуцировании и трансляции идей советского образа жизни «на местах», данное явление советской киноиндустрии еще не получило должного внимания со стороны исследователей. Многие культурфильмы эпохи 1920–1930-х гг. отсутствуют в кинофондах, оказались утрачены и подверглись забвению. В этой связи существенный исследовательский интерес представляют собой сохранившиеся в архивах литературные

сценарии данных культурфильмов и сопроводительная документация их создания (протоколы заседаний, партийные отчеты, заключения, газетные публикации и т. п.), которые являются ценным историческим источником и содержат информацию о породившей их эпохе.

В качестве эмпирических материалов для данной статьи послужили литературные сценарии культурфильмов новосибирской киностудии «Сибтехфильм». Эта киностудия по производству научных и учебно-технических фильмов была образована в Западной Сибири в апреле 1930 г. путем слияния существовавших ранее организаций «Киносибирь» и «Совкино». В 1930-е гг. на киностудии работали режиссеры А. И. Гайдуль, Г. М. Бобров, Б. О. Булатов, Д. И. Васысь, Я. Г. Задорожный, Н. Г. Соколов, З. М. Калик, А. А. Литвинов и др., создавшие на экране яркие образы различных регионов СССР.

Киноработы «Сибтехфильма» «Восточная Сибирь», «Байкал», «Якутия», «Горная Шория», «Урал», «Горная страна Алтай», «Эвенки», «В тайге Западной Сибири», «У берегов Тихого океана» и др. включали в себя не только уникальный этнографический, физико-географический, ландшафтный, историко-культурный материал, касающийся края, но и имели мощную идеологическую размерность. Они показывали на экране территории, находящиеся в стадии преобразования и «преображения» в результате мероприятий советской власти. В этом плане культурфильмы продолжали линию «литературной мобилизации» и пытались, как писал М. Горький, «достичь высот действительности, т. е. наряду с расширением поля наблюдений литературы, более глубоко и всесторонне проникать в современную жизнь, полнокровно изображать новых людей, героев нашего времени» [Советская Сибирь].

Как отмечалось в газете «Правда» того периода, «наши экспедиционно-краеведческие фильмы должны, прежде всего, всем ходом своего сюжетного действия развертывать познавательный материал: давать красочную картину регионов СССР, помогать советским людям познавать свою Родину, самую радостную, самую счастливую» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 158. Л. 179]. Конструирование «новой территории» и «нового человека», ее обживающего, разворачивалось в буквальном смысле перед зрителями на экране, а создаваемые экранные образы имели характер культурных (медийных) конструктов. Можно сказать, что культурфильмы являлись своеобразной формой *cultural governance* (управление посредством культурных образов) [Muller, p. 203].

Все создаваемые культурфильмы подвергались строгому разбору со стороны партийных органов, «вычищались» на предмет идеологи-

ческого содержания и неизменно включали в себя строго разработанные приемы конструирования. Сам режиссер был главным актором конструирования и создания территориальных мифов, он уподоблялся «магу, вводящему зрителя в состояние кинотворчества», а камера становилась «магическим объектом», который «присваивает» снимаемое на киноплёнку режиссером [Rouch, p. 183]. Далее предлагается обратить внимание на некоторые приемы конструирования геокультурных образов отдаленных территорий СССР, запечатленные в литературных сценариях киностудии «Сибтехфильм».

Фильмы начинались с показа карты местности с прилегающими к ней территориями. В целях лучшего представления о размерах показываемой территории с одной стороны, и об ее широтном географическом положении – с другой, на экране присутствовали мультипликационные карты, которые часто являлись связующим звеном на всем протяжении фильма и служили наглядным визионерским инструментом. Например, в кинофильме «Урал» (1937–1938 гг., автор – Г. И. Черняк) мультипликационным путем показывался сдвиг Урала по его географическому широтам на запад и до момента его наложения на Западную Европу, что давало представление о соотношении размеров Урала с западно-европейскими государствами [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 165. Л. 201]. Аналогичным образом в фильме «Западная Сибирь» (1937, режиссер З. М. Калик) впечатление о размерах территории давалось с помощью мультипликации: карта Западной Сибири совмещалась с Европейской частью России, картой Германии и Францией и даже Канадой [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 164. Л. 164].

Далее режиссер показывал природные объекты территорий, часто с упором на хозяйственную сторону, давал зрителю представления о географическом положении территории, ее полезных ископаемых, растительном и животном мире. В сценарии к кинофильму «Урал» особо отмечается необходимость акцентирования внимания на физико-географических характеристиках региона «с показом некоторых хозяйственных элементов и в особенности в связи с природными ресурсами и их разработкой» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 165. Л. 200]. В разделе фильма «Гидрология Урала» предписывалось брать крупные планы наиболее характерных участков Южного Урала с горными реками, «имеющими большое энергетическое значение», в том числе изображения многочисленных озер Челябинской области. Для показа «исключительного обилия и многообразия ископаемых богатств Урала» упор делался на показ наиболее важных рудников и месторождений, отмечалось, что «очень хорошо, если бы удалось и с геологической стороны дать объяснение этому богатству

и разнообразию, а именно путем показа выветривания пород и процесса выявления самой природой своих недр» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 165. Л. 202]. Предполагалось, что все части фильма должны быть пронизаны одним основным стержнем – демонстрацией роли и значения уральского хребта в историко-культурном и экономическом пространстве Советской России.

Изображения природных объектов отдаленных от Центра территорий СССР должны были максимально наглядно демонстрировать уникальность и разнообразие природных богатств края. Как рекомендовал научный консультант киностудии «Сибтехфильм»: «нужны не короткие, красивые виды с освещением, а сочные географические эпизоды, раскрывающие характерные типичные ландшафты и явления» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 170. Л. 29]. С этой целью кадры гор Урала монтировались, к примеру, с фасадным видом богатого ювелирного магазина, на котором была расположена вывеска «Уральские самоцветы». Карта, на которой были отмечены расположенные на Урале месторождения меди и железа, сопровождалась информацией о том, что «если всю железную руду погрузить в вагоны, то поезд обовьет земной шар шесть раз» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 215. Л. 83]. Природные красоты Урала в кадре сочетались с цитатой из речи И. В. Сталина о том, что «Урал представляет собой такую комбинацию богатств, которую нельзя найти ни в одной стране (СТАЛИН)» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 215. Л. 61].

Показ природных объектов в культурфильмах по возможности должен был сопровождаться также идеологическим контекстом, созданием «мифологии места» и трансляцией политических мифов. В фильме «Восточная Сибирь» показ общего плана Саян сопровождался закадровым нарративом: «Царизм превратил дикую саянскую страну в место ссылки... Здесь по высочайшему повелению отбыл трехлетнюю ссылку В. И. Ленин» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 122. Л. 14]. Демонстрации кадров р. Ангара соответствовал следующий текст: «дикий безмолвный правый берег Ангары также был местом ссылки. Здесь, в с. Новая Уда, отбывал свою первую ссылку товарищ Сталин... Бывший острог – теперь школа. До сих пор помнят об этом в Новой Уде. Пионеры Н. Уды пишут письмо тов. Сталину: “Здесь вы, дорогой т. Сталин, жили в ссылке, куда вас посылали цари <и> буржуи за подпольные кружки. А вы, тов. Сталин, ловко обманули всех и убежали отсюда. Поздравляем вас с юбилеем вашего первого побега из сибирской ссылки”» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 122. Л. 19].

Природные ландшафты в культурфильмах рассматривались как пустые, «мертвые», если в них не было человека, «покорителя природы».

Отдельное внимание уделялось кинематографической репрезентации культуры коренных народов, проживающих в отдаленных регионах СССР. Их изображение, в соответствии с мифологической логикой, строилось на противопоставлении и оппозиции старого и нового. Так, культурфильм «Культбаза на Севере» (1931, режиссер Б. О. Булатов) начинался с показа кадров Москвы, которые сменялись картинками суровой северной жизни и сопровождались закадровым текстом: «Кипит жизнь на улицах Москвы. Толпа пешеходов проходит с большим портретом Ленина <...> А там, на далеком Севере <...> снежная равнина, тайга, чум, тунгусы» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 10. Л. 6]. В фильме «Калмыцкая АССР» (1940, режиссер З. М. Калик) в качестве связующего звена между «старым» и «новым миром» был задействован певец-калмык, поющий песню о положении калмыцкого народа до и после прихода советской власти [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 297. Л. 21].

В соответствии с логикой «модернизационного рывка» в литературе и кинематографе всячески акцентировалась «дикость», т. е. докультурное состояние осваиваемого пространства и одновременно молодость строителей и обустройстваемой ими территории. Речь идет о создании стереотипного сюжетно-образного инструментария, используемого при работе с региональной тематикой. Так, при просмотре кинофильма «Урал» зритель должен был воспринимать следующее: «Прошло много лет... наступили годы сталинских пятилеток... Солнце освещает новый индустриальный ландшафт нового Советского Урала. Совсем по-другому высаятся и дымятся трубы Надеждинского завода. В отличие от старых уральских заводов, здесь новые громадные домы, кругом все механизировано, рабочие работают в прекрасных спецовках, в очках. Работа протекает легко и весело» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 215. Л. 67]. При показе Советской Бурятии, например, специально отмечалось, что «вместе с подъемом хозяйства, растет культура» и демонстрировались на экране кадры школы, тракторных курсов, медицинской амбулатории [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 122. Л. 20]. Кадры «далекого Севера» в фильме «Культбаза на Севере» включали в себя танцующих и подпевающих тунгусов с сопровождающим текстом: «Ленин дал нам свободу и власть. Ленин утер слезы женщины <...> Ленин, как солнце, землю согрел <...> Не надо нам больше шамана (поют пионеры, проносятся индустриальные кадры – работа машин, вращающиеся колеса, стройка)» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 10. Л. 40, 41].

Судя по сопроводительным документам к созданию фильма «Восточная Сибирь», директору «Сибтехфильма» М. Л. Мордоховичу специ-

ально предписывалось включать в отдельные разделы фильма ряд кадров, которые бы убедительно и ярко показывали, что Восточная Сибирь, «бывшая при царизме колонией и местом ссылки сейчас ведет, как и все части нашего Советского Союза, социалистическое строительство, развивает культуру, социалистическую по содержанию, национальную по форме» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 122. Л. 35]. Для лучшей демонстрации позитивных изменений, вызванных социализмом, акцентировалось внимание на показе индустриальных объектов, включении из фильмотеки кадров о стахановцах, показе радостного социалистического труда, чтении актов о закреплении земли в вечное пользование в колхозах и т. п. Через отдельные детали – книги, газеты, уроки «наша Родина», подчеркивалась роль национальной культуры и моменты национальной политики. На материале эпизодов «переселения из чумов» показывалась роль органов советской власти и местных активистов.

Особое внимание уделялось дикторскому тексту, который помогал не просто создать какую-то альтернативную (параллельную) реальность, сколько заставить зрителя лучше прочувствовать изображаемое на экране. Например, в фильме «Байкал» (1939, режиссер Н. Г. Соколов) начало киноленты сопровождалось такими словами: «За уральским хребтом, между Бурятско-Монгольской автономной республикой и Иркутской областью, окруженное таежными лесами, находится озеро Байкал <...> Красив и самобытен Байкал <...> Суровы и величественны его берега <...> Холодны и прозрачны его воды...» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 263. Л. 3]. Показ Нерчинских гор включал в себя кадры могил декабристов Бестужева и Торсона с закадровым текстом о том, что «советская власть уничтожила каторгу и труд стал свободным и радостным» [ГАНУ. Ф. 1123. Оп. 1. Д. 122. Л. 22].

Партийные отчеты и газетные публикации, касающиеся обстоятельства создания фильма, неизбежно содержали процесс конструирования (и одновременно мифологизирования) снимаемого материала. Так, вспоминая съемки фильма «Якутия» (1940), режиссер А. А. Литвинов отмечал: «В тайге киноэкспедиция встретила стахановцев охоты, награжденных грамотами. И все это брал на пленку киноглаз аппарата – объектив, чтобы правдиво отобразить на экране новую жизнь Якутии и показать, как под руководством большевистской партии “тюрьма без решеток и замков”, знаменитая “якутка” превращается в край социалистического созидания» [Советская Сибирь].

Таким образом, и сам процесс создания культурфильмов, и способы их репрезентации зрителю имели явно выраженную конструктивистскую

природу, наиболее глубоко понятую и проанализированную С. М. Эйзенштейном. Одним из первых уловив равнозначные способности кино и мифа манипулировать массовым сознанием и создавать конструкты, Эйзенштейн в докладе, сделанном на Творческом совещании 1935 г., подчеркнул: «Советский кинематограф должен идти к предельно выразительной и выражающей форме и в предельно скупой и экономной форме выражать то, что нам надо» [Эйзенштейн, с. 168]. Помимо идеологического заряда, согласно установкам партии, предполагалось, что культурфильмы должны были выполнять и серьезную инструментальную роль: заставить зрителя полюбить свою родину в целом и полюбить природные красоты огромной страны. Культурфильмы обладали также значительным информационным и познавательным ресурсом, давали относительно полное представление о природных объектах, истории и культуре отдаленных территорий СССР и «экспортировали» эти образы как внутрь страны, так и за ее пределы, западному зрителю. В целом геокультурные образы хорошо ложились на язык кинематографических нарративов, поддерживали позитивное восприятие советской земли и ее жителей и самовоспроизводились и позднее у разных поколений людей.

ГАНУ. Ф. 1123 (Новосибирская киностудия научных и учебно-технических фильмов «Сибтехфильм»).

Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999.

Замятин Д. Н. Стратегии интерпретации историко-географических образов России // Мир России. Социология. Этнология. 2002. № 2. Т. 11. С. 105–139. Советская Сибирь. 1940, 1941.

Эйзенштейн С. М. Метод. Том первый. Grundproblem. М., 2002.

Bassin M. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge, 1999.

Muller B. Securing the Political Imagination: Popular Culture, the Security Dispositif and the Biometric State // Security Dialogue. 2008. Vol. 3, № 2–3. April–June. P. 199–220.

Philips R. S. The language of images in geography // Progress in Human Geography. 1993. № 17/2. P. 180–194.

Rouch J. Cine-Ethnography. Minneapolis, London, 2003.

УДК 94(476).084.6

Е. С. Розенблат

СОВЕТИЗАЦИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ в 1939–1941 гг.: ПРОЦЕСС МАРГИНАЛИЗАЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В статье показана роль и участие еврейского населения в процессе социально-политического развития, происходившего на территории Западной Беларуси после воссоединения с СССР.

Статья затрагивает проблемы отношений польского, белорусского и еврейского населения в условиях установления советской власти, причины и особенности антисемитизма в период 1939–1941 гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советизация, маргинализация, Западная Беларусь, еврейское население, антисемитизм, советская власть.

Западные области Беларуси в рассматриваемый период представляли собой многонациональный регион. Это в свою очередь определяло отношения, складывавшиеся между евреями и неевреями.

В период 1921–1939 гг. евреи занимали в польском обществе достаточно своеобразные позиции. С одной стороны, еврейское население в значительной степени было наиболее лояльной частью национальных меньшинств. С другой – еврейское население Западной Беларуси представляло собой самый маргинальный элемент региона. Происходил постепенный и неуклонный процесс отрыва части евреев от привычной среды, их выход за традиционные рамки ремесленного производства и торговли. Маргинализация усилилась в результате экономического кризиса и целенаправленной политики правительства, направленной на экономическую, политическую и правовую дискриминацию евреев. Маргиналы складывались в группу, готовую к решительным действиям для реализации своего личностного, социального и общественного потенциала. После присоединения к БССР на территории Западной Беларуси было образовано 5 областей: Барановичская, Белостокская, Брестская, Вилейская и Пинская, где, по данным на 1 января 1941 г., проживало 4 815 500 человек, в том числе 404 500 евреев (8,4 %) [Турунак, с. 42]. Основная масса еврейского населения Западной Беларуси была сконцентрирована в городах и местечках (в среднем, евреи составляли от 30 до 60 % жителей). Так, в м. Дивин (бывший Кобринский уезд) евреи составляли 60 % населения (2 113 человек), в то время как в Дивинском районе еврейское насе-

ление составляло 3,9 % (1 203 человека) [ГАБО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 13. Л. 47; Ф. 292. Оп. 1. Д. 25. Л. 5]. В м. Столин проживало 3 630 евреев (51 % жителей местечка), а в целом по бывшему Столинскому уезду евреи составляли 9 % населения [ГАБО. Ф. 7581 «П». Оп. 1. Д. 45. Л. 67, 69]. По роду занятий еврейское население было представлено практически во всех хозяйственных сферах, однако основная масса еврейского населения городов и местечек занималась ремеслом и торговлей. Евреи составляли более 70 % всех торговцев и ремесленников «кресов восточных» Польши [Levin, p. 21]. Кроме того, в западнобелорусских областях существовали и немногочисленные сельскохозяйственные еврейские колонии (например, д. Иваники Пинского района и др.).

Вступление Красной армии на территорию Западной Беларуси неизбежно влекло за собой изменение и обострение межнациональных отношений в регионе. Хотя формально освободительный поход Красной Армии ставил целью «освобождение украинских и белорусских братьев», фактически советской пропагандой евреи были включены в число народов, которые «тяжело угнетались реакционным польским режимом». Провозглашавшийся интернационализм, равенство наций и народностей, навсегда снимал все ограничения и запреты, уравнивал евреев в правах с коренным населением республики. Именно поэтому еврейские массы с энтузиазмом приняли участие в политическом строительстве на присоединенных территориях, выражая свои просоветские настроения. На этом этапе с советской властью сотрудничали главным образом левачьи элементы (бывшие члены КПЗБ, КПП и др.). Однако часто, особенно в местечках, их поддерживали и традиционные еврейские авторитеты.

Поскольку межнациональные отношения имели многовекторный характер, отдельно можно рассматривать взаимоотношения поляков и евреев, белорусов и евреев, поляков и белорусов.

На первом этапе установления советской власти логично объединить две национальные группы – евреев и белорусов – и проанализировать их взаимоотношения с польским населением. В сентябре 1939 г. произошла резкая поляризация общества: часть населения, в основном польского происхождения, продолжала поддерживать идею польской государственности, в то время как многочисленные национальные меньшинства – евреи и белорусы – заняли противоположную позицию и поддерживали советскую власть. Определенная часть еврейского и белорусского населения восприняла приход Красной Армии как возможность изменения своего положения и приняла активное участие в создании временных органов власти на местах. В некоторых районах помощь

советской армии выражалась в создании смешанных еврейско-белорусских партизанских отрядов, проводивших диверсионные акты на железных дорогах и действовавших в тылах польской армии [Мотука, s. 49]. Так, в м. Бытень группа местных коммунистов перегородила дорогу и обстреляла машину с высокопоставленным польским офицером. Польские власти Слонима расценили это как восстание в местечке и через несколько часов после описанных событий отправили в Бытень карательную экспедицию [Вгупа, р. 22].

В первые недели войны евреи, воспользовавшись бегством представителей польской администрации, проявили инициативу до прихода частей Красной армии и заполнили с согласия либо без согласия остального населения образовавшийся вакуум власти на местах практически во всех городах и местечках Западной Беларуси, где еврейское население нередко составляло большинство.

Отношения между еврейским и белорусским населением обострила кадровая политика советской власти и ломка традиционной для западно-белорусского региона схемы «государство – евреи». Первые мероприятия советской власти – национализация, стремительное исчезновение товарной массы – привели к разорению десятков тысяч еврейских торговцев и лавочников. Процесс маргинализации охватил значительные слои еврейского населения, которое воспользовалось исчезновением польской интеллигенции, оголением административно-хозяйственного аппарата. Именно тогда огромная интеллигентская и полуинтеллигентская еврейская масса хлынула в образовавшуюся нишу, занимая места в новых государственных структурах и стремясь найти свое место в создававшейся системе распределительной экономики. Повторилась ситуация 1917 года... Хотя присутствие евреев во властных структурах было введено в относительно пропорциональные рамки, тем не менее в целом кадровая политика советской власти усилила конкуренцию среди местного населения за право вхождение в советскую администрацию. На обострение межнациональных отношений влияли следующие факторы:

1. Высокий процент евреев среди местных выдвиженцев. Так, по Пинской области на январь 1941 г. евреи составляли 25,3 % среди местных выдвиженцев, причем в областных организациях и учреждениях – около половины состава (49,5 %). По Слонимскому району среди 1 804 чел. местных выдвиженцев было 786 белорусов (43,5 %), 782 еврея (43,3 %), 189 поляков (10,4 %), 34 русских (1,8 %) и 13 представителей других национальностей (0,6 %) [ГАООГО. Ф. 2191. Оп. 45. Д. 95. Л. 1–28]. Интересна самооценка изменения евреями своего социального статуса.

По признанию жителя города Лиды Самуэля Манского, его вступление в ряды милиции позволило ему не стоять в очередях и возвысило его в глазах окружающих: «Люди с уважением смотрели на нас, это было хорошее ощущение» [Manski, p. 30]. Таким образом, немалую роль в стремлении выдвинуться играла престижность принадлежности к новой власти и особенно к силовым структурам. Анализ воспоминаний показывает, что большое значение для изменения самосознания евреев имел факт получения оружия. Тот же С. Манский с удовольствием вспоминает об участии в конвоировании своего бывшего учителя-антисемита, арестованного советскими солдатами.

С учетом национального состава городов и местечек и в связи с удалением поляков из государственной, хозяйственной и социальной инфраструктуры закономерным является процесс заполнения освободившихся мест именно евреями, исходя из их образовательного уровня и традиционных занятий. В первую очередь, как это видно на примере Пинской области, это касалось врачей (евреи составляли 64,7 %), бухгалтеров, счетоводов и плановиков (49,2 %), учителей (24,8 %) и т. д. В некоторых местностях ситуация предпочтения специалистов-евреев вызывала нарекание со стороны «пострадавшей» части. Так, остро проявилось профессиональное соперничество между медработниками г. Барановичи. Медики-неевреи жаловались, что в городской больнице были оставлены исключительно врачи-евреи, а врачи других национальностей были переведены обл- и горздравом на другую работу в городе или посланы в районы [ГАБО. Ф. 7580. Оп. 1. Д. 29. Л. 94]. Подобные случаи вызывали недовольство и укрепляли антисемитские настроения.

2. Прибытие «восточников», среди которых также было достаточно много евреев, занимавших партийные и государственные посты. Так, по линии городских и районных советов, а также в областных организациях и учреждениях Пинской области выходцами из восточных областей были 4 003 человека, в том числе 471 еврей (11,7 %), причем в Пинском горсовете удельный вес евреев был выше – 26,4 % работников. В районных организациях и учреждениях евреев-«восточников» было меньше – около 10 % состава. Так, по национальному составу 180 «восточников», прибывших в Ганцевичский район распределялись следующим образом: 111 белорусов, 43 русских, 12 евреев (6,6 %) и 3 поляка [ГАБО. Ф. 2219 «П». Оп. 1 «а». Д. 17. Л. 7–16]. Среди 432 специалистов, присланных из восточных областей в Слонимский райком, было 46 евреев (10,6 %) [ГАООГО. Ф. 2191. Оп. 45. Д. 95. Л. 1–28].

Многие евреи занимали ответственные посты в органах НКВД, суда, прокуратуры и с ними ассоциировались репрессии новой власти. Так, прокурором Дивинского района Брестской области являлся М. М. Вескер, прокурором Пружанского района – Н. И. Лившиц, начальником отдела уголовного розыска УРКМ Брестской области – И. В. Егуткин, начальником 3-го отделения Кобринского уездного отдела НКВД Брестской области – Н. А. Тютюник, начальником РОМ НКВД Домачевского района – З. И. Чернявский, народным судьей Малоритского района – А. А. Френкель, зам. начальника УНКВД по Брестской области – В. Г. Каган, начальником следственной части Брестского облуправления НКВД – С. М. Левин, заместителем прокурора Брестской области – И. Н. Эстеркин, помощниками прокурора Брестской области – А. Л. Каплан, Р. Э. Амгавицкая и т. д. [ГАБО. Ф. 1. Оп. 16. Д. 6. Л. 66, 1112; Д. 7. Л. 9, 10, 67; Д. 33. Л. 142; Д. 5. Оп. 1 «б». Л. 131]. По данным на 25 октября 1940 г., 41,2 % всех работников, занятых на судебно-прокурорской работе по Пинской области и выдвинутых на должности из местного населения, были по национальности евреями [Розенблат, Еленская, с. 35–36].

Отмечая складывавшуюся диспропорцию местного представительства, советские власти пытались исправить ситуацию, проводя «дееврейзацию» кадров. Так, в докладной, отправленной начальником Гродненского ГО НКВД секретарю Гродненского горкома партии Г. Позднякову говорилось, что руководство Гродненского горпищепромторга ведет неправильную политику подбора кадров: из 564 человек, занятых в торговой сети и заготконторе горпищепромторга, 405 работников – евреи (около 72 %), что «противоречит национальной политике нашей партии» [ГАООГО. Ф. 2. Оп. 50. Д. 40. Л. 125–126].

Участие евреев во властных структурах воспринималось частью местного населения не как на практике осуществлявшийся принцип национального равенства, а как несправедливая привилегированность евреев, выделение их советской властью. Впоследствии это привело к появлению отождествления «советская власть – власть евреев и для евреев» («жидовская власть»).

Засилье евреев во многих сферах советизированной экономики вызвало, безусловно, межнациональные трения, усиливавшиеся по мере возрастания товарного дефицита. Перебой в снабжении населения были сопряжены с проблемами, связанными с вопросами распределения товаров. Особенно большие трудности в снабжении отмечались в местечках. Так, в м. Волчин Высоковского района Брестской области существовала система реализации товаров, пользовавшихся повышенным спросом,

таких как сахар и мануфактура, по национальности – евреям и белорусам по отдельности. После завоза товаров в одном магазине занимало очередь еврейское население, в другом – белорусское. Иногда между местными жителями возникали споры по поводу права евреев занимать очередь не в «своем» магазине [ГАБО. Ф. 6 «П». Оп. 1 «а». Д. 3. Л. 42]. В докладной записке секретаря Белостокского обкома партии наркому юстиции БССР от 14 марта 1940 г. сообщалось, что масштабы спекуляции в городах области вышли за рамки обычной уголовщины и приняли характер классовой борьбы [ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 90. Л. 123].

Наиболее ярко антисемитизм местного населения проявился в ходе подготовки и проведения избирательной кампании в местные и областные, а также в Верховные Советы БССР и СССР в 1940 г. Антисоветские настроения облекались в форму антисемитских высказываний. В спецсообщениях НКВД отмечались многочисленные случаи нежелания голосовать за «жидовскую власть». Так, в м. Иваново Пинской области органами НКВД был зафиксирован широко распространенный взгляд части населения на предстоящие выборы, выраженный следующим образом: «При выборах лучше не выбирать евреев, так как... они будут защищать и стоять на стороне еврейского населения» [ГАБО. Ф. 7581 «П». Оп. 1. Д. 26. Л. 44].

Нетерпимость к евреям выражалась по-разному. На одном из избирательных участков м. Несвиж во время собрания, когда в прениях собрался выступить местные евреи на еврейском языке, одна полячка выразила общее отношение к этому словами: «Если евреи будут говорить на своем языке, мы все уйдем с собрания, пусть их слушают жида» [ГАБО. Ф. 7580. Оп. 1. Д. 26. Л. 78].

Зачастую антисемитизм подогревался ксендзами. Наиболее воинствующие из них в публичных и частных выступлениях обвиняли евреев во всех грехах новой власти. Так, ксендз м. Несвиж, обращаясь к своим прихожанам, говорил: «...Скоро снова придет такое время, когда Польша восстановится и будет очень сильна, но на этот раз на территории Польши не будет разрешено жить жидам, им житья не будет, т. к. они все коммунисты...» [ГАБО. Ф. 7580. Оп. 1. Д. 26. Л. 169].

Особой остротой на протяжении всего периода 1939–1941 гг. отличалось противостояние между еврейским и польским населением. В докладной записке заведующего красным уголком при электростанции г. Гродно М. Г. Пузевского, еврея по национальности, подчеркивалось, что в целях увеличения эффективности агитации и пропаганды на этом предприятии, 75 % рабочих и служащих на котором составляют поляки, следует прислать коммуниста-нееврея: «...эту ненависть, которую они

[поляки] чувствуют к евреям, не удастся сразу уничтожить... если агитатор хочет иметь у них авторитет, он не должен быть евреем» [ГАООГО. Ф. 2. Оп. 50. Д. 27. Л. 49–50].

Показателем взаимной национальной вражды в обществе могут служить примеры взаимоотношений учащихся средних школ и ФЗО. Как отмечалось в докладной записке секретарю Барановичского обкома, в бывшей Несвижской гимназии между учениками обострилась национальная рознь: дети-поляки на переменах и на улице держались отдельно от белорусских и еврейских школьников [ГАБО. Ф. 7580. Оп. 1. Д. 26. Л. 20]. То же наблюдалось в Дятловском детском доме: воспитанники-поляки избивали своих ровесников белорусов и евреев [ГАБО. Оп. 1. Д. 28. Л. 21]. В пинской школе ФЗО № 23 также имелись факты проявления национальной вражды. Ученики-евреи называли сверстников-поляков «польскими собаками», в то время как учащиеся-поляки и белорусы называли евреев «жидюгами». В той же школе ФЗО разбирался случай, когда одному из школьников-евреев во время сна нарисовали крест и забили в уши бумагу [ГАБО. Оп. 1. Д. 26. Л. 181].

Подобный результат давало соответствующее воспитание со стороны некоторых учителей. Так, директор одной из школ Ивановского района говорил: «Теперь в каждом учреждении сидят евреи и что хотят, то и делают. Наши крестьяне ужасно озлоблены тем, что большевики посылают в деревню... в сельсоветы и райсоветы евреев, ведь они забыли, как эти купчики сосали кровь крестьян хуже всяких помещиков...» [ГАБО. Ф. 7581 «П». Оп. 1. Д. 26. Л. 169].

Действительно, в сельской местности складывалась особенно напряженная ситуация. Обострение межнациональных отношений и неприятие советской колхозной политики выражались в том числе в отказе признавать присылаемых на работу евреев: председателей колхозов, учителей, культработников и др. Так, жители д. Нарбутовичи Дятловского района Барановичской области отказались принять приехавшего работать в сельской школе комсомольца Ридера. Причиной этому послужила еврейская национальность учителя [ГАБО. Ф. 7580. Оп. 1. Д. 139. Л. 18–19]. Конфликтная ситуация, имевшая место в Давид-Городокском районе, послужила предметом особого разбирательства в райкоме партии. Назначенный на должность председателя колхоза им. Парижской коммуны Б., еврей по национальности, всего за месяц работы (октябрь-ноябрь 1940 г.) сумел настроить против себя большую часть колхозников грубым обращением, открытым присвоением материальных ценностей и подчеркнутым благорасположением к местным евреям. В райкоме было приня-

то решение о перевыборах председателя колхоза. Характерно, что на собрании колхозников секретарь РК КП(б)Б т. Осипов выступил с заявлением о том, что «райком... в рекомендации колхозу председателем Б. как еврея ошибся, в силу чего в колхозе стала процветать национальная вражда» [ГАБО. Ф. 7581 «П». Оп. 1. Д. 76. Л. 39]. То есть решение о снятии Б. с работы мотивировалось не его неумением организовать работу и личными качествами, а национальным происхождением.

В районах, где значительную прослойку составляло польское население, антиеврейские конфликты приобретали более ожесточенный характер, вплоть до проведения террористических актов. Так, 14 июня 1940 г. в м. Райгород Граевского района Белостокской области в клубе во время танцев, когда большинство местных поляков покинули зал и внутри здания осталась в основном еврейская молодежь, через открытое окно в помещении были брошены две гранаты. В результате погибло 5 человек, 20 человек получили ранения [ГАООГО. Ф. 6195. Оп. 1. Д. 90. Л. 364].

В советской системе межнациональных отношений евреи не могли продолжать существование как этноконфессиональная группа, так как против иудаизма (как и против других религий) велась борьба, а национальные самоуправленческие структуры, существовавшие при польской власти, были уничтожены. Евреи не могли войти в новое общество, сохранив свою профессиональную структуру – она была обречена. В этой ситуации раскол еврейского населения в восприятии советской власти был неизбежен. Если принять за критерий реакцию евреев на новый режим, дифференциация будет выглядеть следующим образом:

1. Люди, настроенные антисоветски (в основном непримиримые верующие и пострадавшие в ходе советизации западных областей).
2. Люди, принявшие советскую власть, поддерживавшие ее по идейным или карьерным соображениям (как правило, еврейская беднота, молодежь).
3. Основная масса еврейского населения, характеризующаяся аполитичностью, выбравшая путь адаптации к новым условиям жизни и труда.

Динамика межнациональных отношений в аспекте «евреи – неевреи» в рассматриваемый период такова: установление советской модели социализма в области политики, экономики, идеологии прямо или косвенно объективно приводило к обострению межнациональных отношений. Этнические отношения в определенной степени отразили раскол в обществе, вызванный установлением новой власти. В принципе, деление местного населения на сторонников и противников советской власти было неизбежно; характерно, что раскол усугубился в ходе советизации, видоизменился и принял форму открытого или чаще всего скрытого межна-

ционального конфликта. Традиционный антисемитизм населения Западной Беларуси, существовавший в основном на бытовом уровне, на протяжении 1939–1941 гг. приобрел политический оттенок, став одной из форм антисоветизма.

Воспоминания бывшего члена КПЗБ А. В. Горбата. Личный архив автора.

Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1 (Брестский областной комитет КП(б)Б); Ф. 6 «П» (Высоковский районный комитет КП(б)Б); Ф. 292 (Временное управление г. Кобрин и уезда); Ф. 2219 «П» (Ганцевичский районный комитет КП(б)Б); Ф. 7580 (Барановичский областной комитет КП(б)Б); Ф. 7581 «П» (Пинский областной комитет КП(б)Б).

Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГО). Ф. 2 (Гродненский городской комитет КП(б)Б); Ф. 2191 (Слонимский городской комитет КП(б)Б); Ф. 6195 (Белостокский областной комитет КП(б)Б).

Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. Брест, 1997.

Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск, 1993.

Bryna Bar Oni. The Vapor. Chicago, 1976.

Jasiewicz K., Strzembosz T., Wierzbicki M. Ogólna charakterystyka okupacji Sowieckiej na ziemiach Polnocno-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 // *Okupacja Sowiecka (1939–1941) w swietle tajnych dokumentów.* Warszawa, 1996.

Kagan J., Cohen D. Surviving the Holocaust With the Russian Jewish Partisans. London, 1998.

Levin D. The Lesser of Two Evils. Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Philadelphia – Jerusalem, 5755/1995.

Manski S., Manski C. F. With God's Help. Madison, Wisconsin, 1990.

Motyka G. Białorusini a Ukraińcy wobec władzy komunistycznej na Kresach Wschodnich II RP w latach 1939–1941 // *Studia z dziejów okupacji sowieckiej (1939–1941).* Warszawa, 1997. S. 49–59.

УДК 94(47).084:323.2

Т. Н. Самсонова

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СССР: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, УРОКИ

Автор анализирует процесс формирования советской национально-государственной идентичности, осуществлявшийся в условиях политических, экономических и социокультурных трансформаций; раскрывает проблемы становления

национально-государственной идентичности в России после распада Советского Союза в 1991 году; рассматривает факторы формирования гражданских качеств россиян.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия, национально-государственная идентичность, патриотизм, советский народ.

Во всех преуспевающих государствах есть определенный «набор» символических элементов, которые являются своего рода критериями идентификации для их граждан. Эти символы содействуют формированию их лояльности по отношению к власти и государству, воспитанию чувства собственного достоинства, создают моральную основу для участия в общественно-политической жизни, в функционировании различных институтов и т. д. В такой символической идентификации особенно остро нуждаются граждане образующихся государств, где процесс разработки национально-государственной идентичности требует проведения масштабной, целенаправленной государственной политики и, как правило, сопряжен с немалыми трудностями.

Исследование процесса формирования национально-государственной идентичности в советской России в 1920–1930-е гг. имеет сегодня не только историко-теоретический, но и политико-прикладной характер. Для современной России, преодолевающей последствия переходного периода, определяющей политический и экономический векторы своего развития, не менее важно и восстановление идейной системы координат, выстраивание пространства постоянно меняющихся идентичностей. За последние десятилетия граждане нашей страны дважды пережили разрушение идейно-ценностных конструкций: на рубеже 1980–1990-х гг. рухнула вера в социалистические идеалы, а через несколько лет большинство россиян охватило разочарование в либерально-демократических ценностях образца 1991 г. Российское общество оказалось в идейном и ценностном вакууме, что в значительной степени усугубляло системный кризис и не могло не сказываться на развитии страны.

В этом контексте исследование процесса конструирования и функционирования советской модели национально-государственной идентичности может преподать некоторые «уроки» и быть полезным. Исторические сюжеты почти столетней давности требуют осмысления с учетом не только происходящих в современной России преобразований, но и вызовов глобализации, оказывающей заметное влияние на процессы идентификации.

Существуют разные подходы и интерпретации понятия национально-государственной идентичности [Титов, 2017, с. 13–25], а также близких

ему по содержанию понятий – национально-гражданская, гражданско-государственная идентичность. Весьма продуктивна, на наш взгляд, трактовка национально-государственной идентичности как феномена массового сознания, имеющего культурно-психологическую природу. Ее репрезентацией является многогранный образ «мы», т. е. совокупность взаимосвязанных между собой представлений в различных проекциях – временной, пространственной, символической, лингвистической, повседневно-бытовой [Следзевский]. Другими словами, национально-государственная (национально-гражданская, гражданско-государственная) идентичность включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства – гордость, разочарование, обида, пессимизм или энтузиазм. В идентичности прослеживаются когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы.

Процесс целенаправленного формирования советской модели национально-государственной идентичности, начавшийся в середине 1920-х гг., осуществлялся в очень сложных условиях – глубокие социально-экономические проблемы; высшая степень фрагментации общества по разным линиям раскола – классовым, идеологическим, этнокультурным, религиозным; враждебное геополитическое окружение советской России и др. Построение нового общества было попыткой сформировать новый императив общественного устройства: «Мы наш, мы *новый* мир построим...» (выделено нами. – Т. С.). Другими словами, в основе этого процесса была установка на признание советского общества как уникального, впервые в истории человечества осуществляющего собственный путь национально-государственного развития.

Для осуществления такого грандиозного, оригинального проекта требовался тотальный разрыв с прошлым. По сути, предлагалась принципиально новая временная триада «прошлое – настоящее – будущее». При этом ключевым звеном выступало именно «светлое будущее человечества», достижение которого должно было в значительной степени оправдать «жертвенный» характер проводимой в стране в 1930–1950-е гг. государственной политики. Поэтому шло целенаправленное разрушение социальной памяти о досоветском прошлом. «Представление о целостности исторического процесса отчасти было деформировано и в массовом историческом сознании советских людей, – отмечает А. Б. Каменский, – поскольку официальная историография насаждала представление о том, что История началась в 1917 г., а все, что было до этого – лишь предыстория страны и народа» [Каменский].

Нечто подобное происходило в нашей стране на рубеже XX–XXI вв. Проявился «синдром потери идентификации на общегосударственном уровне» [Ионин, с. 272]. Предпринимались попытки отказаться от советского прошлого, представляя его исключительно в мрачных тонах. Такие слова из популярной советской песни, как «раньше думай о Родине, а потом о себе», «была бы наша Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего», нередко вызывали насмешки. Появились и получили широкое распространение термины «совковость», «совковый», «совок». Спору нет, без четко выраженного частного интереса трудно добиться реальных результатов. Но индивидуальные запросы, амбиции, аппетиты следует соотносить с соображениями всеобщего блага. Нельзя забывать о таких качествах, как скромность, коллективизм, солидарность. К тому же в России всегда существовал уклон в сторону взаимопомощи, коллективизма, равенства [Самсонова, 2016, с. 231–232]. Постепенно в массовом сознании складывается понимание того, что советский период является безусловным историческим наследием нашей страны, разрыв с которым нарушает преемственность и взаимосвязь поколений, ведет к потере чувства коллективной идентичности. Многие ученые, политики, рассматривая российский народ как гражданскую нацию, подчеркивают, что «идеология гражданской нации включает принципы ответственного гражданина, версию общего прошлого, с его драмами и достижениями, патриотизм и лояльность государству» [Тишков].

Советская модель национально-государственной идентичности с самого начала ее целенаправленного конструирования обладала рядом важных качеств, которые и обеспечивали ее устойчивость на протяжении нескольких десятилетий. Она носила внутренне целостный, интегративный и многоуровневый характер. Уже на начальных этапах становления советского государства была создана уникальная система институтов и механизмов политической социализации и гражданской идентификации. Можно сказать, что целенаправленная политика государства в этих вопросах была важным, более того, необходимым атрибутом самого государственного устройства. Это способствовало реальной интеграции разрозненных социальных групп в новую гражданскую общность – «советский народ». Кроме того, эта модель была ориентирована не только на национальные, но и на «общечеловеческие» интересы (*«мы рождены, чтоб сказку сделать былью»*), что давало возможность хотя бы отчасти затушевывать проявлявшиеся в обществе противоречия. Поэтому было бы упрощением объяснять успехи советского государственного строительства исключительно применением методов принуждения и насилия.

Советское государство не ограничивалось глобальной политической «повесткой дня» (идеи осуществления мировой революции, построения коммунизма как «светлого будущего человечества»), но и решало задачи конструирования позитивного образа «простого человека». Человек «включался» в макрополитические и социально-экономические процессы, испытывая при этом эмоциональный «эффект сопричастности» к великим созидательным делам. Тем самым частично преодолевалась фрагментация советского общества по упоминавшимся ранее классовым, этническим, религиозным, культурным признакам.

Анализируя истоки и смысл советского проекта, отечественные исследователи нередко отмечают опосредованную культурную и психологическую связь коммунистической идеологии и российского имперского традиционализма. Можно согласиться с мнением, что коммунистический миф «представлял собой структурно выверенную, синтезную конструкцию, в которой “история”, “миссия”, “правитель”, “государство” и “человек” были интегрированы воедино через масштабный образ коллективного будущего. Очевидно, что такая гипертрофированная “масштабизация” советского проекта, наличие мощного идейного стержня, ... внятного “образа прошлого”, выраженность “образа врага” придавали советской модели идентичности и устойчивость к различным идейно-политическим вызовам, и необходимый мобилизационный потенциал» [Титов, 2017, с. 66].

На рубеже 1930–1940-х гг. основным лейтмотивом формирования советской идентичности стала идея патриотизма. Патриотизм – «высокий» уровень идентификации личности, он «поднимает» каждого отдельного человека над его этническими корнями, выдвигая на первый план его принадлежность к своей стране. Объединительные и интеграционные идеи патриотизма в том, что он «представляет» государство (родину) как ценность, которая постоянно нуждается в совместных усилиях граждан. Патриотизм выступает важным фактором консолидации и согласования интересов различных групп и движений, единения государственных и общественных сил. При этом патриотизм означает не просто любовь, а «деятельную любовь», которая проявляется в том, что забота человека о своей стране становится и заботой о себе [Самсонова, 2011, с. 53–55; Самсонова, 2015]. Это наглядно проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда граждане советского государства сплоченно выступили на защиту Отечества. «Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты» (В. С. Высоцкий).

Сравнительный анализ процессов становления национально-государственной идентичности в СССР и современной России позволяет вы-

явить еще одну параллель, своего рода «повторение». В 1920–1930-е гг. шло формирование нового пантеона национальных героев. Постепенно на смену периоду отказа от героев досоветского времени пришел период «вписывания» некоторых элементов «старой», досоветской истории в общее пространство исторической памяти народа (своего рода «реабилитация» ряда исторических фигур, полководцев А. В. Суворова, М. И. Кутузова и др.).

В современной России в последние десятилетия также произошла значительная смена пантеона национальных героев. Процесс это непростой, даже болезненный, так как пантеон героев позволяет не только выявить поворотные, ключевые вехи национальной истории, но и довольно четко определить, что народ больше ценит – силу или насилие, ум или хитрость. («Несчастлива страна, у которой нет героев», – писал французский мыслитель П. Буаст). Представляются малодостойными попытки провести почти тотальную дегероизацию российской истории, когда под предлогом борьбы с лжегероями и мифами шло развенчание действительных героев, формализация их почитания, размывание самого понятия подвига и девальвация героического поведения. Нация, забывая о своем героическом прошлом, лишается исторической памяти. А без исторической памяти нет и исторического кругозора. У Гегеля есть такие слова: «Для лакея нет героя. И не потому, что герой не есть герой, а потому, что лакей есть лакей». Отказываясь от своих героев, общество тем самым отказывается от возвышенного, одухотворенного, ибо на Руси издавна мотивом героизма была не личная слава, как, например, у древнегреческих и древнегерманских народов, а готовность «положить живот свой за други своя».

Происходящие в обществе процессы наглядно показывают, что многие проблемы российской истории, со всеми ее загадками, парадоксами и катаклизмами, остаются спорными и в настоящее время. Обществу трудно прийти к однозначным решениям и оценкам. Какие страницы отечественной истории могут и должны вызывать гордость и уважение к своей стране и народу? Кого следует считать истинными гражданами-патриотами, великими историческими деятелями России? К тому же «связь» патриотизма и гражданственности не проста. Патриотизм предполагает безоговорочное служение Отечеству. Но при этом важно, чтобы он проявлялся и в мирной жизни, формировались активная жизненная позиция и гражданское самосознание. Гражданственность в зависимости от характера политической системы может выражаться в поддержке или несогласии с какими-то ее действиями либо в полном отрицании системы

и борьбе с ней. Другими словами, гражданственность, по сравнению с патриотизмом, более динамична, она ставит человека перед нравственным выбором [Самсонова, 2011; Самсонова, 2012].

Исторический опыт убедительно доказывает, что важнейшим условием формирования эффективной национально-государственной идентичности являются стратегический характер и системность проводимой «политики памяти», выбор оптимальной модели ее институциональной организации, обеспечение скоординированной деятельности основных субъектов политической социализации. Можно сказать, что целенаправленное государственное «вмешательство» в процессы политической социализации и идентификации является необходимым атрибутом самого государственного устройства. Велико и значение транслируемого многогранного «образа будущего», своего рода общественного идеала (его отсутствие в наши дни пагубно сказывается на состоянии общества), создание и воспроизводство многомерного пространства общенациональных политических символов [Титов, 2016].

В формировании советской модели национально-государственной идентичности, несмотря на определенные достижения, были и серьезные просчеты, которые в конечном счете и привели, наряду с другими причинами, к ее разрушению. Это постоянная апелляция к конфликтному образу прошлого, чрезмерная идеологизация, все возрастающий разрыв между идеалом и реальностью и др.

Представляется, что осмысление и учет этих просчетов может действовать совершенствованию механизма формирования современной российской общегражданской идентичности. А это нелегкий, сложный процесс в условиях острой конкуренции различных идеологических, религиозных и ценностных систем современного мира.

Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2004.

Каменский А. Б. Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого // Международ. фонд соц.-экон. и полит. исследований (Горбачев-фонд) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_478/view_24235/ (дата обращения: 06.07.2017).

Самсонова Т. Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А. И. Костина. М., 2016. С. 222–247.

Самсонова Т. Н. К вопросу о формировании гражданственности в современной России // Гражданское общество: теория и практика : ежегодник. 2011. Вып. 5 / под ред. Б. Г. Мирнова и Ю. М. Резника. М. ; Чебоксары, 2011. С. 49–62.

Самсонова Т. Н. О гражданском воспитании нового поколения в современной России // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 1. № 69–70. С. 147–154.

Самсонова Т. Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории : науч. альманах. Т. VII. Вып. 1–2. 2013–2014. Человек как субъект конструирования / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. М., 2015. Т. 7. № 1. С. 231–239.

Следзевский И. В. Образ России как смысловой конструкт. (Семантическая составляющая «главного русского спора») // Общ. науки и современность. 2007. № 7. С. 103–113.

Титов В. В. Конструирование национально-государственной идентичности в XX веке: анализ советского опыта // Информ. войны. 2016. № 2. С. 7–12.

Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017.

Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность // Известия. 2007. 19 июня.

УДК 94(574.11).084.5

Т. В. Соловьева

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК УТОПИЯ*

В статье рассмотрены представления общественности Урала о перспективах развития хозяйства региона накануне районирования, которые во многом определили проведение границ на областном, окружном уровнях, а также стали своеобразной программой развития Уральской области. Сделан вывод о том, что это видение будущего ограничивало развитие Урала не только своей утопичностью (устройство водных каналов и использование энергии ветра), но и стремлением все экономические проблемы решить на местном уровне (местная электрификация и местные виды топлива).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Уральская область, районирование Урала, промышленность Урала, территориальная система управления промышленностью.

После падения царского режима в сознании масс появилась идея о том, что советское правительство будет открыто всем новшествам, достижениям науки, что наступает эпоха изменений. На Урале этот период совпал с районированием, которое в 1920-е гг. мыслилось как моделирование хозяйственных и управленческих процессов. В ходе дискус-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

сий о районировании Урала было высказано множество идей. Они нашли отражение в местной периодической печати и в архивных документах. Наиболее активно обсуждение шло в период с 1921 г., когда была создана первая местная областная комиссия по районированию Урала, по 1925 г., когда начали осознать итоги административно-территориальной реформы. Особенно интересны материалы таких журналов, как «Экономика», «Юный пролетарий Урала». Их номера за 1923 г. содержат статьи с футуристическими картинками будущего общества, промышленности, Урала, что говорит о всплеске «утопии» как реакции на районирование. Необходимо отметить, что авторами статей в разных журналах выступали одни и те же люди. Это придает авторский взгляд высказанным концепциям и идеям. Вместе с тем между публикациями в журналах и архивными документами прослеживается преемственность, т. е. они не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Несмотря на утопичность представлений о будущем, эти идеи оказали влияние на реформу районирования и судьбу Уральской области.

Осознание смыслов, которыми наделались границы области в 1923 г., не только поможет понять идею Уральской области «по замыслу», но и, возможно, причины ее ликвидации. Уральская область была создана в ноябре 1923 г. в составе 4 губерний (Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Тюменской) и Тобольского Севера и состояла из 15 округов, 203 районов, 3 142 сельсоветов. По словам современников, ее территория превышала территории Германии, Франции, Швеции вместе взятых [Уральский статистический ежегодник, с. 2]. Неудивительно, что будущее Урала видели в формировании экономически самодостаточной индустриальной области. Развитие должно было опираться на принципы научной организации, использование новых видов топлива, развитие путей сообщения. Рассмотрим их подробнее.

Наука как основной принцип организации Уралобласти

Районирование в 1920-е гг. рассматривалось как передовое направление развития хозяйства и связывалось с планами электрификации, тейлоризации, укрупнения и районирования промышленных и сельскохозяйственных предприятий, создания единого плана и т. д. [Альтшуллер, Экономическое изучение Урала..., с. 5–17].

Доказательством того, что определение границ в 1923 г. далеко выходило за границы просто административно-территориальной реформы, говорит следующее высказывание, встреченное на страницах журнала «Экономика»: *«мы, районаторы, <...> будем создавать возможно более*

верную карту [хозяйства], которой, увы, до сих пор еще не существует» [Генкель, с. 64–65]. Кроме этого, районирование виделось как *динамическое*, т. е. как бесконечный процесс: «мы ведь надеемся, что мы делаем живое, динамическое дело, а не статистическое, осужденное, подобное прежним губерниям, на вековую неподвижность» [Там же].

Иными словами, районирование рассматривалось как изучение и проектирование хозяйства и управления Урала в территориальном разрезе и *на научной основе*: «будущее хозяйство не может быть построено ни на какой больше основе кроме научной» [Альшуллер, Научная организация труда..., с. 10–13; Альшуллер, Экономическое изучение Урала..., с. 5–17].

Для того чтобы развитие хозяйство основывалось на передовых разработках, по мнению М. И. Альшуллера, необходимо было в первую очередь создать *научно-экономический центр для всего Урала*, направляющий работу органов управления. «Это центр, где бы можно было все экономические материалы каталогизировать, картографировать, коллекционировать, организовать музей товароведения, экран, выставки. Особо сложные работы по консультации, экспертизе, составлению справок и заключений и, наконец, попытки тейлоризации, применения психотехнического метода к хозяйственному труду, одним словом, все проекты рационализации уральского народного хозяйства – нужно будет проводить через Научно-Экономическое Бюро. <...> При районировании России, захватывающем в первую очередь Урал, Научно-Экономическое Бюро на Урале необходимо организовать в ближайшем же будущем» [Альшуллер, Экономическое изучение Урала..., с. 5–17]. Этот Институт экономических исследований должен *был иметь возможность взаимодействия с границей*, главным образом с Германией, с целью получения наработок по психотехнике и социальной инженерии [Альшуллер, Еще о наших..., с. 8–9].

Конечной целью применения научных наработок было построение рационального хозяйства Урала. Основными составляющими рационализации являлось:

- 1) решение вопросов энергетики региона (новые виды источников энергии);
- 2) организация оптимального взаимодействия предприятий и отраслей на региональном уровне на базе передовых научных достижений (в том числе химии);
- 3) развитие путей сообщения и транспорта;
- 4) создание территориальной системы управления промышленностью.

Энергетика как фактор районирования

Энергетика в утопиях рассматривалась не просто как экономическая отрасль, а как элемент, связующий все структуры общества – человека, предприятие, территорию региона – территорию страны в целом. На уровне региона выделялось три энергетических уровня. К первому и базовому уровню относился человек, который выступал в качестве основного источника энергии, которую необходимо мобилизовать и эффективно использовать.

Размышляя над проблемой энергетики края, М. И. Альтшуллер писал, что на государственном уровне необходимо решить проблему по увеличению *энергетического бюджета страны*. На уровне человека проблемы энергетики М. И. Альтшуллер предлагал решать на базе наработок *хозяйственной психотехники* (психология в применении к решению хозяйственных задач), НОТ и разработок Тейлора, Джилберга, Гантта, Ерманского, Бехтерева и др. Он описывал человека как *рабочую машину, рычагами которой являются кости, а двигателями – мускулы, оснащенную* аппаратом для топки и получения энергии [Альтшуллер, Научная организация труда..., с. 10–13]. Человек рассматривался в качестве «живой силы», возможности которой следовало увеличивать как через развитие тела, так и за счет повышения культурности, «технической сознательности» для усвоения организаторских навыков и в условиях усложнения машин.

В свою очередь машины и механизмы также должны стать более экономными и эффективными и пройти путь от парового двигателя к автомобильному и затем к авиационному двигателю, в котором использование энергии максимальное, а вес самого двигателя минимален [Альтшуллер, Экономическое изучение Урала..., с. 5–17].

Следующим уровнем построения энергетической пирамиды был усовершенствованный завод – рационально построенный экономический район: «если можно доказать, что данные границы районов максимально повышают работоспособность, т. е. энергетику каждого из них, то районирование проведено правильно» [Семченко, с. 57–60].

Для рациональной организации территории принципиальное значение имели источники энергии. Если для управления человеком можно было использовать наработки психотехники, то для полноценной жизни завода и территории были необходимы передовые энергоносители – торф, каменный уголь и т. д.

Эти размышления были особенно актуальны потому, что на Урале в этот период очень остро стояла топливная проблема: в Прикамском

и Приуральском краях среди топливных ресурсов основное место занимало древесное топливо, которое не могло долго использоваться без ущерба для народного хозяйства. При древесном топливе, применявшемся на Урале, усиленном экспорте – колоссальных лесных массивов на Урале не хватило бы более чем на 15 лет.

Исходя из этого, энергетика Урала должна была строиться на новых для Урала, недооцененных источниках энергии. Неоднократно в печати и архивных документах отмечалось, что было бы большой ошибкой, разрешать топливную проблему только за счет Сибири, так как Печорская экспедиция профессора А. А. Чернова обнаружила в бассейне реки Печоры четыре выхода *каменного угля* [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 1. Л. 93–108]. Огромные надежды возлагались на *использование низкосортного топлива (бурый уголь, торф)* в металлургических операциях путем применения передовых методов обработки – флотационного обогащения Кизеловского каменного угля, брикетирования Уральских бурых углей и обогащения Егоршинского антрацита. Планировалось готовить из них топливо любого назначения – газогенераторное, паровичное, *синтетический кокс из некоксующихся углей*, пылевидное топливо [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 1. Л. 93–108].

В. М. Гейнрих в статье «Торф» пишет, что «в силу специфического уклада хозяйственной жизни заводов и бывшим обилием лесов, *торф* также не рассматривался ранее как топливо. Но торф дает в 40 раз больше топлива с десятины, по сравнению с дровами, а производительность торфяников выше, чем добычи дров и каменного угля, себестоимость ниже. Запасы торфа на Урале громадны. Оптимальны он и по расположению – расстояния от болот до пунктов потребления по Уралобласти – от 2 до 9 верст» [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 1. Л. 129–132]. Перспективы употребления торфа связывались не только с фабриками и заводами (отопление водогреек, водокачек), но с обслуживанием электростанций, железных дорог.

Так же, как и с углем, планировалось производить благородные фабрикат из торфа – *формованного торфа, брикетов, торфяного порошка*. Брикеты подходили для комнатного отопления и под паровыми котлами, порошок – для топок с большей площадью нагрева, кокс – для кузниц, вагранок, отчасти домашних печей [Там же].

Торф и бурый уголь будоражили умы районаторов тем, что являлись местным, более доступным, вариантом топлива, уменьшающим зависимость от других регионов страны, а также привлекали внимание дешевой и энергоемкостью.

Еще одной идеей, характерной для начала 1920-х гг., было представление, что вскоре основными источниками энергии станут «живые» энергоносители – *солнечные лучи, вода и ветер*. М. И. Альтшуттер и Вл. Саковский писали: «к услугам лесопромышленников выше Перми находится целая сеть рек и речек, впадающих в Каму и ее притоки. Более или менее значительных из них по карте Закожурникова насчитывается более 300. И такая масса текущей воды, *стало быть живой*, остается нынче почти неиспользованной» [Альтшуллер, Экономическое изучение Урала..., с. 5–17]. Силу течения этих рек и речек планировалось использовать сравнительно экономным способом. Реки представлялись лестницами из мостов и плотин. Уже в начале XX в. было спроектировано более 25 плотин для Уральских рек. Запасы «*белого угля*» рек Уральского хребта, по расчетам В. Е. Грум-Гржимайло, составляли 205 000 лошадиных сил [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 1. Л. 173–178]. Авторы здраво оценивали этот ресурс и отмечали, что запасы гидравлической энергии Урала не могут быть отнесены к крупным величинам, отдельные мощности могут быть сконцентрированы в определенных точках до 200–700 лошадиных сил, в более редких случаях – до 2000–5000. Силы воды было достаточно для функционирования мелкой и сельской промышленности, но не фабричной. По максимальным расчетам, на 1925 г. использовалось лишь 14 % от возможного уровня ее применения, т. е. направление считалось перспективным [Там же].

Таким образом, применение энергии воды рассматривалось как основа для мелкой электрификации – первой ступени общей схемы электрификации.

Помимо воды, важное место в утопиях отводилось энергии ветра. Однако условия Урала и в этом отношении не расценивались как благоприятные: средняя скорость ветра, учитываемая в расчетах, была равна 4,48 метров в секунду, что могло дать максимум 36 000 000 лошадиных сил [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 1. Л. 243–250]. Сезонные циклы функционирования водных и воздушных источников энергии можно было сгладить, используя принцип аккумулятора. Для водных и ветряных энергоресурсов это мог быть пруд («удобнее всего использовать пруд как гидравлический аккумулятор и ветряным двигателем пользоваться лишь для пополнения пруда, перекачивая воду из отводящего канала»). В результате была предложена идея комбинирования ветростанций с гидростанциями: «при мощности гидростанции в 100 лошадиных сил, потребуется 5 ветрянок» [Там же].

Вода и ветер, в свою очередь, рассматривались как аккумулятор солнечной энергии. Один из авторов предложил создать «солнечную машину» для использования тепловой энергии солнечных лучей, накопленной в текущей воде и воздухе [Саковский, с. 37–38].

Электрификация

Центральным звеном в решении энергетической проблемы Урала была идея электрификации. Был принят план ГОЭЛРО, по которому было намечено сооружение в Уральском регионе ряда крупных электростанций, в том числе 3 паровых (Кизеловская, Челябинская, Егоршинская) и одной гидроэлектрической (Чусовая) [Семченко, с. 57–60].

Электрическая энергия в раннесоветском обществе служила символом будущего и рассматривалась как предпосылка и основной образ коммунистического общества, во многом благодаря высказыванию В. И. Ленина «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», ставшим основным лозунгом и руководством к действию в советскую эпоху.

Электроэнергии придавались особые смыслы. Она рассматривалась:

– как способ преодоления пространства: «вместо того, чтобы вагоны с углем гнать по железным дорогам за сотни верст, мы превращаем этот уголь в электрическую энергию и уже по проводам гоним под большим напряжением к месту назначения» [Там же].

– как средство экономической независимости и самостоятельности. Произошла трансформация идеи «*электростанция рядом с топливом*» в идею «*электростанция на местном топливе*», что способствовало развитию малой электрификации. Пермское губэкономсовета приняло решение, что пожелания отдельных групп населения нужно координировать и склонять целые небольшие районы устраивать общие районные электростанции на подходящих по их водному режиму реках [Саковский, с. 37–38]. К числу таких станций относились Оханская районная станция на р. Очер, электростанция на р. Ирень около Кунгура и на р. Обве в районе Ильинской волости, Губахинская районная электростанция и т. д. Около Екатеринбурга началась постройка электростанции на торфяниках, включенная затем в план электрификации. Сооружение местных станций осуществлялось своими силами.

Уральская область как комбинат

Так же, как и энергетика, промышленность региона должна была опираться на передовые достижения науки и техники, стремиться к оптимальному сочетанию и взаимодополнению отраслей, производств

и предприятий (в областном, окружном масштабах) и максимальному самообеспечению, т. е. использованию ресурсов Урала. Хозяйство Урала рассматривалось как «связанное целое, комбинат, в том числе и по обслуживанию одними отраслями других» [Урал после районирования, с. 109, 127]. В марте 1920 г. заведующий Главруды Южного Урала писал, что «при дробности предприятий многие отходы производства пропадают, тогда как при общности обширной хозяйственной единицы они скорее, легче и целесообразнее могут быть использованы» [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 489. Л. 7].

Развитие металлургических и металлообрабатывающих предприятий было связано преимущественно с организационными мероприятиями, обеспечивающими конкурентные преимущества Урала. Так, например, предлагалось развивать производства с *выплавкой высококачественных металлов на древесном топливе или выплавкой низкосортного металла на каменном угле*. В дешевых изделиях Урал мог конкурировать с югом, в высококачественных материалах – со Швецией. Кроме того, на древесном топливе могла развиваться золото- и платинопромышленность [Семенов, с. 34–40].

Металлургические заводы должны были сами поглощать свои отходы: например, колошниковый и отходящие газы мартеновских печей могут быть использованы для отопления котлов силовых станций, а газы от коксовых печей – для бытовых нужд завода [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 1. Л. 252–257]. Сажу, выбрасываемую заводами из дымовых труб, предлагалось перерабатывать и извлекать свинец, серебро, золото, как делали в Америке [Кромер, с. 13–19]. Отходы золотопромышленности – кварцы и кальциты – перерабатывать в материалы для огнеупорных изделий, для извести, кислот и их солей и т. д. [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 489. Л. 7]. В свою очередь дешевая серная кислота была необходима для переработки фосфоритов и для получения дешевых суперфосфатов, которые планировалось использовать в качестве удобрения для повышения производительности сельского хозяйства. Поскольку местные фосфаты залегали близко к поверхности, верхний слой земли, поднимаемый в ходе их добычи, можно было использовать для построения плотин [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 25. Л. 5–8; Расцветов, с. 53–54]. Сила падающей воды могла быть использована для нитрификации азота воздуха и изготовления цианамида кальция, служившего для удобрений.

Наличие плодородных почв, например в Челябинской губернии, давало возможность развивать табаководство, производство сахарной свеклы (предлагалось перенести один из бездействующих заводов Украины

по переработке свеклы на Урал), а также фармацевтическую промышленность, для которой в качестве сырья использовать местные травы [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 2320. Л. 4–8]. Сельскохозяйственные территории могли снабжать промышленность человеческой и конной силой. В частности, предлагалось зимой направлять земледельческое население Сарапульского округа на разработку лесных массивов на Севере [Бобылев, К вопросу..., с. 63–65]. Ну а лес вновь шел на изготовление высококачественных металлов. Эта схема «промышленного круговорота» показывает, как различные производства могли обеспечивать друг друга.

Не забывали авторы статей и вопросы, связанные с укреплением обороноспособности страны. По их мнению, отдельные производства, соединенные с учетом вырабатываемого продукта, должны были строиться так, чтобы при первой необходимости *изменить свою продукцию на военную* [Кроммер, с. 13–19].

Кроме идей оптимизации работы промышленности, в журналах печаталось много статей о ресурсном потенциале Уральской области, до конца не изученном. Так, писали, что требует внимания проблема эксплуатации залежей калийных солей, асбеста, суперфосфатов, магнезита и драгоценных камней, камня как строительного материала, платины, радия, нефти, угля и т. д. В статьях встречаются утверждения, что необходима «колонизация» северных территорий («Северный край больше по территории промышленной части Урала, вполне возможно, что усиление разведок даст РСФСР еще один район с колоссальными богатствами» [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 489. Л. 8]), но это не означало исключительно экстенсивного использования ресурсов. Наоборот, авторы настаивали на организации *разумного использования* ресурсов и организации природных *заповедников*. Например, для сохранения и восстановления популяции пушного и др. зверя предлагалось создавать заказники [Об охране, с. 68–74].

Транспортные коммуникации

Развитие промышленности было немислимо без создания комплексной системы транспортного сообщения, включающей *железнодорожные, грунтовые, речные и воздушные пути*.

Развитие железнодорожного сообщения виделось в следующих направлениях:

1 – *соединение участков железных дорог для транспортного обеспечения единого промышленного комплекса Уралобласти* (узкоколейные пути к вырубкам леса; вторая железнодорожная колея для вывоза Кизеловского угля; железная дорога Курган – Шадринск– Свердловск

для лучшего использования сельскохозяйственных богатств; продление Самской железной дороги до Северного рудника; соединение железных дорог Урала с Самаро-Златоустовской, Омской, Казанбургской дорогами). К 1925 г. Урал подготовил программу железнодорожного строительства, в числе линий первой очереди (трехлетний план) были представлены: Каргалы – Магнитная, Тавда – Тобольск и Свердловск – Шадринск – Курган [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 489. Л. 35–36; Урал после районирования, с. 140–142].

2 – *строительство железнодорожных путей на Севере*. У руководства области были надежды на огромные лесные, пушные, рыбные, ископаемые ресурсы Севера: «чтобы колонизовать Тобольский Север», закрепить его тяготение к Уралу, необходимо было построить железную дорогу Тавда – Тобольск. Также говорили о необходимости постройки железной дороги Тобольск – Ишим как части магистрали Тобольск – Ишим – Петропавловск – Кокчетав – Атбасар [ГАСО. Ф. Р-193. Д. 5. Л. 16].

3 – *создание транзитных железнодорожных линий*. Необходимо было соединить железными дорогами всю территорию области, выйти к Северному морскому пути и обеспечить через Урал связь Сибири с Москвой и Европой и трех районов – Туркестанского края, Киркряя (т. е. Киргизского – Т. С.) и Башреспублики.

Последняя задача могла быть реализована, *во-первых*, через создание меридианных путей, имеющих выходы на севере – к Ледовитому океану (бухта Индиго) и к Архангельску, а в южном направлении – к безлесным окраинам республики – Туркестану [Бобылев, О значении Перми..., с. 49–57] в том числе через достройку *Троицк – Орской* железной дороги, которая должна была соединить Самаро-Златоустовскую и Оренбург-Ташкентскую магистрали [Соловов, с. 58]. Также существовал проект развития железнодорожной сети Оренбург – Уфа – Ергач – Пермь – Солеварни – Чердынь – Троицк – Ухта с выходом к Северному Ледовитому океану (бухта Индиго) [Бобылев, О значении Перми..., с. 49–57; Бобылев, К вопросу..., с. 63–65]

Во-вторых, через проекты путей Сибирь – незамерзающий порт Индиго, проходящий через Надеждинский завод через 1 Север, 2 Север – и далее до бухты Индиго; а также Петропавловск – Самара – бухта Индиго – для организации транзитных путей из Сибири в европейскую часть страны и в Европу, и южным окраинам страны и т. д. [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 489. Л. 8]. С постройкой Обь-Беломорской железной дороги и ее соединением с линией Гороблагодатская – Надеждинск – Северный рудник вся ветвь должна была также приобрести значение магистральной.

Из других проектируемых железнодорожных линий можно отметить линию *Пермь – Котлас – Сороки*, задачей которой было использование лесных и других богатств северо-восточной части Европейской России и создание кратчайшего выхода сибирских и уральских грузов к незамерзающим портам, и путь *Пермь – Оханск – Нижний Новгород* в интересах обеспечения прямой связи Прикамья с центром России [Бобылев, К вопросу..., с. 49–57].

Но в силу того, что строительство железных дорог – длительный и дорогостоящий процесс, *водный транспорт* рассматривался как более перспективный. Разрабатывался проект Транс-Уральского водного пути, соединяющего систему реки Камы с Тоболом и Иртышем Обского бассейна [Урал после районирования, с. 140–142]. Пермскими учеными были предложены проекты соединения Камы и Печоры через Чусовское озеро (по линии прежнего торгового пути); восстановления Северо-Екатерининского канала для связи Камы и Вычегды; соединения *Северо-Двинского и Волжско-Камского бассейнов* через реки Южную Кельтму (приток Камы), Джурич, Северо-Екатерининский канал; соединение Северной Кельтмы и Вычегды (приток Северной Двины) [Лагунов, с. 37; Глушков, с. 19–23]. Последние два проекта были частью более раннего варианта создания великого северного водного транзитного пути: Северная Двина – Вычегда – Печора – Обь.

Предлагался также *южный вариант Транс-Уральского водного пути для соединения Волжского бассейна с Иртышско-Обским* (Обско-Волжский канал) [Бобылев, К вопросу..., с. 49–57]. Северное местоположение ограничивало движение по низовьям Оби и Печоры, поэтому взоры инженеров обратились на южное направление, например, *Исеть – Чусовая*, имеющие значение для торговли через балтийские и черноморские порты.

Водные «фантазии» достигли своего апогея в книге под названием «Иду», присланной председателю Пермского Губисполкома из Владивостока, автор которой неизвестен. Выдержки из этой брошюры были опубликованы в журнале «Экономика» с предупреждением о том, что «книжка может вызвать в некоторой своей части серьезное к себе отношение, а может рассматриваться и как случайный оригинальный курьез» [С. А., с. 55].

По замыслу автора, *Пермь* в будущем должна была стать *океанским портом* – городом-садом на большом пресноводном «*Уральском море*». «По величине водной площади море Уральское <...> будет в 7–10 раз больше Байкала <...> Здесь, в Перми, в гавани-порту с кораблей-гигантов плавания открытого моря, с водных исполинов будут бросаться океан-

ские якоря у самого подножия Уральских гор, в ближайших подступах к их недрам» [Там же]. И далее рисуется эпическая картина: «реки-морья, реки-озера Хвалынское, Уральское, Синее, Адон и Адана образуются путем перехвата рек устройством грандиозных плотин на Волге у с. Воскресенского, на реке Урале у города Уральска, на Дону у Новочеркаска, на Днепре у Екатеринослава, кроме того, все эти внутренние моря соединяются морскими каналами между собой, а также с морями Черным и Каспийским. Причем, прежде чем впасть в последние моря, вся масса речных потоков направляется в «восточный край», орошая солончаки Арало-Каспия. Волга и Урал проводятся туда во всем годовом дебете, равном примерно 400 куб. километрам воды. И весь край, представляющий ныне песчаную пустыню, оживет и расцветет» [Там же]. Автор считал водные пути несравнимыми со всеми другими: «железнодорожные пути сообщения низводятся в положение подводчиков и перевозчиков через горные хребты, а затем и вовсе снимаются с лица земли, уступая путем водным и воздушным» [Там же].

Поддерживая утверждение неизвестного автора *о перспективности воздушного транспорта*, журнал «Экономика» пропагандировал идеи развития Воздухофлота: «Крестьянин, от Перми до Москвы пешком надо идти 750 дней (2 года), на лошади – около года, поездом – 40 часов, а на аэроплане – всего 5 часов. Выбирай между двумя годами и пятью часами» [Экономика, с. 12]. В. В. Григорьев в статье «Пермь как станция воздушной линии Москва – Омск и как воздушная база» изложил свой проект воздушного сообщения по линии Москва – Омск от Москвы на Казань – Воткинск – Красноуфимск (или Пермь) – Екатеринбург – Челябинск – Курган – Омск [Григорьев, с. 61–62].

Интересно, что, как и в промышленных проектах, идеи развития воздухофлота предполагали его военное применение: «Борьба за усиление Воздухофлота есть борьба за безопасность Советской России», «Каждый новый аэроплан – то же, что пущенный завод или сотни засеянных десятин поля. Они одинаково бьют по контрреволюции» [См.: Экономика].

Система управления

Завершающим элементом картины будущего хозяйства Урала является описание системы управления промышленностью Урала и всей Уральской областью. Основной хозяйственного и административного управления должен стать экономический принцип, а основным органом управления – Областной исполком, реализующий задачи административного и экономического управления [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 2320. Л. 16–19].

В частности, такая система управления областью обсуждалась в 1922 г. на заседании Челябинского Губэконосо: «Там мыслят права областного центра несколько своеобразно: *целостность в отношении хозяйственных прав* и новое конституционное новшество в расширенных областных совещаниях и т. д. Проект этот бьет в другую точку – на создание полного административного и хозяйственно замкнутого областного центра с исполкомом, областным советом и т. д.» [Там ж. Л. 114].

Совпадение административных границ с экономическими на всех уровнях было необходимо для того, чтобы перейти от отраслевой системы управления к территориальной. В этой связи рассматривалось несколько вариантов организации управления местной промышленностью и был разработан проект ликвидации существующих металлургических трестов и замены их *единым областным металлургическим трестом*, выдвинутый группой во главе с т. Ломовым, председателем Уралэконосо [Советников, с. 14–16]. В рамках такой системы округ (как автономный завод) должен был работать на основе выданной ему трестом доверенности, с закреплением за ним соответствующих оборотных средств.

Проекту т. Ломова противостоял проект т. Сулимова. Последний выступал против идеи «единого треста» и настаивал на подчинении заводов Уралпромбюро ВСНХ через реорганизацию существовавших трестов в округа: работающие на Урале заводы (30–35 заводов), разбитые между пятью металлургическими трестами (Богословский, Средне-Уральский, Екатеринбургский, Южно-Уральский и Пермский), должны были сохранить свою основу, а создание областного треста предлагалось отложить года на полтора-два [Там же].

Каждый из проектов отстаивал принцип создания территориальной системы управления, отличия затрагивали уровни – областной или окружной.

Экономический принцип организации территориального управления промышленностью был дополнен идеей *управления района (области) по образцу завода*. В проекте управления промышленного хозяйства Урала, подготовленном по заданию Г. Г. Гербек в 1921 г., идеальная модель представлена следующим образом. Во главе района стоит правление из трех членов. Правление выбирает директора-распорядителя, который управляет всем районом и дает отчеты правлению, вынося все принципиальные и выходящие за пределы инструкции, данной директору-распорядителю, вопросы на разрешение правления. Директор-распорядитель, управляя всем делом, имеет отделы, во главе которых поставлены лица,

имеющие распоряжения только через директора-распорядителя и на правах его помощников в рамках четко очерченных прав. Отделы – секретариат с подотделом труда и статистики, финансово-счетный отдел, управление хозяйственной частью района, лесной отдел (главный лесничий), горный отдел, заводский производственный отдел, технический отдел. Директор-распорядитель по специальным вопросам создает постоянный институт патентов, которому даются определенные задания. В правлениях районов, где более сложная ситуация, в заводском отделе должны существовать все современные специальности (металлургия, механика, химическая, текстильная и пр.) [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 489. Л. 107–107 об.].

На заводах и предприятиях структура управления должна была строиться аналогично районной, в уменьшенном масштабе. И такая же структура воспроизводилась для всех вышестоящих уровней управления вплоть до ВСНХ – центрального нерва промышленности.

Также планировалось, что права местных органов будут расширены за счет передачи округам функций губерний, районам – функций уисполкомов, а сельсоветам – волисполкомов и сельсоветов. Права Облисполкома предполагалось расширить за счет центральных правительственных учреждений [Берестнев, с. 41–42; Гладких, с. 42–43].

На деле в ходе реформы районирования права области были приравнены к губернским, а система управления так и осталась отраслевой. После реформы у райисполкомов области в ведении числилось 966 промышленных предприятий, но только 184 эксплуатировались самими райисполкомами, остальные были сданы в аренду [Урал после районирования, с. 56].

Вплоть до 1925 г. руководство области настаивало на расширении областных прав: «Урал считает, что положительные результаты районирования могут реализоваться лишь при пересмотре Положения об Уральской области в сторону общего расширения прав области, округа, района и сельсовета, в частности, расширения прав области по управлению областной промышленностью и усилению влияния области в деле управления находящимися на Урале объединениями федеративного и общесоюзного значения, передачи области всего дорожного хозяйства» [Там же].

Область настаивала на расширении прав еще и потому, что единому Уральскому краю приписывалась важная роль в народном хозяйстве: «Урал, край железа и золота, богатый еще неисследованными ископаемыми мирового значения, сыграет огромную роль в преодолении зависимости от иностранного сырья», писали авторы на страницах журналов» [Бауман, с. 34; Лесной кодекс, с. 4–6; Кромер, с. 18–19]. «Урал будет

продуцировать надежный экономический материал, могущий быть исходным для единой народно-хозяйственной политики» [Альтшуллер, Экономическое изучение Урала, с. 25]. «От правильности организации промышленности Урала зависит вся будущность Урала, а также скорость изжития разрухи РСФСР» [ГАСО. Ф. Р-241. Д. 489. Л. 8].

Выводы

Анализ образов будущего Урала показал, что на момент создания Уральской области многие из них были утопичными. Область должна была объединить огромную территорию с целью самообеспечения необходимыми ресурсами – как топливными, рудными, так и сельскохозяйственными. Для участия во внутреннем и международном обмене разрабатывались варианты транзитных путей, предусматривающих выход в Северное море, Черное море, Сибирь и европейскую часть республики. Там, где было невозможно пройти по рекам, планировалось организовать каналы, где не было железных дорог – проложить их. Во главе должен был стоять Экономический институт, реализующий принципы научного управления. Он выступал как консультирующий территориальный орган и одновременно реализующий административные и экономические функции. Область должна была стать «жемчужиной СССР». Но планам не суждено было реализоваться: в 1934 г. область была разделена. План создания самостоятельного крупного региона на десятилетия превратился в мечту.

Возникает вопрос: проект «Уральская область» был слишком футуристичным, опережающим время? Он предусматривал такие насущные вещи, как строительство железных дорог, использование ресурсов Севера, создание экономичного, безотходного производства.

Или же проект был ограничивающим развитие, ведь индустриализация имеет свою экологическую цену, а местные ученые стремились создавать заповедники, сохранять лес, ориентироваться на местное топливо? Возможно, проблема заключалась в несовместимости базовых принципов – самодостаточности и научности. Так и не был создан единый реалистичный проект, соответствующий интересам как региона, так и государства.

В описанных идеях будущего видна вера в возможность человека управлять природой (использование энергии ветра и солнца, изменение течения рек), в преобразующую силу науки (районирование и управление промышленностью на научной основе).

Интересны источники, из которых черпались идеи будущего. В статьях часто приводятся ссылки на опыт Америки и Германии (в технических

разработках, организации заводов, применении психотехники) и на труды дореволюционных («довоенных») ученых, чьи проекты были оценены или реализованы царским правительством (проекты железных дорог, водных каналов, новые виды топлива). Идея о создании научного консультирующего бюро близка идеям просвещения, но сами авторы статей такой связи не проводили.

Образ будущего Урала был неполным: из поля зрения «районаторов» почти полностью выпали вопросы организации сельского хозяйства. Характерная для Урала чересполосица, чрезмерно маленькие территории сельсоветов, а позднее несовпадение административных границ с колхозными – все эти вопросы оказались ключевыми при ликвидации области.

Утопичность проекта «Уральская область» ее создатели осознали уже к середине 1920-х гг., поэтому к моменту упразднения области в 1934 г. голосов, защищавших ее существование, уже не было слышно.

Альшиуллер М. Еще о наших научно-экономических учреждениях // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопсовещания. 1923. № 6 (август). С. 8–9.

Альшиуллер М. И. Научная организация труда и управления // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопсовещания. 1923. № 2–3 (апрель–май). С. 10–13.

Альшиуллер М. И. Экономическое изучение Урала в связи с общими задачами науки экономической политики. Приложение к журналу Экономика. 1923. № 1 (март). Пермь, 1923. 25 с.

Бауман. Реформа смазки механизмов начинает воплощаться в жизнь // Экономика. Ежемесячный журнал Верхне-Камского и Пермского Окрисполкомов. 1924. № 12 (19), (сентябрь). С. 33–35.

Берестнев М. Строительство и задачи райисполкомов // Экономика. Ежемесячный журнал Верхне-Камского, Кунгурского и Пермского Окрисполкомов. 1924. № 5 (12), (февраль). С. 50.

Бобылев Д. К вопросу о районировании // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопсовещания. 1923. № 4 (июнь). С. 63–65.

Бобылев Д. О значении Перми как экономического и культурного центра Приуралья // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопсовещания. 1923. № 6 (август). С. 49–57.

ГАСО. Ф. Р-193 (Уральский областной экономический совет Высшего совета народного хозяйства (Уралоблэко), 1921–1923); Ф. Р-241 (Плановая комиссия Исполнительного комитета Свердловского областного Совета депутатов трудящихся (1920–1972).

Генкель А. О районировании Пермской губернии // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопсовещания. 1923. № 2–3 (ап-

рель-май). С. 64–65.

Гладких И. Как построить аппарат после районирования // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 5 (июль). С. 42–43.

Глушков В. К истории и восстановлению Волжско-Камского судоходства // Экономика. Ежемесячный журнал Верхнее-Камского и Пермского Окpисполкомов. 1924. № 8 (15), (май). С. 19–23.

Григорьев В. Пермь как станция воздушной линии Москва – Омск и как воздушная база // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 6 (август). С. 61–62.

Кромер Н.И. Химическая война и наш «Доброхим» // Экономика. Ежемесячный журнал Верхнее-Камского и Пермского Окpисполкомов. 1924. № 10 (17), (июль). С. 13–19.

Лагунов П. Северо-Екатерининский водный путь // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 2–3 (апрель-май). С. 37.

Лесной кодекс // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 6 (август). С. 4–6.

Об охране пушных богатств в Прикамьи // Экономика. Ежемесячный журнал Верхнее-Камского и Пермского Окpисполкомов. 1924. № 9 (16), (июнь). С. 68–74.

Постановления июньского пленума Губкома РКП (б) по докладу т. Советникова о районировании // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 5 (июль). С. 41–42.

Расцветов М. Залежи фосфоритов в верховьях р. Камы // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 4 (июнь). С. 53–54.

С. А. Пермь – океанский порт // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 2–3 (апрель-май). С. 55.

Саковский Вл. «Солнечные машины» // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 2–3 (апрель-май). С. 37–38.

Семенов К.С. Уральские леса и металлургия // Хозяйство Урала. 1925. № 2. Июль. С. 34–58.

Семченко А. Электрификация – основной путь к поднятию энергетики страны // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 4 (июнь). С. 57–60.

Советников М. Реорганизация Уральской металлургии // Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 53 (апрель-май). С. 14–16.

Соловов М. Троицк-Орская железная дорога // Хозяйство Урала. 1925. № 1. Июль. С. 58.

Урал после районирования. Свердловск, 1926.

Уральский статистический ежегодник / под. ред. В. С. Немчинова, П. Ф. Неволина. Екатеринбург, 1923.

Экономика. Ежемесячный орган Пермского Губернского Экономического Сопещения. 1923. № 5 (апрель-май).

УДК 94(571.6).084.3/.084.6:35.071.5

Г. А. Ткачева

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СССР 1922–1941 гг.

В статье рассматриваются административно-территориальные преобразования, отвечающие потребностям хозяйственной специализации, развитию коммуникационных путей, равномерности распределения населения Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг. Обосновано, что Дальневосточный регион пережил шесть крупнейших административных преобразований. Сформированное административно-территориальное деление соответствовало не только социально-политической структуре советского общества, но и планово-распорядительной системе управления. Сложившаяся административно-командная система отличалась централизацией, концентрацией властных полномочий в руках партийно-государственного аппарата, определяя направления развития Дальнего Востока в условиях ускоренной модернизации СССР

К л ю ч е в ы е с л о в а: Дальний Восток СССР, модернизация, административно-территориальные преобразования.

Складывающееся поэтапно административное деление России с учетом естественно-исторических, экономических и политических условий оказывало влияние не только на распределение населения по отдельным территориальным единицам, но и затрагивало важнейшие социально-экономические процессы. После февраля 1917 г. началось стихийное создание многообразных территориальных образований на основе сепаратизма, вплоть до полного отмежевания от центральных органов власти. На Дальнем Востоке в апреле 1920 г. была образована Дальневосточная республика (ДВР). Законодательное оформление ее статуса в 1921 г. определило и административное деление на Амурскую, Прибайкальскую, Забайкальскую, Приамурскую (с островом Сахалин), Приморскую губернии и особую Бурят-Монгольскую автономную область без существенных изменений по уездам и волостям (Камчатская область оставалась частью советской России).

В ноябре 1922 г. Дальневосточная республика присоединяется к РСФСР. На ее территории постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 25 июля 1923 г. «Положение о Дальневосточном революционном комитете» законодательно оформляется Дальневосточная область. В ее

состав вошли Забайкальская губерния (Чита), Амурская (Благовещенск), Приморская (объединившая Приамурскую и Приморскую губернии) губерния с центром во Владивостоке. Прибайкальскую губернию упразднили, часть ее территории вошла в состав Бурят-Монгольской АССР, часть – Забайкальской губернии.

В известной степени становление новых административных границ ускорило становление советской власти в регионе. В феврале 1924 г. произошло переименование и укрупнение уездов, волостей, размежевание между губерниями. На 1 января 1925 г. в Дальневосточную область входили Амурская губерния с тремя уездами, 22 волостями, 430 сельсоветами, 731 селением с общей численностью 293 492 человек сельского и 98 742 человек городского населения; Забайкальская – с 5 уездами, 41 волостью, 614 сельсоветами, 750 селениями и численностью 419 456 человек сельского и 115 789 человек городского населения; Приморская – с 5 уездами, 31 волостью, 584 сельсоветами, 884 селениями и численностью 427 043 человек сельского и 207 298 человек городского населения; Камчатская – с 5 уездами, 11 волостями, 91 сельсоветом, 103 селениями и численностью 29 761 человек сельского и 2 377 человек городского населения [Весь Дальний Восток, с. 43].

Создание Дальневосточной области, по существу, являлось подготовительным этапом к проведению нового районирования. Вопросы о границах, оптимальных параметрах административно-территориальных единиц, отвечающих потребностям хозяйственной специализации, развитию коммунистических путей, равномерности распределения населения, всесторонне обсуждались на всех государственно-партийных уровнях.

Все территориальные изменения происходили исходя из особенностей функционирования СССР как федеративного государства. По решению Президиума ВЦИК СССР от 4 января 1926 г. Дальневосточная область преобразовалась в Дальневосточный край с 9 округами, разделенными на 75 районов (вместо 4 губерний с 18 уездами и 113 волостями) с центром в г. Хабаровске. В него входили Читинский округ – 14 районов, 710 населенных пунктов, 46 510 хозяйств, 302 сельских совета; Срегенский – 8 районов, 447 населенных пунктов, 31 033 хозяйства, 186 сельских советов; Амурский – 11 районов, 626 населенных пунктов, 45 408 хозяйств, 315 сельсоветов; Владивостокский – 14 районов, 940 населенных пунктов, 60 741 хозяйство, 415 сельсоветов; Зейский – 4 района, 210 населенных пунктов, 4 397 хозяйств, 41 сельсовет; Хабаровский – 5 районов, 384 населенных пункта, 18 630 хозяйств, 163 сельсовета; Николаевский-на-Амуре – 7 районов, 239 населенных пунктов, 4 319 хозяйств,

53 сельсовета; Камчатский – 8 районов, 236 населенных пунктов, 3 505 хозяйств, 108 сельсоветов; Сахалинский округ – 4 района, 1 314 хозяйств, 21 сельсовет [Статистический ежегодник, с. 10–12].

Таким образом, вместо губерний, уездов, волостей осуществился переход к краевому, окружному, районному делению, и тем самым была создана основа новой системы административно-территориального устройства на принципах учета исторических и экономических условий, численности и состава населения. Официальные документы констатировали, что в виде района выделялась своеобразная, по возможности экономически законченная территория, которая представляла одно из звеньев общей цепи будущего развития народного хозяйства и служила исходным моментом для последующего административного размежевания [Сборник материалов..., с. 4; Стенографический отчет, с. 249].

В реализации программы прослеживается экономико-географический принцип разделения страны на крупные регионы, которые могли проводить модернизацию, опираясь на местные производственные ресурсы, сокращая нерациональные транспортные перевозки. Считалось, что централизация управления способна обеспечить лучшую координацию промышленного и сельскохозяйственного развития и, таким образом, более быстрое и успешное выполнение плановых показателей.

Все изменения Дальневосточного края тесно увязывались с системой советов, аппаратом управления и подчинением центральным органам власти в условиях существования однопартийной системы. При проектировании новых границ в расчет принималась доля рабочего класса в составе населения (как социальная опора советской власти), но не учитывались особенности расселения малочисленных народностей СССР (их называли туземными).

Взаимоотношения с представителями своеобразных социокультурных сообществ строились на основе принятого ВЦИК и СНК РСФСР 25 октября 1926 г. Временного положения об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР. Руководствуясь данным документом, 14 июля 1927 г. Дальневосточный краевой исполнительный комитет утвердил временный список из 37 национальных районов без точных очертаний границ. Их выделение в самостоятельные административные единицы явилось по существу полумерой, которая внесла хаос и путаницу и без того в очень сложное территориальное деление региона. Огромная территория включала 9 округов с 110 районами (23 туземных), 2 413 сельсоветов (180 туземных) [ГАХК. Ф. 137. Оп. 23. Д. 4. Л. 20, 21].

В условиях социально-экономического реформирования страны формирование нового административного устройства обуславливалось объемом предоставления прав различным субъектам СССР, государственным учреждениям и общественным организациям с учетом острейшей внутривластной борьбы за власть при низком уровне общей культуры подавляющего большинства населения.

Стремясь приблизить аппарат управления к массам, а по сути, усилить воздействие на низовое звено в связи с развернувшейся коллективизацией, принимается решение о ликвидации с 1 октября 1930 г. округов (за исключением Камчатского и Сахалинского). Районы получили все права и материально-финансовую базу округов с непосредственным подчинением краевым организациям. В результате в состав Дальневосточного края вошли 67 районов и 2 округа с 2 окружными городами и 39 районами (включая 28 туземных районов и 200 туземных сельсоветов), 8 городов и 13 рабочих поселков, 1 827 сельсоветов. Читинский и Сретенский округа (24 района, 606 сельсоветов) отошли к Восточно-Сибирскому краю [Основные итоги..., с. 11–12].

На Дальнем Востоке сформировалась основная форма представительства компактно проживающих малочисленных народностей. Постановлением Президиума ВЦИК СССР от 10 декабря 1930 г. были образованы Чукотский, Корякский и Охотско-Эвенкийский национальные округа. Они объединили находящиеся в одинаковых социально-экономических условиях народности Севера [Советы..., с. 60–61]. Несмотря на выделение национальных округов, оптимальные параметры административных единиц региона не определились. Многие компактно проживающие малочисленные народности и оставляющие значительный процент населения китайцы и корейцы не получили территориального статуса. Их интересы защищали национальные отделы при исполкомах.

Программные задачи ускоренной модернизации определили методы управления. Разрабатывается новый проект районирования, который предусматривал создание 12 крупных территориальных единиц (4 области, 4 округа, 3 района и один город). Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1932 г. Дальневосточный край административно делится на Амурскую, Приморскую, Камчатскую, Сахалинскую области, Нижне-Амурский, Охотско-Эвенкийский, Корякский и Чукотский округа и Биробиджанский, Нижне-Тамбовский, Пригородный районы и г. Хабаровск, выделенные в самостоятельные единицы [ГАХК. Ф. 137. Оп. 23. Д. 2. Л. 51].

На Северо-Востоке СССР в районе Верхней Колымы 13 ноября 1931 г. решением Совета Труда и Оборона СССР создается Государственный

трест по промышленному и дорожному строительству – Дальстрой, а решением правительства от 26 октября 1932 г. территория Дальстроя выделяется из Охотско-Эвенкийского округа в особый самостоятельный район. В его подчинение перешли (с созданием особого статуса управления) три национальных района: Ольский, Средне-Канский, Северо-Эвенкийский [Там же. Д. 73. Л. 2; Ф. П-2. Д. 768. Л. 401, 402].

В июле 1934 г. произведено новое административное деление Дальневосточного края. Теперь он делится на 9 областей: Зейскую (в 1937 г. вошла в состав Читинской области), Амурскую, Нижне-Амурскую, Еврейскую автономную (образована в мае 1934 г.), Приморскую, Камчатскую (Корякский и Чукотский округа включались в ее состав), Сахалинскую, Уссурийскую и Хабаровскую. На 1 января 1936 г. в крае насчитывалось 87 районов, 15 городов, 25 рабочих поселков, 14 поселков городского и 6 839 поселкового типа, 1 516 сельсоветов с общей численностью 1 076,2 тыс. жителей [Там же. Ф. 137. Оп. 23. Д. 51. Л. 47; Ф. 719. Оп. 13. Д. 99. Л. 2, 3].

Разукрупнение региона на более мелкие единицы мотивировалось сложными задачами, которые требовали приближения партийно-государственного управления к новым, относительно самостоятельным производственным комплексам. На самом деле государственная инвестиционная политика породила сепаратизм, противостояние центра и периферии, которые противоречили идеям создания сильных вертикальных структур власти. Периодические административные изменения стали эффективным средством борьбы с местными корпоративными элитами.

Дальнейшая эволюция территориально-административного устройства на Дальнем Востоке СССР происходила в контексте изменений геополитических условий. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1938 г. Дальневосточный край был разделен на две самостоятельные единицы – Хабаровский и Приморский края [Сборник законов..., с. 168–169]. Помимо всего прочего, разукрупнение сопровождалось территориальными изменениями вновь формируемых краев, областей, национальных округов, ликвидацией политического влияния наиболее авторитетных партийно-государственных руководителей.

В состав Хабаровского края (центр г. Хабаровск) вошли Хабаровская (ликвидирована в 1939 г.), Амурская, Нижне-Амурская, Еврейская автономная, Камчатская и Сахалинская области. На 1 января 1941 г. в край входили 5 областей, 2 национальных округа, 58 районов, в том числе 4 района г. Хабаровска, 12 городов, 26 рабочих поселков, 845 сельских советов. В Приморский край включались Приморская (ликвидирована в 1939 г.) и Уссурийская области (ликвидирована в 1943 г.). К началу 1941 г. здесь

имелось 29 районов, 7 городов, 24 рабочих поселка, 423 сельсовета [Там же. Ф. 137. Оп. 23. Д. 50. Л. 51; ГАПК. Ф. 68. Оп. 4. Д. 10. Л. 5].

Таким образом, в 1920–1930-х гг. Дальневосточный регион пережил шесть крупнейших административных преобразований. В результате сформировалось устойчивое административно-территориальное деление, которое изменялось в интересах властных структур по двум направлениям: разукрупнение и уточнение границ областей, районов, низовой сети. Административное деление на Дальнем Востоке состояло из высшего звена – края и области, среднего – района и низового звена – сельские и поселковые советы, которое не только механически изменяло параметры территорий, но и воздействовало на темпы хозяйственного и экономического развития региона.

Сформированное административно-территориальное деление соответствовало не только социально-политической структуре советского общества, но и планово-распорядительной системе управления. В регионе одновременно функционировали разные по значимости административные единицы, многоступенчатая пирамида подчиненности. Сложившаяся административно-командная система отличалась централизацией, концентрацией властных полномочий в руках партийно-государственного аппарата, который обладал огромными возможностями по сосредоточению и маневрированию людскими и материальными ресурсами. Национально-государственные интересы определили направления развития Дальнего Востока в условиях ускоренной модернизации СССР.

Весь Дальний Восток : справочник. Хабаровск, 1926.

Основные итоги работы Далькрайисполкома за 1928/29 гг., 1929/30 гг. Хабаровск, 1930.

Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 137 (Хабаровский краевой исполнительный комитет депутатов трудящихся); Ф. П-2 (Дальневосточный краевой комитет ВКП (б)) Ф. 719 (Хабаровское краевое статистическое управление).

Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68 (Приморский краевой комитет ВКП (б)).

Сборник материалов по районированию Дальнего Востока. Чита, 1924.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР: 1938–1967 : в 2 т. Т. 1. М., 1968.

Советы Северо-Востока СССР. 1928–1940 : сб. документов и материалов. Ч. 1. Магадан, 1979.

Статистический ежегодник. Ч. 1. Хабаровск, 1926.

Стенографический отчет пленума Дальревкома 20–24 марта 1925 г. Хабаровск, 1925.

Раздел 9
«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»:
ПРОЕКТ И ПРОЦЕСС КОНСТРУИРОВАНИЯ

УДК 94(47).084.5

А. В. Баранов

ТЕРМИДОР
В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОЖИДАНИЙ
НЭПОВСКОГО ОБЩЕСТВА
(по материалам информационных обзоров ОГПУ)

Статья посвящена выявлению эффектов искаженной политической коммуникации в общественном мнении нэповского общества. Термидор, то есть самоперерождение большевистского режима и его последующий крах, были невозможны в условиях 1920-х гг. Но эта тема устойчиво воспроизводилась в общественных ожиданиях социальных групп, получая противоречивые смыслы в зависимости от групповых интересов. Информационные обзоры ОГПУ позволяют достаточно полно выявить динамику ожиданий термидора и их «встроенность» в более широкий контекст политического позиционирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нэповское общество, общественные ожидания, термидор, ОГПУ, информационные обзоры.

Тема работы актуальна, поскольку в условиях авторитарного режима политическая коммуникация становится искаженной и идеологизируется. Контроль большевистского режима над каналами и средствами формирования общественного мнения в 1920-х гг. уже не встречал организованного сопротивления, но парадоксальным образом порождал в массовом обыденном сознании «фантомные» темы дискуссий, весомо влиявшие на позиционирование социальных групп и индивидов. Одной из таких тем был «термидор» – самоперерождение большевистского режима и его последующий крах, которые должны были привести к восстановлению дореволюционного строя. Несмотря на частое упоминание в историографии, тема изучена слабо. Внимание историков сосредоточено

на внутрипартийной борьбе в РКП (б) – ВКП (б), на общественных настроениях интеллигенции. На периферии исследовательского поля находится динамика общественного мнения крестьян, рабочих, низового слоя партийных и государственных служащих. Между тем совокупность источников позволяет осветить тему. Выбор информационных обзоров ОГПУ как источника исследования общественного мнения объясняется постоянством регистрации политических настроений, полнотой и скоростью информирования органов власти.

Цель статьи – определить изменения восприятия темы термидора основными социальными группами на различных этапах нэпа (по сведениям информационных обзоров ОГПУ). Работа выполнена на материалах славянских регионов юга РСФСР (Дона, Кубано-Черноморья, Террека и Ставрополя), в 1920–1924 гг. входивших в состав Юго-Восточного, а в 1924–1930 гг. – Северо-Кавказского края.

Анализ темы начал проводиться в середине 1960-х гг. [Перехов, 1966; Щетнёв]. Авторы работ постсоветского периода [Измозик; Данилов, Берелович, с. 7–24; Яров] качественно расширили круг изучаемых документов, раскрывая влияние общественного мнения на партийно-государственную политику. Исследователи стремятся осмыслить динамику общественных настроений на основе исторической психологии [Кузнецов]; коммуникативного подхода [Ибрагимова; Лившин]; истории повседневности [Морозова]. Информационные документы ОГПУ стали важным источником анализа общественного мнения 1920-х гг. в работах Я. А. Перехова [Перехов, 1997] и А. В. Баранова [Баранов], С. В. Данихно [Данихно], Т. В. Панковой-Козочкиной [Панкова-Козочкина].

Источниковую основу работы составили информационные сводки и обзоры ОГПУ, хранящиеся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, центров документации новейшей истории Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Часть из них опубликована [Советская деревня...; «Совершенно секретно...»]. Выявим подвиды источников. В 1920 г. Секретный отдел ВЧК установил, что на основе уездных сводок составлялись губернские и общегосударственные. Они могли иметь разное назначение: общее либо специализированное (по текущим актуальным вопросам). В 1921 г. вводятся обобщенные госинформсводки. Обзоры политического и экономического положения РСФСР ежемесячно составлялись в Информационном отделе ОГПУ с 1922 г. Обзоры обобщали не только ежедневные госинформсводки, но и документы Советов, профсоюзов, партийных комиссий, редакций газет. С 1922 г. готовились также спецсводки Информотдела

ОГПУ: промышленные, земельные, финансовые, военные, партийные, кооперативные, по советскому строительству [Советская деревня..., 1998, т. 1, с. 12].

Наибольшая детализация информационных документов ОГПУ, их аргументированность отмечается в 1924–1927 гг. Государственный аппарат к этому времени окреп и обрел устойчивые формы. Смягчение политического режима способствовало вниманию к общественному мнению, которое легально проявлялось в данный период. Органы власти были вынуждены учитывать общественное мнение, выбирая стратегии и тактики своей политики.

Для перепроверки сведений важно учитывать процедуры прохождения сведений по инстанциям. Обзоры ОГПУ содержали ссылки на госинформсводки с указанием даты и делопроизводственного номера. Ко многим обзорам прикладывалась подборка цитат из сводок. Можно проследить путь сообщений от уровня районной сводки до всесоюзного обзора, выявить искажения информации. Следует перепроверять сведения сводок по иным источникам: стенограммам партийных и советских органов, судебной статистике, письмам граждан в органы власти и газеты.

Ценность сводок различного уровня и периодичности неодинакова. Самую подробную, но неупорядоченную информацию давали сельские и районные органы ОГПУ в ежедневных сообщениях и анкетах. Более ценны еженедельные и двухнедельные сводки по районам, обзоры полномочных представительств ОГПУ по округам. В сравнении со спецсводками и ежемесячными обзорами повышена ценность госинформсводок. Они имеют отчетливую структуру, обязательное упоминание источников и их датировку. Госинформсводки окружного и районного уровня более детальные и достоверные, чем краевые и всесоюзные. Ежемесячные обзоры полномочных представительств ОГПУ по краю проясняют изменения общественных настроений.

Понятие «термидор» стало употребительным с 1921 г. вследствие издания сборника статей «Смена вех», что совпало с началом перехода от военного коммунизма к нэпу. Точное употребление термина характерно лишь для партийно-советской номенклатуры и интеллигентов. Большую роль играли аналогии с Великой французской революцией [Кондратьева, с. 23]. Восприятие «термидора» в массовом сознании связывалось с ожиданием буржуазного перерождения большевизма, его грядущего краха. Казалось, что многие события – экономические кризисы нэпа, внутрипартийная борьба в РКП (б), давление стран Запада на СССР – подтверждают такой прогноз. Сценарии термидора различались: военный

переворот силами РККА, раскол партийного руководства и захват власти правыми – «термидорианцами», мятежи и забастовки внутри страны, интервенция с участием эмигрантов.

Следует учитывать эффекты искаженной политической коммуникации в общественном мнении нэповского общества. Авторитарный режим, стремясь контролировать все источники информации и каналы социализации граждан, сам порождал фантомные темы повестки дня. Раскол правящей партии, захват Советов кулаками и нэпманами, «военная тревога» и интервенция воспринимались многими современниками как реальные факты, будучи на самом деле информационными поводами для сплочения сторонников власти.

На протяжении 1920-х гг. было несколько политических ситуаций, в которых тема термидора обретала особую остроту: переход к нэпу (март 1921 – осень 1922 гг.); отказ от доктрины мировой революции и поворот к идеям «строительства социализма в отдельной стране» (1924), дискуссия между партийным большинством и левой («троцкистской») оппозицией в 1926–1927 гг.

Беднейшие слои крестьян, неквалифицированные рабочие, красноармейцы, безработные выражали неприятие нэпа, намередаясь бороться за новую, подлинную революцию. Важнейшими аспектами такого позиционирования были осуждение бюрократии и обогащения правящей номенклатуры, страх перед безработицей и растущим неравенством, дороговизной товаров, эффект «обманутых ожиданий». На юге России проявлялись также антиказачьи настроения крестьян. До 1923 г. эти настроения выражались во внутрипартийных фракциях («рабочая оппозиция», «децисты», «троцкисты») и социалистических партиях (эсеры, меньшевики), но этот канал выражения протеста вскоре был перекрыт и стал нелегальным. Осенью 1923-го – зимой 1924 г. на шахтах Донбасса состоялись последние массовые забастовки под меньшевистскими лозунгами, в том числе стачечники выражали негодование «ножницами цен» (дороговизной промтоваров и дешевизной продовольствия), перерождением («хозобрастанием») чиновников).

Так, иногородние бедняки, красные партизаны и красноармейцы ошеломлены мерами «расширения» нэпа в 1924-м – начале 1926 гг. Они выступали за «прежнюю власть», при которой РКП (б) «держала в ежовых рукавицах» Советы и кулачество. Показательны суждения: «Нас партия обратно отдает на съедение кулакам... За что мы воевали. Чересчур много прав дают казакам». Многие крестьяне предлагали «уйти в камыши и оттуда вести борьбу с кулаками», вновь запретить ношение казачьей формы,

выслать из края бывших атаманов и членов казачьего самоуправления [ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 52. Л. 39; Ф. 8. Оп. 1. Д. 32. Л. 127; Д. 114. Л. 75 об., 149; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 51. Л. 4]. 300 бедняков станицы Анастасиевской на собрании выкрикивали: «Дайте нам приказ убить по двадцать человек казаков и кулаков на каждого... Мы их все равно помаленьку вырежем». Там же демобилизованные красноармейцы избили партийцев с криками: «Бей царей и коммунистов, защитников казачества» [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 88. Л. 55 об.; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 95. Л. 83–84 об.].

В условиях «военной угрозы» 1927 г. бедняки требовали оружия [Морозова, с. 57–67]. Бывшие партизаны и красноармейцы сочетали воинственность с желанием «штыками вычищать засевших бюрократов» и «подраструсить всю верхушку». Бывший красный партизан из ст-цы Воронежской заявил: «первым долгом перед войной надо выбить заядлых казаков, чтобы в тылу не было разбоя и банд». Пошли слухи о создании ополчения во главе с опальным командиром времен Гражданской войны Д. П. Жлобой. Ветераны намеревались создать независимые союзы красных партизан, дезертировать из РККА, так как власти «теперь не обманут..., обещали многое, а в действительности ничего не дали...» [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 5; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 44, 50, 91, 92, 95].

Хлебозаготовительный кризис 1927–1928 гг. привел к забастовкам и голодным погромам магазинов, органов власти на юге России (Новороссийск, Темрюк, Сочи, Краснодар). Стихийное недовольство рабочих и маргинальных слоев совпало с агитацией «троцкистской» оппозиции на предприятиях крупных городов. Но подъем недовольства ситуативен, по мере свертывания нэпа бедняки-крестьяне и рабочие возобновляли доверие к власти.

Напротив, предприниматели, зажиточные слои крестьян, весомая часть интеллигенции и служащих возлагали надежды на «расширение нэпа» в середине 1920-х гг. Ядро оппозиции – подпольные группы. Они состояли из «лишенцев» – офицеров, зажиточных хлеборобов, репатриантов, священнослужителей и учителей. Группы вели агитацию на сходах и предвыборных собраниях, сплачивая казаков [ГАРО. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 628. Л. 9]. Требования казаков – конституционное равенство прав земледельцев с рабочими, реабилитация политзаключенных и «лишенцев», свобода участия и выборов в кооперации, свобода внешней торговли, роспуск крестьянских комитетов общественной взаимопомощи. На первых порах преобладали ожидания отмены Конституции СССР и восстановления дореволюционного строя. Казаки выражали уверенность: «В прошлом

году кинжалы разрешили, шашки разрешили, форма будет, значит, и автономия будет... Дон для донцов!» [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 696. Л. 126]. Казаки надеялись захватить власть в Кубанском округе и объявить его автономным. Они расценивали «оживление Советов» как признак слабости – «теперь коммунисты пойдут на какие угодно уступки». Между середняками и зажиточными казаками были расхождения. Если середняки агитировали за «деловых людей» и «красного атамана», надеясь создать «настоящую советскую власть», то зажиточные использовали советы как переходную форму к атаманскому правлению [ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 1. Л. 136–138; Д. 12. Л. 139; Д. 12. Л. 120–124].

Весной 1926 г. начинается свертывание нэпа. В 1927 г. дело дошло до внесудебных расправ над «антисоветскими элементами», организованных под предлогом угрозы интервенции и мятежей в пограничных местностях. Эти меры вызвали разочарование зажиточных казаков. Они распускали слухи: «Земля распределена только до весны, то есть до прихода “наших” [десанта эмигрантов. – А. Б.], а поэтому не ходите на выборы, всех казаков будут выселять в Сибирь...» [ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 569–572, 586, 601].

Средняки и рабочие-сезонники считали, что война будет проиграна СССР из-за отсталости. Они опасались разорения из-за военных реквизиций: «Пусть будут налоги, но не будет войны» [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 374. Л. 15; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 595. Л. 42, 43, 94–95]. Зажиточные крестьяне и казаки, служащие и торговцы едины в желании поражения СССР и надеялись на белый десант: «дай только войну, и на Кубани пойдут восстания» в армии, где «много наших ребят» (с 1925 г. введена краткосрочная служба казаков в территориальных формированиях РККА); «наши (эмигранты) придут, тогда снова [землю. – А. Б.] делить будем». Надежды возлагались на саморазложение или уступки ВКП (б) под нажимом: «Одни извне, а другие изнутри – вернее будет... Хуже и тяжелее не может быть. Власть все равно поправеет». Характерна надежда: после войны «будет лучше и рабочим, и всем, так как не будет советской власти». Помня о красном терроре 1920–1924 гг., зажиточные хлеборобы боялись арестов и заложничества. Они готовы первыми прибегнуть к насилию [ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 341. Л. 3, 4, 13, 14; ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 795. Л. 90, 93, 94, 52].

Сделаем выводы. На протяжении 1920-х гг. имел ряд политических ситуаций, в которых тема термидора обретала особую остроту: переход к нэпу (март 1921-го – осень 1922 гг.); отказ от доктрины мировой

революции и поворот к идеям «строительства социализма в отдельной стране» (1924), дискуссия между партийным большинством и левой («троцкистской») оппозицией в 1926–1927 гг.

Модальность восприятия «термидора» контрастна у основных социальных групп нэповского общества. Аргументирована гипотеза о социально-классовой сегментации политических ориентаций в сообществе юга России 1920-х гг. Предприниматели, зажиточные слои крестьян, весомая часть интеллигенции и служащих положительно оценивали свержение советской системы, надеясь вернуть свой дореволюционный статус. Напротив, середняцкая толща крестьянства, партийные и советские служащие страшились переворота. Беднейшие слои крестьян, неквалифицированные рабочие, красноармейцы, безработные воспринимали термидор как «третью подлинную революцию», направленную против переродившихся чиновников.

Выявлено, что «военная тревога» 1927 г. воспринималась всеми социальными группами как важный фактор политики. «Военная тревога» высветила высокий конфликтный потенциал сообщества. Зажиточные крестьяне и казаки проявили неприятие советской системы и надеялись на войну ради свержения режима. Средняцкая толща крестьянства и казачества была настроена пацифистски и ждала исхода событий. Третий тип настроений характерен для бедняцких слоев «иногородних» крестьян, для рабочих и маргинальных групп. Это – неприятие нэпа и желание защищать «подлинную» советскую власть от «буржуазного перерождения».

Информационные сводки и обзоры полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю являются ценным источником для выявления общественного мнения 1920-х гг. Данный источник дает возможность системного выявления тенденций общественного мнения, форм и каналов коммуникации социальных групп общества и власти.

Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.

Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 5938 (Терский окружной комитет РКП (б) – ВКП (б)).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235 (Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов (ВЦИК) РСФСР).

Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1485 (Северо-Кавказский краевой исполнительный комитет Советов).

Данилов В. П., Берелович А. Советская деревня 1923–1929 гг. по информационным документам ОГПУ // Сов. деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Документы и материалы : в 4 т. М., 2000. Т. 2. С. 7–24.

Данихно С. Н. Рабочие Юго-Востока России в годы нэпа: история генерации и многомерность повседневной жизни социальной группы. Ростов н/Д, 2007.

Ибрагимова Д. Х. НЭП и Перестройка: массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.

Измолик В. С. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением советской России. СПб., 1995.

Кондратьева Т. С. Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М., 1993.

Кузнецов И. С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Новосибирск, 1992.

Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М., 2010.

Морозова О. М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д, 2010.

Панкова-Козочкина Т. В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.

Перехов Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997.

Перехов Я. А. Политика Коммунистической партии по вовлечению казачества Дона и Кубани в социалистическое строительство (1920–1925 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1966.

РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет РКП (б) – ВКП (б)).

«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / ред. совет: Г. Н. Севостьянов и др. : в 10 т. Т. 2–4. М., 2001.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М., 1998–2007.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 8 (Кубанский окружной комитет РКП (б) – ВКП (б)), 2816 (Майкопский окружной комитет РКП (б) – ВКП (б)).

Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7 (Северо-Кавказский краевой комитет РКП (б) – ВКП (б)).

Щетнёв В. Е. Классовая борьба в кубанской станице (1920–1927 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1968.

Яров С. В. Источники для изучения общественных настроений и культуры России XX века. СПб., 2009.

«КРУГОМ КАЖЕТСЯ ВЕСЕЛО»: СОВЕТСКИЙ ПРАЗДНИК КАК МЕХАНИЗМ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается попытка советской власти в 1920–1930-е годы регулирования социального поведения населения. Советские государственные праздники использовались руководством страны для внедрения в сознание советских граждан новых ценностных установок и идеалов. В ходе праздников формировалась модель нового социального поведения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: государственные праздники, демонстрация, духовные ценности, эмоциональное настроение, социальное поведение личности.

В постреволюционной России в условиях утраты личностью прежней социальной идентификации разрушилась и существовавшая ранее система норм и идеалов. Выстраивание нового ценностного мира большевиками достигалось путем решения целого ряда идеологических задач, немаловажное место среди которых отводилось формированию «правильного» социального поведения личности в условиях социалистического строительства.

В отечественной науке сложилось представление о процессе регулирования социального поведения. Психологи, апеллируя к концепции Л. С. Выготского об истории культуры как развитию системы знаков, служащих для управления поведением человека, рассматривают в качестве основных побудительных сил социального поведения такие факторы, как потребности человека, его чувства, интересы, идеалы, мировоззрения, установки.

Зарубежные ученые подошли к исследованию социального поведения с позиции философского осмысления приспособления человека к социальному миру.

Общество посредством институтов определяет формы социального поведения, тем самым освобождает человека от необходимости каждый раз заново принимать важные решения, предлагая автоматически следовать установленной форме поведения [см.: Спирина, с. 14–15]. Такого рода методы манипулятивного воздействия на поведение людей базируются зачастую на эмоциональном состоянии человека, влияние на которое оказывают различные ритуалы и праздники. Они способствуют объединению, сплочению большого количества людей, особенно в кризис-

ные периоды, когда разорваны прежние социальные связи, несут в себе эмоциональную разрядку.

Эйфория советских праздников культивировалась властью. Приподнятое эмоциональное настроение активно поддерживалось при помощи визуального ряда: фоторепортажи и кинофильмы 1920–1930-х годов запечатлели улыбающиеся лица людей на октябрьских и первомайских демонстрациях, цветы, плакаты, лозунги и портреты вождей. Демонстрируемая коллективная радость, особенно в дни государственных празднеств, создавала впечатление благополучной счастливой жизни и прекрасного будущего.

Репортажи с праздничных мероприятий публиковались на страницах популярных газет и журналов. Мы остановимся на одном из печатных изданий того времени – иллюстрированном журнале «Огонек», который посвящал праздничным мероприятиям целые номера. Анализ публикаций за период 1920–1930-х гг. дает представление о методах воздействия на человека, на его поведение. Так, в стихотворении Ярослава Смелякова, размещенном рядом с фотографиями шагающих стройными рядами физкультурников, современники читали:

И так и этак снимок верчу,
Могу на него часами глядеть.
Не знаю, как вы, а я хочу
Пристроиться к ним, хотя бы сбоку,
Так же смеяться, и так же петь,
И голову так же держать высоко. [Смеляков]

Эффект «заражения», стихийно возникающий в массах людей, сопровождается эмоциональным накалом и агрессивностью. Его источниками могут быть ритуальные танцы, музыкальные ритмы, религиозный экстаз, спортивный азарт, ораторское мастерство. Большую роль при этом играют бессознательные побуждения [см.: Соколов, с. 29–31]. Заражение является особой формой управленческого коммуникационного действия. Эйфория, искусственно создававшаяся в дни праздников, заражала энтузиазмом и диктовала определенную модель конформного поведения, создавала иллюзию общности интересов и духовных ценностей.

Лозунги, которые демонстранты проносили в дни торжеств по площадям и улицам, призывали ориентироваться на пропагандируемые ценностные установки: самоотверженный труд во имя социализма, борьба с буржуазными пережитками и т. д.

Под комментарием «В день Первого мая под красными знаменами собрался миллион трудящихся» (1925) опубликованы фотографии, на кото-

рых рабочие-демонстранты несут транспаранты «За единый пролетарский фронт», «Долой белый террор», «Ряды борцов смыкайтесь под знаменем Ленина» [Огонек. 1925. № 21 (112)].

Со страниц журнала в возвышенной риторике описывалось то настроение, которое должен испытывать участник первомайской демонстрации. Здесь и гордость за «освобождение от капиталистического и помещичьего гнета», и победы в «хозяйственном и культурном строительстве», и «общность пролетарской борьбы», «чувство классовой солидарности со всеми братскими отрядами, со всеми угнетенными народами, восстающими против капиталистического насилия и эксплуатации» [Наш праздник].

Люди призваны были подражать официальным героям своего времени – физкультурникам, летчикам, пограничникам, курсантам [Огонек. 1933. № 11 (471); 1939. № 11 (662)].

Однако на социальное поведение личности оказывают влияние не только внешние, но и внутренние факторы. С одной стороны, человек действует под влиянием внешней среды в результате давления какой-либо властной группы, с другой – его поступки определяются им самим, его собственным чувством свободы. Это вызывает сложности в управлении социальным поведением.

Эти проблемы власть осознавала и пыталась решать доступными ей способами. В связи с этим одним из важнейших мероприятий был мониторинг общественного мнения, проводимый ОГПУ. Среди отложившихся в архивах сводках с мест о массовых праздничных мероприятиях, бодром настроении демонстрантов, «исключительном подъеме», значительном увеличении количества членов семей и неорганизованного населения в составе колонн и отсутствии антисоветских проявлений [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 55] внимание привлекают критические высказывания, которые также дают представление об отношении населения к этим праздникам в 1920–1930-е гг.

Еще в 1923 г. Агитпропом распространялась анкета-опросник, в которой ставились следующие вопросы: «Не слишком ли много у нас празднуется юбилеев»? «Не слишком ли много строится всяких знамен»? «Не было бы более целесообразным заменить постройку новых знамен каким-либо другим, практически более целесообразным делом, например, постепенным созданием фонда для какой-либо постройки (дома отдыха, или образцового нового дома для героев труда и пр.)»? [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 575. Л. 53 об.]. В фонде Агитпропа ответы на эту анкету не сохранились, но ответом на нее можно считать сохранившиеся в архиве ФСБ сводки о настроениях рабочих, в том числе и в праздничные дни. Нужно ска-

зять, что мысли об избыточности трат на торжественные церемонии в дни государственных праздников высказывались рабочими неоднократно: «Лучше бы увеличили норму отпуска хлеба, чем устраивать праздники и тратить деньги на различные украшения» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 735. Л. 118].

При этом снабжение населения продовольственными и промышленными товарами было недостаточным, зачастую задерживалась выплата заработной платы. В связи с этим среди мер привлечения населения к празднику было выдаваемое в эти дни дополнительное снабжение и питание. Неоднократно встречаются в сводках ОГПУ упоминания о бесперебойном обеспечении демонстрации продовольствием [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 735. Л. 117] (Харьков, 1929 г.), организации обслуживания демонстрации разъездными буфетами и «пищепродуктовыми» ларьками (Ленинград, Москва, Харьков, 1934) [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 716. Л. 25, 55]. В день демонстрации рабочих обеспечивали завтраками, горячими обедами.

Но эта практика начинает давать сбои. Так, в информационной сводке ОГПУ по Уралу о проведении первомайских торжеств и настроениях населения в связи с этим отмечается неподготовленность к проведению торжеств со стороны отдельных устроителей и малочисленность собравшихся [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 83. Л. 145]. Рабочие выражали недовольство «на почве рабочего снабжения» и не желали участвовать в демонстрации. Так, 30 апреля 1930 г. «на собрании рабочих постройки № 7 в г. Свердловске, на предложение прораба выйти 1-го мая на демонстрацию, слышались выкрики: “Даешь сапоги, так пойдем, а не дашь, на демонстрацию не пойдем”» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 837. Л. 157].

Из сводок видно, что так как продукты выдавались нерегулярно, а к праздничным дням и во время демонстраций, то зачастую за ними выстраивались очереди до 200 человек, что вызывало недовольствие рабочих и, не получив питания, они расходились по домам [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 27]. Были случаи, когда рабочие и вовсе не получали талоны на продукты к празднику, как, например, рабочие Метростроя, проживавшие на частных квартирах или работницы «Красной текстильницы» и др. (Москва). Зафиксировано высказывание счетовода планово-инструментального отдела завода им. Сталина (Москва) Постнова: «Не жизнь, а какое-то нищенство, рабочие готовы часами стоять в очередях в буфете за несчастным бутербродом, это показатель того, как народ изголодался» [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 28]. Зачастую цены на эти бутерброды были для рабочих слишком высокими (бутерброд из черного хлеба с небольшим кусочком мяса в 1934 г. в Москве на заводе «Красный блок» стоил 74 коп.) [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 29].

Работница Нащанская Первого Государственного часового завода, обращаясь к окружающим, заявила: «Нет никакого толка бить обувь, в кооперативе ничего не дают, поэтому надо уходить с демонстрации». Ее поддержал мастер Ткаченко: «Рабочих не кормят, а на демонстрацию гонят». Некоторые московские строители, получив из буфета продукты, возвращались обратно в бараки [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 48].

В Октябрьском районе утром 1 мая у дверей бараков Метростроя было обнаружено 12 листовок, написанных от руки на клочках бумаги следующего содержания: «Прошу не будить, на демонстрацию не пойдем, нам не дали денег». Характерный комментарий к этому факту: «Листовки изъяты. Авторы устанавливаются» [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 50]. Бетонщица 18-й шахты Метростроя Рюмина, комсомолка, среди демонстрантов говорила: «Кругом кажется весело, а на самом деле это все дутое настроение, а не искреннее» [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 45].

Среди отдельных групп рабочих возмущение вызывал запрет на продажу спиртных напитков в Первомайские дни. Так, в 1929 г. рабочий типографии «Пролетарий» г. Харькова Петров, как следует из донесения, высказывался: «Власть, наверное, обдуманно издало распоряжение о прекращении продажи водки на Первомайские праздники. Наверное, коммунисты боятся, чтобы на демонстрации не было волюнок» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 735. Л. 118].

Население, особенно крестьянское, выражало недовольство и на религиозной почве. Как свидетельствуют обзоры о политическом положении в деревне, крестьяне массового участия в праздновании советских дат не принимали. Участвовали главным образом члены ВКП (б) и ВЛКСМ, учителя, школьники, работники низового совпарата и служащие. Однако там, где праздник был хорошо организован (приурочена установка радио, привлечены тракторы и т. п.), крестьяне приходили на праздничные мероприятия. Так, в 1926 г. в Тамбовской губернии в одном из сел Кирсановского уезда участие в Первомайской демонстрации тракторов, вспахавших землю некоторым беднякам, привлекло на демонстрацию до 300 крестьян. Аналогичные явления были отмечены и по другим селам этой же губернии. В Костромской губернии в одной из волостей Нерехтского уезда на установку громкоговорителя, приуроченную к 1 Мая, явилось значительное число крестьян, причем некоторые из них, направляясь в церковь, заходили в Нардом и там оставались [«Совершенно секретно», с. 328]. В то же время со стороны отдельных групп верующих, главным образом церковных советов, при участии духовенства в ряде районов Запада, Северного Кавказа и Поволжья отмечались попытки

противостоять новым ритуалам. Священнослужители, в противовес демонстрациям, устраивали религиозные процессии, отвлекавшие крестьян от участия в первомайских демонстрациях и митингах [см., напр.: «Совершенно секретно», с. 328, 369–370].

Антирелигиозная пропаганда в праздничные дни также неоднозначно воспринималась населением. Так, в кирпичном цехе Верх-Исетского завода (Урал) рабочий Ряпосов, стаж работы которого на производстве составлял 20 лет, беспартийный, говорил по поводу 1-го мая 1930 г.: «Этот праздник не для нас, пускай комсомольцы бегают по городу и рвут подметки, а мы уже устарели, мы пасху праздновали, вот скоро будет троица и опять выпить можно» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 837. Л. 158]. А среди неорганизованной публики были отмечены разговоры: «Глупо делают – просмеивают попов. Придет время – все само отпадет, и никто молиться не будет. А пока живем – что хотим, то и делаем» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 837. Л. 159]. А по поводу пропагандистского сатирического шествия, изображающего попов, ксендзов, раввинов, горожане между собой говорили: «Хорошо им разезжать на автомобилях наряженными, из церквей все забрали и оделись» [ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 837. Л. 159].

Со временем праздничные мероприятия стали страдать от рутинности и однообразия, что отрицательно сказывалось на настроении населения, среди которого раздавались голоса о бесполезности участия в демонстрациях: «Ведь и так уже надоело, каждый год только и делаем, что ходим на демонстрацию, а толку нет никакого», «Нечего ходить на демонстрацию, все равно толку никакого нет, только тряпок больше», «Нас как баранов с красными флагами, под музыку, по улицам водят, а рабочие всему верят, несмотря на то, что их обманывают», «Дураки еще есть, которых на Красную площадь гоняют» [ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 716. Л. 28].

В целом можно сказать, что процесс формирования модели поведения человека в социалистическом обществе на первых этапах его развития шел достаточно сложно. Использование ритуалов государственных праздников способствовало этому процессу, но не смогло в полной мере сформировать полное единодушие населения с властью. Вместе с тем возникала модель конформного поведения, которое помогало населению выживать в сложных жизненных условиях.

Наш праздник // Огонек. 1926. № 20 (164). С. 4–5.

Огонек. 1925. № 21 (112); 1933. № 11 (471); 1939. № 11 (662).

Смеяков Я. Молодость // Огонек. 1940. № 20 (707). С. 7–10.

- РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС)).
«Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934) : в 10 т. Т. 4. Ч. 1. М., 2001.
- Соколов А. В. Метатеория социальной коммуникации. СПб., 2001.
- Спирина Т. П. Социальное поведение личности как философская проблема : дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2001.
- ЦА ФСБ. Ф. 2, 3.

УДК 94(47).084.6:323.28

С. И. Быкова

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ОПРАВДАНИЕ: ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИЧНОГО (СО)УЧАСТИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ 1930-х гг.

В данной статье рассматривается проблема сложного, неоднозначного соотношения революционных идеалов и политического прагматизма. Искреннее желание создать новое общество, основанное на справедливости, позволяло советским людям поддерживать власть в поисках и наказании «контрреволюционеров». Доносы и заявления, «сигнализирующие» о подозрительном поведении коллег или соседей, участие в организациях, выявивших «врагов», применение следователями насилия в отношении арестованных – данные действия были оправданы необходимостью «защитить революцию».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Октябрьская революция, сталинизм, политические репрессии, советская юстиция, доносы, «революционная законность».

Немецкий писатель Армин Т. Вегнер, приехавший в Россию в 1927 г., написал: «Скинь башмаки, ибо земля, на которую ты вступаешь, – это святая земля Революции» [Рорвассер, с. 375]. Многие иностранцы связывали с советским государством самые светлые и смелые надежды, отправляясь в Москву как в революционную Мекку [Рыклин]. Энтузиазм возможности созидания нового мира, основанного на прогрессе и справедливости, позволял советским коммунистам и комсомольцам жертвовать своей жизнью не только в годы Гражданской войны, но и в мирное время [Тяжельникова, с. 411–436; Хелльбек, с. 377–378].

10 марта 1939 г., выступая на XVIII съезде ВКП (б) с подведением итогов «революционной эпохи» в советской истории, И. Сталин констатировал и полную победу советского строя, «и серьезные успехи, и большие достижения». Не вдаваясь в подробности, не называя никаких цифр,

лишь конспективно обозначив в своем докладе итоги социалистических преобразований, генеральный секретарь указал перспективу развития: «Мы идем дальше, вперед, к коммунизму» [Сталин, с. 614–615]. Победа социализма могла рассматриваться как достойное оправдание принесенных жертв.

Однако современники вождя оценивали ситуацию в стране не столь однозначно [Быкова, Вождь как враг...]. Например, активный участник революционного подполья, октябрьских событий 1917 г. и Гражданской войны Ф. Раскольников (Ильин) свое открытое письмо И. Сталину 17 августа 1939 г. закончил такими словами: «Бесконечен список ваших преступлений! Бесконечен свиток имен ваших жертв! Нет возможности все перечислить. Рано или поздно советский народ посадит вас на скамью подсудимых, как предателя социализма и революции, главного вредителя, подлинного врага народа, организатора голода и судебных подлогов» [Раскольников, с. 617]. Василий Шульгин, монархист, один из идеологов и участников Белого движения, в своих «Размышлениях», написанных в 1960-е гг., утверждая, что после революции 1905 г. был шанс на эволюционное развитие, но «русская общественность в слепоте своей считала Царскую Россию врагом свободы...», отметил наличие недовольства политикой советской власти: «Только при Сталине началось просветление затемненных умов» (по поговорке «Русский мужик задним умом крепок») [Шульгин, с. 318].

Дискуссия о реальном социализме, начатая участниками его строительства и противниками, как известными политическими деятелями, так и простыми советскими людьми, продолжалась долгие десятилетия и приобрела особую актуальность на рубеже XX–XXI вв. Романтическая ностальгия и стремление компенсировать трудности настоящего идеализацией «великого прошлого» характеризуют общественные настроения в современной России и оказывают значительное влияние на академическую науку. Следует подчеркнуть, что стилистика некоторых «научных» текстов начала XXI в. идентична прецедентным текстам советского времени (в том числе докладам И. Сталина, «Краткому курсу Истории ВКП (б)»).

Новый этап идеологизации исторических дискуссий отмечают многие исследователи. В частности, Артемий Магун, указав, что Октябрьская революция (в сравнении, например, с Французской революцией) не имеет глубокой интеллектуальной традиции, подчеркивает: в отличие от 1990-х гг. в начале XXI в. вокруг октябрьских событий 1917 г. и их последствий возник открытый идеологический конфликт [Магун, с. 13].

В своем исследовании А. Магун называет интеллектуальные причины отсутствия научного изучения данной проблемы – это дискурсы идеологической сублимации и «исключительности» России. Ученый подчеркивает неприемлемость метафизической интерпретации революции как завершенного, целенаправленного действия, отменяющего одну эпоху и устанавливающего новую: «Ни одна историческая революция не была массовым, радикальным и решительным переходом в светлое будущее. Каждая из них заходила во внутренний тупик, приводила к затяжному кризису и частичной реставрации» [Магун, с. 23].

Мартин Малиа, изучавший большевистскую революцию в контексте европейского революционного процесса (и в частности, революции 1789 г. во Франции), утверждает: «К коммунистической России неприменимы ни сравнительные категории, как “термидор” или “бонапартизм”, ни пояснительные, типа “пролетариат” против “буржуазии”, ни такие чересчур широкие понятия, как «модернизация» или развитие» [Малиа, с. 9]. Американский историк характеризует «красный октябрь» как «революцию ради конца всех революций». По его мнению, большевистский режим являлся «институциональной революцией», логически связанной с претензией коммунистов на роль кульминации человеческого прогресса, конца истории, за которым не может быть ничего, кроме контрреволюции и «реставрации капитализма» [Малиа, с. 296, 299, 325].

Предельную жестокость большевиков к политическим противникам и их нетерпимость к инакомыслию отмечали свидетели первых лет советской власти. Зинаида Гиппиус, с тревогой и болью наблюдавшая за происходившим в Петрограде, в июне 1919 г. в «Черной книжке» записала свои предположения: «Большевистская власть в России – детище войны. И пока она будет – будет война <...> внешняя и внутренняя. И последняя в самой омерзительной форме террора, т. е. убийство вооруженными – безоружных и беззащитных» [Гиппиус, с. 192]. Предчувствие поэта оказалось пророческим – реалии советской политической системы в 1920–1930-е гг. соответствовали ее предположениям. В. Шульгин отметил характерное для советской системы идейное насилие. Вспоминая террористов, устроивших «охоту» на П. А. Столыпина в начале XX в., он писал: «К чему же стремились все эти люди, убивавшие и умиравшие? Они стремились к Революции. Что же стояло под этим зловещим знаком «Р»? Рабство. Рабство мысли и слова» [Шульгин, с. 317].

Современные исследователи, реконструировавшие события 1920–1930-х гг., не только называют насилие одной из характерных черт политической жизни в СССР, но и подчеркивают его прагматическую зна-

чимость для власти: «Сталинский режим предпочел продолжение “гражданской (классовой) войны” как единственно возможную консолидацию масс с опорой на страх перед своим собственным двойником, внутренним Врагом» [Подорога, с. 114].

Исследуя взаимоотношения советской власти и юстиции, канадский историк Питер Соломон утверждает: для сталинского периода истории соединение данных слов следует считать оксюмороном, поскольку «justice» переводится как «справедливость», а имя Сталина ассоциируется с жестокими незаконными репрессиями. Для большевиков право не имело самостоятельной ценности, правовая культура народа оставалась очень низкой. Сталинское руководство использовало уголовное право как инструмент власти, активно апеллируя к революционной риторике. П. Соломон обратил внимание на длинный список «контрреволюционных преступлений», указанных в советских кодексах 1922 и 1926 г.: «Язык, использованный для их описания, был довольно расплывчатым <...> В результате у политического раздела кодекса появилась такая эластичность, что при желании власти могли политизировать практически любое преступление» [Соломон, с. 9, 26].

Отмеченная П. Соломоном «эластичность» активно использовалась не только против критически мыслящих людей, но и для создания атмосферы подозрительности, недоверия, апеллируя к необходимости борьбы с контрреволюционерами. В оперативном приказе № 00447, подписанном наркомом внутренних дел СССР Н. Ежовым 30 июля 1937 г. и открывшим новый этап массовых арестов, определяется главная задача органов государственной безопасности – «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков...» [Из оперативного приказа, с. 269].

Одним из примеров, как легко участники событий Красного Октября могли «стать» «контрреволюционерами», свидетельствует судьба профессора В. Н. Кашина, являвшегося, несмотря на краткость жизненного пути, одним из наиболее выдающихся исследователей его поколения [Ганелин, с. 9]. Будучи учеником реального училища в Томске, В. Н. Кашин принимал участие в деятельности революционного кружка, несколько раз арестовывался, был отправлен в ссылку. В 1909 г. он помог организовать побег из Енисейского края Г. К. Орджоникидзе и вместе с ним оказался за границей. Вернувшись в 1917 г. в Россию, принимал участие в штурме Зимнего дворца, в годы Гражданской войны служил в Красной армии [Ганелин, с. 10; «Что вы делаете со мной!», с. 53]. Окончив Ленин-

градский университет, работал преподавателем истории и занимался научной работой. Первый раз он был арестован в 1933 г. как «участник контрреволюционной организации» «Путь Ленина», но дело было закрыто, практически никак не повлияв на его научную карьеру.

21 марта 1937 г. в Ленинградском отделении Института истории АН СССР состоялось общее собрание сотрудников, после которого В. Н. Кашин был арестован, осужден и расстрелян. На собрании некоторые из коллег выступили с обвинениями, но академик Б. Д. Греков и аспиранты пытались защитить Владимира Николаевича. Помимо обвинений в «троцкистском, враждебном, контрреволюционном характере» идей В. Н. Кашина, прозвучали и другие: «У него не поворачивается язык до 24 г. назвать партию партией Сталина, и он говорит, что это была партия Ленина»; «Клеветы на одно имя Сталина, который бережет весь мир трудящихся уже достаточно, чтобы всем отвернуться от Кашина»; «Попытка сослаться на Ленина – недостойная попытка»; «Перед нами – сознательный контрреволюционер» [«Что вы делаете со мной!», с. 115, 125, 134, 136, 154, 165]. Один из выступавших обвинителей обратил внимание всех присутствовавших на плакат в зале заседания с призывом «Выше революционную бдительность». В. Н. Кашин сохранял самообладание и достоинство, но необоснованные и несправедливые обвинения выдержать оказалось чрезвычайно трудно, и он произнес среди объяснений несколько эмоциональных фраз: «Что вы делаете со мной!»; «Считать меня контрреволюционером невозможно...» [«Что вы делаете со мной!», с. 169, 171]. Р. Ш. Ганелин обратил внимание на очевидное стремление представителя партийных органов «организовать» общественное осуждение Н. В. Кашина для обоснования его ареста, и данный план был реализован «благодаря» «революционной сознательности» коллег талантливого ученого. Об этой трагедии участники обвинения не вспоминали ни в последующие десятилетия, ни после реабилитации В. Н. Кашина, совершенно спокойно используя материалы его исследований для своих диссертаций и публикаций.

Одним из методов активизации «революционной бдительности» являлась не только вербальная романтизация политического насилия, но и практическая ее реализация. Например, ни российские, ни зарубежные историки не изучали деятельность организации «Легкая кавалерия», состоявшей из комсомольских групп народного контроля. Единственное упоминание содержится в «Толковом словаре языка Совдепии», составленном петербургскими исследователями В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. Согласно материалу из «Комсомольского прожектора»,

«в 1934–1935 гг. во Всесоюзном рейде “Легкой кавалерии” по проверке культурно-бытовых учреждений участвовало более 200 тысяч человек». Название организации позволяло ее участникам идентифицировать себя с бойцами Гражданской войны, продолжающими «великое дело» борьбы за победу революции [Мокиенко, Никитина, с. 236]. Благодаря знакомству с данной публикацией я смогла оказать помощь Е. П. Емельянову, изучавшему научную деятельность Н. В. Устюгова. В деле ученого в Архиве РАН был обнаружен уникальный документ – рапорт следующего содержания:

«Начальнику Л. К. т. Быстрицкой от Л-ки Катонской РАПОРТ

Произведа 2/II по поручению штаба Л. К. расследование, выявила следующее:

1. Адрес, по которому я была направлена, старый, и гр. Устюгов выехал оттуда месяцев 6-8, но все же сведения были собраны.

2. гр. Устюгов сын священника и связи с ним отнюдь не порывал (отец приезжал к нему в гости, и он ездил к отцу), а теперь поддерживает его материально.

3. При выселении из дома бывшего домовладельца гр. Устюгов подписался против его выселения и был инициатором.

4. Когда проводилась подписка на III-ий заем индуст. гр. Устюгов высказывался против подписки.

5. В частных разговорах высказывал взгляд, что История Покровского М. Н. – халтура. А он де признает только Ключевского и т. п.

Выводы. т. Устюгов несомненно не наш человек. Нужно выяснить, на какой именно работе, если на научной, то, несомненно, это недопустимая вещь в Комакадемии, когда идет чистка в вузах профессорского состава.

Выяснить лицо тов., через которого попал в Комакадемию гр. Устюгов.

P.S. гр. Устюгов рассказывал, что имел научные командировки [Емельянов, с. 45–46].

Е. П. Емельянов пытался выяснить, что означают сокращения «Л. К.» и «Л-ки», но никакого приемлемого объяснения ему найти не удалось. Материал статьи из «Толкового словаря языка Совдепии» и мои предположения позволили ответить на этот вопрос: группа «Легкой кавалерии», в которой состояла активистка Катонская, работала под руководством штаба, возглавляемого начальником. В контексте проблемы «революционного долга» и оправдания доноительства данный пример чрезвычайно показателен.

Авторы анонимок, заявлений и докладных записок использовали принятые в те годы лексические образы и пропагандистские клише,

ни в коей мере не обозначая истинных намерений. Лишь косвенно можно уловить личную пристрастность, обратив внимание на формальные моменты. В частности, некоторую ясность вносит сокрытие или указание своего имени и адреса; требовательность в проведении расследования и выражение готовности дать более подробные сведения. Иногда настроение авторов ярко демонстрирует сам стиль сообщения, его особая эмоциональность.

Так, в письмах, адресованных в центральные органы, один из жителей Свердловской области заявлял о стремлении всегда оправдывать «доверие советской власти» и желании «убрать сор, мешающий строительству социализма». Он просил помочь «выдернуть корни капитализма» [ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 66а. Д. 183. Л. 189–191; 196–200]. В других корреспонденциях авторы, характеризуя подозреваемых ими людей, использовали такие выражения: «Он враг республики, враг рабочего класса...»; «Сомневаюсь, что он большевик...»; «Заверю, что это чужой человек ... для нашего строительства»; «Это далеко не советские люди...» [ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20945 (конверт); Д. 26018. Т. 1. Л. 10, 11, 17; Д. 17160. Т. 16. Л. 173–175 и др. дела; ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 2. Л. 60; Т. 3. Л. 95; Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 31849. Л. 58–59 и др. дела].

Очень часто авторы доносов не только проявляли подозрительность к указанным ими лицам, но и выражали возмущение работой органов, задачей которых считались выявление и изоляция «чуждых» людей. Весьма показательным является мнение автора анонимного послания, датированного 1936 г.: «Живущие с ними... удивляются, почему и под чьим руководством такой буржуазный тип находит должности в нашем советском хозяйстве и даже пользуется правами советских граждан» [ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7794. Т. 3. Л. 95]. Примечателен и тот факт, что наряду с умеренными требованиями («обратить серьезное внимание и расследовать вышеизложенное», «принять меры», «не мешало бы политотделу поинтересоваться им», «проверить белогвардейского офицера, проживающего здесь...», «исследовать это дело и привлечь к ответственности»; «рассмотреть и передать, куда следует»; «спросить меня, я подробно все расскажу...») авторы демонстрируют агрессивность по отношению к следственным органам: «я буду дальше писать, если ты не примешь мер против этого злодея» [ГААОСО. Д. 19638. Т. 5. Л. 220–221; ПермГАНИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 12837. Т. 2. Л. 226–235; Д. 26710, Л. 367].

Отзывчивость советских людей на призывы власти «разоблачать врагов» наиболее наглядно подтверждают случаи, когда причиной тревоги становились не происхождение, не прошлое и не факты вредитель-

ства, а высказывания и анекдоты. Так, квалифицированный рабочий Пермского судоремонтного завода К. И. Меркушев был осужден на 10 лет за то, что в нетрезвом состоянии называл Л. Троцкого «товарищем» и заявлял о его значительной роли в революции. Двое свидетелей-коммунистов оценили этот поступок как «троцкистская пропаганда» и обратились в партком. Состоявшееся собрание коммунистов приняло решение: «Обязать партком подобрать весь материал и передать в соответствующие органы» [ПермГАНИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 31849. Л. 57–59]. Мастер завода им. Молотова П. А. Борчанинов был расстрелян за рассказанный анекдот, о котором по совету секретаря парткома сообщил один из коммунистов [ПермГАНИ. Ф. 641/2. Оп. 1. Д. 26710. Л. 365]. З. И. Лузина, работница Уткинского завода (г. Первоуральск), была осуждена по ст. 58. п. 10 за песню, содержание которой следствие признало контрреволюционным, и анекдот, «дискредитирующий т. Сталина» [ГААО С. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16991. Л. 18 (конверт)].

Одним из самых показательных случаев можно рассматривать обращение в Управление НКВД Свердловской области 20 августа 1936 г. журналиста, ранее собиравшего материалы для книги «Ленинские самородки» в уральских городах. Среди многих людей, с которыми он познакомился во время командировки, оказался рабочий станции Шарташ Н. А. Вьюхин. Квалифицируя настроения своего «героя» как антисоветские, журналист отметил, что «не придал сначала этому должного значения, теперь же в свете происходящего процесса над троцкистско-зиновьевской контрреволюционной бандой я считаю, что контрреволюционные суждения Н. А. Вьюхина не случайные, поэтому прошу обратить на него соответствующее внимание» [ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20810. Л. 2].

Современники отмечали, что значительные перемены в сознании и взаимоотношениях людей частично predeterminedены вступлением на историческую сцену нового поколения, изменением численности и социокультурных характеристик социальных групп, составлявших население уральского региона. Наиболее отчетливо осознание этих факторов выразил один из коммунистов Чусовского завода, пытаясь поддержать во время чистки 1933 г. опытного квалифицированного рабочего И. А. Хлопотова. Выступая на собрании, он заметил, что в 1923 г. обвинение в контрреволюционных преступлениях «не прошло бы», так как старые рабочие знали хорошо работу и поведение друг друга «как при белых, так и во времена красных» [ГААО СО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17160. Т. 2. Л. 349]. Частые перемены места жительства и разрушение родственных связей, вызванных интенсивными процессами индустриализации Урала, не способство-

вали формированию отношений доверия и взаимопомощи. Напротив, создавались условия для возникновения подозрительности и социальной зависти, поэтому было множество случаев доноительства из-за сведения личных счетов.

Оправдываясь за применение незаконных методов в отношении арестованных во время массовых кампаний 1937–1938 гг. после принятия СНК и ЦК ВКП (б) совместного постановления «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» 17 ноября 1938 г., следователи ссылались на «честное выполнение служебных обязанностей, указаний партии и правительства по борьбе с врагами народа и контрреволюционерами» [Быкова, «Чекист ...», с. 100–113].

Террор, таким образом, поддерживая эмоциональную напряженность борьбы, направлял социальное недовольство в нужное верховной власти русло; ответственность за трудности, возникавшие в жизни, возлагалась на «вредителей», «дезорганизаторов», «врагов народа», укрепляя тем самым авторитет центральной власти, веру в правильность ее политического курса. Политические кампании, предшествовавшие очередному этапу террора, поддерживали чувство тревоги и ненависти к «врагам», исключая объективный анализ экономических и социальных проблем.

Быкова С. И. Вождь как враг: негативные коннотации образа И. Сталина в представлениях современников // Вестн. Нижегород. ун-та им. Лобачевского. 2013. № 4. Ч. 3. С. 128–134.

Быкова С. И. «Чекист ... морально и политически абсолютно безупречен»: о нравах сотрудников НКВД в 1930-е годы // Нравы как социокультурный феномен: проблема модернизации в современной России. Екатеринбург, 2013. С. 100–113.

Ганелин Р. Ш. В. Н. Кашин и его судьба // «Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб., 2006. С. 7–51.

Гиппиус З. Петербургские дневники. Черная книжка // Литература русского зарубежья : антология. М., 1990. Т. 1. Кн. 2. С. 176–334.

ГАРФ. Ф. 1235 (Всесоюзный центральный исполнительный комитет).

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААО СО). Ф. 1 (Архивно-следственные дела реабилитированных граждан).

Емельянов Е. П. Творческий путь Н. В. Устюгова в контексте развития советской исторической науки : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2016.

Из оперативного приказа НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов // История сталинского Гулага. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов : собр. до-

кументов в 7-ми томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. М., 2004. С. 268–275.

Магун А. Отрицательная революция. К деконструкции политического субъекта. СПб., 2008.

Малия М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М., 2015.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.

Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 641/1 (Архивно-следственные дела реабилитированных граждан); Ф. 641/2 (Архивно-следственные дела реабилитированных граждан).

Подорога В. Память и забвение. Т. В. Адорно и время «после Освенцима» // НЛО. 2012. № 4 (116). С. 109–128.

Раскольников Ф. Открытое письмо Сталину // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 612–617.

Рорвассер М. Писатель нового типа (немецкие писатели между гитлеровской Германией и московской эмиграцией) // Москва – Берлин / Berlin – Moskau. 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино. М. ; Берлин ; Мюнхен, 1996.

Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009.

Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). 10 марта 1939 г. // И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1945. С. 564–611.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.

Тяжельникова В. С. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» (Генезис и эволюция революционной жертвенности коммунистов) // Соц. история : ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 411–436.

Хельбек Й. Жизнь, прочтенная заново: самосознание русского интеллигента в революционную эпоху (1900–1933 гг.) // Нов. лит. обозрение. 2012. № 4 (112). С. 374–384.

«Что вы делаете со мной!» Как подводили под расстрел. Документы о жизни и гибели Владимира Николаевича Кашина. СПб., 2006.

Шульгин В. В. Размышления (Из рукописей 60-х годов) // Неизвест. Россия. XX век. М., 1992. С. 312–348.

УДК 94(470.5).084.6.303

Н. В. Веселкова

ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ АЛЕСЕЯ МАЛЕНЬКОГО: ПРОЕКТ И ПОРТРЕТ

Горьковское начинание «История фабрик и заводов» в своей низовой деятельности по сбору и обработке материалов имеет много общего с такими исследовательскими стратегиями социальной науки, как кейс-стади, биографический метод и исследование-действие, в статье предпринимается попытка их совместного рассмотрения. Развертывание проекта ИФЗ прослеживается на примере создания Истории Надеждинского завода, центральной фигурой здесь выступает писатель-очеркист Алексей Маленький, работавший на Урале с 1928 по 1937 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: История фабрик и заводов, Надеждинск, А. Маленький, кейс-стади, биографический метод, исследование-действие, субъектность.

История фабрик и заводов (ИФЗ) – издательский проект (1931–1938) М. Горького, движимый во многом его энергией и авторитетом, при поддержке «санкционирующего» постановления ЦК ВКП (б) от 10 октября 1931 г. Данный проект, как убедительно доказывает в своей фундаментальной монографии С. В. Журавлев, сыграл роль школы «правильного» понимания истории, в этом смысле весьма симптоматично оформление ИФЗ «высказываниями» Сталина – «О некоторых вопросах истории большевизма» (1931) на старте и «Кратким курсом» под занавес (1938). По сей день остается справедливым сделанный в 1990-е вывод о малоизученности данной темы [Журавлев, с. 11, ср.: Смирнова], вдвойне это относится к опыту региональных редакций. Уральская ИФЗ попадает в поле зрения исследователей, как правило, отдельными, наиболее известными фрагментами, как то «Были горы Высокой» [Добренко, с. 282–292; Подлубнова, с. 421–423; Журавлева].

Отгалкиваясь от трудов историков и литературоведов, попытаемся зайти с другой стороны, рассмотрим ИФЗ, во-первых, с позиций социальной науки – сквозь призму таких исследовательских стратегий, как биографический метод, кейс-стади и исследование-действие (Action Research); во-вторых, поставив в центр внимания уральский материал, а конкретнее, усилия А. Маленького по созданию Истории Надеждинского завода.

Кейс-стади, биографический метод и исследование-действие

Горький полагал, что оформляет и усиливает уже начавшееся среди рабочих авторов движение по сбору историй предприятий. В 1920-е гг. подобная работа действительно проводилась, причем сбором и обсуждением воспоминаний, изучением прессы и архивов всерьез занимались самые разные институции от Комакадемии, истпартов и истпрофов до краеведов.

Если рассмотреть эту деятельность в более широком контексте, станут заметны существенные пересечения с развитием биографического метода и кейс-стади в 1920-х. Комплексное монографическое изучение предприятий как предшественник ИФЗ в 1920-е гг., с привлечением социологических и психологических методов [Журавлев, с. 26–27], по сути, – точное определение кейс-стади. Историю этой исследовательской стратегии, как и биографического метода в социологии, обычно ведут с «Польского крестьянина в Европе и Америке» У. Томаса и Ф. Знанецкого (1918–1921). В свое время эта работа потрясла ученый мир обращением к автобиографии, личной переписке, архивам газет, документации Союза благотворительности и т. п. Конкурсы памяти, запущенные Знанецким в Польше в 1920-е гг., собирали сначала десятки, а затем сотни и тысячи мемуаров; однако весьма сходная деятельность разворачивалась и в рамках ИФЗ.

Интерес к биографизированию возрастает в переломные эпохи. В России уже в 1917–1918 гг. психолог Н. А. Рыбников выступает с публикациями о биографическом методе, доказывая важность дневников и других личных документов «обычных» людей, в 1930 г. выходит его книга «Автобиографии рабочих и их изучение» [Боцманова, Гусева; Логинова]. С. Третьяков¹, один из трибунов «литературы факта» и автор понятия «биография вещи», в конце 1920-х приходит к мысли, что в очерке, его излюбленном жанре, «отдельный именованный человек тонет» и необходимо «глубокое бурение» с помощью биографий [Третьяков, с. 7].

Материалы ИФЗ показывают, что обаяние биографизирования сохранялось и в первой половине 1930-х. Так, главным достижением двух томов истории метро (1935) рецензенты сочли создание «биографии цельного типа нового человека» [Цит. по: Журавлев, с. 166]. Биография применялась и к предприятию: согласно договору с УралОГИЗом от 29 ноября

¹ Пересечение Третьякова с Маленьким обнаруживаем через новосибирский журнал «Настоящее» [Веселкова; о «Настоящем» – Капинос; Лошилов; Яранцев].

1931 г. А. Маленький готовил для журнала «Штурм» очерк «Биография Надеждинского завода» [ОМПУ. Ф. 59, папка 7. КП IV Инв.16593/6]. В 1933 г. с инициативой создания справочника «Биографии горных заводов СССР» выступил ленинградский историк Ю. И. Гессен [ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1. Л. 69].

Взгляд на ИФЗ сквозь призму исследования-действия помогает поставить очень важный вопрос о субъекте и субъектности. Горький считал, что ИФЗ будет создаваться рабочими и для рабочих – закладывая тот же принцип, что и в исследовании-действии: люди изучают сами себя, одновременно воздействуя на проблемную реальность. В случае с ИФЗ субъектом должна была стать (рабочая) масса. «Массовый исторический журнал» «Борьба классов» с первого номера (1931) анонсировал, а во втором открыл рубрику «Массы творят и пишут историю» – фактически это формула субъектности, продвигаемая Историей фабрик и заводов. В 1935 г. «Уральский следопыт» представлял своим читателям «Были горы Высокой» как книгу, созданную самими рабочими: «Сто авторов – сто действующих лиц» [От редакции, 1935, с. 32]. И если Е. Добренко на примере именно «Былей...» показывает, что этот новый эпос «не знает субъекта» [Добренко, с. 282–283], то оценки иных современных специалистов фактически воспроизводят эту формулу: «Впервые народные массы вполне осознанно заговорили о своей истории» [Подлубнова, 2010, с. 423]. В очень критичной работе Журавлева тоже говорится о пробуждении интереса широких масс, искреннем энтузиазме в рабочей и литературной среде [Журавлев, 1997, с. 20, 29]. Действительно ли «массы» становились субъектом ИФЗ? Надеждинская ситуация свидетельствует скорее об обратном.

Надеждинск (в 1934–1937 г. Кабаковск, ныне Серов) был основан в самом конце XIX в. на северном Урале, предвосхитив советские индустриальные моногорода, история его металлургического завода создавалась в рамках ИФЗ в числе первых. Городская газета «Пролетарий» уже в декабре 1931 г., через два месяца после Постановления ЦК об ИФЗ выходит с призывом райкома партии: «Написать книгу “История Надеждинского завода” должны кадровики-рабочие» и предварительным конспектом книги. Правда, инициативная группа включает кого угодно, только не рабочих (представителей РК ВКП (б), заводоуправления, чугуно-литейного цеха, бюро партизан, Горсовета, а также прокурора, военкома, двух газетчиков и др.) (21.12.31. № 278)². В уточненном составе «комиссии по сбору материалов» впервые фигурирует Маленький (23.12.31. № 280). Газетные

² Здесь и далее в скобках указаны даты и номера газеты «Пролетарий».

тексты включают ритуальные заклинания: «Масса – автор книги», однако апеллируют к «директивам ЦК» и адресуются «всем секретарям парткомов, партколлективов и ячеек». Это им, парторгам, предстоит организовать рабочих авторов, провести сбор исторических материалов (фотографии, документы, письма, воспоминания), провести перепись всех старожилов района, в первую очередь принимавших участие в строительстве завода, а также участников событий 1905–1917 гг. и Гражданской войны (23.12.31. № 280). Тот факт, что все материалы предписано направлять в Культпроп РК, заставляет предположить, что заводской редакции не было, а почин исходил от газеты «Пролетарий»³ и райкома (вероятно, не без участия Маленького, если вспомнить его договор с ОГИЗом, заключенный еще в ноябре).

В начале января 1932 г. Комиссия объявила «товарищеский вечер за чашкой чая, посвященный воспоминаниям о Надеждинском заводе» в доме марксистско-ленинской учебы (6.01.32. № 6), однако в назначенный день оказалось, что помещение занято под партсобрание, и вечер перенесли на неопределенный срок (8.01.32. № 7). К чести организаторов, в конце января они все же устроили «банкет старых рабочих-кадровиков завода, посвященный работе над историей Надеждинска» в великолепном новом Дворце культуры, приглашались также «жены старых рабочих» (29.01.32. № 24). Результатом стало письмо Горькому, содержащее сакраментальную фразу: *«к составлению истории завода были привлечены 100 старейших рабочих, общий возраст которых составляет 5.237 лет, общий производственный стаж – 3.117 лет»*.

На мой взгляд, этот сюжет свидетельствует об инициативе и настойчивости местных партийных организаторов, которые и были авторами-субъектами на данном этапе. Цифры призваны создать впечатление массовости, но больше напоминают массовку. «Старейшие рабочие», должно быть, почувствовали значимость своего опыта и делились воспоминаниями, но это еще не делает их авторами «Истории Надеждинского завода», которую с самого начала писал и продвигал к изданию А. Маленький. Между тем надеждинское письмо буквально подняли на знамя ИФЗ – его печатает первый же выпуск центрального бюллетеня «История заводов» (1932), цитируют передовая журнала «Борьба классов» [За большевист-

³ «Пролетарий» отчитывается Уралобкому: «Призыв Горького об издании истории заводов и фабрик газета только начала реализовывать. Выявлены кадры, желающие принять участие в этом начинании» [ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 643. Л. 51].

ские... с. 4] и руководители проекта: Н. Шушканов, Вс. Иванов [Шушканов, с. 17–18; А. М. Горький и создание... с. 170], а будущий академик А. М. Панкратова использовала в докладе на международном конгрессе историков в Варшаве в 1933 г., правда, чуть снизив пафос: «привлечено свыше сотни старейших рабочих» [Панкратова, с. 76].

При внимательном прочтении очевидно, что письмо акцентирует массовость отнюдь не в смысле субъектности: 100 рабочих, будучи «привлечены», выступают скорее объектом чьей-то активности – «сырьевщиками фактов», по меткому выражению С. Третьякова. Писателю отводится роль «формовщика» биографического сырья [Третьяков]. Авторское начало А. Маленького в создании Истории Надеждинского завода почти сразу, когда миновали начальные игры в коллективное творчество, обозначалось куда более явственно. И именно он, по моему убеждению, является подлинным субъектом этого проекта. Пора перейти к его портрету.

Алексей Георгиевич Маленький (Попов) (1904–1947) родился в Барнауле и уже в гимназии, где он доучился до шестого класса, «имел склонность к занятиям литературой, интересовался языками, неплохо знал латынь и французский язык»⁴. Бурная комсомольская карьера в начале 1920-х совмещалась с активной газетной деятельностью. В Свердловск Маленький прибыл осенью 1928 г., в 24 года имея за плечами опыт сотрудничества с периодическими изданиями Алтая и Сибири и множество публикаций, от заметок и фельетонов до больших произведений. Очерк «Тяжелое дыхание», вышедший в декабрьском выпуске «Сибирских огней» уже после отъезда писателя из Новосибирска и занимающий 32 страницы, снискал восторженный отзыв в рубрике «Трибуна читателя». По мнению автора, Маленький «этой вещью определил себя, как большой, вдумчивый художник-очеркист» [Мишихин, с. 203].

3 ноября 1928 г. Маленький поступает на работу разъездным корреспондентом редакции «Уральский рабочий» («УР») с окладом 150 р.⁵ [ЦДООСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3. Л. 18] и в том же месяце отправляется

⁴ Данные из автобиографии, написанной Маленьким в «Уральском рабочем» в 1937 г. и из протокола допроса 1937 г. [ЦДООСО. Ф. 480. Оп. 1-к. Д. 258; ГААОСО. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 17005. Л. 36]. Специфика судебно-следственных дел НКВД в данном случае, думается, не служит препятствием к использованию приведенной цитаты.

⁵ Редактор отдела той же газеты, жена первого секретаря Уралобкома В. Виноградова имела оклад 159 р. 21 к., зав. отд. «Крестьянской газеты» П. Бажов – 143 р. 04 к. [ЦДООСО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об – 4].

в Надеждинск. Собирая наблюдения в отдельную тетрадку с надписью на обложке: «А. Маленький. Надеждинский завод. Ноябрь – декабрь 1928 г.» [ОМПУ. Ф. 59. П. 11. КП IV 16598/5], он не мог знать о будущем проекте ИФЗ, однако эти заметки, как еще несколько надеждинских тетрадей, заботливо сохранил. Из документов фонда Маленького в ОМПУ, приказов по «УР» в ЦДООСО и газет следует, что к моменту вхождения в ИФЗ в конце 1931 г. Маленький в течение трех лет регулярно и плотно работал в Надеждинске. В такой включенности уральского писателя, на мой взгляд, состоит его серьезное преимущество по сравнению с другими авторами (Вебер, Толстая, Вс. Иванов), которые позднее будут назначены Главной редакцией для работы по Истории Надеждинского завода.

В 1932 г. после прогремевшего послания о ста рабочих, надеждинская «творческая бригада» продолжала слать оптимистичные письма Горькому:

– 28 февраля 1932 г. ему адресовали конспект «Истории Надеждинского завода и района», закончить все планировали в течение месяца – в марте 1932 г.;

– 4 июля 1932 г. надеждинская редколлегия запросила типовой договор, уполномочивая «тов. Маленького, пишущего книгу» подписать его в Москве. Сдать рукопись в 23–25 печатных листа (по 40 000 знаков) рассчитывали 10–20 сентября 1932 г. [ОМПУ. Ф. 59. П. 7. КП IV Инв. 16591/14].

Уверенность в скором выходе большой книги базировалась на одобрении центра и работоспособности писателя. Главная редакция 11 марта 1932 г. включила Надеждинск в список 26 первоочередных изданий [Постановление...]; в архиве Маленького хранятся подробные доброжелательные отзывы от 22 и 29 марта 1932 г. [ОМПУ. Ф. 59. П. 7. КП IV Инв. 16591/11, 16591/12]. Свердловский журнал «Штурм» в 1932 г. напечатал 16 глав «Истории Надеждинского завода» (не «биографии» и не «истории завода и района» – были учтены рекомендации Главной редакции). Сообщалось, что полностью книга в 22–23 п. л. выйдет в Москве к 15-й годовщине Октября, т. е. не позднее ноября 1932 г. В 1933 г. небольшой отрывок вышел в «Истории заводов» [Маленький, 1933]. Зафиксируем этот позитивный настрой, прежде чем перейти к следующей фазе, ибо 1932 г. стал переломным в истории ИФЗ.

16 августа 1932 г. была учреждена Политическая редакция, каждый завод-участник обрел московских редакторов. Именно своего «куратора» Кривова Маленький сочтет впоследствии источником всех бед: «Он сразу не высказал мне никакого доверия. Он просто отвергал работу», – напишет Маленький Шушканову 9 ноября 1934 г. [ОМПУ. Ф. 59. П. 7. КП IV Инв. 16591/1]. Дело, конечно, не в злом гении сотрудника редакции,

а в общей эволюции ИФЗ – требовалась все более жесткая подгонка текстов под постоянно меняющиеся политические установки [Журавлев].

Маленький просил, но не получал отставки, от сделанного им полностью не отказались, но очень сильно «подвинули»: в 1933 г. планировалось выпустить его рукопись в художественной серии ИФЗ, а в основной издать сборник других авторов. В 1934 г. все переиграли: на основную книгу в 20 п. л. заключили договор со Вс. Ивановым (членом Главной редакции), а «значительную часть» рукописи Маленького решили включить в сборник [ГАСО. Ф. Р-318. Оп. 1. Д. 1. Л. 72; ОМПУ. Ф. 59. П. 7. КП IV Инв. 16591/5]. Ничего из этого, насколько известно, так и не увидит свет. Единственное, что будет издано по Истории Надеждинского завода на данном этапе, причем не в Москве, а в Свердловске в 1934 г., – это небольшая часть про 1905 г., на правах пробного издания [Маленький, 1934] (в 1935 г. подобным образом СвердлОГИЗом будут выпущены главы книг московских писателей Н. Шушканова о Златоусте и Ю. Бессонова о ВИЗе).

В 1937 г. А. Маленький был репрессирован и погиб в заключении, внушительную часть его архива (ОМПУ) составляют материалы по ИФЗ – переписка с Главной редакцией, сотни страниц вариантов рукописей, подготовительные материалы, воспоминания рабочих и т.п.

Заключение

Исследовательские стратегии социальных наук позволяют по-новому взглянуть на феномен ИФЗ. В сопоставлении с опытом биографического метода и кейс-стади в 1920–1930-е гг. ИФЗ и ее предшественники 1920-х гг. предстают закономерными участниками мировой (западной) интеллектуальной истории.

В методологическом отношении биографический метод подчеркивает самоценность биографии и вместе с исследованием-действием выводит на проблематику субъектности. Кейс-стади предполагает изучение объекта как целого, взятого в разнообразных контекстах. В ИФЗ очевидным как будто объектом является предприятие, однако с самого начала важным контекстом выступала деятельность партии. Дальнейшее развитие проекта ИФЗ привело к тому, что объект и контекст поменялись местами, ведущая роль партии изображалась в контексте того или иного предприятия, что и свело на нет идею комплексного описания завода при активном участии его работников.

Социология и другие науки, практикующие биографический метод, кейс-стади и исследование-действие, думается, могли бы существенно обогатить свой арсенал, включив в него опыт ИФЗ – как в части истории этого

феномена, организации сбора и обработки материалов, так и в части сохранившихся автобиографий, записей интервью и других первичных данных.

Наконец, устная история и биографические интервью, семейные и государственные архивы все более активно используются в современных практиках работы с прошлым, которые воплощаются в акциях памяти и авторских экскурсиях, выставках, документальных спектаклях и сетевых проектах («Прожито», «1917» и т. п.) – продуктивный опыт ИФЗ представляется чрезвычайно полезным для их осмысления и развития.

А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов : сб. документов и материалов в помощь работающим над историей фабрик и заводов СССР / сост. Л. М. Зак, сост. С. С. Зимины. М., 1959.

Боцманова М. Э., Гусева Е. П. Николай Александрович Рыбников (Обзор архивных материалов) // *Вопр. психологии.* 1997. № 6. С. 96–108.

Веселкова Н. В. Невозможность настоящего: три жизни очерка 1920–1940-х гг. на Урале // *Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика* / сост. и науч. ред. Т. А. Круглова. Екатеринбург, 2015. С. 303–322.

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1 (Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области).

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-318 (Свердловская областная редакция «Истории фабрик и заводов» Исполнительного комитета Свердловского областного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

Добренько Е. Политэкономия соцреализма. М., 2007.

Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

Журавлева Н. С. «История фабрик и заводов» на Урале // *Литература Урала: история и современность* : сб. ст. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии; [отв. ред. Е. К. Созина]. Вып. 7. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2013. С. 280–284.

За большевистские темпы реализации решения ЦК Об изучении истории фабрик и заводов // *Борьба классов.* 1932. № 5. С. 1–10.

Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // *Сюжетология и сюжетография.* 2016. № 2. С. 138–165.

Логинава Н. А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности : учеб. пособие. Алматы, 2001.

Лоцилов И.Е. «Культурная революция» и авангард в Сибири 1920-х годов: «призрак коммунизма» // *Вестн. Рос. фонда фундаментальных исследований.* Гуманит. и общ. науки. 2017. № 1 (89). С. 89–100.

Маленький А. 1905 год. (Из «Истории Надеждинского завода»). Свердловск, 1934.

Маленький А. Два директора. Отрывки из двух глав «Истории Надеждинского завода» // История заводов. Вып. четвертый-пятый. 1933. С. 99–107.

Мицихин В. Трибуна читателя // Сибир. огни. 1929. № 1. С. 201–204.

Объединенный музей писателей Урала (ОМПУ). Ф. 59 (Фонд Алексея Маленького).

От редакции. Были горы Высокой // Урал. следопыт. 1935. № 4. С. 32.

Панкратова А. М. Задачи и значение движения по созданию «Истории заводов СССР» // Борьба классов. 1933. № 10. С. 75–86.

Подлубнова Ю. С. Жанровая эволюция прозы Урала 1917–1930-х гг. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / отв. ред. ак. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 410–434.

Постановление главной редакции «Истории заводов» // История заводов. Вып. первый. 1932. С. 5–7.

Смирнова А. Л. Архивная история «Истории фабрик и заводов» // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения. Чебоксары, 2016. С. 338–348.

Третьяков С. М. Страна-перекресток / сост., послесл., коммент. Т. С. Гомолицкой-Третьяковой. М., 1991.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4 (Свердловский областной комитет КПСС); Ф. 480 (Издательство «Уральский рабочий»).

Шушканов Н. Историю заводов – на новую ступень // История заводов : сб. Выпуск первый. 1932. С. 14–29.

Яранцев В. «Настоящее» – журнал несбывшихся надежд // Сибирские огни. 2008. № 3, 4 // Журнальный зал : сайт. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/3/ia10.html>, <http://magazines.russ.ru/sib/2008/4/ia13.html> (дата обращения: 01.09.2017).

УДК 94(470.5).084.5/.084.6:323.2

И. В. Даренская

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА СССР КАК «ОСАЖДЕННОЙ КРЕПОСТИ» В КОНТЕКСТЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ НА УРАЛЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-Х ГГ.

В статье рассматривается вопрос конструирования образа СССР как «осажденной крепости» в процессе социально-политической мобилизации. Автор показывает, как концепция военной угрозы обосновывалась и трансформировалась через дискурс официальной пропаганды, использовалась для развертывания милитаризации общественного сознания и общественной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военная угроза, официальная пропаганда, милитаризация, общественное сознание, общественная жизнь.

Рубеж 1920–1930-х гг. является особым периодом советской истории, в рамках которого происходила инициируемая государственными структурами генерация нового типа общественного сознания. В сложных социально-экономических условиях периода «великого перелома» для того, чтобы снизить сопротивляемость населения радикальным мерам, предприняемым государством для решения внутренних задач, власть четко осознавала необходимость милитаризации общественной жизни и общественного сознания на основе представлений о внешней угрозе и восприятия государства как «осажденной крепости».

Понимая под милитаризацией процесс, характеризуемый приспособлением и изменением экономики, научно-технического прогресса, общественных, политических и социальных сфер к концепту «военной угрозы», государство активно искало новые инструменты обеспечения поддержки населением внешнеполитического курса.

Традиционно выделяются две волны милитаризации: первая волна – начало 1920-х гг., что проявлялось в приспособлении моделей военного коммунизма в рамках послевоенного восстановления системы и следующая волна, которая четко проявилась после 1927 г. в связи с ухудшением отношений с рядом стран.

Одним из механизмов социального проектирования «нужного» типа поведения населения стало конструирование образа СССР как «осажденной крепости», что формировало оборонческие настроения, повышало мобильность общества, формировало враждебное отношение к западным ценностям. Как отмечают О. В. Галкова и И. А. Петрова, понимание того, что «большевикам, скорее всего, придется одним строить социализм во враждебном капиталистическом мире, пронизывало сознание людей, порождало психологию осажденного лагеря, убеждало в необходимости милитаризации как эффективной подготовке к защите Отечества» [Галкова, Петрова, с. 9].

В сложном процессе выстраивания диалога с населением власть использовала несколько социально ориентированных технологий, реализуемых под официальным лозунгом: «Мы войны не хотим, но если на нас нападут, мы к войне готовы».

Во-первых, активно использовался политический тезис о враждебности западных держав к СССР, что четко просматривалось в документах официального дискурса.

В постановлении XV съезда ВКП (б) резюмировалось: «капиталистическое развитие, в целом, обнаружило тенденцию сократить исторические сроки мировой “передышки”, приблизить новую полосу больших империалистических войн и ускорить революционную развязку мировых конфликтов», что означало для СССР, как отмечалось в материалах съезда, «нарастающую напряженность в отношениях с капиталистическими странами, политика которых становилась все более враждебной по отношению к СССР и создавала прямую угрозу империалистического нападения извне» [Коммунистическая партия, с. 14–15].

Изменение международной ситуации являлось одним из информационных поводов для проведения собраний различного уровня, на которых транслировалась официальная трактовка действий западных государств. Руководители агитационно-пропагандистских отделов ВКП (б) были вынуждены «жонглировать» политическими аргументами. Классическим вариантом решения вопроса в стиле идеологической демагогии можно считать доклад зав. АПО Тагильского окружкома ВКП (б) П. Аксенова. Он, характеризуя международное положение, диалектически связывал два тезиса: во-первых, констатировал «неминуемость» мирного развития внешнеполитического взаимодействия ввиду противоречий между западными странами и усиления классовой борьбы в капиталистических государствах, во-вторых, резюмировал: «Однако это не должно затушевывать военной опасности. Стремясь к миру, мы должны быть готовы к войне. Мы войны не хотим. Наше правительство и компартия боролись и будут бороться за мир, но если на нас нападут, мы должны будем дать сокрушительный отпор нашим врагам» [НТГИА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 472. Л. 13]. Данная фраза отражала суть дальнейшей оборонительно-мобилизационной стратегии власти, призванной создать общее настроение мобилизационной готовности.

В рамках концепта «военной угрозы» систематически происходило нагнетание представлений о возможности военного вторжения. Для этого требовалось посредством широко, систематически поставленной, надлежащим образом комментированной и обработанной внешней информации «в максимальной мере показать отрицательные стороны капиталистической системы, готовой к нападению» [Коммунистическая партия, с. 16]. Власть прилагала все усилия для формирования у населения представления о «враждебности» намерений западных государств. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски стереотипов занимали целенаправленно формируемые идеологемы: «Империалисты готовят новую войну», «Будем готовы

к отпору врага» и т. д. Так, в рамках проведения компании «Неделя обороны» в период с 15 по 25 ноября 1930 г. в качестве основных лозунгов предлагались следующие установки: «Неистовым укреплением обороны сделаем непобедимой страну Советов», «Военизация массовой работы профсоюзов – боевая задача дня», «Подготовим детей пролетарской страны к борьбе за социализм», «Работница, батрачка, колхозница – готовься к защите страны Советов» [ГАСО. Ф. 2516. Оп. 1. Д. 10. Л. 183].

В качестве основного канала трансляции официальной интерпретации враждебности международной ситуации использовались средства массовой информации (местные и центральные газеты, радио, специализированные «библиотечки» литературы).

Одним из самых эффективных способов воздействия на аудиторию через печать были политические карикатуры, активно задействованные для освещения сложных вопросов внешней политики с помощью наиболее доступного для малограмотного населения способа восприятия информации – «народного лубка».

Происхождение термина «карикатура» от итальянского «caricare», что означает «нагружать», «усугублять», «преувеличивать», подчеркивает ту роль, которую этот жанр играл в формировании образа врага.

Из дискурсивного пространства при раскадровке политических карикатур «стирались» лишние детали и смысловые акценты, которые могли быть поводом для двойной трактовки внешнеполитического эпизода. Для однозначного восприятия сюжета изображение предельно упрощалось и схематизировалось. В раскадровке карикатур присутствовало только два активных действующих лица – СССР и «капиталистические страны». Действия каждой из сторон прорисовывались в необходимом идеологическом контексте для того, чтобы изначально у читателей возникло ощущение «правоты наших» и «злонамеренности чужих». Текст диалогов, размещаемый в подстрочниках, также предельно упрощался, не выходил за пределы одного смыслового оборота, кратко «разъясняя» читателю содержание политического контекста.

В этом случае, по мнению С. Г. Осьмачко, формировалась «контрастная картина мировосприятия, когда сложная цивилизационная ситуация сводилась к упрощенной, а то и просто к бинарной (“черное” – “белое”, “наши” – “чужие”, “правильно” – “неправильно” и т. п.), модели» [Осьмачко, с. 141].

Советские пропагандисты, постоянно подчеркивая антиимпериалистический характер внешней политики советского государства как реакцию на враждебность намерений капиталистических стран, умело

сочетали его с тезисом о необходимости мобилизации населения для отражения вероятной военной угрозы.

Политика СССР, сторонника концепции разоружения, презентовалась как единственно верная, стремление же Западных стран обсудить отдельные рабочие моменты переговоров преподносилось как попытка срыва работы комиссий, доказательство враждебности намерений. Приведем типичные идеологические клише, встречающиеся в большинстве статей различных периодических изданий: «В Женеве переговоры о разоружении ни к чему не привели. В то же время Англия укрепляет границы в Афганистане – строя форты и посылая танки в новые части», «Не толковать о разоружении, а разоружаться! – вот смысл выступления товарища Литвинова на заседании подготовительной комиссии к конференции по разоружению в Женеве», «Лишь Германия и Турция поддерживают советский проект по разоружению», «Великие державы хотят сорвать советский проект. Они считают его неосуществимым», «Литвинов срывает маску миролюбия с лица представителей держав», «Советское предложение обсуждалось лишь для того, чтобы его отвергнуть. Сессия закрылась, ни на шаг не продвинувшись в вопросе разоружения» [Рабочий. 1928. № 50. Л. 2–3].

Для создания образа агрессивной внешней политики Западных государств советские идеологи санкционировали перепечатку отдельных статей из зарубежной прессы, подбор и редакция которых позволяли расставлять необходимые идеологические акценты. Приведем пример использования партийной пропагандой метода «от обратного». В уральских периодических изданиях было разрешено цитировать выдержки из материалов итальянской газеты «Тевере», публиковавшей проект по разоружению под заголовком «Разоружение на службе русской революции, или умелая пропаганда». Приведем текст итальянцев: «Провал в декабре предложения Литвинова дал СССР повод развить усиленную пропаганду против лживой европейской демократии, говорящей о мире, но не делающей практических шагов к его обеспечению. СССР, используя представленный случай, ныне представляет целый проект конвенции о разоружении, менее радикальный, но такой же “упрощенный”. Конечно, женевская демократия отклонит этот проект с элегантно и иронической мотивировкой какого-нибудь Бонкура, и СССР найдет в этом оправдание для своего вооружения» [Рабочий. 1928. № 52. Л. 3].

Отражением усвоения населением идеологически отретушированного образа западной внешней политики может служить стихотворение тагильского поэта Сергея Зверева «Под вывеской»:

У Лиги Наций – вид невинный
При скверной шулерской игре.
Народам всем кричит о «мире»,
Готовясь яростно к войне.
Но карты ваши мы раскрыли,
И не поверит вам рабочий –
Хотя кричите вы о мире –
Но зубы щелкают по-волчьи.

Другое стихотворение, опубликованное в передовице газеты «Рабочий», сопровождалось заметкой, где анализировались основные тенденции внешней политики, характеризующиеся как агрессивные по отношению к СССР. Такой пример соединения официальной трактовки и «народного творчества» был одним из наиболее эффективных способов формирования необходимого власти образа политических событий и мифологем, влияющих на сознание и поведение населения.

Подчеркнем, что основной поток информации в ходе кампании шел через местные печатные издания, анализ которых позволяет выделить основные «манипулятивные» механизмы, оказывавшие наиболее сильное воздействие на массовое сознание. Прежде всего обратим внимание на стилистическое оформление текстов. В качестве ключевого кода-символа, встречающегося во всех периодических изданиях, использовалось емкое выражение, легко «рисующее» желаемый агитационный образ: «Неприступной крепостью должна стать страна Советов!» К основному текстовому символическому образу в качестве подзаголовков присоединялись смысловые выражения, содержащие «слово-глагол», «подсказывающий» требуемое от гражданина конкретное действие. Например, «Неприступной крепостью должна стать страна Советов. За станком и машиной, на заводе и руднике, в поле за плугом и дома помни об обороноспособности страны» или «Неприступной крепостью должна стать страна Советов. Рабочая и крестьянская молодежь, иди, пополняй ряды красных командиров!».

Тексты, часто сопровождаемые иллюстративными изображениями, были стилизованы под военную риторику. В лозунгах, плакатных и транспарантных слоганах, преобладали слова-символы «боевой план», «боевая задача», «боевая подготовка», «борьба», «боец».

В центральных и местных средствах массовой информации активно освещались все действия властей, направленные на реализацию задачи милитаризации сознания, что приобретало традиционную для рубежа 1920–1930-х гг. форму массовых политических кампаний.

К числу наиболее часто реализуемых на Урале форм относились создание и регламентация деятельности добровольных военизированных обществ: ОСОАВИАХИМ, МОПР и др.; проведение «Недель обороны», способствовавших формированию представления о непобедимости РККА; повышение боевой подготовки всех категорий населения. В Постановлении бюро Свердловского окружного комитета ВКП (б) от 23 января 1928 г. «О проведении 10-летнего юбилея Красной армии» в качестве основных методов военизации населения назывались выходы в поле, выставки военной техники, продажа военной литературы, подписка на периодические издания, военные игры, массовые стрельбы, массовые военизированные физкультурные выступления [ЦДООСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1553. Л. 25]. В публикуемых в городских многотиражных изданиях Указаниях ЦК ВКП (б) «О праздновании десятилетия Красной армии» акцент ставился на массовые формы работы с населением: смотрах боевой готовности и обороноспособности Советского Союза силами кружков ОСОАВИАХИМа, физкультурников, комсомола, женских кружков, устройстве общих собраний и вечеров обороны, организации новых стрелковых тиров, экскурсий в военные части [Рабочий. 1928. № 14. Л. 3; Рабочий. 1928. № 24. Л. 3]. В сельской местности большое внимание уделялось организации работы изб-читален, где предлагалась устраивать громкие читки газет, книг и журналов с военным содержанием, что требовало подготовки чтецов и подбора материала, в качестве которого использовались библиотечки ГИЗа «На страже», «За оборону» [Рабочий. 1928. № 20. Л. 2].

В процессе формирования представления о СССР как «осажденной крепости» акцент ставился на активное вовлечение в процесс военизации молодежи. В Постановлении ЦК ВЛКСМ «О задачах военной работы комсомола» (декабрь 1929 г.) требовалось от комсомольских организаций добиться решительного перелома в сторону повседневной работы по военизации населения, обучения боевым навыкам, овладению военными знаниями и т. д.

Лозунги были подхвачены на региональном уровне. В преддверии празднования Международного юношеского дня на комсомольских собраниях докладчики акцентировали внимание на «обострении классово-борьбы в странах капитала», «обнаженной подготовке к войне против СССР». Главным лозунгом празднуемых событий должна была стать следующая идеологема: «На решительную борьбу против войн, за защиту СССР, каждый комсомолец, молодой рабочий – солдат пролетарской революции, учись владеть винтовкой, готовься защищать завоевания пролетариата!» [ЦДООСО. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 128. Л. 193]. На заводах из ком-

сомольцев формировались роты, принимавшие «вид военно-регулярных частей» [Рабочий. 1928. № 33. Л. 4]. Проводимые маневры прямо назывались «проверки готовности комсомола к войне». Наиболее точно атмосферу сборов, которые, по воспоминаниям современников, напоминали плохо отрепетированные спектакли, передают заметки рабкоров, присланные в корреспондентские отделы газет. Рабкор «Вест» без лишней эмоциональности описывал первый сбор рабочих Тагильского завода, в котором участвовало 1 100 человек: «Под звуки марша выходит молодежь из клуба на морозный воздух. Среди молодых мелькают кое-где бородатые головы командиров – ветеранов еще «николаевской солдатчины» и юные лица девушек. Раздается команда. Неорганизованная масса вдруг перестраивается в длинную колонну. “Налево, марш!” – и первый отряд, колыхнувшись, с песнями отправляется вдоль по улице и, выбрав площадку, начинает учение» [Рабочий. 1928. № 33].

Большая роль в процессе подготовки молодежи к предстоящей войне уделялась не только военизированному, но и физкультурному движению. Инициатором комплекса «Готов к труду и обороне» стал тот же комсомол.

Для достижения поставленной цели власть активно использовала элементы праздничной мифологии для внедрения в массовое сознание «правильной» картины прошлого и настоящего. Являясь мифотворческим компонентом процесса конструирования новой социальной реальности, праздники способствовали трансляции формируемого партийными идеологами представления о враждебности Запада.

Доминирование военизированных форм проведения мирных праздников было обусловлено сохранением поведенческих норм и установок периода Гражданской войны, милитаризацией общественного сознания предыдущего десятилетия и рубежа 1920–1930-х гг.

На рубеже 1920–1930-х гг. на Урале особой формой организации демонстраций были так называемые «карнавалы». Инсценировки и факельные ночные шествия – неперенные атрибуты традиционного карнавала, способствовали визуализации образов и символов новой эпохи и оказывали наиболее сильное эмоционально-психологическое воздействие прежде всего на малограмотное население, восприимчивое к впечатлениям массовых зрелищ. Доминирование на праздниках красного цвета, общий кровавый фон символизировали кровь, пролитую для установления советской власти, готовность принести себя в жертву, если это понадобится. Цветовое решение шествий было регламентировано: красный являлся

цветом пролетариата, пролитой крови, солнца; желтый – цветом примиренчества; черный и белый – реакции, соглашательства, аполитичности.

В целом на рубеже 1920–1930-х гг. руководителями пропагандистских секций городских советов и комитетов ВКП (б) особое внимание отводилось проведению «военных» праздников и годовщин, организуемых в общем контексте «военной социализации» всего населения в целях милитаризации общественного сознания, повышению обороноспособности страны и психофизической подготовки всех категорий населения к возможной войне, восприятию СССР как «осажденной крепости».

Использование разнообразных агитационных, пропагандистских, мобилизационных приемов во многом было вынужденной реакцией властей на существование целого спектра моделей поведения уральцев: от активной поддержки и выражения лояльности власти до речевых и поведенческих форм проявления негативного отношения к государственной политике повышения обороноспособности страны. В отчетах контролирующих органов, информационных сводках, на страницах периодических изданий регулярно публиковались сведения о низкой явке населения на собрания, посвященные вопросам международной ситуации, о вынесении выговоров на месткомках предприятий о проявлении бездеятельности по подготовке и проведению «Недель обороны», о сорванных военных сборах и иных протестных акциях. Так, в информационных сводках ячеек ВКП (б) о настроениях рабочих и служащих прямо указывалось, что «работа по внедрению в сознание неизбежности войны проведена недостаточно. У народа успокоительные настроения, что войны пока не будет и беспокоиться не о чем», что «настроение благоприятное, на угрозу войны служащие реагируют обывательски» [ПермГАНИ. Ф. 1095. Оп. 1. Д. 297. Л. 35].

Поэтому в 1930-е гг. стала активнее использоваться концепция военной угрозы, транслировавшаяся через дискурс официальной пропаганды, для управления мнениями, настроениями и поведением населения, его вовлечения в деятельность военно-оборонных обществ и массовые политические кампании.

Галкова О. В., Петрова И. А. Милитаризация жизни советской молодежи в 1920–1930-е годы // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. 2015. № 4 (34). С. 8–17.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2516 (Совет Уральского областного общества друзей обороны и авиационно-химического строительства).

Итальянская печать о проекте СССР по разоружению // Рабочий. 1928. № 52 (644). 1 марта.

Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. 1927–1931. М., 1970.

Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 70 (Нижнетагильский городской совет депутатов и его исполнительный комитет).

Осьмачко С. Г. Советское общественное сознание (1930-е – начало 1940-х гг.) и современность // Науч. аспект. 2015. Т. 1, № 3. Самара, 2012. С. 140–155.

Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ) Ф.1095 (Пермский горрайком ВКП (б), Пермский округ, Уральская область).

Рабочий. 1928. январь-февраль.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 6 (Свердловский окружной комитет ВКП(б)); Ф. 1452 (Свердловский окружной комитет ВЛКСМ).

УДК 94(571).084.6:316

В. И. Исаев

РЕВОЛЮЦИЯ В СФЕРЕ БЫТА: ИЗМЕНЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Рассмотрен проект коммунистического преобразования бытовой сферы общества и попытки его реализации в Сибири в условиях формирования сталинской системы социализма. Показаны основные направления изменений сферы быта, обусловленные ориентирами социально-политического курса правившей партии большевиков. Сделаны выводы о наличии прогрессивных компонентов в коммунистическом проекте переустройства сферы быта, несмотря на утопический в целом его характер.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социалистический быт, коллективизация быта, советское государство, бытовые коммуны, культурная революция, культпоход, строительство социализма.

В общественном сознании российского общества в ходе революционного переустройства, начавшегося после 1917 г., проектировался идеальный образ того бытового уклада, к которому необходимо было стремиться и на который необходимо было ориентироваться в практике повседневной работы по перестройке быта. В докладе рассмотрены основные контуры социалистического проекта переустройства сферы быта, показаны способы мобилизации населения на проведение радикальных преобразований в сфере быта, которые разворачивались в городах

Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937). Исследуется процесс формирования принципов строительства социалистического быта, возрастания роли государства и общества в регулировании бытовых отношений. Источниками для исследования темы послужили как опубликованные в рассматриваемый период книги и статьи, периодическая печать того времени, так и архивные материалы, отложившиеся в центральных и сибирских архивах.

Большевики в качестве составной части плана строительства нового общества приняли идеал устройства быта, в общих чертах намеченный в марксизме. В программе РКП (б), принятой VIII съездом в 1919 г., намечалось создание домов-коммун, в которых должно было быть организовано коллективное ведение домашнего хозяйства. Сокращение домашнего труда за счет передачи его обществу также являлось одной из задач большевиков в этой сфере. Однако серьезно разработанной программы переустройства быта у большевиков в момент их прихода к власти и в первые годы правления все же не было. Все это порождало самые разнообразные и противоречивые представления о должном устройстве быта, бурные дискуссии и смелые эксперименты.

Вместе с тем основные принципы организации быта в новой коммунистической формации были схематично намечены в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Среди них следует выделить прежде всего передачу функций обеспечения и обслуживания быта от отдельного индивида, семьи – обществу. За счет этого должно было происходить освобождение индивида от материальных забот о своем быте и от домашнего труда, превращение сферы быта в область духовного развития личности, наслаждения радостью жизни. Исходя из общих догматов коммунистической теории, утверждение принципов коллективизма должно было захватить сферу быта наряду с другими сферами общества [Энгельс, с. 542–543].

Отказ от НЭПа и переход к новому курсу под лозунгом «наступление социализма по всему фронту», осуществлявшийся в СССР с конца 1920-х гг., имел своей идеологической и психологической основой стремление руководства партии и государства, большинства коммунистов и комсомольцев, поддерживаемых значительной частью населения, радикально перестроить экономику и общество; в короткие сроки, не считаясь с лишениями и жертвами, создать новый общественный строй. Для обеспечения всенародной поддержки нового курса пропагандистский аппарат советского государства развернул мощную агитационную кампанию, призванную мобилизовать все общество на работу по строительству социализма и борьбу с «пережитками прошлого».

Вставший во главе этого процесса Генеральный секретарь ВКП (б) И. В. Сталин понимал проведение нового курса не только как продолжение революции 1917 г., но и как осуществление нового этапа революции, руководство которым теперь (в отличие от 1917 г.) целиком будет принадлежать ему лично. Именно поэтому в конце 1920-х гг. в общественное сознание настойчиво внедрялась идея необходимости немедленного перехода к революционному преобразованию всех сфер общества. Не случайно коллективизация крестьянства называлась «революцией в деревне», начавшаяся индустриализация народного хозяйства тоже понималась как переход к осуществлению задач и идеалов социалистической революции. В этом контексте стала также разворачиваться пропаганда «революции в быту», которая понималась как решительный отказ от сложившегося ранее уклада жизни и переход к построению нового быта, основанного на принципах социализма.

Однако, несмотря на радикальные лозунги, в общественном сознании не сложилось детальной картины будущего устройства быта. Сфера быта считалась не столь важной по сравнению с определяющей ролью экономики и политики. В нашей стране осуществление практических усилий по приспособлению быта к задачам социалистического строительства стало возможно только на основе развернувшейся в конце 1920-х гг. ускоренной индустриализации. В это время в городах Сибири, как и в целом в России, началось широкое движение по социалистической перестройке быта.

По мере развития индустриализации все в большей степени становилось очевидно, что ее успешное осуществление невозможно без соответствующих перемен в сфере быта. Требовалось определить и утвердить новые нормы и принципы организации быта. Движение за социалистическую перестройку быта в числе других задач ставило задачу разрушения и вытеснения тех элементов и сторон прежнего бытового уклада, которые мешали формированию необходимой для индустриального производства культуры повседневной жизни. Борьба с наследием старого быта, под которым тогда понимались пьянство, грязь и антисанитария в быту, нерациональное использование свободного времени, остатки Домостроя в семейных отношениях, оказывала действительно положительное воздействие на совершенствование образа жизни населения. При этом следует подчеркнуть, что кампанейщина и декларативность, свойственные вообще советскому периоду истории России, а также исходный низкий уровень экономического и культурного развития Сибири не позволяли добиться за несколько лет серьезных изменений быта.

Весьма неопределенная вначале идея перестройки быта в конце 1920-х гг. все в большей степени стала пониматься как задача решительного обобществления домашнего хозяйства и домашнего труда. Дальнейшее развитие сферы быта в России, определение основных принципов ее организации многими коммунистами и беспартийными рабочими связывалось с программой «коллективизации» быта, которая приобретала все большее число сторонников. В данном случае часто проводилась параллель с коллективизацией сельского хозяйства. Можно сказать, что перед обществом в это время открывалась реальная перспектива «бытовой революции», которая предполагала решительный разрыв с прежним бытовым укладом, создание принципиально иной модели быта на основе его коллективизации. От того, как будет определена и реализована программа строительства нового быта, зависело будущее устройство жизни людей в России. Особенно это затрагивало городское население, прежде всего рабочих, являвшихся, согласно догматам коммунистической идеологии, ведущим классом социалистического общества, призванным в первую очередь открывать и осуществлять новые формы жизни.

Работа по перестройке и улучшению быта проходила в русле развертывания «культурной революции» в России. Мощный размах и ускорение движение за перестройку быта получило в ходе всенародного культурно-бытового похода, начатого весной 1928 г. по инициативе комсомола. Выступая на совместном заседании VIII съезда ВЛКСМ с коллегией Наркомпроса и обществом «Долой неграмотность», председатель ЦИК СССР М. И. Калинин обратился к комсомолу и всей общественности с призывом развернуть борьбу за переустройство быта. «У нас должна быть проведена революция и во всем нашем быту... Когда ставится вопрос о культурной революции, то, по существу, это есть проблема полного изменения быта, психологии и отношений людей» [Калинин, с. 20, 23].

В Сибири идеи и лозунги культпохода и перестройки быта получили широкую поддержку. В реализации этого сугубо мирного движения наглядно отразилась мобилизационная атмосфера, царившая в общественной жизни рассматриваемого периода. Так, комсомольская организация Новосибирского округа объявила культштурм с 20 июня по 5 июля 1928 г. под девизом наступления на старый быт, была проведена «мобилизация» участников, созданы взводы, роты. С 7 ноября по 31 декабря 1928 г. был объявлен семинедельный культпоход сибирского комсомола «против трех злейших врагов социалистической культуры – против грязи, неряшливости в личном и общественном быту, пьянства и неграмотности» [Молодой рабочий, 1928, 13, 20 июня, 31 октября].

Вопросы быта занимали большое место в ходе многочисленных культштурмов и культэстафет, проводившихся в конце 1920 – первой половине 1930-х гг. в Сибири. Успехи сибиряков в перестройке быта были отмечены в центральной печати. Так, журнал «Культурная революция» пропагандировал положительный опыт омичей в наступлении на старый быт. В Омске 1 ноября 1930 г. взяла старт культэстафета; по маршруту № 5 под девизом «За социалистическую перестройку быта» работало 680 культармейцев. В ходе культэстафеты при рабочих клубах было организовано 12 вечерних комнат для детей, матери которых в это время занимались в различных кружках; открыто три детсада, проведено 25 женских собраний по вопросам перестройки быта [Культурная революция, с. 24, 25].

В развертывание культпохода и борьбу за перестройку быта активно включались профсоюзы Сибири. IV пленум Сибирского краевого совета профсоюзов, состоявшийся в октябре 1928 г., отметил важность вовлечения рабочих масс Сибири в участие в культпоходе. Перед профсоюзными организациями наряду с заботой о зарплате и снабжении, жилищно-бытовых и культурных условиях ставилась задача переустройства всего бытового уклада жизни населения Сибири [Профсоюзное движение, с. 13].

Пропаганда программы культпохода помогала широким массам населения Сибири выработать новые представления об устройстве быта. Способствовали этому также профсоюзные культурно-бытовые конференции, прошедшие на промышленных предприятиях и в городах Сибири в 1928–1929 гг. На таких конференциях горячо обсуждались задачи строительства нового быта, остро ставились вопросы борьбы с пережитками прошлого, вредными традициями и привычками. Подчеркивалось, что в их преодолении важную роль могут сыграть профсоюзы, которые должны, не ограничиваясь чисто производственными вопросами, заботиться о совершенствовании всех сторон жизни рабочих. Так, в резолюции городской культурно-бытовой конференции Славгорода, состоявшейся 2 декабря 1928 г., отмечалось: «В быту наших членов союзов имеется ряд нездоровых явлений, зависящих от того, что мы мало способствуем культивированию личного быта трудящихся. Профсоюзы еще слабо работают в этом отношении» [ГАНУ. Ф. р-627. Оп. 1. Д. 394. Л. 83 об.].

Апофеозом этой кампании стала первая краевая культурно-бытовая конференция, открывшаяся в Новосибирске во Дворце труда 25 декабря 1929 г. Материалы этих конференций, отложившиеся в архивах, показывают, что население городов Сибири воспринимало культпоход как мощное средство переустройства быта. «Наряду с переделкой народного хозяйства пора заняться и решительной переделкой самого человека», –

такую задачу в сфере быта поставила краевая культурно-бытовая конференция в своих решениях [ГАНУ. Ф. р-627. Оп. 1. Д. 512. Л. 82]. В целом кампания по перестройке быта, наступления на пережитки прошлого, предпринятая в начале первой пятилетки, способствовала существенным изменениям в общественном сознании.

Проблемы переустройства быта оживленно обсуждались в комсомольских организациях Сибири. Газета «Молодой рабочий», подчеркивая взаимосвязь преобразований быта со всем комплексом задач социалистического строительства, обратилась к молодежи Сибири с призывом: «Социалистическая перестройка быта не должна отставать от реконструкции народного хозяйства. Этот фронт также требует огромного внимания всех трудящихся СССР» [Молодой рабочий, 1930, 7 января].

В масштабах страны кампания по социалистической перестройке быта получила широкий размах и общественную поддержку, что потребовало соответствующей реакции от партийного и государственного аппарата. В конце 1929 г. были образованы секции по перестройке быта в структуре Советов всех уровней; в правительственных органах были созданы специальные комиссии, которым поручались руководство и координация работы по перестройке быта. Такие комиссии действовали при ЦИК СССР, СНК РСФСР, Совете Труда и Обороне, при Наркомате РКИ и других наркоматах [ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 549. Л. 1–23].

В движении за социалистическое переустройство быта особенный интерес как в практическом, так и теоретическом плане представляли бытовые коммуны, которые на конкретном опыте должны были показать возможность обобщения бытовой жизни людей. Вокруг идеи коллективизации быта, строительства домов-коммун закипали страсти, разворачивались широкие дискуссии, в которых принимало участие значительное число жителей городов Сибири, так как все эти вопросы непосредственно касались каждого человека.

Подчеркивая огромный интерес широких масс к проблемам перестройки быта, газета «Комсомольская правда» писала: «В последнее время вопросы быта, социалистического переустройства его материальных основ волнуют пролетарскую общественность». Газета предлагала выдвинуть в центр обсуждения главный вопрос: «Каков наш генеральный путь бытового переустройства, какова, так сказать, бытовая пятилетка?» [Комсомольская правда, 9 января]. Перспективы движения за перестройку быта по оценке газеты связывались с бытовыми коммунами. «Комсомольская правда» высказывала мнение, что «это движение может стать основным руслом перестройки бытового уклада СССР» [Там же, 18 января].

Сторонники коллективизации быта обосновывали ее необходимость как социально-политическими, так и экономическими потребностями общества. Наиболее часто в качестве аргумента приводились расчеты С. Г. Струмилина, согласно которым в СССР в результате перестройки быта на коллективистских началах можно высвободить из этой сферы и вовлечь в общественное производство около 20 млн работников [Струмилин, с. 8]. Баланс рабочей силы в РСФСР на 1929/30 г., составленный в Наркомате труда, также показывал, что в составе городского населения насчитывалось около 26 млн трудоспособных, но из них 14 млн занято в домашнем хозяйстве. За счет обобществления домашнего труда сторонникам коллективизации быта представлялось возможным вовлечь в общественное производство около 8 млн человек [На новом этапе, с. 21].

Таким образом, в общественном мнении перестройка быта становилась актуальнейшей задачей. Движение бытовых коммун обещало стать главным направлением ее решения. Численность участников бытовых коммун не поддается точному определению, так как они существовали на добровольных началах, возникали и распались, изменялась их численность. Поэтому известна лишь приблизительная оценка, учитывающая в основном центральную часть России. К концу марта 1930 г., по ориентировочным подсчетам ЦК ВЛКСМ, число членов коммун составляло около 50 тыс. [Ларин, с. 24].

Коммуна представляла собой коллектив людей, объединенных по месту проживания (это могла быть комната, несколько комнат, квартир, иногда целый многоквартирный дом). Коммунары вели общее домашнее хозяйство: закупка продуктов, приготовление пищи, стирка, уборка помещения, уход за детьми и другие виды домашнего труда выполнялись на началах коллективизма. Финансовую основу этого коллективного домашнего хозяйства составляли денежные взносы коммунаров: иногда это была фиксированная сумма, иногда определенный процент с заработной платы, в некоторых случаях обобществлялись все денежные средства коммунаров. Степень обобществления имущества также была различной: в некоторых коммунах в коллективное пользование передавались абсолютно все вещи, даже одежда, в других члены коммун сохраняли вещи в личном пользовании. В коммунах организовывались коллективные формы досуга и самообразования: совместное посещение кино и театра, читка газет, книг, журналов, другие виды коллективного отдыха.

Идеи создания принципиально нового типа городов и коллективных жилищ имели свое начало в произведениях социалистов-утопистов о будущем идеальном обществе. На их основе в марксистской теории были

в самом общем виде сформулированы перспективы преобразования жилищно-коммунальной среды и сферы быта в целом. С приходом большевиков к власти задача организации жилищной среды на коммунистических принципах была поставлена на повестку дня. Стоит напомнить, что в программе РКП (б), принятой VIII съездом в 1919 г., строительство домов-коммун намечалось как одно из важных направлений преобразований быта.

Значительное число бытовых коммун было организовано в городах и рабочих поселках Сибири. К сожалению, подсчитать численность их участников невозможно, однако косвенные данные говорят о довольно широких масштабах этого движения. Имеются сведения об организации коммун в Омске, Новосибирске, Иркутске, Кемерово, Тулуне и других городах [Молодой рабочий, 1928, 5 августа; 1929, 7, 10 декабря; 1930, 2 марта, 18 декабря]. В Красноярске, например, в декабре 1930 г. была созвана конференция бытовых коммун, обсудившая состояние и перспективы движения [Восточно-Сибирский комсомолец, 1931, 10 января]. Большое число коммун было создано на Кузнецкстрое [Полянская, с. 10]. Опыт и задачи организации бытовых коммун обсуждались на первом Сибирском совещании рабочей молодежи (сентябрь 1929 г.) [ГАНУ. Ф. р-627. Оп. 1. Д. 509. Л. 64–74].

Необходимость выработки принципов организации быта особенно остро ощущалась в связи со строительством новых городов. Многие объекты индустрии строились в малонаселенной или даже необжитой местности. При них создавались и росли рабочие города. Каким должен быть социалистический город в отличие от города капиталистического, как должна быть организована в нем жизнь людей: эти вопросы были поставлены на повестку дня самой жизнью. В Сибири предполагалось создать три города социалистического типа: Новокузнецк, соцгород на левом берегу Новосибирска, Прокопьевск [Материалы, с. 35]. Кроме того, намечались ускоренные темпы обобществления быта во всех городах Кузбасса, особенно в Щегловске (Кемерово), Прокопьевске и других шахтерских поселениях.

Основными принципами организации этих городов должны были стать вовлечение всего трудоспособного населения в общественное производство, организация нового типа жилища, т. е. домов-коммун, создание широкой сети учреждений, обслуживающих быт; благоустройство и озеленение, украшение улиц. Наряду с поисками новых принципов планировки, создания инфраструктуры одним из главных вопросов стало определение основного типа жилища для социалистического города. Все более распространенным становилось мнение, что существующий тип

многоэтажного дома с индивидуальными квартирами – это наследие капитализма, которое следует ликвидировать, а новым типом жилища должны стать дома-коммуны.

В Новосибирске рабочие жилищные кооперативы «Красный кожевник», «Химик», «Рабочая пятилетка» начали строительство крупных домов-коммун, всего в 1930 г. в городе намечалось возвести восемь домов-коммун [Баландин, с. 99]. Под патронажем газеты Сибкрайкома ВЛКСМ «Молодой рабочий» была образована общественная комиссия, задачей которой было обсуждение перспектив строительства соцгородов и преобразования быта населения Сибири. В декабре 1929 г. редакция совместно с представителями других организаций организовала совещание по вопросам жилищного строительства и коллективизации быта [Молодой рабочий, 1929, 25 декабря].

Нарастающая волна экспериментов по коллективизации быта была остановлена прагматической частью ВКП (б) во главе со Сталиным, так как грозила распылением сил и средств, необходимых для индустриализации. Сталин по своему обыкновению длительное время выжидал и прямо не вмешивался в дискуссию о перестройке быта. Но, видимо, он постепенно приходил к осознанию того, что попытки осуществления радикальных проектов строительства соцгородов, социалистического преобразования быта могут привести к отвлечению ресурсов от главного направления – проведения индустриализации. Поэтому было решено внести коррективы в общественное мнение, ясно и четко расставить приоритеты.

В мае 1930 г., а затем в июне 1931 г. принимаются два программных постановления ЦК ВКП (б) по вопросам перестройки быта и развития городского коммунального хозяйства. В них создание социалистических городов, строительство домов-коммун определялось как в целом перспективное, но не своевременное направление. Отмечалась «необходимость в данный момент сосредоточить максимум ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной перестройки быта» [Справочник, с. 733; КПСС, с. 544–558].

Таким образом, от имени руководства большевистской партии народу было объявлено, что идеи радикального переустройства сферы быта в настоящий момент не своевременны, их реализацию следует отодвинуть на неопределенное будущее. Главным является не вопрос об устройстве быта и жилища людей, а вопрос скорейшего создания социалистической индустрии. Вместе с тем названные постановления в принципе не отвергали саму идею создания соцгородов и домов-коммун.

Безусловно, положительным последствием постановлений ЦК ВКП (б) о перестройке быта стало уточнение той модели его устройства, которой предстояло в ближайшие годы утвердиться в России. По существу признавалось, что основные принципы организации быта пока должны остаться прежними. Новым элементом быта городского населения должно было стать создание государственных коммунально-бытовых учреждений, принимавших на себя часть функций и труда по обслуживанию и удовлетворению жизненных потребностей людей.

Оценивая в целом ситуацию на «бытовом фронте» (выражение, часто использовавшееся в то время), можно сказать, что опасность безрассудной «красногвардейской атаки» на старый быт, иначе говоря, проведения его немедленной коллективизации была снята. Однако у многих коммунистов и беспартийных рабочих оставалось представление о том, что в принципе задача коллективизации быта является программной установкой партии. Дело лишь в том, что в данный момент для этого не созрели условия и нет необходимых средств. Это порождало серьезные противоречия в повседневной работе по совершенствованию быта, выражавшиеся в излишнем вмешательстве в личную жизнь людей.

В условиях объявленного партией и профсоюзами наступления на старый быт и развернувшейся общественно-политической кампании по развитию социалистического соревнования в городах Сибири возникли и утверждались разнообразнейшие формы воздействия государства и общества на быт населения. В сфере быта, как и на производстве, пропагандировались и внедрялись различные инициативы по организации соревнования. При всей идеологической риторике, наивном подведении большинства мероприятий под формы социалистического соревнования можно констатировать, что на самом деле смыслом и содержанием всех начинаний было утверждение в быту населения норм социальной гигиены, воспитание культуры повседневной жизни, необходимой для индустриально-урбанистического общества.

Оценивая в целом большевистский проект преобразования быта, следует признать, что в основном его контуры совпадали с объективными тенденциями развития общества, хотя в них и содержались элементы утопии. Уместно заметить, что крах сталинской модели социализма и ставшая очевидной экономическая несостоятельность общественной, т. е. государственной собственности не должны заслонять от нас того обстоятельства, что в революционном движении и переустройстве общества в России, проходившем под флагом социалистической идеологии, содержались объективно прогрессивные элементы.

Историю формирования и развития нового быта в советской России невозможно понять без анализа изменений в общественном сознании, в том числе в идеологии и практике правившей в стране партии. Направление, характер и содержание изменений быта населения в городах Сибири в рассматриваемый период определялись, с одной стороны, общими закономерностями формирования в России индустриально-урбанистического общества, а с другой – теми программными установками, которые пыталась сформировать и утвердить в общественном сознании коммунистическая партия.

По большому счету идеологические догматы и политические программы являются всего лишь одним из факторов общественного развития и не могут полностью определять его. Тем более, что такую консервативную и слабо регламентируемую сферу общества, как быт, сложно было изменить только политическими решениями. Вместе с тем, бесспорно, что теория и практика коммунистов оказывали существенное влияние на устройство быта и формы жизнедеятельности людей в этой сфере.

Баландин С. Н. Новосибирск: история градостроительства (1893–1945). Новосибирск, 1978.

Восточно-Сибирский комсомолец. 1931.

ГАНУ. Ф. р-627 (Сибирский краевой совет профсоюзов).

ГАРФ. Ф. 5451 (ВЦСПС).

Калинин М. И. О воспитании коммунистической сознательности. М., 1975.

Комсомольская правда. 1930. январь.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 4. М., 1970.

Культурная революция. 1931. № 3.

Ларин Ю. Строительство социализма и коллективизация быта. М., 1930.

Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск, 1930.

Молодой рабочий. 1928–1930.

На новом этапе социалистического строительства. М., 1930.

Полянская Е. Быт рабочих на Кузнецкстрое // Сов. краеведение. 1931. № 10. С. 9–17.

Профсоюзное движение. 1928. № 42–43.

Справочник партийного работника. Вып. 8. М., 1934.

Струмилин С. Г. Проблемы социалистических городов // С. Г. Струмилин. Избр. произведения : в 5 т. Т. 4. М., 1964. С. 7–43.

Энгельс Ф. Эльберфельдские речи // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 2. С. 532–554.

УДК 94(47).084:572

Д. Ланца

ОТ ЧЕЛОВЕКА ИМПЕРСКОГО
ДО ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО:
ДОЛГИЙ ПУТЬ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ
В РОССИИ XX в. В ПОИСКЕ
НОВОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Антропология в своих основных отраслях (культура и физика), как правило, глубоко затронута фундаментальной политикой национальных государств. Ее цели и роль находятся в соответствии с функциональными потребностями общества. Целью статьи является изучение развития и роли антропологической науки в СССР на фоне формирования нового национального государства и общества. Показана взаимосвязь антропологии и государственной доктрины формирования «Homo sovieticus».

К л ю ч е в ы е с л о в а: советский человек, антропология, национализм, этнография, этнология.

Обширна и разнообразна история взаимосвязей, объединяющих развитие всех многочисленных форм современной антропологической науки, что в настоящее время подтверждается состоянием государств в современной Европе. Неделимая связь, которая объединяет развитие этой своеобразной области знания с эволюцией национальных государств, все еще остается предметом анализа. Среди прочих целей он призван оценить, в какой мере политические реалии могут моделировать антропологические исследования, регулируя их цели и методы, с помощью которых они, в свою очередь, могут влиять на общество через развитие идей и концепций, способствующих формированию национальной идентичности.

Если современная антропологическая наука появляется в Европе примерно в середине XIX века и устойчиво связана с дарвинистскими предпосылками, то столь же быстро и ярко проявляется ее идеологическая роль, которую эта область знаний приобретает в западной цивилизации в период между 1860 г. и началом первого мирового конфликта. К концу века решительный эволюционистский детерминизм переопределил антропологический подход, цель которого по усилению национальной идентичности проявлялась по всей Европе как в могущественных державах, таких как Франция и Великобритания, где изучение рас (и различных эволюционных стадий цивилизации) с точки зрения колониальных

империй рассматривало в качестве морального фундамента планетарный масштаб, так и среди гораздо меньших континентальных наций, таких как Румыния и Венгрия, которые, напротив, развивают собственные антропологические школы с целью усиливать национальную идентичность в противовес империям [Turda, p. 1], частью которых они все еще являются. Так почти на полвека антропология (особенно физическая) становится подвластной достаточно беспорядочной логике политического развития Европы рубежа XIX–XX веков, политическая эволюция которой сопровождалась многолетним националистическим бурлением.

Первая мировая война – точка водораздела, имеющая большое значение в анализе общественно-культурной динамики: в разгар войны антропологическая наука, которая до того момента оставалась сосредоточенной практически только в академическом мире в качестве дисциплины, предназначенной для немногих [Gorny, p. 241], получает более решительное развитие. Это происходит ввиду действия множества факторов, выдвигавших на первое место необходимость использования научных инструментов, которые были призваны помочь очертить линии границ, отделявших в первую очередь чужестранцев и потенциальных врагов, подерживая в то же время более высокий уровень осознания собственного происхождения и принадлежности к определенному культурному и национальному ядру.

Таков контекст, в котором складывается форма антропологической науки в России, развивающаяся во все более структурированную школу, чья роль в течение XX века становится значительной. Конечно, необходимо упомянуть основы и символы антропологической науки эпохи царизма и ее влияние на теоретическое обоснование автономной цивилизации внутри границ российского имперского государства, чтобы лучше понять последовавшую за этим фазу, которая приведет к появлению нового советского человека. В этой связи первичный императив стоит в подчеркивании особой природы антропологии эпохи царизма, определении той природы, которая отличает ее от аналогичных школ западного происхождения: как подчеркивает Марина Могильнер в своей работе по изучению физической антропологии, в эпоху царизма существуют глубокие разногласия между Россией и Западом в определении проблематики исследований, влияющие на современную историографию в этой дисциплинарной области. В сущности, в то время как в Европе история физической антропологии почти постоянно приближается к более всеобъемлющим темам национализма и к колониализму, в России этого не происходит [Mogilner, p. 3] именно по причине врожденной структурной и моральной

разницы между российским и западным континентами. Эта разница уходит корнями далеко в историю: тогда как западноевропейские государства (главным образом те, которые находятся на берегу океана) построили свои империи за морем, создавая, таким образом, территориальное пространство, физически отделенное от родины и прочерчивая тем самым демаркационную линию между коренным населением и господствующей нацией, в случае с Россией большое пространство, созданное царями, отличается непрерывностью и географической плотностью, которая делает ее уникальной по отношению к другим империям тем, что русская колонизация не направлена на иностранный элемент, который находится за ее пределами, а касается того, что уже есть внутри нее.

Россия в течение веков поглощала и постепенно включала в себя иностранные народы, не проходя при этом больших географических барьеров, которые отделили бы коренное население от славян, и, таким образом, которая формируется на европейском Западе в то же самое время. Поэтому Россия до конца XIX века продолжает идти по собственному пути, отделенному от европейского в плане принятия сознания расовой идентичности на фундаменте национальной идентичности, несмотря на существование антропологических школ уже с середины века (1879). Таким образом, в российском историческом и политическом контексте не прослеживаются интеллектуальные и академические движения в поддержку национальной идентичности, которые развиваются в европейских империях, и утверждение расового вопроса происходит только в начале 1900-х гг., когда ведущие ученые того времени требуют более активного развития антропологической науки как инструмента модернизации всей страны: самомодернизация, которая действует через более глубокое осознание собственного происхождения, определяя более ясно индивидуальную идентичность, но прежде всего коллективную идентичность имперского населения.

В десятилетие, которое проходит между событиями 1905 по 1914 гг., наблюдается, таким образом, утверждение антропологии вне строго академической сферы, прежде всего в политическом поле того времени, и так оказывается преодоленной чисто таксономическая цель антропологической науки, с тем, чтобы предоставить ей более глубокое значение политико-социальной природы.

Среди основных школ, которые утверждают в то время, идентифицируются различные идеологические направления от либерального, которое идеализирует антропологическую науку в качестве авангарда современности, нацеливая ее на преодоление старого авторитарного

порядка, до националистического [Mogilner, p. 4]. Последнее, в свою очередь, с целью классификации имперского населения в конечном счете стремится к утверждению одной «великой русской расы», получая, таким образом, в научном плане определение элемента, который составляет материальную и моральную основу империи, ее ядро, и берет на себя цивилизующую роль в отношении рас, еще не начавших свое движение и менее развитых в культурном плане. Совершенно очевидно, что оба течения, как либеральное, так и имперское, повлияли на изучение и саму концепцию антропологической науки в России, прекрасно отражая новые потребности общества, опасавшегося усиления тенденций к сепаратизму в эпоху активизации местных националистических движений. Это основной научный контекст, который существовал в канун Октябрьской революции: «наука современности», которая собственным глобальным подходом может помочь понять общество, начиная с его самой глубокой биологической сущности, преодолевая архаичные схемы, созданные царским самодержавием, типичные для той эпохи.

Отношения с современностью и потребность нового государства в выстраивании других отношений с собственным обществом являются ключевыми символами в истории эволюции русской антропологической школы, что неразрывно связано непосредственно с историческим контекстом и создает особый элемент сложного и мучительного культурного перехода старого общества к уже формирующейся советской модели. Если уже с 1915 г. такие важные представители русской антропологической школы, как Анучин (в прошлом враждебно настроенный по отношению к самодержавному правительству), решают сотрудничать с властью в общей патриотической атмосфере периода войны, то, начиная с 1917 г., можно видеть один из самых интересных феноменов Октябрьской революции: создается, как подчеркивает Франсин Хирш, «союз», а лучше – симбиоз между уполномоченными нового правительства и представителями дореволюционной антропологической школы. Если в глазах большевиков присутствие многочисленных экспертов, сформировавшихся в эпоху царизма, является неопределимым фактором, столь же справедливо, что для многих представителей старой русской антропологической науки, получившей расцвет в предыдущие 50 лет, приход новой власти, которая обещает радикальное изменение отношений между государством и гражданином, представляется исторической возможностью реализовать собственные проекты.

Русская физическая антропология предшествует Октябрьской революции и ее видение желаемого «уровня знания», безусловно, созвучно

честолюбию нового советского государства, поэтому оно не стесняется пользоваться знаниями и профессионализмом экспертов эпохи царизма, чтобы получить контроль над огромной территорией, теперь полученной во владение. Первая советская школа антропологии рождается, таким образом, из предыдущей традиции либеральной и патриотической матриц, получивших свое развитие во времена самодержавия, которые только теперь находят способ полного самовыражения в рамках государства с другим моральным фундаментом: амбиции детерминировать и вылепить новый сознательный субъект на большой территории Российской империи продолжают существовать с учетом изменения идеологических координат. Просто «Homo Imperii» продолжает свое существование как «Homo Sovieticus». Поэтому работа, которую антропологи и этнографы выполняют для нового режима, является продолжением работы о цивилизации, теоретическое обоснование которой произошло во времена империи, и теперь конкретизированной в соответствии с марксистско-ленинской доктриной. Безусловно, важнейший вклад, который эта категория ученых внесла в советскую науку, – это конкретные работы о географических и этнографических характеристиках всей бывшей территории империи, но в первую очередь это формирование реальной теоретической основы и морального обеспечения деятельности советского государства в отношении народов и национальностей, которые его составляли. По поводу этой последней цели критически важно помнить, что сама концепция национальности развивалась большевиками постепенно все более и более независимо от идеи нации, которая формируется в Европе, и будет усвоена советской антропологической наукой с самого ее появления.

Уже через несколько лет после Октября 1917 г. становится очевидно, что видение национального вопроса антропологами совпадает с общей позицией большевиков, которая в целом уточняет природу национальных движений, лучше определяя их значение, по крайней мере в русском контексте: национальные движения рассматриваются в качестве реакции на репрессивную колониальную власть (как в эпоху царизма), но у них нет причин существовать в советском социалистическом контексте. Кроме того, более важно, что первичной целью нерусского населения было не отсоединение от России, а получение большего количества прав и гражданских свобод [Hirsch, p. 24].

Задача новой советской родины (ее самого передового компонента или великих русских) состоит в том, чтобы все советские народы, которые находятся на менее развитой стадии развития, приблизились к социалис-

тической утопии – доктрине «эволюционизма, обращенного к государству» [Hirsch, p. 6], сформулированной этнографами Комиссии по изучению народонаселения, стремящейся модернизировать страну, но в то же время отделить советский прогресс от специфических модернизационных форм империалистического образца, характерных для колониальных держав. Вероятно, здесь и формируется самый спутанный и спорный узел роли антропологии и советской этнографии в генезисе унифицированного советского общества: им удается концептуально обосновать понятие «великой советской Родины», тем самым сохраняя и усиливая ее единство, делая максимально возможным использование ее ресурсов, но в то же время дистанцируясь от аналогичной политики в имперских державах.

Фундамент, способный обосновать обширную работу по советской колонизации, не имеющей ничего общего с действиями колониальных империй [Hirsch]: существование Госколонита (и других этнографических институтов того времени) и его работа, направленная на то, чтобы показать положительный эффект советской модернизации на примере самых слабых этносов (теперь организованных в нацию) на пути к достижению высшей степени не только материального, но и духовного благосостояния, обозначает ту же миссионерскую и цивилизирующую матрицу, которая оживляла старое имперское государство, хотя и в полностью обновленной форме, устойчиво связанной с марксистской идеей истории и отличной от цели старой практики имперского колониализма, имевшего целью лишь жестокую эксплуатацию подчиненных народов. Единство – это, без сомнения, самый значительный фактор, отличающий существование и работу советской антропологической науки. Как напоминает нам Анатолий Хазанов, концепция этноса в Европе была задумана как разрушающая порядок, к которому относится этнос. В отличие от нее, советская концепция этноса была призвана законсервировать порядок, к которому он относится [Khazanov, p. 214]. С этих позиций проще всего исследовать концепцию советского народа, представляющего высшее единство, игнорирующее отдельные этносы, или суперэтнос на идеологической и духовной базе, но прежде всего изучить процесс, который приводит к этому результату, который протекает добровольно и спонтанно, следуя вечному движению в сторону сближения и слияния [Khazanov, p. 215].

Leoussi A. Nationalism and racial Hellenism in nineteenth century England and France // *Ethnic and racial studies*. 1997. Vol. 20. № 1. P. 42–68.

Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press, 2005.

Gorny M. Bone and soul : Physical anthropology, the great war and nationalism in eastern Europe. Deutsches Historisches Institut Warschau, 2014.

Mogilner M. Homo imperii: the history of physical anthropology in Russia. University Nebraska Press, 2013.

Turda M. Entangled traditions of race: Physical anthropology in Hungary and Romania, 1900–1940 // *Focaal*. 2010. № 58. P. 32–46. URL: <http://doi.org/10.3167/fcl.2010.580103> (дата обращения: 25.09.2017).

УДК 94(470.55).084:37.035.4

Н. Н. Макарова

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК НА МАГНИТОСТРОЕ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА

В статье на основе различных исторических источников рассматривается механизм формирования эмоционального режима и предпочтительных, с точки зрения советской власти, эмоциональных практик в городе Магнитогорске в 1930-е гг. Идея воспитания нового человека в советском государстве приобрела особое значение в первые послереволюционные годы. В Магнитогорске – городе, лишенном пороков капиталистического общества, возникла возможность формирования особого эмоционального пространства. Город выступал в качестве экспериментальной площадки советской власти. Автор предлагает конкретный пример изучения эмоционального сообщества на локальном материале и считает, что мысли и чувства горожан стремились унифицировать в рамках концепции формирования «нового города» и навязывали магнитогорцам определенный набор нормативных эмоций и официальных практик, а также выражающих их мотивов, которые выступали опорой для существующего политического режима.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история, история эмоций, эмоциональный режим, новый город, индустриализация, Урал, Магнитогорск.

Историография истории эмоций представлена как иностранными, так и отечественными исследованиями. Впервые проблему изучения эмоций поставили Л. Февр и Н. Элиас. Вслед за ними изучением данного вопроса занялись Й. Хейзинга, Т. Зелдин, П. Гея, П. Ловенберг, Л. ДеМоса. В 1980-е гг. П. Стернс начал активно исследовать эмоциональные нормы

и стандарты поведения. В целом история эмоций на Западе прошла в своем развитии период универсализма (1940–1980), социального конструктивизма (1980–1995) и их синтеза (с 1995 г.). В 2000-е гг. история эмоций на Западе переживает «бум». Публикуется значительное число работ [Reddy, 2001; Reddy, 2000; Plamper]. В условиях «антропологического поворота», начавшегося в конце 1980-х гг., все чаще российских историков привлекают сюжеты, связанные с внутренним миром конкретных людей. Результатом внимания к «маленькому человеку» и многообразию форм его повседневной жизни стало формирование истории эмоций как самостоятельного исследовательского поля [Зорин; Красавский; Келли; Юханнисон]. Эмоции изучались в русле проблемы «быт и нравы населения» [Романов]. В 1971 г. был издан сборник «История и психология» под редакцией Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анциферовой. Важным научным мероприятием стала Международная научная конференция «Эмоции в российской истории и культуре» и издание сборника материалов «Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций». В рамках военно-исторической антропологии достаточно интенсивно изучается так называемая эмоциональная составляющая [Кринко, Хлынина, Тажидинова]. Межвоенный период стал предметом пристального внимания историков совсем недавно [Макарова], в том числе в рамках проекта «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций» [Иванцов; Миклуленок; Рожков].

Изучение эмоционального режима эпохи формирования сталинского авторитаризма выступает крайне сложной задачей, требующей привлечения широкого пласта исторических источников. В 1930-е гг. Магнитогорск представлял собой мегаплощадку по проведению социалистического эксперимента в социокультурной сфере. Данное обстоятельство позволяет нам задаться вопросом о том, какие инструменты и насколько успешно были использованы в 1930-е гг. для поддержания «эмоционального режима» и формирования соответствующего репертуара эмоций.

Официальный дискурс дает возможность обозначить круг идеальных эмоций, которые должен испытывать советский человек. В разных контекстах одна и та же эмоция оценивалась по-разному. Традиционно среди социально одобряемых эмоций были уважение, сдержанность, любовь, дружба, энтузиазм, патриотизм. Однако некоторые эмоции в данном перечне в определенной ситуации могли оказаться среди социально маркируемых. Так, любознательность в положительном ключе была при-

суща детям, которые стремились к новым знаниям. Взрослому человеку любознательность была не к лицу. Праведный гнев мог проявить взрослый авторитетный человек, но не ребенок.

Эмоции играли крайне важную роль в жизни города и страны в целом. За настроениями следили, сводки о настроениях регулярно направляли в центр. 1930-е гг. – «эпоха настроений» была временем новых восторженных веяний, осознания новых возможностей и одновременной утраты прежних перспектив. Магнитогорск стал поистине воплощением указанной «триады». Ожидания и надежды, возлагавшиеся на крупнейший индустриальный центр как со стороны властей, так и со стороны рядовых строителей светлого будущего были амбициозными. Если официальные власти с помощью директивных методов, экономического и внеэкономического принуждения все-таки получили максимально возможный экономический эффект, сформировали миф о Магнитке, который коренится в умах многих россиян по сей день, то о рядовых магнитогорцах этого сказать нельзя. Разочарование реальностью Магнитостроя наступало мгновенно после прибытия на железнодорожный вокзал: «Где же город?.. Он думал увидеть ряды улиц и площадей, сады и набережные и где-то посреди них – цеха завода. Над ним посмеялись и объяснили, что город, а также и завод только закладываются» [ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 342. Л. 11].

По мнению Ш. Фицпатрик, способом ухода от личного горя было обращение к счастью эпохи, в которой, как известно, «жить стало лучше, жить стало веселее». Действительно, «личное счастье» пытались подменить «счастьем общественным», «внеиндивидуальным». Так, магнитогорец А. Сулимов писал о том, что на его долю «выпала счастливая судьба. <...> мы оборудовали специальный тракторный плуг для рыхления грунта» [На линии огня, с. 54]. Газеты сообщали о счастливом советском детстве и о счастье трудовой деятельности. Письма счастливых матерей в этот период превратились буквально в особый жанр. Однако в источниках, которые не предназначались опубликованию, счастье по-прежнему оставалось тихим, семейным, личным.

Население Магнитогорска часто именовали «батальоном энтузиастов» [Комсомолка в строю, с. 37]. Энтузиазм, судя по официальному курсу, сопровождал магнитогорцев постоянно. Власть взяли на вооружение данную положительно окрашенную эмоцию. Эмотив «гордость» стоял на службе официальной пропаганды в Магнитогорске. В газетах 1930-х гг., а также в воспоминаниях магнитогорцев, опубликованных в советский период, «гордость» использовалась часто и на протяжении

всего советского периода: «...магнитогорцы показывают свой город с гордостью» [Комсомолка в строю, с. 38]. Несомненно важным было чувство радости от результатов проделанной работы. Инженер-строитель Магнитогорска И. В. Комзин писал: «Работа радовала. Работа воодушевляла. Какими нужными мы себя чувствовали в сплошной “лихорадке буден!”» [Комзин, с. 13]. Категория «терпение», включенная в перечень добродетелей западного христианства, очень характерна и для русского человека. Однако в советский период «терпение» переключалось из перечня индивидуально переживаемых эмоций в общественные и стало трактоваться как пассивность и нежелание действовать в интересах социума. Многочисленные газетные статьи связывали терпение с нежеланием горожан вести борьбу с безответственностью, пьянством, кражами в столовых и т. п. Советский дискурс лестно преподносил чувство возмущения, которое часто выступало в качестве синонима праведного гнева. В советской трактовке возмущение должно было выступать одним из инструментов борьбы с некачественной работой, прогулами и прочими девиациями. Чувство страха сопровождало горожан на протяжении многих лет. Поводом к его возникновению могли выступать плохо освещенные улицы, отсутствие дорог, значительное число краж в городе, возможный голод, аварии на производстве и строительстве. Воспоминания монтажников кауперов домен свидетельствуют о том, что многие рабочие отказывались «лезть в каупера, мотивируя тем, что здесь у них семьи, что их жизнь здесь ничего не стоит...» [ГАРФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 304. Л. 21]. В каждом письме В. Ф. Берсенева переживала о здоровье родных и близких ей людей, уточняла, нет ли необходимости выслать денег, одежду, продукты. Официальный дискурс сообщал о страхе ином. Так, А. Сулимов писал о «страшной минуте» в своей жизни, когда ему пришлось выйти на трибуну с речью. Данный тип страха трактовался как скромность человека. Любовь понималась как глубокая привязанность советского человека к своему делу. Так, в воспоминаниях И. В. Комзина возникает занимательный рассказ об иностранном журналисте, не понимавшем, почему рабочие Магнитки так самоотверженно трудятся. Ответ советского инженера был прост: «Всей душой мы влюблены были в свое дело, в свою стройку» [Комзин, с. 24–25, 33]. В эго-источниках, не рассчитанных на публикацию и широкое прочтение, любовь выглядела иначе. Так, Б. Г. Козелев в своих первых письмах из Магнитогорска к жене и дочери обращается «Зинушка, родная», а содержание писем касается исключительно эмоциональной стороны, переживаний, чувства тоски, одиночества и надежд на скорый приезд в Магнитогорск семьи.

Однако властям не были нужны сильные личные эмоции. Ключевой задачей при выстраивании эмоционального режима было формирование социально одобряемого комплекса эмоций, который можно сдерживать или разжигать в нужный момент. Поэтому в сталинскую эпоху образцовым ребенком считался тот, кто умел контролировать свои эмоции. Именно на детей возлагались надежды, они должны были жить в идеальном «новом мире». Чтобы воспитать необходимый набор эмоций у подрастающего поколения, системе образования уделялось огромное внимание. Дисциплинированность как особое качество, воспитывающее склонность человека к соблюдению правил работы и норм поведения, особенно ценилась. На страницах городских газет, в листовках и в «молниях» регулярно публиковали статьи под типовыми заголовками: «Позор нарушителям режима», «Дисциплина и самодисциплина».

В целом в «эпоху настроений» мысли и чувства стремились сделать схожими. Это способствовало укреплению сталинского режима, формированию мы-идентичности в масштабах города, региона, страны. Отклонение от типичных эмоциональных проявлений могло использоваться властями как маркер общественных настроений. Все эмоции встраивались в официальную риторику властей. Но в этой гамме переживаний все более преобладала масса «светлых» чувств, которая фактически образовывала систему ценностей, относящихся к эмоциям и их восприятию. Эти ценности навязывались индивиду через общественные нормы, которым люди обязаны подчиняться и по которым они оценивали свое поведение и поведение окружающих. Так, респондент А. И. Чеснокова рассказывала о тяжелых условиях жизни в городе, но при этом указывала, что «вся семья, все дети и отец всегда ходили на демонстрации... было интересно и весело... Я вот всегда им рада была» [Воспоминания...]. Радость и ликование, гордость за результаты труда, эмоциональное единение на массовых мероприятиях присутствовали. Однако эти конструкции были шаблонными и часто расходились с реальными эмоциональными практиками. Последние зависели от личного опыта, физических, психологических, гендерных особенностей. Ни одно «эмоциональное сообщество» не может быть охарактеризовано каким-то однородным «ландшафтом чувств». В Магнитогорске практиковались массовые гулянья за городом. Предполагалось, что отдых на свежем воздухе положительно влияет на здоровье горожан, а проведение выходного дня дружным коллективом должно укрепить эмоционально единство трудящихся. Воспоминания участника подобного мероприятия иллюстрируют негативное отношение к такому виду коллективного отдыха [РГАЛИ. Ф. 1495. Оп. 1. Д. 52. Л. 4].

Разнообразие чувств подтверждается текстами источников личного происхождения, в которых преобладали чувства и эмоции личного порядка; возникали чувства, маркируемые в советском социуме как негативные и неприемлемые для «нового советского человека». Так, в письмах В. Ф. Берсеновой часто указывается на раздраженность Ф. О. Краузе из-за сложностей на работе; страдания самой Веры Федоровны по поводу нежелания видеть своих коллег; завистливые взгляды соседей. Среди многочисленных писем В. Ф. Берсеновой своему сыну, родственникам и друзьям практически нет упоминаний о патриотизме, гордости за свою страну, самоотверженном труде и т. п. Преобладающими эмотивами в ее письмах были «любовь», «страх», «тревога», «радость», «счастье» по отношению к делам семейным.

Следование декларируемым в советском обществе нормам было необходимым условием, своего рода стратегией выживания. Именно поэтому многие магнитогорцы осуществляли серьезную «эмоциональную работу», когда публично повторяли устойчивые нарративы о необходимости социалистического соревнования, об ударном труде, энтузиазме, радостном строительстве коммунизма, а тайно осуществляли религиозные практики; вели дневники, которым доверяли свои истинные чувства; искали себя в творчестве и т. п. У. Редди предложил именовать эмоциональные сообщества с нетипичным «для данной эпохи выражением чувств» «эмоциональными убежищами» [Reddy, 2001]. В подобных убежищах человек мог временно отдохнуть или даже надолго скрываться от господствующих, предписываемых обществом норм проявления и выражения эмоций. «Эмоциональные убежища» на Магнитострое возникали как поступательно (создание молельных домов и церквей в землянках, хранение религиозной атрибутики), так и стихийно (участники демонстраций частенько после официальной части мероприятия устраивали пьяные драки, бои «стенка на стенку»). Столь разнообразные формы «эмоциональных убежищ» реализовывали важную функцию – они позволяли проявлять те чувства и эмоции, которые официальный режим либо запрещал юридически, либо не рекомендовал, считая асоциальными, но в которых нуждались «маленькие люди».

Любая эмоция как репрезентация чувств являлась воплощением культуры своего времени и своей страны. Коллективизация эмоциональных состояний, несомненно, наблюдалась в Магнитогорске, однако она не стала тотальной. Эмоции, представляющие собой совокупность физических и психологических переживаний, хоть и возникали как реакция на окружающую действительность, но всегда оставались исключительно инди-

видуальными. Не вызывает сомнения тот факт, что магнитогорцы чувствовали по-разному. Комплекс чувственных переживаний во многом зависел от социальной среды, от обстоятельств социальной мобильности, вызванной революционными преобразованиями, от состояния психического и физического здоровья конкретного человека, от социально-бытовых условий и т. д. Возрастающий контроль за жизнью населения страны и города требовал дисциплины в эмоциональной сфере. Однако утопия «нового человека», который идеален и физически и духовно, не реализовалась. Эмоциональное сообщество населения города Магнитогорска было организовано гораздо сложнее нормативного «эмоционального режима» и характеризовалось амбивалентностью чувств, наличием адаптационных механизмов и стратегий в сфере эмоций. В результате интенсивного «идеологического воздействия со стороны властей личные эмоции, чувства, переживания постепенно менялись. Многие магнитогорцы – типичные “маленькие люди”, вовлеченные в водоворот значимых событий, начали воспринимать “государственное” как личное, а “личное” порой оказалось возможным только в контексте соответствия идеологии государства» [Юзефович, с. 280]. Постепенно идеологизировались эмоциональные состояния, что способствовало формированию мы-идентичности и укреплению авторитарного режима. Все это, несомненно, влияло на «эмоциональный режим» в городе. Стремление к дисциплине и унификации в поведении горожан, навязывание сменного графика рабочей деятельности, отказа от привычных религиозных норм и выстраивание новой системы светских ценностей, выдвигаемые официальными структурами на всесоюзном и городском уровнях, шли в разрез с устремлениями населения в сторону эмоциональной свободы. Большие массы населения, собранные на территории города со всех уголков Советского Союза без четко сформированных социальных и эмоциональных ориентиров, плохо поддавались «коллективизации эмоций».

Вопоминания А. И. Чесноковой 1924 г. р. Записано Н. Н. Макаровой в 2008 г. ГАРФ. Ф. 7952 (Государственное издательство «История фабрик и заводов» при объединении государственных издательств).

Зорин А. «Понятие литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива: история и повествование // История и повествование : сб. ст. / под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М., 2006. С. 12–27.

Иванцов И. Г. Повседневность провинциального города 1920–1930-х годов, культурная история эмоций в документах органов партийно-государственного контроля ВКП (б) // Культурная жизнь Юга России. 2014. Т. 2, № 53. С. 68–72.

Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // Рос. империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера. М., 2010. С. 51–77.

Комзин И. В. Я верю в мечту. М., 1973.

Комсомолка в строю. М., 1977.

Красавский Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008.

Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П., Тажидинова И. Г. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д, 2011.

Макарова Н. Н. «Пока живой – писать буду...»: повседневность чувств эпохи Великой Отечественной войны (по материалам личной переписки магнитогорцев) // Новейш. история России. 2016. № 3 (17). С. 159–174.

Микуленок Ю. А. Семейные конфликты и эмоциональный мир супругов в советской действительности в 1920-е гг. (на материалах Кубани) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 134–137.

На линии огня: страницы комсомольской жизни Магнитки. Воспоминания, очерки, документы. Челябинск, 1975.

РГАЛИ. Ф. 1495 (Ромм Александр Ильич).

Рожков А. Ю. «Эмоциональный поворот» в исторической науке: основные понятия и подходы // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2014. № 3–4. С. 101.

Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М., 1947.

Юзефович Н. Г. Идеологизированный субстрат номинаций счастье и тоска в России предвоенного периода в статье Шейлы Фицпатрик // Полит. лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 279–283.

Юханнисон К. История меланхолии: О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь. М., 2011.

Plamper J. The History of Emotion: An Interview with William Reddy, Barbara Rozenwein, and Peter Stern // History and Theory. 2010. № 49. P. 237–265.

Reddy W. Sentimentalism and Its Erasure: The Role of Emotions in the Era of the French Revolution // Journal of Modern History. 2000. № 1. P. 109–152.

Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge, 2001.

МИФОТВОРЧЕСТВО В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1917 г.

Мифотворчество было ключевой линией в истории и культуре XX в. Политические и идеологические мифы создавали образы альтернативной социальной реальности в России в 1917 г. Эти образы были привлекательны для народных масс.

К л ю ч е в ы е с л о в а: миф, мифотворчество, политические и идеологические мифы, образы, социальная действительность, мифологическое сознание.

Эпоха мифотворчества как нераздельная часть культуры не ограничивалась периодом становления человечества. Век XX стал временем конструирования новых историко-культурных мифов. Это закономерно, так как мифологическое мышление как характерная особенность духовной культуры прошлого и наступившего нынешнего века нуждается в новых и новых мифах. В мифологии узнает себя человек массы, и только миф удовлетворяет его любознательность, его потребность в познании.

Миф возникает в результате мифотворчества, а оно является одновременно и процессом, и результатом мифологического освоения мира. Главная особенность мифотворчества заключается в конструировании различных форм конкретно-чувственной образности. Образ – это сложно сконструированный феномен, некая идеальная форма отражения предметов и явлений, копия чего-то, что находится вне сознания. Именно образ дает человеку некий ориентир для подражания. Образы мифологии есть олицетворение заложенных в мифе идей. Идея – это смысл, основное содержание мифа. Идеи нельзя «видеть», так как они есть порождение самого сознания. Но если идеи становятся образами, их можно увидеть. Абстрактные идеи о свободе, равенстве и счастье, умело переведенные в образы земли, фабрик и мира для воюющих, сыграли свою роль на определенном историческом этапе. Миф важен в том смысле, что он предлагает людям примеры для подражания и тем самым сообщает значимость человеческой жизни [Элиаде, с. 11].

Накануне Октябрьской революции большевики выражали насущные стремления масс – необходимость выхода из войны, передача земли крестьянам, лишение буржуазии привилегий, введение рабочего контроля над производством и распределением. Так, М. Дональд в работе «Ленин и русская революция» писал: «Большевики были очень искусны

в своих речах и лозунгах, обещали... мир, землю для крестьян, рабочим – контроль в промышленности; всю власть Советам. Таким образом, они манипулировали несколькими словами, обращаясь в 1917 г. к солдатам, крестьянам и рабочим» [Donald, p. 54].

Оппоненты большевиков – эсеры, признавали, что «большевистские лозунги при всей их однородности и прямолинейности, понятны, они не затуманивают своих целей...». «Мы же, – писала их газета, – разучились говорить революционным языком» [Вольный Урал]. Историк Т. Лауэ признавал тот факт, «что большевики, чтобы они ни делали ради своего блага или блага России, они это делали с помощью масс и ни в коем случае не вопреки массам» [Laue, p. 109]. Эту же мысль сформулировал американский профессор А. Эшер. «В 1917 году, – писал он, – большевики подерживали Советы как институты, выражающие волю народа...» [Ascher, p. 260].

Идеологический миф основан на традиционных архетипах и подражает древним моделям объяснения реальности. Соответственно, господствующей сферой функционирования идеологических мифов является политика. Под воздействием идеологических мифов историю любой науки можно мифологизировать настолько, что объективный ее анализ будет почти невозможен из-за идеологизированности информационных источников. Идеология активно использовала и использует социальные мифы, обращаясь к эмоциям, верованиям, страстям народных масс. Социальная мифология конструирует образ, альтернативный социальной реальности, который может полностью заслонить собой действительное положение вещей, создавая привлекательный облик социального строя. Со стороны общественного сознания социальный миф может выступать как мечта о лучшем будущем, а со стороны власти – как способ социального управления и контроля, как своеобразное «идеологическое давление», когда власть через идеологию формулирует общие исторические цели и ощущение общности исторической судьбы [Воеводина]. Так произошло в истории советской страны. Чтобы «внедрить» в сознание людей новые идеи, понадобились иные образы (мастеровых) и тексты, в которых отражалась бы мечта о справедливой власти, поэтизировался бы труд, мастерство. Павлу Бажову, например, удалось создать мифологию советского Урала. Он же создал и яркую метафору новой страны. Россия – это каменный цветок, который не цветет и не пахнет, но зато он вечен, он останется, когда ничего не будет.

Социальные мифы, используемые идеологией, выступали как формы нормативного и информативного управления личностью. При этом

личность, стремясь к социальному одобрению своих действий, вынуждена была корректировать свое поведение в соответствии с нормативной системой общества.

Чтобы связать все компоненты мифа воедино, направить их на создание правильного образа и получить максимальную эффективность от архетипа, нужна большая работа и «привязка» мифологемы к определенному уровню потребностей общества. И здесь можно выйти на понятие «политическое сознание», под которым будем иметь в виду многообразные проявления человеческой духовности, отражающие деятельность механизмов политической власти. Те или иные компоненты сознания приобретают политическое значение, когда от хода дел в регулируемой ими сфере социальных отношений зависит реализация социальных, национальных интересов, целей, стоящих перед государством.

Политическое сознание многомерно, и важнейшие, наиболее значимые компоненты его структуры определяются теми функциями, которые оно выполняет в политике. Среди них выделяются следующие: 1) объективное отражение политической реальности, которое осуществляется с помощью таких структурных компонентов политического сознания как политическая наука и политическая теория; 2) ориентация деятельности субъекта в мире политики через выражение его интересов в концептуальной форме, а средством реализации этой функции служит идеология; 3) эмоциональное реагирование в разнообразных проявлениях политической психологии, ведь именно психологические импульсы побуждают людей к действию. Политическое сознание, будучи проявлением непосредственных импульсов практической деятельности людей, в наиболее выпуклой и яркой форме отражает социально-экономическую основу жизни общества, которая в других формах общественного сознания имеет более опосредованное выражение.

Политическое сознание общества не может быть однородным, так как оно охватывает область отношений всех классов, социальных групп к государству и правительству, область отношений между всеми социальными силами. В обществе происходит постоянное столкновение политических интересов в борьбе за государственную власть [Пантюхина, с. 103–104].

Так, прошедшие в сентябре-октябре 1917 г. перевыборы Советов продемонстрировали растущее влияние в них большевиков. Свидетельством тому может служить партийный состав таких Советов, как Уфимский, в котором из 350 депутатов свыше половины составляли большевики; Томский, в котором из более чем 250 депутатов значительным влиянием

пользовались большевики. Преобладали они и в Красноярском, Екатеринбургском, Челябинском Советах. В Советах Урала большевики играли руководящую роль [Исторический опыт, с. 106–107]. Западный историк Петибридж в работе «Распространение русской революции» признавал: «В середине сентября 1917 г. большевики имели большинство в Московском Совете; они были сильны в некоторых городах на Волге, промышленных центрах Урала» [Pethybridge, p. 205].

В конце сентября 1917 г. В. И. Ленин, выступая за единовластие Советов, писал: «Говорить, будто Советы хоть где-нибудь в России, хоть когда-нибудь пользовались всей полнотой власти, это просто смешно. Но ...если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно удержать власть не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя» [Ленин, с. 317, 305].

Американский профессор Р. Суни в рецензии на книгу профессора Индианского Университета Дж. Томпсона указывал, что последний прибегает к аргументу Д. Кина в оценке успеха большевиков в «мобилизации масс», из которого следует, что организации, подобно Советам и фабзавкомам, быстро попадали под влияние ленинской партии, которая превращала их в инструмент контроля» [An American Quarterly, p. 332].

В свое время меньшевики, оспаривая главенствующую роль в образовании Советов, также говорили о контроле над ними. В книге «Россия в 1917 г. Февральская революция» Дж. Катков писал, что «контроль над выборами в Петроградский Совет, находился в руках меньшевиков, которые были тесно связаны с рабочей группой Военно-промышленного комитета» [Katkov, p. 357].

Говоря о контроле над выборами в Советы со стороны партии меньшевиков, западный историк не вкладывал в это слово смысл «над Советами», партию же большевиков он подозревал в неспособности руководить массами. Но если допустить возможность употребления слова «контроль» в значении «влияние», то получается, что влияние любой политической партии в выборной массовой организации и есть идейный контроль, осуществляемый этой партией в отношении масс.

Как правило, миф становится наиболее прочным элементом массового сознания именно в моменты славы и власти «героя», то есть того образа, который создан заранее и нацелен на утверждение положительного восприятия. Многие исследователи считают, что предназначение политического деятеля состоит в том, чтобы такого рода элементы создавать, на то должна быть нацелена его магия – личная харизма (природный

дар) и политический ритуал. Говоря о Ленине как писателе, публицисте и политике, Д. Быков заметил, что «диктатура пролетариата – которую Ленин полагал не только и не столько насилем, но прежде всего победой нового сознания – оказалась в конце концов лишь новым названием репрессивной практики. Но вертикальная мобильность, которую он обеспечил, не пропала, и культурный взлет СССР в шестидесятые-семидесятые был эхом двадцатых... Ленин сумел найти слова и приемы, которые заставили людей поверить не в него, а в себя» [Быков, с. 94].

Революция 1917 г. в России явилась событием, которое положило начало новому государству, попытавшемуся построить общество социальной справедливости, равенства и братства. Ю. Лотман выделял цивилизации тернарного типа, в которых система стремилась приспособить идеал к реальности, и цивилизации бинарного типа, пытающиеся осуществить на практике неосуществимый идеал [Лотман, с. 142]. Россию он отнес к цивилизациям бинарного типа, в которых одни мифы утрачивали свою функциональную значимость, исчезали из широкого культурного употребления, а на смену им конструировались новые идеологические мифы, ярко проявившие себя в период тоталитарного режима, при котором политическая мифология должна быть простой и понятной.

Подводя некоторый итог сказанному, можно отметить, что миф есть реальность, а не вымысел, и утверждение «миф как реальность и реальность как миф» вполне подходит к современной цивилизации. Существует ли объективный критерий для различения мифа и реальности? В политике и идеологии таким критерием будет развитие личностного сознания или самосознания. Для культуры миф и человеческая фантазия останутся такой же органичной частью нашего мира, как реальность.

-
- Быков Д.* Писатель Ленин // Дилетант. 2017. № 15 (март). С. 90–95.
- Воеводина Л. Н.* Социальный миф как способ конструирования реальности // Вестн. МГУКиИ. 2006. № 1 (январь-март). С. 53–60.
- Вольный Урал. 1917. 13 октября.
- Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историографии. М., 1977.
- Ленин В. И.* Удержат ли большевики государственную власть? // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 34. С. 287–339.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2001.
- Пантюхина Т. Л.* Мифотворчество как тренд современной культуры // Диалектика социальной реальности: российские и зарубежные тренды : кол. монография. Брянск, 2015. С. 99–109.

- Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 1995.
An American Quarterly Devoted to Russia // Russian Review. Stanford, 1982. Vol. 4. № 4. P. 330–341.
Ascher A. Pavel Axelrod and the Development of Menshevism. Cambridge, 1972.
Donald W. M. Lenin and the Russian Revolution. London, 1970.
Katkov J. Russia 1917. The February Revolution. N. Y., 1967.
Laue T. von. Why Lenin? Why Stalin: A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia and N. Y., 1964.
Pethybridge R. The Spread of Russian Revolution: Essays on 1917. London, 1972.

УДК 316.6

И. В. Полякова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

В данной статье рассматривается проблема формирования психологических механизмов социального конструирования. Целью статьи является анализ условий, обеспечивающих социальное воздействие на массовую практику людей. Автором проанализированы механизмы цикличности, пассивного восприятия, систематического и избыточного тиражирования, эмоциональной вовлеченности, а также динамические, операционно-технические аспекты их реализации, обеспечивающие некую социальную унификацию развития перцептивных, мыслительных, эмоциональных паттернов функционирования членов культурно-исторического сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурно-историческое развитие, социальные трансформации, механизмы социального конструирования, кризис развития, паттерны функционирования, операционно-технические паттерны, пассивное восприятие, социальная установка.

Цикличность, как это общеизвестно, свойственна особенностям формирования и функционирования человека и общества. Трансформация фаз и уровней развития культурно-исторического развития является «аксиоматическим трендом» понимания истории существования социальных общностей. Человек в данном контексте рассматривается как успешно или неуспешно адаптирующийся субъект к внешним условиям социального окружения. Иными словами, в зависимости от степени лояльности или учета социальных обязательств и требований поведение и деятельность субъекта в социуме определяются как социально адекватные или неадекватные (отклоняющиеся). Лояльный по отношению к социальным

требованиям член культурно-исторического сообщества рассматривается как «нормативный», социально востребованный.

Понятно, что лояльные граждане – это люди как бы с социально обученным восприятием. Восприятие как процесс категоризации, в терминах Дж. Брунера, во многих случаях является осознаваемым частично или неосознаваемым, то есть зачастую это бессознательный процесс, когда решение принимается автоматически [Брунер]. Подобный результат на уровне массового сознания возможен прежде всего благодаря многократному тиражированию определенного социального опыта, в том числе через средства массовой информации, обучение, социальное окружение и иные социально значимые маркеры (например, памятные знаки, монументы (вспомним ленинский план монументальной пропаганды, цель которого заключалось в том, чтобы напомнить массам о героических народных борцах как социально востребованных образцах отношения к государству и обществу) и т. д.

Многократное стимулирование способствует формированию навыков и автоматизмов, в том числе перцептивных. Перцептивные процессы «запускают» деятельность всех остальных психических функций, участвующих в процессе обработки опыта. Объединенным результатом этой работы являются сформированные фильтры восприятия и осмысления социального контента, чувствительные к конкретным единицам и категориям восприятия и проявляющиеся как готовность к восприятию [Брунер, с. 14]. Количество стимуляций должно быть избыточным и систематическим, поскольку навыки и автоматизмы, как это известно, должны поддерживаться, иначе они угасают [Гиппенрейтер, с. 67–70]. Таким образом, систематическое и избыточное тиражирование социально желаемых образцов осмысления, эмоционального отношения, поведения и деятельности можно рассматривать как механизм социального конструирования.

С психологической точки зрения механизмы социального конструирования должны обеспечить некую социальную унификацию развития перцептивных, мыслительных, эмоциональных паттернов функционирования членов культурно-исторического сообщества. Речь идет не только о содержательных понятиях, категориях, ценностях, но и операционно-технических механизмах их «обеспечения» или актуализации.

Культурно-историческая унификация социально-психологических паттернов функционирования в обществе связана в том числе с операционно-техническими паттернами актуализации, а именно: особенностями психического отражения и саморегуляции. Речь идет прежде всего о динамических особенностях обработки социокультурного опыта, как

бы задаваемого извне с помощью механизмов общественного регулирования, государственных и общественных институтов. Стабильный характер реализации механизмов социального стимулирования, поощрения, принуждения и санкционирования связан с цикличностью его функционирования.

Цикличность в «проявлении» общественного стимулирования имеет выраженный психологический эффект для формирования социального и индивидуального сознания. Она как бы переводит восприятие реальности из активного опознания и последующего осмысления в пассивное узнавание-принятие. Иными словами, если имеется прецедент многократного восприятия социальной трансляции одного и того же опыта, то он поэтапно «переводится» на уровень индивидуального пассивного опознания. Пассивное опознание можно рассматривать как операционно-технический результат поэтапного усвоенного умственного действия, когда, в терминах П. Я. Гальперина, когнитивное содержание процесса «уходит» из сознания, а генерализованное изменение чувствительности в ответ на пусковые особенности внешней ситуации, осуществляемое автоматически, задает социально настроенный вектор реагирования. Другими словами, механизмы социального конструирования включают тиражирование значимых для формирования сознания социальных установок. Тиражирование ориентировано на пассивное восприятие [Яницкий]. «Наиболее серьезное воздействие на формирование социальных установок производится в рамках информационной продукции, имеющей массовый характер и ориентированной на пассивное восприятие» [Чуринов, с. 112].

В пассивном восприятии можно выделить разные виды опознания, среди них опознание-узнавание, опознание-умозаключение, опознание-гипотеза, опознание-обобщение, опознание-сопереживание, опознание-принятие/непринятие, опознание-установка к деятельности и т. д. Вместе с тем, помимо содержательных компонентов возможно, по-видимому, выделить и динамические характеристики, в соответствии с которыми следует классифицировать виды опознания.

В исследованиях точности восприятия заданного образца, проводимых нами в 2014–2017 гг. со студентами, учащимися и старшими дошкольниками в возрасте от 5 до 25 лет, ставилась задача выяснить динамические особенности, проявляющиеся в процессе воспроизведения. Исследование осуществлялось с помощью специально созданного для эксперимента прибора, позволяющего фиксировать силу нажатия испытуемого на клавишу прибора и сравнить полученные результаты с заданным образцом. Нажатия осуществлялись попеременно левой и правой рукой.

Испытуемые, считавшие, что они точно воспроизводят образец, ошибались, причем средняя величина ошибки была приблизительно одинаковой; начиная с 10–12-летнего возраста, она как бы выходила на плато (мы связываем этот факт с формированием и развитием гипотетико-дедуктивного мышления, поскольку в старшем дошкольном возрасте результаты были принципиально иными). Причем величина ошибки левой руки у правшей в состоянии спокойного бодрствования была выше. В состоянии психоэмоционального возбуждения точность воспроизведения образца правой рукой значительно уменьшалась, динамика и изменения точности воспроизведения образца левой рукой была выражена меньше правой [Полякова, 2016, с. 283]. Таким образом, состояние психоэмоционального возбуждения как бы искажает/стирает детали, одновременно оставляя общее представление о полноценном включении в деятельность. По-видимому, выполнение автоматизированного действия в состоянии психоэмоционального возбуждения можно полагать одним из механизмов социального конструирования, поскольку в этом случае генерируется эмоциональная вовлеченность в процесс и действие обобщается на уровне навыков переживаний.

Социальный контекст, условия жизни оказывают влияние как на содержательные, так и динамические особенности их носителей. Например, «...более выраженный личностный рост и автономность (на уровне тенденции) горожан в сравнении с сельчанами. <...> В городе и селе востребованы разные стратегии адаптации – основанные на горизонтальных индивидуализме и коллективизме у сельчан и вертикальном индивидуализме – у горожан. ...противоположная в разных условиях предикация убеждения в доброте людей: отрицательная у горожан и положительная у сельчан. <...> Наиболее важным предиктором эмоционального благополучия сельчан является убеждение в доброте людей, у горожан – степень удачи и ценность собственного Я» [Шамионов, с. 117]. То есть пространственно-временные особенности, проживание в сельской местности и в городе, различная динамика жизнедеятельности оказывают влияние на психологические характеристики личности. В этом контексте, например, массовые переселения людей можно рассматривать как механизм социального конструирования, поскольку смена места жительства ведет к гарантированным личностным трансформациям в процессе натурализации.

Аналогичные результаты относительно реализации динамических паттернов функционирования ценностных ориентаций были получены нами в экспериментальном исследовании ценностей предпринимателей,

которое осуществлялось с помощью методики Рокича. Как выяснилось в ходе исследования, возраст и опыт в предпринимательской деятельности влияет на выбор модальности ценностных ориентаций. Опытные и успешные предприниматели отдавали предпочтения инструментальным ценностям, в то время как молодые (в возрасте до сорока лет), дебютирующие в предпринимательстве бизнесмены отдавали предпочтение терминальным ценностям [Полякова, 2007]. Таким образом, механизмы социального конструирования должны быть чувствительны к возрастным особенностям и уровню профессиональной компетентности личности.

Динамические особенности включены в проблематику цикличности функционирования. Они описаны в работах многих авторов, ставших классическими. Например, Д. Б. Эльконин в описании возрастной динамики и периодизации развития ребенка описывает циклическую смену возрастных кризисов, среди которых выделяет кризисы отношений и мировоззрения [Эльконин]. Автор указывает, что разная модальность кризиса предполагает трансформацию отношений, стратегии и тактики взрослого по отношению к ребенку для того, чтобы обеспечить его полноценное развитие. Д. Б. Эльконин вслед за Л. С. Выготским полагал, что возрастной кризис представляет собой демонстрацию некоей несостоятельности воспитательных возможностей взрослого. То есть возрастных кризисов при разумно организованном воспитательном процессе можно избежать. Кризис, как это общеизвестно, проявляется в значительных личностных изменениях, вызванных несоответствием личностных ожиданий и отношений, которые предлагает социум. В связи с этим следует предположить, что социальные, экономические, политические кризисы также вызваны аналогичным несоответствием. Кроме того, поскольку они совершаются систематически, трансформация их видов (по аналогии с возрастными кризисами в классификации Д. Б. Эльконина) также возможна. В таком случае наличие социальных кризисов свидетельствует о несовершенстве механизмов социального конструирования.

Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М., 2008.

Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. М., 2002.

Полякова И. В. Психологические особенности метрической обработки образцов восприятия // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 276–286 [Электронный ресурс]. URL: journals.mosgu.ru/zpu/article/download/274/317 (DOI:10.17805/zpu.2016.2.25) (дата обращения: 25.09.2017).

Полякова И. В. Психологические особенности формирования ценностей предпринимателей: операционно-технический аспект // Опыт, проблемы и перспективы подготовки специалистов высших учебных заведений России : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., 29 апреля 2007 г., г. Рославль, Смоленская область. Смоленск ; Рославль, 2007. С. 286–295.

Чуринов И. Д. Механизмы формирования социального сознания в контексте экологической безопасности // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2016. Вып. 2 (179). С. 108–113.

Шамионов Р. М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 109–122 // PsyJournals.ru: портал психологических изданий [Электронный ресурс]. URL: http://psyjournals.ru/files/79572/spio_2015_n4_shamionov.pdf (doi:10.17759/sps.2015060408) (дата обращения: 25.08.2017).

Эльконин Д. Б. Детская психология. М., 2011.

Яницкий О. Н. Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики. М., 2007.

УДК 94(47).084.5/.084.6:355.01

А. А. Хлевов, А. С. Коскова

ОБРАЗ «БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ» КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СССР 1920–1930-х гг.

В статье анализируется дифференцированное представление о будущей войне, существовавшее в различных слоях и группах советского общества в период 1920–1930-х гг. Делается вывод об особой значимости предчувствия войны и подготовки к ней как фактора национально-государственной и культурной идентичности. Намечены основные векторы дальнейших исследований.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Первая мировая война, Вторая мировая война, советская идентичность, пропаганда, массовое сознание.

Военная тема неизменно занимает ключевое место в массовом сознании. Во все без исключения исторические эпохи люди связывали с войной свои страхи, опасения, надежды, планы и идеи, поскольку с точки зрения непредвзятого исторического подхода состояние мира является лишь интермедией между периодами войны практически для любого

социума. В межвоенное время массовое сознание пребывает в значительной степени между переживанием вполне отчетливого опыта предыдущей войны и более или менее внятным предчувствием новой войны, т. е. между прогностическим и ретроспективным представлением о войне.

На всех «фронтах» внутренней жизни советского общества сказалось состояние «взведенного курка» [Сенявская, с. 6], а именно – готовность к новой войне, ее ожидание, которые стали частью многопланового процесса воспитания и формирования народного сознания, стремительно милитаризовавшегося и превращающего каждого своего носителя, вне зависимости от гендерной принадлежности, в комбатанта – человека воюющего. В каком-то смысле консервация общества в перманентной воензированной экстремальной атмосфере послужила регулятивным механизмом для обеспечения пребывания населения в устойчивом психологическом равновесии и способности его быстрой мобилизации в случае чрезвычайных военных обстоятельств.

Промышленная революция, сделавшая возможным появление унитарного патрона и автоматического оружия, привела к возникновению феномена массовых армий и тотальной войны, к стиранию границы между фронтом и тылом. Это было безусловным качественным скачком не только в технологии ведения войн, но и в их воздействии на массовое сознание. Небывалый прежде процент населения «прокачивался» в XX в. через мясорубку войн. Так, начиная со второй половины XIX в., рядовой состав армий множества стран стал формироваться большей частью за счет гражданского населения, что увеличило потенциал мобилизации стран и превратило, особенно мировые войны, в «столкновения гражданского населения, одетого в военные шинели» [Сенявская, с. 36]. Отные войны действовали не только мощь армии, но и народные гражданские ресурсы, что вызывало доминирование военного опыта в массовом сознании. Таким образом, за последнее столетие фактически стерлась граница между кадровыми военными и гражданскими. Известна статистика, согласно которой соотношение потерь людей в форме и гражданских лиц в Первую мировую войну составляло 13 к 87 %, во Вторую – 40 к 60 %, а в локальных конфликтах второй половины века – в среднем 17 к 83 %. Как говорится, тенденция налицо.

Межвоенный период – как для СССР, так и для европейских стран – имеет в этом смысле, безусловно, ключевое значение. Население стран – участниц Первой мировой получило, в сущности, первый в истории опыт послевоенного психологического шока. При этом его содержание было несколько различно в России и на Западе. Западный фронт был более

насыщен технологиями ведения войны, однако относительно незначительные перемещения линии фронта не дали основной массе гражданского населения прочувствовать все ужасы войны в полном объеме. В России оккупация огромных территорий германской армией и интервентами Антанты оказалась дополнена несколькими годами Гражданской войны, окончательно размывшей понятие «гражданское население». К тому же Гражданская фактически не имела позиционных фаз, кардинально отличаясь от Первой мировой. Все это дает основание утверждать: к 1920-м гг. все слои населения Советской России и СССР, от высшего руководства армии и государства до крестьян отдаленных окраин, располагали существенным опытом участия в войне или переживания ее обстоятельств, причем опыт этот был вполне уникальным и достаточно персонализированным. Иными словами, у большинства населения нашей страны в сознании присутствовал крайне отчетливый образ, связанный с понятием «война». В отечественной лингвистической традиции это нашло яркое выражение в прочно усвоенной всем обществом формуле «лишь бы не было войны».

Вторая мировая, явившаяся прямым продолжением («вторым таймом») Первой мировой, была вполне ожидаема объективно и на Западе, и у нас. Социалистическая революция, с другой стороны, запрограммировала практически неизбежный конфликт СССР и развитого капиталистического мира. Описанный комплекс причин привел к формированию в 1920–1930-х гг. весьма аутентичного и уникального восприятия военной проблематики населением СССР, несмотря на исключительную разницу картины мира у разных классов и прослоек общества. Мы сознательно избегаем понятия «советские люди», поскольку заявленная новая историческая общность в межвоенный период была еще абсолютно виртуальна. По сравнению с нами военная тема и для вовсе не воевавших голландцев, и даже для воевавших англичан, была практически полной абстракцией.

Вопрос образа будущей войны имеет принципиальное значение с разных точек зрения. С чисто позитивистских ракурсов это важно для выяснения картины мира и ценностных ориентиров отдельных групп населения. Не менее значим аспект мобилизационной готовности населения в целом в контексте резко оживившихся в последнюю четверть века дискуссий о начале Великой Отечественной войны и о событиях ее начального периода. В прикладном плане это имеет существенное значение для современности, поскольку раннесоветский период схож с новейшим в плане конструирования новой идентичности в поляризованном обществе с многочисленными внешними и внутренними угрозами.

В силу субъективных причин, в частности явного нежелания высшего руководства страны акцентировать внимание на крайне неудачном течении войны до 1943 г. и в советский, и в постсоветский периоды, сколько-нибудь объективные исследования увидели свет лишь в последние годы и могут быть признаны важными, но лишь робкими шагами на пути к исторической объективности [Невежин; Емельянова; Мельтюхов; Ушакова; Хлевов, с. 7–118]. При этом очевидна слабая разработанность методологического обеспечения таких исследований. Осмысление образа войны в массовом сознании нуждается во внятной концепции, основанной на междисциплинарном компаративном подходе – это однозначно не чисто историческая, как и не чисто культурологическая или психологическая задача.

Можно выделить несколько приоритетных направлений исследования заявленной темы – какими они вырисовываются с точки зрения современной бытийной и историографической реальности.

Исключительно важным и приоритетным представляется анализ стратегических и тактических разработок, сменявших одна другую в пространстве отечественной военной мысли 1920–1930-х гг. Высшие советские командиры образовывали чрезвычайно качественную и восприимчивую к инновациям интеллектуальную среду, творческий потенциал которой не оценен на сегодняшний момент даже приблизительно. Эта среда породила концепты тактического и стратегического уровней, отталкивающиеся как от наработок западных военных специалистов, так и от собственного опыта империалистической и Гражданской. Советская военная мысль как комплекс идей командного звена армии, транслировавшийся на низовые уровни, представляет собой предмет исключительного интереса. Она была менее догматична, чем стратегические и тактические конструкции в большинстве стран Запада, однако мы нуждаемся в ясном разведении этих традиций, пути к чему только начинают выстраиваться в историографии. Без этого вряд ли можно будет понять, например, сложнейшее взаимодействие русской и немецкой военной мысли, которое представляет одну из главных коллизий межвоенных десятилетий. Не менее интересной кажется рецепция итальянских военно-стратегических разработок, которая имела достаточно широкое хождение. Итальянцы как весьма вероятные потенциальные противники и авторы революционных идей по использованию авиации и флота, а также обладатели блестящей инженерно-технической базы, находились в фокусе внимания советских военспецов. Любопытен тот факт, что именно немецкое руководство активизировало взаимодействие Италии и СССР в торгово-экономичес-

кой сфере, посчитав излишним обострение антисоветской конфронтации, инициированной итальянской стороной перед наступлением на Францию в июне 1940 г. Летом 1940 г. начались переговоры со всемирно известными итальянскими фирмами, такими как «Фиат», «Савойя», «Капрони», «Морелли», «Маркотти» и др., которые, правда, не дали особых результатов на тот момент [Севостьянов, с. 293]. Взаимодействие в этой сфере мало исследовалось в отечественной историографии и лишь сейчас начинает становиться предметом научного интереса [Севостьянов; Зюнова; Молодяков].

На этом фоне интерес к военной мысли Англии и Франции был, без всякого сомнения, редуцирован. Эти традиции были слишком консервативны и в основном малоприменимы в той будущей войне, которую прогнозировали советские стратеги. Таким образом, важнейшей задачей является определение образа будущей войны в среде военных профессионалов. В настоящий момент мы можем сказать, что он был сдержанно-оптимистичным. Судя по всему, ни старые военспецы, отчасти вымывавшиеся точечными репрессиями, ни стратеги «новой формации» не испытывали панического ужаса перед грядущей войной, а достаточно трезво анализировали ее возможный ход.

Важным кажется анализ официальной пропаганды всех уровней. Советский Союз выстроил к началу 1930-х гг. достаточно эффективную систему трансляции правительственной точки зрения в массы через печатные издания, кино, радио и другие каналы. Этот сегмент не обойден вниманием исследователей [Невежин], однако цельная картина объективно происходившего в нем пока далеко не создана и, тем более, не популяризирована. Она составляет из огромного количества публицистических и художественных текстов, включающих как прямые воздействия на сознание обывателя, так и завуалированные отсылки к опыту прежних войн, от агрессии крестоносцев и монголо-татарского нашествия до Гражданской. В этом контексте, на наш взгляд, особый интерес представляет анализ художественных произведений, создававших атмосферу напряженной и опасной повседневности, шпиономании, формировавших и транслировавших долженствующие модели поведения в условиях скорой войны. Блестящими образцами литературы этого ряда являются романы и сценарии Н. Н. Шпанова («Глубокий рейд», «Морской ястреб», «Первый удар. Повесть о будущей войне»), повести и романы А. Гайдара («Четвертый блиндаж», «Дым в лесу», «Судьба барабанщика», «Гибель 4-й роты», «Командант снежной крепости») [Гайдар, 1971, с. 336–359; Гайдар, 1972, с. 299–421; Гайдар, 1973, с. 168–225, 360–364; Шпанов].

Значительная часть этих произведений малоизвестна и крайне недостаточно исследована с семантической и герменевтической точек зрения. С этих же позиций нуждаются в анализе кино- и песенные образы 1920–1930-х гг. Рассмотрение «Чапаева», «Щорса», «Трактористов», «Танкистов», «Глубокого рейда», фильма «Если завтра война» и его песенного двойника с тем же названием, «Марша авиаторов», «Трех танкистов», «Принимай нас, Суоми-красавица» и др. как инструментов нейролингвистического программирования больших масс людей способно выявить ключевые акценты, актуальные для того времени. Таковыми являются в первую очередь формирование установки на неизбежность «Большой войны», снятие германофобии и того, что чуть позже назовут «низкопоклонством перед Западом». Этому моменту стоит уделить особое внимание, поскольку недоработки в этой сфере приводили порой к подлинному оцепенению и неудачам – и армии, и гражданского населения – вплоть до времени Курской битвы. Можно отметить, что первоначальный кадровый состав почти полностью погиб или оказался в плену в начале войны: так, число попавших в плен к концу 1941 г. достигло и, вероятно, даже превысило 4 млн человек. Армия образца 1945 г. состояла в основном из недавно гражданских, в большинстве своем прежде даже не державших в руках оружие [Сенявская, с. 157].

Пропаганда безоговорочно способствовала милитаризации массового сознания, формировала в нем готовность к будущей войне и представление о ее неизбежности. Но характер этой войны представлялся существенно неадекватно: широко распространялась иллюзия о способности РККА вести наступательную войну на территории противника, что в принципе исключало возможность вторжения вражеских войск. Из такой ничем не подкрепленной предпосылки происходят и пассивные оборонительные мероприятия, предпринятые в реальности [Сенявская, с. 158]. В дополнение к этой данности песни и кинофильмы излишне бравурного толка «оглушали» и «ослепляли» бдительность военного и гражданского контингентов, хоть и не в такой степени, как это было в фашистском лагере, вооруженным силам которого назначение на Восточный фронт в июле 1941 г. представлялось приглашением на недолгую увеселительную прогулку [Гюсса, с. 204].

Любопытны представления о будущей войне в среде контингента, служившего в РККА и РККФ. Их не так легко объективно идентифицировать, однако именно они имели ключевое значение в процессе неудач советско-финской войны, и особенно коллапса значительного числа воинских частей летом 1941 г. Здесь открывается широчайшее поле для ис-

следований, учитывая этносоциальную и культурную многослойность Красной армии и флота. Необходимо понимать, что в войну вступала армия, достаточно разнородная по социальным и возрастным параметрам, уровню образования и военной подготовки. Кроме того, учитывая различные условия деятельности, боевые задачи, статусность разных видов вооруженных сил, будет достаточно интересно проследить различия и сходство воззрений на будущую войну, обусловленные совокупностью вышеуказанных факторов.

Весьма актуально определение образа грядущей войны, существовавшего в сознании социальных прослоек, скептически или враждебно настроенных по отношению к советской власти. К таковым мы относим как представителей «социально неблизких» сословий (духовенства, мещанства, значительной части недовольного преобразованиями крестьянства, части интеллигенции), так и представителей этнических групп, противопоставленных советскому строю. Последние идентифицируются по их поведению в условиях разразившейся впоследствии реальной войны: в этом смысле интересно отношение к ней украинцев, крымских татар, чеченцев и ингушей и др. Очевидно, что анализ их умонастроений может быть успешен лишь по мере привлечения к исследованию информации из фондов донесений агентуры НКВД, занимавшейся изучением этой реальности по долгу службы.

На наш взгляд, важной составляющей объективации образа возможной войны является анализ двух оппозитивных реальностей. Первая оппозиция – взгляды партийно-хозяйственного руководства (в особенности низового звена, не из круга кремлевской элиты и красных директоров), противопоставленные условным «взглядам домохозяек». Как показал опыт начавшейся войны, умонастроения этих групп населения в значительной степени определили и темпы отступления (порой бегства), и поведение населения на оккупированных территориях, и жизнь в тылу.

Не менее значима другая оппозиция – взглядов старшего поколения, пережившего Гражданскую и империалистическую, и младшего, полностью сформированного советской властью, поколения юных идеалистов, создавших очереди у военкоматов 22 июня 1941 г. Очевидно, что образ грядущей войны у этих групп населения (бок о бок воевавших потом в одних окопах и экипажах) был концептуально различным, и существенно предметное определение этой разницы. Несомненно, любой исторический период, особенно такой интенсивный и экстремальный для развития общества, как военный и межвоенный периоды, влияет на население, особенно его юных представителей. Юношеский максимализм, эмоциональ-

ность, склонность к романтичному мировоззрению, бравурность вкупе с влиянием пропаганды, воспитанием на эталоне *homo militaris* определяли мировоззрение младшей части поколения, встретившего войну и вступившего в нее в 1941 г. Это предопределяет тот факт, что из всех возрастных категорий, участвовавших в войне, именно на эту возрастную группу пришлось наибольшее число военных потерь [Сенявская, с. 157].

Таким образом, в качестве пролегоменов для нас в данном исследовании выступают совершенное своеобразие и самобытность отечественного восприятия грядущей войны. Население Советского Союза в не меньшей степени, чем население Германии (и в большей, чем население всех других стран), было морально готово к войне, причем победоносной и вполне мессианско-апокалиптической. Это объяснимо отнюдь не только наследием православной традиции «народа-богоносца», одобренной идеями Коминтерна, успешной работой пропагандистской машины, но и объективными колоссальными успехами в технической подготовке к войне. Война представлялась неизбежной и при этом неизменно справедливой и последней: войной за искоренение всех войн. Показательна строчка из малоизвестной ныне, но чрезвычайно популярной в свое время песни: «За вечный мир, в последний бой/Летит стальная эскадрилья».

При этом «тормоз» был нажат столь же сильно, как и «газ»: эти настроения компенсировались колоссальным скепсисом по поводу собственных сил и возможностей, глубочайше укорененным представлением о непобедимости немецкого порядка и техники и прочими факторами этого ряда. Официальная пропаганда прилагала огромные усилия для компенсации этого явления, однако инерция старшего поколения и оппозиционных советской власти групп населения была чрезвычайно сильна. Очевидно, что такая работа массового сознания «враздрай» была важнейшим идеологическим фактором неудач в начавшейся войне.

В качестве задач наиболее актуальными и прикладными представляются объективация этой мозаичности массового сознания с опорой на реальный «голос толпы» – с привлечением всех возможных категорий прямых и косвенных источников, включая фольклор в виде частушек и анекдотов, мемуарные свидетельства и, безусловно, доступную документацию правоохранительных и партийных структур. Интересны также акценты, делавшиеся в художественном и публицистическом творчестве и тактика работы пропагандистской машины, особенно в контексте сравнения с деятельностью аналогичных структур в Германии, Италии, Польше, Франции и Великобритании.

В целом, резюмируя, отметим, что представление о грядущей «Большой войне» в массовом сознании межвоенного советского общества остается исключительно привлекательным и с исследовательской, и с академической, и с прикладной точек зрения. Подобно тому, как Великая Отечественная остается важнейшим фактором нынешней российской идентичности, расположенным в историческом прошлом, грядущая неизбежная война выступала мощнейшим (хотя и лежащим в будущем) фактором идентичности в СССР вплоть до 22 июня 1941 г.

Гайдар А. Собрание сочинений в четырех томах. М., 1971–1974.

Емельянова Е. Н. Идеи войны и мира в теории и практике Коминтерна (1919–1923 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Зонова Т. В. Россия и Италия: история дипломатических отношений : учеб. пособие. Ч. 1. М., 1998.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000.

Молодяков В. Э. Россия и Италия: секреты дружбы (1920–1935). М., 2010.

Невежин В. А. «Если завтра в поход...». М., 2007.

Севостьянов П. П. Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны, сент. 1939 г. – июнь 1941 г. М., 1981.

Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999.

Ушакова С. Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920 – начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001.

Хлезов А. А. Сталин и война // И. В. Сталин: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. А. А. Хлезова. Т. 1. СПб., 2015. С. 7–118.

Шпанов Н. Н. Первый удар. Повесть о будущей войне. М., 1939.

Fiocca F. Classe 1921: note di guerra di un «Ragazzo di Aosta '41», 1941–1945. Milano, 2006.

УДК 94(47).084.3/.084.5:304.4

С. В. Хомяков

КУЛЬТУРНЫЕ СИМВОЛЫ И МИФЫ ИМПЕРСКОЙ РОССИИ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Революционные события Октября 1917 г. знаменовали собой начало беспрецедентного по своим масштабам проекта — построение первого в мире социалистического государства. Достаточную сложность этой задачи обуславливало и враждебное внешнее окружение, и раскол в обществе, и отсутствие мировых примеров такого типа государственности, а значит, и опыта. Поэтому, несмотря на продекларированный разрыв с прежней историей, большевики просто не могли запустить механизм нового государства, не используя наследие дореволюционной России, что особенно заметно проявилось в культурном строительстве в СССР в 1920-е гг.

К л ю ч е в ы е с л о в а: общественное сознание, культурный символ, знаковая система.

Многие традиции, которые вырабатывались в массовом сознании веками существования российской государственности, остались и после падения монархии. Моделирование социальной действительности осталось тем же, то есть направленным на объяснение объективной реальности, интеграцию общества и социализацию человека в конкретных условиях; существенным образом изменилось лишь символическое отображение. Новые материальные (статуи, портреты пролетарских вождей, памятники борцам за революцию) и нематериальные (революционные лозунги, произведения пролетарских поэтов и писателей, песни) символы имеют своей целью объяснить новую социальную действительность, социализировать человека в условиях формирования новой коммунистической морали, интегрировать общество на основе совершенно новой государственности, окруженной плотным кольцом враждебных государств.

Таким образом, традиции политической культуры России (в пример можно привести беспрекословный авторитет власти, сакрализация этой власти и идея об особом развитии государства) остались имперскими. Если принимать во внимание уровень развития общественного сознания к 1917 г., то эти мировоззренческие установки не касались столичных интеллектуальной и части политической элит, ориентированных на внедрение в архаичный организм государственного устройства элементов западноевропейской политической системы, таких как консти-

туционная монархия, парламентаризм и т. д. Безусловно, имеется в виду основная масса населения дореволюционной России – крестьянство, городские низы, казачество, а также те представители привилегированных классов, политическим и идеологическим идеалом которых было неограниченное самодержавие в тесном союзе с религией и при полной поддержке населения страны. Конечно, такая архаичная модель взаимоотношений общества и власти не нова, и можно привести множество классических примеров государств, начиная с Древнего Востока и заканчивая развивающимися в одно время с Российской империей государствами Восточной Европы, Азии и т. д. Поэтому пример России, если даже не уникален, все же заслуживает внимания, тем более что отвечает на вопрос о том, каким образом оказался возможен переход от имперского мировосприятия к советскому при замене форм, но при одновременном сохранении содержательного и смыслового аспекта. «Государственная власть мыслилась как главный стержень всей общественной жизни. <...> Она складывалась на основе эксплуатации патриархальной идеи отношения человека и власти как отношений детей и родителей, подразумевающей хорошею, отеческое, справедливое правление хозяина-отца» [Поздязева, с. 113].

Во-первых, Россия во все периоды своей истории проводила активную внешнюю политику, в имперский период обладала статусом великой державы, соперничала с Англией, Францией, Германией. Это происходило главным образом не на потенциале гармонично возникающего гражданского общества, в отличие от Европы и США, а в силу иных причин – безграничного коллективного чувства и консолидации народа вокруг особы монарха, особенно в трудные периоды жизни страны. «Русский человек не чувствует себя в достаточной степени нравственно вменяемым, и он мало почитает качества в личности. Это связано с тем, что личность чувствует себя погруженной в коллектив, личность недостаточно еще раскрыта и сознана» [Бердяев, с. 96].

Во-вторых, в силу природно-географического фактора проживающее на огромных просторах народонаселение было достаточно неравным по некоторым показателям, и в первую очередь – по уровню своего общественного сознания. Население европейской части России, проживающее вблизи столиц, «ощущало» непосредственную близость центральной власти и всех тех процессов рубежа XIX–XX вв., в которых рождалась новая идеология, и было сопричастно им. Что изменится после 1917 г.? Строительство нового мира подразумевает не только создание мощной материально-технической базы, но и мощный процесс общественной модернизации, что касалось абсолютно всей территории страны.

Что характерно, «...между технической и экономической модернизацией, с одной стороны, и социокультурной – с другой, существует временной зазор» [Скрынникова, Батомункуев, Варнавский, с. 3]. Если «создание нового мира», в экономическом понимании этого процесса, могло проходить в условиях всеохватных массовых усилий, а также нередко ускоряться с помощью использования властью практик, направленных на рост трудового энтузиазма, то с трансформациями общественного сознания все было не так однозначно. Здесь речь уже шла о смене мировоззренческих установок, которая изначально не могла проходить быстро. Для того чтобы внедрить в сознание человека идею его прямой причастности построению новой Великой социалистической Родины, необходимо было заполнить его мировоззрение новыми формами. Поэтому большевикам крайне важно было сформировать в сознании людей обновленную картину мира, а это было бы невозможно осуществить без непререкаемых спутников любой (в данном случае, коммунистической) идеологии – символов, сопутствующих элементов существующего миропорядка.

Историческое развитие страны показало, что в течение веков в России формировались традиции мировоззрения, которые составляли основу, на которой строилось национальное самосознание, ощущение каждым человеком своего места в мире. Основой здесь являются такие понятия, как религиозность, образ лидера, особый путь государства. Смысловое наполнение их составляют такие характеристики, как православная и другие религии, исповедуемые на территории империи, образ лидера-государя, самобытный путь развития страны, заключающийся в задаче сохранения и распространения веры. Они имели определяющее значение для государственного развития России до 1917 г. Центральное место в русской общенародной системе ценностей играла православная религия, именно на ее основе строились и функционировали остальные традиции. «В России до начала XX в. существовала православная цивилизация, которая в хозяйственной сфере опиралась на религиозные ценности. Однако на протяжении последних 100 лет многие составляющие основу русской цивилизации элементы были разрушены. Это, прежде всего, православие, которое давало ориентиры для создания и развития русской экономики, культуры и государственности» [Мартыненко, с. 1]. После падения самодержавия, победы большевиков в Октябрьской революции и последующей Гражданской войны происходит их трансформация, а именно полная замена формы при неизменности самой содержательной составляющей. Установки «религиозность – образ лидера – особый путь»

приобретают совершенно другую символическую форму, исходя из новой государственной идеологии, но при работающей прежней схеме: коммунизм как своеобразная вера, официально исповедуемая религия, образ лидера-главы большевистской партии – заступника народа, особый путь советского государства, призванного распространять в мире коммунистическую идеологию (религию). Но поставленная перед необходимостью утверждать свою власть партия большевиков, начиная со своей победы в октябре 1917 г., санкционирует появление новой символики, которая должна отождествляться в народных массах с победившими царский режим силами. В качестве примера можно привести символы: красная звезда, пионерский галстук, серп и молот, памятники Ленину и т. д. (материальные символы), а также революционные стихи, агитационные плакаты, листовки с призывами защищать революцию и т. д. (нематериальные символы). Символы были призваны направить людей в правильное идеологическое русло, настроить их на определенный одинаковый камертон, который был назван некоторыми современниками тех событий «музыкой революции».

В первые годы советской власти идеология решала задачи адаптации населения к новым реалиям жизни, а также его интеграции вокруг своего ядра против враждебных элементов (контрреволюция, страны-интервенты). Остановимся подробнее на роли этих функций в сравнении Российской империи – Советская Россия.

Дореволюционная Российская империя имела официальную идеологию, которая была, как известно, предложена министром народного просвещения С. С. Уваровым в 1833 г. в формуле «самодержавие, православие, народность». Государство продолжительное время находилось в достаточно закрытом и оторванным от Европы состоянии (нередко именуемым культурной изоляцией, последовавшей после падения в 1453 г. «старшей сестры» России – православной Византийской империи). Это замкнутое, изолированное существование, названное А. Г. Вишневским «соборным миром», из века в век, из поколения в поколение сохраняло в национальном умоностроении необходимость именно таких традиций и выражающих их символов, которые подчеркивали обособленное, отдельное от всего остального мира существование.

Безусловно, наиболее сильным и действенным в эмоциональном плане институтом являлась православная церковь. Православная религия являлась непререкаемым авторитетом для всего крещеного населения, от простого крестьянина до царя. Понимание, что православная вера является залогом существования и защиты страны, придавало церкви

необычайную силу воздействия. Непосредственная символическая связь, олицетворение православной веры в народном сознании укладывалось в образе царя – защитника веры. На протяжении веков вера в данную символическую роль государя выработала в народе устоявшуюся традицию жизни под самодержавной, абсолютной, властью с минимумом прав для подавляющего большинства населения. Такие эпитеты, как «добрый царь», «царь-батюшка», кроме очевидной цели подчеркивания своеобразного и обособленного уклада жизни в государстве, придавали государственной власти оттенок сакральности, а значит, и непререкаемости для подданных практически любых его решений. Выработанная за века царского и императорского правления народная привычка веры в символическую природу персоны царя (императора) понадобилась затем большевикам.

Наконец, на умонастроения населения России в течение долгого времени значительное влияние оказывала идея, которую условно можно обозначить как «особый путь» России. «Россия – страна особенная. У России свой особый путь развития. России предстоит великое будущее – она скажет Миру свое новое слово» [Бунаков, с. 141].

Эта идея формировалась в недрах государственного организма достаточно продолжительный период и окончательно была сформулирована в XIX в. в сочинениях славянофилов. Несомненно, ее нельзя рассматривать в отрыве от остальных. Особенности пути развития страны и ее исключение из органичного европейского мира были обусловлены, в первую очередь, упоминавшейся выше культурной изоляцией, связанной как с ролью православной веры в стране, так и с невозможностью построения более тесных связей с католической и протестантской Европой. Образ жизни абсолютного большинства населения, основанный на патриархальном укладе, с течением времени вызывал все больший протест как среди государственных деятелей, так и у представителей интеллектуальной элиты, которые предпринимали различные попытки перестройки общества (Петровские реформы, общественная деятельность западников). Эта деятельность, конечно, различалась по масштабам и достигнутым результатам, однако до 1917 г., до падения самодержавной власти, русское общество продолжало находиться под сильнейшим воздействием православия и таких его составляющих компонентов, как общинность и соборность.

Октябрьские события 1917 г. воспринимались многими как необходимость, большое значение в таком ощущении сыграла идея личности исторического развития страны, богоизбранности, синкретизма религии и государства, противопоставлявшихся распространенной на Западе свет-

ской культуре. Другими словами, с началом революционных событий можно было предположить грядущую и радикальную смену мировоззренческих ориентиров, где идея богоизбранности народа хоть и теряла свой религиозный окрас, но по сути своей осталась той же миссией обретения «новой земли», под которой следовало понимать коммунистическое общество. Однако реалии политического и социокультурного состояния тогдашнего российского общества не давали возможности коренного изменения, полной перестройки всего, что формировалось веками. Традиции до такой степени внедрились в общественное сознание, что даже революция, призывавшая все разрушить, их уничтожить не смогла. Единственным выходом из данной ситуации для будущих победителей и хозяев обновленной страны была адаптация к ним (конечно, до определенных степеней и пределов). Для дальнейшего всемерного продвижения новой идеологии не только на те социальные слои, которые активно поддержали большевиков во время Октябрьской революции 1917 г. и последующей Гражданской войны, но и на остальную часть населения огромной страны, ее высшему руководству во что бы то ни стало необходимо было управлять массовым сознанием. Как уже упоминалось выше, крайне насущной задачей стало направление мировоззренческих установок народа в необходимое большевикам русло. В формировании новой картины мира идеологи нового правления использовали старую устоявшуюся традиционность. Внешне совершенно новые идеи о светлом будущем под руководством коммунистической партии, мудрого вождя мирового пролетариата и его последователей ложились на уже достаточно подготовленную почву отношения народа к власти, выражающегося в позиции ведомой силы. Революция стала временем замены и трансформации символов и смыслов, устанавливающих новые связи, когда гармонизация и цивилизация социокультурного пространства происходила в контексте нового мировоззрения – по существу, новой религии. «Если символ есть концентрированный образ, – писал Л. Д. Троцкий, – то революция – самая великая мастерица символов, ибо все явления и отношения она преподносит в концентрированном виде» [цит. по: Скрынникова, Батомункуев, Варнавский, с. 43–44]. Действительно, со времени Октябрьской революции и практически первые два десятилетия существования Советского государства шел процесс трансформации старых политических и культурных символических форм Российской империи на новый, социалистический, лад. «Можно заменить идею царя идеей президента или генерального секретаря, но в конкретном восприятии того, кто вчера еще жил идеей царя, новым будет только название» [Вишневский, с. 195–196].

В итоге можно сделать вывод, что внедрение в массовое сознание советской идеологии являлось главной задачей проводимой большевистской властью культурной революции. Учитывая значительное влияние на формирование идеологии исторически сложившихся в политической и культурной жизни России устойчивых традиций (сила религии, вера в лидера/вождя, особенный исторический путь страны), можно отметить вполне осознанные попытки утверждения базовых содержательных основ этих традиций в политической и культурной жизни новой страны. Они были трансформированы в идеи о строительстве коммунизма, который представлялся конечной идеологией совершенного общества, возвеличиванием и дальнейшей мифологизацией создателей и лидеров большевистской партии, а также представлением о СССР как о стране, избранной нести счастливую жизнь всему остальному миру.

Бердяев Н. А. Духи русской революции. Париж, 1967.

Бунаков И. [Фондаминский И. И.] Пути России. Статья первая // *Соврем. записки*. 1920. Кн. II. С. 1–15.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Мартыненко Т. В. О роли православного мировоззрения при формировании экономической и социальной политики государства // *Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование*. 2010. № 3. С. 1–4.

Поздеева С. М. Российское общество в условиях модернизации (социально-философский анализ). Уфа, 1998.

Скрынникова Т. Д., Батомункуев С. Д., Варнавский П. К. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ, 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анфертьев Иван Анатольевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва.

Архипова Татьяна Григорьевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории государственных учреждений и общественных организаций, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва.

Багдасарян Сусанна Джамиловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет», Сочи.

Байбатырова Наиля Мунировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань.

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар.

Баранова Лидия Яковлевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Барышева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, зав. кафедрой истории и теории исторической науки, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва.

Бахарев Дмитрий Сергеевич, лаборант-исследователь научной лаборатории «Международный центр демографических исследований», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Безверхова Светлана Викторовна, аспирантка, ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», ст. инспектор отдела по исполнению административного законодательства МВД России по г. Геленджик, Армавир.

Белоголов Юрий Геннадьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь.

Беспятова Елена Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, ФГБОУ ВО «Московский технологический университет», Москва.

Бондарь Валерий Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Быкова Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Быковская Галина Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий», Воронеж.

Быстрова Татьяна Юрьевна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и дизайна, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Веселкова Наталья Вадимовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Воробьев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Гагиева Анна Капитоновна, доктор исторических наук, профессор кафедры управления информационно-документационными и социально-политическими процессами, ГОУ ВО «Коми Республиканская академия государственной службы и управления», Сыктывкар.

Гатауллина Ирина Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ», Казань.

Главацкая Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Головнёв Иван Андреевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Головнёва Елена Валентиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и дизайна, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Грибан Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», Екатеринбург.

Даренская Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, декан социально-гуманитарного факультета, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (филиал в г. Н. Тагил), Нижний Тагил.

Долгова Евгения Андреевна, кандидат исторических наук, доцент Центра междисциплинарных гуманитарных исследований, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва.

Егорова Людмила Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-экономических дисциплин, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва.

Ермишин Олег Тимофеевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», Москва.

Ершова Галина Гавриловна, доктор исторических наук, профессор, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва.

Ефимов Александр Александрович, зав. отделом технических средств обучения, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Заболотных Елизавета Александровна, младший научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Заельская Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», Оренбург.

Запарий Василий Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Зубкевич Лада Альбертовна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», Нижний Новгород.

Ильющенко Надежда Сергеевна, научный сотрудник, ГНУ «Институт философии национальной академии наук Беларуси», Минск, Республика Беларусь.

Ирвин Дакота (Dakota Irvin), PhD Candidate, Университет Северной Каролины, Чапел Хилл, США.

Исаев Виктор Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, Новосибирск.

Каиль Максим Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель научных программ НОЦ «История советской и постсоветской России», доцент кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Смоленск.

Килян Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления,

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Кириллов Виктор Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» (филиал в г. Нижний Тагил), Нижний Тагил.

Клинова Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и экономической истории, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург.

Кобозева Зоя Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Самара.

Козлов Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Кондратюк Григорий Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь.

Коскова Анна Сергеевна, аспирант, ученый секретарь Центра исследований «Южная Европа» Таврической академии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь.

Ланца Даниэле, PhD Candidate, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет», Санкт-Петербург.

Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова», Магнитогорск

Малышева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань.

Матюшин Петр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», Чебоксары.

Меерович Марк Григорьевич, доктор исторических наук, доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования, ФГБОУ ВО «Иркутский Национальный исследовательский технический университет», Иркутск.

Мельников Никита Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

Некрасов Станислав Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и дизайна, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Ольшевский Валерий Георгиевич, кандидат экономических наук, независимый исследователь, Минск, Республика Беларусь.

Пантюхина Татьяна Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии, ФГБОУ ВО «Курганский государственный университет», Курган.

Петров Владимир Валерьевич, кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, Новосибирск.

Полякова Ирина Вадимовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», Смоленск.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Розенблат Евгений Семенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, УВО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест, Республика Беларусь.

Романовский Вячеслав Константинович, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории и обществоведческих дисциплин, ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», Нижний Новгород.

Рынков Вадим Маркович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, Новосибирск.

Садовский Якуб (Jakub Sadowski), доктор исторических наук, кандидат филологических наук, зав. кафедрой языковой и культурной коммуникации Института восточнославянской филологии, Ягеллонский университет, Краков, Польша.

Самсонова Татьяна Николаевна, доктор политологических наук, профессор социологического факультета, ФБГОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва.

Сапон Владимир Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет)», Нижний Новгород.

Семерикова Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальных технологий, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Сибiryakov Игорь Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», Челябинск.

Славко Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственного и муниципального управления Выборгского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Выборг.

Соловьева Ирина Абрамовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», Киров.

Соловьева Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Тарасютинa Евгения Валерьевна, аспирант, младший научный сотрудник исторического факультета, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», Москва.

Тепляков Дмитрий Александрович, магистр истории, независимый исследователь, Омск.

Терешина Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Брянск.

Ткачева Галина Анатольевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, профессор ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет», Владивосток.

Торвальдсен Гуннар, профессор, PhD, директор центра документации Университета Тромсе, Норвегия; главный научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований», ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Трофимов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры общей и экономической истории, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург.

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», Краснодар.

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Екатеринбург.

Хлевов Александр Алексеевич, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры документоведения и архивоведения, директор Центра исследований «Южная Европа» Таврической академии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», Симферополь.

Хомяков Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, лаборант-исследователь отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ.

Шаманаев Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург.

Шепелева Валентина Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии, ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского», Омск.

Щербаков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», Уфа.

Шмелев Сергей Анатольевич, аспирант кафедры отечественной истории и археологии, ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара.

Dmitry Shlapentokh, PhD, Associate Professor, Университет Индианы, Саут-Бенд, США.

SUMMARY

Section 1

CONSTRUCTION OF SOVIET REALITY: ATTITUDES, APPRAISALS, APPROACHES

Olga Porshneva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

The New Person in the Revolutionary Soviet Project:

Key Problems of Modern Historiography 6

The article describes the new areas of research in modern historiography as regards the problem of cultivating the New Person in the early Soviet society. An overview of studies on the doctrinal, discursive, and pragmatic aspects of this problem is provided. It is emphasized that in modern historiography, the phenomenon of the 'New Person' is often analyzed as a component of the revolutionary Soviet project and that it is put into the European context as one of the variants of social engineering in modernity. The article focuses on studies of the actual transformations in the consciousness and behaviour of Soviet people, the related debates in source studies and the most significant conclusions made by these researchers.

Key words: historiography; early Soviet society; New Person; social engineering; consciousness' behaviour.

Oleg Gorbachev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: og_06@mail.ru

'Soviet Project' in Western Historiography 19

The article focuses on the place of ideology of the 'Soviet project' in the Western historiographical discourse. The 'Soviet project' encompassed Bolshevik plans and programs that determined the structure of the Soviet system and its operation modes. The article outlines the reasons why this topic was often overlooked by most major schools of historical research that studied the history of the Russian Revolution and the early Soviet society. The views of Richard Stites and Peter Beilharz are described. The problem of ideology of the 'Soviet project' undoubtedly requires further exploration as a part of the larger topic of social engineering in the early Soviet society.

Key words: 'Soviet project'; Russian Revolution; early Soviet society; Western historiography.

Valentina Shepeleva

Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: vshepel@rambler.ru

Inversive Concept of the October Revolution

and the New Economic Policy and the Problem

of the Revolutionary Democratic Alternative 30

The article considers the place and the role of the revolutionary democratic alternative in the revolutionary process of 1917, in Vladimir Lenin's views and in Soviet policy.

K e y w o r d s: revolutionary democratic alternative; revolutionary democratic dictatorship; revolutionary democracy; Bolsheviks; revolutionary process of 1917; state capitalism; subject orientation; socialism; New Economic Policy.

Aleksandr Kozlov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: alarich@olympus.ru

**Modern British and American Historiographic Approach
to the Soviet Policy of 1920s and 1930s**

as a Manifestation of Byzantinism 40

The article discusses attempts of contemporary Western historiographers to evaluate the domestic and foreign Soviet policy (mainly in the period of social reconstruction) as a manifestation of the so-called 'Byzantinism'. Byzantinism is thus seen as the continuity of Russian politics with that of the Byzantine Empire. This theory was substantiated by such thinkers as K. Leontiev and V. Soloviev. The article demonstrates the inconsistencies in the usage of the concept of 'Byzantinism' in this context and explains why the attempts to apply this approach have failed to bring any significant results so far.

K e y w o r d s: modern British and American historiography; social reconstruction; Western sovietology; Byzantinism.

Oleg Ermishin

House of Russia's Emigrant Culture and History n. a. Alexandr Solzhenitsyn,
Moscow, Russia

E-mail: oleg_ermishin@mail.ru

Political and Historiosophical Works of Boris Yakovenko (1917–1922) 49

The article focuses on political and historiosophical views of Boris Yakovenko and his attitude to the 1917 Revolution, Bolshevism, and the early years of Soviet rule. After emigration, Boris Yakovenko lived in Italy. He was a revolutionary democrat and therefore he enthusiastically welcomed the fall of Russian monarchy and supported the Provisional Government. In his articles in Italian newspapers Yakovenko predicted that the Revolution would lead to the triumph of freedom and democracy in Russia. He also proposed his own projects of social transformations and solutions to European problems. At a later stage, he wrote books on the Bolsheviks' victory and the events of 1917–1922 such as 'History of the Great Russian Revolution' and 'Philosophy of Bolshevism'. Yakovenko opposed the Bolsheviks' policy and advanced his program of 'revolutionary idealism', in which he advocated the need to overcome political egotism and arbitrariness and asserted the value of freedom and the creative force of the revolution.

K e y w o r d s: Revolution; Bolshevism; policy; historiosophy; democracy; freedom; World War I; Soviet Russia; Italy.

Stanislav Nekrasov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: nekrasov-ural@yandex.ru

**Fabian Utopianist and Revolutionary Idealist:
Meeting of Vladimir Lenin and H. G. Wells and their Discussion
of the Revolution, Culture and Social Reconstruction 56**

H. G. Wells, the author of the famous book 'Russia in the Shadows', who created a parody of Vladimir Lenin as the 'Dreamer in the Kremlin', envisioned the time when aviation would become the most powerful weapon of mass destruction in the war to come. When Lenin and Wells met, they conversed about the future awaiting big cities after the arrival of communism, when they would become nothing but historical monuments. Wells found a discrepancy between accelerated communism and the 'evolutionary collectivism'. The 1920 mass pageant 'Towards the Worldwide Commune' demonstrated the pyramid of social exploitation in the global capitalist society. Many of Wells's works discussed the strategic military doctrine that was supposed to realize the first in the world imperialist utopia. According to Lev Trotsky's memoirs, Vladimir Lenin noticed and pointed out this fact to the writer.

Key words: science fiction; evolutionary collectivism; Vladimir Lenin; H. G. Wells; realistic revolutionary; Fabian utopianist; mass pageant; 'Towards the Worldwide Commune'; *'frantsuzskaya gorka'*; open government; 'The Open Conspiracy'; strategic military doctrine; imperialist utopia.

Viacheslav Romanovsky

Novgorod Institute for Development of Education,

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: vkroman@mail.ru

Soviet Russia in the 1920s in Nikolai Ustryalov's Works 62

The article discusses Nikolai Ustryalov's views on economic, social, and political transformations of Soviet Russia in the NEP period. Nikolai Ustryalov believed that the Bolsheviks had abandoned their utopian plans of enforcing communism and had focused on the important goals of the country's national development.

Key words: Nikolai Ustryalov; Russia in the 1920s; New Economic Policy; new social groups; political and legal transformations; evolution of Bolshevism.

Dmitry Teplyakov

Independent researcher, Omsk, Russia

E-mail: zsookrd@gmail.com

Concept of Socialist Society in Alexander Bogdanov's 'Red Star' 71

The socialist utopia 'Red Star' (1908) written by Alexander Bogdanov after the failure of the 1905–1907 Revolution reflected his hopes for the new rise of the revolutionary movement and provided an 'ideal' model of the future communist society. 'Red Star' is particularly important as a historical source because it reveals Bogdanov's internal dialogue through various characters of the novel. The clashing points of view

in the novel bring to light the contradictions inherent in Bogdanov's own worldview. These contradictions are impossible to find neither in his essays nor in his theoretical and methodological works. In addition, this novel contains a number of interesting predictions and warnings about the future.

K e y w o r d s: Alexander Bogdanov; socialist society; 'Red Star'; social utopia; socialist revolution; Marxism; positivism; role of personality in history; intellectual history; historical anthropology.

Olga Tereshina

Independent researcher, Bryansk, Russia

E-mail: starushkja@yandex.ru

**October Revolution in the American Scientific Press
of 1918–1922 78**

The analysis of the American scientific press of 1918–1922 brings to light the stance taken by American historians in 1918–1920, in particular their views on the causes of the Russian Revolution and their recommendations to the American government in this regard. These researchers identified historical, social, and political factors that led to the October Coup. They also emphasized that America needed to protect its own interests in this situation and to disseminate its variant of democracy all over the world. Taking it as a point of departure, however, that every country can choose its own way of development, the American authors highlighted the uniqueness of the social experiment staged by the Bolsheviks and encouraged their readers to draw their own conclusions.

K e y w o r d s: the scientific press of the United States of 1918–1922; American researchers; October Revolution; causes of the revolution; intervention; criticism of the US government.

Nailya Baybatyrova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

E-mail: aulova83@mail.ru

**Russian Émigrés' Perception of Socialist Ideology
and Soviet History in the Second Half of the Twentieth Century 87**

The article provides a general overview of social and political writings of Russian émigrés and their perception of Soviet history as a part of a global process. Many world-famous authors as well as lesser-known writers and public figures who left Soviet Russia in the 'Third Wave' of the Russian emigration approached socialism both as a doctrine and political order and tried to uncover the true origins of Bolshevism. The article analyzes these authors' letters, articles, manifestos and monographs and brings to light their perception of the historical events in Soviet Russia.

K e y w o r d s: socialism; ideology; Soviet history; social and political writings of Russian émigré authors; exiled Russian writers.

Irina Griban

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: gribanirina@gmail.com

The ‘Epoch of the Revolutions’ on the Pages of the Russian-German History Textbook: its Origins and Impact 93

The history textbook ‘Russia-Germany. Milestones of the Joint History in the Collective Memory. Twentieth Century’ was published in 2015. This book came out in the middle of the ‘Ukrainian crisis’, when Russia’s relations with Western countries were particularly tense. Thus, the publication of this book became not only a major historiographical but also political event. One of the milestones in the history of Russia and Germany in the twentieth century was the so-called ‘epoch of the revolutions’. The article analyzes the approach adopted by Russian and German historians to the study of the 1917 Revolution in Russia and the November Revolution in Germany.

K e y w o r d s: Russian-German committee of historians; October Revolution; November Revolution; Russian-German history textbook; milestones; collective memory.

Section 2

VOICES OF HISTORY: FROM SOURCES TO INTERPRETATION

Aleksandr Efimov

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: yefimov@mail.ru

Development of the Database ‘All-Russia Communist Party Census of 1922. Ekaterinburg *Guberniya*’ 99

The article describes the author’s experience of developing an efficient structure and interface for the database on the ‘All-Russia Communist Party Census of 1922’. This task was particularly important since it ensured that the data should be both machine readable and human readable.

K e y w o r d s: Dublin Core; DSpace; table; metadata.

Svetlana Malysheva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

E-mail: svetatuebingen@mail.ru, Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

‘Good Death’ in the Necrological Discourse of Early Soviet History 103

The article discusses representations of heroic sacrificial death in the early Soviet necrological discourse and shows how these representations were connected to the cult of youth and the cult of ‘fallen Red heroes and leaders’, which constituted an important part of the Soviet system of cultural symbols. The public attitude towards this idealized form of death and other scenarios of death underwent certain transformations in the first decades of the Soviet regime.

K e y w o r d s: history; death; historical and thanatological research; Soviet Russia.

Vadim Rynkov

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of History,
Novosibirsk, Russia
E-mail: vadsvet@list.ru

**Newspaper ‘Zabaikalsky Rabochy’ as
a Means of Bolshevik Propaganda
in Rural Areas (March 1917 – June 1918) 111**

The article explores the propagandist function of newspaper ‘Zabaikalsky Rabochy’ during the 1917 Revolution and the period when the Bolsheviks came to power in Trans-Baikal region. The editorial staff of this newspaper consisted of experienced agitators, mostly Bolsheviks, who used news reports to influence political and ideological views of their readers. Thus, this newspaper engaged in propaganda in order to shape the public opinion before the Civil War, presenting it as an inevitable struggle with the class enemy.

K e y w o r d s: Revolution; causes of the Civil War; periodical press; ideology; agitation; propaganda.

Vladimir Sapon

Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: vladimail2008@mail.ru

**‘What Will Happen after Lenin Dies?’ Predictions
and Myths in the American Mass Media about the Changes
in the Soviet Government in 1922–1924 121**

This articles analyzes the views expressed in the American press about processes within the Soviet political elite between 1922 and 1924.

K e y w o r d s: American press; Soviet political elite; 1922–1924.

Marina Klinova, Andrey Trofimov

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia
E-mail: klinowa.m@yandex.ru; 2519612@rambler.ru

**Evolution of the Representation of the October Revolution
in Magazine ‘Krokodil’ in the 1920s and 1930s 130**

The article focuses on texts and illustrations in magazine ‘Krokodil’ in the 1920s and 1930s to investigate how the October Revolution was represented by the Soviet press. ‘October 1917’ was shown as a milestone event, a sacral value and a symbol. Moreover, it was used not only as an individual symbol but combined with other elements to create new symbols and construct the ideologically ‘appropriate’ interpretations of the more contemporary events.

K e y w o r d s: Revolution; October; representation; symbol; propaganda; 1920–1930s; ‘Krokodil’; USSR.

Section 3

ALL POWER TO THE SOVIETS? UTOPIAS OF PEOPLE'S POWER
AND THE REALITY OF STATE-BUILDING

Ivan Anfertyev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: vestarchive@gmail.com

**Military, Political, and Economic Crisis of 1919
and the 1920s and the Efforts of the Bolshevik Party to Tackle it 139**

The article analyzes the efforts the Bolsheviks took to tackle the crisis in Soviet Russia in 1919 and the 1920s. This crisis was caused by Vladimir Lenin and other Party leaders' attempts to spur the world revolution and to enforce the Communist dictatorship in Russia in the course of the Civil War. The New Economic Policy (NEP), which was widely promoted through the Bolshevik-controlled mass media, was considered as a temporary policy to accompany the Party's dominant non-economic mobilization policy based on forced labour; abolition of private property and free trade; and complete alienation of public property from the people and Party officials. This approach led to the appearance of 'professional' Party functionaries, who had no suitable education or experience but nonetheless occupied top executive positions. The privileged status of this group negatively affected the popularity of the Bolshevik Party, which destabilized the situation within the Party in the 1920s and 1930s.

K e y w o r d s: Russian Communist Party (Bolsheviks); Soviet government; ruling political party; protest movement; Vladimir Lenin; Joseph Stalin; Leon Trotsky; archival documents.

Tatyana Arkhipova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: archipova-iai@yandex.ru

**Reforms of the Soviet State Apparatus in the 1920s and 1930s
in the Context of Social Engineering 152**

The article examines the history of economic, administrative and social reforms and evaluates their impact on the organization and operation of the Soviet state apparatus in the centre and the regions in the interwar period (1920s and 1930s).

K e y w o r d s: social engineering; interwar period; reforms and reorganization; state apparatus; people's commissariats; Soviets.

Valery Bondar

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: bondar1213@yandex.ru

**Building up of the Bolshevik Party as an Instrument of Power
in the Early Soviet Society: Ideas and their Realization 160**

The article focuses on the role of the Bolshevik Party in the social engineering project implemented in 1917–1936. Although the Party did not have an official status

of a governing body, it managed to grow from a militant organization of the War Communism period to the leader of socialist reforms in the NEP period and then to the ruling party during industrialization and collectivization. Through experimenting and theorizing, the Party developed two approaches to interaction between the Party bodies and various enterprises, organizations, and institutions. The first approach was based on direct administration and mobilization campaigns used as emergency measures in the period when the Party was struggling to retain control over the population. The second approach involved recruiting and controlling cadres for these organizations and started to prevail in later periods after the end of the Civil War. This approach did not totally replace the first but instead they complemented each other.

K e y w o r d s: social engineering; Bolshevik Party; militant organization; ruling party; leadership; mobilization; control.

Irvin Dakota

South Caroline University, Chapel Hill, USA

E-mail: dirvin1@live.unc.edu; dakota.irvin@gmail.com

Revolution, Civil War

and the Origins of Soviet Communal Governance,

1917–1933 (the Case of Ekaterinburg) 167

This article discusses the origins and the early years of Soviet collective government, putting a special emphasis on municipalization, private property and local administration. Not trying to diminish the revolutionary significance of these events, the author finds it necessary to highlight the continuity of tradition that connected Soviet management of state and private property with that of the previous governments. It is concluded that the ‘revolutionary’ transformations that followed the New Economic Policy in 1921 did not bring any radical changes in the sphere of municipal or communal administration.

K e y w o r d s: Revolution; Civil War; local government; White movement; requisition; municipalization; communal governance; Soviet government; Russian Soviet Federative Socialist Republic; NEP.

Mark Meerovich

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

E-mail: memark@inbox.ru

‘He who does not work does not live...’:

Soviet System of Forced Labour

(Work Books, Passports, and Registration) 176

The article discusses the reasons for introduction of work books, identification documents, internal passports, and other documents that were used to control the population and to guarantee the labour force for the national economy through the universal labour conscription mechanisms.

K e y w o r d s: passport; registration system (*propiska*); work book; mobilization economy; population surveillance; forced labour.

Aleksandr Shcherbakov

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

E-mail: as19792004@mail.ru

Soviets as the Government of the People?**Transformations of Local Government Bodies 187**

The article focuses on the transformations in the legal status of the Soviets as local government bodies and outlines some of the milestones in the development of the Soviets as a system of people's government from 1918 until the late 1930s. The Soviets originated as a grassroots effort – as councils of workers, soldiers and peasants' deputies, in the period when the majority of the population had no voting rights, and were transformed into the Soviets of Workers' Deputies elected by universal suffrage.

K e y w o r d s: local government; local authorities; Soviets; government of the people; representation of the people; Lensoviet; Petrosoviet; deputy; social policy.

Svetlana Bezverkhova

Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia

E-mail: bezverkhova_84@mail.ru.

Revolutionary Law as a Socialist Project 194

A thorough study of the political and legal concept of 'revolutionary law' introduced by the Bolshevik Party revealed that it first appeared in 1921. It was a projective category whose procedural aspect largely depended on judicial practice. The author deconstructs the way the metaphor of 'punitive and therapeutic nature of revolutionary law' was formalized legally and helps us grasp the peculiar hybridity of law and lawlessness that entailed procedural manipulations with categories of law and lawlessness depending on the political climate and the purposes of the government.

K e y w o r d s: legality; lawlessness; revolutionary law; terror; law; mutiny; revolution; partocracy; socialism.

Evgeniya Tarasyutina

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: limonza@mail.ru

Issues of the Notariat and the Law of Succession**in the Early Years of the Soviet Rule 203**

From the very beginning, the Soviet legal system presupposed a need for the system of notaries, even though the Bolshevik Party leaders and Soviet legal scholars debated this question. The Revolution modernized the legislation, which included the system of notaries and the law of succession, bringing in what had been planned but never realized before (for example, the Civil Code). The NEP period is thought to have brought back the system of notaries, although in fact it had never really ceased to exist.

K e y w o r d s: Notariat; War Communism; NEP; last will; USSR; Civil Code; reforms; history of everyday life.

Yury Belonogov

Perm National Research Polytechnical University, Perm, Russia

E-mail: ugb78@mail.ru**Traditions and Innovations of Soviet Legislation Used to Enhance the Labour Discipline in 1938–1940 213**

The article discusses the role of tradition and new trends in legislative and regulatory compliance practices associated with the two legal acts of 1938 and 1940, which were intended to reduce the economic impact of industrial staff absenteeism and turnover. The article explores the development of the concept of ‘*progul*’ (unauthorized absence at work) and the changes in the sanctions against breaches of the labour discipline. Thus, a conclusion is made that these legal acts pursued similar goals and consistently developed the same trends in lawmaking. By the late 1930s, the conditions on the labour market had changed (there was an excess of demand over supply) and the old methods of retaining employees had proven to be inefficient. Implementation of the legal act of 1938 led to an increase in the number of breaches of labour discipline and to an increase in the staff turnover. The managerial personnel resisted the regulatory practice introduced by this legal act. The author shows that the Decree of 26 June 1940 was necessitated by the low efficiency of the previously applied policy and changed the government’s priorities in the regulation of labour discipline. This Decree thus laid the foundation for the new legislative framework.

Key words: Decree of 26 June 1940; labour discipline; absenteeism; labour turnover; criminalization of absenteeism; penal policy.

Section 4

**ECONOMICS IN THE PERIOD OF SOCIALIST RECONSTRUCTION:
BETWEEN THE COMMUNE AND THE MARKET*****Alexey Kilin***

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: Alexey.Kilin@urfu.ru**New Economic Policy as a Management Model:
Problem of Interpretation 222**

Economic history studies employ methods of fundamental and applied economics. Such fields as marketing and management also hold enormous potential since they develop more dynamically and are more practically oriented. Application of their methods to study such peculiar period of Russian history as the New Economic Policy allows us to take a new look at a number of relevant research topics. The NEP model was both contradictory and ambivalent. In all likelihood, it included several models that not only complemented but also at times contradicted each other. In this article, the author focuses on the two of these models: the model of management for a multi-structural economy and the territorial-market model of regional policy. The research makes a special emphasis on the impact of the theoretical and empirical experience on the development and implementation of these models in the process of social construction.

Key words: New Economic Policy; model; economic structure; multi-structural economy; plan; market; economy; policy; region.

Anna Gagieva

Komi Republican Academy of State Service and Management,
Syktyvkar, Russia
E-mail: gngkol2@mail.ru

**‘Nationalization’ of Cooperation as a Part of the Evolving
Administrative-Command System of Governance (1917–1920) 232**

The article discusses the development of the administrative-command system of governance in the early Soviet period and describes the factors that led to the ‘nationalization’ of cooperation.

Key words: administrative-command system; cooperation; Tsentrosoyuz (Central Union of Consumer Societies); Komi Region; cooperative shareholder.

Irina Gataullina

Kazan National Technical University, Kazan, Russia
E-mail: Gataullina.irina2010@yandex.ru

**NEP in the Middle Volga Region: the Regional Dimension
of the Bolshevik Reconstruction Project 240**

The article critically assesses Lenin’s scheme of implementing the socialist project at the stage of the New Economic Policy. The turn to capitalism was justified as being the only way to save the country from the disastrous consequences of the War Communism. It was seen not as a temporary concession but as a necessary measure after all the other options were exhausted. The author contends that on the regional level the NEP proved to be efficient since it relied on the experience accumulated by people living in these areas.

Key words: Lenin; NEP; Middle Volga; capitalism; market.

Vasily Zapary

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia
E-mail: pantera.zap@gmail.com

**Defence Industry in the Context of Social Transformations
in Russia (1917–1941) 248**

The article discusses changes in the defence industry in the context of larger social transformations initiated by the Bolshevik Party. The author describes the stages and characteristics of the industrial policy and evaluates the socialist, command-bureaucratic model of economic management. The Bolsheviks’ views on the role of defence industry changed significantly throughout the given period: in the beginning, the Party did not attach much significance to this industry and strove to stabilize the situation as the Bolshevik leaders were waiting for the ‘global revolution’ but at later stages the classical Soviet approach started to prevail, which implied prioritizing military production to ‘build socialism in one country’.

K e y w o r d s: October Revolution; socialist economy; defence industry; policy; modernization; Bolshevism; industrialization.

Svetlana Zaelskaya

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

E-mail: sv_a_z@mail.ru

**The Role of Consumer Cooperation in Southern Urals
in the Socialist Transformations in the Economy
during the Civil War 259**

The article investigates consumer cooperation and its impact on the economy of Southern Ural regions during the Civil War. Relations between the cooperative movement and the Soviet government are analyzed to identify the main problems that cooperative members faced in their work.

K e y w o r d s: cooperative movement; consumer cooperation; consumer commune; Civil War; War Communism.

Lada Zubkevich

Nizhny Novgorod National Research State University,

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: zubk@rambler.ru

**Cooperation as a Transitional Form of Social Development
during the Periods of Instability (Second Half
of the Nineteenth Century and the Early Twentieth Century) 266**

The article focuses on periods of instability: from 1860 to the 1880s and from 1917 to 1929, which were characterized by advancement of cooperation as a transitional form of social development.

K e y w o r d s: stable and unstable period of historical development; transitional period; social system; historical process; transitional forms of social development; cooperative principles.

Grigory Kondratyuk

Crimean Engineering Pedagogical University, Simferopol, Russia

E-mail: kondratjukkipu@gmail.com

**Socialist Reconstruction of Industry and Indigenization
in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic:
Factors of Mutual Influence (1920s and 1930s) 274**

The article analyzes reforms of the Crimean industry in the interwar period and the main trends of indigenization (*korenizatsia*) in enterprises of local jurisdiction and those of all-Union significance.

K e y w o r d s: indigenization (*korenizatsia*); Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic; industrialization.

Nikita Melnikov

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia
E-mail: meln2011kit@gmail.com

**Implementation of the GOELRO Plan in the Urals:
from the First Factory Networks
to the Region's Integrated Energy System (1920s and 1930s) 284**

Development of the energy system in the Urals started in the 1920s after the GOELRO Plan was adopted. The first step was the interconnection of generating systems of individual factories. Between the 1920s and 1930s, district power stations were launched and the integrated energy system 'Uralenergo' was developed. It was a complex process that brought somewhat mixed intermediate results and the overall success of the plan seemed dubious. However, it was the development of the region's own sources of energy that contributed to its transformation from a deeply provincial mining region that used the water wheel to make electricity into one of the most economically advanced parts of Russia.

K e y w o r d s: Urals; GOELRO; industrialization; fuel; power engineering; power stations.

Valery Olshevsky

Independent researcher, Minsk, Belarus
E-mail: valgol46@mail.ru

'Moneyless Socialism': Utopia that Failed to Become a Project 292

The article describes the Bolsheviks' attempt to build a 'society of justice' in Soviet Russia. The conclusion to be drawn is that 'moneyless socialism' is probably hardly translatable. It would make sense to say that 'moneyless socialism' does not mean a society without money but rather a society in need of money.

K e y w o r d s: 'moneyless socialism; Vladimir Lenin; World Socialist Revolution; inflation; society of justice; extinction of money.

Olga Semerikova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
E-mail: olgasemerikova8@yandex.ru

Agricultural Rural Communes in the Urals (1918–1925) 300

The article discusses the Bolshevik policy of establishing agricultural communes, which was a part of the general communist project to create a new socialist reality in the village. The author focuses on the case of agricultural communes in the Urals, describing the process of their creation and operation between 1918 and 1925. The analysis of archival sources has revealed the following objective impediments to the implementation of the Bolshevik project: firstly, the majority of peasants were reluctant to accept socialist transformations of production relations and, secondly, agricultural communes proved to be inviable when the government's utopian ideas conflicted with the indi-

vidual interests and abilities of commune members and the mechanisms of the market economy. The government strove to maintain this model of socialist production by granting them legal and fiscal privileges and providing them with management assistance. The government strove to maintain this model of socialist production by granting agricultural communes legal and fiscal privileges and providing them with management assistance.

K e y w o r d s: agricultural commune; communist project in the village; history of the Urals in the twentieth century.

Irina Solovieva

Vyatka State University, Kirov, Russia

E-mail: soloweowaira@yandex.ru

Tackling Unemployment in Vyatka *Guberniya* in the NEP Period 312

The article describes the measures taken by the government of Vyatka *guberniya* to tackle unemployment in 1921–1928. The author analyzes the statistics calculated from the data of the documents from the State Archive of Kirov Region. The government sought to address the unemployment problem by assisting the unemployed in finding jobs in different industries inside and outside the *guberniya*; by organizing work teams (*kollektiv*) of the unemployed; and by dealing with the youth unemployment.

K e y w o r d s: Vyatka *guberniya*; New Economic Policy; Vyatka Labour Exchange; unemployment; work teams of the unemployed; unemployed adolescents.

Mikhail Feldman

Ural Branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg, Russia.

Ekaterinburg, Russia.

E-mail: feldman-mih@yandex.ru

‘General Plan of Development of Ural Region for 1926–1941’: Between the Myth and Reality 322

The article analyzes an important historical document – ‘The General Plan for the Economic Development of the Urals in the Period Between 1927 and 1941 and Prospects of the First Five-Year Period (Materials for the General Plan of the RSFSR and USSR)’. It is concluded that the goals described in the General Plan corresponded to the stage of early industrial modernization. The positive meaning of this process, however, was concealed by the methodology of ‘socialist building’.

K e y w o r d s: Ural region; General Plan; industrialization; Soviet period; Ural Plan; industrial complex; zoning; region; cooperation.

Section 5

CITY AS AN OBJECT AND SPACE FOR SOCIAL ENGINEERING

Tatiana Bystrova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: taby27@yandex.ru

Destroying the Old and Flirting with the Government:**Architectural Practice of Moisei Ginzburg in the 1920s and 1930s 333**

The article describes various aspects of artistic philosophy of Constructivist architect Moisei Ginzburg and reveals the potential of the Constructivist method and the impact it had on modern architecture.

Key words: architecture; Constructivism; style; method; architectural engineering; Moisei Ginzburg.

Elena Glavatskaya

International Demographic Unit, Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Dmitry Bakharev

International Demographic Unit, Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

E-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

Elizaveta Zabolotnykh

International Demographic Unit, Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

E-mail: elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Gunnar Thorvaldsen

International Demographic Unit, Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia

E-mail: gunnar.thorvaldsen@uit.no

Religion in the Landscape of an Early Soviet City:**Ideas, Myths, and Meanings (the Case of Ekaterinburg-Sverdlovsk) 340**

The article analyzes changes in the landscape of Ekaterinburg-Sverdlovsk in the period of the early Soviet building. Building a society that would be free of religion was a part of the social modernization project initiated by the Bolsheviks. This project included elimination of religious institutions that dominated the architectural landscape of the city centre. Places of worship were shut down, destroyed or converted to other uses. Between 1919 and 1928, the authorities gave preference to the latter variant due to the real infrastructural problems they were facing at that time and the high level of religiosity among the population. An active campaign to liquidate religious landmarks started in 1929 and led to closing down of almost all religious communities, including the Lutherans, Catholics, and Muslims. The only signs of the city's religious landscape, were left in cemeteries, which served as foci of religious

activities. By 1941, in Sverdlovsk there was only one officially open Orthodox church with the adjoining cemetery. There was also a synagogue, which was left as the only religious site in the historical part of the city because it was standing next to the building of *mikvah* (ritual bathhouse). The existence of the latter seemed to fit in well with the socially orientated plan of the early Soviet city.

K e y w o r d s: history of religion; USSR; anti-religion policy; religious landscape; early Soviet project; city.

Victor Kirillov

Nizhny Tagil Branch of the Russian State
Professional Pedagogical University,
Nizhny Tagil, Russia
E-mail: history_vmk@mail.ru

**Formation of the Concept of ‘Sotsgorod’ (Socialist City)
and Identity of its Builders**

(the Case of Nizhny Tagil in the 1920s and 1930s) 354

The article aims to analyze the impact of the concept ‘*sotsgorod*’ (Soviet city) on the identity of those who built such cities in the Urals and to describe the evolution of this concept. The research relies on the studies of the concept of ‘*sotsgorod*’ and the memoir written by one of Nizhny Tagil builders. The conceptual framework is based on the social engineering theory; new social history; socio-cultural anthropology; and content-analysis methods. The conclusion is made that the romantic idea of a garden city was turned into its complete opposite – barrack-like settlements located around industrial facilities. The project for creation of the new collectivist personality was partially realized but the society was split into enthusiastic supporters of this idea and its victims.

K e y w o r d s: concept ‘*sotsgorod*’; social engineering; identity; community; collectivist personality; mobilization economy.

Igor Sibiryakov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
E-mail: sibirjkovig@mail.ru

**Sevastopol Experiment: Construction
of the New Soviet Cultural and Historical Space of the City 364**

The article focuses on the case of Sevastopol in the 1920s and 1930s and analyzes the unique characteristics of this city and how they affected the mechanisms of construction of the new Soviet cultural and historical urban space, in particular the role of museums and monuments in the process.

K e y w o r d s: construction; cultural and historical space; museums; monuments; Sevastopol.

Ivan Uporov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs,

Krasnodar, Russia

E-mail: uporov@list.ru

**Housing for the Working Class: Problems and their Solution
in the Early Years of the Soviet State 373**

The article discusses attempts to solve the problem of housing for the working class shortly after the October Revolution of 1917 with the help of grandiose projects such as garden cities and ‘life and labour communes’. However, even though these projects were remarkable from the architectural and functional points of view, they proved to be infeasible and were eventually rejected.

K e y w o r d s: Revolution; working class; housing problem; garden city; ‘life and labour commune’; housing.

Section 6

CULTURAL REVOLUTION AS A SOCIAL PROJECT

Galina Ershova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: ga.gav@mail.ru

Cultural Revolution as a Mechanism of Social Transformation 381

The period following the October Revolution of 1917 showed that it was difficult for the new government not only to retain the power but also to prevent the society from falling apart since people generally resisted change and, being ready to destroy, they were not ready to invest their effort into building something new. Therefore, it was no coincidence that almost immediately after the Bolsheviks came to power and established their control over the vast territory of Russia that they launched the process of cultural revolution, which meant changing the mentality of people in order to involve them into the new social system. The cultural revolution presupposed not only a change of ideology but also new ideals and new objectives. What made this task even more challenging was that it had to be realized in the country with diverse ethnic and cultural background.

K e y w o r d s: Russia; October Revolution; anthroposystem; social transformation; change of ideology; cultural revolution.

Jakub Sadowski

Jagiellonian University, Krakov, Poland

E-mail: jakub.sadowski@uj.edu.pl

Collapse of the Utopia as a Cause of Stalinism 389

A developed comprehensive system of state mythology is essential for a totalitarian society of the secondary tribal type, which is characterized by mythical, binary world-view. Creation of myths excludes utopian consciousness. Totalitarianism is possible

only if the utopian perspective is forced out of the public life, if all discourses that integrate developed societies are mythologized; and the civil mind is neutered by the reduction of all identities. Therefore, to build a totalitarian state it is necessary to reinterpret the functions of all the originally utopian texts. As an example of such a text, the article analyzes the first Soviet state anthem – ‘The International’.

K e y w o r d s: Stalinism; utopia; myth; mythology; USSR.

Tatyana Slavko

Vyborg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

E-mail: tislavko@yandex.ru

Formation and Development of the Soviet System of Higher Education and its Social Impact in the 1920s and 1930s 399

The article discusses the reforms of higher education carried out by the Soviet government from the 1920s to the early 1930s. These transformations involved changes that affected the academic staff, admission procedures, and the management system. The article also describes the social impact of these processes.

K e y w o r d s: early Soviet period; reforms; higher education.

Evgeniya Dolgova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: Dolgova-evg@rambler.ru

‘Project-Based Science’: Scientists and State Management of Science in the Post-Revolutionary Years 405

The article analyzes research initiatives that received or were denied government support in the first post-revolutionary years. The materials used are the memo of A. S. Lappo-Danilevsky on the establishment of the Institute of Social Sciences and a similar document written by V. M. Bekhterev on the establishment of the Institute for Brain Research. Thus, conclusions are made about the priorities of the Soviet government in granting state support to research projects and the reactions of the academic community.

K e y w o r d s: state management of science; research policy; mobilization of science; Institute of Social Sciences; Institute for Brain Research; A. S. Lappo-Danilevsky; V. M. Bekhterev; Science Department of the People’s Commissariat of Education.

Elena Bespiatova

Moscow Institute of Technology, Moscow, Russia

E-mail: elena_besp@list.ru

Innovative Potential of Socio-Economic Studies in Soviet Russia in the 1920s: Methodological Aspect 416

The article discusses the methodological framework of socio-economic studies for economic reforms in Soviet Russia. The author has found that rational planning

of the country's economic development was possible and that the proposed innovative model combined government regulation and entrepreneurial spirit.

K e y w o r d s: innovative development; NEP; mixed economy; Socialist building; economics.

Lidya Baranova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: balida48@mail.ru

'We Kindly Ask you to Withhold your Opinion...'

(To Mark the 35th Year of Exile of the Russian Intelligentsia) 427

The author analyses the concept of socialist building and its development in the 1920s. The author contends that it was Vladimir Lenin who developed the key ideas and methods of the 'cultural revolution'. In the 1920s, the practice of socialist transformation of the country started from the 'philosophy steamers', then moved on to the public debates about the fate of the intelligentsia in 1923-1925 and finished with the state trials of 1928 and 1929, followed by accelerated building of socialism in the 1930s.

K e y w o r d s: Revolution of 1917; Bolsheviks; 'cultural revolution'; exile; 'philosophy steamers'; intelligentsia; persecutions; Vladimir Lenin; Anatoly Lunacharsky; Nikolai Berdyaev.

Vladimir Petrov

Novosibirsk State University; Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk, Russia

E-mail: v.v.p@ngs.ru

Institutional Transformations of Higher Education in Russia in the Systemic Crisis Conditions 434

In the early twentieth century, the Russian society faced a systemic crisis, which showed that the existing system of higher education, which evolved in the nineteenth century and followed the European tradition, could not meet the needs of the newly emerged socialist society. This crisis led to serious changes in the form and structure of higher education. The key organizational principles of the higher education system in socialist Russia were established in 1918-1930 and remained practically unchanged throughout the twentieth century. These principles had an ambivalent impact on the development of Soviet universities.

K e y w o r d s: society; systemic crisis; science; education; university.

Andrey Shamanaev

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: shamanaev@mail.ru

'Serving the Interests of Exploitative Classes':

Mikhail Khudyakov's Views on the History of Archaeology in Russia 440

The article explores how the works of Russian pre-revolutionary archaeologists were perceived in the 1930s. The authors analyzes the work of Michail Khudyakov

‘Pre-Revolutionary Russian Archaeology Serving the Interests of Exploitative Classes’ (1933), in which he denied the importance of any achievements made by the pre-revolutionary archaeology. Mikhail Khudyakov’s views contributed to the opinion shared by the Soviet academic community about the low level of archaeological science in the Russian Empire, which explained why Soviet scholars had little interest in studying the history of archaeology.

K e y w o r d s: Soviet history; history of archaeology; historiography; Soviet ideology; Mikhail Khudyakov.

Galina Bykovskaya

Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia

E-mail: istoria_vrn@mail.ru

Socialist Project: State Regulation of Science and Technology

in the 1920s 446

The article examines the science and technology policy in the Soviet state and its development after the revolutionary events of 1917. The author points out that the new principles of regulation in this sphere were adjusted in accordance with the new economic policy and the need for radical social, economic, and political modernization reforms. The science and technology policy thus included state regulation and integration of state R&D agencies for optimization of the whole sphere.

K e y w o r d s: revolutionary modernization; science and technology policy; state regulation; People’s Commissariat for Education.

Nadzeya Ilyushenko

National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Philosophy,

Minsk, Belarus

E-mail: n.iliushenko@gmail.com

Application of Pedagogical Technologies

for Construction of the ‘Soviet Person’ 453

The article analyzes the characteristics and structure of pedagogical technologies used to construct a new personality type – the ‘Soviet Person’. These pedagogical technologies were developed within the domains of the humanities and social sciences. The specific focus of research is made on the pedagogical technology developed by Anton Makarenko.

K e y w o r d s: pedagogical technologies; technologies in the humanities and social sciences; pedagogy; Soviet Person.

Maxim Kail

Smolensk State University, Smolensk, Russia

E-mail: mvkail@mail.ru

Soviet University as a Social Engineering Project:

Ideology and Practice in the Creation of the First Soviet Universities 461

This article focuses on higher education in the early Soviet period, when the majority of the public believed in the crucial role of the Bolshevik Party and Soviet government

in social transformations after the Revolution. The author analyzes the history of the first Soviet universities and the social and management practices involved in their creation. This research also focuses on the specific cases of university centres that evolved as social engineering projects with the view to reconsider the established beliefs and to shed new light on the problem of early Soviet higher education.

K e y w o r d s: ‘Soviet University’; higher education; management; education; social project; social engineering; social history.

Section 7

THE SOCIAL DIMENSION OF THE SOVIET SOCIETY: RESTRUCTURIZATION, TRANSFORMATION, AND MOBILITY

Lyudmila Mazur

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: lmaz@mail.ru

Formation of the Soviet Society:

from the Idea of Equality to the New Inequality 470

The article discusses formation of the structure of the Soviet society, which was reflected in the 1936 Constitution, which distinguished between the two working classes – proletariat and peasantry with the intelligentsia identified as a fringe section of the society. This tripartite structure was deliberately created by legal regulation that defined the status of social groups and by social engineering such as propaganda, art, literature, and so on that reshaped public consciousness and formed new identity. The article also focuses on the decrees of the Soviet government and cinema. Cinema is particularly interesting because while it sought to meet the ideological demand of the government and construct the new reality, it also reflected the real social processes.

K e y w o r d s: structure of the Soviet society; social engineering; mechanisms of social engineering; equality; inequality.

Susanna Bagdasaryan

Sochi State University, Sochi, Russia

E-mail: Bsd73@mail.ru

Shifting Gender Relations in the Southern Rural Areas

of Russia Caused by the Revolutionary Changes of 1917–1920s 497

The article explores modernization of gender, familial, and sexual relations in urban and rural areas in Southern Russia in the 1920s. The author describes the marriage and divorce procedures in Soviet Russia, which were secularized and facilitated. At the same time, the government prioritized elimination of gender inequality in the sphere of familial and marital relations, giving equal rights to men and women. Changes in the sphere of family and marriage (equality of spouses; criticism of the dictatorial parental style; facilitating divorce; and so on) had a significant influence on the decline of the traditional extended family.

K e y w o r d s: moral principles; ideological concept; Bolsheviks; common-law marriage; divorce; Bolshevik Party leaders; peasantry.

Sergei Vorobyev

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia
E-mail: svorob.hist@gmail.com

Power and Social Engineering in Soviet Society in the 1920s and 1930s:

Practice vs. Theory 506

The article investigates the Soviet government's social engineering attempts in the 1920s and 1930s and the population's response to these measures. It is shown that the theoretical ideas of the Party leaders contradicted the real social practice. The conclusion is made that in the given period Soviet people demonstrated high levels of adaptability to rigorous social regulations and control, which negatively affected the efficiency of the social engineering project.

K e y w o r d s: Soviet society; social engineering; social practice; NEP; Stalinist modernization.

Liudmila Egorova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia
E-mail: lusegorova@yandex.ru

**Social Consciousness of the Soviet Youth
in the Context of Socialist Reconstruction 515**

This article explores the youth policy of the Bolshevik government in the Stalinist period. The author believes that it is necessary to study the history of moral upbringing of the young generation to apply this knowledge in modern conditions because it contributes to the development of young people's moral qualities and patriotism.

K e y w o r d s: life values; young generation; social consciousness; optimization; reconstruction; ideological revolution.

Zoya Kobozeva

Samara State Research University, Samara, Russia
E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru

**Meschane in the Wake of the Revolution:
Life under Re-Shaping of the Soul 525**

The article analyzes the reasons for 'neglect' of *meschane* (urban middle-class) in social history of Russia in the second half of the nineteenth century and the early twentieth century. After the Revolution, *meschane* came to be associated with the 'petty bourgeois' spirit (*'meschanstvo'*) which the Bolsheviks declared war to. Nevertheless, unlike other social groups, *meschane* did not perceive the 1917 Revolution as a pivotal turning point because they were accustomed to living in disdainful oblivion, which allowed them to develop behavioural 'texts', strategies and practices for remaining unnoticed by those in power.

Key words: *meschane*; Revolution of 1917; All-Russian congresses of *meschane*; petty bourgeois taste.

Petr Matushin

Chuvash State University, Cheboksary, Russia

E-mail: pet316@yandex.ru

**Transformation of the Youth Consciousness
in the Context of Russian Socio-Political History
in the 1920s and 1930s: Regional Dimension 536**

In the late 1920s and the early 1930s, with the view to create the new Soviet personality, the Soviet government implemented a number of projects which specifically targeted young people. This research focuses on the impact of the state ideological policy on students of higher education institutions in Chuvashia.

Key words: youth consciousness; Soviet history; ‘New Person’; historical thinking; Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic.

Dmitry Shlapentokh

Indiana University, South Band, USA

Email: dshlapen@iusb.edu

Crime, Russian Revolution and the Origins of the Soviet Regime 539

Most international researchers tend to interpret revolution as a transition from one socio-economic and political order to another. In certain cases, however, the revolution may lead to social degradation and an increase in crime, which is exactly what happened during the Russian Revolution(s) and the Civil War (1917–1918). The Red Terror and the moral numbness, which was one of the manifestations of the totalitarian state, were to a certain degree caused by this degradation.

Key words: Russian Revolution; Soviet regime; Soviet society; Red Terror; crime.

Sergey Shmelev

Samara State Socio-Pedagogical University, Samara, Russia

Email: sershmel@mail.ru

**Everyday Life of Communist Party Members
in the NEP Period and the Party Ethics 549**

The article discusses the new lifestyle and daily practices of Communist Party members in the NEP period, focusing on the questions of the Communist Party’s code of conduct. The Party ethics became particularly important in this period when ‘petty-bourgeois attitudes’ and ‘moral decadence’ were on the rise.

Key words: new lifestyle; Communist Party ethics; ‘moral diseases’ of the Communist Party; supervisory committees.

Section 8
 ‘FROM MOSCOW TO THE BORDERLANDS’:
 SYMBOLS AND PROBLEMS
 OF STATE-SPONSORED TERRITORY EXPLORATION

Bugrov Konstantin

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
 Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia
 E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

**Topography of the Leaders. In Honor of Whom were
 the Soviet Cities, Districts and Streets Called in the 1930s? 561**

This article discusses formation and functioning of the ‘Soviet Pantheon’, which consisted of the Bolshevik leaders of the Stalinist period who had their own mythology and iconography, which was particularly significant for the political culture of the pre-war USSR. One of the key attributes of these Pantheon members was a special topography or the system of geographical objects renamed in their honour. In the post-revolutionary period, the renaming practices were dominated by the ‘canon of martyrs’, that is, objects were renamed to commemorate local heroes of the Revolution and the Civil War, but in the Stalinist period, ‘the canon of leaders’ started to predominate. We used materials of the 1939 Census to analyze the renamings of city districts and found that the renaming practices in different types of cities and towns were extremely diverse, which means that there was no single dominant ideological network controlled from the centre. At the same time the number of districts renamed after various Soviet leaders allows us to identify those of them who constituted the Soviet Pantheon.

K e y w o r d s: USSR; topography; Stalinism; renaming of geographical objects; city districts.

Elena Golovneva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
 E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Ivan Golovnev

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
 Institute of History and Archaeology, Ekaterinburg, Russia
 E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

**Representations of Soviet Republics in *Kulturfilms*
 (Analysis of Film Scripts of ‘Sibtechfilm’ Studio) 571**

The analysis of the previously unpublished archival materials has brought to light the problem that has been insufficiently studied by Russian historians – representations of Soviet republics in Soviet documentary films of the 1930s. The so-called ‘*kulturfilms*’ were a part of the Soviet cultural policy and were used by the government as ideological propaganda to promote the integration of regions within the USSR.

K e y w o r d s: kulturfilm; cinema in the 1930s; national policy; representations of regions; ideology; construction; USSR.

Evgeniy Rozenblat

Brest State University, Brest, Belarus

E-mail: Rozen-j@list.ru

Sovietization of Western Belarus in 1939–1941:**Marginalization of the Jewish Population 579**

The article describes the role that the Jewish population played in the process of socio-political development in Western Belarus after this region had joined the USSR. The article discusses relations between the Polish, Belarussian, and Jewish population in 1939-1941 and the factors that shaped anti-Semitism in this region.

K e y w o r d s: sovietization; marginalization; Western Belarus; Jewish population; anti-Semitism; Soviet power.

Tatiana Samsonova

Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: ashberry@mail.ru

Formation of the Nation-State Identity in the USSR:**Achievements, Problems, and Lessons Learnt 587**

The author investigates how the Soviet nation-state identity evolved in the conditions of the political, economic, and socio-cultural transformations; discusses the identity problems Russia faced after the collapse of the Soviet Union in 1991; and points out the factors that shaped the development of civil virtues of Russian people.

K e y w o r d s: Russia; nation-state identity; patriotism; Soviet people.

Tatyana Solovieva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: solovyeva-tv@el.ru

Ural Region as a Utopia 594

The article explores attitudes of the Ural public to prospects of the region's economic development prior to the zoning division. These attitudes and expectations to a great extent determined zoning on the regional and local levels and thus turned into a kind of development program for the Urals. The conclusion is drawn that this vision of the future impeded the region's development not only because it was utopian (for example, digging water canals or using wind power) but also because it strove to solve all the economic problems on the local level (local electrification and types of fuel).

K e y w o r d s: Ural Region; zoning in the Urals; Ural industry; territorial system of industrial management.

Galina Tkacheva

Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia

E-mail: tkacheva@bmail.ru

Administrative and Regional Transformations of the Far East**in the Context of Soviet Modernization in 1922–1941 611**

The article explores the administrative and regional transformations initiated by the government in order to meet the goals of economic specialization, develop communications, and enhance balanced population distribution across the territory of the Far East in 1922–1944. In this region, the government implemented six large-scale administrative projects. The resulting administrative division of the territory not only corresponded to the socio-political structure of the Soviet society but also to the top-down administrative system of the country's planned economy. Command governance was characterized by centralized hierarchical decision-making and thus determined further development of the Far East in the conditions of accelerated modernization of the Soviet state.

K e y w o r d s: Far East; USSR; modernization; administrative and regional transformations.

Section 9

THE 'NEW PERSON': PROJECT AND CONSTRUCTION PROCESS

Andrey Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

E-mail: baranovandrew@mail.ru

Thermidor in the System of Social Expectations in the NEP Period (Based on OGPU Reports) 617

The article examines the effects that distorted political communication had on the public opinion in the NEP period. Thermidor, that is, counter-revolution and the collapse of the Bolshevik regime, was impossible in the 1920s. This topic, however, was persistently reproduced in the expectations of various social groups and gradually acquired new, sometimes contradictory meanings depending on these groups' interests. The analysis of reports of the Joint State Political Directorate (OGPU) demonstrates the dynamics of public opinion in the Thermidor period and provides a broader political context for these social expectations.

K e y w o r d s: NEP society; social expectations; Thermidor; Joint State Political Directorate (OGPU).

Elena Barysheva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: Barysheva.ev@gmail.com

'Everybody Seems to Be Having Fun': Soviet Holiday as a Mechanism for Constructing Social Behaviour 625

The article examines the Bolshevik government's attempt to regulate people's social behaviour in the 1920s and 1930s. Soviet national holidays were used to impose new values and ideals on the Soviet public, to develop a new model of social behaviour.

Key words: national holidays; parade; spiritual values; emotional state; social behaviour

Svetlana Bykova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: sibykova@mail.ru

**Revolution as Justification:
Interpretation of Personal (Co-) Participation
in Political Persecutions of the 1930s 631**

The article investigates the problem of the complex, ambivalent relationship that existed between the revolutionary ideology and pragmatic goals pursued by the government. Soviet people, who strove to create a new society based on social justice, supported the government's persecutions of 'counter-revolutionaries' and wrote reports on their neighbours and colleagues to secret police agencies, which brutally abused their prisoners. During the period of purges, people often justified their behaviour by the need to 'protect the Revolution'.

K e y w o r d s: October Revolution; Stalinism; political persecutions; Soviet justice system; reports to the secret police; 'revolutionary justice'.

Natalia Veselkova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: vesselkova@yandex.ru

**'The History of Factories and Plants' by Alexey Malenky:
the Project and the Portrait 641**

Maxim Gorky initiated a grass roots project to write and publish articles and documents about the history of factories and plants. The article compares the strategies used by this project with those of modern social science such as case-study, biographical method or action inquiry. One of the contributors to Gorky's project was a feature writer Alexey Malenky, who worked in the Urals from 1928 to 1937 and created 'The History of Nadezhdinsk Factory'.

K e y w o r d s: 'The History of Factories and Plants'; Nadezhdinsk; Alexey Malenky; case-study; biographical method; action inquiry; subjectivity.

Irina Darenskaya

Nizhny Tagil Branch of the Russian State Professional Pedagogical University,

Nizhny Tagil, Russia

E-mail: ivilinych@mail.ru

**Representation of the USSR as a 'Besieged Fortress'
in the Context of Militarization of Public Consciousness
in the Urals between the 1920s and 1930s 649**

The article discusses how the representation of the Soviet state as a 'besieged fortress' was constructed as a part of social and political mobilization. It is demonstrated how the concept of military threat was substantiated and communicated to the public through the discourse of official propaganda to militarize public consciousness and public life.

K e y w o r d s: military threat; official propaganda; militarization; public consciousness; public life.

Viktor Isaev

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of History,
Novosibirsk, Russia
E-mail: History49@mail.ru

**Revolution in Daily Life: Changes in the Life
of the Siberian Urban Population during the First Five-Year Plans 658**

The article investigates the project of communist transformation of people's everyday life and its implementation in Siberia in the period of Stalin's socialism. The article describes the main spheres of everyday life that this social policy was aimed at. The conclusion is drawn that although the Communist government's attempts to transform daily life were utopian in nature, they included some unusually advanced elements.

K e y w o r d s: socialist lifestyle; collectivization of everyday life; Soviet state; communes; cultural revolution; cultural crusade; building of socialism.

Daniele Lanza

Saint-Petersburg State Polytechnic University,
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: Dnl.lanza@gmail.com

**From the 'Imperial Person' to the 'Soviet Person':
a Long Way of the Twentieth Century Russian Anthropology
in Search of the New National Identity 669**

Anthropology in its two main branches (cultural and physical anthropology) tends to be deeply affected by the fundamental policies of nation states. The role of anthropology and its goals correspond to the society's functional needs. This article focuses on the role of anthropology in the USSR and traces back its development in the context of formation of the new nation state and society. The connection between anthropology and the state doctrine of the 'New Person' is discussed.

K e y w o r d s: Soviet person; anthropology; nationalism; ethnography; ethnology.

Nadezhda Makarova

Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia
E-mail: makarovanadia@mail.ru

**The New Person in Magnitostroy:
Construction of the Emotional Repertoire 675**

The article analyzes diverse historical sources and discusses how the Soviet government created the specific emotional regime and emotional practices in the new industrial centre of Magnitogorsk in the period of accelerated industrialization. The idea of cultivating the new Soviet personality acquired particular significance in the Soviet state in the first post-revolutionary years. Magnitogorsk was seen as a city that was devoid of vices of capitalism, which made it suitable for constructing a special emotional space. Thus, this city was used as a platform for Soviet experimen-

tation. The author focuses on the case of Magnitogorsk emotional community and shows that the government strove to impose a certain set of normative emotions, official practices and the corresponding emotives on the local population to ensure social support for the existing political regime.

K e y w o r d s: history; history of emotions; emotional regime; new city; industrialization; Ural; Magnitogorsk.

Tatyana Pantuhina

Kurgan State University, Kurgan, Russia

E-mail: Prokopiewa.m@yandex.ru

Mythogenesis in the Historical and Cultural Context of 1917 683

Mythogenesis was crucial for history and culture of the twentieth century. Political and ideological myths created images of alternative social reality in Russia in 1917, which proved to be attractive for the broad public.

K e y w o r d s: Myth; mythogenesis; political and ideological myths; representations; social reality; mythological consciousness.

Irina Polyakova

Smolensk State University, Smolensk, Russia

E-mail: Alisapolyak2810@mail.ru

Psychological Mechanisms of Social Engineering 688

The article discusses psychological mechanisms of social engineering and conditions that enabled the government to influence mass social practices. The author analyses the mechanisms of cyclicity, passive perception, systematic and excessive circulation, emotional engagement as well as dynamics and technical aspects of these mechanisms' functioning, which ensured commonality of patterns of perception, emotional reactions and thinking among the members of cultural and historical community.

K e y w o r d s: cultural and historical development; social transformations; mechanisms of social engineering; crisis of development; behaviour patterns; operational and technical patterns; passive perception; social attitude.

Aleksandr Khlevov

Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: hlevov@mail.ru

Anna Koskova

Crimean Federal University, Simferopol, Russia

E-mail: annet-yurkina@mail.ru

The Image of the 'Forthcoming War' as an Element of the Soviet National Identity in the 1920s and 1930s 693

The article analyzes diverse social representations of the future war found in various strata and groups of the Soviet society in the 1920s and 1930s. The conclusion

is made that the anticipation of war and preparations for it constituted an important factor of the national and cultural identity. Prospects for further research are outlined.

K e y w o r d s: World War I; World War II; Soviet identity; propaganda; mass consciousness.

Sergey Khomyakov

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Ulan-Ude, Russia

E-mail: khomyakov777@yandex.ru

**Cultural Symbols and Myths of the Russian Empire
and their Transformation in the Soviet Ideological System 702**

The revolutionary events of October 1917 marked the beginning of the project that was unprecedented in scale and aimed to construct the first in the world socialist state. What made this task particularly challenging was the constraints imposed by the hostile external environment and the uniqueness of this experiment – there were no other similar cases of socialist statehood in the world and therefore no similar experience. Thus, although the Bolsheviks declared that they were going to break away from tradition, they could not launch the new state mechanism without resorting to the heritage of pre-revolutionary Russia, which was especially obvious in the cultural sphere of the Soviet state in the 1920s.

K e y w o r d s: public consciousness; cultural symbol; sign system.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОЦЕНКИ, МНЕНИЯ, СУЖДЕНИЯ

<i>Поршинева О. С.</i> «Новый человек» как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии	6
<i>Горбачев О. В.</i> «Советский проект» в западной историографии	19
<i>Шепелева В. Б.</i> Инверсионная концепция Октября и нэпа и проблема революционно-демократической альтернативы	30
<i>Козлов А. С.</i> Современная англо-американская историография о политике СССР 20–30-х гг. как «проявлении византизма»	40
<i>Ермишин О. Т.</i> Политическая публицистика и историософия Б. В. Яковенко (1917–1922) ...	49
<i>Некрасов С. Н.</i> Встреча В. И. Ленина и Г. Д. Уэллса: как фабианский утопист и революционный реалист оценивали связь революции и культуры	56
<i>Романовский В. К.</i> Советская Россия 1920-х гг. в оценках Н. В. Устрялова	62
<i>Тепляков Д. А.</i> Концепция социалистического общества в «Красной звезде» Александра Богданова	71
<i>Терешина О. В.</i> Октябрьская революция в американской научной прессе 1918–1922 гг.	78
<i>Байбатырова Н. М.</i> Интерпретация идеологии социализма и событий советской истории в публицистике русского зарубежья второй половины XX в.	87
<i>Грибан И. В.</i> Эпоха революций на страницах российско-германского учебника истории: истоки и последствия	93

Раздел 2

ГОЛОСА ИСТОРИИ: ОТ ИСТОЧНИКА К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

<i>Ефимов А. А.</i> Опыт разработки базы данных «Всероссийская перепись членов РКП(б). 1922 год. Екатеринбургская губерния»	99
---	----

<i>Мальшева С. Ю.</i> «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий	103
<i>Рыков В. М.</i> Газета «Забайкальский рабочий» – большевистский орган реконструкции сознания провинциального читателя (март 1917– июнь 1918 г.)	111
<i>Сапон В. П.</i> «Что произойдет после смерти Ленина?» Прогнозы и мифы американских СМИ о переменах в советском руководстве в 1922–1924 гг.	121
<i>Трофимов А. В., Клинова М. А.</i> Эволюция образа Октябрьской революции на страницах журнала «Крокодил» в 1920–1930-е гг.	130
Раздел 3 ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ? УТОПИИ НАРОДОВЛАСТИЯ И РЕАЛИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	
<i>Анфертьев И. А.</i> Военно-политический и экономический кризис правящей РКП (б) на рубеже 1919–1920-х гг. и меры по его преодолению	139
<i>Архипова Т. Г.</i> Реформы государственного аппарата 20–30-гг. XX в. в СССР в контексте социального проектирования	152
<i>Бондарь В. А.</i> Конструирование партии большевиков как инструмента власти в раннесоветском обществе: идеи и их реализация	160
<i>Ирвин Д.</i> Революция, Гражданская война и истоки советского коммунального управления, 1917–1922 гг. (на примере Екатеринбурга)	167
<i>Меерович М. Г.</i> «Кто не работает, тот не живет ...» – советская система принуждения к труду (трудовые книжки, паспорта, прописка)	176
<i>Щербаков А. С.</i> Советы – власть народная? К вопросу о трансформации органов местной власти	187
<i>Безверхова С. В.</i> Революционная законность как социалистический проект	194
<i>Тарасютина Е. В.</i> Проблемы нотариата и наследственного права в первые годы советской власти	203

Белоногов Ю. Г.

- Традиции и новации советского законодательства
по укреплению трудовой дисциплины в 1938–1940 гг. 213

Раздел 4

ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ: МЕЖДУ КОММУНОЙ И РЫНКОМ

Килин А. П.

- Новая экономическая политика как модель управления:
проблема интерпретации 222

Гагиева А. К.

- «Огосударствление» кооперации как элемент формирующейся
административно-командной системы управления (1917–1920) 232

Гатауллина И. А.

- НЭП в Среднем Поволжье: региональное измерение
осуществления проекта большевистской реконструкции 240

Запарий В. В.

- Военная промышленность в контексте социальных преобразований
в России: 1917–1941 гг. 248

Заельская С. А.

- Роль потребительской кооперации Южного Урала
в социалистических преобразованиях в экономике
в годы Гражданской войны 259

Зубкевич Л. А.

- Кооперация как переходная форма общественного развития
в контексте исторических периодов изменчивых состояний процесса
развития человечества (вторая половина XIX в. – первая треть XX в.) 266

Кондратюк Г. Н.

- Социалистическая реконструкция промышленности и коренизация
в Крымской АССР: факторы взаимовлияния (20–30-е гг. XX в.) 274

Мельников Н. Н.

- Реализация плана ГОЭЛРО на Урале: от первых сетевых объединений
до единой энергосистемы региона (1920–1930 гг.) 284

Ольшевский В. Г.

- «Безденежный социализм»: утопия, не ставшая проектом 292

Семерикова О. М.

- Сельскохозяйственные трудовые коммуны
в уральской деревне (1918–1925 гг.) 300

Соловьева И. А.

- Реализация права на труд в Вятской губернии в условиях нэпа 312

<i>Фельдман М. А.</i> «Генеральный план развития Уральской области: на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью	322
--	-----

Раздел 5

ГОРОД КАК ОБЪЕКТ И ПРОСТРАНСТВО
СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ

<i>Быстрова Т. Ю.</i> Между разрушением старого и заигрыванием с властью: архитектурная практика М. Я. Гинзбурга в 1920–30-х гг.	333
<i>Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Заболотных Е. А., Торвальдсен Г.</i> Религия в ландшафте раннесоветского города: идеи, мифы, смыслы (на примере Екатеринбурга–Свердловска)	340
<i>Кириллов В. М.</i> Формирование концепта «соцгород» и идентичность его строителей (на материале Нижнего Тагила 1920–1930-х гг.)	354
<i>Сибиряков И. В.</i> Севастопольский эксперимент: опыт конструирования нового советского культурно-исторического пространства города	364
<i>Упоров И. В.</i> Проекты решения жилищной проблемы для пролетариата в первые годы советской власти	373

Раздел 6

КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

<i>Ершова Г. Г.</i> Культурная революция как механизм трансформации общества	381
<i>Садовский Я.</i> Сталинизм как следствие гибели утопии	389
<i>Славко Т. И.</i> Принципы формирования советской системы высшего образования и социальные последствия ее функционирования в 1920-е – начале 1930-х гг.	399
<i>Долгова Е. А.</i> «Проектная наука»: ученые и механизм государственной поддержки научных инициатив в постреволюционные годы	405
<i>Беснятова Е. Б.</i> Инновационный потенциал социально-экономических исследований в советской России (1920-е гг.) : методологический аспект	416

<i>Баранова Л. Я.</i>	
«Потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться ...» (к 95-летию высылки гуманитарной интеллигенции)	427
<i>Петров В. В.</i>	
Институциональные трансформации российской высшей школы в условиях системного кризиса	434
<i>Шаманаев А. В.</i>	
«На службе эксплуататорских классов»: история археологии России в представлениях советского ученого	440
<i>Быковская Г. А.</i>	
Социалистический проект: управление научно-технической сферой в 1920-х гг.	446
<i>Ильюшенко Н. С.</i>	
Конструирование «советского человека» средствами педагогических технологий	453
<i>Каиль М. В.</i>	
Советский университет как социоконструирующий проект: идеология и практика в создании первых советских университетов	461

Раздел 7

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ, ТРАСФОРМАЦИЯ И МОБИЛЬНОСТЬ

<i>Мазур Л. Н.</i>	
Формирование социальной структуры советского общества: от идеи равенства к новому неравенству	470
<i>Багдасарян С. Д.</i>	
Сдвиги в гендерных отношениях сельского социума юга России под влиянием революционных изменений 1917–1920-х гг.	497
<i>Воробьев С. В.</i>	
Власть и социальное конструирование советского общества в 1920–1930-е гг.: практика против теории	506
<i>Егорова Л. И.</i>	
Социальное сознание советской молодежи в контексте социалистической реконструкции	515
<i>Кобозева З. М.</i>	
Мещанство, проснувшееся после революции: жизнь в конструировании души	525
<i>Матюшин П. Н.</i>	
Трансформация молодежного сознания в контексте социально-политической истории страны в 20–30-е гг. XX в.: региональный аспект проблемы	536

<i>Shlapentokh D.</i> Crime, Russian Revolution and the Origins of the Soviet Regime	539
<i>Шмелев С. А.</i> Быт коммунистов эпохи нэпа и вопросы партийной этики	549

Раздел 8

«ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН»:

СИМВОЛЫ И СПОСОБЫ ОСВОЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

<i>Бугров К. Д.</i> Топография вождей. В честь кого называли городские районы в сталинском СССР?	561
<i>Головнёва Е. В., Головнёв И. А.</i> Конструирование образов территорий СССР средствами культурфильмов (на материале анализа литературных сценариев киностудии «Сибтехфильм»)	571
<i>Розенблат Е. С.</i> Советизация Западной Беларуси в 1939–1941 гг. и процесс маргинализации еврейского населения	579
<i>Самсонова Т. Н.</i> Формирование национально-государственной идентичности в СССР: достижения, проблемы, уроки	587
<i>Соловьёва Т. В.</i> Уральская область как утопия	594
<i>Ткачева Г. А.</i> Административно-территориальные преобразования Дальневосточного региона в условиях модернизации СССР 1922–1941 гг.	611

Раздел 9

«НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»:

ПРОЕКТ И ПРОЦЕСС КОНСТРУИРОВАНИЯ

<i>Баранов А. В.</i> Термидор в системе общественных ожиданий нэповского общества (по материалам информационных обзоров ОГПУ)	617
<i>Барышева Е. В.</i> «Кругом кажется весело»: советский праздник как механизм конструирования социального поведения	625
<i>Быкова С. И.</i> Революция как оправдание: интерпретации личного (со)участия в политических репрессиях 1930-х гг.	631
<i>Веселкова Н. В.</i> История фабрик и заводов Алексея Маленького: портрет и проект	641

<i>Даренская И. В.</i> Конструирование образа СССР как «осажденной крепости» в контексте милитаризации общественного сознания на Урале на рубеже 1920–1930-х гг.	649
<i>Исаев В. И.</i> Революция в сфере быта: изменения повседневной жизни городского населения Сибири в годы первых пятилеток	658
<i>Ланца Д.</i> От человека имперского до человека советского: долгий путь антропологической науки в России XX века в поиске новой национальной идентичности	669
<i>Макарова Н. Н.</i> Новый человек на Магнитострое: конструирование эмоционального репертуара	675
<i>Пантюхина Т. Л.</i> Мифотворчество в историко-культурном контексте 1917 г.	683
<i>Полякова И. В.</i> Психологические механизмы социального конструирования	688
<i>Хлевов А. А., Коскова А. С.</i> Образ «будущей войны» как элемент национально-государственной идентичности в СССР 1920–30-х гг.	693
<i>Хомяков С. В.</i> Культурные символы и мифы имперской России и их трансформация в советской идеологической системе	702
Сведения об авторах	709
Summary	716

Научное издание

Эпоха социалистической реконструкции:
идеи, мифы и программы
социальных преобразований

Сборник научных трудов

Редактор *Е. Е. Крамаревская*
Корректор *Е. Е. Крамаревская*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 26.12.17
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 43,83. Тираж 150 экз. Заказ 359

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: + (343) 389-94-76, 358-93-22

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

Сайт: <http://print.urfu.ru>

